

Вид с горы Скопис

Роман
ТИМЕНЧИК

Ахматова
в 60-е

Том 1

Роман
ТИМЕНЧИК

Последний поэт
Анна Ахматова
в 1960-е годы

Том 1

Роман
ТИМЕНЧИК

Последний поэт
Анна Ахматова
в 1960-е годы

Издание 2-е
исправленное и расширенное

Том 1

«ГЕШАРИМ»
ИЕРУСАЛИМ

«МОСТЫ КУЛЬТУРЫ»
МОСКВА

Издано при финансовой поддержке:

blondinka.ru
агентство результативной рекламы

Роман Тименчик

Последний поэт. Анна Ахматова в 60-е годы. Издание второе, исправленное и расширенное. — М.: Мосты культуры / Гешарим, 2014. Т. I. — 592 с. + вклейка.

ISBN 978-5-93273-399-8

Пилотное издание этой книги, выпущенное десять лет назад ограниченным тиражом, удостоилось премии Андрея Белого (2006, номинация «Гуманитарные исследования») и Efim Etkind Prize (2008, номинация «За лучшую книгу о русской культуре»), вызвало оживленное обсуждение в российской и зарубежной печати и давно исчезло с книжных прилавков.

Во втором, расширенном более чем в полтора раза издании (снабженном усовершенствованной системой указателей) учтены ранее неизвестные архивные документы (в том числе изобразительные источники) и разного рода уточняющие и детализирующие сведения о последних годах «последнего поэта»

Издатель *М. Гринберг*
Зав. редакцией *И. Аблина*
Художественное оформление *П. Адамова*
Редактор *В. Нехотин*
Компьютерная верстка *И. Пичугин*
Корректор *А. Коссовская, И. Степачева-Бохенек*

Русское общество друзей
Еврейского университета
в Иерусалиме

ISBN 978-5-93273-399-8

© Роман Тименчик, 2014
© Мосты культуры/Гешарим, 2014

Но кто нас защитит от ужаса, который
Был бегом времени когда-то наречен.

Ахматова

Ведь в беге собственном оно не виновато
Да, кажется, чуть-чуть жуликовато...

Мандельштам

Никто не помнит ничего...

Пастернак

Не застали ничего!

Цветаева

Памяти Димы Борисова

Предисловие ко 2-му, расширенному изданию

В этой книге рассматривается промежуток между 5 марта 1953-го, днем смерти Сталина, и 5 марта 1966-го — днем смерти Ахматовой. Помнятся мне оба дня.

К Сталину я как-то при его жизни обращался письменно. Заболев корью и испытав первый детский страх смерти, стал искать выход из удручающего положения и быстро нашел. Печатными буквами написал ему просьбу поручить ученым изобретение лекарства от умирания (толковали потом, что и адресата волновала эта медицинская проблема). Мама сказала, что перешлет, я успокоился.

Анна Каминская рассказывала мне, что у нее, как у всех советских школьников, он постоянно жил в голове. Как-то в троллейбусе она спросила Ахматову, что, если Сталин войдет в троллейбус — как мы его узнаем? Та раздраженно ответила, что узнаем, потому что он маленький.

В траурный день меня вела в школу учительница в первом классе, наша соседка. На улице темнющим мартовским утром безутешно и безнаказанно рыдал пьяный оборванец. Я развернулся с вопросом, но учительница тоже раздраженно пресекала обсуждение, а как я узнал много позже, у ней со свежим покойником были свои счеты.

Пятого марта шестьдесят шестого вечером мне позвонил мой друг Женя Тоддес, сказал, что Би-Би-Си объявило о смерти поэта. Он тут же пришел ко мне, и мы с часок промолчали. Чувство внезапного обрыва великолепной двухвековой затеи сочеталось в те дни даже не с гражданскими, а именно что с личными чувствами. В начале нашей университетской жизни мы слушали лекции Андрея Синявского о поэзии символистов и тех, кто от них ушел. И стало понятно, что заниматься теперь надо именно этим. Недавний приговор суда двум писателям и непротивление большинства интеллигентов государственному насилию показали инфантильность шестидесятилетних прогнозов. И теперь стало понятно, что «заниматься этим» надо бы без патронажа существующего режима.

Когда Женя ушел, я сел записать конспективно то, что помнил из ахматовских ответов на вопросы в разговоре, состоявшемся за семь месяцев до сообщения зарубежного вещания.

Думается, в выхваченном для погружения хронологическом куске нет противоречия титулу книги. Календарные привязки ведь вообще, сказала и Ахматова, куда как условны. Вспоминаю разговор с одним из моих учителей, Юрием Михайловичем Лотманом в первые годы ускорения и перестройки, когда, по его словам, окошка еще не открыли, но вентилятор уже поставили. Я выразился о работах одного старшего коллеги, что это ведь по сути литературоведение сороковых годов. Хотя они вышли в 1950-е. Но ведь сороковые не прямо в сороковых и кончились, объяснился я. «А кто Вам сказал, что они вообще кончились?», — срезал Юрмих.

Почему я вообще после занятий историей модернистской культуры начала прошлого века заявился в эту немую глушь? Не только потому, что при попытке выгородить и описать один из интерьеров русской литературы того века в согласии с моим пониманием методики истории словесности можно было рассказать — взяв полуцитату из титульного персонажа, — «как прошлое», наиболее для меня интересное, «в грядущем» оттепельном климате «тлело». Пожалуй, тому были еще три причины. Начну с последней.

В-третьих потому, что то было время, в которое я жил и в которое мне хотелось спустя полвека вернуться и про которое, помимо прочего, я мог рассказать и о своих друзьях в поколении как о читателях Ахматовой. Одной из примет этого читательского поколения было именно то, что время измерялось от одной публикации Ахматовой до другой, от появления в рукописном кругообороте одного из ее неопубликованных стихотворений до следующего момента живительного дыхания. У этой фракции читательского сообщества было отчасти даже горделивое осознание присутствия при жизни последнего на излете череды вычитаний великого русского поэта. Было смутное ощущение, и для меня оно впоследствии подтвердилось, что будут еще замечательные стихи, достойные внимания и уважения фигуры, веселые и солидные имена, но та, собственно великая русская поэзия, от

хотинской оды до «Поэмы без героя», кончилась. Наверное, к этой причине относится и то, о чем сказала одна из лучших и строгих читательниц, что повествование в моей книге напоминает Маргариту из популярного романа, барражирующую с молотком над квартирами обидчиков Мастера. Если уж речь идет о личном присутствии хрониста в многофигурной толпе бурнопогодного прошлого, то при всем отмежевании от «шаткой и валкой», как говорил Мандельштам, «лирики о лирике, самого дурного вида лирического токования», я вовсе не взыскую отсутствия описывающего. Наоборот, принадлежностью филологического подхода и честной игры в нем я полагаю постоянные напоминания о возмущающем эффекте недремлющего наблюдателя, почти наглядную картинку, возникающую у читателя, когда он видит изрядно потертое клише «пишущий эти строки». Изучая поэта, надо реконструировать его адресата, сиречь исторического читателя, в соприродном ему культурном контексте (при всей неаппетитности этого контекста в данном случае — отсюда и преизбыток советского хлама в предлагаемом сочинении). И надо предьявлять себя как тоже исторического читателя, отдавая себе и другим отчет в своих персональных «горизонтах ожиданий», в своем «сентиментальном воспитании», в своем читательском «потолке». Мы комментируем тексты автора и комментируем себя. И в этом наша последовательная филологичность. Ибо этот род деятельности, из комментария возникнув, к комментарию же в своем пределе и стремится. Конечно, когда мы гадаем, из каких уголков житейского волнения склубились сладкие звуки и молитвы, мы частенько берем не по чину, но это уж профиздержки специальности.

Вторая причина — так получилось, что мне довелось после кончины Ахматовой знать многих ее близких друзей и дружить с ними «по-человечески», бытовым образом. Немало поучительного они мне рассказывали, а то, про что они рассказывали, — это была, как правило, именно Ахматова последних лет. Мне хотелось эти сведения каким-то образом свести воедино, да и просто сделать так, чтобы они не пропали. Я чувствовал долг перед ахматовскими друзьями и знакомыми, говорившими мне о ней. За десять лет, про-

шедшие с написания той книги, ушли еще и Ника Глен, Юля Живова, Зоя Томашевская, Алексей Дубов, Грейнем Ратгауз, Карло Риччо, Наташа Горбаневская. Ушел и — что безмерно огорчительно для меня, не успев прочитать ту книгу и сказать, как всегда прямо и нелिцеприятно, что он думает о ее недочетах, — соавтор мой по ахматовскому разделу нашего сорокалетней давности научного манифеста, писавшегося для зарубежного славистического издания и носившего домашнее и короткое название «Долой...!» (от этого заголовка я бы не столь решительно отступался и сегодня), а официальное и громоздкое — «Русская семантическая поэтика как потенциальная культурная парадигма» (и были мы с Юрием Левиным, Дмитрием Сегалом и Татьяной Цивьян) Владимир Николаевич Топоров.

И главная причина — потому что с 1958 года, выходя из сорокалетия страха, Ахматова завела записные книжки. Блокноты с пластмассовыми и металлическими спиралями, школьные и общие тетрадки, женевский альбом, кожаный бьюар к 300-летию воссоединения Украины с Россией, книжечки с алфавитом, лондонские «Notes», наконец, листы, вплетенные в обложки гослитовской «Тысячи и одной ночи» и тома шеститомного Лермонтова (подарок И.Н. Медведевой-Томашевской с надписью: «Да послужит сия книга черновым записям другого поэта»), — все они представляют в совокупности единый в своей разнородности и многожанровости документ. В 1996 году он был в виде транскрипции издан в Италии. Свод блокнотов и тетрадок нуждается в комментарии, который подстать многолюдному квалифицированному историко-филологическому коллективу. Но прежде чем эксплицировать отдельные записи, следовало очертить круг того информационного минимума, который понадобится для понимания любого слова, легшего на бумагу именно там и тогда — в 1958–1966 годах в Союзе Советских Социалистических Республик. Комментариев на все времена не бывает — каждый рассчитан на сегодняшний уровень читательского недоумения и полужнания. За десятилетие уровень недопонимания естественным образом повысился, и надо было бы громоздить новые объяснения,

чтобы спустить читателя с высот *realiora* в долины *realia* и этим, как говорил Н.Н. Пунин,

передать эпоху, точнее было бы сказать, ту легкую пыль времени, которая всегда поднимается и стоит над эпохой, не отражая ее полностью, но вместе с тем давая о ней достаточно конкретное представление.

Т.е. в нашем случае ввести в отплывшие на еще одно десятилетие времена и нравы, когда Ахматовой делали прическу «бабетта», когда немилая ей молодая поэтесса воспевала автоматы с газированной водой и когда, по словам другой поэтессы, Ахматовой любезной, «и “яр гардешмен” звенело, и “авара му” звучало», а еще двое из ее молодых знакомцев сочиняли под «Сиреневый туман» — «и скоро будет стерто лицо моей земли от атомных атак», когда в русскую поэзию, с одобрения Ахматовой, вошла «та Москва, которую мы видим из каждого окна», — с «древнеегипетскими ребристыми башмаками», с троллейбусами, похожими на египетские надгробья-мастабы, и прочие обстоятельства места и времени заключительных лет «ее большой невыносимой жизни», но уж этой черепахи-лиры не догнать Пелееву сыну-комментатору. Прустовская быстротекучая материя дополнительно отяготила предлагаемую книгу.

Эта книга и вообще-то о поэтовом времяборчестве, о грехе времени и о разных читательских временах.

О первом Ахматова говорила в 1927 году, сжав в торжественный амфибрахий слова апокалиптического ангела, стоящего на море и на земле:

И ангел поклялся Живущим,
Что времени больше не будет...

«Это лучшие строки, какие я знаю», — сказала АА. Время — как грех, и клятва — обещание какого-то непостигаемого «нечто». Не человеческая клятва, а божественная.

О вторых она сказала в последний год жизни (как вспоминает Томас Венцлова), что

молодое поколение, конечно, уже знает многое, но все-таки не знает и никогда не узнает, из какой грязи и крови они все растут, на какой грязи и крови все это замешано — то, чем мы живем сейчас.

Заказанное канадским университетским издательством (Захаром Давыдовым) и выпущенное совместно с Евгением Кольчужкиным (уникальный «Водолей»!) в Москве, мое исследование адресовалось прежде всего к коллегам-филологам, но неожиданно вызвало интерес и у представителей смежных дисциплин и ремесел. Им, натурально, обезвоженный стиль и кружковая семантика не всегда были понятны. Одно из их недоумений хочу задним числом разъяснить: заглавие книги отсылает к жанру трудов Б.М. Эйхенбаума о Толстом и Л.С. Флейшмана о Пастернаке.

Я почистил и подчистил некоторые фактические неточности и интерпретационные невнятности, стер некоторые отпрыски пера, огорчившие иных читателей, здравствующих и усопших. Во втором издании учтены некоторые появившиеся за истекшее десятилетие в печати документы, а также ставшие мне доступными рукописные фонды, а также впервые поступившие на архивное хранение материалы, а также сообщенные мне читателями первого издания уточняющие и расширяющие свидетельства про последние годы последнего поэта. Картина прошлого становится детальней, а шум той эпохи — все глуше, так впору повторить за героиней этой книги, записавшей 28 июля 1965-го, на следующий день после того, как набивающий эти строки оглашал ей два часа кряду, запинаясь, вопросы про подробности десятых годов:

Куда оно девается, ушедшее время? Где его обитель...

От автора перед первым изданием

Однажды Ахматова мимоходом назвала свои рабочие блокноты «Книгой жизни». Десять лет назад волей счастливого издательского решения они действительно сложились в единый текст, каковой современному читательскому вкусу так легко назначить Книгой. В ней чередуются кириллица с латиницей, конспекты с наказами, шпаргалки с книгой почетных посетителей, пробы вечного пера (авторучки тож) с записями снов, иногда загораются стиховые строки вперемешку с дэ-семь-семь-семь-ноль-три, серпазолем, пульсом 78, обмерами (объем плеч 120, длина 150) для оксфордской мантии и подсчетами гонораров.

Ахматова «Записных книжек», Ахматова закатных дней — поэт непрочитанный. Этими словами она сказала о Гумилеве, отчасти примеряя на себя и подбирая и откладывая приметы парадигматического Поэта Мироздания, которые проступали в посмертной судьбе Гумилева. Он прославился на следующий день после своей смерти, ранние его стихи популярнее поздних, личный его героизм заслоняет в нем поэта-философа и т.д. Мысль о возможной непрочитанности ее собственных стихов современниками жила в уголках ее записей и фраз.

Подступом к чтению «Записных книжек» и является предлагаемое вниманию читателей сочинение. Это — не фрагмент биографии поэта, и не монография о ее произведениях определенного периода (сохранившиеся блокноты охватывают девять последних лет ее жизни), и тем более не попытка обзора советской литературы 1960-х, сгруппированного вокруг поэта, официально в ней почти отсутствующего.

Здесь перед читателем скорее попытка обозначить те событийные рамки, внутри которых нам впоследствии предстоит разматывать библиологические нити, разглядывать становление стиховых и прозаических замыслов, восстанавливать колеблющуюся и перестраивающуюся семантику навязчивых фраз — то есть наблюдать то свойство ахматовского письма, о каком она сказала на страницах тех же блокнотов

рядом с набросанным ею клубком линий: «каждую минуту этот рисунок меняется». Так что предлагаемая книга фактически есть разросшаяся вступительная глава к дробному и пристальному путеводителю по ахматовским записным книжкам. И под этим специальным углом зрения проведен отбор фактов ее биографии, ее произведений и общественно-литературных событий.

Жанр предложенной книги и тема, таким образом сформулированная в заглавии, «Анна Ахматова в 1960-е годы», апеллирует как к классическим образцам русского литературоведения, так и к успешным опытам современной историко-литературной науки. В этого рода теме, по существу, всегда два героя, два субъекта — поэт и избранный отрезок времени, в данном случае — тот, о котором, оглядываясь, сказал Александр Володин: «Потом — надежд наивных эра, / шестидесятые года. / Опять глупы, как пионеры, / Нельзя и вспомнить без стыда».

Отношения между этим поэтом и этим временем можно определить как отношения тяжбы. Когда я единственный раз разговаривал с Ахматовой, она показала вырезку: «Видите, что там сказано? “Ахматова ведет суровый разговор с эпохой”. Помилуйте, это я-то с ней суроова?»

Можно сказать, что «обе хороши», но, во всяком случае, обязанность исследователя — выслушать обе стороны. Вторая сторона неизбежно включает в себя и тех литературных пигмеев, которых, к досаде Михаила Булгакова, вносят на своих плечах в историю литературы великие писатели.

Психологически ситуация усложняется тем, что мы тут имеем дело со вчерашним — всего лишь! — днем, и приходится совмещать две во многом противоположные оптики — историка и современника.

Если бы тема звучала как «Ахматова в 1910-е годы», мы бы без смущения стали вслушиваться в неразборчивый и составленный из мелких «шумиков», как говорил Маяковский, шум того времени. Но почему же для эпохи 1960-х (эпохи «болезненного замешательства», как говорили о временах Горация старые историки) мы должны использовать другой инструментарий? Правда, он, видимо, должен быть более тонким —

ведь отвержение этой эпохи входит в самые глубинные мотивы Ахматовой поздней, отдаваясь на поверхности текста обычно лишь намеком. И житейское, и литературное ее поведение строилось в советские годы как самоотстранение от окружающей жизни и литературы. По поводу бытовых своих размышлений она в одной записи замечает: «От всего этого надо беречь стихи». Но она же говорила в упрек Пастернаку (ограничившему во время писания романа рацион своего чтения), что поэту, как кормящей матери, в это время надо питаться всем. И ее своего рода всеотзывчивость, то, что в одном мадригале 1910-х было названо «как ты звучишь в ответ на все сердца», не могла исчезнуть из ее поэтической органики и в последнее десятилетие жизни.

Каждый раз, пробиваясь к полноте смысла ее поздней лирики, мы должны осознавать, что энергия поэтического удара всякой ее строки была производна от вложенной туда дозы согласия или чаще несогласия с услышанным или прочитанным. Постоянное, изначальное, едва ли не врожденное полемическое отторжение у нее стоит в какой-то связи с бросающейся в глаза склонностью к поэтической негации, к отрицательному эпитету, к апофатическому описанию, к стихам, начинающимся с «Нет...». По свидетельству Н.Я. Мандельштам, стих Осипа Мандельштама про человеческий рот, который негодует и «нет» говорит, портретирует Анну Андреевну. Это диалогическое «нет» соединяет Ахматову и шестидесятые годы, как, возможно, других русских поэтов с иными русскими временами. Таким, например, Владислав Ходасевич хотел видеть Державина: «Отражение эпохи не есть задача поэзии, но жив только тот поэт, который дышит воздухом своего века, слышит музыку своего времени. Пусть эта музыка не отвечает его понятиям о гармонии, пусть она даже ему отвратительна — его слух должен быть ею заполнен, как легкие воздухом. Таков закон поэтической биологии. В поэзии гражданской он действует не сильнее, чем во всякой иной, и лишь очевиднее проявляется».

Сюжетом предлагаемого повествования является частичная реконструкция внешней, если будет позволено так выразиться, части того внутреннего мира, в котором Ахматова

жила в 1960-е, составлявшегося из элементов прошлого в неразрывимой смеси с сегодняшним, где прошлое существует в виде подтекста дат, где вертикальные связи накладываются на горизонталь текущего. А перепутавшиеся в толчее кратких ахматовских записей три равноинтересующих нас аспекта суть те, которые были столетие тому назад обозначены студентом Петербургского университета Николаем Недоброво в его дневнике: «Вчера, когда я лег спать и сначала не мог заснуть, я в полузабытьи думал о расчленении истории литературы. И мне пришло в голову следующее. Изучая поэта, надо изучать отдельно три порядка явлений: все внешние влияния на поэта, его интимный творческий процесс и вообще его думу, его произведение и восприятие его человечеством».

Два слова о совмещении «должностей» историографа и очевидца.

Оглядываясь на свою жизнь, Ахматова не раз констатировала, что тот ли, этот повороты судьбы она уже проходила. То же относится и к посмертной ее биографии. Приходится повторить почти без поправок сказанное девять десятков лет назад в книге Бориса Эйхенбаума: «Поэзия Ахматовой для новых людей — не то, что для нас. Мы недоумевали, удивлялись, восторгались, спорили и, наконец, стали гордиться. Им наши восторги не нужны... Поэтому — ни слова о восторгах... Да, мы еще продолжаем свое дело, но уже стоим лицом к лицу с новым племенем...»

Мы — еще, но и — уже. Еще историографы, но уже и свидетели, носители языка, native speakers советской эпохи. Мы разумеем риторику ее лганья, семантику полуслов и перифраз, неконтролируемые подтексты. А в ахматовских блокнотах перед нами — беглая летопись ранних шестидесятых с выборочной фиксацией исторических вех и с выразительным полуумолчанием о других событиях, из коих многие уже нуждаются в подробном напоминании. Приготовляясь к изучению наследия писателя, полезно бывает составить синхронистические таблицы, сверяя наши впечатления от произведений с сеткой протекавших одновременно событий. Несколько граф такой таблицы, развернутых в повествование, ниже предлагаются читателю.

Глава
первая

1956

Всеволод
Мейерхольд.

Николай
Пунин.

Владимир
Нарбут.

Егише
Чаренц.

Анкета. — Маугли. — Климат и погода. — Четыре вхождения в советскую литературу — 5 марта 1953. — Объект, космополитка, изгой. — Досье на Ахматову и ее современников. — Первые веяния оттепели. — «Почему не издаете Ильфа и Петрова, Бабея, Зощенко, Есенина, Ахматову, Тынянова?» — 2-й съезд советских писателей: контрреволюционная маска в белом fishu. — «Und lebt die Achmatowa noch?» — «Литературная Москва». — «День поэзии. 1956» — Невстреча 1956 года. — Поэзия — одна великолепная цитата. — Родные и неродные моря и земли. — «Тога борцов за попанную правду». — Уродливые пристрастия студентов-филологов. — Польская угроза. — Плачущий следователь.

Анна Ахматова¹, гражданка СССР, русская, верующая², б/п, восстановленный член³ Союза Советских писателей⁴, и — не вдаваясь в общеизвестные подробности биографии и воспользовавшись беглой формулой из одной ненаписанной книги о ней:

Это уже тема «Маугли»: человек попадает в иную среду и сохраняет свои особенности⁵,

— проживала, по ее словам, в городе Ленина⁶ на такой же улице⁷. На даче в Комарове жила на улице Полины Осипенко⁸. В последнее тринадцатилетие жизни страна ее проживания была страной капризной оттепели⁹, метеорология которой таила угрозу ранней гибели, и не только пейзажные ассоциации¹⁰ заставляли ее при виде юношей этого времени¹¹ вспоминать давнее свое стихотворение:

Мы с Ахматовой вышли на крыльцо. И тут природа — быть может, продолжая свое соревнование с музыкой, — решила доказать, что последнее слово всегда останется за ней: над покрытым свежим белым снегом Комаровом взошла фантастическая, ослепительно яркая радуга. Любуясь этой радугой, Ахматова заме-

тила своим грудным, гипнотически значительным и внятным голосом: «Такая же погода была, помнится, в мае 1916 года». И тут она прочла свое написанное почти полвека назад стихотворение «Майский снег».

Пс. 6, ст. 7

Прозрачная ложится пелена
 На свежий дерн и незаметно тает.
 Жестокая, студеная весна
 Налившиеся почки убивает.
 И ранней смерти так ужасен вид,
 Что не могу на Божий мир глядеть я.
 Во мне печаль, которой царь Давид
 По-царски одарил тысячелетья.

Меня тогда поразила эта способность Ахматовой перекинуть мгновенный, но прочный мостик между снегом 1916 и 1965 годов с легкостью, но в то же время осознавая всю важность подобно-го, только внешне случайного соединения¹².

Природа в эти годы снова вернулась на первое место среди иносказаний об обществе, и поэтический эзопов язык был особенно склонен к ландшафтным антитезам. Например, если советская вселенная была неким садом, возделанным Сталиным-садовником, по утвержденной госстандартом метафоре («садовник и палач», заметил по поводу его немецкого партнера Мандельштам), то молодые поэты, «не сговариваясь», как заметил присяжный зоил, начали атаку на почтенный поэтический топос. А. Кушнер написал в «Молодом Ленинграде»: «Я не люблю ходить в сады: / Деревья там, как птицы в клетке», а Л. Лифшиц там же: «Вам тоже нравятся, наверно, / Те безрассудные сады, / Где не рассада и плоды, / А просто тополи и верба, / Где не степенные газоны, / А просто травы и цветы». «Есть только стремление вывернуть наизнанку общее мнение. Всем сады нравятся, а я вот оригинальный, я их не люблю»¹³.

«Сезонно-погодные» метафоры перетекали в притчи и, добывая в городской повседневности «хлеб для аналогий»

(как выражался тогда еще один молодой поэт), загадывали о социальном будущем. Добрая знакомая Ахматовой описывала современный рисунок:

Вот сидит старуха — кувалда-кувалдой. Без шеи. Без лица. Без ног. Всю засыпало снегом. Снегом засыпало и землю, и стену, и стол, где высятся огромные корзины с товаром. Засыпаны снегом разлеты голых стволов и сучьев, торжественно венчающих все это зрелище... Сегодня бумажных цветов никто не покупает. Никто не подходит. Но старуха пока держится — несокрушимая, как монумент. Ничего! Оттают цветы, подсохнут — они ведь неживые, прочные. И их купят. А как же иначе? Без этого нельзя. Всегда покупали. Есть такой порядок: делать бумажные цветы, думать, что это красиво, продавать, покупать.

А вдруг не оттают цветы? А вдруг больше не купят? А вдруг можно иначе? А вдруг и старуха не живая, а только памятник самоуверенной косности? А вдруг — конец полусонной стародавней мещанской инерции, вдруг — конец пошлости?..¹⁴

Непрочность и неокончателность десталинизации («А мы просо сеяли, а мы просо вытопчем», — резюмировала суть хроники протекших событий Инна Соловьева¹⁵) ощущались на фоне тугих сдвигов советской морали и общественного вкуса.

Послесталинские годы Ахматовой прошли в четвертом по счету ее вхождении в советскую литературу, в боевую кипучую бучу соловьев на бесптичье, иногда слегка отпихивающих друг друга локтями-крыльями¹⁶.

Первое вхождение, предвоенное, после шестнадцатилетнего отсутствия в советской печати¹⁷, было инициировано полупраздным любопытством Сталина¹⁸. Оно сопровождалось ходатайством об Ахматовой к Андрею Януарьевичу Вышинскому, подписанным Н.Н. Асеевым, К.А. Фединым, В.И. Лебедевым-Кумачом, А.А. Караваевой¹⁹, и ознаменовалось визитом нового, как выражался Иннокентий Анненский, «уставщика оргий», блестящего представителя младосоветской поэзии, свежего орденоносца²⁰. Своих высших точек оно достигло в ахматовском участии в поминках по Маяковско-

му²¹, в выходе сборника «Из шести книг»²², вскоре, впрочем, присужденного к изъятию²³, и в выдвижении на Сталинскую премию²⁴, впрочем, безрезультатном.

Этому появлению нового персонажа в советской литературе посвящено стихотворение заключенного Юрия Вейнерга:

Изящен был уют и неглубоки страсти,
 Текли часы ленивой чередой.
 Внезапно в это комнатное счастье
 Ворвался вихрь, губящий и живой.
 Когда народ сдвигает грани века,
 Когда мятеж обрушивает твердь?
 Меняется весь облик человека:
 Один — встает, другой — уходит в смерть.
 Но нет, Вы не ушли, не изменили!
 Из хрупкой раковины прежних лет
 Во весь свой рост встал мужественный, смелый,
 Не сдавшийся в борьбе с судьбой Поэт.
 Как Данте — ад, со сжатыми губами
 Пройдя, не отступив, не побледнев,
 Вы пронесли божественное пламя
 Поэзии до наших бурных дней.
 Не брань врага, не истеричный выкрик,
 Не эмигранта желчная тоска, —
 Талант Ваш с нами, революций вихрем,
 Как золото, отмытый из песка.
 От прошлого, о прошлом так немного...
 Не терн, но лавр Ваш облик отделил,
 В чеканных строках — пушкинская строгость —
 Как странно Вас переменили дни.
 О, как я горд, — какая гложет зависть,
 Когда я слышу Ваших песен звук, —
 Что как и Вы томлюсь, грущу, скитаюсь,
 Что с Вами на одной земле живу!²⁵

Второе, «военное» вхождение, вытекало из патриотических стихотворений²⁶, начатых переложением молотовской фразы от 22 июня 1941 года «Наше дело правое — враг будет

разбит, победа будет за нами»²⁷. Ахматовой было предложено подписать обращение советских женщин «Нет большого врага у женщин, чем Гитлер. Ко всем женщинам СССР, ко всем женщинам мира» наряду с летчицей М. Расковой и трактористкой П. Ангелиной²⁸. Нацистская печать благородно не годовала:

Если бы эту идиотскую истерику подписали только доярки, ткачихи, комбайнерки и трактористки, табельщицы и стахановки, мимо этого обращения можно было бы пройти без внимания, но среди подписей невежественных, хотя и полноправных граждан Советского Союза имеются и следующие имена:

Анна Радлова — писательница.

Ольга Форш — писательница.

Ванда Василевская — писательница, депутат Верховного совета.

Галина Уланова — народная артистка РСФСР, лауреат сталинской премии, орденосец.

М. Коршунова — военный врач 1-го ранга, орденосец.

Е. Корчагина-Александровская — народная артистка СССР, депутат Верховного совета, орденосец (бывшая артистка Императорского Александринского театра).

О. Книппер-Чехова, народная артистка СССР, орденосец (бедный А.П. Чехов!).

Л. Сейфулина — писательница.

А. Остроумова-Лебедева — художница.

Анна Ахматова — писательница.

А. Яблочкина, народная артистка СССР, — председатель совета Всероссийского театрального общества, орденосец (бывшая артистка Императорского Малого театра в Москве).

В. Рыжова, народная артистка, — орденосец (бывшая артистка Императорских театров).

Галина Папанина, жена дважды Героя Советского союза, почетного вице-председателя английского Королевского географического общества.

Какие звания и чины!..²⁹

Гитлер и перебил немало ахматовских читателей³⁰.

Написанные без тени криводушия³¹, ахматовские военные стихи были почти омонимичны официальной риторике³². Возможно, что и сама эвакуация ее из блокированного Ленинграда³³ была связана с наметившейся установкой на реабилитацию национально окрашенного патриотизма³⁴. Ее приветствовали и парижские младороссы:

И если теперь Ахматова, после долгого молчания, пишет и печатает опять, то среди молодых стихов ее стихи звучат не как отзвук другого века, а скорее как голос учителя в хоре учеников³⁵.

К осени 1946 года, как писала Ахматова, должно было состояться ее «полное усыновление» (С. 231)³⁶. Можно было ее показывать иностранцам³⁷, и снова заговорили о Сталинской премии — на этот раз речь завела бесшабашная Ольга Берггольц³⁸. Этот период завершился 14 августа 1946 года приснопамятным постановлением ЦК партии большевиков, прошелестевшим далеко по всей Европе³⁹, — «чтоб, — как писала Ахматова, — хихикая и не веря, иноземцы бродили вокруг...» (С. 379):

Непосредственным источником негодования Жданова было стихотворение лирического поэта, Анны Ахматовой, выражавшее одиночество, которое она испытывала, деля его со своей кошкой, во время эвакуации из Ленинграда⁴⁰.

Дело было нешуточное, и 14 августа 1946 года на заседании секретариата ЦК тов. Жданов⁴¹ волновался, как пометил в своем конспекте Всеволод Вишневский:

Жданов. Обида ЦК за Ленинград. Чувствуете? <...>

Маленков. Гнездо зощенковщ<ины> — разгромить. Нам Л <енингра>д дороже, чем Зощ<енко>. А Герман? Его хвалит... Освободить Л <енингра>д от груза — Уберем 2–3 человек — спасем тысячи...

Жданов. Перейти в наступление. Литература нам дороже Зощ <енки>.

Разработать всю теорию парт<ийного> рук<оводства> в рус<ской> лит<ературе>. Белин<ский>. Черн<ышевский> и Добр<олюбов><...>

Иск^суст^{во} для народа. <...> Передов^{ая} литер^{атура} всегда с народом. Вместе с 3 рев^{олюция}ми мы выстрадали лит^{ературу} и вокруг споры — партийна ли литература. Это тяжело переживать... Перебирать период реакции. — Идеи усталости, Санин, «Конь бледный» и т.д. Что же, повторять это? (*Волнуется*). Надо создать теорию сов^{етской} литературы... А мы растрясем стар^{ый} капитал. Куда завели, в тупик? — Отщепенцы появляются⁴².

Постановление было большой победой над врагами социализма и их гнилыми приспешниками-лжецами:

Тематика Ахматовой, ее поэзия — это поэзия индивидуалистическая, поэзия, диапазон которой расположен между будуаром и моленной. Там основное — грусть, тоска, смерть, причем любовь всегда трактуется наряду со смертью. Основная тема — это личная жизнь, личные увлечения. Эта ахматовская поэзия совершенно далека от народа, это поэзия десяти тысяч верхних, которые уже чувствовали свою обреченность, чувствовали что им недолго жить. Поэтому в некоторых местах, когда Ахматова пытается изложить свои политические взгляды, то эти ее политические взгляды на стороне прошлого, ее политические взгляды на стороне периода помещичьих усадеб времен Екатерины. <...> И вдруг на двадцать девятом году социалистической революции жив курилка, появляется музейная редкость и начинает проповедоваться как представительница высокой поэзии. А я вас уверяю, что такого рода представительниц поэзии нельзя пускать в советский огород, потому что некоторые девушки будут кончать самоубийством. А кто будет отвечать за это? И вы будете нести ответственность если будете отравлять сознание молодежи духом такой поэзии, если будете прививать такого рода тенденции, которые связаны с безудержной пропагандой свободы личности, анархической, свободы любви и прочих вещей, на чем специализировалась Анна Ахматова. Ведь то, что в «Ленинграде», я имею в виду журнал, а не город, в одном из номеров опубликованы произведения Ахматовой, начиная с 1909 года по 1944 год, в частности одно из ее ташкентских произведений, где она пишет об одиночестве. Она одинока среди нас, мы ей не компания. Вот что она пишет из Ташкента, она пишет

о черном коте, который смотрит на нее и из его глаз на нее смотрят тысячелетия. Черный кот и больше никакой компании. Что хочет подчеркнуть этим Ахматова? То, что с 1909 года она не изменилась. Прочтите стихотворения 1909 года, ведь там те же самые настроения, душещипательное одиночество, тоска, они адекватны, как в 1909 году, так и в 1946 году.

Как нужно смотреть на творчество Ахматовой? Было бы странно, если бы мы опубликовали «33 урода» или «Мелкий бес» Сологуба. Мы должны смотреть таким образом на творчество Ахматовой, что это дело далекого прошлого, для современной действительности никакой помощи, никакого интереса не представляющего, никакого интереса для нашего народа ее произведения не представляют.

Стало быть публиковать Ахматову недопустимо. Наша литература — не частное предприятие, которое рассчитано на то, чтобы потрафлять на те или иные вкусы. Некоторые руководящие работники говорят, что нельзя обидеть и т.д. Ну да, конечно, лучше со своим народом рассориться, чем с каким-нибудь авторитетом, лучше миллион на грош променять, так некоторые думают.

<...> Ленинизм признает за нашей литературой огромное преобразующее значение. Если бы наша советская литература не имела бы этого значения, если бы наша советская литература пошла за ахматовыми и зощенко, — это означало бы возвращение к темноте и варварству, возвращение к каменному веку, ибо это настолько реакционно, настолько уже пройденный этап, что кажется странным, что на такую тему приходится говорить во второй половине 1946 года — что лозунг «Искусство для искусства» — это мракобесный лозунг⁴³.

Силы, враждебные социализму, ничего так не хотели, как отъединить искусство от народа, добиться того, чтобы писатели «знать ничего не хотели о народе, о его нуждах и интересах, об общественной жизни» (А.А. Жданов). Вот причина, почему партия мобилизовала общественное мнение страны против вредных влияний, характеризуемых именами Зощенко и Ахматовой⁴⁴.

Большевистская партия, товарищ Сталин, всегда резко осуждают лживое изображение жизни <...> Неправду о советской жизни рассказывали Ахматова и Зощенко⁴⁵.

Ахматово-зощенковская плесень была тонкой пленкой гнили. Стоило ее удалить, чтобы забили свежие и светлые литературно-художественные источники⁴⁶.

И это был сигнал приготовиться следующему, и имя этого следующего все знали, и явно о нем, о друге своей юности, Борисе Пастернаке подумал пожизненный литературный враг Ахматовой Сергей Бобров:

Вчера вечером мне показали последний № Правды с грохочущим от гнева постановлением о Зо<ощенко> и Ахм<атовой>. О Зощенке я понимаю: отвратительно, и злило всех людей с обонянием в течение четверти века (он сродни Пильняку со своим «вкусом» и «наклонностями»), но Ахм<атова>? Просто кажется, что это слишком уж жутко для нее — это явление более мелкое, чем такие ужасы <?>. Однако ее неистовая популярность — влюбленность в нее целого ряда литераторов (не далее, как вчера Чук<овский>-junior, осыпая грязными ругательствами футуристов, сказал: «есть великие поэты — Пушкин, Баратынский, Полонский и Ахматова» — я так обомлел, что хоть и понимаю, что это бравада, но поскорей заговорил о другом, ибо, признаться, думал, что эта дурость уже скончалась!). А в общем — страшно. Не верится, что это из-за нее одной⁴⁷.

В общем, как говорил товарищ Жданов, выступая перед ленинградскими писателями:

Мы просим вас, мы умоляем вас: пишите правду!⁴⁸

Третье вхождение Ахматовой в ту же литературу было по сути дела предарестным. 24 апреля 1950 года датировано ее письмо Сталину:

Я уже стара и больна и я не могу пережить разлуку с единственным сыном. Умоляю Вас о возвращении моего сына. Моей лучшей мечтой было увидеть его работающим во славу советской науки. Служение Родине для него, как и для меня, священный долг⁴⁹.

А 14 июля 1950 года министр государственной безопасности В.С. Абакумов направил тому же адресату записку «О необходимости ареста поэтессы Ахматовой»:

Арестованный ПУНИН на допросе в МГБ СССР показал, что Ахматова, будучи выходцем из помещицкой семьи, враждебно восприняла установление советской власти в стране и до последнего времени проводила вражескую работу против Советского государства. Как показал ПУНИН, еще в первые годы после Октябрьской революции Ахматова выступала со своими стихами антисоветского характера, в которых называла большевиков «врагами, терзающими землю» [строка «На растерзание врагам»], и заявляла, что «ей не по пути с советской властью» [предыдущая строка «Не с теми я, кто бросил землю»]. Начиная с 1924 года, Ахматова вместе с ПУНИНЫМ, который стал ее мужем, группировала вокруг себя враждебно настроенных литературных работников и устраивала на своей квартире антисоветские сборища. По этому поводу арестованный ПУНИН показал: «В силу антисоветских настроений я и Ахматова, беседуя друг с другом, не раз выражали свою ненависть к советскому строю, возводили клевету на руководителей партии и Советского правительства и высказывали недовольство по поводу различных мероприятий советской власти... У нас на квартире устраивались антисоветские сборища, на которых присутствовали литературные работники из числа недовольных и обиженных советской властью...» <...> Об этом арестованный [Л.Н.] ГУМИЛЕВ показал: «В присутствии Ахматовой мы на сборищах без стеснения высказывали свои вражеские настроения... ПУНИН допускал террористические выпады против руководителей ВКП(б) и Советского правительства...» Говоря о последующей своей преступной связи с Ахматовой, арестованный ПУНИН показал, что Ахматова продолжала вести с ним вражеские беседы, во время которых высказывала злобную клевету против ВКП(б) и Советского правительства. ПУНИН также показал, что Ахматова враждебно встретила Постановление ЦК ВКП(б) «О журналах “Звезда” и “Ленинград”», в котором было подвергнуто справедливой критике ее идеологически вредное творчество. Это же подтверждается и имеющимися агентурными материалами. Так,

источник УМГБ Ленинградской области донес, что Ахматова в связи с Постановлением ЦК ВКП(б) «О журналах “Звезда” и “Ленинград”» заявляла: «Бедные, они же ничего не знают или забыли. Ведь все это уже было, все эти слова были сказаны и пересказаны и повторялись из года в год... Ничего нового теперь не сказано, все это уже всем известно. Для Зощенко это удар, а для меня только повторение когда-то выслушанных нравоучений и проклятий». МГБ СССР считает необходимым Ахматову арестовать. Прошу Вашего разрешения⁵⁰.

Н.Н. Пунин писал дочери из концлагеря летом 1952-го:

Акума висела на волоске. Вероятно, ее спасли стихи в «Огоньке»⁵¹.

Это вхождение уже и к никакой литературе отношения не имело. Она написала цикл «Слава миру»⁵², напечатанный в журнале «Огонек» и предназначенный спасти арестованного в третий раз сына. Просьба о милости должна была сопровождаться не высказанным прямо аргументом, который 13 февраля 1951 года во внутренней рецензии на представленный в издательство «Советский писатель» сборник «Слава миру», пожурив фрагмент «Поэмы без героя» —

Непонятно, что автор имеет в виду. Что стало прахом? И дальше:

И себе же самой навстречу <...>
Ураганом с Урала, Алтая
На призыв Вождя молодая
Шла Россия спасать Москву.

Если автор дает образ России в виде женщины, идущей «сжимающая уста» и «опустивши глаза сухие», образ прекрасный, то непонятно, что же идет навстречу? Она себя видит в зеркале?

Но где же реальная Россия, которая идет с Урала, с Алтая... спасать Москву? Мне кажется, что этот двойной образ с зеркалом несколько надуманный и непонятный, —

заметив от чистого сердца про последнюю строфу стихотворения «21 декабря 1949 года»:

Она мне кажется прекрасной:

И вольно думы их летят к столице славы,
 К высокому Кремлю — борцу за вечный свет,
 Откуда в полночь гимн несется величавый
 И на весь мир звучит, как помощь и привет.

вывел напоследок А. Палладин:

Не считая отдельных мелочей, этот сборник, по-моему, является ценным вкладом в советскую поэзию. <...> Отчетливо видно, какую громадную работу проделала Ахматова и как ей помогла мудрая критика тов. Жданова и всей литературной общественности⁵³.

Когда в последние годы Ахматову спрашивали, что же ей все-таки нравится из советской поэзии, она говорила, что «у Твардовского любит “Теркина” и отдельные страницы “За далью даль”, например, про “ту старушку”»⁵⁴:

И, видя жизни этой вечер,
 Помыслить даже кто бы смог,
 Что и в Кремле никто не вечен
 И что всему выходит срок...

Но не ударила царь-пушка,
 Не взвыл царь-колокол в ночи,
 Как в час урочный та Старушка
 Подобрала свои ключи —

Ко всем дверям, замкам, запорам,
 Не зацепив лихих звонков,
 И по кремлёвским коридорам
 Прошла к нему без пропусков.

Вступила в комнату без стука,
 Едва заметный знак дала —
 И удалилась прочь наука,
 Старушке этой сдав дела...

«Грядущей смерти годовщину» и день кончины Сергея Прокофьева⁵⁵, пятого марта 1953 года⁵⁶, когда поэты корпели над так и не востребованным социальным заказом⁵⁷, героиня нашего повествования, «грузная, серебристоволосая женщина» не вполне стандартного советского облика, на взгляд заезжего англичанина «выглядевшая совершенно по-буржуазному»⁵⁸, — встретила:

- кардиологической больной (С. 230)⁵⁹,
- разрабатываемым объектом⁶⁰ и — с устного разрешения ЦК⁶¹
- «старушкой-переводчицей»⁶² (как в шуточных стихах Мандельштама о Марии Петровых),
- составительницей набора таких, по слову персонажа ее товарища по партии осужденных народом Михаила Зощенко, простых и маловысокохудожественных слов⁶³:

Первая среди равных,
Славная среди славных,
Светлых времен колыбель!
Ровно треть века
Растишь человека,
Лелея великую цель.
От края до края
Всем нам родная, —
Сказочен твой простор!

или не обошедшихся без памяти о бальмонтовской пиесе про польскую панну и содержащих бродячую строчку, потом приложенную в «Поэме без героя» к Шаляпину:

Что Петровской было мечтою,
Стало былью в наш мудрый век.
Здесь усилья свои утроит,
Чтоб добиться всего, человек.
И прочнее ижевской стали
(Это значит, прочнее всего)
Слово то, что сказал нам Сталин, —
Наша слава и торжество.

А также:

— космополиткой, оклеветавшей Пушкина, якобы заимствовавшего сюжеты у американца Ирвинга⁶⁴, что вскрылось в ходе искоренения низкопоклонства, во время какового искоренения друг Ахматовой Николай Харджиев (совместно с поэтом П. Семениным) сочинял патриотические песни:

Как у наших у ворот
Ходит дядька Дидерот,
Ходит дядька Дидерот
И про Запад что-то врет.
Ой люли, ой люли, и про Запад что-то врет.
Но в советский огород
Не пролезет Дидерот.
Ой люли, ой люли, не пролезет Дидерот⁶⁵.

— и потому патентованной любимицей ура-космополитов, последышей буржуазного эстетства, «иуд⁶⁶-зубоскальников», которые голосили в сатирической поэме Сергея Васильева «Без кого на Руси жить хорошо»:

Зачем нам проза ясная?
Зачем стихи понятные?
Зачем нам пьесы новые
На тему о труде?
Подай Луи Селина нам,
Подай нам Джойса, Киплинга,
Подай сюда Ахматову,
Подай Пастернака!
Поменьше смысла здорового,
побольше от лукавого,
взамен двух тонн свежатины —
сто пять пудов тухлятины
и столько же гнильцы⁶⁷.

— и можно было бы сказать, что любимицей эмиграции, и в общей форме это было бы верно, но и там раздавались брюзжащие голоса — так, по поводу найденной в Баварских Альпах сразу после войны связке стихов «Марии С.»:

Это были образцы потаенной поэзии. В СССР есть не только катакомбная церковь, но и катакомбная поэзия и катакомбная наука. Образцом такой катакомбной поэзии, поэзии только для себя и для немногих людей, и были найденные мною стихи поэтессы Марии С. Может быть, суровый бог войны сохранил русскому народу жизнь этой поэтессы, по силе своего таланта не уступающей Анне Ахматовой, но душевно более здоровой и сильной⁶⁸.

И, наконец, — всенародно признанным изгоем⁶⁹, когда в новогоднюю ночь молодому бандерлогу могло прийти в голову позвонить ей и спросить:

«Ты жива еще, моя старушка?»⁷⁰,

а то и вовсе незначительной фигурой:

Перелистываю полученный в Париже только что вышедший том первый (от А — Й) советского энциклопедического словаря — Государственное научное издательство — «Большая советская энциклопедия», главный редактор Б.А. Введенский, подписана к печати 9 сентября 1953 года. — Невольно спрашиваешь себя: Есть ли какой-нибудь сдвиг по сравнению с прошлым? Быть может, струйка свежего воздуха обнаружится где-нибудь в энциклопедии, может быть, мы не услышим более об Аристотеле как об идеологе господствующего класса античного рабовладельческого общества, ведь должен же настать когда-нибудь такой момент, когда официальные марксистские благоглупости исчезнут со страниц словарей и энциклопедий даже в СССР. Как писателя, меня естественно больше всего интересует, что сказано теперь о писателях XX в. и о ком? Перелистываю на «А», ищу прежде всего Анну Ахматову — «Ахо, Юхани (настоящая фамилия — Бруфельд), финский писатель...». «Ахолия, прекращение поступления желчи в двенадцатиперстную кишку»; — не то, выше! — Выше: «Ахиня, вздор, чепуха, бессмыслица»; «Ахмад Дониш, таджикский ученый и писатель (1827–1897)...»; «Ахмадабад, город в 3. Индии...», «Ахмед-Шах Дураний (1724–1773)...» — нет Ахматовой! Зато есть бесконечные среднеазиатские поэты, писатели и ученые на «А», ряд советских знатных людей и ученых (с портретами)...⁷¹

Многим современникам ее были навсегда вписаны в объективки (некоторым — в обвинительные заключения⁷²) их проступки в эпоху борьбы с ахматовщиной, некоторым — по-смертно: так, А. Софронов вспомнил вдруг, что существовал

один преподаватель, читавший нам когда-то в студенческие годы по программе раздел курса о Гумилеве и Ахматовой. Он критиковал этих поэтов, критиковал их по программе советского учреждения, но надо было слышать, с какой любовью и наслаждением цитировал он те самые стихи, которые критиковались в программе ВУЗа⁷³.

Переписали всех: и тех, кто хвалил, как идеологические диверсанты —

Идеологический диверсант Гельфандбейн пытался в своих лекциях привить советской молодежи вредные, глубоко чуждые нам литературные вкусы. Он объявлял «верхом совершенства» писателя Б. Пастернака, а по поводу А. Ахматовой, захлебываясь, утверждал, что это «Пушкин в юбке»⁷⁴.

В статье А. Лейтеса выход в 1943 году ее книги стихов зачислялся в актив советской поэзии. Это протаскивание вредной, упадочнической поэзии Ахматовой не могло не сказаться отрицательным образом на творчестве некоторых начинающих молодых поэтов⁷⁵.

— и кто протаскивал, как друг Ахматовой композитор Алексей Козловский —

Вдруг встал Олесь Чишко и сказал: «Товарищи, а как нам быть с теми композиторами, которые пишут музыку на слова Ахматовой? Можем ли мы терпеть их в нашей среде?» Председатель Союза спросил, кого он имеет в виду. На что Брюхоносец ответил: «Есть в Ташкенте такой композитор — не то Козлов, не то Козловский. Он дружит с Ахматовой и пишет музыку на ее стихи. И такому человеку наш Кировский театр поручил написание оперы». Это выступление прошло при гробовом молчании собравшихся⁷⁶.

или как литературовед Н.Л. Степанов, про которого сообщил секретарь парторганизации Института мировой литературы:

Степанова он бранил за восхваление Анны Ахматовой... В одном случае Степанов сознался, но оказывается, что есть и другой. Ахматова восхваляется в книге Анциферова «Пригороды Ленинграда». Там Ахматова ставится выше Блока. Степанов был редактором или рецензентом⁷⁷.

— и кто превозносил, как П. Антокольский:

Поэтическая секция правления союза советских писателей организовала позорный бум для искусственного возбуждения общественного мнения в дни пребывания Ахматовой в Москве. Дошло до того, что руководитель секции поэт-коммунист П.Г. Антокольский, как сообщали некоторые товарищи, объявил вечер выступления Ахматовой вторым торжественным событием после победы над Германией.

(И выступление писателя Н. Богданова там же):

Я мог бы назвать вам целое поколение, которое воспитывалось на «Чапаеве», на Маяковском. Но я не могу назвать ни одного героя, который воспитывался бы на поэзии Пастернака, на камерной поэзии. <...> Война показала, что шло нам на настоящую пользу, что помогало воспитывать молодежь, которая так блестяще вела себя на войне. Перед концом войны я обдумывал свою будущую деятельность после войны — как это будет, и вдруг из Москвы получаю письмо от товарища: о чем будешь писать? Сейчас будет не модно писать о войне. Нужно писать о любви, о быте. Сейчас в моде в Москве Ахматова, Пастернак. Уже Вертинскому дают дорогу. Какие-то новые тенденции, новая мода после войны. Я слышу какие-то теории, что это естественно: война кончилась, отгремели громы войны, люди хотят отдохнуть и т.д. и т.д.

Я, признаться, растерялся. Я подумал, что не может этого быть <...> Но, когда я приехал в Союз писателей, я увидел, что это дуновение такого тлетворного течения здесь ощущалось. Я поражался. Как могло произойти такое выступление Антокольского (правда, говорят, он был не совсем трезв) в Клубе, ког-

да он, открывая вечер Ахматовой, сказал, что это второе событие в нашей жизни: как мы праздновали победу над Германией, так мы празднуем приход Ахматовой в этот зал. (С места: Не Ахматовой, а ленинградских поэтов)⁷⁸.

— и кто пытался было канонизировать, как Л. Тимофеев, учебник которого было приказано изъять:

И та необычайно грубая ошибка, которую автор допустил в определении стихов декадентско-мистической поэтессы Ахматовой. Сказав, что «лирическое стихотворение вызывает у нас представление об определенном типе человека, чувства которого вызваны определенными обстоятельствами жизни», он приводит в качестве образца стихотворение Ахматовой, в котором она говорит: «Но мы сохраним тебя, русская речь...» Это стихотворение могло бы относиться к любому историческому периоду России. Разве можно сказать, что здесь выражены чувства советского народа, тот советский патриотизм, в котором «гармонически сочетаются национальные традиции народов и общие жизненные интересы всех трудящихся Советского Союза» (Сталин)?

А между тем Л. Тимофеев утверждает, что в этом стихотворении «перед нами типичское переживание, вызванное типическими для страны в данный момент обстоятельствами». Это уж не ошибка, это — слепота.

Проповедница упадочничества, безнадежной тоски и мистики, безидейной, чужой советскому народу поэзии, Ахматова выглядит в учебнике как носитель реализма в поэзии. Во всей нашей литературе автор не нашел другого имени, чтобы раскрыть понятие реализма в лирической поэзии! <...> Стоя на ложных позициях в вопросе о сущности символизма, Л.Тимофеев счел возможным зачислить в реалисты и Анну Ахматову, воспитанную и выросшую в атмосфере декадентства и мистики⁷⁹.

(а надо сказать, что той осенью Л.И.Тимофеев писал по заказу энциклопедии «Британника» обзор новейшей советской литературы, и когда редакция попросила Исайю Берлина оценить присланную Москвой статью, он предложил такой текст для ответа:

Я с огромным удовольствием получил Вашу замечательную статью о русской литературе последнего десятилетия. Позвольте Вас поблагодарить за тщание и быстроту в предоставлении оной. Надеюсь, что Вы не подумаете, что я хоть в какой-то мере подвергаю критике Ваше мнение, если я задам два вопроса. У меня, доброжелательно изучающего русскую литературу, всегда вызывала очень большой интерес поэзия Ахматовой. А тут я не нашел никаких упоминаний о ее творчестве во время войны. Так же и сатирик Зощенко не упомянут — я в курсе дела, что его недавно корили инстанции, но я полагаю, что Вы согласитесь, что во время войны он пользовался определенной известностью, и это делает его, возможно, достойным упоминания.

Я, конечно, отдаю себе отчет в неимоверной трудности сжатия такой огромной темы до столь малого объема, но я бы хотел узнать, не считаете ли Вы целесообразным добавить всего несколько строчек об этих двух именах),

— кто популяризировал, как чтец М. Веревкин в программе «Строки любви»,

в которую были отобраны пошлейшие вирши Агнивцева, сдобренные сюсюкающими, слезливыми стихами Анны Ахматовой,

и чтица Кайранская в программе «Сердце поэта», где были представлены Маяковский, Пастернак, Ахматова Блок:

Что может быть общего у Маяковского, талантливейшего поэта нашей эпохи, с упадочнической поэзией Ахматовой, органически оторванной от нашей советской действительности? И не является ли такая программа прежде всего кощунством над памятью Маяковского?⁸⁰

— кто даже размножал:

Партбюро известны факты, когда некоторые товарищи (Тарасенков, Берггольц) <...> упорно пропагандировали устно мысль об исключительном качестве стихотворений Ахматовой. Есть сигналы, что в редакции журнала «Знамя» печатались на ма-

шинке и размножались далеко за пределами Москвы подпольные стихи Ахматовой⁸¹.

— кто проморгал, как начальник Дома офицеров в Москве, допустивший «вредное выступление» Ахматовой⁸²,

— кто был мягок, как студент Юрий Трифонов, что потом ему припомнил студент Игорь Кобзев⁸³,

— кто испытал позорное влияние — среди прочих, Л. Татьяничева, о которой в Челябинске М. Львов и Т. Тюринчев заявили,

что будто бы творчество Татьяничевой может служить примером безыдейности и аполитичности и что в нем якобы имеются ахматовские тенденции. Это утверждение ничем не обосновано и является, мягко говоря, досужей выдумкой <...> Творчество Татьяничевой полярно противоположно надломленной, обращенной в прошлое, безыдейной поэзии Ахматовой <...> Вызывает также удивление и то, что на общемосковском собрании писателей А. Караваева в своем выступлении поддержала версию о наличии нездоровых, ахматовских настроений в поэзии Л. Татьяничевой⁸⁴,

или Елизавета Стюарт, у которой поэт А. Жаров диагностировал ахматовщину в Новосибирске⁸⁵, (он, Жаров, вообще был огорчен положением дел —

Ведь Ахматовой с ее полным неприятием советской действительности, с ее убогой философией, с ее тоской по невозвратному прошлому, была дана возможность широко влиять на нашу литературу, в особенности на нашу писательскую молодежь. <...> Среди молодых воспитанников Литературного института мы можем увидеть и последователей Ахматовой, и в лучшем случае — Блока, Иннокентия Анненского и т.д., но последователей такого замечательного поэта, как Михаил Исаковский, я, к своему огорчению, в Литературном институте не встречал. И это также говорит о многом⁸⁶),

или Вероника Тушнова — как сигналил секретарь МК и МГК ВЛКСМ Н.П. Красавченко,

Особую тревогу вызывает то, что многие молодые поэты, которые мало работают над собой, легко поддаются чуждым влияниям. Они занимаются перепевами надуманных переживаний в духе салонной лирики Ахматовой. Эти явления заметны в творчестве В. Тушновой, В. Урина, Г. Николаевой⁸⁷.

или следующая за ней Галина Николаева —

У Галины Николаевой, несомненно талантливой и своеобразной поэтессы, ахматовские ноты также очень отчетливо звучат и очень трагически для ее таланта⁸⁸,

или латышские поэты — В.Т. Лацис сказал о В. Гревиньше:

Вы можете развернуть наугад любую страницу и повсюду вы наткнетесь на этот поразительный пессимизм, определенно вызывающий в памяти творения Ахматовой⁸⁹,

или узбекские — соответствующее собрание вел Айбек (помянутый в ташкентских стихах Ахматовой), критиковали «безыдейные интимно-лирические» стихи Уйгуна, Хамида Гуляма, из знакомых Ахматовой выступали А. Каххар, С. Сомова⁹⁰ (правда, один из узбекских писателей сказал:

Ни Зощенко, ни Ахматову я ругать не буду — это настоящие писатели. Ахматова жила у нас, — она истинный поэт! Да и прекрасную женщину обижать — великий грех...⁹¹);

в общем,— все, кого инфицировала известная своей заразностью⁹² Ахматова, как это она ненадолго сделала с комсомолкой Шевелевой:

Хожу по городу с утра.
От стужи Дон темней и строже...
На постоянные ветра
Прямые улицы похожи.

Опять видно, у кого училась Шевелева. В данном случае — у Ахматовой. Здесь ахматовский поворот образа...⁹³

или с сотрудницей кинешемской рабоче-крестьянской газеты

...и здесь роковая Ахматова провинциально переработана:

Но иногда еще нетленнее
Я ощущаю эту связь,
Когда ты вспыхнешь вдохновеньем,
На наш диванчик примостясь⁹⁴.

и все многочисленные те, кто просто ее напоминал, вроде оставшегося неопознанным, а скорее всего и выдуманного соседа по Дому творчества в оперативном амфибрахии Ивана Молчанова, навсегда запятнанного лучшим, талантливейшим поэтом эпохи. Молчановский однокорытник писал

О юности, кем-то давно позабытой,
О старой ограде у церкви разбитой,
О муках любви и сердечной прорухе...
И пр., и т.д. и т.п. в том же духе,
В стихах тут и там появлялись неожиданно
Туманы с болота Ахматовой Анны,
В уютно-тепличном лирическом стиле
И Белый, и Гофман по-свойски гостили.
Была современность, с уклоном, однако
В символику Блока, в игру Пастернака...⁹⁵

— кто отмолчался, двурушник, как Д. Данин⁹⁶, который не вступает в борьбу с действительными врагами советской поэзии:

Он не желает развенчивать Пастернака. Он молчит об Ахматовой. А между тем у Ахматовой и других представителей буржуазного декаданса есть свои последователи.

Во главе критиков-формалистов — буржуазных эстетов стал Д. Данин, унаследовавший гнусные методы космополитов, в свое время травивших Маяковского и возвеличивавших Б. Пастернака и А. Ахматову⁹⁷.

Многие сохранили память о своем бессилии⁹⁸ в ждановские дни — как ссыльная Нина Гаген-Торн:

Мы предали без обороны,
Предали на посрамленье,
На нанесенье обид.
Долгим и скорбным поклоном
Поклониться бы ей о прощении, —
Может, простит?
Стоять на ветру оставили,
Где нечистики мечутся ордами,
В свисте нежити режут туман.
Одну за себя поставили
Перед козлиными мордами
Обезьян.
Взять бы хороший камень,
Обезьян за хвосты разметать...
Связаны сами хвостами —
Не встать.
Что лежим мы, глаза потупив,
Не поможем в пути,
Что тебя мы врагам уступим,
Если можешь — прости!⁹⁹

О днях, предшествовавших избавительному пятому марта, вспоминала Ирина Пунина:

К нам приходила очень милая старушка, которая жила у потомков лицеиста Матюшкина [Е. Главокривова]; она помогала нам по хозяйству и оставалась с Анной Андреевной, потому что Анна Андреевна не переносила оставаться одна, когда мы уходили на работу. Однажды эта старушка пришла из булочной и говорит: «По радио сказали, что Сталин заболел». Анна Андреевна не поверила: «Какая чушь! Наша старушка сошла с ума. Не может быть, да еще чтоб по радио говорили. Сталин никогда не болеет, и с ним никогда ничего не может случиться». Но тут же, конечно, села к маленькому репродуктору, который у нас был в столовой. Так мы и просидели по очереди три дня, слушая

бюллетени о состоянии здоровья Сталина. Анна Андреевна вся была внимание, настороженность. 4-го марта к концу дня состояние Сталина было или безнадежным, или он уже умер, но власти в растерянности ждали до 5-го, чтобы объявить об этом. Последний бюллетень был о том, что его состояние ухудшилось, в моче появился белок. Анна Андреевна сказала саркастически: «Невероятно: божество, небесный житель какой-то — и вдруг моча, в моче белок!»¹⁰⁰

6 марта на траурном собрании в ленинградском Союзе писателей А. Ахматова вошла, сохраняя свою обычную осанку, прошла вперед, заняла место в первых рядах¹⁰¹.

Зал был полон. Первым выступил сочинитель пошловатых эстрадных номеров и пьес В. Поляков. Говорил просто и тепло. За ним Леонид Борисов — чуть что не рыдал. Лицо искажалось судорогами, нижняя челюсть дрожала, он якобы старался не разрыдаться. Ему 50 лет с небольшим, а на вид все 70. Поэты начали читать свои стихи. У всех слышались одни и те же слова и рифмы. «Отец» — рифмовалось с «сердец». Елена Рывина, в черном, взойдя на эстраду, долго не могла начать, кусала губы, всем видом показывая, что еле удерживается от слез. Крашенная стрептоцидом Вера Панова говорила умно, не забыла слегка упомянуть о своем трехкратном лауреатстве: «Какое счастье, когда твой труд понравился ему...»

Я была там с А.А. Ахматовой, которая зашла за мной. Она была в Союзе первый раз после 46-го года. Все же и теперь у нее вид королевы¹⁰².

1 июля 1953 года Ахматова пишет сыну (возможно, это было первое большое письмо в лагерь после смерти Гуталина¹⁰³):

Однако Нева течет, Эрмитаж стоит на месте, белые ночи ходят по улицам и заглядывают в окна. Так по крайней мере мне кажется из Москвы, которая сейчас тоже по-своему красотка: фонтаны бьют, липовый дух пробивается даже в автобусы, цветут маки и надо всем нежное средне-русское небо¹⁰⁴.

Идеологический пресс на несколько месяцев завис в растерянности. Дуновения перемен повеяли с «низка». Вспоминают современники, что как знак грядущих перемен, как политическая декларация прозвучали для них по радиотрансляции слова Леонида Утесова, ведущего праздничного концерта в Большом зале Дома Союзов 1 мая 1953 года: «Открываем второе отделение с танго “Брызги шампанского”».

Уже любое изображение «командира двадцатого столетия»¹⁰⁵ не было застраховано от критики:

В этом году бригада под руководством Б. Иогансона экспонировала громадное полотно, изображающее встречу советских людей с И.В. Сталиным в Кремле. Но на этот раз работа Б. Иогансона вызывает чувство глубокой неудовлетворенности. Стремление к живописным эффектам и театрализованной красочности, увлечение аксессуарами, яркостью национальных костюмов, блеском света и пышностью Кремлевского дворца привело к загромождению полотна бьющими в глаза красочными пятнами и приглушило идейное содержание картины¹⁰⁶.

И можно уже было пожурить вельможного А. Суркова за то, что он «иногда отступает от свойственной ему линии активного творческого искания», заполняя свои куплеты «полемикой с очень абстрактным врагом, отвлеченным противопоставлением прошлого страны ее настоящему»¹⁰⁷. Для разговора о фальши и ханжестве основного массива советской литературы время еще не пришло — когда Лидия Чуковская напечатала свою нашумевшую статью о детской литературе, она получила телеграмму: «Перенесите вашу справедливую критику на взрослую литературу»¹⁰⁸, но это было тогда совершенно нереально.

Следующей атакой на «писанину» сталинской эпохи была напечатанная в февральском номере «Нового мира» за 1954 год статья рафинированного марксиста Михаила Лифшица о новой книге Мариэтты Шагинян¹⁰⁹. Ахматова, разговаривая с Г. Адамовичем в Париже в 1965 году,

несколько раз повторила: «Ненавижу Инбер и Шагинян». Об Инбер говорила даже не с ненавистью, а скорее с презрением¹¹⁰.

Вера Инбер стала для Ахматовой чем-то вроде навязчивого двойника¹¹¹, а отношение к Шагинян с ее причудливыми эволюциями¹¹² было осложнено памятью о бывшей литературной и житейской дружбе¹¹³.

Возможно, автор статьи 1954 года встречался с Ахматовой за двадцать лет до того — в «Листках из дневника» она вспоминает о днях после первого ареста Мандельштама: «Вместе с Пастернаком я была и у Усиевич¹¹⁴, где мы застали и союзное начальство, и много тогдашней марксистской молодежи». Некогда М. Лифшиц в ахматовской статье о Пушкине и «Адольфе» Бенжамена Констана¹¹⁵ разглядел — на наш взгляд, не без известного основания — методику, напоминающую о психоанализе¹¹⁶. В нынешней статье, ставшей одной из причин снятия главного редактора журнала Александра Твардовского¹¹⁷, философ высмеивал постоянное состояние «эпического восторга» у писательницы, констатировавшей в 1952 году: «Мы идем к какому-то грандиозному культурному синтезу и все, что делаем — делаем на органическом внутреннем единстве». По поводу того, что люди приходят в выходной день на службу вместо отдыха, писательница объясняла: «Советскому человеку уже скучно одному. Ему хорошо, когда он вместе с себе подобными».

Перемежались эти «комплименты, расточаемые автором нашему общественному строю», экскурсами в культуру: «Известную фразу Канта о звездном небе над нами и нравственном законе внутри нас Мариэтта Шагинян сравнивает с “нарядным автобусом, в котором мы застряли на полпути к Дилижану”. Теперь понятно, что хотел сказать своей фразой автор “Критики практического разума”». Обозначив жанр шагинянской прозы как «писанина», или, «выражаясь ее собственными словами, “скакня и прыготня”», М. Лифшиц сказал главное:

...культура в данном случае состоит не в цитатах из Гете и Паскаля, а в изгнании прежде всего чрезмерной скоропалитель-

ности, якобы заменяющей знание дела. «Нахрап» — средство очень грубое, а Мариэтта Шагинян — человек образованный до утонченности. Она даже Паскаля цитирует «по старинному изданию» (как указывает сама писательница, чтобы этот факт не прошел незамеченным). Тем не менее крайности сходятся.

Все это весьма похоже на ахматовскую оценку 1940 года — «Эти претензии на первосортность, эти ссылки на Гете, а на самом деле все вздор!»¹¹⁸, — безрадостное прощание с одним из самых внимательных в прошлом ее читателей¹¹⁹.

Чуть ранее сенсацией чуть поменьше, но во времена более суровые, при жизни Сталина, была рецензия, за которую «досталось»¹²⁰ упомянутой выше Е. Усиевич. Некогда главная критикесса «Литературного критика», Усиевич писала:

Возьмем некоторые строки из поэмы «Ленин»:

И ему
и нам
одно и то же дорого.
Отчего ж —
стоящий
от него поодаль —
я бы
жизнь свою,
глупея от восторга,
за одно б
его дыханье
отдал?

И дальше:

Сейчас
прозвучали б
слова чудотворца,
чтоб нам умереть
и его разбудят, —
плотина улиц

враспашку растворится,
и с песней
на смерть
ринутся люди.

Разве народность этих строк заключается просто в том, что они общедоступны, понятны всем? Ведь можно привести десятки стихотворений Ахматовой, каждая строка которых понятна любому читателю, но вместе с тем мысли и эмоции, выраженные этой поэтессой, свойственны только какой-то тончайшей, сейчас уже вымирающей прослойке интеллигенции.

Теперь в рецензии на малограмотный роман, один из персонажей которого «начитался Андрея Белого и Ахматовой» и стал писать декадентские стихи¹²¹, говорилось: «Но всякому человеку, мало-мальски знакомому с предметом, ясно, что как бы ни относиться к творчеству символистских и акмеистских поэтов, тут они совершенно ни при чем»¹²².

Первая попытка амнистировать русских классиков советского времени была предпринята в октябре 1953-го на собрании партгруппы правления ССП:

Большой спор возник по вопросу о реабилитации писателей, допустивших ранее ошибки. Тов. Либединский и особенно тов. Никулин настаивали на том, чтобы во вступительном слове Фадеева на пленуме были названы в положительном плане и такие писатели, как Б. Пастернак, А. Ахматова, М. Зощенко и некоторые другие. Тг. Твардовский, Грибачев, Софронов и др. резко возражали А. Фадееву и Л. Никулину. Они сказали, что на пленуме не следует объявлять какую-то «амнистию»¹²³.

Против предложения Либединского и Никулина выступили также знатные в ту пору Панферов, Первенцев, Бубеннов, Ромашов¹²⁴.

8 февраля 1954 года в Записке Отдела науки и культуры ЦК КПСС о «нездоровых» настроениях среди художественной интеллигенции докладывалось:

По сообщению секретарей Правления СП СССР тт. Суркова и Полевого, часть литераторов, критиковавшихся в свое время за серьезные идейные ошибки в творчестве, и примыкающих к ним откровенно высказывает настроения реваншизма и веры в какой-то «идеологический НЭП». Тов. Полевой сообщил, что эти настроения усилились в связи с намерением т. Фадеева, ставшим широко известным, объявить на прошедшем XIV пленуме Правления ССП «прощение» всем ошибавшимся писателям. Выпады против идейно-политической направленности литературы в той или иной форме были сделаны на проходивших недавно отчетно-выборных собраниях в творческих секциях ССП. На собрании поэтической секции, например, поэты Лев Озеров и Федор Фоломин внесли предложение устраивать «вечера не принятых стихов»¹²⁵.

На этом же собрании Алексей Сурков¹²⁶ объявил об издании однотомника Ахматовой. К. Чуковский 20 октября записывает в дневнике:

Был у Фебина. Говорит, что в литературе опять наступила весна. Во-первых, Эренбург напечатал в «Знамени» статью, где хвалит чуть не Андре Жида («впрочем, насчет Жида я, м.б., и вру, но за Кнута Гамсуна ручаюсь. И конечно, Пикассо, Матисс»). Во-вторых, Ахматовой будут печатать целый томик — потребовал Сурков (целую книгу ее старых и новых стихов), в-третьих, Боря Пастернак кричал мне из-за забора <...>: «Начинается новая эра, хотят издавать меня!»...¹²⁷

Сурков, по общеизвестному прозвищу «гиена в сиропе», не забывая добавлять разное:

Некоторые товарищи, печатавшие статьи, и авторы этих статей подумали, что у нас происходят какие-то существенные перемены, политический крен в применении к явлениям идеологического порядка, что после смерти товарища Сталина будет не так, как было при Сталине. У нас это привело к тому, что в кулуарных разговорах широко муссировались вопросы о том, что решения

Центрального Комитета, принятые после 1946 года, устарели, а некоторые говорили, что они были намордником...¹²⁸

Номенклатурный столп, автор всенародно любимой песни¹²⁹, а также повсеместно распеваемого пионерами на музыку М. Блантера «закаляясь в битвах и в труде, мы сложили радостную песню о великом друге и вожде»¹³⁰, ходил в 1930-е в новоакмеистах¹³¹ и был уличаем в подражании:

За последние годы Сурков упорно учился, ликвидируя бескультурье, мешавшее ему писать. Он учился владеть стихом у мастеров прошлого, но в процессе этой учебы он приобрел и излишний пиетет перед лириками предреволюционных годов. Иногда он им попросту подражает:

Сядь со мной, мой ненаглядный, рядом,
Покажи мне серые глаза.
Посмотри, прошелестела мимо
Стайка белогрудых голубей,
Ласковый, отчаянный, любимый,
Как я стосковалась по тебе.

Это — Ахматова. Иногда Сурков слепо ведет стихотворение в гумилевском ритме. Между тем и Гумилев, и Ахматова — лирики, довольно равнодушные ко всему, кроме себя (чего, конечно, нельзя сказать о Блоке). Именно этим лирикам-акмеистам и была свойственна равнодушная манера перечислять явления, проходившие перед их холодными глазами. Сурков, учась, перенес эту манеру и в свои стихи¹³².

Он, кажется, трезво относился к своему поэтическому величию¹³³, добытому производством «пустых и ненужных, как потухшая спичка, стихотворных строчек»¹³⁴. Про него было известно, что он помогал О. Мандельштаму¹³⁵. После приличествующей ему легкой брани по адресу Ахматовой, согласно центральных указаний 1940 года¹³⁶, он был одним из герольдов «военного» возвращения Ахматовой в советскую поэзию:

Демьян Бедный¹³⁷ и Анна Ахматова. Какие разные голоса, какие разные поэтические и человеческие судьбы¹³⁸, —

и взялся в 1946 году печатать книжечку ее стихов в библиотеке подведомственного ему журнала «Огонек», за что и должен был в грозном августе каяться¹³⁹.

Забегая вперед, скажем, что тогда, в пятьдесят третьем, ничего из объявления Суркова не проистекло. Читательские ожидания, проявившиеся весной 1954-го, как сказано в отчете в ЦК, «провокационными вопросами»: «Почему не издаете Ильфа и Петрова, Бабеля, Зощенко, Есенина, Ахматову, Тынянова?»¹⁴⁰, на протяжении ближайших пяти лет оставались неудовлетворенными по части четвертого и шестого из имен этого перечня. Ахматова была известна скорее понаслышке, кое-какие ее стихи проникали в то издательство, которое потом получило прозвище «Samizdat», — так, о круге Московского университета в 1952–1954 годах очевидец вспоминал:

...по рукам продолжали ходить списки: Пастернака, Цветаевой, Ахматовой, поэтический обмен мнениями между Эренбургом и Алигер о судьбе евреев...¹⁴¹

Но едва ли не главными источниками минимальных сведений о ее поэзии были труды разоблачителей буржуазно-дворянского декаданса (А.А. Волкова и иных) и презрительные попутные замечания в маяковиане — ср. свидетельство Игоря Волгина: «О Гумилеве и Ахматовой я слышал только в связи с Маяковским»¹⁴².

В августе 1954 года Ахматова пошла на похороны незнакомого ей замечательного поэта Егора Оболенева, обреченного на непечатание после того, как в 1932-м за чтение стихов Цветаевой в узком кругу он был отправлен на семь лет на Беломоро-Балтийский канал¹⁴³, где, как вспоминают каналоармейцы, в кружке вокруг него «читались стихи Пастернака и Ахматовой, Гумилева и Волошина, Блока и Мандельштама»¹⁴⁴. Вдова, поэтесса Елена Благина вспоминала:

Я двинулась ей навстречу, и мы встретились и долго смотрели в глаза друг другу. И обнялись¹⁴⁵.

В том году начиналась гражданская реабилитация, сопровождавшаяся слухами фантастическими — 30 июля 1954 года Пастернак писал жене:

Вчера зашел Федин и рассказал неожиданные вещи. Пересматривается «дело Бабеля», и есть сведения, что он жив и скоро выйдет на свободу. Уверяет, что видели вернувшегося Чаренца, которого все считали расстрелянным. Отчего это не может случиться с Тицианом и Пильняком?¹⁴⁶

Шла подготовка ко Второму съезду писателей, через двадцать лет после Первого (треть делегатов которого была расстреляна и сослана в лагеря). На Первом Ахматова не присутствовала, и философ-функционер П.Ф. Юдин докладывал А.А. Жданову:

Заявления о принятии в СП написали буквально все писатели. Не осталось ни одного писателя, за исключением А. Ахматовой, которые не подали бы заявления в Союз. Только она одна не подала такого заявления <...> Политическое единство съезда бесспорно обеспечено¹⁴⁷.

Перед Вторым съездом натерпевшийся от партийно-правительственных угроз Илья Сельвинский атаковал триумвиров советской поэзии Твардовского, Исаковского и Суркова, предложив свой расширенный состав мастеров:

П. Антокольский, Н. Асеев, Н. Заболоцкий. С. Кирсанов, В. Луговской, Л. Мартынов, Л. Озеров, М. Петровых, Г. Рублев, Б. Слуцкий. С. Смирнов, Н. Тихонов, Н. Тряпкин, Н. Ушаков, А. Яшин¹⁴⁸.

В списке не было его соседа и учителя Бориса Пастернака и тем более Ахматовой¹⁴⁹. Менее эксцентричные браковщики назвали еще столько же имен (включая свои по умолчанию):

М. Алигер, А. Барто, А. Безыменский, О. Берггольц, К. Ваншенкин, С. Васильев, Е. Долматовский, В. Журавлев, В. Инбер.

С. Михалков, Л. Ошанин, А. Прокофьев, И. Рядченко, К. Симонов, С. Маршак, М. Светлов, С. Щипачев.

Съязвив по поводу подобных списков («материализация духов и раздача слонов», как говорил О. Бендер, заранее известной группе авторов»¹⁵⁰), Владимир Луговской прибавил еще пятерку:

М. Луконин, А. Межиров, С. Орлов, Н. Сидоренко, В. Тушнова¹⁵¹

и наконец назвал рядом с Асеевым — Пастернака¹⁵². В.А. Луговской лучше других знал о новых стихах Ахматовой в пору их постоянного ташкентского стихообмена¹⁵³, его силуэт попал в ее стиховой мир («...ты пьян, / И все равно пора нах хауз... / Состарившийся Дон-Жуан / И вновь помолодевший Фауст / Столкнулись у моих дверей — / Из кабака и со свиданья!...»)¹⁵⁴, он с предельным уважением относился к ее поэзии¹⁵⁵ и к ней¹⁵⁶, она отвечала терпимостью к его слабостям¹⁵⁷. Встречались они и после войны¹⁵⁸. Похоже, что он делал попытки снова ввести в литературный обиход имя Ахматовой¹⁵⁹. Но в его предсезонской статье ее имя все же не прозвучало.

Накануне съезда умер один из «героев 14 августа» Иван Сергиевский, про которого говорили:

«Он себе из Ахматовой шубу сшил» (С. 698)¹⁶⁰.

Предшествовавшие съезду надежды на либерализацию генеральной линии¹⁶¹ захватили и эмиграцию. К участникам съезда по радио обратились Борис Зайцев, Александра Толстая, Иван Елагин, Глеб Глинка и другие. Сурков объявил товарищам: «По случаю съезда был вытащен из ящика с литературным мусором белоэмигрант Борис Зайцев, который прошамкал у белогвардейского микрофона слова ядовитой бессильной злобы», а также сообщил, что Конгресс за свободу культуры назвал «Съезд “очередным наступлением на культуру со стороны коммунистов” (Смех в зале)»¹⁶².

Надежды скорее не оправдались: «Это не литературный Съезд, но антилитературный съезд»¹⁶³. Слишком многие ноби-

ли сталинской эры были заинтересованы в сохранении статус-кво. Сурков в своем докладе, по словам Ахматовой, сделал характерную оговорку: «Мы, советские писатели, работаем ради миллионов рублей... то есть ради миллионов людей!»¹⁶⁴

Она присутствовала в качестве «делегата с решающим голосом».

Выборы происходили в Союзе писателей под председательством Казьмина <...> Кто-то назвал ее фамилию. «Непременно, — сказал Казьмин, — она большой патриот». Рассказывая это, Ахматова засмеялась: «Мне кажется, я всегда была патриоткой, а не только теперь»¹⁶⁵.

Иностранцам сказали, что она активно участвовала в работе съезда¹⁶⁶. И композитор Николай Набоков сообщал Исаяе Берлину:

Ельза Триолэ в Юманитэ (22.II.55) пишет (описывая конгр<есс> сов<етских> пис<ателей>): «Voici Simonov, lent et mesure, Ehrenburg et son cache-nez, la grande stature d' Anna Akhmatova, un fichu blanc sur la tête...»* Значит все хорошо пока!

Рина Зеленая отреагировала на карнавальную метаморфозу опальной знаменитости:

«Маска! Я тебя знаю»¹⁶⁷.

Там же случился эпизод с зятем Городецкого, слова которого тесть охотно передал: «Ему неохота знакомиться с контрреволюционной поэтессой»¹⁶⁸.

Там же с трибуны были названы ранее неудобосказуемые Булгаков, Есенин и Бунин, а Павел Антокольский вставил имя Ахматовой в перечень советских переводчиков¹⁶⁹, но в своей сущности общая атмосфера еще мало изменилась. Канонарх Фадеев в докладе сказал:

* «Тут Симонов, неторопливый и осммотрительный, Эренбург и его кашне, важный стан Анны Ахматовой с белым шейным платком».

Необходимо, чтобы мы все помнили, что борьба с проявлениями национализма и космополитизма, с обывательской безыдейностью, упадничеством, которую мы вели на протяжении ряда лет, была справедливой борьбой, и если бы мы не проводили ее со всей решительностью, наши идейные противники могли бы принести большой вред развитию советской литературы¹⁷⁰.

И Ахматова оговаривала ограниченность своего триумфа в письме к сыну, который мог полагать, что упоминание в газете делает мать всемогущей просительницей:

На съезде писателей я не выступала, имя мое произнес один раз в своей речи П. Антокольский в связи с переводом Райниса и Саломеи Нерис. Это было в газетах¹⁷¹.

Тем не менее, хоть и не окончательный, водораздел между двумя эпохами обозначился. Для нее же, в числе прочего, это означало, что разлаживались дружбы с читателями предыдущих призывов. Иные из них стали говорить:

«Она окаменела в своем гордом одиночестве и уже... памятник самой себе!..»¹⁷²

Читательское большинство списало ее в архив (и это, помимо прочего, отразилось на иссякании потока читательских писем, бурлившего с десятых годов¹⁷³). Вот, например, голос не последнего из читателей — Варлама Шаламова, который, согласно информации осведомителя госбезопасности, в апреле 1956 года сказал:

Это неважно, что не печатают хороших стихов. Их будут печатать и петь. Все, что написано кровью сердца, зазвучит. Есенин уже зазвучал, а в дальнейшем зазвучит еще больше. Начинает звучать большой поэт Блок, которого раньше крестили интеллигентом, символистом и декадентом. Теперь уже не говорят, что это певец «Прекрасной дамы», а что Блок большой талантливый поэт русского народа. Зазвучит М. Цветаева. Об Ахматовой я не говорю, потому что она уже стара. Жданов в своем выступлении

обрушился на ее старые стихи. Но ведь она же очень давно их писала¹⁷⁴.

Общество жаждало нового. Оно появлялось в отмеренных дозах, заботливо переложенное старым. Этико-эстетические расценки ранней оттепели — образца 1955 года, «эпохи позднего реабилитанса»¹⁷⁵ — намечены в кинофильме «Дело Румянцева» (соавтор сценария — Юрий Герман¹⁷⁶), хорошо знакомом Ахматовой потому, что главную роль исполнял ее отчасти воспитанник Алексей Баталов¹⁷⁷. Там трудовые девчата уже пели есенинское «Выткался над озером алый цвет зари...», но и матерый рецидивист еще вворачивал, что «все пройдет, как с белых яблонь дым», а потом к тому же наигрывал вертинское¹⁷⁸ «В бананово-лимонном Сингапуре», безвинного везли ночью по Ленинграду в «черной Марусе», и плохой следователь говорил, что тамбовский волк этому безвинному товарищ, а хороший указывал, что человек — это звучит гордо (М. Горький¹⁷⁹), и ссылался на гуманность подхода Ф.Э. Дзержинского.

Иные наблюдатели из прекрасного далека даже заволновались по поводу возможного возврата декадентства в русскую культуру:

Нынешняя «Оттепель» в СССР с одинаковой вероятностью может и перейти в заморозки (и даже в настоящие морозы), и стать настоящей весенней теплыню, в частности и в особенности — в искусстве. Многое тогда «оттает», однако наивно думать, что от этого обязательно «станет лучше». Самое скверное, что может случиться с русской музой, — если она, по старинке польстясь на Европу, прямо с Воркуты перейдет в новую «Бродячую собаку». <...> По отношению к человеку, как к космической индивидуальности, историческое искусство <...> распадается на две отчетливые группы — одну (весьма условно и за неимением лучшего) можно назвать «классической», другую — «декадентской». <...> С отмиранием ведущей культурной идеи — устремление к оптимальному человеческому типу угасает. Личность с большой буквы неизбежно подменяется авторским «я», величиной — в масштабах эпохи обычно незначительной. Для придания пикан-

тности пресным мелочам авторской «душевной физиологии» — центр тяжести переносится на прием, манеру, стиль — даже гримасу. Появляется декадентское искусство. Если найденные координаты применить к так называемому «Серебряному веку» русской поэзии, приходится особо выделить четыре имени — два «космических» и два «спиритуалистических». Это — Есенин и Маяковский, с одной стороны, Блок и Георгий Иванов, с другой. Все остальные — и «божественная» (divine) Анна Ахматова, и полугениальный Андрей Белый, и даже заменивший поэтической эмиграции мумию Ленина — Анненский — отходят в Декаданс. Трудно спорить, что в смысле поэтического мастерства Есенин — гимназист, по сравнению даже с Пастернаком или хотя бы с Брюсовым, а по объему сырого дарования Георгий Иванов — Вертинский рядом с достигающим до метафизического месторазвития слова Андреем Белым, но именно отобранные четыре автора находятся на органическом продолжении — трагическом срыве — той национальной культуры, которая в своих высших взлетах достигает уже всемирности. Все остальное — явная боковая дорога, ведущая в никуда¹⁸⁰.

Несмотря на участие в работе писательского съезда, и в число советских литературных знаменитостей Ахматова не была включена, как свидетельствует стихотворение немецкого поэта о посещении Москвы гэдэровскими писателями в 1955 году. Большая часть стихотворения в переводе не нуждается — в 4, 8, 10 и 12 стихах гости безответно вопрошают о том, жива ли Ахматова:

Fadejew! — Paustowski! — Korneitschuk!
 Issakowski! — Bashan! — Schtipatschtow!
 Ketlinskaja! — Kassyl! — Katajew!

«Ach, lebt die Achmatowa noch?»

Bek! — Lebedew-Kumatsch! — Sjomuschkin!
 Scholochow! — Polewoi! — Lugowskoi!
 Surkow! — Schaginjan! — Libedinski!

«Und lebt die Achmatowa noch?»

Perwomaiski! — Fedin! — Lukonin!
Ja, sie lebt! nun horen Sie doch!
Assejew! — Ashajew! — Fadejew!

«Sie lebt, die Achmatowa, noch?»¹⁸¹

Она жила, и даже можно было «на голубом глазу» упомянуть вчерашнего бетнуара:

«Прошу подписать меня на Государственный заем выпуска 1955 года...», «Прошу комсод оформить мою подписку на новый заем...» Местная писательская организация получила много таких телеграмм — от А. Ахматовой и А. Прокофьева, находящихся сейчас в Москве, от Д. Гранина из-под Старой Руссы, где он собирает материал для новой книги о механизаторах сельского хозяйства, от П. Журбы, отдыхающего в Тайцах...¹⁸²

Событием стало появление ее стихов в альманахе «Литературная Москва», ушедшем в набор в январе 1956 года. Ахматова передала туда через Маргариту Алигер много стихов — «Отрывки из поэмы «Триптих» («Как парадно звенят полозья...»), «Мой редактор был недоволен...», «Третий Зачатьевский (1940)» («В старой Москве»), «Надпись на портрете» («Т.В-ой»), большинство из которых не подошло¹⁸³.

Взор иноплеменный мог наблюдать реабилитацию в действии:

Я ехал в купе с несколькими пассажирами. Один из них попросил одолжить ему новую книгу, которую я читал, первый том «Литературной Москвы» <...> Он перелистал книгу, и внезапно, пораженный, обернулся к другим пассажирам-русским и сказал спокойно, но с многозначительным взглядом: «Печатают Ахматову!» Ничего больше не было сказано, обсуждения не последовало, может быть, из-за их опасений друг перед другом или из-за моего присутствия. Но было понятно, что всплыл важный факт.

Без сомнения, вернувшись домой, каждый из них собирался рассказать: с Анной Ахматовой опять все в порядке¹⁸⁴.

В альманах взяли из предложенного ею три строфы «Поэмы без героя» —

Сучья в иссиня-белом снеге;
 Коридор Петровских Коллегий
 Бесконечен, гулок и прям.
 (Что угодно может случиться,
 Но он будет упрямо сниться
 Тем, кто нынче проходит там.)
 До смешного близка развязка:
 Вкрут костров извозчичья пляска,
 Над дворцом черно-желтый стяг...
 Все уже на местах — кто надо;
 Пятым актом из Летнего сада
 Пахнет...
 Звонко поет моряк.
 ...Словно в зеркале страшной ночи
 И беснуется и не хочет
 Узнавать себя человек,
 А по набережной легендарной
 Приближается не календарный —
 Настоящий Двадцатый Век

— под заглавием «Петроград. 1916», столь противоречащим значимому титулу первой части «Девятьсот тринадцатый год», но зато указующим любому мнительному контролеру, что публикация приурочена к кануну самой сакральной, кончающейся семеркой даты и что последние сомнения должны отпасть в присутствии прописных букв, все не употребляемых, и эпитета «легендарный», закрепленного за мифологией истпарта (пьяного моряка, красу, как выражался наркомвоен, и гордость революции, пришлось перекрасить в звонкоголового). Сама же цифра проецировалась на известную редакторам и цензорам строфу Маяковского —

Где глаз людей обрывается куцый,
главой голодных орд,
в терновом венце революций
грядет шестнадцатый год¹⁸⁵.

К году, кончающемуся семеркой, должны были издать массивную антологию всех советских поэтов, позвали и Ахматову.

Мы составили список приблизительно из сорока стихотворений. Не спорили или, если спорили, то только о «проходимости». Впрочем, вообразить невообразимое все равно нельзя, оно «непостижимо для ума» — даже для ума и воображения Анны Ахматовой. Отбор совершался под лозунгом: граница охраняема, но неизвестна.

Анне Андреевне очень хотелось дать «Стансы». Мне, разумеется, тоже... Сначала голос хоть и трагический, но величавый и спокойный, а потом вдруг, при переходе во второе четверостишие, удар неистовой силы. Вру; не «при переходе», а безо всякого перехода, как удар хлыстом: «В Кремле не надо жить»...

А в последних двух строках — полный и точный портрет Сталина:

Бориса дикий страх и всех Иванов злобы
И Самозванца спесь взамен народных прав.

— Как вы думаете, все догадаются, что это его портрет, или вы одна догадались? — спросила Анна Андреевна.

— Думаю, все.

— Тогда не дадим, — решила Анна Андреевна. — Охаивать Сталина позволительно только Хрущеву¹⁸⁶.

Если другое стихотворение из «Литературной Москвы» — «Ты Азия — родина родин», самой Ахматовой не ценимое, как будто никаких читателей не взволновало, то обрывок «Поэмы» запомнился именно тем, кому надлежало («Разве это не вся петербургская ученая эмиграция?» — С. 209; ср.: С. 190):

Есть у Анны Ахматовой такие стихи («Петроград» 1916):

Сучья в иссиня-белом снеге;
 Коридор Петровских Коллегий
 Бесконечен, гулок и прям.
 (Что угодно может случиться,
 Но он будет упрямо сниться
 Тем, кто нынче проходит там...

И не только тем, кто «ныне», а всем, кто когда-либо там проходил или будет проходить¹⁸⁷.

Альманах вышел к XX съезду партии. 25 февраля Н.С. Хрущев читал на закрытом заседании доклад о «культе личности», разосланный затем парторганизациям с грифом «не для печати». Доклад не оставлял сомнений насчет личного участия Корифея Науковича, как называл его Лев Гумилев, в истреблении подданных: он, например,

дал указание — арестовать группу крупных специалистов советской медицины. Он сам давал указания, как вести следствие, как допрашивать арестованных. Он сказал: на академика Виноградова надеть кандалы¹⁸⁸, такого-то бить. Здесь присутствует делегат съезда, бывший министр госбезопасности т. Игнатьев. Сталин ему прямо заявил:

— Если не добьетесь признания врачей, то с вас будет снята голова. (*Шум возмущения в зале.*)

Сталин сам вызывал следователя, инструктировал его, указывал методы следствия, а методы были единственные — бить, бить и бить.

Через некоторое время после ареста врачей мы, члены Политбюро, получили протоколы с признаниями врачей. После рассылки этих протоколов Сталин говорил нам:

— Вы слепцы, котятка, что же будет без меня — погибнет страна, потому что вы не можете распознать врагов.

Упоминался в докладе и начальник УНКВД по Ленинградской области Заковский¹⁸⁹, который арестовал в 1935 году Н.Н. Пунина и Льва Гумилева, а затем обратился к наркому Г. Ягоде за распоряжением о «немедленном аресте Ахматовой». Этот Заковский как-то предложил одному избитому партийцу

освобождение при условии, если он даст в суде ложные показания по фабриковавшемуся в 1937 году НКВД «делу о Ленинградском вредительском, шпионском, диверсионном, террористическом центре». (Движение в зале.) С невероятным цинизмом раскрывал Заковский подлую «механику» искусственного создания липовых «антисоветских заговоров». <...> «Самому тебе, — говорил Заковский, — ничего не придется выдумывать. НКВД составит для тебя готовый конспект <...>, твое дело его заучить, хорошо запомнить все вопросы и ответы, которые могут задавать на суде. <...> Сдрейфишь и начнешь фальшивить — пеняй на себя. Выдержишь — сохранишь кочан (голову), кормить и одевать будем до смерти на казенный счет». Вот какие подлые дела творились в то время! (Движение в зале.)

Личный куратор Ахматовой был назван как соавтор программы «большого террора»:

Массовые репрессии резко усилились с конца 1936 года после телеграммы Сталина и Жданова из Сочи от 25 сентября 1936 года, адресованной Кагановичу, Молотову и другим членам Политбюро, в которой говорилось следующее: «Считаем абсолютно необходимым и срочным делом назначение т. Ежова на пост наркомвнудела. Ягода явным образом оказался не на высоте своей задачи в деле разоблачения троцкистско-зиновьевского блока. ОГПУ опоздал в этом деле на 4 года. Об этом говорят все партработники и большинство областных представителей НКВД». <...> Эта сталинская установка о том, что «НКВД опоздал на 4 года» с применением массовых репрессий, что надо быстро «наверстать» упущенное, прямо толкала работников НКВД на массовые аресты и расстрелы.

Хрущев комментировал сталинскую фразу «Вот шевельну мизинцем — и не будет Тито. Он слетит...»:

— Дорого нам обошлось это «шевеление мизинцем».

О роли этого мизинца в своей судьбе Ахматова не раз вспоминала — и когда он карал, и когда миловал¹⁹⁰.

После съезда она сказала Л.К. Чуковской:

две России глянут друг другу в глаза: та, что сажала, и та, которую посадили¹⁹¹.

В марте 1956 года, как сообщала докладная записка секретаря МГК КПСС Е. Фурцевой,

в одном из домов Ленинградском района в мусоропроводе было найдено 13 томов сочинений Сталина¹⁹².

В Москве на партсобрании ССП «Об итогах съезда КПСС» выступила Усиевич:

Сколько раз совесть кричала, но Фадеев говорил мне: «там знают лучше». Где там? В каком потустороннем мире?¹⁹³,

а на аналогичном собрании в Ленинграде секретарь горкома сообщил установку:

Надо развернуть борьбу за задушевность¹⁹⁴.

По части разрешенной задушевности не могла не вспомниться «Ахматова с ее маленькой, узкой личной жизнью» из доклада Жданова. С этого времени началось разыгрывание б. мецанской поэтессы как козырной пиковой дамы в игре с Западом¹⁹⁵. Имя ее уже разрешалось произнести вслух — 26 марта 1956 года, услышав в городе Енисейске по московскому радио ее фамилию в обзоре новых книг, ей тут же написал освободившийся Михаил Владимирович Кузьмин-Караваев¹⁹⁶. 26 апреля она сообщала сыну, выражая эзоповым языком сомнения в успехе своей реабилитации:

Приходил фотокорреспондент из ТАССа и раз тридцать щелкал аппаратом, стремясь получить некое подобие меня. Но ты знаешь, как я не фотогенична¹⁹⁷.

Началось медленное умирание страхов в России, как констатировал несколько лет спустя Е. Евтушенко. Летом 1956

года Ахматова читала бывшему зэку Ю.Г. Оксману давнюю свою полу-молитву, полу-автоэпитафию:

Кто чего боится,
 То с тем и случится, —
 Ничего бояться не надо.
 Эта песня пета,
 Пета, да не эта,
 А другая, тоже
 На нее похожа...
 Боже!

В годы сталинского ужаса постигался точный смысл народной поговорки, великих русских стихов¹⁹⁸. Это относилось и к ахматовским, таким, как «Ей говорю: “Ты ль Данту диктовала страницы Ада?” Отвечает: “Я”» (1924; опубликовано в 1940 году)¹⁹⁹. В пословице «Кто чего боится, то с тем и случится» проступали слова Иова: «Страх, которого я боялся, напал на меня».

После съезда просьба о стихах поступила из журнала «Октябрь»²⁰⁰. За ними пришел временно исполнявший обязанности заведомом поэзии Владимир Корнилов²⁰¹. Стихи были набраны, но сняты из набора решением главного редактора М.Б. Храпченко, бывшего сталинского председателя всех искусств и будущего верховного литературоведа страны²⁰² — ибо одно стихотворение утверждало, что Блок был прав, отрицая прогресс и предлагая контрольной датой 1946 год:

Живи еще хоть четверть века —
 Все будет так. Исхода нет.

Другое вместо того, чтобы покорять пространство и время, эстетски их отрицало и, как дымящийся ствол, уличку преступления, выставляло дымок сигары, этого атрибута пузатых капиталистов и лично Уинстона Черчилля; третье рассказывало о невыплаканных слезах советской гражданки; четвертое сообщало, что каким-то нашим современникам не встретиться, «как горе с горю», и они пересылают приветы

через звезды. Сторожевое чутье должно было унюхать лагерную тему²⁰³ — как она проникла в неподцензурные стихи Михаила Зенкевича о Владимире Нарбуте в магаданском лагере:

Ты мечтал, цынгою обескровленный,
Что с любимую в полночный час
На звезде заранее условленной —
Встретишься лучистой лаской глаз.

12 июня 1956 года на закрытии декады армянского искусства и литературы в Москве Сурков, в то время — первый секретарь Союза писателей и, что весьма существенно, друг Д. Поликарпова²⁰⁴, написал Ахматовой записку:

Сейчас вполне созрело время делать книгу Ваших избранных стихов. Об этом надо поговорить при деловой встрече в самые ближайшие дни²⁰⁵.

Возможно, на этом же мероприятии записку, сохранившуюся в ее архиве, написала и одна из героинь четырнадцатого числа, *mes amis du quatorze*, как говорил о декабристах Николай I, критик Тамара Трифонова²⁰⁶:

Анна Андреевна, дорогая, все присутствующие очень хотят, чтобы Вы прочли хоть несколько строк. И это вообще было бы отлично! Тут все арм[янские] поэты очень этого хотят. Трифонова (№ 1029).

Сурков тут же уведомил о своем решении первого секретаря Московской организации ССП К.А. Федина²⁰⁷. Об обложке и заставках Ахматова попросила Владимира Фаворского²⁰⁸, по мнению Н. Пунина, «лучшего советского графика и гравера»²⁰⁹ (но о сделанном им портрете потом говорила: «ужасен»²¹⁰).

О снятии запрета на публикацию новых, не непременно «оптимистических»²¹¹ стихов Ахматовой стало известно в редакционных кругах.

В отчете «Литературной газеты» приводились слова Александра Бека: «Мне кажется нетерпимым, что есть стихи Б. Пастернака, которые не издаются, что не увидел света его роман». По мнению А. Бека, все, что не является чуждым нам, должно публиковаться — и ответ А. Беку поистине кровавого Н. Лесючевского²¹²: «это привело бы к всеядности»²¹³.

Один из читателей написал в газету письмо в поддержку Бека, и замредактора В. Косолапов в августе отвечал ему, что Анне Ахматовой, Б. Пастернаку, Заболоцкому и Мартынову в настоящее время никто не мешает печататься²¹⁴.

Подразумевался, по-видимому, готовившийся тогда альманах «День поэзии», в который была сдана элегия «Есть три эпохи у воспоминаний...». Этой элегией составители, в частности П.Г. Антокольский («Слишком много похоронного»)²¹⁵, были не очень довольны, предвкусывая упреки. Если отзыв ученой специалистки, поощрявшей поэтов по алфавиту согласно оглавления, был размягченно-благодарен:

А вот краткая и напористая — совсем «антокольская» — «Поэзия», возникающая из гула студенческих аудиторий, из зова родной страны, как ответ на злобу дня, провозглашаемую «дуженой глоткой» чужих радиостанций, возникающая для того, чтобы призывать к бесстрашию подвига, быть мужественным и верным голосом великой эпохи. Может быть, алфавитное расположение материала виновато в том, что вслед за этим коротким, трубным вступлением не разворачивается широкая, симфоническая тема большого дня большой и прекрасной жизни — подвига, труда и борьбы? В страстном нетерпении увидеть лицо нашего дня, дня большой поэзии, вы читаете страницу за страницей, переходя в другие, последующие разделы книги: тонкое и печальное стихотворение А. Ахматовой о жизни воспоминания, которое постепенно и неотвратно отчуждается от жизни человека. Грустная юмореска А. Барто о том, как девочки, не сознавая трагичности предмета своей игры, играют в семейный разлад: «Баю-баюшки-баю, / Папа бросил дочь свою. / Апельсины, витамины / Я одна ей достаю...»²¹⁶,

и вполне благодарен был и Корнелий Зелинский, пожуренный слегка в 1949-м Николаем Тихоновым как «отец восста-

новления ахматовщины»²¹⁷:

...поэзия тогда в полете, когда она на крыльях музыки и политики. Пусть это слово — политика — иным покажется слишком резким и прямолинейным в применении к поэзии. <...> Хорошо и то, что здесь зазвучали рядом, в общем демократическом заседании голоса Суркова и Ахматовой, Грибачева и Мартынова, начинающих и поэтов, пишущих уже почти полвека, как Асеев, Сельвинский...

Все это стало возможным в тех новых условиях широкой демократизации литературно-общественных отношений после XX съезда КПСС, когда как бы заново зазвучали слова поэта — твори, выдумывай, пробуй!²¹⁸

то из стана либеральной по тогдашним меркам критики слышался твердый т.н. морально-этический голос²¹⁹ молодого оптимиста:

В критике еще недавно было принято деление на «действующих» поэтов и «молчащих».

Сейчас заговорили все поэты. Но среди «молчавших» одни, как, например, А. Мартынов, особенно близки нам, ибо в их стихах живут вера и сила утверждения, питаемые революционными взглядами на жизнь, неугасимое стремление сделать ее лучше и справедливой.

Другие же — их стихи также представлены в альманахе — самой философией мировосприятия, кажется мне, чужды передовым идеям современности и будущего.

Разумеется, я абсолютно не претендую на безапелляционность конечной инстанции, а просто выражаю свое отношение, свое мнение, свое опасение. Но стихи А. Ахматовой, Б. Пастернака, Н. Заболоцкого, о которых речь пойдет ниже, или не выражают в данном случае кредо их авторов наилучшим образом, или если выражают, то свидетельствуют о неверном отношении к действительности.

Особо подчеркиваю: пусть и впредь печатаются разные поэты, с разной степенью таланта, глубины постижения мира, но это вовсе не означает, что со всеми и всем нужно одинаково соглашаться. Когда поэт обращается к вечным темам, он и здесь

говорит о современности. Думаю, что стихотворение Б. Пастернака «Быть знаменитым — некрасиво», взятое в отдельности, служит этой благородной задаче. Здесь «я» Пастернака объективно расширяет рамки индивидуального отношения к миру и становится явлением общественного сознания, передового сознания.

Но этого нельзя сказать о таких стихах, как «Свеча горела» Б. Пастернака²²⁰, «Есть три эпохи у воспоминаний» А. Ахматовой, «Прощание с друзьями» Н. Заболоцкого²²¹, «Назначь мне свидание на этом свете» М. Петровых²²². Это стихи либо полумистические, либо старомодные, не современные по духу своему. Они никак не могут быть объединены с другими, лучшими стихами сборника общей им, «вечной» темой.

Чтобы яснее выразить свою мысль, возьму стихотворение А. Ахматовой «Есть три эпохи у воспоминаний». Смутное, горестное чувство рождает оно. Психологически резко, отчетливо анализирует поэтесса печальное свойство человеческой памяти — забвение, над которым не властно могущество сердца:

И медленно от нас уходят тени,
Которых мы уже не призываем,
Возврат которых был бы страшен нам.

Настоящая поэзия глубока. Но в глубине ее, как в самом глубоком колодеце, должны отражаться звезды. Где здесь эта звезда? Ее нет. Абсолютное, бесперспективное забвение, разрыв связи времен, своеобразное душевное отступничество, с которым нет сил бороться, которому мы рады в конце концов, ибо оно освобождает нас от пытки утрат, раскаяния, пытки былой радости, бывшего счастья. Сколько здесь слабодушного, холодного, опустошительного неверия в жизнь, в ее созидательную силу! Нет, нельзя верить этому, нельзя поддаваться этому: все, что истинно, свято, что дорого, то незабываемо! Здоровое сознание цельно, неуступчиво, упрямо даже в памяти сердца. А в историческом, социальном плане стихотворение Ахматовой противостоит лучшим традициям советской поэзии. Порвалась связь времен, новое чуждо старому, свидетельствует поэтесса. Вспомним, что такое же чувство владело Есениным в его стихах

последних лет: он не узнал свою деревню, вернувшись из Америки. В далекой «Америке» своей души пребывала Ахматова многие годы, и «возвращение» ее безрадостно. Все обращено в прошлое, во вчера. А это трудная позиция для поэта, хоть как-то привязанного к жизни.

Поставьте мысленно это талантливое и потому особенно «разрушающее» стихотворение Ахматовой рядом, скажем, со стихотворением Л. Мартынова «Будьте любезны...»²²³. Сколько радостного оптимизма, какой стремительный прорыв в будущее, какая боязнь отстать от времени, бег которого почти физически ощущаешь в этом, тоже очень талантливом стихотворении! <...> А. Ахматова же пассивно констатирует наступление смерти, ее неумолимые, хотя и частные, победы над духом человека. Все внимание ее приковано, заморожено этим процессом. Клубок жизни распутывается в обратном направлении...²²⁴

Как сказала Ахматова сексоту в 1946 году, «ведь все это уже было, начиная с 1924 года». В 1924-м, когда журнал «Русский современник» тоже знаменовал собою «идеологический НЭП», напечатанные в нем «Лотова жена» и «Новогодняя баллада» сходным образом были противопоставлены бодрой лирике. И сделал это вовсе не разносчик комсомольского бодрячества:

Пессимистические перепевы Сологуба и Ахматовой уступают энергичным и звонким строкам Вагина²²⁵.

Лапидарная²²⁶ ахматовская элегия, о которой она сама сказала в 1962 году:

открывает какие-то сокровеннейшие тайники души, м<ожет> б<ыть> даже переходя черту дозволенного (С. 254),

отталкивавшаяся от свежих переживаний 1944 года — от видения разрушенного Ленинграда и разрыва с В.Г. Гаршиным²²⁷, — поверх голов современных ей читателей говорила с Шекспиром («пятно чернил не стерто со стола» и «...from the table of my memory I'll wipe away all trivial fond records»

из «Гамлета», где «table», конечно, означает «скрижаль», а не «стол»²²⁸), Тютчевым (ибо строка о страшном возврате теней перекликается с тютчевским «Усопших образ тем страшней, чем в жизни был милей для нас» и ахматовской репликой на это: «Неужели это так?»²²⁹), Иннокентием Анненским²³⁰ и навсегда анонимным автором «Песни песней» («и, как печать на сердце, поцелуй» и «Положи меня печатью на сердце твое, печатью на руку твою, ибо сильна, как смерть, любовь, как преисподняя — люта ревность; стрелы ее — стрелы огненные...»)²³¹.

Есть три эпохи у воспоминаний.
 И первая — как бы вчерашний день.
 Душа под сводом их благословенным,
 И тело в их блаженствует тени.
 Еще не замер смех, струятся слезы,
 Пятно чернил не стерто со стола —
 И, как печать на сердце, поцелуй,
 Единственный, прощальный, незабвенный...
 Но это продолжается недолго...
 Уже не свод над головой, а где-то
 В глухом предместье дом уединенный,
 Где холодно зимой, а летом жарко,
 Где есть паук и пыль на всем лежит,
 Где истлевают пламенные письма,
 Исподтишка меняются портреты,
 Куда как на могилу ходят люди,
 А возвратившись, моют руки мылом,
 И стряхивают беглую слезинку
 С усталых век — и тяжело вздыхают...
 Но тикают часы, весна сменяет
 Одна другую, розовеет небо,
 Меняются названья городов,
 И нет уже свидетелей событий,
 И не с кем плакать, не с кем вспоминать.
 И медленно от нас уходят тени,
 Которых мы уже не призываем,
 Возврат которых был бы страшен нам.

И, раз проснувшись, видим, что забыли
 Мы даже путь в тот дом уединенный,
 И, задыхаясь от стыда и гнева,
 Бежим туда, но (как во сне бывает)
 Там все другое: люди, вещи, стены.
 И нас никто не знает — мы чужие.
 Мы не туда попали... Боже мой!
 И вот когда горчайшее приходит:
 Мы сознаем, что не могли б вместить
 То прошлое в границы нашей жизни,
 И нам оно почти что так же чуждо,
 Как нашему соседу по квартире,
 Что тех, кто умер, мы бы не узнали,
 А те, с кем нам разлуку Бог послал,
 Прекрасно обошлись без нас — и даже
 Все к лучшему...

Элегия толкует о времени «в смысле того таинственного метафизического процесса, в который погружены человек и мир»²³². Рефлектирующий монолог создает здесь иллюзию следования за развертыванием длительности отпущенных человеку сроков²³³. Элегия, конечно же, не только «не имеет ничего общего с тем миром, который хотелось бы видеть чиновникам»²³⁴, но и решительно выпадает из всего тона советской поэзии вообще. В этом смысле придирки В. Огнева вполне оправданны, и это не тот случай, когда, говоря словами понравившегося Ахматовой стихотворения²³⁵, «по своим артиллерия бьет». Отзыв журнала «Октябрь» она запомнила, ответила четверостишием об ужасе бега времени, и «Нет...» в ее стихотворении 1961 года, видимо, метило не только в беглецов²³⁶, но и в несколько неуклюжую метафору «америки души»:

Нет, и не под чуждым небосводом...
 Я была тогда с моим народом...

По свидетельству Д. Самойлова, пренебрежительное отношение к ахматовским стихам с противопоставлением ей

Л. Мартынова надолго осталось общим местом московских прогрессистов²³⁷. Эстетическая глухота (оставляя в стороне приличествующие оговорки о разности вкусов) порождена была целым букетом комплексов, снедавших тех, кто исполнял тогда обязанности гуманитарной интеллигенции. В букет этот входило вытеснение из личной и коллективной памяти факта соприсутствия, если не соучастия, в разнообразных эпизодах унижения Ахматовой (от сравнительно невинного непечатания ее стихов до посильного вклада во всенародное шельмование). Входила сюда и та читательская апатия (предпочитающая облегченную и прикладную поэзию), которую аллюзийной цитатой из Стендаля обозначил И. Эренбург, наблюдая зигзагообразные движения власти, вызывавшие естественный страх «повторничества», возвращения террора и диктатуры «свиноподобных», как заметил Пастернак, рож:

Можно ли глубоко восхищаться стихами, даже самыми прекрасными стихами, когда никто не знает, что с нами будет через год — не окажемся ли мы под игом инквизиции, не сядет ли на трон Франции герцог Орлеанский?²³⁸

Из других старомодных и полу-, как выразился критик, мистических стихотворений, прокравшихся в современный «День поэзии», Ахматовой, наверно, ближе других было то, о котором она не раз говорила как о шедевре любовной лирики двадцатого столетия:

Назначь мне свиданье на этом свете.
Назначь мне свиданье в двадцатом столетье.
Мне трудно дышать без твоей любви.
Вспомни меня, оглянись, позови!
Назначь мне свиданье в том городе южном,
Где ветры гоняли по взгорьям окружным,
Где море пленяло волной семицветной,
Где сердце не знало любви безответной.
Ты вспомни о первом свидании тайном,
Когда мы бродили вдвоем по окраинам,
Меж домиков тесных, по улочкам узким,

Где нам отвечали с акцентом нерусским.
Пейзажи и впрямь были бедны и жалки,
Но вспомни, что даже на мусорной свалке
Жестянки и склянки сверканьем алмазным,
Казалось, мечтали о чем-то прекрасном.
Тропинка все выше кружила над бездной...
Ты помнишь ли тот поцелуй поднебесный?..
Числа я не знаю, но с этого дня
Ты светом и воздухом стал для меня.
Пусть годы умчатся в круженье обратном
И встретимся мы в переулке Гранатном...
Назначь мне свиданье у нас на земле,
В твоём потаённом сердечном тепле.
Друг другу навстречу по-прежнему выйдем,
Пока ещё слышим, пока ещё видим,
Пока ещё дышим, и я сквозь рыданья
Тебя заклинаю: назначь мне свиданье!
Назначь мне свиданье, хотя б на мгновенье,
На площади людной, под бурей осенней,
Мне трудно дышать, я молю о спасенье...
Хотя бы в последний мой смертный час
Назначь мне свиданье у синих глаз.

Это стихотворение Марии Петровых, написанное на берегу Рижского залива исполненным робких надежд летом 1953 года, было адресовано Александру Фадееву, одному из наиболее видных деятелей сталинской эпохи²³⁹. Он и совершил поступок, казалось, обозначающий третий звонок к ее закрытию.

В составленном в 1965 году конспекте автобиографии намечен пункт:

Самоубийство Фадеева (С. 666).

Он застрелился 13 мая 1956 года²⁴⁰. «Это обсуждалось на Ордынке. Говорили о том, что старый друг Фадеева, писатель Юрий Либединский, видел его за несколько часов до рокового выстрела. Фадеев сказал ему такую фразу: «Я всегда думал,

что охраняю храм, а это оказался нужник»²⁴¹, а Семену Бабаевскому он как будто сказал: «Выходит, мало им XX съезда — позора на весь мир. Хотят, чтобы еще и я устроил пляску на могиле Сталина. Не дождутся, подлецы!»²⁴²

15 мая на Ордынку пришел освобожденный Лев Гумилев, а после визита Хрущева и Булганина в Англию в апреле 1956 года возникли взаимные планы различных культурных контактов — гастролы МХАТа и Ленинградского симфонического оркестра в Англии и Стратфордского мемориального театра в СССР (из-за венгерских событий этой дружбе не суждено было расцвести²⁴³). В августе состоялся невероятный приезд Исаяи Берлина²⁴⁴, недавно считавшегося связным между рабовладельцами-людоедами США и человекозверями в белых халатах²⁴⁵.

В этот приезд ему представилось, что Россия состоит из двух наций — из циничного правящего класса и управляемого им слоя, тех, кто похож на нормальных людей во всем свете и наследуют черты персонажей великих русских прозаиков. В Пушкинском Доме он посетил профессора М.П. Алексеева, который сказал, что сталинская эра завершилась, как он надеется, навсегда. Берлин спросил, будут ли «реабилитированы» Пастернак да Ахматова. Собеседник внимательно посмотрел на присутствующего при этой встрече соглядатая и ответил, что он не знает. Атмосфера беседы стала ощутимо прохладней, и Берлин вскоре распрощался²⁴⁶.

За этим последовала «невстреча» — слово, памятное по высокому прецеденту²⁴⁷:

Пастернак сказал мне, что хотя Ахматова и хотела со мною встретиться, ее сын, которого арестовали во второй раз вскоре после того, как видел его, только недавно вышел из лагеря, и она поэтому опасалась встречаться с иностранцами. Особенно потому, что она объясняла яростные нападки партии на себя, по крайней мере частично, моей встречей с ней в 1946 году. Пастернак сказал, что он сомневался в том, что мое посещение причинило ей хоть какой-либо вред, но, поскольку она, видимо, была уверена в обратном и, кроме того, поскольку ей посоветовали избегать компрометирующих связей, она никак не может со

мною встретиться. Она, однако, очень хотела, чтобы я сам позвонил ей. Это было безопасным, поскольку ее телефон наверняка подслушивался, так же, впрочем, как и его собственный. <...> «Где вы остановились?» — спросил он меня. — «В британском посольстве». — «Ни в коем случае не звоните оттуда. Позвоните из телефона-автомата. Из моего телефона тоже нельзя». В тот же день позднее я позвонил Ахматовой. «Да, Пастернак рассказывал мне, что вы с женой в Москве. Я не могу увидеться с вами по причинам, вполне понятным вам. Так же мы можем говорить, потому что они знают <...> Пастернак <...> наверное, объяснил вам, почему мне нельзя встречаться с вами. У него были трудные времена, но не столь мучительные, как у меня. Кто знает, может быть, мы еще встретимся в этой жизни. Вы мне опять позвоните?» Я ответил утвердительно, но когда я позвонил снова, мне сказали, что она уже уехала из Москвы, а Пастернак настоятельно советовал не звонить ей в Ленинград²⁴⁸.

Матери Берлин написал:

...и никаких новостей ни о ком, и больше не ожидается — я видел людей меньше, значительно меньше, чем в 1945-м, и не принимаю к тому больших усилий²⁴⁹.

Приезд Берлина совпал с десятилетним юбилеем постановления («О август мой, как мог ты весть такую / Мне в годовщину страшную отдать!»²⁵⁰), о котором тонко напомнила кочетовская «Литературная газета»²⁵¹, в круглую дату поместившая письмо читателя, учителя физики, отвечавшего Эренбургу:

Я отнюдь не собираюсь утверждать, что названные Вами в статье Ахматова, Цветаева, Пастернак в какой-то степени не влияли на развитие советской поэзии в послереволюционные годы. Выяснить, было ли это влияние положительным или отрицательным — дело историков литературы. Но ведь из Вашей статьи читатель вправе сделать вывод, что именно эти поэты определяли развитие советской поэзии. А разве это соответствует действительности?²⁵²

Стихотворение «Сон» написано в лето невстречи и мыслей о британском госте, пока еще не вошедшем в ее сны (10 октября Пастернак писал сестре: «Ахматова без конца говорит о нем»²⁵³). В цикле «Шиповник цветет», или «Сожженная тетрадь», начатом этим стихотворением, слово «сон», не считая его производных, встречается семь раз²⁵⁴. Этот «сон» с отсутствующим героем, замененным риторическим штампом из резервов русской поэзии²⁵⁵, был — говоря другим ахматовским заголовком — «сон во сне»²⁵⁶, тот микеланджеловский отрадный сон среди позорной и постылой сонливости²⁵⁷.

По поводу блоковского эпиграфа к этому стихотворению («Сладко ль видеть неземные сны?») Ахматова сказала пишущему эту книгу: «Я хотела взять другую строчку, но друзья сказали — неудобно, там мое имя» («Анна, Анна, сладко ль спать в могиле...»). Стихотворение отвечает на неслучившееся событие оксюморонным острием заключения, которое отсылает редкого квалифицированного читателя²⁵⁸ к концовке стихотворения Василия Комаровского²⁵⁹. Невстреча поставлена под знак другого события лета 1956 года — Велико-го противостояния Марса, повторявшего грозное знаменье перед Великой Отечественной войной (и вызвавшего, кстати, в том же пятьдесят шестом мрачное стихотворение Николая Заболоцкого). О 1956 годе вспоминал и Валентин Берестов:

Как-то в конце летнего дня я сопровождал ее на прогулке. Возвращались мимо Третьяковской галереи. Над зданием Педагогической библиотеки, старинной московской усадьбой, в еще синем небе зажглась алая мерцающая звезда. То было великое противостояние Марса. Предыдущее мы видели в 1940 году, война в Европе уже шла.

И такая звезда глядела

В мой еще не брошенный дом, —

хотел я напомнить Анне Андреевне. Взглянул вправо, на нее, и — о чудо! — словно попал в сказку, в «Синюю птицу» Метерлинка, ту, где перед очарованными зрителями проходят Душа Огня и Душа Хлеба, Душа Пса и Душа Воды... Справа от меня «лунатической» поступью, какую видел в Ташкенте через окно, когда Ахматова выходила из комнатки во двор, чтобы додумать,

дошептать самой себе новые стихи, шла как бы Душа Ахматовой. Душа без возраста и пола. Большое седое дитя, готовое давать имена цветам и звездам. Уверен, в тот миг она сочиняла стихи, у ее души, ее музы был какой-то свой разговор с багровой звездой в темнеющем московском небе. Молча довел ее до подъезда, она кивнула мне, видение из сказки Метерлинка исчезло, и мы расстались²⁶⁰.

Ахматовский Марс, как — в очередной раз повторимся — любая ее упоминательная клавиша, рассчитывает на несколько цитатных обертонов, из коих первый здесь — шекспировский, по случаю приезда британского гостя. В исторической хронике Карл говорит:

Mars his true moving, even as in the heavens
So in the earth, to this day is not known.
Late did he shine upon the English side;
Now we are victors; upon us he smiles.

(Генрих VI. Часть первая. Акт 1, картина 2.)

Движенья Марса на земле и в небе
До сей поры еще не изучили.
Недавно Англии сиял он, ныне ж
Нам, победителям, он шлет улыбки.
(Перевод Е. Бируковой)

Имя римского бога в ахматовский стихоряд входит впервые, вызывая в памяти рассуждения из литературного обзора председателя Реввоенсовета:

Так «новое религиозное сознание» и сошло на нет, весьма наследив, однако, в литературе. Целое поколение поэтов, принявших революцию 1905 года за ночь Ивана Купалы и ожегших деликатные крылья на ее костре, ввело небесную иерархию в свои ритмы. К ним примыкала межреволюционная молодежь. Но так как поэты, в силу дурной традиции, и раньше обращались в затруднительных обстоятельствах к нимфам, Пану, Марсу и Венере, то под углом поэтической формы совершилась только национали-

зация Олимпа. И в конце концов, Марс или святой Егорий — это смотря по тому, хорей или ямб. Но несомненно, что у многих, по крайней мере у некоторых, под этим скрывались свои переживания — какие? — главным образом, испуга. Потом пришла война, которая испуг интеллигенции растворила в общей горячечной тревоге²⁶¹.

Ритмика русского стиха чуть сложнее красного стиховедения: к Святому Егорию взывала Ахматова именно в хореической «Колыбельной» («Далеко в лесу огромном...»), а Марс появился в ямбе под сверхсхемным ударением.

Был вещим этот сон или не вещим...
 Марс воссиял среди небесных звезд,
 Он алым стал, искрящимся, зловещим,—
 А мне в ту ночь приснился твой приезд.

Он был во всем... И в баховской Чаконе,
 И в розах, что напрасно расцвели,
 И в деревенском колокольном звоне
 Над чернотой распаханной земли.

И в осени, что подошла вплотную
 И вдруг, раздумав, спряталась опять.
 О август мой, как мог ты весть такую
 Мне в годовщину страшную отдать!

Чем отплачу за царственный подарок?
 Куда идти и с кем торжествовать?
 И вот пишу, как прежде без помарок,
 Мои стихи в сожженную тетрадь.

Аутодафе появилось и в финале другого стихотворения, написанного в те же дни. 14 сентября 1956 года Л.К. Чуковская записала:

... она прочитала мне два новые свои стихотворения: «Ты выдумал меня. Такой на свете нет» и еще одно, со строкой о Марсе. Дивные, особенно первое. Прочла и начала меня поддразнивать:

— Они уже были написаны, когда я вас видела, но я не решилась вам прочесть. И никто мне ничего про них не говорит. Скажали бы хоть вы два слова — ведь вы умеете говорить о стихах.

— Скажу ровно два: великие стихи.

— Не хуже моих молодых?

— Лучше²⁶².

Стихотворение «Ты выдумал меня...» Ахматова, чувствуя в нем рискованность метрической игры, несколько лет спустя подвергла разметке по стопам. Это было проверкой выдержанности чередования цезурированных нечетных шестистопных ямбических стихов с четными четырехстопными и пятистопными. Чередование не совсем последовательно²⁶³, но уловимо, в конце же стихотворения (записанного без третьей строфы) последовательность сознательно инверсируется:

Ты вы/думал/ меня — // такой/ на све/те нет,
 Такой/ на све/те быть/ не мо/жет,
 Ни врач/ не и/сцелит, // не у/толит/ поэт...
 Тень при/зрака/ тебя // и день/ и ночь/ трево/жит.
 Мы встре/тились/ с тобой // в неве/роят/ный го/д,
 Когда/ уже/ совсем // исся/кли ми/ра си/лы,
 Все бы/ло в тра/уре, // все ник/ло от/ невзгод/
 И све/жи бы/ли лишь могилы.
 И ты/ пришел/ ко мне, // как бы/ звездой/ ведом,
 По [этой] о/сени // траги/ческой ступая,
 В тот на/сегда/ опустошенный дом,
 Отку/да у/неслась // стихов/ сожже/нных ста/я.

(С. 78)

«И бы/ли све/жими // тогда/одни/моги/лы» (С. 78) — прикинула Ахматова возможность нарушения заданного чередования раньше, но сохранила ритмический перевертень для конца. В финале ей важен был некий метрический курсив как указание на сопровождающее ее всю жизнь злое видение «пустого дома» и как отсылка к классическому источнику, который ей довелось обрабатывать в ее переводческой практике. В письмах Рубенса встречалась цитата из Вергилия: «Sola domo macret vacua stratisque relictis incubat» — «как она в опу-

стелом доме тоскует одна и склоняется к покинутому ложу» (Энеида IV, 82), которую нужно было сверить с переводом Афанасия Фета («В доме пустынном одна грустя она к ложу склонялась, что он покинул»)²⁶⁴.

В стихотворении этом самым важным была стрелка к истории «Дидоны», которая стала эмблемой ее встречи 1945 года с Исайей Берлином, можно сказать, не только метафорически, но и метонимически — через несколько дней после этой встречи в газете, издававшейся по-русски английским посольством в СССР и курировавшейся Берлином, были напечатаны ноты и текст с подстрочным переводом прощальной арии Дидоны (When I am laid in Earth) из оперы Перселла «Дидона и Эней»:

Дай руку, Белинда, тьма находит.
 Отдохнуть бы, как во сне.
 Жизнь могила, но смерть подходит.
 Смерть теперь желанна мне.
 Ах, когда я буду лежать в земле,
 Ты прости мне все зло,
 И горем не томи.
 Люби меня, люби меня,
 Но страшный день забудь²⁶⁵.

В оригинале:

Thy hand, Belinda, darkness shades me,
 On thy bosom let me rest,
 More I would, but Death invades me;
 Death is now a welcome guest.
 When I am laid in earth,
 May my wrongs create
 No trouble in thy breast;
 Remember me, but ah! forget my fate.

Любовное стихотворение, таким образом, взывало к истокам европейской поэзии. Еще более подчеркивал его древнюю генеалогию намеченный эпиграф «И это пройдет» (надпись на кольце царя Соломона). Видимо, осознание подключенности

нового стихотворения к тысячелетним традициям вызвало вдогон четверостишие, записанное 19 сентября 1956 года:

Не повторяй — (душа твоя богата)
Того, что было сказано когда-то,
Но, может быть, поэзия сама —
Одна великолепная цитата (С. 76).

Астрономический термин наваял мизансцену «противостояния» в диалоге-споре русского поэта и европейского пришельца. За поэтом — «всегдашняя Русь». Речь поэта звучит из трех мест, связанных с глубинами национальной истории: во-первых, из деревеньки под Коломной у дороги, по которой Дмитрий Донской²⁶⁶ вел войско на Куликовскую битву. Строка «Я шла, как в глубине морской» в девятистишии о девятом вале Судьбы и победе над нею вводит нас в разветвленную конструкцию индивидуального ахматовского «августовского мифа»: всепобеждающая десница, проложившая для израильтян новый путь по глубине морской и ведшая их огневидным столпом (давшим название последней книге убитого в августе Гумилева).

Параллельно со стихотворением «По той дороге, где Донской...» в 1956 году возникает набросок:

Меня влекут дороги Подмосковья,
Как будто клад я закопала там,
Клад этот называется любовью,
И я его тебе сейчас отдам.

И в кронах лип столетняя дремота
И Пушкин, Герцен. Что за имена!
Мы близки от такого поворота,
Где вся окрестность на века видна.

А та дорога, где Донской когда-то
Вел рать свою в немислимый поход,
Где ветер помнит клики супостата
И клич победы на крылах несет.

Во-вторых, поэт говорит и из утлого домика на Финском побережье, и оттуда, где прошли ахматовские 1950-е, — из Замоскворечья («замостья и прочая») с его особой «семантикой». Не только потому, что Ордынка именем напоминала о Золотой Орде, но и из-за — можно было бы сказать «неуловимой», если б ее сразу не уловила эмигрантка-туристка, — досоветской атмосферы:

Перейдя Москву-реку, пошла по Большой Ордынке. Попала в настоящую русскую старину. Тут наверно и 100 лет тому назад так же было. Низенькие домики, кривые переулочки, цветы на подвальных окнах... Если бы не попадались мне «Агитпункты», то трудно было бы поверить, что я в Москве 20 века...²⁶⁷

Другое стихотворение этого цикла написано в октябре 1956 года в Комарове, где в 1955 году бывшей декадентской поэтессе была присуждена персональная дача (и К.А. Федин записал в дневнике:

Ахматова с чувством изумления, но не без польщенной гордости рассказывала, что ленинградцы предоставили ей дачу в Комарово, которой она пока не видала²⁶⁸).

Здесь ее как-то увидел бывший пролеткритик, отсидевший в лагерях по доносу коллеги:

... однажды, пересекая подсохнувшее болото, перескакивая с кочки на кочку, разглядел вдали женщину, меня явно поджидавшую.

Я обомлел, когда, перейдя трясины, узнал... Анну Ахматову. Она протянула мне руку, попеняла за то, что я отважился сунуться в это болото, а я почувствовал, что у меня аж уши краснеют. Она говорила что-то доброе по поводу моего возвращения, я поцеловал ее руку, а вымолвить ничего не мог.

Ведь хотя бы «по долгу службы» я должен был быть знаком, ан нет; жили в одном городе, состояли в одной организации с 1929 года, а я никогда не подумал, какова ее жизнь. А ведь ни единого раза не напомнили мне о ней ни Тихонов, ни Федин, ни

Саянов, ни Друзин, еще с 26–27 года уверявшие меня, что «пролетпоэты» — калифы на час, а подлинная поэзия — Гумилев, Ахматова, Пастернак, Мандельштам²⁶⁹.

С этим местом у нее были связаны воспоминания о крае советской ойкумены в годы террора:

Когда в 30-х годах с Ник. Ник. [Пуниным] ездили навещать Иру[Пунину] и Срезневскую в Сестрорецкий курорт, то всегда возвращались через Белоостров. Тогда поезд по этой линии шел почти все время через лес — густой, темный, хвойный, и мне казалось, что жизнь давно кончена, что все было очень давно — и стихи, и люди, и дружба, а это чьи-то могилы... Немцы, т.е. финны, сожгли эти леса. Теперь там только пни, кое-где кустарники. И с тех пор произошло столько событий. Все это я вспоминаю всякий раз, когда еду в город из Комарова²⁷⁰.

Бывшее финское Келломяки²⁷¹ (как спустя восемь лет написала Ахматова, «земля хотя и не родная») погранично по определению, отсюда видно в обе стороны русско-европейского разлома, оно находится на пороге мифологического пространства («ступень, ведущая в Нептуновы владенья» в стихотворении о Выборге)²⁷² и читается двояко — как нерусское («А.А. думает, что этот кусок Карельского перешейка был, видимо, лучшей частью Финляндии: легко себе представить чувства финских туристов!»²⁷³), но и — с другой точки зрения — как вполне отечественное, ведь писал Борис Зайцев Ивану Бунину в июле 1935-го из Келломяки:

Наслаждаешься запахом русского леса. Сколько здесь России! Запахи совсем русские: остро-горький — болотцем, сосной, березой²⁷⁴.

В первое свое стихотворение о Комарове «Пусть кто-то еще отдыхает на юге...» она демонстративно вводит символ, имеющий уже в русской лирике разветвленную традицию поэтизации:

И, кажется, тайно глядится Суоми
В пустые свои зеркала.

Иду между черных приземистых елок.
Там вереск на ветер похож,
И светится месяца тусклый осколок,
Как финский зазубренный нож.

Финский нож был воспет в стихотворении А.И. Онош-кович-Яцыны «Нож» (1921), видимо, как аллегорическая эмблема страсти²⁷⁵ к хорошо знакомому Ахматовой адресату²⁷⁶, потом помянут Сергеем Есениным в широко известных стихах как *couleur locale* Москвы кабацкой, от Есенина попал в оду Вольфа Эрлиха (1926)²⁷⁷ и, наконец, использован в антифинских стихах Сергея Городецкого 1940 года:

И вот опять подкрался хищник
К твоим заветным рубежам,
Грозя красе твой и жизни
Ударом финского ножа²⁷⁸.

Этот вариант ахматовского стихотворения, с «Суоми», т.е. с напоминанием о «дюнах, отобранных у чухны» (И. Бродский), и с финским ножом «пукко», не был пропущен ни в одном прижизненном издании.

В стихотворении отблеск сновидческой теургии пал на летнюю невестречу, как падал вообще на все, связанное с британским гостем:

Живу, как в чужом, мне приснившемся доме,
Где, может быть, я умерла...
Сюда принесла я блаженную память
Последней невестречи с тобой —
Холодное, чистое, легкое пламя
Победы моей над судьбой.

Ср.:

Эти зеленые домики с застекленными террасами (в одном из них я живу) непрерывно стояли перед моими закрытыми глазами в 1951 году в Пятой Советской больнице (Москва), когда я лежала после инфаркта и, вероятно, под действием пантопона. Дома эти тогда еще не существовали — их построили в 1955 году, но когда я их увидела, я тотчас припомнила, где видела их раньше. Оттого я написала в «Эпиллоге»:

Живу, как в чужом мне приснившемся доме,
Где, может быть, умерла...

Кстати, о бреде. Во время тифа в Ташкенте, в 1942 году круглоголовый человек без лица сел на стул и рассказал мне все, что случится со мной, когда я вернусь в Ленинград. Запись его рассказа я сожгла вместе со всей остальной прозой того времени...²⁷⁹

«Все, что случится» — это и есть история встречи с пришельцем издалека и ее последствия.

Здесь, в споре-ссоре с заморским оппонентом (ср. в наброске:

Глаза бы не видели этого моря,
С ним в мире я жить не могу.
Я с ним в постоянной, неистойвой ссоре,
Как с тем, кто на том берегу.

(Карельский перешеек, 1956, октябрь),

тоже предполагались строфы-аргументы, отсылающие к одному из первоначал русской культуры, к Санкт-Петербургу и его чудотворному строителю, застывшему навечно на Громкамне, финском валуне²⁸⁰:

Мороз, словно викинг, проходит, лютуя,
Где тронет, там крови поток,
Как ссадины, жгучи его поцелуи...

Мне чем-то знакомые в чаще ютятся
Обломки гранитные скал.
Покинув их, медные всадники мчатся
По глади озерных зеркал...

Победительный тон в ахматовском цикле-споре был во многом вызван тем, что переломный 1956-й должен был стать годом полной реабилитации Ахматовой как поэта (а не только как гражданки и переводчицы). Своего рода увенчанием такой реабилитации был бы газетный очерк, заменявший в предновогоднем номере «Литературки» рождественскую прозу с хорошим концом, — рассказ про то, как поэзия «выпрямила» заблудшую детскую душку — малолетнюю попутчицу в поезде, дочь работника искусства. Она смущает соседей избалованностью и заставляет вспомнить о модной молодежи, «бледнеющей при первых звуках джаза»:

Потом она попросила супругов назвать их любимую советскую поэтессу. В купе опять воцарилась тишина. Под мерный стук колес супруги думали. Жена, так и не вспомнив, сладко заснула. А девочка назвала одну из ленинградских поэтесс и сделала это таким тоном, что я насторожилась. Вдруг, став очень серьезной, она, не мигая, посмотрела на майора. — Читал, — ответил майор, — правда, немного. Девочка удивленно поглядела на него и стала читать ему на память стихи, по-видимому, своей любимой поэтессы. Я думаю, что она знала наизусть все ее произведения. Теперь девочка стала совсем другой. Весь день она болтала всякий вздор, повторяла чужие мысли — мысли папы, мамы, знакомых. Сейчас она говорила свои мысли, и это ей очень шло. Она любила и понимала поэзию и, читая стихи, прекрасно доносила их смысл. Слушая ее, майор задумчиво смотрел в окно, изредка поглядывая на свою изменившуюся спутницу. — Вы понимаете, как это чудесно? — спросила она. — Понимаю, — ответил майор, впервые улыбнувшись ей по-дружески. Они говорили о поэзии. До полуночи девочка читала стихи многих других известных и неизвестных мне наших поэтов. С верхней полки я ясно видела ее личико. Раньше оно казалось мне просто хорошеньким лицом избалованной, нахватавшейся от взрослых всякого вздора четырнадцатилетней девчонки. Но теперь оно мне показалось значительным и красивым. Когда поезд подходил к Москве, девочка крупным почерком торопливо переписывала майору несколько особенно понравившихся ему стихотворений²⁸¹.

И в очерке этом легко было усмотреть намек на нашу героиню²⁸².

Но незадолго до этого, 23 ноября 1956 года, в Президиум ЦК доставили письмо о происках реваншистских мелкобуржуазных околослужебных элементов:

Мы, группа деятелей социалистической культуры, серьезно обеспокоенные положением и дальнейшими судьбами советской литературы и искусства, считаем своим партийным долгом обратиться в ЦК КПСС со следующим заявлением. <...> Нельзя не заметить, что в результате того, что обсуждение решений XX съезда КПСС в творческих организациях было пущено на самотек, там подняли голову остатки разгромленных в свое время партией различных мелкобуржуазных, формалистических группировок и течений. Эти элементы выступают сейчас в тоге борцов за поправленную правду. Они пытаются здоровую дискуссию о путях ликвидации последствий культа личности на фронте культурного строительства превратить в демагогическую политическую демонстрацию против самих основ ленинской политики партии в области литературы и искусств. Именно такой характер носили многие собрания писателей в Москве, Ленинграде, Киеве, художников в Москве и Ленинграде, творческая дискуссия московских художников «О традициях и новаторстве», обсуждение романа Дудинцева «Не хлебом единым» и другие. Эти элементы, используя беспринципность и недальновидность руководителей отдельных печатных органов <...> ведут со страниц этих изданий ничем не прикрытую атаку на линию партии в вопросах литературы и искусства, на основы нашего марксистско-ленинского воззрения, на социалистический реализм, на партийное и государственное руководство литературой и искусством. Эти элементы берут под сомнение правильность известных решений партии по идеологическим вопросам, пытаются реабилитировать формализм, поднимают на щит различных его идеологов. В связи с этим нельзя не отметить той недостойной возни, которая ведется сейчас в ВТО, Союзе художников, на страницах «Литературной газеты» вокруг имени Всеволода Мейерхольда.

Реваншистские элементы создают в творческих организациях обстановку идеологического террора, ведут разнуздан-

ную травлю литераторов и художников, которые поставили свое творчество на службу партии и народу. Эти демагогические элементы не брезгают ничем для того, чтобы оскандалить тех деятелей советской культуры, которые всегда самоотверженно боролись за линию партии, за социалистический реализм. Они объявляют таких художников прислужниками культа, обливают их творчество грязными помоями, науськивают на них молодежь²⁸³.

Особенного хода именно этой слезнице, хоть и не упоминающей венгерских и польских событий, но их подразумевающей, как будто не было дано. Но в другом сигнале на глаза высшему партруководству вновь попало имя Ахматовой. Причиной была стенгазета филфака МГУ, в которой среди прочего, как доложил литературовед В.И. Кулешов на закрытом партсобрании 29 ноября 1956 года,

помещена статья об Ахматовой, в которой дана объективистская, политически неверная характеристика акмеизма (не сказано, что это направление было выражением империалистической идеологии). Назван Гумилев как вождь акмеизма («мастер стиха») и забыто (редактор сказал, что не знал об этом), что Гумилев был расстрелян советской властью как белогвардеец за связь с кронштадтским мятежом²⁸⁴.

На следующий день отдел культуры ЦК КПСС информировал вышестоящие инстанции:

В этой обстановке активизировались такие литераторы, которые и раньше с недоверием относились ко всему, что делается в нашем обществе. <...> Хотя роман Пастернака не был принят к печати, он имеет хождение в рукописи среди литераторов, а сам Пастернак пользуется в известных кругах, и в частности, среди студенческой молодежи, славой непризнанного гения. Недавно на филологическом факультете МГУ была выпущена стенгазета, которая заполнена безудержным восхвалением трех «величайших» поэтов эпохи — Пастернака, Цветаевой и Ахматовой. Характерно, что никто из преподавателей-коммунистов не на-

шел в себе смелости открыто выступить против этих уродливых пристрастий студентов-филологов, раскритиковать и высмеять их дурные вкусы...²⁸⁵

Суркову пришлось через полгода, с учетом партийных решений (19 декабря 1956 года было разослано закрытое письмо «Об усилении борьбы с антисоветскими элементами»), отмечивать издательские планы от нездорового ажиотажа:

Вглядываясь в ту шумную возню, которая шла в последнее время в некоторых литературных кругах Польши, Венгрии и Югославии под широковещательными лозунгами борьбы против рутины и косности, под лозунгами новаторства, нельзя, однако, не заметить, что все эти адепты новаторства повернуты лицом назад, к той помойке отбросов мировой культуры, на которой уже давно зловонно истлевают выбракованные историей отбросы всяческих «измов» шестидесяти- и пятидесятилетней давности.

И не отзвуками ли этого шума у соседей являются участвовавшие у нас в последнее время призывы отправлять молодых поэтов на выучку к Марине Цветаевой, или Борису Пастернаку, или некоторым другим поэтам, подчеркнувшим своей биографией или своими стихами постороннее отношение к тому, что делает и делал за последние сорок лет наш народ.

Мы издали собрание сочинений Ивана Бунина и избранные сочинения Леонида Андреева. Будет напечатана книга стихов Марины Цветаевой. Нормально и естественно переиздание стихов Бориса Пастернака или Анны Ахматовой. Но вряд ли следует отождествлять нашу издательскую политику с ориентацией молодежи на учебу у тех или иных из этих мастеров²⁸⁶.

В те месяцы после венгерских и польских событий следовало особенно опасаться коварного восточноевропейского ревизионизма²⁸⁷: например, Милан Кундера тихой сапой пытался было примирить модернизм с реализмом на примере В. Незвала и Маяковского²⁸⁸. Еще ранее в Польше Антони Слонимский (стихи которого читал Ахматовой в Ташкенте Юзеф Чапский²⁸⁹) выступил против теоретического наследия А.А. Жданова, сказав, что концепция социалистического ре-

ализма была наивернейшим инструментом для уничтожения искусства, что главным фактором ждановского периода был страх и что «культ личности» — это очередной миф, речь же должна идти не о личности, а о системе, сделавшей возможными злодеяния подобной личности²⁹⁰.

Молодые товарищи из стран народной демократии порой проповедовали нечто, напоминающее даже канувший в лету акмеизм. Таким был, например, Станислав Гроховяк (принадлежавший к группе «турпистов» — от латинского *turpus*, т.е. «безобразный»), в числе польской делегации посещавший Ахматову в 1960 году и накануне пытавшийся

убедить аудиторию, что сейчас важно создавать произведения, воспевающие... утварь, пейзаж, интерьер человеческой жизни и даже эротику, которая, оказывается, «становится неотделимой от тщательного описания физических ощущений» <...> Естественно, что старшие поэты сочли необходимым помочь С. Гроховяку разобраться в его ошибках²⁹¹.

В создавшихся условиях партия решила не дезавуировать ждановское постановление, от юридической судьбы которого зависела издательская репутация Ахматовой. В журнале «Коммунист» партия объявила:

В период культа личности И.В. Сталина были и элементы администрирования, и необоснованно резкой критики, и т.п. Но разве это было основным, как пытается кое-кто представить? Перегибы перегибами, однако основное направление в руководстве литературой и искусством и в тот период состояло в осуществлении марксистско-ленинских принципов в этой области. Оно выражено в известных постановлениях ЦК партии 1946–1948 годов по вопросам литературы и искусства.

Каковы были обстоятельства, поставившие ЦК перед необходимостью поднять эти постановления? Дело в том, что в обстановке великой победы, одержанной героическим советским народом в войне, у известной части деятелей нашей культуры появилось настроение благодушия. Дружественное отношение к союзникам по войне стало у них притуплять непримиримость

к буржуазной идеологии. В отдельных случаях это вело даже к ярко выраженному низкопоклонству перед буржуазными нравами и культурой. Наряду с этим под влиянием лишений и потерь, понесенных в войне, получили некоторое распространение упадочнические тенденции. Все это находило отражение в литературе, искусстве и на других участках идеологического фронта и наносило нашей идеологии существенный урон. Партия должна была серьезно и решительно поправить положение.

Постановления ЦК по вопросам литературы и искусства сыграли огромную роль в дальнейшем развитии художественного творчества по пути социалистического реализма. Жизнь показала, что основная масса деятелей литературы и искусства правильно и глубоко восприняла их смысл и содержание и руководствуется ими в своей творческой практике. Атаки на постановления ЦК из враждебного нам лагеря, склонность некоторых наших товарищей представить их устаревшими, не отвечающими требованиям нового периода — все это рассыпается в прах при беспристрастном и объективном анализе.

Напомним главное в содержании этих постановлений. Вот первое из них — «О журналах “Звезда” и “Ленинград”». На что в нем обращалось внимание? Прежде всего на неудовлетворительное ведение этих литературно-художественных журналов. В постановлении указывается, что наряду со значительными и удачными произведениями в журналах был напечатан ряд безыдейных и даже идеологически вредных произведений. Постановление требует от работников журнала повысить свою ответственность перед народом, бороться за идейную чистоту и высокую художественность публикуемого материала²⁹².

Опусам пошляка Зощенко и блудницы Ахматовой были найдены правопреемники — роман В. Дудинцева «Не хлебом единым» и рассказ Д. Гранина «Собственное мнение», которые обвинялись в подстрекательстве к студенческим брожениям²⁹³.

Уже в третьем выпуске «Литературной Москвы» (впрочем, так и не состоявшемся из-за твердого осуждения первых двух идеологическими инстанциями) полноценное участие Ахматовой становилось проблематичным. Ахматова дала

туда «Из пропавшей тетради» (вместо «Из сожженной тетради») «Во сне», «Наяву» «Без названия» («Таинственной невстречи...»), «Сон» с пометой «Старки», «Ответ» («Ты выдумал меня...») — в финале «стихов заветных стая», «Эпилог» с финалом про постоянную неистовую ссору, «Два четверостишия» — «Нет, это не я... (из «Реквиема») и «И сердце то уже не отзовется...», «Отрывок из дружеского послания» («Пора забыть верблужий этот гам...»). Но Алигер с перепугу забрала половину (4 из 8) цикла стихотворений Ахматовой²⁹⁴, несмотря на то, что в это же время Ахматову, не умершую в лагере и не повесившуюся, стали выгораживать, задевая кадиллом неудачников-мертвецов.

А. Дымшиц²⁹⁵ тогда сказал:

Неправильно причислять некоторые произведения, принадлежащие прошлому, к каким-то значительным явлениям нашей жизни. Имена Хлебникова, Цветаевой, Мандельштама становятся известными, но иногда они популяризируются неверно, и молодежь под влиянием этого начинает увлекаться ими. Сейчас снова поднимают Цветаеву. Что же тогда делать с Ахматовой? Ведь по сравнению с Цветаевой — она неизмеримо выше. Цветаева — явление крошечное²⁹⁶.

И сказала Е. Серебровская:

Талант М. Цветаевой можно было бы сравнить с Антеем, оторванным от земли еще с самой юности своей, еще до совершения подвигов, — он глубоко трагичен. Чтобы пояснить свою мысль, я позволю себе сравнить судьбу двух русских поэтесс, принадлежавших примерно к одному поколению: М. Цветаевой и А. Ахматовой. Они начинали в декадентских салонах дореволюционной поры. Обе выросли в такой среде, которая не готовила их к тому, чтобы сразу принять и признать великую революцию. Но А. Ахматова осталась на родной земле, она ощущала глубокую связь своей судьбы с судьбой родины. Вот почему в 1942 году, в минуты самые тяжелые для нашей страны, она могла написать: «Но мы сохраним тебя, русская речь, великое русское слово...» <...> «Моя земля», — писала Ахматова, и в этом была

ее сила. И не какие-нибудь суфлеры, а собственная гражданская гордость учила ее, как отвечать бесцеремонным буржуазным гостям, приехавшим в Ленинград в поисках газетных сенсаций вскоре после постановления ЦК партии о «Звезде» и «Ленинграде». Патриотизм — что это такое? Для одних — всего лишь слово иноязычного происхождения, для других — основа всей жизни, главное чувство, от которого так или иначе зависят все остальные²⁹⁷.

По поводу двух почти синхронных выступлений Е. Серебровской и А. Коваленкова было замечено Ахматовой, что «в этой симметрии что-то кроется»²⁹⁸.

В этот период главной подсудимой была Цветаева²⁹⁹ и, возможно, на один из прокурорских аргументов откликнулась «ветвь бузины» в ахматовском стихотворении «Нас четверо»:

Для доказательства патриотической любви Цветаевой к родине вспоминаются деревья: «калужские березы», «жаркая рябина», «печальный огонь бузины», «последняя кровавая бузина». Этого, конечно, мало. Ведь еще Добролюбов считал, что любовь к родине и холмам — это только первая, отроческая стадия любви к отечеству. А Цветаева прошла многие стадии. Длительное пребывание в белой эмиграции — это такое обстоятельство, которое трудно не учитывать даже в поминальной речи <...> Положительно зря возводит [И.Г. Эренбург] в перл поэтического творения «дорожные грехи празднующейся музыки» (выражение П. Вяземского)³⁰⁰.

Александр Коваленков, сходявший за ценителя поэзии у не избалованной эстетизмом послевоенной молодежи³⁰¹, но не избежавший сомнительности в своей гражданской репутации³⁰² (по его поводу 23 июля 1957 года была послана телеграмма из Комарова: «Москва, ул. Воровского, Союз писателей, Суркову. ПРОШУ ПРИСОЕДИНИТЬ МОЮ ПОДПИСЬ ПРОТЕСТУ КОМИССИИ НАСЛЕДИЯ МАНДЕЛЬШТАМА ПРОТИВ СТАТЬИ КОВАЛЕНКОВА=АННА АХМАТОВА»³⁰³), сосредоточился на Мандельштаме:

Но за каждой строкой этого оказавшего настолько заметное влияние на литературные течения начала тридцатых годов поэта, что даже появился термин «мандельштамп», стоял призрак буржуазной цивилизации Запада. Сергей Есенин однажды даже пытался бить Мандельштама. И было за что. Ведь это он написал:

Я пью за военную астру <sic!> <...>

У Анны Ахматовой, литературная биография которой, так же, как и у Мандельштама, неразрывно связана с развитием и угасанием акмеистической школы, таких стихов не найдешь. Чувство родины спасло ее от музейной пыли и читательского равнодушия.

... Мне голос был. Он звал утешно <...>³⁰⁴.

В том году московский студент, изучавший иностранные языки, сказал туристке из Парижа:

Мы живем в мире Кафки³⁰⁵.

Весь пятьдесят шестой прошел под знаком реабилитаций, что и воспето в стихотворении А. Аронова «1956-й»:

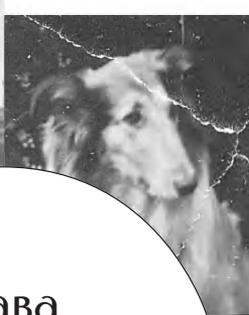
Среди бела дня
Мне могилу выроют.
А потом меня
Реабилитируют.
Пряжкой от ремня,
Апперкотом валящим
Будут бить меня
По лицу товарищи.
Спляшут на костях,
Бабу изнасилуют,
А потом простят.
А потом помилуют.
Скажут: — Срок ваш весь.
Волю мне подарят.
Может быть, и здесь
Кто-нибудь ударит.

Будет плакать следователь
На моем плече.
Я забыл последовательность,
Что у нас за чем³⁰⁶.

Были реабилитированы писатели от И. Бабеля до И. Бунина, от М. Кольцова³⁰⁷ до М. Булгакова, и констатировалось наблюдателем издаека «возвращение права гражданства недавним прихвостням буржуазии вроде Ахматовой, Зощенко и др.»³⁰⁸. Красноречивым свидетельством намечавшейся полной реабилитации Ахматовой было отсутствие осуждения ее ранних стихов в разделе об акмеизме на страницах учебника, написанного «мохнатой лапой» круглогодичного разоблачителя этого течения. Ахматова единожды названа в общем перечислении, не получив никакой характеристики — в отличие от сваленных в общую кучу Гумилева, Кузмина, Б. Садовского, Г. Иванова, В. Шершеневича, Б. Лившица, Мандельштама, Н. Оцупа, Зенкевича, Городецкого, Клюева, Нарбута. В заключение раздела с чувством облегчения замечено:

Лишь немногие из акмеистов (С. Городецкий, Вс. Рождественский, А. Ахматова) вошли в советскую поэзию, испытав на себе влияние новой, социалистической действительности. В своем творчестве советских лет они отошли от эстетических принципов акмеизма, которые оказались чуждыми новой, советской эпохе³⁰⁹.

Angoisse — 4 mar

Глава
вторая

1957-1958

Анна
Ахматова.

Литджи,
коли
Гитовичей.

Виктор
Жирмунский
и Роман
Якобсон.

Гюстав Моро.
Голова
Орфея.

Допрос по «делу Выгодского». — Что не вошло в протокол. — Вопросы ренегата. — Перекорезивание стихов. — Двусмысленный «эфир». — Благодеяния Лебеда. — Всегдашняя Русь. — Наученные говорить. — «В этот кадр тебя вмещу». — Запахи: резеда, махорка, коньяк. — Италия и Зазеркалие. — Элегия о молчании. — Дело Пастернака. — «Коммунистический манифест, или Сады и парки».

В процессе реабилитации жертв Сталина, к четвертой годовщине его смерти дошла очередь до пересмотра дела ленинградских литераторов. По сценарию НКВД, составленному в 1937 году, безусловно лояльный Тихонов Н.С.¹ должен был быть одним из руководителей антисоветской организации советских писателей, и он, дескать, вовлек в свою группу Ахматову. За группой маячил призрак троцкиста Кибальчича-Сержа².

7 марта 1957 года гр-ка Ахматова была вызвана на допрос в качестве лица, упомянутого в показаниях, выбитых пыткой. Б.К. Лившиц, 11 января 1938 года:

Чаще других я видел у Кибальчича Николая Никитина и [И.А.] Лихачева³. Тогда же он установил связь с писателями Кузминым, Юркуном, Ахматовой⁴, Фединым, [М.Э.] Козаковым, с которыми вел контрреволюционные троцкистские беседы. Об этом он мне говорил позже сам, указывая на Никитина, Лихачева, Кузмина, Юркуна, Ахматову, Федина и Козакова как на своих политических единомышленников... Конкретно Эренбург указал на необходимость блока с существующей среди ленинградских писателей группой правых, возглавляемой председателем ленинградского ССП — Николаем Тихоновым. <...> Под прикрытием Тихонова Ахматова долго протаскивала переиздания своих реакционных стихов⁵. Мандельштам переиздавал в Гослитиздате сборник своих антисоветских произведений. При попуститель-

стве Тихонова в Лен. Издательстве писателей один за другим выходили порочные, клеветавшие на советскую действительность романы Вагинова, поэтическое наследие которого Тихонов на могиле Вагинова объявил бессмертным. <...> Тихонов в свою очередь информировал меня, что им создана группа, и из ее участников назвал мне поэтов Заболоцкого, Корнилова, Дагаева⁶ и указал на свою близкую связь с формалистами Эйхенбаумом и Степановым⁷.

Ахматова многим рассказывала о допросе:

...ее пригласили однажды явиться в НКВД (кажется, это было вскоре после реабилитации Е.М. Тагер). Ей дали список писателей (их было 79) и сказали, что обращаются к ней как к уважаемой писательнице и лояльной советской гражданке с просьбой прочесть этот список оговоренных и оклеветанных писателей и высказать о них свое мнение. 79 имен. Среди них и Федин, и Тихонов, и многие другие (очевидно 80-я была я сама, догадалась Ахматова). Никого там не было такого, кого она могла бы заподозрить в предательстве и вредительстве. Так она им и сказала.

Она рассказывала, как с ней были любезны, как молодой сотрудник добросовестно записал все хорошее, что она о вычеркнутых из жизни сказала, и предложил подписать. И тут она горько усмехнулась и выдохнула: «Я их всех подписывала». То был, пожалуй, единственный случай, когда и в голосе, и в самой ее кривой усмешке я различил чувство удовлетворения.

Единственный раз, когда меня вызывали в прокуратуру, это было не так давно, для «закрытия дела» Бенедикта Лившица, расстрелянного в 1938 году. Вам, наверное, не очень ясно, что значит «закрыть дело», и для чего я им понадобилась? Дело в том, что им непременно нужен кто-нибудь не из своих, чтобы свидетельствовать о невинности расстрелянных. Если к своим обращаться, то уж наверняка какое-нибудь новое дело откроется. Вызывали на пятый этаж без лифта. Я им говорю: «Высоко очень, мне трудно». А они отвечают: «Ничего, медленно пойдите...» Так там, в этом деле, было много разных имен, среди них и имя Кузмина...

— Что стало с Юркуном? — А. А.: Он был взят по делу переводчика Выгодского: «дело Выгодского» — потому что его пер-

вым взяли. Там было много народу, весь салон Радловой. Меня вызывали закрывать дело. Я сказала: о Тихонове, Федине, Эренбурге я говорить не буду — они народные избранники. Следователь: «Ну ладно, ладно». Тот — хороший переводчик, тот — плохой. «О Вас тоже есть в доносе». — «В каком доносе меня нет!» А я тоже! Мне надо было глупой прикинуться. А я — того знаю, того знаю...⁸

Сохранившийся протокол 1957 года гласит:

Вопрос: Вы знаете Выгодского Д.И., Лихачева И.А., Энгельке А.А., Лившица Б.К., Сметанич-Стенич <sic!> В.О., Берзина Ю.С., Безбородова С.К.?⁹

Ответ: Из перечисленных лиц я знала только Выгодского Д.И., Лившица Б.К., Сметанич-Стенич <sic!> В.О. Других названных лиц я не знала совершенно.

Вопрос: Вы можете охарактеризовать Выгодского Д.И., Лившица Б.К., и Сметанич-Стенича В.О.?

Ответ: Мне известно, что Выгодский Д.И.¹⁰ был хорошим переводчиком, безусловно советским человеком. Я была страшно удивлена его арестом, т.к. никогда ничего компрометирующего о нем не слышала. Лившица Б.К. с политической стороны характеризовать не могу. Вместе с этим, не могу сказать, что он где-либо и когда-либо допускал какие-то несоветские проявления. Как переводчик и поэт, с моей точки зрения, был посредственный¹¹. Сметанич-Стенич В.О. был очень хорошим переводчиком лучших художественных произведений иностранной художественной литературы, являлся безусловно советским человеком¹².

Вопрос: Вы знаете Гитович <sic!> А.И., Кежун <sic!> Б., Цветаеву М.И., Ходасевича, Кузмина М.А., Козакова М., Спасского С., Оксмана Ю.Г., Эйхенбаума Б.М., Л. Эренбург, Мандельштама О.Э., Заболоцкого Н.А., Степанова Н.Л., Гумилева Л.Н., Антокольского П.Г., Розен, Фромана, Ключева Н.А., Наппельбаум И., Кржевского Б.А., Смирнова А.А., Зоргенфрей <sic!>, Лесючевского Н.В., Брыкина Н.А., Капицу П.И., Юркуна О.И. <sic!> и Калитина П.А.?¹³

Ответ: Всех поименованных лиц, кроме Юркуна¹⁴ и Калитина, я знала. Гитович А.И. — поэт и переводчик, в данное вре-

мя — член Союза советских писателей. Работает в г. Ленинграде. Репрессии никогда не подвергался. Работает весьма успешно. Кежун Б. также работает в Ленинграде и является членом Союза советских писателей¹⁵.

Цветаева М.И. — находилась в эмиграции. В Советский Союз возвратилась в 1939 г. вместе с мужем и дочерью. Муж и дочь вскоре были репрессированы. Цветаева М.И. репрессии не подвергалась. В начале войны в 1941 г. она была эвакуирована в Елабугу и 31.8.41 г. покончила с собой. Впоследствии вся ее семья была реабилитирована. Цветаева характеризуется вполне хорошей поэтессой.

Владислав Ходасевич находился в эмиграции с 1920 годов. Достоверно его деятельность там для меня неизвестна. По неточным данным, Ходасевич умер в 1939 г. в Париже¹⁶.

Кузмин М.А. — был поэтом-символистом. Он умер в 1936 г. Репрессии он не подвергался. Мне известно, что он политикой не интересовался. Ничего компрометирующего о нем сказать не могу.

Козаков умер в 1954 году в г. Москве. Он встречал прибывших на II съезд Союза советских писателей, прибывших в Москву ленинградцев и затем в тот же день умер от инфаркта¹⁷.

Спаский Сергей в прошлом подвергался репрессии, затем был реабилитирован, но в 1956 г. умер, будучи членом Союза советских писателей.

В.М. Жирмуцдский <sic!> — профессор Ленгоруниверситета <sic!> и член Союза советских писателей¹⁸.

Оксман Ю.Г. был арестован и осужден, но в данное время реабилитирован, работает в Москве, с осени 1956 года. В прошлом, недавно являлся профессором Саратовского государственного университета¹⁹.

Б.М. Эйхенбаум никаким репрессиям не подвергался. В данное время пенсионер и одновременно работает в Пушкинском доме²⁰.

Любовь Эренбург — является женой Ильи Эренбурга. Репрессии не подвергалась. Проживает в Москве²¹.

Мандельштам О.Э. в 1938 г. был репрессирован, но в 1956 г. реабилитирован посмертно. В данное время создана комиссия по подготовке к изданию его литературного наследия. Членом этой комиссии являюсь и я.

Заболоцкий Н.А. — хороший поэт и переводчик, член Союза советских писателей. В 1938 г. был репрессирован, но в 1943 г. реабилитирован²².

Степанов Н.Л. — в данное время — доктор наук, литературовед и критик, член Союза советских писателей²³.

Гумилев Лев Николаевич является моим сыном, подвергался двукратной репрессии. В 1956 г. реабилитирован и в данное время работает научным сотрудником Гос. Эрмитажа, является кандидатом исторических наук.

П.Г. Антокольский находится на руководящей работе в Союзе советских писателей в г. Москве.

Розен — писатель прозаик, работает в Ленинграде, является членом Союза советских писателей²⁴.

Фроман являлся членом Союза советских писателей. Умер в 30-х годах²⁵.

Баршев — бывший муж Людмилы Толстой, находился в заключении, где и умер. Характеризовать его не могу, т.к. знаю очень мало.

Клюев Н.А. был хорошим поэтом, но в 30-х годах его репрессировали, он умер в заключении.

Ида Наппельбаум (жена Фромана) была реабилитирована и в данное время является членом Союза советских писателей. Работает в Ленинграде²⁶.

Кржевский Б.А., года 3–4 тому назад умер. Перед смертью был профессором Ленгоруниверситета. Репрессии не подвергался²⁷.

Смирнов Александр Александрович — профессор Ленгоруниверситета, совсем недавно он редактировал перевод произведений Гюго. Репрессии он не подвергался²⁸.

Зоргенфрей — умер в заключении. В прошлом поэт, друг А. Блока, занимался переводами иностранной литературы. Ничего предосудительного о нем не слышала.

Лесючевский Н.В. — в данное время является директором издательства «Советский писатель».

Брыкин Н.А. в 1940 г. был редактором в издательстве «Советский писатель». О его дальнейшей судьбе мне не известно.

Капица П.И. — в данное время член Союза советских писателей, работает в Ленинграде.

Вопрос: Вам не приходилось слышать о существовании среди ленинградских писателей какой-либо не советской организации?

Ответ: Никогда ни о какой антисоветской организации в среде ленинградских писателей я не слышала²⁹.

Просматривая вышеженные ответы о проходящих в деле писателях, перебирая имена оболганных и доносчиков, нельзя не заметить, что по их поводу допрошенной было что рассказать подробнее.

Давид Выгодский, один из самых пронизательных критиков, писавших о раннем ахматовском творчестве, знавший цену Ахматовой³⁰, действительно был человеком советским. Однажды это коснулось и ее, когда Выгодскому было поручено ответить на напечатанную за границей статью Виктора Сержа о советской поэзии (не называя, как это делается в таких случаях, проштрафившегося³¹):

Руководители «Газеты поэтов» хотели бы видеть себе оценку на страницах советской прессы. Но что же сказать о газете, которая, пытаясь не вмешиваться в политику, доказывает каждым своим номером, что это невозможно, и впадает в одну политическую ошибку за другой. Она хочет показать свою беспристрастность и посвящает номер поэзии СССР. Но статья о поэзии говорит об «опоязе», о «дольниках», о рифме, о чем угодно, кроме того, что определяет советскую поэзию; а сама поэзия представлена четырьмя стихотворениями: Маяковского, Демьяна Бедного и... Ахматовой, и Кузмина. Большую роль в этом играет, конечно, неосведомленность, но далеко не в ней только дело. Несомненно, в этом есть желание замазать социальный смысл советской поэзии, т.е., иными словами, дать лживое, клеветническое представление о ней. И таких политических ошибок газета делает многое множество. И будет их, разумеется, делать, пока будет опираться на «международную элиту», которая в лучшем случае снабдит ее несколькими сотнями франков, но никак не творческим импульсом. Я не знаю, будет ли довольна «Газета поэтов» такой оценкой, не сочтет ли она ее черной неблагодарностью, не перестанет ли она любезно снабжать меня своими изданиями,

но, что поделаешь, советская критика воспитана не на комплиментах и любезностях, а на суровой борьбе классов³².

Прозаик Николай Валерианович Баршев (1888–1938) помянул Ахматову в своем рассказе «Большие пузырьки» — там персонаж собирает деньги по вагонам:

Учтите, что я бывший актер и любитель поэзии. <...> Жизнь моя <...> для них, для масс. Люблю Ахматову. Сегодня читал им, вернее, дарил:

У меня есть улыбка одна...

Желаете? Могу совершенно бесплатно³³.

О том, что произошло с Баршевым в концлагере, должен был Ахматовой говорить Ю.Г. Оксман, рассказ которого написала в 1955 году Ольга Берггольц:

Он не работал, он был «отказником», а читал он только письма своей черненькой жены. И вот пошли мы — в день выборов в Верховный Совет — через Владивосток и дальше, дальше к океану, — грузиться на пароход на остров, — на Магадан. И оба мы упали — я и Баршев. На нас спустили собак, и собаки стали терзать нас, — это хотели проверить — не придуриваемся ли мы? И мы лежали, пока собаки рвали на нас одежду, добирались до белья, до тела. Я решил — все равно. Но собака рванула на Баршеве тот мешочек, в котором он хранил Валины письма. Мешочек разорвался, был сильный ветер, и письма полетели в стороны, по ветру, и Баршев из последних сил вскочил и рванулся за ними. «Побег!» Его ударили прикладом под колени, он упал, письма разлетелись, стражники втапывали их ногами. Нас погрузили на грузовики, повезли. Баршев с тех пор совсем отчуждился, совсем не стал работать. Его стаскивали, сбрасывали с нар, били, лишали еды, — он не работал. Вскоре он погиб³⁴.

Николай Александрович Брыкин (1895–1979), «крестьянский писатель»³⁵, среди прочего отличался личным рвением по одному персональному вопросу. В 1927 году он бил тревогу:

Я был удивлен, когда Федин выступил в защиту Гумилева. Я помню, что когда мы были на фронте, — в 1920 г. я был в 7 действующей армии, Федин же был редактором в той же 7 армии, армия боролась против белых и уничтожила контрреволюцию, — в это время в тылу Гумилев организовывал восстание против сов. власти, и если бы восстание удалось, Гумилев повесил бы и меня и Федина в числе еще двух тысяч человек. Какая же тут может быть речь о гуманности. Ее нет и не может быть³⁶.

В конце 1945 года к нему как к директору Ленинградского отделения издательства «Советский писатель» легла на стол рукопись «Поэмы без героя». В поисках «черного» рецензента он обратился к Ефиму Добину:

«Д-дело это, понимаешь, с-сложное, — сказал он, по обыкновению заикаясь, — и нужно подойти к нему серьезно, оч-чень серьезно». В общем, дал понять, что поэма таит в себе немалые опасности. А вызвал он меня потому, дескать, что именно я, будто бы «опытный редактор» и «авторитетный критик», сумею разглядеть все подводные камни. Как бы мимоходом упомянул Гумилева³⁷.

Добин в своем отзыве от этих намеков отбивался:

В поэзии законны различные пути. Лишне доказывать право на существование поэмы «музыкального» рода с дальними ассоциациями и колеблющимися очертаниями образов, если она создана стильным <sic!> поэтом. Издание «Поэмы без героя» не вызывало бы, конечно, никаких сомнений, если бы не один вопрос, связанный с расшифровкой реальных событий, которая характерна для поэмы. Скажу прямо, это вопрос о том, не нашла ли себе место в поэме записанная «симпатическими чернилами» тема смерти Гумилева.

Просмотрим все куски поэмы, которые могут навести на мысль, что они связаны с этой темой.

...с этой рамой
Из которой глядит тот самый,
До сих пор не оплаканный час...

После лестницы плоской ступени,
Вспышки <sic!> газа и в отдаленки
Ясный голос:

«Я к смерти готов...»

Шутки ль месяца молодого?
Иль <sic!> вправду там кто-то снова
Между печкой и шкафом стоит.
Бледен лоб и глаза закрыты...
Значит, хрупки могильные плиты,
Значит, мягче воска гранит...

Эти строчки явно связаны со следующими (из 3 главки первой части):

...стройная маска

На обратном «Пути из Дамаска»
Возвратилась домой не одна.
Уж на лестнице пахнет духами,
И драгунский корнет со стихами
И бессмысленной смертью в груди
Позвонит, если смелости хватит...
Он тебе, он своей «Травиате»
Поклониться пришел... Гляди, —
Не в проклятых Мазурских болотах,
Не на синих <sic!> Карпатских высотах...
Он — на твой порог...

поперек

Это тот самый трагический эпизод, датированный 1913 годом, где скрестились судьбы корнета и актрисы. Такая повторяющаяся деталь, как «лестницы плоской ступени» (из первого отрывка), как «вспышки газа», говорят о том, что в обоих отрывках речь идет об одной и той же смерти. Этим дается достаточно ясный ответ на вопрос, поставленный выше.

Еще один отрывок:

Так <sic!> за островом, так <sic!> за садом
Разве мы не встретимся взглядом
Не глядевших на казнь очей.
Разве ты мне не скажешь снова
Победившее
смерть

СЛОВО

И разгадку жизни моей.

Человек, склонный в недомолвках искать обязательно что-то непозволительное, быть может, постарается в этом отрывке увидеть скрытую тайнописью тему гумилевской смерти. Имеются ли для такого чтения какие бы то ни было доказательства, документы? Никаких. Этот отрывок взят из 3-ей главки первой части. Главка имеет подзаголовок «Петербург в 1913 году». Время, к которому она относится, отчетливо обрисовано в стихах.

И всегда в духоте морозной
Предвоенной, блудной и грозной
Потаенный носился гул.

В тот канун мировой империалистической войны, что достаточно проясняет интересующий нас вопрос.

Я несколько раз перечитывал «Поэму без героя». Эстетическое наслаждение от ее поэтических красот все усиливалось. Но в то же время я придирчиво искал ответ на возникшие подозрения. И никаких убедительных доказательств, что в зашифровках поэмы таятся враждебные нам мысли и намеки, я не нашел.

Считаю, что «Поэма без героя» — замечательное поэтическое произведение, — и ее нужно издать³⁸.

В 1940 году Брыкин отвечал за издание ахматовского сборника «идеологически вредных, религиозно-мистических стихов»³⁹, за что получил выговор Секретариата ЦК ВКП(б)⁴⁰.

О Петре Капице⁴¹ ленинградские писатели знали то, что потом рассказывал ахматовский добрый знакомый Израиль Меттер:

В нашей компании, куда входили Евгений Шварц, Толя Марингоф, Миша Козаков, Михаил Михайлович Зощенко, Борис Михайлович Эйхенбаум, прицел на дрянь был точный. Например, Петр Капица проходил под кличкой «джокер». (В покер не играете? Джокер — это особая дополнительная карта, которая может заменить любую другую карту.) Мы знали, что Капица посадил Толю Горелова⁴².

По этому поводу была сложена эпиграмма:

Ах, как быстро годы катятся.
Писатели уходят на этап.
И остается только Петр Капица.
Кап, кап, кап...⁴³

Вильгельм Александрович Зоргенфрей когда-то вписывал в альбом Ахматовой строки о «великой бескровной»:

Мы о Твоем не молились спасению —
Вспомнить, покинуть, вздохнуть.
В черную пору, в тоске и борении
Твой потеряли мы путь.

Пали любившие, встали лукавые,
Тени легли на поля, —
Вот и пришли они, льстивые, ржавые,
Скудные дни февраля...⁴⁴

Потом Зоргенфрей помянул Ахматову в очерке о своем друге:

Мне остается сказать несколько слов о мертвом Блоке. Я увидел его в шестом часу вечера 8 августа, на столе, в той же комнате на Офицерской, где провел он последние месяцы своей жизни. Только что сняли с лица гипсовую маску. Было тихо и пустынно-торжественно, когда я вошел; неподалеку от мертвого, у стены стояла, тихо плача, А.А. Ахматова; к шести часам комната наполнилась собравшимися на панихиду⁴⁵.

Поэт Сергей Дмитриевич Спасский (1898–1956), облик которого, по ленинградскому преданию, можно видеть на лице погибающего комиссара у К.Петрова-Водкина, входил в длинную вереницу ахматовских мадригалистов⁴⁶. 22 мая 1941 года он надписывал свой роман «Перед порогом» (Л., 1941): «Анне Андреевне Ахматовой на память о встречах и разговорах». За свои слова об Ахматовой в 1945 году он был естественным образом одернут в 1946-м⁴⁷. Арестованный в

1951 году⁴⁸, в лагере в Абези он был вместе с Н.Н. Пуниным, и позднее о нем рассказывал Ахматовой их товарищ по заключению В.М. Василенко:

Он был гордым таким, небольшого роста, суровым, и мне сказал: «Вы помните, что Вы не простой заключенный, Виктор Михайлович, а политический»⁴⁹.

Валентина Иосифовича Стенича-Сметанича Ахматова встретила в последний раз, видимо, за две недели до его ареста, в конце октября 1937 года, когда в Ленинград на два дня приехал Мандельштам⁵⁰.

Об этом приезде вспоминал Николай Чуковский:

Днем мне позвонил мой друг Стенич и попросил вечером прийти к нему. Жил он тогда на канале Грибоедова, 9, в маленькой двухкомнатной квартирке. Там я застал, кроме Стенича и его жены, Мандельштама с Надеждой Яковлевной и Анну Андреевну Ахматову. Мандельштам был в мохнатом темно-сером пиджаке, который ему за час перед тем подарил Юрий Павлович Герман. Пиджак этот был очень велик и широк Мандельштаму, из длинных рукавов торчали только кончики пальцев. Поначалу Мандельштам был молчалив и угрюм, да и все молчали. Стенич сделал попытку почитать стихи из только что вышедшей тогда «Второй книги стихов» Заболоцкого; он читал, восхищаясь, но Ахматова слушала сдержанно, а Мандельштам со свойственной ему прямоотой сказал, что ему не нравятся ни прежние стихи Заболоцкого, ни новые. Он стал просить Анну Андреевну почитать что-нибудь. Она неохотно и без подъема прочла «Мне от бабушки-татарки были редкостью подарки...» — стихотворение, которое мы все хорошо знали. Хозяева повели нас в соседнюю комнату к столу. Стол был не роскошен, но на нем стояло несколько бутылок вина. Выпив вина, Мандельштам оживился. Мы попросили его читать стихи, и он читал много, увлеченно, всю долгую, угрюмую ленинградскую ночь напролет, все больше и больше одушевляясь. Он почти пел их, наслаждаясь каждым звуком, и мохнатые рукава его, как мягкие лапы, плыли в воздухе над столом. На другой день

он уехал. Через неделю Стенич был арестован. Потом был арестован и Мандельштам⁵¹.

Валентин Стенич начинал как поэт⁵², автор известного в свое время стихотворения:

Наркомвоен отрывисто чеканит
Главе правительства сухой вопрос,
И у широкого окна очками
Поблескивает строгий Наркомпрос.
Каким-то нереальным фейерверком
Разбрасываются отрывки фраз:
«Товарищ! назначенье Главковерхом
Вам принесет сегодняшний приказ.
Волнение рабочих в Вашингтоне,
Восстанием охвачен Будапешт!»...
И взор усталый машинистки тонет
Над грудой зашифрованных депеш.
Наркомфинансов с Наркоминотделом
Беседуют о пониженьи цен.
И странно чужд в дворцовом зале белом
Нерусский председателя акцент,
О, эти люди твердые, как камень...
Зажженные сигнальные огни
Вас будут чтить веками и веками
И говорить о вас страницы книг...
И летописец пламенной свободы
Восстановит восторженным пером
Закуривающего Наркомпрода
И на столе у Наркомзема бром⁵³.

Впоследствии стал выдающимся переводчиком — в том числе Джойса.

А. А. вспоминала, как [М. Зощенко] предлагал Стеничу, переводившему «Улисса», находить для него словечки⁵⁴.

— т.е. Зощенко предполагал, что в русском «Улиссе» должны быть слова вроде «пущай увидим», «форменная труба выхо-

дит» или «ты мое самосознание не задевай». Вдове Стенича, Л.Д. Большинцовой, Ахматова говорила:

«Ошибка позднего поколения — (даже нашего) — Шкловский. Мы принимали его трескотню за остроумие, блеск и воображение» (А. А.). «Наше поколение переоценило Шкловского. Большинство переоценило. Однако были исключения — например, Стенич» (А. А.)⁵⁵.

Итак, протокол допроса Ахматовой стал обидно лаконичным для будущих биографов документом. По мнению самой допрашиваемой — недостаточно лаконичным.

Советские писательские организации вслед за следственными органами стали докладывать миру об исправлении ошибок прошлого. В ответ бывший коммунист Игнацио Силоне вопрошал чиновного литературоведа Ивана Анисимова:

Теперь я вас спрашиваю безо всяких обиняков, на основании того, что повсюду, а также и у вас, считают период культа личности преодоленным: какой вред был в то время в Советском Союзе нанесен искусству, литературе и историческим наукам? Вы, однако, касаетесь затронутого мною периода очень поверхностно и даже производите цирковой фокус, не упоминая имени Жданова. Для нас, писателей, он представлялся инквизитором, специализировавшимся на удушении творчества. У меня нет намерения заниматься моральной или психологической критикой чиновников от литературы или тех, о которых Симонов сказал: «они плыли по течению». Меня интересуют другие. <...> Недавно покончил с собой Фадеев. Это вызывает воспоминания о том, что уже раньше добровольно ушли из жизни Есенин, Маяковский, Владимир Пяст⁵⁶, Андрей Соболев, Кузнецов⁵⁷ и Марина Цветаева. Причины, вызвавшие эти самоубийства, до сих пор не преданы гласности. Илья Эренбург заявил, что Борис Пильняк был расстрелян, а Исаак Бабель умер в концлагере⁵⁸. Пришлось также слышать, что некоторые исчезнувшие при таинственных обстоятельствах писатели были реабилитированы. Среди них Киршон⁵⁹, Ясенский, Кольцов, Третьяков⁶⁰. Нужно ли приводить дальнейшие имена? <...> Значительно так-

же число тех авторов, о которых мы случайно знаем, что их не лишили жизни, но запретили им писать. Недавно мы узнали, что некоторые из них снова появились на поверхности. К ним относятся: Ахматова, Пастернак, Зощенко, Олеша, Эрдман. Но нет еще уверенности в том, разрешат ли им писать и печататься. <...> Я лично не согласен с тем, что оценить произведение искусства можно лишь тогда, когда известны политическое и социальное положение автора. Но с точки зрения советской теории искусства в этом как раз заключается обязательный подход к определению качества и значимости произведения. Вам, как марксистскому критику, не может быть поэтому безразличным, было ли это ужасающее множество советских писателей, расстрелянных, сосланных, закабаленных и осужденных как фашисты, гады и бешеные собаки, на самом деле таковыми. Могу себе ясно представить, что в России не особенно весело заниматься историей литературы. Для честного и правдивого человека это, пожалуй, должно быть хуже, чем сидеть в концлагере в Сибири. <...> Я уже с юношеских лет социалист и с тех пор, как пишу книги, — реалист. Поэтому я отношусь с отвращением к тому, что вы называете социалистическим реализмом и что было бы правильнее называть «государственным реализмом». Мне, по крайней мере, не приходит в голову более подходящего названия для эстетической директивы, требующей от писателей и художников дать «оптимистическую» картину того общества, в котором люди, как нигде в мире, подвергаются угнетению и неслыханным унижениям.

Насколько мне известно, на свете имеется только одно произведение русского автора, являющееся неподдельным продуктом социалистического реализма — это тайный доклад Хрущева на пленуме ЦК в феврале 1956 г. Он был опубликован американцами. Но еще хуже то, что его автор, как будто, собирается отказаться от своего великого произведения⁶¹.

Подковырки ренегата, конечно, можно было игнорировать, но новая ахматовская книга могла пригодиться на международной арене. И Алексей Сурков медленно, медленней, чем ожидалось⁶², проталкивал ее и охранял ее (для этого он, например, вынул из книги «Есть три эпохи у воспомина-

ний...»). Н.Я. Манделштам сообщала Ахматовой 3 марта 1957 года:

Когда я говорила с Сурковым, он несколько раз спрашивал про Вас. Между прочим посоветовал не добавлять ничего в книгу, чтобы ускорить ее выпуск. Я не знаю, что надо делать, но решила Вам сообщить об этом. <...> Он говорил, что это задержки, а надо спешить, чтобы, наконец, вышла книга и была пробита «брешь». Они сейчас хорошие — вот смысл его слов⁶³.

Нужно было поменьше напоминать о стихотворениях, на которые обрушились в 1946 году⁶⁴, а в каких-то случаях их переделать, удалив наиболее раздражающие детали, например, «царский парк» в стихотворении о Царском селе⁶⁵. Переделки и сокращения потом были замечены читателями:

Почему Вы дали обкарнать и выхолостить «Щели в саду вырыты»? Ведь без 2-го абзаца: «Постучи кулачком...» и 3-го: «Твоего я не слышала стоны» теряется вся глубина, все чувство. И вообще, мне Ваши последние переделки не нравятся. Вот «Городу Пушкина»:

(Теперь:)	(Раньше)
Что делать мне? Они тебя сожгли,	Мой городок игрушечный сожгли,
О, встреча, что разлуки тяжелее...	И в прошлое мне больше нет лазейки.
Здесь был фонтан, высокие аллеи,	Там был фонтан, зеленые скамейки
Громада парка древнего вдали.	Громада парка царского вдали,
Заря была себя самой алее,	На масляной — блины, ухабы, вейки,
В апреле запах прели и земли,	В апреле — запах прели и земли,
И первый поцелуй...	И первый поцелуй...

Раньше же было более проникновенно, зримо, так интимно, понятно, что только наше, русское и, простите, более жизненно⁶⁶.

9 декабря 1957 года она писала сыну:

Звонил Сурков, говорил с Ниной [Ольшевской] — предлагал врачей, больницу — все на свете, очень обиделся, когда Нина

сказала, что моя книга запрещена, позвонил сам в Гослит и узнал, что там ждут сигнальный экземпляр из Венгрии, где ее печатают⁶⁷.

В 1957 году написано горькое и победительное стихотворение, где «эфир», может быть, означает не только верхний прозрачный слой воздуха, которого достигала вершина Олимпа, но и ту всепроникающую электромагнитную среду, куда время от времени влетало имя русской поэтессы⁶⁸:

Забудут?— вот чем удивили,
 Меня забывали сто раз,
 Сто раз я лежала в могиле,
 Где, может быть, я и сейчас.
 А Муза и глохла и слепла,
 В земле истлевала зерном,
 Чтоб после, как Феникс из пепла,
 В эфире восстать голубом (С. 63).

Весной того года до Ахматовой дошел какой-то слух (очень возможно, что и ложный) о ее стихах, вышедших за рубежом⁶⁹. Второй тур славы на всех языках (первый — «блудница і монахиня», «Hure und Nonne zugleich», «Dirne und Nonne», «nonne dé/bauché/e», «none et fornicatrice», «half nun, half harlot», «ora monaca, ora squaldrina» и т.д.) она приписала хлопотам Исаяи Берлина, тайного благодетеля. «Тайна» становится навязчивым лексическим спутником его темы — ср. набросок третьего посвящения к «Поэме», сделанный в Комарове 23 июня 1958 года, накануне Midsummer Night, «в 11 с половиной вечера»:

Я тебя приняла случайно
 За того, кто дарован тайной
 С кем все тайное суждено,
 Кто [прислал] пришлет тебя в Дом Фонтанный
 Новогоднее пить вино

 Это черное домино. (С. 15)

Здесь прямо говорится о роли «гостя из будущего» как заместителя, дублера, посланца ушедших теней; одна, например, из нитей, связывающая его с героями стихов Гумилева, — отголосок эпитафии из «Гнева Самсона» Альфреда де Виньи в «Жемчугах»:

Qu'ils seront doux les pieds de celui qui viendra
Pour m'annoncer la mort?⁷⁰

Тайный благодетель напоминал пушкинскую Царевну-Лебедь. Прозвище «лебедь», которое она ему дала, —

...то, чего не говорил никто с самого лебеда (С. 229),

— столь ожидаемое для читателя ранней Ахматовой⁷¹, носило память не только о Пушкине и о Врубеле, «о мгновениях, когда загоралось пламя экстаза и пышная пена Царевны-Лебеди плыла по огненному и изумрудному зефиру северного моря»⁷², но и о вошедшей в пословицу⁷³ фразе из шекспировского «Цимбелина» об Англии:

Pisanio

If not at court,
Then not in Britain must you bide.

Imogen

Where then
Nath Britain all the sun that shines? Day, night,
Are they not but in Britain? I' the world's volume
Our Britain seems as of it, but not in 't;
In a great pool a swan's nest: prithe, think
There's livers out of Britain⁷⁴.

В споре-разговоре с пришельцем из Англии это место из Шекспира уже, по-видимому, однажды обыгрывалось:

И над этой недоброй забавою
Веял ветер пречистых полей

И всходило налитое славою
Солнце родины грозной моей⁷⁵.

Эпиграф «Вижу я: лебедь тешится моя»⁷⁶ поставлен к стихотворению, написанному 8 апреля 1957 года:

Ты напрасно мне под ноги мечешь
И величье, и славу, и власть,
Знаешь сам, что не этим излечишь
Песнопения светлую страсть.

Разве этим развеешь обиды
Или золотом лечат тоску,
Может быть, я и сдамся для виду,
Не притронусь я дулом к виску.

Смерть стоит все равно у порога.
Ты гони ее или зови,
А за нею чернеет дорога,
По которой ползла я в крови,

А за нею десятилетия
Срама, скуки и той пустоты,
О которой могла бы пропеть я,
Да боюсь, что расплачешься ты.

Что ж, прощай! — Я живу не в пустыне.
Ночь со мной и всегдашняя Русь,
Так спаси же меня от гордыни,
В остальном я сама разберусь. (С. 715–716)

В тяжбе с иноземцем наконец назван полным именем главный аргумент⁷⁷. Звучание этого ответственного имени, всеу растрепанного, как полагала Ахматова, выучениками Вячеслава Иванова⁷⁸, до этого вводилось ею только в тех контекстах, где автор растворялся в доподлинной крестьянской стихии, в «гус», как в стихотворении, послышавшемся К. Чуковскому «черносотенным»⁷⁹ —

Пива светлого наварено,
 На столе дымится гусь...
 Поминать царя да барина
 Станет праздничная Русь —
 Крепким словом, прибауткою
 За беседою хмельной,
 Тот — забористою шуткою,
 Этот — пьяною слезой.
 И несутся речи шумные
 От гульбы да от вина:
 Порешили люди умные:
 — Наше дело — сторона.

1921. Рождество. Бежецк

Или же во всеобщности национального страдания, как в «Реквиеме». Прикосновение к нему граничит с гордыней. Потому через восемь лет Ахматова попробовала дать этому стихотворению эпиграф о смирении из стихов английского поэта.

В этот месяц, когда я, кажется, нуждалась в утешении, мне прислал его только — Элиот:

The only wisdom we can hope to acquire
 Is the wisdom of humility: humility is endless
 (East Coker, II) (С. 654).

Тогда же, видимо, возникло четверостишие:

Ах тебе еще мало по-русски,
 И ты хочешь на всех языках
 Знать, как круты подъемы и спуски
 И почему у нас совесть и страх,

к которому предполагалась кода:

Страх-то дешев, а с совестью худо,
 Не достать нам ее ниоткуда.

Но оно осталось четверостишием, потому что поздняя Ахматова вообще стремится к форме фрагмента как к идеалу поэтического высказывания. Она и раньше изредка пробовала четверостишия и даже двустихия (1931?⁸⁰):

От других мне хвала — что зола,
От тебя и хула — похвала,

— где дан самый минимум «психологизма» — парадокс. Современница не сразу

ощутила смысловую странность, заключенную в нем: описанное положение вещей противоречит естественному, так как хула из уст друга, а тем более возлюбленного, никогда не воспринимается как хвала; наоборот, хула сторонних людей может восприниматься равнодушно⁸¹.

В 1960-е годы Ахматова говорила:

Мне сейчас все стихи, в том числе и мои, кажутся очень длинными⁸².

Летом в комаровской электричке Ахматова написала еще одно, пожалуй, вызывающее, четверостишие:

Могла ли Биче словно Дант творить
Или Лаура жар любви восславить?
Я научила женщин говорить...
Но, Боже, как их замолчать заставить!

Еще при жизни Ахматовой послышался ропот:

Всем нам помнится классически ограниченное четверостишие... Что ж, если припомнить потоки стандартных любовных стихов; если за символ материнской любви и гордости принять поэтический взмах пеленочкой, которая «горит — видна во всех галактиках»; если отмечать стихи-однодневки, незамедлительно выдаваемые иными поэтессами для радио и газет по поводу раз-

нообразных событий, — то насмешливая горечь Анны Ахматовой покажется естественной и закономерной.

И все же нашу сегодняшнюю поэзию трудно представить без мужественных, пронзительных стихов Ольги Берггольц, без светлых акварелей Веры Звягинцевой⁸³ и лирики Юлии Друниной, без причудливой поэзии Беллы Ахмадулиной...⁸⁴

Спустя десятилетия на него огрызнулась Новелла Матвеева в компании Габриелы Мистраль и маркизы де Помпадур:

На всяк роток не накинешь платок
Женщин в Кресси, на Руси или в Чили
Вовсе не вы говорить научили:
Многие все ж разговаривать стали
Несколько раньше, чем вас прочитали⁸⁵

и отблагодарила Наталья Горбаневская:

Я из тех, кого она
научила говорить.
Этой даты свет и цвет
не устать благодарить.
От цепи откована,
всеми струнами звучать.
Вплоть до часа смертного,
что заставит замолчать⁸⁶.

«Наученной говорить» долго считали ее амфитриона последнего десятилетия Маргариту Алигер. Интонационные отголоски «Четок»⁸⁷, ставшие притчей во языцех⁸⁸, в нужное время обернулись для нее политическими обвинениями, когда ей вменялось в вину наличие «стихов Ахматовой, в точности схожих со стихами Алигер»:

Итак, поэтесса оказалась в советском обществе, как «в пустыне». В чем же она видит свое будущее?

Что оазис! Даже если нет
Ни воды, ни деревца, ни тени,

Изнуренного обманет свет,
И мираж доставит облегченье...

Вот куда завело М. Алигер подражание Ахматовой — к чудовищному извращению советского будущего, как миража⁸⁹.

В эпоху оттепели Алигер часто выступала в роли нарушителя спокойствия⁹⁰:

В последнее время, как реакция на лакировку действительности, сложилось у некоторых писателей и деятелей искусств стремление изображать, прежде всего, «горькую правду», привлекать внимание к трудности и неустроенности быта, к тяжелым лишениям и к обидам невинно пострадавших. Подобные тенденции проявились, например, в выпущенном недавно сборнике «Литературная Москва», где ряд авторов рисует, прежде всего, теневые стороны нашей жизни, прибегая для этого подчас к нарочитым ситуациям (рассказы С. Антонова, стихи Рождественского и Алигер)⁹¹.

Единственные «теневые стороны» в стихах М. Алигер в этом альманахе — это описание деревни, в которую с войны не вернулись мужики⁹². Раздражение литературоведов из ЦК (среди них был и будущий муж М.И. Алигер), видимо, было вызвано другим, но, по принятой стилистике партийного конспирозычия⁹³, крамола прямо не обозначена. Проступок члена КПСС М.И. Алигер заключался скорее не в расширительно-аллегорическом толковании климатических и агротехнических реалий⁹⁴, а в том, что и просвещенные читатели, и власти с разными, соответственно, эмоциями ожидали появления гражданской лирики. Как писал молодой филолог,

нужно вновь доказать читателю, что «общественная тематика» не является синонимом стандарта и риторики. Нужно слить общественную и личную тему в первоначальном поэтическом единстве. В лучших произведениях последних лет советская поэзия движется к этой цели⁹⁵. Задача трудна, и поэтому движение медленно⁹⁶.

Алигер пользовалась осколками и ранней, и поздней ахматовской стилистики, часто заботясь не о точности, а о пышности метафоры-катахрезы. В. Виноградов на съезде писателей говорил по поводу ее поэмы «Ленинские горы»: «Московский университет изображается “вставшим навеки над гулом века”. Что это реально обозначает — неясно»⁹⁷. Ахматовской лаконичной точности она не унаследовала.

Фрагментарность стихового высказывания для Ахматовой — это попытка передать несвязность, дискретность памяти, о природе которой она стала делать заметки, когда начала в 1957 году писать мемуары о вещах и людях, ушедших в небытие или превратившихся в свою противоположность⁹⁸. Воспоминательный порыв был двойствен, и наряду с чувством долга выжившей свидетельницы («я одна — рассказчица») в ней жило сомнение в том, что она будет услышана. Когда Ахматова записывает не то конспект будущей строки, не то проект заглавия или подзаголовка

«Из моего элизиума теней»⁹⁹,

она держит в уме пуант тютчевского стихотворения о бесчувственной толпе¹⁰⁰. В основе мемуарных ахматовских опытов, как всегда у нее, лежал полемический импульс — реакция на начавший пробиваться ручеек воспоминаний о дореволюционной эпохе¹⁰¹. Одна из первых ее тревог вызвана рассказом о мемуарах Ольги Мочаловой¹⁰², предложенных в 1957 году редакции «Литературного наследства», где приводились, например, слова Гумилева «Меня почему-то считали ревнивым мужем, а ведь я давал Анечке полную свободу. Когда она опаздывала на свидание, я сам отвозил ее на извозчике»¹⁰³.

Воспоминатели создавали псевдоретрореальность:

Сейчас с изумлением прочла в «Звезде» (статья Льва Успенского), что Мария Федоровна каталась в золотой карете. Бред! — Золотые кареты, действительно, были, но им полагалось появляться лишь в высокаторжественных случаях — коронации, бракосочетания, крестин, первого приема посла. Выезд Марии Федоровны отличался только медалями на груди кучера¹⁰⁴. Как

странно, что уже через 40 лет можно выдумывать такой вздор. Что же будет через 100?

Главное возражение Ахматовой рутинной мемуаристике:

Ни одна человеческая память не устроена так, чтобы помнить все подряд. <...> Человеческая память устроена так, что она, как прожектор, освещает отдельные моменты, оставляя вокруг неодолимый мрак. При великолепной памяти можно и должно что-то забывать.

Память Ахматовой выхватывает отдельные позы, жесты, «кадры» («я в этот кадр тебя вмещу и в тот пейзаж тебя врисую»), «слова, сказанные полвека тому назад, и о которых я все пятьдесят лет ни разу не вспоминала». Слова, улыбки и движенья парижского художника всплывали разрозненно и постепенно. Уже после того, как были отданы в печать воспоминания о Модильяни, и Н.И. Харджиев по просьбе Ахматовой написал искусствоведческий этюд о единственно сохранившемся наброске итальянца с молоденькой русской и сравнил этот набросок с «Ночью» Микеланджело на гробнице Медичи, она вспомнила, что Модильяни говорил, что великие люди не должны иметь детей и что смешно быть сыном Микеланджело — похоже, что могут оказаться правы современные публикаторы, относящие фразу Л.Н. Гумилева «остались некоторые обиды, на Харджиева, например, но это между нами, стариковское» к тому обстоятельству, что Н.И. Харджиев взял и обнародовал это свидетельство¹⁰⁵.

В «стоп-кадры» память Ахматовой «врисовывает» сюжеты, может быть, фактически и отсутствовавшие в прошлом. В наброске воспоминаний о Модильяни появляется фраза:

Особенно никого не ругал, смеялся над художниками «Аполлона» (1911) (С. 126).

Позднее это место было прописано:

Модильяни очень жалел, что не может понимать мои стихи, и подозревал, что в них таятся какие-то чудеса, а это были только первые робкие попытки (например, в «Аполлоне» 1911 г.). Над «аполлоновской» живописью («Мир искусства») Модильяни откровенно смеялся¹⁰⁶.

Из контекста воспоминаний явствует, что петербургская дебютантка показывала художнику номер «Аполлона» с публикацией своих стихов. Кажется, мы можем, оговорив сугубую гипотетичность, реконструировать этот момент — смех во время перелистывания четвертого номера журнала за 1911 год. Там напечатаны репродукции работ Д.С. Стеллецкого. Конечно, неовизантизм Стеллецкого, «одинокого и убежденного продолжателя давних иконописцев русских»¹⁰⁷, мог быть чужд Модильяни, как и помещенный там же темпераментный портрет Стеллецкого работы А.Я. Головина, но источник смешливого настроения, видимо, лежал в более знакомой ему сфере. Единственным доступным ему текстом в журнале были французские подписи под репродукциями. В серии автотипий Гюстава Моро они были перепутаны. Подпись «Далила» переехала к «Царице Савской», «Орфей» оказался под «Гесиодом», но смешнее всего для итальянца могла быть подпись «Святая Цецилия» (эта католическая святая трижды подвергалась обезглавливанию) под фракийской девушкой с головой Орфея на лире¹⁰⁸. Вот почему, вероятно, смеялся Модильяни. (Но, конечно, он смеялся не с нами, как и не нам улыбался Блок.)

В крупный план хохочущего итальянца вмещена эстетическая ссора двух веков, веселая и легкая победа постсимволизма над одряхлевшим «модерном». Реальность высвечена в своей исторической ипостаси. Разница между «помнить» и «вспомнить», о которой говорится в «Поэме без героя», означает вспоминание как аналитический процесс. Речь идет об известном отчуждении от собственных мемориальных ресурсов, об объективации их и встраивании в контекст чужого биографического опыта. Вспоминание есть восполнение личной, «биологической» памяти, расширение ее за счет реконструированной информации, которой в реальной памяти в

прошлом не было. Это процесс в известном смысле сходный с извлечением самим автором дополнительного знания из отстоявшегося, «замолчавшего» первого варианта «Поэмы без героя» (1940 года): «Я как дождь, проникаю в самые узкие щелочки, расширяю их...».

Вспоминание есть процесс и в юридическом смысле, судоговорение с опросом свидетелей и выяснением полной картины, неизвестной одному человеку — обвиняемой и/или истице. Это значит, между прочим, что один свидетель — в том числе и сама Ахматова, дающая показания, — не всегда может раскрыть полный смысл происшествия.

В предложенной метафоре («пейзаж», «кадр») не хватает одного существенного момента ахматовского процесса припоминания. Для нее самым сообщительным фрагментом ушедшей и невозстановимой в своей полноте реальности был запах¹⁰⁹.

Запахи Павловского Вокзала. Обречена помнить их всю жизнь, как слепоглухонемая. Первый — дым от допотопного паровозика, который меня привез — Тялево, парк, *salon de musique* (который называли «соленый мужик»), второй — натертый паркет¹¹⁰, потом что-то пахнуло из парикмахерской, третий — земляника в вокзальном магазине (павловская!), четвертый — резеда и розы (прохлада в духоте) свежих мокрых бутоньерок, которые продаются в цветочном киоске (налево), потом сигары и жирная пища из ресторана.

В полуподвале мелочная лавочка с резким звонком в двери и незабываемым запахом этого рода заведений.

И летом в открытое окно виден сам сапожник. Он в зеленом переднике с мертвенно бледным лицом запойного пьяницы. Из окна несет зловонье сапожной мастерской.

Глазам не веришь, когда читаешь, что на петербургских лестницах всегда пахло жженым кофе¹¹¹. Там часто были высокие зеркала. Ни в одном уважаемом петербургском доме на лестнице не пахло ничем, кроме духов проходящих дам и сигар проходящих господ. Товарищ, вероятно, имел в виду так называемый «черный ход» (ныне, в основном, ставший единствен-

ным) — там, действительно, могло пахнуть чем угодно, потому что туда выходили двери из всех кухонь. Например, блинами на Масляной, грибами и постным маслом в Великом посту, невской корюшкой — в мае. Когда стряпали что-нибудь пахучее, кухарки отворяли дверь на черную лестницу — «чтобы выпустить чад» (это так называлось), но все же черные лестницы пахли, увы, чаще всего кошками.

Зато какой был запах мокрой кожи в извозничьей пролетке с поднятым верхом во время петербургского дождя. Я почти что все «Четки» сочинила в этой обстановке, а дома только записывала готовые стихи.

Эти разрозненные записи остались не сведенными в странное повествование, они и принадлежали к жанру «опавших листьев», хотя Ахматовой и требовалась мотивировка отказа от связной композиции, которую она нашла по появлению диалогов И. Стравинского с Робертом Крафтом:

Ахматова сказала, что начала было писать воспоминания о Петербурге, но в это время ей попались мемуары Стравинского, где он описывает город и по цвету и по запаху, т.е. так, как хотела описать Ахматова. И тогда она бросила эту затею: «Переписывать его — не моя очередь»¹¹².

Один из запахов ушедшей эпохи — пряное дыханье гвоздики, пробившееся сквозь «дух махорки и крепкий душный запах сапог солдатских» («Она буквально расхохоталась однажды на райкинскую реплику: “Потом меня перебросили на парфюмерную фабрику, и я стал выпускать духи ‘Вот солдаты идут’ ”»¹¹³) из «Седьмой элегии» (С. 10), — воскрешен ею в июле 1957 года, когда она начала писать воспоминания о Мандельштаме, перебирая рукописи из мандельштамовского архива.

Я над ними склонюсь, как над чашей,
В них заветных заметок не счесть,
Окровавленной юности нашей
Это вещая грозная весть.

(Наброски 1957 года присоединились к ранее сложившемуся восьмистишию 1956 года (С. 49):

О. М.

О, как прятно дыханье гвоздики,
Мне когда-то приснившейся там,
Там, где кружатся Эвридики,
Бык Европу везет по волнам,
Там, где наши проносятся тени,
Над Невой, над Невой, над Невой,
Там где плещет Нева о ступени —
[Это] Вот он пропуск в бессмертие твоей).

Воспоминания о Мандельштаме при первом приступе к записыванию открывались идущей после отточия фразой:

28 июля 1957 г.

...И смерть Лозинского каким-то таинственным образом обрвала нить моих воспоминаний. Я больше не смею вспомнить что-то, что он уже не может подтвердить.

Очерк о поэте должен был начинаться со смерти другого поэта, что вообще открывает некоторую структурную закономерность ахматовской прозы: прозаговорение порождается темой смерти поэта. «Поэт» может пониматься и расширительно — показательно, что Ахматова до завершения работы над очерком о Модильяни чувствует потребность ввести такого рода мотив и удовлетворяется, дописав фрагмент «А далеко на Севере, в России <...> умерли Лев Толстой и Комиссаржевская¹¹⁴» (С. 442). В этом, возможно, сказывается воздействие прозы Мандельштама. Смерти «поэтов» составляют композиционный ритм «Египетской марки»: картинка, изображающая Пушкина, выносимого из кареты после дуэли; похороны Анатоля Франса; цитата, отсылающая к очерку И. Анненского «Умиравший Тургенев», описывающему похороны Тургенева; мотив похорон Некрасова в черновиках, да и сквозной мотив смерти и похорон Бозлио. В его «Шуме

времени» — две смерти поэтов, Надсона и Коневского, в «Путешествии в Армению» — эпизод известия о самоубийстве Маяковского, в «Четвертой прозе» — удушенник Есенин. «Скрябин и христианство» начинается со сцены пушкинских похорон. Когда позднее задумывалась книга ахматовской прозы, ее должна была открывать глава «Последняя трагедия Анненского (Письма к С.К. Маковскому)» (С. 237, 574, 619, 735) — об эпизоде, когда

стихи Анненского, чтобы напечатать [Черубину де Габриак], Мак<овский> действительно выбросил из перв<ого> номера, что и ускорило смерть Ин<ннокентия> Феод<оровича> (С. 268).

Таким образом, вся книга должна была начинаться со смерти поэта.

Толчками к прозе были «заветные заметки» в стихах Мандельштама, понятные только ей реалии и цитаты. Она сравнивала строку из черновика «Соломинки» (1916) и свое стихотворение «Все мы бражники здесь, блудницы» (1912):

Сейчас пришло в голову, что мандельштамовское
 Что знает женщина одна о смертном часе (вар[иант])
 идет от моего:
 Не смертного ль часа жду (С. 133).

«Заветной заметкой» для нее были «ключики от квартиры» из мандельштамовского «Еще мне далеко до патриарха», связанные по смежности с междугородними разговорами Москвы и Ленинграда:

Когда подумаешь, чем связан с миром,
 То сам себе не веришь: ерунда!
 Полночный ключик от чужой квартиры <...>
 Я, как щенок, кидаюсь к телефону
 На каждый истерический звонок:
 В нем слышно польское: «Дзенькуе, пани».
 Иногородний ласковый упрек
 Иль неисполненное обещанье.

«Польская фонетика» телефонного сеанса вторит ахматовскому «Цо» (Со?) из «Твое чудесное произношение...»: «Ему казалось, что я так по-польски произношу»¹¹⁵. В одном из черновиков «Листков из дневника» она пометила, что

и м[ожет] б[ыть] «откажется попробовать его»

относится к ней:

Когда на площадях и в тишине келейной
Мы сходим медленно с ума,
Холодного и чистого рейнвейна
Предложит нам жестокая зима.
В серебряном ведре нам предлагает стужа
Валгаллы белое вино,
И светлый образ северного мужа
Напоминает нам оно.
Но северные скальды грубы,
Не знают радостей игры,
И северным дружинам любви
Янтарь, пожары и пиры.
Им только снится воздух юга,
Чужого неба волшебство.
И все-таки упрямая подруга
Откажется попробовать его.

Неожиданный образ зимы-целовальника, возможно, вызван тоже ароматическим воспоминанием — материализовавшимся оксюмороном из раннесоветской реальности:

В конце 1917 года А. А. ехала по стрелке Васильевского острова с Мандельштамом, видела коричневые глыбы замерзшего коньяка и чувствовала сильный коньячный запах. По распоряжению правительства были уничтожены винные склады¹¹⁶.

А мандельштамовский мотив розы ветров (с намеком на гумилевское «Чужое небо», содержавшее послышку в подаренной невесте «Балладе»: «Тебе, подруга, эту песнь от-

дам...») мог быть прочитан как отклик на ахматовское стихотворение:

Когда о горькой гибели моей
 Весть поздня его коснется слуха,
 Не станет он ни строже, ни грустней,
 Но, побледневши, улыбнется сухо.
 И сразу вспомнит зимний небосклон
 И вдоль Невы несущуюся вьюгу,
 И сразу вспомнит, как поклялся он
 Беречь свою восточную подругу.

Мандельштам

говорил о действительно чудесном ахматовском восьмистишии: «Когда о горькой гибели моей <...>» в бесконечном, верстой в длину, университетском коридоре. Он ходил взад и вперед, то и дело закидывал голову, и все нараспев повторял эти строчки, особенно восхищаясь расстановкой слов, спондеической тяжестью словосочетания «весть поздня»¹¹⁷.

В какой-то момент в ахматовское стихотворение о Мандельштаме пришли строки

Тем же воздухом, так же над бездной
 Я дышала когда-то в ночи...

«Бездна», которая могла бы быть названа в честь поэтов¹¹⁸, как в бодлеровском стихотворении, ведет, видимо, и к пушкинским стихам, пожалуй, лежащим на биографии двух поэтов двадцатого века:

Так Андже́ло на всех навел невольно дрожь.
 Роптали вообще, смеялась молодежь,
 И в шутках строгого вельможи не щадила,
 Меж тем как ветрено над бездною скользила¹¹⁹, —

и Ахматова сочиняла шутки о строгих вельможах («скоморошины»), и Мандельштам, думается, в том своем стихотворении, которое он при ней назвал узловым¹²⁰, помянул клоунов Бима и Бома не только как музыкальных эксцентриков, но и как легендарно дерзких шутов эпохи НЭПа¹²¹.

Метафора общей молодости как общей чаши уже использовалась ею во втором посвящении к «Поэме без героя». Из общего цитатного фонда поколения она, в ответ на попытку оторвать ее от Мандельштама, предпринимающую А. Коваленковым¹²², избирает образ «железной ночи» из гамсуновского «Пана»¹²³ (откуда пошли и хвалены строки Н. Тихонова о «железных ночах Ленинграда»¹²⁴ в его поэме «Киров с нами»):

В той ночи и пустой и железной,
Где напрасно зови и кричи.

«Та ночь» прямо отсылает к мандельштамовскому «В Петербурге мы сойдемся снова...»¹²⁵, эпитет из которой был некогда предметом рассуждений (неумного, по мнению Ахматовой¹²⁶) критика¹²⁷. Оглядка на лета нескончаемой ночи ставила эти строки Ахматовой в ряд иных аллегорий рассвета¹²⁸, к которым было привлечено внимание читателей в год двадцатого съезда¹²⁹.

Ночь при этом не совсем и кончилась.

Осенью 1957 года группа советских писателей была делегирована в Италию. По-видимому, какие-то переговоры о поездке велись с Ахматовой. В разговоре с Ю.Г. Оксманом в 1963 году она

вспомнила, не скрывая своего брезгливого отношения к этой истории, как вместо нее поехала в Италию Вера Инбер¹³⁰.

По слухам, распространившимся в литературной среде,

кто-то из секретариата Союза писателей <...> предложил, чтобы от ее имени в Риме представительство вела Вера Михайловна Инбер <...> Ахматова ответила: «Вера Михайловна Инбер может представлять от моего имени только в преисподней»¹³¹.

Помимо В. Инбер в поездке участвовали и другие персонажи ЗК: Н.А. Заболоцкий, А.А. Прокофьев, Б.А. Слуцкий, который привез из Италии лекарство для Ахматовой¹³², А.А. Сурков, А.Т. Твардовский, а также М. Бажан, Л.И. Мартынов, М.В. Исаковский, С.В. Смирнов¹³³. Советские писатели поправляли своих итальянских коллег — например, Вера Инбер оспорила слова Сальваторе Квазимодо, которые, как думается, говорили о том же, к чему приводила логика самопознания ахматовского творчества:

Однако и в выступлении Квазимодо есть вещи спорные. «Мы должны признать, — говорит Квазимодо, — что современный человек, чтобы выразить себя, должен рубить свою мысль на части»¹³⁴.

26 сентября 1957 года набрасывается стихотворение-обитда:

Все, кого и не звали, в Италии, —
 Шлют с дороги прощальный привет.
 Я осталась в моем зазеркалии,
 Где ни Рима, ни Падуи нет.
 Под святыми и вечными фресками
 Не пройду я знакомым путем
 И не буду с леонардесками
 Переглядываться тайком.
 Никому я не буду сопутствовать,
 И охоты мне странствовать нет...
 Мне к лицу стало всюду отсутствовать
 Вот уж скоро четырнадцать лет¹³⁵.

За встречей советских писателей с европейскими наблюдал эмигрант второй волны:

Иностранцы отлично разобрались, что в России просто не печатают ни одного «вольного стиха», какие мы находим в дореволюционной поэзии хотя бы Н.А. Некрасова. Миллионными тиражами печатают лишь то, что служит злободневным нуждам

пропаганды. После тошнотворных восхвалений Сталина при его жизни, никто сейчас не напечатает стихов, посвященных его оплеванной памяти. Никто сегодня из советских поэтов не посмеет, вернувшись из Рима, посвятить стихи падению маршала Жукова и сравнить его хоть с Велизарием¹³⁶.

После заключительного заседания мне пришлось наблюдать характерную сцену. Выйдя из дворца Браски, сели в посольскую машину Сурков, Исаковский и переводчик Брейберг [Г.С. Брейтбург] (Твардовского, Бажана, Заболоцкого не было на этом заседании). Корреспондент «Правды» Владимир Ермаков посадил к себе Прокофьева и горбатого молодого Смирнова. Растерянные Мартынов, Слуцкий, Инбер отправились с помощью итальянских коммунистов нанимать такси.

«Вот так всегда нас забывают», — ворчала Инбер. «Ничего, Вера Михайловна, как-нибудь доедем», — утешал ее, взяв ласково под руку, Мартынов, когда они подходили к позванному итальянским, бойко говорившим по-русски коммунистом такси¹³⁷.

С.В. Смирнов дал автограф журналистам: «Рим — это много, сильно и незабываемо!»

Николай Заболоцкий наряду со снайперским снимком венецианской пьяццы —

Шагают огромные доги,
И в тонком дыму сигарет
Живые богини и боги
За догами движутся вслед, —

отдал динарий классовому подходу —

Здесь всплыл вопрос о скудости зарплаты,
О хлебе, о жилище, и вблизи
Пятисотлетней древности палаты,
Узнав его, спускали жалюзи.

А. Прокофьев оставался верен правилам поведения в за-гранкомандировке:

Пусть там парус с сердцем Иисуса
 С нарисованным летит с прикола.
 Пусть... Под ним реклама «Кока-кола»!
 Так что... Я пою тебя, Равенна,
 Я еще приду к тебе, наверно.

А также:

Все оливы, оливы
 Да лимонные рощи,
 Все красиво, красиво,
 А нельзя ли попроще?¹³⁸

Ахматовские стихи в это время становятся каталогом обид. В начале июня 1958 года она предает бумаге когда-то «додуманную до конца» и потерянную седьмую «северную», или «ленинградскую», элегию о своем «молчании», неоднократно обсуждавшемся в иностранной и эмигрантской печати¹³⁹. В центре «Седьмой элегии»¹⁴⁰ — воспоминание о публичной казни 1946 года, своего рода сократовской цикуте. Афинский философ, как и русская поэтесса, обвинен в растлении молодежи¹⁴¹:

А я молчу — я тридцать лет молчу.
 Молчание арктическими льдами
 Стоит вокруг, бессчетными ночами
 Оно идет [туши] гасить мою свечу.
 Так мертвые молчат, но то понятней
 И менее ужасно...

Мое молчанье слышится повсюду,
 Оно судебный наполняет зал,
 И самый гул толпы перекричать
 Оно могло бы — и, подобно чуду,
 Оно на все кладет свою печать.

Оно во всем участвует, о, Боже!
 Кто мог придумать мне такую роль?

[На всех на свете хоть на миг]
[Хоть] Стать на кого-нибудь чуть-чуть похожей,
О, Господи! мне хоть бы миг позволь.

О, разве я не выпила цикуту,
Так почему же я не умерла,
Как следует, в ту самую минуту?

Пусть мне дадут теперь любую маску,
Пускай меня отпустят... ..
.....
Та прежняя, что приросла к лицу

Мое молчанье в музыке и в песне
И в чьей-то омерзительной любви,
В разлуках, в [встречах] книгах,
В том, что неизвестней
Всего на свете
Я и сама его... пугалась,
Когда оно всей тяжестью своей
Теснит меня... надвигаясь, скорей...
Защиты нет, нет — ничего.

Кто знает, как оно окаменело,
Как выжгло сердце, [иссушило ум] и каким огнем,
Подумаешь, кому какое дело,
Всем так уютно и привычно в нем
[До тех, кто был на гибель обречен]

Его со мной делить согласны все вы,
Но все-таки оно всегда мое,

Оно почти мою сожрало душу,
Оно мою уродует судьбу,
Но я его когда-нибудь нарушу,
Чтоб смерть позвать к позорному столбу.

1958. Ленинград, 3 июня (С. 17–18).

Толчком к записыванию этой элегии могла быть статья в майском номере «Знамени» за 1958 год. Статья возвращала после некоторого затишья к «крепкому» духу времени двенадцатилетней и более давности — «и всем казалось — это человек, а это черный рупор надрывался и повторял все те же тридцать фраз все тридцать лет» (С. 11). «А я молчу...» — отвечает в последнем слове подсудимая на привычные прокурорские речи («и повторял все те же тридцать фраз все тридцать лет. Все помнили все это наизусть, все с каждой сроднились запятою»). Речи эти по совместительству и адвокатские (подзащитная «не замолчала как поэт»):

Десятки лет искали адвоката,
Он где-то был, вот здесь, почти сейчас.
<...> Как хорошо теперь — защитник,
И можно, значит, будет беззаботно спать (С. 10).

Приведем выдержки из прокурорско-адвокатского монолога:

В противоречие с духом времени некоторые журналы, особенно «Звезда» и «Ленинград», стали выдвигать на первый план стихи А. Ахматовой. Цикл «Стихи разных лет» был опубликован в первом номере «Звезды» за 1946 год. Главное место отводилось стихам А. Ахматовой в 1–2 и 3–4 (сдвоенных) номерах журнала «Ленинград». Как известно, А. Ахматова наиболее активно выступала в десятилетия нашего столетия. Она принадлежала к декадентскому лагерю и жила в узком кругу салонных интересов и впечатлений. После революции она выпустила сборники стихов «Подорожник» (1921), «Анно Домини» (1922) и надолго замолчала. Когда она снова стала печататься накануне и в годы войны, русская советская поэзия прошла уже громадный исторический этап.

Некоторые стихи Ахматовой, написанные в военные годы, вызвали к ней новый интерес. Сердечно и трогательно стихотворение-реквием о погибшем ленинградском мальчишке. Словно с живым разговаривает с ним поэтесса:

Принеси же мне горсточку чистой,
 Нашей невской студеной воды,
 И с головки твоей золотистой
 Я кровавые смою следы.

Казалось, в творчестве Ахматовой что-то изменяется под влиянием жизни, казалось, поэтесса стремилась разорвать телесные пределы замкнутого круга своих «игрушечных городков», комнатных переживаний, ночных призраков.

Многие поэты пережили в годы войны второе рождение, многие возмужали, стали писать ярче и значительнее. Закономерной могла стать и «перестройка» долго молчавшей поэтессы. Но Ахматова стала печатать свои старые архивные стихи, а в новых произведениях повторять то, что давно отжило свои сроки. Цикл «Стихи разных лет» был особенно пессимистичен. Как могло, например, отвечать настроению современников стихотворение «В парке», с подзаголовком «Девяностые годы»?

В тени елизаветинских боскетов
 Гуляют пушкинских красавиц внучки.
 Все в скромных канотье, в тугих корсетах
 И держат зонтик сморщенные ручки.
 Мопс на цепочке, в сумочке драже,
 И компаньонка с Жип или Бурже.

Напомним: написано это в 1940, опубликовано в 1946 году. Строки эти можно счесть каким-то черновым наброском, детально стилизованной картины. От всего стихотворения пахнет бабушкиными салопами, а оно всерьез преподносилось послевоенному читателю.

Но вот стихи 1945 года «Памяти Иннокентия Анненского». В них возникает не столько образ поэта, сколько условный портрет человека, который «как тень прошел и тени не оставил...» <...>

Можно понять, что такой игрушечный мирок дорог человеку, вспоминающему наслаждения детства и юности, но как далек он от того бурного мира, каким была жизнь человечества в сороковых годах нашего столетия!

Дело не только в том, что А. Ахматова оказалась далека от современных дум и настроений, что она тосковала о давно ми-

нушем. Хуже то, что именно вокруг подобных стихов Ахматовой стала создаваться атмосфера преклонения. Некоторые литераторы усердно выдвигали эти произведения поэтессы в качестве образца и примера, а заодно переоценивалось, то есть превозносилось, и ее дореволюционное творчество. В том же 1–2 номере журнала «Ленинград» в рецензии на книгу поэта Вс. Рождественского можно было прочесть: «В самом деле, в стихах Рождественского читатель не найдет ни масштабности и сдержанной иронии Тихонова, ни лирической захлебывающейся скороговорки Пастернака, ни трагической напряженности душевного мира героинь Анны Ахматовой»¹⁴² (Курсив мой. — В<иктор> П<анков>). Во-первых, Вс. Рождественскому предъявлялись наивные претензии: мало ли чего нельзя найти в стихах того или иного поэта, тем более, если он сам не хочет оставаться простым подражателем, петь с чужого голоса? Но в данном случае речь не о Рождественском, а о том, что стихи Ахматовой выдвигались как мерило оценки произведений авторов совсем иного характера и творческого направления.

Иногда дело доходило до того, что стихи Ахматовой осыпали такими преувеличенными похвалами, каких поэтесса не удовлетворялась даже в кругу своих дореволюционных друзей и читателей, близких ей по духу. Некоторые современные хвалители утрачивали чувство реального соотношения стихов А. Ахматовой с многоголосой и боевой советской поэзией.

Так, в 1942 году было опубликовано стихотворение Ахматовой «Мужество». Напомним его:

Мы знаем, что ныне лежит на весах
И что совершается ныне.
Час мужества пробил на наших часах,
И мужество нас не покинет.
Не страшно под пулями мертвыми лечь,
Не горько остаться без крова,
Но мы сохраним тебя, русская речь,
Великое русское слово.
Свободным и чистым тебя донесем
И внукам дадим, и от плена спасем
Навеки.

В годы войны это стихотворение действительно обратило на себя внимание своим патриотическим пафосом, хотя благородная его идея была несколько сужена, решена односторонне. Ведь борьба шла не просто за русскую речь. Борьба советской родины с фашизмом имела не только патриотическое, но и интернациональное значение. Если бы это было правильно объяснено, все встало бы на свои места. Однако в статье «Письма о поэзии» («Звезда», № 1) писатель С. Спасский чрезвычайно преувеличил смысл стихотворения. Он объявил, что это — «слова присяги, данной всей русской литературой». Но в том-то и дело, что это стихотворение не в состоянии было сыграть роль присяги всей русской советской литературы. Уж если говорить о присяге советской литературы, то, конечно, она сильно и ярко была высказана другими советскими поэтами. В народном сознании на первом плане стояли не эти ахматовские строки, а, например, «Священная война» В. Лебедева-Кумача, «Киров с нами» Н. Тихонова, «Песня смелых» А. Суркова, стихи Д. Бедного, Джембула, Н. Асеева, С. Маршака и многих других поэтов.

Ореол вокруг имени Ахматовой создавался искусственно. В ее творчестве лишь частично начали появляться новые ноты, но оно оставалось в пределах старых представлений. Неумеренно восторженные хвалители, по существу, не помогали, а мешали поэтессе выйти на новый путь. <...> в ее адрес летели лишь чувствительные восторги и нервические аплодисменты: «Сжато стихи можно учиться у Ахматовой. За годы войны Ахматова опубликовала всего лишь несколько коротких стихотворений. Но воздействие их сильно». Далее в том же духе: «И другие военные стихи Ахматовой полноценны... Все они займут почетное место в антологиях, посвященных нашей Великой Отечественной войне». Сплошные преувеличения! И ни единого замечания, ни одного совета, ни малейшей попытки определить, какова связь этой лирики с нашим временем, с жизнью народа. Лишь некоторые стихи Ахматовой могут занять место в антологиях рядом с более сильными своим гражданским, политическим пафосом, своей идейной жизненной глубиной и поэтическим мастерством стихами поэтов, которые умножили честь советской поэзии в годы Отечественной войны.

Те, кто столь неумеренно и тенденциозно возвеличивал А. Ахматову, напоминал фокусника, поднимавшего резиновую гирию и делающего вид, что она чугунная. И это пошло во вред прежде всего самой поэтессе, задержало ее попытки приблизиться к новому.

После резкой критики в 1946 году А. Ахматова не замолчала как поэт. Она и сейчас выступает со своими стихами и переводами. Написанные в 1950 году стихотворения «В пионерлагере»¹⁴³, «Песня мира», «Говорят дети (в июньские дни)», «Приморский парк Победы» показывают, что поэтесса стремится быть ближе к современности, и это обогащает краски ее лирики. В светлых тонах пишет она о пионерах, видя в них молодость страны.

Под ярко-голубыми небесами
Огромный парк был полон голосами,
И даже эхо стало молодым.
... Там дети шли с знаменами своими
И Родина сама, любуясь ими,
Незримое чело склонила к ним.

Присоединяет свой голос Ахматова к голосам борцов за мир, тепло пишет о ленинградцах, создавших парк Победы — «светлый сад, привольный, ясный, под огромным небом», напоминающий «о великом дне Победы».

Неумеренно завышенные оценки, особенно попытки противопоставить одних поэтов другим, путают критерии и вредят самим авторам. Когда творчество Ахматовой — или, например, М. Цветаевой — рассматривается без претензий сделать их «знаменем», в верном соотношении с действительностью, с развитием советской поэзии, рассматривается исторично и объективно, тогда правильно определяется роль, значение, место каждого из писателей¹⁴⁴.

В последнем слове подсудимая даже взмолилась о том, чтобы стать похожей на других — на Николая Асеева?¹⁴⁵ на Самуила Маршака¹⁴⁶? В дополнениях к элегии отмечались разные юбилеи: юбилей первых массированных налетов на ее новые стихи («А у присяжных то же изумленье / В глазах застыло — тридцать пятый год») — с весны 1924 года, когда советская печать растрепала «Лотову жену» и «Новогоднюю

балладу»¹⁴⁷ и устами Виктора Перцова¹⁴⁸ (несколько раз возникавшего в ее биографии¹⁴⁹) заклеимила ее читателей («а в тридцать пять обманами и лестью кого-то я в Москве уговорила прийти послушать мой унылый бред»), и юбилей расставания с конформистским Союзом писателей в 1929 году («Я пропотелый ватник и калоши / Высокие — ношу тридцатый год»), а также приближающийся юбилей легендарного события — «как дочь вождя мои читала книги и как отец был горько поражен»¹⁵⁰.

Осень 1958 года ознаменовалась вакханалией по поводу Нобелевской премии Бориса Пастернака, с которым молва, местная и зарубежная¹⁵¹, не без известного основания, ассоциировала Ахматову:

она рассказывала мне о приписанных ей романах, о бесцеремонных вопросах вроде: «Как, разве с Пастернаком у вас уже все кончено?»¹⁵²

25 октября 1958 года Ахматова вызвала к себе на улицу Красной Конницы Зою Томашевскую:

«Зоя, что-то случилось. Мне уже несколько раз звонили из Москвы и спрашивали, как я себя чувствую». В это время зазвонил телефон. Я взяла трубку. Тревожный голос спросил: «Как себя чувствует Анна Андреевна?» Я ответила, что Анна Андреевна очень встревожена тем, что все об этом спрашивают. Что случилось? Трубку повесили. Мы долго сидели молча. Я думала о том, кому бы позвонить, а Анна Андреевна неожиданно вычислила: «С Борей что-нибудь. Спуститесь, купите газету»¹⁵³.

Во время поношений нобелевского лауреата имя Ахматовой, как будто, никто не помянул. Но оно подразумевалось в оргвыводах:

После пастернаковской истории (1958) был запрещен проецированный сборник стихов по-польски (С. 29).

Ида Наппельбаум рассказывала:

После исключения из Союза писателей Бориса Пастернака вышел альбом фотографий Моисея Наппельбаума, среди которых был и портрет Пастернака. <...> Наконец кто-то нашел выход из положения: из всего тиража стали вырезать портрет Пастернака. Для перестраховки решили, на всякий случай, вырезать и портрет Ахматовой. На каждом листе портреты были с обеих сторон, так что вырезали не два, а четыре портрета.

В эти дни Ида Моисеевна шла по улице и встретила Анну Андреевну, которая на ходу спросила громко (Ахматова уже плохо слышала): «Ида, это правда, что меня вырезали?»

«Правда, Анна Андреевна», — грустно ответила Ида Моисеевна.

«А кто был на другой стороне листа?» — снова спросила Анна Андреевна.

«Михоэлс», — прозвучало в ответ.

«О, это хорошая компания!» — заключила беседу Анна Андреевна¹⁵⁴.

И возможно, именно в связи с делом Пастернака КГБ, вспомнив о давних разработках, затребовал агентурное донесение, датированное 23 ноября 1958 года:

Объект большую часть времени проводит в Москве, живет у Ардовых, летом предпочитает дачу в Комарово, построенную для нее Литфондом, в Ленинграде она чаще всего бывает у приемной дочери — Иры Пуниной-Рубинштейн. Очень любит внучку — Аню Каминскую. Физически заметно сдала: нездоровая полнота, большой живот, отечность рук и ног, повторяющиеся сердечные приступы. После инфаркта, перенесенного в Москве, без валидола она обходиться не может, а телефона на даче нет. Вместе с тем, настроение у нее достаточно бодрое, творческое. Хотела писать книгу о Париже 1910 года, когда она встречалась там с МОДИЛЬЯНИ, упоминала о желании издать автобиографический очерк воспоминаний. Из самых неприятных и обидных слов, которые она запомнила и вспоминает о них с горечью, — это из Постановления ЦК партии — слова, приписываемые ЖДАНОВУ: «То ли монахиня, то ли блудница». Вот это ее очень коробит. О правительстве ХРУЩЕВА отзывается

положительно, считая его милосердным и справедливым. Часто ходит на кладбище, расположенное в полутора километрах от дачи. Такое впечатление, что подыскивает место для себя¹⁵⁵.

На волне гибельного пастернаковского триумфа один состоятельный нью-йоркер задумал чествование великого поэта и в начале следующего года писал об этом замысле Исайе Берлину:

...в конце этого года я собираюсь издать альманах в честь Пастернака. Этот сборник, размером, примерно, с обычного № «Нов<ого> журнала», будет не о Пастернаке, но для него. Это будет знак нашего признания и благодарности. «Нашего» значит от имени не очень многочисленной компании эмигрантских поэтов, писателей и эссеистов, людей, очутившихся на Западе в разные годы потому, что они защищали то именно, что пытались отстоять, и отчасти отстоял Борис Леонидович (которого я знал лично в моей очень ранней молодости, будучи его сначала соседом по Мясницкой улице, а затем встречая его на квартире моих родителей по Водопьяному переулку, куда к нам вселились господа Брики и куда ежедневно приходил Маяковский, а к нему другие деятели ЛЕФа, в том числе и Пастернак. В 23 году мне пришлось бежать за границу нелегально за нежелание жить в мире с большевиками.

Мой альманах назван «Воздушные пути» — пользуясь именем рассказа раннего Пастернака и намекая при этом на нашу теперешнюю связь с ним отсюда. В сборнике будут три неравных отдела: немного стихов, короткая худ<ожественная> проза и множество статей, — такое соотношение естественно передает современное положение эмигрантской литературы¹⁵⁶.

В те же «пастернаковские дни», после долгих проволочек, о которых Ахматова записала:

Теперешняя книжка «Стихотворения и переводы» так мала, что на нее надо смотреть в лупу, но и то она 4 года лежит в издательствах, и простодушный Белов сказал про нее: «Такая маленькая, а сколько с ней мученья!» Я не спросила, в чем состоит мучение¹⁵⁷.

и после авторской борьбы за очищение книги от балласта — Ахматова удалила уже не столь необходимые стихи на случай, вроде

Сталинградской страды
Золотые плоды:
Мир, довольство, высокая честь.
И за каждым окном
Шелестит ветерком
Нам о радости будущей весть

Или

Пускай огонь сигнальный не горит
И город в мраке небывалом тонет,
Нам голос Ленинграда говорит:
— Готов к труду и обороне!¹⁵⁸,

— «Стихотворения» вышли 5 ноября 1958 года¹⁵⁹. Ахматова называла эту книжечку «коммунистическим манифестом» за темно-красную обложку¹⁶⁰ — результат продуманного издательского решения. Директор «Художественной литературы», когда ему принесли на подпись проект оформления,

поглядел: «Переделать, слишком хорошо все, надо скромнее». <...> Нельзя, чтобы первая книга после долгого замалчиванья поэта была художественно оформлена. Он так и объяснил художникам свое распоряжение поубавить красоты¹⁶¹.

При всем внимательном разглядывании книжка не избежала досадных опечаток¹⁶². Тощая «парткнижка» («А. А. говорила: “Эту книгу следовало назвать ‘Сады и парки’. Эта дама любила гулять. Все остальное выбросил Сурков — по тем или иным причинам (где — Бог, где — не так про любовь)”»¹⁶³) щедро предоставляла пищу для злорадства, не заставившего себя долго ждать¹⁶⁴. Раздаривая куцию¹⁶⁵ новинку, Ахматова вела пересчет друзей¹⁶⁶ («А вы, друзья, осталось вас немного...» — сказала она за год до того).

9 января 1959 года она надписала: «Александр Гитовичу — чудесному поэту и милому другу» (М.А.А.). Слово «друг» не так часто ею употреблялось. Сосед по Комарову, Александр Гитович, в начале своего литературного пути считавшийся непреодолевающим акмеизм¹⁶⁷ и в соответствующую пору за то бранимый¹⁶⁸, искренне¹⁶⁹ прошедший в сталинские годы через все обязательные для советского писателя этапы¹⁷⁰, мучительно искал в 1950-е, как примирить гуманизм с тем «огнем беззаветным», «который в нас Ленин зажег»¹⁷¹.

Среди раздаренных экземпляров был и посланный в Прагу «Петру Николаевичу Савицкому от современницы. Анна Ахматова» (С. 5), — по-видимому, по просьбе Л.Н. Гумилева, переписывавшегося с одним из пионеров евразийства с 1956 года¹⁷². С этим течением Ахматова была знакома в самых истоках его¹⁷³.

В дни выхода красной книжки самый авторитетный советский журнал устами непотопляемого проходимца В.Р. Щербины¹⁷⁴ отозвался по поводу вышедшего в Нью-Йорке «Словаря русской литературы»:

В изображении буржуазного литературоведения центральными, наиболее значительными фигурами оказываются О. Мандельштам, Б. Пастернак, А. Ахматова, А. Белый, М. Цветаева, А. Мариенгоф¹⁷⁵.

И в первой половине 1959 года записано:

6 ноября 1958 г. в Москве вышла моя книга «Стихотворения». Ред[актор] А. Сурков. Гослитиздат. (25.000 экз.) По словам продавцов, она была распродана в несколько минут. Рецензий о ней не было (С. 29).

Не шибко нас нежили,
Жили, служили,
Но более не жили,
Нежели жили¹⁷⁶.

exiger ————— imperabilis

Глава
третья

1959-1960

Иннокентий
Анненский.

Поль
Верлен.

Шарль
Бодлер.

Сергей
Риттенберг.

Борис Слуцкий: ненапечатанная рецензия. — Визит американца. — У нас в Мичигане. — ЛИЖИ!— Сигналы для «надзирателей из МГБ». — Лев сторожевой. — Никитские ворота. — «Правда» с оборочками. — Читатели. — Скорость. — Звонок Твардовского. — На воздушных путях. — Телепатические свидания. — Имя ямы. — Возвращение И. Анненского. — Охота на волка. — Комсомол отвечает: есть! — Рождение улыбки. — Багдад и Ленинград. — Неповторимый голос. — Юбилей в больнице. — Человек из «Cosmos Travel». — «All rights reserved».

Выход красной книжечки напомнил советским и зарубежным читателям о физическом существовании такого автора.

Борис Слуцкий написал рецензию (С. 643), оставшуюся до последнего времени ненапечатанной:

С незапамятных времен русские женщины любили и были любимы, расставались и вновь встречались с мужьями, провожали их на войну, радовались их победам, оплакивали их гибель. Многие из этих женщин писали стихи. Некоторые — хорошо.

Лучше всех писала Анна Ахматова.

Дочь певучего народа, сложившего тысячи грустных песен и веселых частушек, она нашла новые слова, неслыханные доселе, чтобы по-своему сказать о своей любви. Надо ли говорить, что любовь, переполняющая сердце Ахматовой, шире и глубже только личной женской любви?

И ее печатали после работы — машинистки всего Советского Союза. Переписывали в тетрадки, учили наизусть школьницы.

Маяковский, когда бывал влюблен — пел стихи Ахматовой — «Сероглазый король». Пел иронически и сердито, но все-таки пел и не раз.

В поэзии они были антиподами. Это не мешало им всю жизнь ценить друг друга.

Ее печатала «Правда» военных лет. Помню строки: Мы знаем, что ныне лежит на весах <...>:

Мне приходилось читать это стихотворение партизанам-подпольщикам через несколько дней после того, как они вышли из подполья. Никогда не забуду их лица. Это стихотворение помечено 23 февраля 1942 года — первым днем Красной Армии, отмечавшимся в военное время. Рядом с ним печатались сводки Совинформбюро. И вот сейчас вышла новая книга Анны Ахматовой. 25 000 экземпляров — небольшой тираж. На книжных прилавках он продержался ровно столько времени, сколько требуется оплатить и получить книгу. Хочется напомнить, что первая книга Ахматовой «Вечер» вышла (в 1912 г.) тиражом в 200 <sic!> экземпляров.

Недавно мне пришлось работать в Серпухове. Это — большой рабочий город со многими текстильными фабриками и со старинным Кремлем. Ведущие профессии здесь — прядильщицы, мотальщицы, ткачихи. Женщин куда больше, чем мужчин. Так вот, в огромной городской библиотеке новая книга Ахматовой — из числа самых любимых, самых спрашиваемых. Было время — Ахматова была любимой поэтессой петербургских снобов. Совсем не потому, что она писала для них. Потому что серпуховские текстильщицы не умели читать. Революция открыла перед ними двери школ и университетов. Прядильщицы и ткачихи прочли и Пушкина, и Лермонтова, и Маяковского. Сейчас они читают Ахматову и плачут ее слезами, радуются ее радостями. Пришли другие читатели — новые люди. И поэт (Ахматова не любит, когда ее называют поэтессой) стал во многом другим, новым.

В новом сборнике — стихи о войне, о блокаде Ленинграда, о Маяковском, Блоке, Пушкине, о том, как поэт с самолета видит, что

На сотни верст, на сотни миль,
На сотни километров
Лежала соль, шумел ковыль.
Чернели рощи кедров.
Как в первый раз я на нее,
На Родину, глядела.
Я знала: это все мое —
Душа моя и тело.

Много стихов о детях, о ленинградских пионерах, и все это — прекрасные стихи, высокая поэзия, и от того, что они стали светлее, что это уже не горькие песни юной петроградской девушки — от души радуешься за Анну Андреевну.

Сейчас ей 71 <sic!> год. Несколько дней тому назад она читала мне новые стихи. Верю, что Анна Андреевна издаст еще не одну книжку¹.

Но в феврале 1959 года к ней пришел первый из иностранцев после 1946 года, американский славист Чарльз Мозер, вполне разбиравшийся в советской литературной ситуации².

Хотя западные ученые и журналисты время от времени пытались ее навестить, она всегда отказывалась с ними встретиться. Поэтому я считаю большой удачей, что получил возможность провести с ней два часа в феврале 1959 года. <...> Свидание наше произошло во время моего пребывания в Ленинграде в 1958–59 гг., когда я был аспирантом Ленинградского государственного университета, в первый год обмена студентами между США и СССР. Я встретился с Ахматовой совершенно неофициальным путем. Получив ее адрес через справочный стол, я сделал безуспешную попытку попасть к ней еще в декабре 1958 года, но ее тогда не оказалось в Ленинграде. Месяца через два я снова явился к ней «без доклада», в воскресенье после обеда; на этот раз я застал ее дома, и она согласилась меня принять.

Ахматова жила на улице Красной Конницы, недалеко от бывшего Таврического сада и знаменитой башни, где до Первой мировой войны собирался по средам у Вячеслава Иванова литературный Петербург, приходила и Ахматова. Квартира ее состояла, по-видимому, из двух светлых комнат, окнами на улицу. Первая, большая, почти без мебели, очевидно, служила чем-то вроде прихожей, через которую проходили в спальню поэтессы.

Сама спальня была маленькая, не особенно удобная даже по советским условиям. В углу стояла кровать, над ней икона, было несколько шкафов с книгами, письменный стол, несколько стульев. На одном шкафу стояла скульптура, изображавшая голову молодой Ахматовой. В разных местах виднелись восточные статуэтки и, конечно, книги: одни на восточных языках, другие на английском, итальянско-русский словарь.

Так как я застал ее более или менее врасплох — видно было, что она гостей не ждала, — Ахматова меня приняла в халате; мы сели у стола, начали разговаривать. Она плохо слышала, так что мне нередко приходилось повторять вопросы и замечания; по временам, когда она говорила, она смотрела в окно невидящими глазами. Она сообщила, что впервые за тринадцать лет встречается с иностранцем, что с ними она избегает свиданий; однако получала письма и книги из-за границы. В доказательство она вытащила что-то из груды бумаг и книг и показала мне. В частности, сказала она, недавно пришло письмо от одного голландского ученого³, исследовавшего религиозные взгляды русских поэтов начала XX века; она не намеревалась ему отвечать.

Несмотря на свои преклонные годы, Ахматову волновал вопрос о ее красоте в молодости. Это я заметил в связи со следующим. Она начала жаловаться на научный уровень западной славистики, приводила примеры из Dictionary of Russian Literature Вильяма Харкинса⁴ и Craftsmen of the Word Леонида Страховского. Такие книги сердили ее больше, чем доклад Жданова: что Жданову не нравилось в ней, было по крайней мере ясно; но Харкинс и Страховский просто давали о ней неточные сведения под вывеской научной объективности. Откуда черпали они эти сведения? Неужели из «Петербургских зим» Георгия Иванова, книги, изобилующей неточностями и написанной человеком, который был с ней далеко не коротко знаком? Ахматова особенно обижалась на Харкинса за то, что, по ее мнению, он якобы о других писателях писал объективнее, чем о ней. В книгах Харкинса и Страховского ее раздражал к тому же неумеренный интерес авторов к ее личным делам.

Но мне казалось, что больше всего ее сердило то, что ее называли некрасивой женщиной⁵. Чтобы доказать неверность этого положения, она мне показала альбом со снимками; я охотно согласился, что в молодости она по-своему была необыкновенно красива. (Кстати, следует признаться, что после нашего разговора я перечитал те части книг Харкинса и Страховского, которые к ней относятся, и так и не понял, чем они ее так раздражали.) Я заметил, что если книги эти действительно создают неверное впечатление о ней, может быть, стоит попытаться его испра-

вить. Но она только устало махнула рукой: пусть, мол, судят как знают после ее смерти.

Когда мы говорили о ее красоте, Ахматова указала на ныне известный ее портрет работы Модильяни, висевший над кроватью. Она сказала, что была бы готова послать фотографию портрета одному зарубежному ученому, занимавшемуся ее творчеством, если бы не боялась (она говорила это полушутя), что обратят больше внимания на художника, чем на нее.

Потом речь зашла о ее творчестве. Незадолго до того вышел скромный сборник ее стихов тиражом в 25 000 экземпляров, который уже нельзя было достать в книжных магазинах. Перед окончанием Второй мировой войны, когда она временно пользовалась благосклонностью официальных кругов, в «Литературной газете» появилась статья, в которой было объявлено о выходе сборника ее стихов в начале 1946 года⁶. Однако последовал доклад Жданова, после чего никто больше не упоминал об этом сборнике. Оказалось, что книга была напечатана, но тираж был полностью уничтожен, за исключением одного экземпляра, хранившегося у самой Ахматовой. Она признала за свои некоторые стихи 1951 года, опубликованные в журнале «Огонек», в подлинности которых сомневался Глеб Струве в своей «Истории советской литературы»⁷.

На столе у Ахматовой лежало несколько зарубежных изданий ее стихов; ее раздражало, что западные издатели печатают их без разрешения и к тому же не платят никаких авторских гонораров.

Она прочитала мне два-три новых стихотворения, посвященных отчасти теме смерти, выписала короткое стихотворение «Явление луны»⁸ на клочке старой бумаги.

К сожалению, я пропустил случай задать ей вопрос о ее религиозных взглядах; впрочем, скорее всего она бы не захотела говорить об этом с незнакомым человеком.

В области литературоведения, как известно, Ахматова долго работала над Пушкиным. В 1958 году Академия наук СССР выпустила сборник статей и материалов о Пушкине: в нем было одно ее исследование, помеченное многозначительной датой: «1947». Она надеялась опубликовать сборник своих статей о Пушкине. В то время она особенно интересовалась вопросом о том, ка-

ким путем пришел Достоевский к своему глубокому пониманию пушкинского творчества. По ее словам, ее однажды попросили прочесть доклад о смерти Пушкина в музее-квартире поэта, но она в ужасе отказалась.

Я расспрашивал Ахматову о русских поэтах начала XX века. Когда я поднял вопрос о «Докторе Живаго», на ее лице появилось характерное выражение покорности и усталости. Когда Пастернак ей сообщил, что отправил рукопись в Италию, она не одобрила его поступка: «Горе для него и горе для нас», — так смотрела она на это в это время, но ничего нельзя было поделать. «Доктор Живаго», — сказала она, — напоминает второй том «Мертвых душ»: первым томом являются стихи Пастернака⁹.

Мандельштама она ставила очень высоко как поэта, выше Пастернака; упрекнула меня за то, что за несколько дней до этого я поспешил уплатить бо рублей (старыми деньгами) за издание «Tristia» 1922 года. Она сказала, что, наверное, скоро выйдут стихотворения Мандельштама в серии «Библиотека поэта», что якобы в его стихах не было ничего запретного.

На мои просьбы рассказать о поэтах ивановского кружка она ответила, что это было в дни ее молодости и что она не так хорошо их помнит. Однако она считала Иванова очень талантливым поэтом, так же, как и Белого, несмотря на большое количество «брёда» в его творчестве. Как житейский курьез она вспомнила, что однажды во время Второй мировой войны попала в бомбоубежище, находившееся в том же подвале, где некогда помещалась «Бродячая собака».

После этого Ахматова стала задавать вопросы мне, спрашивая, главным образом, об американских поэтах. По ее словам, она довольно свободно читала по-английски, и, действительно, она произносила отдельные английские слова сравнительно чисто. Из прозаиков она любила Фолкнера¹⁰ и Хемингуэя. Последний, по ее мнению, в сущности, не связан ни с какой определенной национальностью¹¹.

Беседа моя с Анной Ахматовой прошла очень приятно. Хотя и видно было, что посещение иностранца в восторг ее не привело, она держалась любезно. Мне хотелось, чтобы она еще поговорила о прошлом, но почувствовав, что я и так засиделся у нее, я попрощался и ушел¹².

За морями с ней в это время, как говорила Ахматова в таких случаях, «происходило». Издательство Мичиганского университета после собрания сочинений Пастернака надумало выпускать серию русских классиков. Список (включавший Ахматову, Арцыбашева, Пантелеймона Романова, Мандельштама, Пильняка, Ремизова, Зощенко, Андрея Белого, Вяч. Иванова, Хлебникова, Есенина, Ходасевича, Писемского, Гумилева, Цветаеву) был послан Исае Берлину. Он отвечал 24 марта 1959 года, предложив добавить, скажем, Гершензона и Иванова-Разумника:

Ремизов, я уверен, писатель замечательный, но я не из числа его поклонников. С другой стороны, вот счастливый случай, чтобы создать окончательное и дефинитивное издание всего, что может найтись из великолепного поэта Мандельштама, чьи огромные заслуги до сих пор не получили достаточного признания. То же самое относится и к Ахматовой. Было ее издание, выпущенное Чеховским издательством. Не могу сейчас вспомнить, насколько полным оно было, думаю, что это было только избранное, но весьма щедрое; она, конечно, еще жива, но я полагаю, что такая публикация не причинит ей вреда. В самом деле, я однажды разговаривал с ее покровителем, нынешним секретарем Союза писателей, Сурковым, и спросил его, не нанесла ли ей вреда эта эмигрантская публикация. Он сказал: «Мы, как известно, довольно жестки, но за такое даже мы не наказываем». Так что я думаю, ей не принесет ущерба ничего, что будет сделано за границей. Она по-прежнему публикует стихи — ее поэтический сборник — тоненькая книжечка — появилась только в этом году и содержит несколько чудесных вещей. <...> Поэт Иннокентий Анненский не будет, насколько можно судить, переиздан в Советском Союзе, однако и как поэт, и как вдохновитель других поэтов и писателей, он занимает совершенно уникальное положение. Продукция его не очень обширна, и ее легко собрать в один том, но он великий поэт самой утонченной классической красоты, чего не станет отрицать ни один компетентный критик.

Той же весной 1959 года газета «Литература и жизнь», созданная как орган Союза писателей РСФСР с недвусмыслен-

ной целью противопоставить охранительские ведомости (прозванные острословами «Лижи!»¹³) полуразрешенному либеральничанью «Литературной газеты», предложила Ахматовой свои страницы для новых стихов. Шесть лет спустя она вспоминала:

Как я была тогда уверена, что ни одна моя строка не будет никогда напечатана, как эта уверенность удобно и вольно жила в моем сознании, не причиняя мне ни малейшего огорчения. Как легко и свободно я сказала трем парням из «Лижей», кот[орые] приехали ко мне за стихами: «Все равно не печатаете...» Вот это жизнь, достойная порядочного человека! А теперь... Тогда я дала им совсем новый «Летний сонет» и еще что-то. Значит, скоро 10 лет, как я снова печатаюсь. Ну и пути же это... (С. 643).

Фраза не была кокетством примадонны. «Летний сонет» отдавал идеологической ущербностью — еще и четыре года спустя знаток конъюнктуры его аттестовал как «безнадежный “Сонет”, зовущий в потусторонность»¹⁴. По предположению историографа этого издания, идея печатать Ахматову шла от заместителя редактора Е.И. Осетрова. Отданное газете в числе прочих стихотворение «Август» («Сон») было отсеяно¹⁵. Изготовление его цензурного варианта — замена проблематичных стихов о «страшной годовщине» едва ли не автометаописательным смикшированным стоном: «Мне на ухо чуть слышно прошептать» — прослеживается в рабочем блокноте весны 1959 года (С. 37).

5 апреля 1959 года в газете появились «Летний сонет» и «Музыка», — последняя, естественно, не в своем подлинном виде, —

В ней что-то непрестанное горит,
И на глазах ее углы гранятся.
Она сама со мною говорит,
Когда другие подойти боятся.

Когда последний друг отвел глаза.
Она была со мной в моей могиле
И пела, словно первая гроза
Иль будто все цветы заговорили.

10 сент. 1957 г. (С. 4)

а в подцензурном гриме¹⁶.

Тогда же обратился к ней (скорее всего, по инициативе Льва Никулина) журнал «Москва», освобожденный к тому времени от либерального редактора Н. Атарова и впоследствии не раз прибегавший к «спекуляции на именах умерших писателей, такими же шавками затравленных»¹⁷. 27 апреля новый редактор Е.Е. Поповкин писал:

Мы получили отрывок из Вашей поэмы. Большое спасибо. Мы, разумеется, будем его публиковать (№ 1667)¹⁸.

При этом он просил добавить два стихотворения и «перевод Багряновой <sic!>»¹⁹, а также портрет. С последним ничего не вышло:

Цензура изъяла мою фотографию <...> из 7 номера журнала «Москва», 1959 (С. 28),

но три фрагмента из «Поэмы без героя» («Не диктуй мне, сама я слышу...», «Были святки кострами согреты...», «А сейчас бы домой скорее...») и два стихотворения — «Был вещим этот сон или не вещим...», освободившееся после отсева в газете «ЛИЖИ», и «По той дороге, где Донской...» — были напечатаны в седьмом номере (С. 30, 35), и был получен гонорар в тысячу рублей (С. 31).

К моменту выхода журнала произошло поворотное событие — с запозданием появилась рецензия на карминовую книжку.

В зарубежье она успела уже вызвать оперативные отклики — жившей в Калифорнии поэтессы Елены Грот²⁰ и эмигранта скверной репутации Юрия Трубецкого²¹. Отклик по-

следнего был нашпигован громкими подсказками советским цензорам и редакторам:

Русское поэтическое зарубежье редееет. Бунин, Тэффи, Георгий Иванов, Оцуп. Остальные — пишут ли? Зато в государственном издательстве — Москва 1958 г. — вышла книжка стихов Анны Ахматовой, под общей редакцией Суркова (!). Начинается она отделом «Стихи разных лет» (1909–1957 г.). В книжке только 130 страниц. Причем 92 страницы занимают стихи «разных лет», остальные страницы заняты переводами с китайского, корейского, с еврейского, осетинского, румынского и бенгальского. О достоинствах и недостатках переводов судить трудно, не зная подлинников. Последнее из известных нам стихотворений по книге «Из шести книг» и собрания стихов, выпущенных Издательством им. Чехова, — это «Маяковский в 1913 году». Стихотворение явно «не ахматовское». Что может быть общего между Ахматовой и Маяковским! (Стихотворение «Борис Пастернак», понятно, — выпущено.)

Чтобы ныне, всей страной хранимо,
Зазвучать как боевой сигнал. —

Строчки, заставляющие задуматься. Это кто угодно, но не Ахматова! Стальной хлыст партийных надзирателей из МГБ, вероятно, больно стегнул по глазам поэта.

В стихах 1940–57 гг. много есть трагического:

Все души милых на высоких звездах.
Как хорошо, что некого терять
И можно плакать. Царскосельский воздух
Был создан, чтобы песни повторять.
У берега серебряная ива
Касается сентябрьских ярких вод.
Из прошлого восставши, молчаливо
Ко мне навстречу тень моя идет.
Здесь столько лир повешено на ветки,
Но и моей как будто место есть.
А этот дождик, солнечный и редкий,
Мне утешенье и благая весть.

Удивительно, как «товарищ Сурков» не усмотрел в этих стихах скрытой крамолы.

Непонятны строчки:

И помнит Рогачевское шоссе
Разбойный посвист молодого Блока...

Здесь очевидно говорится об известном стихотворении Блока «Осенняя воля», в котором, кроме блоковского высокого лирического дыхания, даже знатоки поэзии Блока не смогут услышать разбойничьи интонации.

Памяти Александра Блока

Он прав — опять фонарь, аптека,
Нева, безмолвие, гранит...
Как памятник началу века.
Там этот человек стоит;
Когда он Пушкинскому дому,
Прощаясь, помахал рукой.
И принял смертную истому,
Как незаслуженный покой.

Режет ухо «памятник началу века» — совсем из статьи советского блоковеда Орлова, писавшего пространное предисловие к исковерканному советскому двухтомному изданию Блока. Оставляю в стороне стихи, выдернутые из «Четок», «Белой Стаи», «Подорожника» и «Анно Домини». Об этих книгах писалось много. Зато в строфах «Городу Пушкина» звучит невытравимый никакими редакторами, МГБ назначенными, голос подлинного поэта, той Ахматовой, которой в свое время поцеловал руку блистательный мэтр Символизма Вячеслав Иванов, говоря: ваши стихи — это событие в русской поэзии.

Я в беспамятстве дней забывала течение годов
И туда не вернусь! Но возьму и за Лету с собою
Очертанья живые моих царскосельских садов.

Это прежняя Ахматова. Это не та, которая пишет дальше четыре отрывка под общим заголовком «Победа» и три отрывка «С самолета».

Для мирной жизни юных поколений
От Каспия и до полярных льдов.
Как памятники выжженных селений,
Встают громады новых городов.

В этой строфе не хватает только имени «Ленин» и тогда «товарищ» Сурков будет доволен. Так же как в стихотворении «В пионерлагере»:

...там дети шли с знаменами своими,
И Родина сама, любуясь ими.
С улыбкою чело склонила к ним.

Трудно объяснить иначе, как только так: стихи из прежних лет (до революции) разрешено пристегнуть к актуальным темам (вроде «Приморский парк победы»). Однако небольшой цикл «Сinque» (пять) опять звучит прежним ахматовским тоном, так же как стихотворение с эпиграфом из Анненского.

Печальная книга!

Пастернака травят. Возможно, наступит день, когда какой-нибудь партийный недоучка из пишущих «критику», вроде Кострова, Тарасенкова или Орлова, возьмет маленькую книжечку — золотая надпись на малиновом фоне, повертит ее перед партийным нюхалом и усмотрит...

Так же усмотрит, как усмотрели (даже почти не читая!) крамолу в стихах и прозе Пастернака. Видно Ахматовой не удалось убить память:

У меня сегодня много дела:
Нужно память до конца убить.

(Ива)

Память, трагические видения прошлого, гибели — неотвратимы²².

Родина автора полгода хранила молчание, пока не нашелся решительный литератор — Лев Озеров, совмещавший должность советского поэта с преданностью бывшей лучшей, но опальной поэтессе. «Львы сторожевые» — назвала она цитатой из «Медного всадника» его и Льва Копелева в одной из записей (С. 263). Написанное тогда Л. Озеровым интересно для нас и тем, что оно, весьма вероятно, отразило несколько бесед с Ахматовой²³. Мы полагаем, что к таким беседам могло восходить обсуждение повторяющихся, навязчивых образов у Ахматовой — тема, бывшая для нее болезненной со времен упреков Мариэтты Шагинян и им подобных:

Почему повторение образа сада и Музы в моих стихах — манерность? Напротив, чтоб добраться до сути, надо изучать гнезда постоянно повторяющихся образов в стихах поэта — в них и таится личность автора и дух его поэзии²⁴.

Образ ивы, одно из ахматовских наваждений, внедренное Мариной Цветаевой в стихотворный ахматовский портрет («Не этих ивовых плавающих ветвей / Касаюсь истоиво, — а руки твоей!»²⁵), был для Ахматовой пробным камнем новой поэтики, —

«по своим поэтическим приемам Ахматова принадлежит к после символистскому поколению»,

как определила она свое место в письме к Н.А. Даддингтон 1926 года²⁶.

Она говорила тогда П.Н. Лукницкому о литературных опытах сына-подростка:

...хотелось бы, чтобы Лева нашел достойными своей фантазии предметы, его окружающие, и Россию. Чтобы не пираты, не древние греки фантастическими образами приходили к нему... Чтоб он мог найти фантастику в плакучей иве, в березе...²⁷

В 1960-е она судила поэтов по меткости описания этого дерева и говорила о «Песне» А. Тарковского²⁸: «Видите, какой простой эпитет? После того, как Осип делал с эпитетом Бог знает что такое, эта простота освежает»²⁹.

Разговор об аллеях, видимо, подводил к последней из ахматовских аллей, к финалу «летнего», или «приморского» сонета, к дорожке в смерть и бессмертие.

История прохождения озеровской рецензии была известна Ахматовой: «Мнимое свидание, или Исповедь дочери века», — помечено в ее блокноте о «Поэме без героя» (С. 213).

Сам Лев Озеров вспоминал:

Она попала к С.С. Смирнову³⁰, редактировавшему тогда эту газету. Он почесал затылок и сказал: «Ну, теперь, перекрестившись, пойду к Екатерине Алексеевне Фурцевой»³¹.

Пошел. Что случилось? То ли помогла женская солидарность, то ли чувство неловкости, но и она одобрила статью.

Рассказ сотрудника «Литературной газеты»:

Статью потребовали в ЦК. Поликарпов, прочитав ее, был недоволен тем, что обойдено постановление ЦК, в котором, как он сказал Михмату³², содержалась, может быть, чересчур резкая, но справедливая критика Ахматовой. Михмат пытался уговорить Озерова реализовать это руководящее указание. Озеров, подержанный нами, уперся: «Лучше не печатать!» После долгих препирательств, в глубине души понимая, что мы правы, Михмат сдался: «А, была не была». Одно замечание Поликарпова все-таки учли — статья называлась «Дочь века» (Поликарпов этого не забыл и потом нам припомнил), дали другой заголовок — «Стихи Анны Ахматовой» Статья эта нынче может показаться вегетарианской, а тогда она была для читателей обжигающе острым блюдом. Конечно, нам очень хотелось напечатать в газете стихи Ахматовой. Но это было не просто задабриванием автора, в котором мы были заинтересованы, — статья об Ахматовой была очень важна для обозначения позиции газеты³³.

День 23 июня — снова воспоминания Льва Озерова:

И статья появилась. Первой позвонила Мария Сергеевна Петровых:

— По случайности я оказалась днем на главном телеграфе. Корреспонденты иностранных газет, как мне сказали, передали телеграммы о пересмотре отношения большевиков к Ахматовой³⁴.

Озерову удалось отклониться от упоминания ждановского постановления, но защита поэта строилась на подавлении ключевых криминальных слов из цитированных Ждановым стихов. Аргумент о преодолении одиночества призван отменить предъявленную в докладе улику — строку из «Дыни»: «Здесь одиночество меня поймало в сети». Среди сборников не упомянут «Anno Domini» — название не русское, и к тому же именно эта книга содержала ругавшиеся в 1946 году стихи,

да и вообще она, по вполне справедливому определению выдающегося психолога Л.С. Выготского, выражала «внутреннюю контрреволюцию Ахматовой, высокое напряжение которой нашло себе поклонника и на страницах “Известий”»³⁵. На сторону защиты привлечены классики Лермонтов и Тютчев («минуты роковые»). Лев Озеров, знаток и Ахматовой, и вообще русской поэзии начала века, с благородной целью идет на передержки.

Таков пассаж про бардов декаданса, якобы «далеких» от революционных бурь (кто это — Зинаида Гиппиус, автор острых стихотворных политических инвектив? Или Вяч. Иванов, автор «песен смутного времени»? Или Максимилиан Волошин, автор «Стихов о терроре»?). И не впервые появились у Ахматовой точные даты исторических промежутков — «Семь дней любви, семь грозных лет разлуки. Война, мятеж, опустошенный дом», не впервые — местоимение «мы»: «Думали: мы нищие, нету у нас ничего...».

Оценив, согласно условиям времени и места, баланс истины и натяжек, воспроизведем полностью эту рецензию:

«...Невозможно жить без солнца телу и душе без песни» — эти слова принадлежат Анне Ахматовой, книга которой вышла в свет в Гослитиздате. Первые произведения небольшой по размеру книги этой помечены 1909 годом. Стало быть, перед нами полувековой творческий путь. Читатель помнит давние книги Анны Ахматовой — «Вечер», «Четки», «Белая стая». Отличающиеся изяществом и лаконизмом, они оставляли читателя в замкнутом мире чувствований, излюбленном бардами декаданса, далеко от революционных бурь эпохи. Ручей ее поэзии долгие годы не мог найти пути к реке народной жизни. Но не правы те, кто думает, что на этих первых книгах творчество поэтессы остановилось.

Работа Ахматовой никогда не прекращалась. Об этом говорит рецензируемая книга.

Среди многих других у Ахматовой есть образы, которые встречаются особенно часто: ива и аллея³⁶. Ива, давшая название целой книге стихов, явилась из русской сказки и песни («ива, дерево русалок»³⁷). Аллея — проложенный человеком путь сквозь природу, — аллея Царскосельского, Пушкинского,

широкошумного сада. Она пролегла через все стихи поэтессы — от ранних до сегодняшних. Но взгляните: как изменилась трактовка образов, как наполнились они новым содержанием! Как пейзажная зарисовка ушла на второй план, выдвинув на первый образное раскрытие темы России, ее «минут роковых», бытия природы и человека.

В четырех-восьми-двенадцати строках Ахматова умеет сказать многое. Это разговор, при начале и конце которого мы, читатели, как бы не присутствуем. Мы слышим самую напряженную, самую существенную часть разговора и без дополнительных слов догадываемся о ее сути и смысле, о ее начале и конце. Это драматический отрывок без экспозиции и эпилога — образно-композиционный прием, как бы отвоеванный поэзией у прозы. Разработанный в лирических миниатюрах Ахматовой, он позднее появился не только у наших лириков, но и у новеллистов.

Сказать, что одни образы у Ахматовой встречаются чаще, чем другие, значит почти ничего не сказать. Надо увидеть, как меняются они с годами. Вот ива 1944 года.

А вы, мои друзья последнего призыва!
 Чтоб вас оплакивать, мне жизнь сохранена.
 Над вашей памятью не стыть плакучей ивой,
 А крикнуть на весь мир все ваши имена!

Характерно самое обращение поэтессы не к одному человеку, как было встарь, а к «друзьям последнего призыва». Мы узнаем знакомый лирический почерк, знакомую ахматовскую интонацию, и все же в стихах поэтессы последнего времени появились отсутствовавшие прежде качества.

О старых книгах Ахматовой писалось много. О новых стихах следует здесь сказать особо. Отечественная война, блокада Ленинграда, Средняя Азия, борьба за мир — все это властно вошло в стихи Ахматовой. У меня нет желания приписывать теме, как таковой, магические свойства. Легкомысленно утверждать, будто, прикоснувшись к новой теме, можно сразу же преобразиться. Нет, без душевного перевооружения, без длительной работы мысли и чувства, без многочисленных опытов, удачных и неудачных, находок и провалов — перехода в новое качество не бывает.

Поэтесса долго вела свой лирический монолог. Если он порой и переходил в диалог, то главным образом в любовной лирике.

В стихах последних полутора десятилетий в скупых, но выразительных строках поэтессы слышится прежде всего диалог. Это разговор с современником. И — еще. Время присутствует уже не только как дата под стихами. Оно входит в заголовок, в суть и плоть образов самой вещи. Если это послевоенная пора, то с недвусмысленной точностью: «Прошло пять лет, — и залечила раны, жестокой нанесенные войной, страна моя, и русские поляны опять полны студеной тишиной»³⁸. Дело не в цифрах, не в календаре, не в дате, а в мете времени, в глубинной ее передаче, приущей нынешним стихам Ахматовой.

Когда читаешь книгу Ахматовой в хронологической последовательности (а в настоящем издании впервые соблюден этот верный принцип), то видишь, что это лирика преодоления одиночества, исповедь дочери века, понявшей, что путь одиночества и изоляции ведет художника к тяжелой драме.

С берега залива, где Лермонтов наблюдал «парус одинокий» и где ныне расположен приморский парк Победы, любитесь поэтесса десятками «белокрылых»³⁹, легких яхт», которые «на воле тешатся». Этот образ-воспоминанье, с моей точки зрения, имеет силу символа. Да и сама Ахматова подчеркивает глубинный смысл сопоставления:

Еще недавно плоская коса,
черневшая уныло в невской дельте,
как при Петре, была покрыта мхом
и лебяною пеною омыта.

Здесь в прошлом скучали «две-три плакучие ивы» и рыбацкая ладья «в песке прибрежном грустно догнивала»⁴⁰. А после войны — и тут голос автора восходит к высоким нотам —

...ранним утром вышли ленинградцы
Бесчисленными толпами на взморье.
И каждый посадил по деревцу
На той косе, и топкой и пустынной,
На память о великом Дне Победы.
И вот сегодня — это светлый сад,
Привольный, ясный, под огромным небом... —

Ахматова не отказалась ни от своей поэтики, ни от своей интонации. Знакомые образы по-новому убедительны в ее стихах. Они чудесно преобразились и обновились. В то время, как

эпигоны превращают крайности литературных школ в догматы и застывают в них, творцы оставляют прошлое и следуют своим путем дальше. Ахматова относится к числу творцов русской поэзии. Можно говорить о сложности и напряженности ее творческого пути. Но не замечать того, что это путь, — нельзя. По мере своих сил поэтесса стремилась найти путь к новому читателю. Это путь к современности, а не прочь от нее.

Помимо оригинальных стихов поэтессы, в книге помещены ее переводы из китайских, корейских, французских, осетинских⁴¹, еврейских⁴², румынских⁴³ и бенгальских поэтов. Эта талантливая и благородная работа Анны Ахматовой уже в какой-то степени оценена и служит сближению народов и культур.

Жаль, что многие интересные и выдержавшие испытание временем стихи Анны Ахматовой не вошли в эту книгу. Но хорошо все же, что она издана. Читатель будет надеяться на новую встречу со стихами поэтессы⁴⁴.

Рецензия была воспринята как прорыв блокады⁴⁵. Борис Слуцкий сказал ее автору:

Это событие. Только что мы говорили об этом с Межировым, Самойловым, Петровых, Мартыновым. Все так считают⁴⁶.

До нас дошла запись разговора с Б. Пастернаком 24 июня 1959 года:

— Вы видели вчерашнюю «Литературную газету»? — спросила я.

— Нет, а что там?

— Статья об Ахматовой по поводу ее сборника. Сдержанная, но вполне положительная.

— Что вы говорите! Большая статья?

— Довольно большая. И исподволь ей дается высокая оценка.

— Вот как? Сегодня ее день рождения. Я только что звонил, чтоб от меня ее поздравили»⁴⁷.

Помимо событий на сцене перед этим днем рождения происходили и движения закулисные.

В начале мая 1959 года Лев Никулин решил обратиться к Суркову — сохранился черновик от 4 мая:

Многоуважаемый Алексей Александрович,

Несколько лет назад [в бытность Вашу редактором «Огонька»,] я явился в некотором роде посредником между журналом и Анной Андреевной Ахматовой и Вами или редакцией и впервые после известного постановления появились в печати ее стихи. [После этого,] [М]не кажется, в течение ряда лет трудно в чем-нибудь упрекнуть эту благороднейшую и [столь одаренную] женщину и талантливого поэта, которая все эти годы проявила себя [так] столь патриотично, [и] во много раз лучше некоторых наших литераторов [и артистов], выросших и созревших в нашу эпоху.

В ближайшие недели исполняется 50-летие литературной деятельности Анны Андреевны и семидесятилетие со дня ее рождения. Не следует ли подумать о том, чтобы отметить это литературное событие в наших литературных газетах и [каким-нибудь] одобрительным жестом со стороны Союза Писателей РСФСР, — никаких открытых чествований не нужно, этим могут воспользоваться всякие недоумки.

О том, что это [т жест] произведет впечатление за рубежом не мне Вам говорить.

Прошу Вас подумать об этом, Вы знаете [со своей стороны я, как несколько лет назад, снова предприму некоторые шаги. Зная] Анну Андреевну, знаю ее и я, и уверен, что она будет обрadowана этим воздаянием за ее безупречный труд поэта, переводчика в течение [последнего десятилетия] [ряда лет после изв<естного>] пост<ановления>. Мне кажется, что этот труд искупил [мно] то, что в чем ее справедливо сказано в изв<естном> постановл<ении>⁴⁸

За день до появления рецензии Сурков, которому как раз эти дни за океаном припоминали его давние поношения Ахматовой в «Литературной газете»⁴⁹, обратился с письмом к Хрущеву, используя кое-что из наработок Никулина:

Глубокоуважаемый Никита Сергеевич!

Находясь под впечатлением широкого и смелого взгляда на литературу и литераторов, выраженного в Вашей речи на 3-м писательском съезде, я считаю себя обязанным привлечь Ваше <sic!> к судьбе старой русской писательницы, которой во второй половине июня исполняется семьдесят лет.

Речь идет об А.А. Ахматовой, чье творчество подверглось суровой критике в постановлении ЦК ВКП(б) об ошибках редакций журналов «Звезда» и «Ленинград». Критика эта, предельно резкая по тону, по существу была правильна, ибо поэтесса, пережившая вместе со всем народом полосу высокого морально-политического подъема в годы Великой Отечественной войны в первом послевоенном году опубликовала ряд глубоко пессимистических произведений. Так как подобные настроения охватили и некоторых других, значительно более молодых по возрасту поэтов, исторически понятен резкий тон критики в адрес А. Ахматовой.

Партийная критика не прошла бесследно. Через два-три года после опубликования постановления А. Ахматова опубликовала ряд новых своих лирических произведений на гражданские темы, свидетельствовавших об успешном преодолении ею пессимистических настроений 1946 года, стихотворений, посвященных народному героизму в годы войны, восславляющих радость послевоенного восстановительного труда, радость советского детства, усилия народов в борьбе за мир.

В последующие годы А. Ахматова много и плодотворно, с большим талантом и мастерством работала над переводом наиболее трудных для перевода выдающихся произведений китайских и корейских классических поэтов, переводила стихи ряда европейских поэтов и поэтов братских народов СССР.

За эти годы было безупречным и ее гражданское поведение. Когда на встрече в Ленинграде с группой реакционных английских студентов покойный М. Зощенко почел для себя возможным апеллировать к этим навязчивым гостям против решения Центрального Комитета, А. Ахматова дала им решительную и резкую отповедь. Еще задолго до прошлогодней свистопляски с присуждением Нобелевской премии Б. Пастернаку, я слышал от Ахматовой слова резкого осуждения художественной слабости

и политической тенденции романа «Доктор Живаго», который она читала в рукописи, переданной ей Пастернаком лично.

Все это дает мне основание думать, что несмотря на свою сложную и трудную житейскую и литературную судьбу, старая русская поэтесса, человек органически искренний и в своих стихах, и в своих поступках, выразила все лучшее, что есть в ее душе в стихотворении «Мужество», напечатанном на страницах «Правды» в начале 1942 года. <...> После той отвратительной шумихи, которую подняла вокруг Пастернака вся реакционная свора мира и не унимается до сих пор, и в международно-политическом плане, и в смысле закрепления в сердцах представителей старого поколения советских писателей того, что посеяно в них Вашей съездовской речью, заметный отклик на семидесятилетний юбилей старой, талантливой русской поэтессы, ровесницы Бориса Пастернака, подвергшейся в прошлом очень острой партийной критике и не погрузившейся в молчание, мог бы иметь очень положительный резонанс. Так думаю не один я. Так думают и К.А. Федин, и Г.М. Марков и ряд других товарищей из нового литературного руководства, по поручению которых я пишу это письмо.

Какая-то форма государственного признания полустолетия творческого труда А. Ахматовой, до сих пор находящейся в строю активно действующих поэтов, была бы сильным ударом по тем реакционерам и колеблющимся интеллигентам, которые еще до сих пор никак не расстаются с пресловутым «делом Пастернака».

Сердечно уважающий Вас Ал. Сурков⁵⁰

И на следующий день, по-видимому, в результате знакомства первого секретаря самого ЦК КПСС с предложением первого же секретаря, но только Союза писателей (раньше-то Ахматова ждала от секретарей только «свинцовой горошины»), было отправлено к юбиляре письмо:

Хотелось бы напечатать Ваши стихи в литературной странице, которую дает по воскресеньям «Правда». Будьте добры сообщить, можем ли мы на это рассчитывать. Всего Вам доброго — здоровья и вдохновения. Ред. «Правды» по отделу литературы и искусства Н. Абалкин (№ 1677)⁵¹.

Тогда же, по-видимому, поступило и какое-то предложение от «Известий»⁵². Два месяца спустя Ахматова рассказывала, что послала в центральный орган свой «Летний сад». В этом стихотворении тема зеркальной удвоенности разыгрывалась в симметричных конструкциях, в повторах, параллелизмах и хиазмах. Размер, наследующий еще от «Черной шали» балладную драматичность, сочетался с изысканным экфрасисом⁵³, описанием панхронной статики. «Содержание», описывающее самое «форму» стихотворения, останавливало внимание современников:

В стихотворении Анны Ахматовой «Летний сад» образный смысл заключается в сопоставлении человека, такого, каков он сейчас, и того, вчерашнего, каким его сохранила память. Он хочет поставить себя снова туда, в окружение той самой живой и мертвой природы, что должна помнить его вчерашнего. Ведь и он ее помнит, ту, вчерашнюю! Это Летний сад, где в «душистой тени... царственных лип» «мерещится скрип» «мачт корабельных», где статуи

...помнят меня молодой,
А я их под невскою помню водой.

Если можно говорить в поэзии о «приемах», то прием этого стихотворения — отражение. Природа и человек взаимно отражают свою молодость.

И лебедь, как прежде, плывет сквозь века,
Любуясь красой своего двойника.

И даже строки сходятся и расходятся, как круги на воде, круги памяти:

И замертво спят сотни тысяч шагов
Врагов и друзей, друзей и врагов...

Словно эхо в пустом, мертвом доме — этот обратный ход второй строки двестишестидесяти...

А шестивью теней не видно конца
От вазы гранитной до двери дворца.

Так косвенно рисуется реальный пейзаж Летнего сада (ваза, дверь), где бесшумно и невидимо проходят воспоминанья. Впечатление таинственности, бесплотности, нереальности возвращения вспять характеризуется последним штрихом реальной лунной ночи и философского второго плана одновременно:

И все перламутром и яшмой горит,
Но света источник таинственно скрыт⁵⁴.

«...оказалось, что для газеты не подошло», — рассказала Ахматова в присутствии Пастернака, на что тот

в ответ прогудел: «Ну, вы бы еще захотели, чтобы “Правда” вышла с оборочками»⁵⁵.

«Летний сад», написанный 9 июля 1959 года, был лишь одним из плодов того щедрого на стихи лета (тогда же написано стихотворение «Поэт» — «Подумаешь, тоже работа»⁵⁶). Стихотворения наперебой подсказывались читателями — живыми и мертвыми.

2 июля записан набросок, где первый слушатель стихов из цикла «Cinque», он же и адресат его, соседствует с невидимым читателем⁵⁷, подарившим Ахматовой еще одну аналогию для ее автобиографического мифа⁵⁸:

Всех друзей моих благодарю
И того, с кем... я встречала
Позднюю январскую зарю,
И того, кто, выпив горечь града,
Долго здесь вокруг меня бродил,
Видел купы лип и прелесть сада
...
[На мои круги не наступил]
Но мой круг волшебный пощадил.

В тот же день появился еще один набросок, вызванный, видимо, полученным из Праги письмом поэта Вадима Морковина от 7 июня (№ 908). В. Морковин⁵⁹ обращался за разъяснениями как биограф Марины Цветаевой, приложив выписку из ее «Нездешнего вечера»:

Читаю, — как если бы в комнате была Ахматова, одна Ахматова. Читаю для отсутствующей Ахматовой. Мне мой успех нужен, как прямой провод к Ахматовой. И если я в данную минуту хочу явить собой Москву — лучше нельзя, то не для того, чтобы Пе-

тербург — победить, а для того, чтобы эту Москву — Петербургу — подарить, Ахматовой эту Москву в себе, в своей любви, подарить, перед Ахматовой — преклонить. Поклониться ей самой Поклонной Горой с самой непоклонной из голов на вершине.

Что я и сделала, в июне 1916 года, простыми словами:

В певучем граде моем купола горят,
И Спаса Светлого славит слепец бродячий,
И я дарю тебе свой колокольный град —
Ахматова! — и сердце свое в придачу.

Чтобы все сказать: последовавшими за моим петербургским приездом стихами о Москве я обязана Ахматовой, своей любви к ней, своему желанию ей подарить что-то вечнее любви, то подарить — что вечнее любви⁶⁰.

Над четырьмя строками недописанного полупричитания проставлены инициалы одной из лучших читательниц — «М.Ц.»:

Ты любила меня и жалела,
Ты меня как никто поняла,
Для чего же твой голос и тело
Смерть до срока у нас отняла.

Отголосок воспоминаний о цветаевской поэзии, возможно, проник в написанное тем летом стихотворение (вообще насыщенное отсылками к поэзии начала века⁶¹) «Читатель». Первоначально оно было снабжено посвящением «Никому», иными словами, имело того же адресата, что и давнее ахматовское стихотворение — «Многим»⁶²:

Не должен быть очень несчастным
И, главное, скрытным. О нет! —
Чтоб быть современнику ясным,
Весь настежь распахнут поэт.⁶³

Зачин напоминал брюсовское наставление «Поэту», бывшее за полвека до того литературной сенсацией⁶⁴, но в концепции стихотворчества акцент переставлялся с поэта на

читателей-современников, именитых и безвестных («Пусть самый последний, случайный, всю жизнь промолчавший подряд»), вроде Л. Ельницкого или, как указывалось уже⁶⁵, Михаила Пискулина. С последним Ахматову познакомила переводчица С.К. Островская⁶⁶, осведомительница. О второй ее профессии Ахматова догадалась⁶⁷, но продолжала встречаться, следуя своему правилу:

Анна Андреевна говаривала, что зачастую имеет смысл иметь дело с явными негодьями, профессиональными доносчиками, в частности. Особенно, если тебе нужно сообщить что-нибудь «наверх», властям. Ибо профессиональный доносчик донесет все ему сообщенное в точности, ничего не исказит — на что нельзя рассчитывать в случае с человеком просто пугливым или неврастеником⁶⁸.

С этим клубком коварства и дружбы связана и некрологическая миниатюра об одной из читательниц — «Памяти Анты». Одно время она планировалась в составе цикла «Венок мертвым» (С. 236, 285, 373, 684, 708, 720), в какой-то момент входила в «Трилистник траурный» (С. 491, 492; вместе со стихами памяти М.М. Зощенко и В.С. Срезневской):

[А это вовсе] Пусть это даже из другого цикла:

Мне видится улыбка ясных глаз
 ... И [слово] «умерла» так жалостно приникло
 К прозванью милому, что будто первый раз
 Его я слышала.

1960. Осень. Кр. Конница (С. 52).

(В 1965 году планировался вариант, «4 строки», обрывающийся на словах «к прозванью милому» — С. 596, 597.) Отправляясь в воспевании и отпевании домашнего прозвища от «Демона аналогии» («Le Démon de l'Analogie») Стефана Малларме⁶⁹, Ахматова создала одну из самых щемящих русских эпитафий двадцатого века, но она и впрямь «из другого цикла». Сличение воспоминаний Исаяи Берлина о свидетельницах его визита к Ахматовой в 1945-м и обнаруженных

чекистом сведений о дамах, написавших донесения об этом визите, показывает, что второй (помимо С.К. Островской) секретной сотрудницей была героиня стихотворения «Памяти Анты»⁷⁰.

Публикация в журнале «Москва» не ознаменовалась видимыми печатными откликами. Но отдадим должное советскому читателю, сей верный Руслан оказался тут как тут:

Мы любим читать стихи, хотя и не являемся знатоками поэзии. Одни стихи нам нравятся, другие не нравятся, но, прочитав стихотворения Ахматовой, должны сказать, что они не только не понравились, но и оставили какой-то неприятный осадок. На наш взгляд, это не стихи, а бесформенное нагромождение рифмованных фраз, лишенных всякого смысла.

Нам непонятно, как можно писать, да еще и без помарок, стихи в сожженную тетрадь?

Разве розы расцветают напрасно?

Для чего пашут землю осенью?

Почему Ахматова из всех деревенских звуков услышала только колокольный звон?

Какая связь между всем этим и Марсом?

Как может шиповник превратиться в слово?

Какое отношение к написанному имеет девятый вал ее судьбы?

Чему учат, на что вдохновляют, к чему призывают эти стихи? Что полезного, поучительного или интересного можно подчеркнуть <sic!> из них?

В своих стихах Ахматова спрашивает: «Куда идти и с кем торжествовать?» Нам кажется, что подобные стихотворения идут от советской жизни и поэзии в лагерь абстракционизма и ультрамодернизма, а Ахматова приближается к тем писателям и поэтам, творчество которых, в силу своей никчемности, не находит признания у советского читателя. Стихотворения Ахматовой напомнили нам абстрактную живопись, которую мы видели на американской выставке в Москве. Смотришь (читаешь) и ничего не понимаешь. <...>

Читали эти стихи мы своим знакомым. Мнение у всех оказалось одно — таких стихотворений нам не надо.

Нам было еще более удивительно читать их в журнале, где была замечательная речь Никиты Сергеевича Хрущева на III съезде писателей, в которой он призывал писателей выражать в своих произведениях великие дела, которые совершает народ, простые люди⁷¹.

<...> И вдруг... в середине журнала такие стихи, которые не соответствуют тому, что написано в начале и конце журнала.

Мы понимаем, что таких писем, как наше, редакция получает десятки, и угодить на разные вкусы читателей нельзя. Но мы убедительно просим ответить нам на следующие вопросы:

Отражают ли стихи Ахматовой те задачи, которые поставили партия и народ перед писателями в деле развития советской литературы и изображения современности?

Какой идейный замысел заложен в этих стихах? О чем хотела Ахматова в них рассказать?

Какие художественные или иные качества этих стихотворений увидели в стихах Ахматовой члены редколлегии, что решили поместить их в журнал?

Согласны ли товарищи из редакции с оценкой стихов Ахматовой, данной нами? Если не согласны, то почему? Ждем от Вас ответа!⁷²

Меж тем резонанс озеровской рецензии, которую сделала всемирной сенсацией нью-йоркская газета, привел к тому, что из-за границы стали приходить письма к Ахматовой. 1 августа 1959 года написано письмо Элианы Бикер, которая сообщила, что занимается в Сорбонне творчеством Ахматовой. (№ 1704). Может статься, что это письмо откликнулось в комаровском наброске, датированном мрачной годовщиной — 14 августа 1959 года («так тринадцать лет меня клянут»):

Бреды

Самолет приблизился к Парижу

.....

Кроме сосен никого не вижу,

С соснами короткий разговор (С. 38).

Намеком мелькнувшая здесь тема побега из «зазеркалия» сопрягается с тревожившей Ахматову темой скорости, которая, как и в начале века⁷³, обрела в эти годы в молодой поэзии лозунговую остроту («Третью скорость! Я слишком тихо / До сих пор по земле ходил...»⁷⁴).

«Скорость» — озаглавила Ахматова свой набросок, датированный 8 августа 1959 года:

Бедствие это не знает предела,
Ты, не имея ни духа, ни тела,
Коршуном злобным на мир налетела,
Все исказила и всем овладела,
И ничего не взяла.

Дата здесь — дата сокрытой годовщины, которая подала повод к поэтическому размышлению. Ранее той же датой 8 августа было отмечено другое стихотворение, в котором катастрофическая тема тоже означена оборванным стихом, но не в конце, а в середине:

И очертанья Фауста вдали
Как города, где много черных башен,
И колоколен с гулками часами,
И полночей, наполненных грозою,
И старичков с негётевской судьбою,
Шарманщиков, менял и букинистов,
Кто вызвал черта, кто с ним вел торговлю
И обманул его, а нам в наследство
Оставил эту сделку...
И выли трубы, зазывая смерть,
Пред смертью смычки благоговели,
Когда какой-то странный инструмент
Предупредил, и женский голос сразу
Ответствовал, и я тогда проснулась.

В этом стихотворении с «двойным дном»⁷⁵, написанном или, во всяком случае, датированном восьмым августа 1945 года, днем известия о Хиросиме, гётевская сказочно-роман-

тическая обстановка, преломленная через историю недавней войны (своего рода сделки немецкого народа с чертом)⁷⁶, связывается с ускорителями частиц. Ахматова говорила:

Жаль, что Гете не знал о существовании атомной бомбы: он бы ее вставил в «Фауста». Там есть место для этого...⁷⁷

В другой раз она записала:

Мог ли Лессинг, заставляя своего Фауста выбрать из семи бесов самого «скоростного», думать, что примерно через 150 лет скорость станет идолом человечества. Очевидно, она ею всегда была (см. миф о Фаусте, его постоянные полеты и мгновенные возвращения)⁷⁸.

Тема мира, очарованного дьяволом (подтверждения этому она потом искала в Риме), и тема непреодолимой границы между местом своего пребывания и читателями где-то далеко в человечестве («distant in Humanity», как сказала она эпиграфом из Кита) переплетались.

Осенью того же года перед ней открылся главный канал связи с просвещенным читателем в эпоху «шестидесятых» — «Новый мир», который возглавлялся с лета 1958 года Александром Твардовским. 29 сентября 1959 года записано в его дневнике:

Вчера говорил по телефону с Ахматовой (о новых ее стихах для «Нового мира»), которую лет 30 назад, по Антологии Ежова и Шамурина⁷⁹, может быть, считал покойницей, как Блока, Брюсова, Гумилева. Только потом уж узнал, что она жива, правда, знал уже задолго до ее стихов в «Правде» в войну и прочих.

Голос, после старушечьего, слабого, в коем я и предположил было ее, — голос, по которому можно было себе представить походку, какой она подошла к телефону, — сильный, уверенный, не старый — с готовностью в нем, исключаящий разговор с нею, как со старушенцией. Назвался. — «Здравствуйте, тов. Твардовский». Мне показалось, что она не поняла, зачем мне ее стихи. — «Это — редактор «Нового мира». — «Ну, боже мой, Вы мне это сообщаете»⁸⁰.

После этого разговора были набросаны первые планы подборки (С. 33–34), состав которой изменялся на протяжении осени (включив стихотворение «Не страшай меня грозной судьбой», написанное 15 октября). Не вошло в журнал стихотворение «Читатель», отвергнутое заместителем главного редактора, бывшим хоругвеносцем ленинградских идеологических погромов А.Г. Дементьевым («Говоря об Ахматовой, он сказал: “Товарищи, надо же прямо сказать, что Ахматова дрянной поэт”»⁸¹) за пренебрежительное упоминание высокой сцены, с которой советские поэты говорят с народом, а Твардовским — за нерусское слово лайм-лайт, дорогое Ахматовой как отсылка к фильму Чаплина «Limelight» («Огни рампы»).

Но вошло исполненное нераспознаваемой внутренней крамолы и содержащее опасные, в связи с маркой автора, слова-сигналы — «трагическая», «в трауре» — стихотворение-воспоминание о приходе И. Берлина в Фонтанный Дом «Ты выдумал меня, такой на свете нет...», правда, с заменой эпитета, переводящей стрелку ассоциаций от аутодафе на бомбежку: «Откуда унеслась стихов сгоревших стая» вместо «сожженных стая» (С. 78) или «казненных стая» (С. 526)⁸².

С этого момента и до ее смерти поведение Твардовского по отношению к ней представляется безукоризненным.

Но для квалификации их отношений стоит напомнить, что чрезмерной теплоты в них не было — «не сватья, не кума»⁸³. Как полагала Ахматова,

он переживает за смоленских крестьян, а я ему глубоко безразлична⁸⁴.

Ее надменная простота выдавала ее неполное самоотждествление с советским народом. И, отчасти подчищая репутацию своего журнального автора, отчасти из нежелания раздражать прогрессивного читателя, исколебавшегося вместе с линией партии, Твардовский писал И. Эренбургу:

Слова Ахматовой: «Ничему не нужно удивляться». Вы уверены, что она не против опубликования их?⁸⁵

Кружковый культ Ахматовой в обеих столицах был ему, видимо, неприятен. Характерный эпизод зафиксирован В.Я. Лакшиным. Давид Дар за столиком кафе говорил Твардовскому в августе 1963 года:

«Слушайте, я выражаю мнение народа, а народ говорит, что Твардовский пишет все лучше и лучше и временами приближается в поэзии к Ахматовой и Цветаевой». Этого комплимента только не хватало Трифону! Но он лишь сказал кротко: «Я никогда не был вашим собутыльником. Бросьте этот разговор». А наклонившись ко мне, прибавил вполголоса: «Я бы мог сказать, что я о таких сравнениях думаю, да помолчу»⁸⁶.

Помимо предложения Твардовского в это время произошло и другое событие ахматовской жизни. Роману Гринбергу в руки попал список «Поэмы без героя» — мы пока не знаем, кто его доставил в Америку (Ахматова, как кажется, считала, что Роман Якобсон⁸⁷). 5 августа 1959 года Р. Гринберг писал Г. Адамовичу:

Простите меня за мою несомненную наглость: все прошу и ничего не плачу. <...> Хотя возможно и чудо из-за Ахматовой, и тогда барыш пойдет сотрудникам. <...> А поэма Ахматовой — настоящее золото. Каждое слово кусок этого настоящего металла. Ничего такого не читал за годы, годы. Писалась поэма в 1940/43 гг. в Ленинграде-Ташкенте-Москве. <...> Это должно быть событием, вернее, станет событием в нашей жизни, если хоть немного понимаю, в чем дело. Правда, русский эмигрант как-то совсем не любопытен ко всему, что «не политическое». Но и этот оттенок есть, хотя раздувать его не хотелось бы по причине хорошо понятной. 30 страниц гениальных строчек о гневе, мести, страданиях трех человек, среди которых Вы узнаете всех троих. Мне доставили эту вещь «оттудова», чтобы напечатать и спасти ее для всех. И Вы поймете сразу, как я ухватился за нее. Она и есть украшение альманаха и единственная художественная вещь в ней, если не считать полдюжины стихотворений местных поэтов.

14 ноября Г. Адамович получил альманах и писал о поэме:

Кажется, очень хорошо, а главное *très poignant**⁸⁸.

Он и стал первым рецензентом альманаха:

Надеюсь, однако, что никто из представленных в сборнике авторов не будет в претензии, если я скажу, что как бы ни были содержательны их статьи или талантливы их стихи, основное, важнейшее в альманахе, центр тяжести в нем, то, что должно бы обеспечить «Воздушным путям» внимание и распространение — поэма Ахматовой. Написана «Поэма без героя» во время войны, и до сих пор известны были из нее лишь небольшие отрывки. Каково первое впечатление от этой вещи? Позволю себе поделиться чувством личным: давно уже не приходилось мне ничего читать с таким волнением, как эти строки и строфы, прерывистые, причудливые, неясные, сбивчивые, полные той звонкой и горестной ахматовской музыки, которой много лет уже не было слышно. Не знаю, не хочу наспех решать, слабее ли эта поэма всего того, чем Ахматова стала русским читателям дорога, или наоборот, это — ее вершина. В поэме несколько другой метод, другой стиль, чем тот, к которому Ахматова нас приучила, и надо с ним освоиться, чтобы впечатление свое окончательно проверить. Прочсть стихи, «просмотреть», «пробежать» их и, повторив их себе вполголоса много раз, тут же приняться мысленно (а тем более в печати) ставить отметки, — то-то, мол, хорошо, а другое плохо, — дело опрометчивое, и опрометчивости этой в русской критике достаточно примеров. Вспомним хотя бы Белинского, усмотревшего в последних, самых прекрасных и зрелых пушкинских стихах упадок таланта! Поэма Ахматовой — во всяком случае — подлинная и высокая поэзия, та, которая при первой встрече с ней увлекает и захватывает слишком сильно, чтобы не отбить охоты рассудочно разбираться в отдельных ее чертах. Не сомневаюсь, что многие найдут ее непонятной, и, судя по замечаниям самой Ахматовой, эти упреки ей уже и были сделаны. Объяснять что-либо она, однако, отказывается. Поэтому и я воздержусь от какого-либо фактического комментария к поэме, да и не все я знаю, а в особенности не все припоминаю

* Весьма остро.

из того, что очевидно легло в ее основу. Есть сейчас в эмиграции человек десять, а, может быть, и того меньше, которые могли бы рассказать о драме, взволновавшей незадолго до войны 1914 года весь литературно-богемный Петербург и связанной с именами О.А. Глебовой-Судейкиной, — «Олечки» для всех ее друзей, — Всеволода Князева, отчасти и М. Кузмина. Эта драма причудливо ожила в ахматовской поэме: посвящения, эпитафии не оставляют в том сомнения. Поэма возникла из воспоминаний. Да, из воспоминаний: повторяю это слово потому, что в том же альманахе помещена статья Степуна, как всегда у него богатая мыслями, где о воспоминании говорится в тоне скорей пренебрежительном. Память, «чувство связи с прошлым», — нечто важное, высокое, а воспоминание — будто бы удел натур мелких. Степун ссылается на Платона, на Вячеслава Иванова, и все же я решу ему возразить: не всякое воспоминание ничтожно, не всякое внушено вздохами об исчезнувшем сладком житье-бытье. Да и так ли отчетливо различие между памятью и воспоминанием? Нет ли тут в большинстве случаев игры словами? Ахматова, например, вспоминает дореволюционный Петербург. Думаю, что все, этот Петербург помнящие, связаны круговой порукой, тем, что магически выражено в стихотворении Осипа Мандельштама:

В Петербурге мы сойдемся снова,
Словно солнце мы похоронили в нем...

Даже Алданов, от всех таких настроений отталкивавшийся, почувствовал это, сравнив беспечный и трагический Петербург тех лет с Помпеями, «когда на краю кратера показалась первая струйка вулкана». Это воспоминание неизгладимо, может быть потому, что смутное ощущение обреченности, — не нашей лично, и даже не какого-либо социального класса, а особого жизненного уклада, особой, особенно-хрупкой петербургской культуры, — ощущение это обостряло все человеческие отношения. Мы вовсе не считали, что живем лучше всех других, но нам казалось, что так жить больше никто никогда не будет... Может быть, это и были только иллюзии, — как знать?

Ахматова вызвала к новой жизни тени людей, ей близких, давно уже умерших, и поднялась сквозь эти образы до видения общенного. Но влетается в ее поэму и нечто суровое. Она не хо-

чет быть «такой, какой была когда-то». Она упоминает о каких-то «краснобаях и лжепророках». О ком именно? Впрочем, эти своенравные, чуть-чуть надменные нотки пробивались у нее и прежде, нечего, значит, удивляться, что теперь они стали слышнее⁸⁹.

По выходе рецензии Р.Н. Гринберг писал Г. Адамовичу:

Думаю, — об Ахматовой будут писать и писать и гадать. В этом смысле есть даже сходство с 10-й главой Онегина. Она, мне кажется, сумела не хуже Пушкина зашифровать. Кое-что я начинаю различать.

За летним стиховым изобилием последовал столь же богатый декабрь 1959 года. Новые строки, как всегда у Ахматовой, были вызваны полемической установкой⁹⁰. Строфа в «Поэме» — «Это он в переполненном зале / Слал ту черную розу в бокале...» (окончательно проясняющая читателю, что острая формула «Гавриил или Мефистофель»⁹¹ относится к Александру Блоку) возникла после знакомства с рецензией Клода Мориака на только что вышедшую в Париже книжку переводов из Ахматовой (газету привезла Любовь Эренбург, и 28 ноября 1959 года Н.И. Столярова, секретарь И.Г. Эренбурга, послала ее в Ленинград⁹²). В этой рецензии ахматовская строка «Лишь голос твой поет в моих стихах...» вызвала (вечный) вопрос:

Не идет ли здесь речь о Блоке, которого, по всеобщему мнению, она любила и которому в данном сборнике посвятила два стихотворения? В предисловии к «Избранным стихам» Блока, недавно вышедшим в издательстве Пьера-Жана Освальда, Юбер Жюэн упоминает, что в жизни поэта существовали три женщины. Ахматовой в этом списке нет⁹³.

Отсутствующую во французском списке равно не устраивало и чрезмерное приближение к Блоку⁹⁴, и чрезмерное удаление от него.

Стиховой прилив этого декабря готов было завершиться полемическим сочинением, по, казалось бы, совсем невзрач-

ному поводу, каковая мизерность еще больше подчеркивает это структурное свойство ахматовского текстопорождения (до известной степени характерное и для двух других из акмеистов⁹⁵). В последний день года в Комарове блокнот пополнился оборвавшимися строчками:

М<едный?> з<вон?>. Дудин
 Неправда, не медный, неправда, не звон,
 А тихий (?) и хвойный таинственный стон
 Они издают иногда (С. 73)

К этому замыслу⁹⁶ она пробовала вернуться через несколько месяцев:

И вовсе не медный, и вовсе не звон (С. 101).

Она объясняла своим литературным секретарям:

— Да, вы знаете, в сегодняшней газете стихи Дудина, и он пишет, что у сосен медный звон, что сосны медные. Это неправда, посмотрите — какие же они медные. Я их хорошо знаю, я их всегда в Будке слушаю.

— Член Союза писателей N написал: сосен медный звон. Ну — разговаривают, шепчутся, спорят, стонут — что угодно. Но откуда медный звон? Где он его услышал?⁹⁷

Всякое из демонстративных ахматовских отталкиваний, думается, может скрывать солидаризирующуюся выноску на никак не названный текст. В данном случае осмелюсь предположить, что противопоставление молодцеватому звону — тихого стона следовало за недавним опытом трагического подтекста в подцензурном приморском курортном пейзаже у знакомого поэта, некогда отправленного в северные лагеря:

Под доброй сенью дружеского крова
 Есть хлеб,
 Табак
 И лампа над столом,

Позвенивают сосны Комарова
Оледенелых веточек стеклом.

На дальний колокольчик под дугою
Он не похож, хрустальный этот звон,
И ветерок не назовешь пургою,
Но о пурге напоминает он.

Напоминает так,
как чай в стакане,
прозрачном, ложкой смиренном до дна,
напоминает нам об океане,
где непомерны ширь и глубина.

Но мне довольно звона этих веток,
Колблемых домашним ветерком:
В весенний день
Они звенят в тайге так,
И этот звон до боли мне знаком.

И с этим звоном, слышным еле-еле,
Нерасторжимо связан звук другой:
Полозьев скрип, призывный свист метели
И колокольчик тонкий под дугой!⁹⁸

Количество написанного у Ахматовой в тот или иной период вряд ли всегда выводимо из политической обстановки в стране, но в эту зиму нельзя не сопоставить ее плодovitость с витавшими в обществе надеждами на послабление прессы. 13 октября 1959 года Ю.Г. Оксман отметил непривычную разговорчивость Ахматовой при том, что

обычно Анна Андр. очень осторожна в своих политических высказываниях, даже когда говорит о своей страшной судьбе, о пройденных годах нищеты, травли, тревог за Леву⁹⁹.

В декабре Ахматова заканчивает стихотворение, где некоторые черты («за... Кто там...») задним числом покажутся

подражанием поэтам последнего поколения¹⁰⁰ и в котором видится отклик на тринадцатую годовщину, отмеченную ею в августе¹⁰¹:

Что нам разлука? — Лихая забава,
Беды скучают без нас.
Спьяну ли ввалится в горницу слава,
Бьет ли тринадцатый час?
Или забыты, забиты, за... кто там
Так научился стучать?
Вот и идти мне обратно к воротам
Новое горе встречать.

11 декабря она вновь обращается к диалогу с пришельцем из Европы, и снова в наброске предрождественского послания «вместо праздничного поздравленья...» возникает «всегдашняя Русь»:

И опять по каменным ступеням,
Древним, как сраженье на Дону...¹⁰²

24 декабря, в европейский рождественский сочельник, она возвращается в очередном наброске к переплетенным темам скорости (увенчанной модной в это десятилетие аббревиатурой¹⁰³) и непреодолимых государственных границ. Создается впечатление, что поэт для того взял здесь в рифму глаголы, чтобы обратить внимание этой технической неизобретательностью на приближающееся неназванное ключевое слово «граница».

Я давно не верю в телефоны,
В радио не верю, в телеграф.
У меня на все свои законы
И, быть может, одичалый нрав.
[Но зато всегда могу присниться
Всякому, кому ни захочу]
Всякому зато могу присниться,
И не надо мне лететь на «Ту»,

Чтобы, где попало очутиться,
Покорить любую высоту. (С. 93)¹⁰⁴

26 декабря она, видимо, вспомнила о времени другой разлуки, когда они были невестой и женихом с Гумилевым и тот из своего парижского одиночества назначал «телепатическое свидание» (на ставшую памятной для нее дату — 5 января). В ответ ее жалобам на провинциальную скуку он подбадривал строфами властителя дум:

Николай Степанович прислал мне в Севастополь Бодлера «Цветы зла» с такой надписью: «Лебедю из лебедей — путь к его озеру» (1907?) (С. 627)¹⁰⁵.

Она припомнила и надписанное Гумилевым на своей фотографии четверостишие из «Жалобы Икара» Бодлера:

Mais brûlé par l'amour du beau,
Je n'aurai pas l'honneur sublime
De donner mon nom à l'abîme
Qui me servira de tombeau.¹⁰⁶

(Севастополь 1907 г.) (С. 68),

На той же странице блокнота мотив безымянной могилы поэта прямо переносится из Бодлера в попытку стихотворения о «первом поэте»:

И отнять у них невозможно
То, что в руки они берут,
Хищно, бережно, осторожно
Как ... меж ладоней трут.
...поэта убили
Николай правей, чем Ликург
Чрез столетие получили
Имя — Пушкинский Петербург
[Безымянную рой могилу]
Безымянн<ая> здесь могила
Чтобы область вся получила
Имя «мученика сего» (С. 68).

Можно полагать, что сообщение о выходе французской книги и сопутствующие размышления о переводимости ее стихов вообще (не один из ее собеседников слышал фразу: «Я — как Пушкин. У меня все просто, поэтому меня так трудно переводить») направили ахматовские ассоциации этого месяца в сторону французской поэзии.

Поздней осенью вышла, наконец, несмотря на недавний пессимистический прогноз книжка Анненского в «Библиотеке поэта». Ахматова прочитала в предисловии Андрея Федорова, верного служителя памяти царскосельского поэта, раздражительную фразу об акмеистах и сказала Г. Глекину:

А Федоров отодвигает акмеистов от Анненского. Подлая статья!
Ведь Анненский и акмеизм — одно¹⁰⁷.

В томе Анненского впервые был обнародован перевод одного стихотворения Верлена:

Я устал и бороться, и жить, и страдать,
Как затравленный волк от тоски пропадать.
Не изменят ли старые ноги,
Донесут ли живым до берлоги?
Мне бы в яму теперь завалиться и спать.
А тут эти своры... Рога на лугу.
Истерзан и зол, я по кочкам бегу...¹⁰⁸

Впечатления от новинки объединились с предчувствием декабрьского церковного календаря. В этом месяце выделялся для тезки день пророчицы Анны, «Анна Темная», «егда зачат святую Богородицу», — день зимнего солнцестояния, воспетый в стихотворении «9 декабря 1913» («Самые темные дни в году / Светлыми стать должны...»). В день этот, по народному календарю, волки становятся опасны. Стечением Верлена, Анненского, церковного календаря и деревенской приметы наваяно ее «волчье» стихотворение:

Вам жить, а мне не очень,
Тот близок поворот.
О, как он строг и точен,

Незримого расчет.
 Зверей стреляют разное,
 Есть каждому черед
 Весьма разнообразный,
 Но волка — круглый год.
 Волк любит жить на воле,
 Но с волком скор расчет:
 На льду, в лесу и в поле
 Бьют волка круглый год.
 Когда там оленя
 И зубра — никогда
 Не плачь, о друг единый,
 Коль летом иль зимой
 Опять с тропы волчиной
 Услышишь голос мой. (С. 71)¹⁰⁹

А бодлеровские отсылки содержались в попавшей в ее руки — видимо, в эти же дни — книге Жака Маритена. Маритен писал о музыке своего друга Артура Лурье как «онтологической», «экзистенциальной» в смысле Кьеркегора и, опять же вослед Кьеркегору, «эротической», то есть обязанной своей субстанцией Эросу, имманентному бытию. В связи с музыкой к «Пиру во время чумы» речь в книге зашла о бодлерианских привязанностях Лурье, его дендизме и «сладкой жестокости». В том, что последние переходят в чистое смирение и веру, Маритен видел аналогию с духовной позицией Бодлера¹¹⁰.

С Артуром Лурье, уехавшим в эмиграцию в 1922 году¹¹¹, переписка прекратилась, по-видимому в 1920-е¹¹². Следующее письмо было получено только в 1963 году. Оно начиналось отсылкой к культовым фигурам петербургского дореволюционного фольклора¹¹³:

Моя дорогая Аннушка, недавно я где-то прочел о том, что когда д'Аннунцио и Дузэ встретились после 20 лет разлуки, то оба они стали друг перед другом на колени и заплакали. А что я могу тебе сказать?..

Но он несомненно являлся одним из тех далеких читателей, кому могли быть посланы многие ее строки, с кем она постоянно в эти годы вступала в заочный диалог.

Из контекста книги (в которой обсуждалось также творчество Шагала и Стравинского) Ахматова выхватила слово «эзотерический»¹¹⁴ для характеристики художников XX века, с их «магией, восстающей из теней»¹¹⁵ самой глубины человеческого». В своем конспекте (ошибочно принятом в издании записных книжек за точную выписку) она резюмировала опыт великих модернистов как «эзотерическое искусство» (С. 89). Эту формулу она вставляет в заметки о «Поэме без героя» (С. 93), о которой думала в том же декабре. Поэма возводилась к некому ядру «магического искусства», вызревшего в десятых годах.

Ту же «замаскированность» и темную магию обсуждала рецензия Михаила Кантора, появившаяся в парижской русской газете в самом начале следующего года:

Открывается книга произведением из ряда вон выходящим — «Поэмой без героя» <...> Нет никакой возможности изложить «своими словами» содержание поэмы. Говоря по совести, очень многое в ней непонятно, и только ближайшие друзья автора могли бы, быть может, дать ключ к ней. Однако, расшифровать несомненные автобиографические элементы, которыми поэма проникнута, право, не так уж важно. Понятны ли целиком стихи или нет, невысказано не поддаются их темному очарованию. Это — своего рода *danse macabre*, вторжение теней прошлого, выходцев из потустороннего мира:

Здесь под музыку дивного мэтра
Ленинградского дикого ветра
Вижу танец придворных костей...

Фон поэмы — Петербург 1913 года, город обреченный, город на краю гибели. Грозные признаки катастрофы уже обозначались, но их никто не умел прочесть:

И всегда в духоте морозной,
Предвоенной, блудной и грозной,
Непонятный таился гул...
Но тогда он был слышен глухо,

Он почти не касается <sic!> слуха
И в сугробах невских тонул.

Тени из этого прошлого и из прошлого более близкого (поэма посвящена памяти «друзей и сограждан, погибших в Ленинграде») приходят на свидание с поэтом, внушая ему предельный ужас:

Нету меры моей тревоге,
Я, как тень, стою на пороге,
Стерегу последний уют.
И я слышу звонок протяжный,
И я чувствую холод влажный,
Каменею, стыну, горю...

Поэма звучит как сплошное заклинание, то средствами иронии, то попыткой уговорить себя, что «адская арлекинада» — только кошмар:

В дверь мою никто не стучится,
Только зеркало зеркалу снится,
Тишина тишину сторожит.

Однако, надвигающиеся видения не поддаются ни иронии, ни скепсису, и ощущение жути, внушаемой их присутствием, невольно передается читателю. Но я должен остановиться в своих цитатах и могу только рекомендовать читателю обратиться к самой поэме. Возможно, что в ней Ахматова достигла вершины своего творчества¹¹⁶.

Эмиграция на несколько лет получила монопольное право обсуждать поэму печатно¹¹⁷. В февральском номере «Возрождения» Владимир Злобин, полузнакомый, видимо, с Ахматовой по Петрограду¹¹⁸, полудонес:

Поэма Ахматовой в зарубежном альманахе, собственно говоря, — контрабанда. Ведь Ахматова — в том же царстве, где тот, кому посылают «воздушный поцелуй». Но мы не протестуем, мы радуемся, радуемся замечательной поэме, как ее назвал М. Вишняк (с чем мы совершенно согласны). Радуемся, что она напечатана в том виде, в каком вышла из-под пера поэта, без купюр и цензурных поправок «родной» коммунистической партии. И хотя мы в ней многого не понимаем, это отнюдь не мешает нам

ею наслаждаться как редчайшим образцом чистой поэзии. Впрочем, поэма непонятна не только нам. Об этом свидетельствует следующее, приложенное к поэме, письмо Ахматовой от ноября 1944 г.: «<...> Еже писах — писах <...>». О том же, т.е. о непонятности поэмы, у Ахматовой в самом тексте. Вторая часть начинается так: «Мой редактор был недоволен» <...>

По-своему, редактор, возможно, прав. Но так ли уж поэма Ахматовой непонятна? Кое-что в ней, конечно, засекречено, — без этого «там» нельзя. Но если ее прочесть внимательно, о главном можно догадаться, особенно, зная автора¹¹⁹.

В январе 1960 года в «Новом мире» появилось пять ахматовских стихотворений. Как отметила эмигрантская печать,

власть сняла запрет с творчества прославленной поэтессы и сов[етские] журналы могут печатать ее лирические стихи, не имеющие малейшего отношения к политике или к прославлению вождей¹²⁰.

Однако, по сообщению Ю.Г. Буртина, в архиве ЦК сохранились документы, свидетельствующие об отрицательном отношении со стороны высшего партийного руководства к этой подборке¹²¹, в которой выделялся своим подозрительным драматизмом «Летний сад», где «появляется “послевоенная” ахматовская тема “теней прошлого”, суда над прошлым — иногда неожиданно-сурового. Причем в понятие “прошлое” входит не только личная жизнь, но и вся петербургская эпоха»¹²².

Подборка была замечена читателями. Один из них писал, предлагая старой поэтессе свежий литературный контекст:

Мне радостно было прочитать хорошие стихи и написать Вам об этом. Поэты нынешние нас не балуют, разве что Твардовский, Винокуров, Вас<илий> Федоров дают иногда стоящее¹²³.

Критика встретила публикацию выжидающей тишиной, растревоженной стуком беспокойного комсомольского сердца:

Стремление к лаконичности не должно приводить к мелкодумью. Лирические стихи нельзя понимать как незавершенные эскизы. Это очевидно: никто не скажет, что короткие стихи Щипачева или Смелякова — наброски к каким-то будущим полотнам. Это завершенные, целостные произведения.

Очень часто у нас случается так, что стихотворение нельзя воспринять иначе, как подступ к какому-то интересному, большому разговору. Дается экспозиция темы, и на этом поэтическое повествование прерывается. Все это, думается, идет от неглубокого вживания в тему, смысл, дух ее.

Я никак не могу принять стихотворение Анны Ахматовой «Летний сад» из хорошей в целом ее подборки, опубликованной в первом номере «Нового мира»:

Я к розам хочу, в тот единственный сад,
 Где лучшая в мире стоит из оград,
 ...И лебедь, как прежде, плывет сквозь века,
 Любуясь красой своего двойника¹²⁴.
 И замертво спят сотни тысяч шагов
 Врагов и друзей, друзей и врагов,
 А шествию теней не видно конца
 От вазы гранитной до двери дворца.
 И шепчутся белые ночи мои
 О чьей-то высокой и тайной любви...

Мне слышится здесь какое-то равнодушие, сместившее свет и тень, любовь и ненависть, «друзей и врагов», сделавшее абстрактными и невесомыми слова «о чьей-то высокой и тайной любви». Случилось это, думается, потому, что вереница возникших у автора ассоциаций и чувств перелита здесь в строчки без глубинной аналитической работы художника.

Простая фиксация случившегося, так сказать, поэтическое фотографирование, исключаящее, как правило, глубинную художественную разведку явления, стало довольно распространенным в молодой, да и не только в молодой, поэзии¹²⁵.

Сменялись цифры годов на календаре, шел восьмой десяток жизни, подступала седьмая годовщина смерти Сталина. Вийоновский вопрос («Но где же прошлогодний снег» — в переводе Н. Гумилева) из риторически-штампованного ста-

новился мучительным. Он был выведен «вечным пером» на блокнотном листе:

Куда оно девается, ушедшее время? Где его обитель... (С. 644).

Ахматова зашифровала его в переключке двух разделенных хронологическим рубежом стихотворений намеченного цикла. Цикл уподоблялся «трилистникам» Иннокентия Анненского, и скрепа подбиралась на манер триптихов «Кипарисового ларца», где два смежных стихотворения сцеплялись рассеченной и разделенной между ними ключевой фразой, двумя половинками пароля. Стихотворение «Не страшай меня грозной судьбой» октября 1959 года, входившее как второе в цикл «Из московской тетради (Трилистник закрытый)» (С. 46), заканчивалось стихом:

Вспоминай хоть до первого *снега*,

третье же, «Мартовская элегия» февраля 1960 года, открывалось недостающей половинкой вийоновской находки:

Прошлогодних сокровищ моих (С. 47).

Цитатный подхват преодолевал страх и, напоминая о бессмертности поэтических формул, противоборствовал одной из кажимостей здравого смысла, о которой шла речь в этом стихотворении:

И казалось, что после конца
Никогда ничего не бывает...

1960-й в самом своем начале был отмечен сквознячком ослаблений режима. Писатели в Москве стали прилюдно высказываться либеральнее¹²⁶ (иностранец заметил в том году, что, в отличие от впечатлений его предыдущего визита за два года до того, вид людей в СССР стал менее мрачным и забытым¹²⁷). 18 января Ахматова считает нужным записать в еще непривычной для ее блокнотов «полной» дневниковой манере:

Сегодня получила первый номер «Нового мира», где напечатаны мои стихи. Сегодня же пришел вчера приехавший из Москвы Н.И. Х<арджи>ев и рассказал все столичные новости. Они разнообразны и занимательны. Мы выбирали, какие стихи дать в «Неву» и какие в «Наш современник» (С. 70).

Стихи для «женского», мартовского номера¹²⁸ ленинградского журнала «Нева» решила взять заместительница главного редактора Е. Серебровская. В редколлегию входили литераторы, по-видимому, благорасположенные к Ахматовой: В. Дмитриевский¹²⁹, С. Кара¹³⁰, Сергей Орлов¹³¹ (и только один из ее членов все продолжал дуть в ждановскую дудку¹³²).

Прочитала новые стихи Ахматовой в «Новом мире» и ринулась к ней: почему не у нас? <...> Она подала мне несколько листков. Я взяла три стихотворения. Отбор одного из них удивил Анну Андреевну.

— Этого и Твардовский не решился взять, — сказала она.

Я удивилась — почему? В «Неве» все стихи были опубликованы, не вызвав ни у кого сомнений. Я же сама в глубине души, помимо всего остального, восхищалась вечной женской молодостью этого человека. В одном из ее лирических стихотворений, напечатанных в «Неве», есть строки: «Вдвоем под созвездием Змея, взглянуть друг на друга не смея...» Нет, старости сердце ее не знало¹³³.

Конечно, мемуаристка представляет здесь знакомый уже феномен отредактированной памяти: не три стихотворения напечатаны, а два¹³⁴. Третье, злополучный «Читатель», и здесь не подошло. Но оценим ее решительность — «черные гвоздики», «тайные знаки», «алмазные фелуки»¹³⁵ в «черношале-вом» амфибрахии —

В ту ночь мы сошли друг от друга с ума,
светила нам только азийская тьма,
свое бормотали арыки,
и черные пахли гвоздики.

И мы проходили сквозь город чужой,
сквозь дикую песнь и полуночный зной, —
одни под созвездием Змея,
взглянуть друг на друга не смея.

И чудилось — рядом шагают века,
и в бубен незримая била рука,
и звуки, как тайные знаки,
пред нами кружились во мраке.

Так шли мы с тобою единственный раз,
как будто в ничейный попали рассказ,
и месяц алмазной фелукой
вдруг выплыл над встречей-разлукой...

И если вернется та ночь и к тебе,
будь добрым к моей запоздалой мольбе:
пришли наяву ли, во сне ли
мне голос азийской свирели¹³⁶

— тоже могли пойти по разряду «салонных и парфюмерных» или даже «салонно-аристократических стишков»¹³⁷. Сочувствие вечной женской молодости закрыло глаза на «тайные знаки». Ключом к «тайне» была опущенная строфа:

То мог быть Каир или пышный Багдад
Но все не Варшава, не Ленинград
Мы это наверное знали
В уже неисцельной печали (С. 44).

Отголоском неназванного в журнальном варианте Каира осталась «фелука», любимая Гумилевым арабская «вырезная фелука», превращающаяся в призрачный воздушный корабль («Взоры в розовых туманах / Мысль далеко уведут, / И из стран обетованных / Нам незримые фелуки / За тобою приплывут»). Ахматова сказала по этому поводу Нике Глен:

Помните этюд Иванова к Христу? Он одел раба сначала в красный хитон, и написал отражение в воде красное, а потом переодел его в белое, а в воде осталось красное. И здесь так (МАА).

«Тайные знаки» указывали на продолжение спора с иностранцем (на сей раз — с живущим в Париже поляком Юзефом Чапским¹³⁸) — спора о Западе и России, о выборе между эмиграцией и страной «дикой песни» (в последующих публикациях из политкорректности по отношению к узбекской земле заменено на «дымную песнь»). «Пышный Багдад» (срифмованный антитетически с Ленинградом, как в популярных стишках Маршака) отсылал через не окликнутую здесь (но памятную по ахматовским ташкентским стихам) Шахерезаду к мандельштамовским феодосийским раздумьям 1920 года об эвакуации из врангелевского Крыма в Средиземноморье, о «сне Шехерезады»:

Недалеко от Смирны и Багдада,
Но трудно плыть, а звезды всюду те же.

И упоминание созвездия Змея здесь не столько посланное нестареющим сердцем благословление Искушителю, сколько кивок в сторону стихотворения другого акмеиста, к гумилевскому разговору 1918 года о Западе и России:

Франция, на лик твой просветленный
Я еще, еще раз обернусь,
И, как в омут, погружусь, бездонный,
В дикую мою, родную Русь.

<...>

Ты прости нам, смрадным и незрячим,
До конца униженным, прости!
Мы лежим на гноище и плачем,
Не желая Божьего пути.

В каждом, словно саблей исполина,
Надвое душа рассечена,

В каждом дьявольская половина
Радуется, что она сильна.

Вот, ты кличешь: — «Где сестра Россия,
Где она, любимая всегда?»
Посмотри наверх: в созвездье Змия
Загорелась новая звезда¹³⁹.

От журнала «Наш современник» (отличавшегося, по словам Ахматовой, «тем, что его никто не знает»¹⁴⁰, одного из «мутных, даже рвотных по содержанию и дохлых по своей художественной нетребовательности»¹⁴¹ журналов) к ней обратился поэт Николай Сидоренко. По рассказу литературного сверстника, в 1929 году его «открыл» Мандельштам¹⁴². В 1930-х он, вероятно, недолго пробыл в заключении¹⁴³. Из того, что предложила Ахматова, было напечатано посвященное в 1938 году¹⁴⁴ расстрелянному Борису Пильняку стихотворение «Все это разгадаешь ты один...». Ложная дата «1942», переадресовывала жертвам немецких фашистов строки «Кто может плакать в этот страшный час о тех, кто там лежит на дне оврага». Выставить посвящение вряд ли бы решился любой редактор в том году, как и несколько лет спустя, пока неприятнейшими вопросами зарубежных славистов оставались: «Когда у вас напечатают Андрея Белого?» да «Почему у вас не издадут Пильняка и Замятина?»¹⁴⁵.

Не было проставлено посвящение или заглавие в стихотворении «Про стихи Нарбута», хотя его имя уже начал возвращать Корнелий Зелинский¹⁴⁶. Вскоре умученным Нарбутом воспользовались для заушения сегодняшней поэзии¹⁴⁷. Не прошло адресованное Пастернаку стихотворение «И снова осень валит Тамерланом» с его «религиозной» концовкой. К тому же имя эмира, ставшее в русской поэзии полунарицательным (в «Фелице» Державина: «И славно ль быть тому тираном, / Великим в зверстве Тамерланом, / Кто благостью велик, как Бог?»), все же могло указывать на стихи опального поэта¹⁴⁸. Призывание музыки Мандельштама «О, как пряно дыханье гвоздики...» тоже допущено не было.

В апреле 1960 года все же было вынесено решение Союза писателей об издании однотомника Мандельштама, а

29 апреля в «Правде» была напечатана глава «Так это было» из поэмы Твардовского «За далью — даль». Современники вспоминают, что в московском метро в тот день почти у каждого пассажира на коленях была «Правда»¹⁴⁹.

— Прекрасный подарок трудящимся к 1-му Мая, — говорит Анна Андреевна. И уверяет, что для Твардовского это прогресс. Все-таки упоминается сталинская неправота.

Не одна лишь правота.

Своей крутой, своей жестокой

Неправоты.

И правоты. <...>

— Прогресс, Лидия Корнеевна, явный прогресс, — повторяла Анна Андреевна. — Товарищ растет.

<...> Анна Андреевна радуется возможности говорить вслух, в печати о сталинской жестокости. У Твардовского в поэме несколько раз: крутой, жестокий. И то хлеб.

— Теперь и мои многие стихи раскрепостятся — как вы думаете? — спросила Анна Андреевна.

И прочитала мне два, оба о Сталине; одно «Стансы», а другое никогда мною не слышанное («Знаете, бывает, что закатится куда-то в щелочку, а потом вдруг найдется»)¹⁵⁰.

Нашлось в эти дни именно стихотворение «Подражание армянскому»:

Я приснюсь тебе черной овцою

На нетвердых, сухих ногах,

Подойду, заблею, завою:

«Сладко ль ужинал, падишах?

Ты вселенную держишь, как бусу,

Светлой волей Аллаха храним...

И пришелся ль сынок мой по вкусу

И тебе, и деткам твоим?»¹⁵¹,

видно, потому, что вспомнилось оно по понятной ассоциации с только что написанными стихами Арсения Тарковского «Шах с бараньей мордой на троне»¹⁵² и с упомянутой в «Лист-

ках из дневника» историей «запрещенного цензурой конца “Путешествия в Армению”. Это — т.н. “По древнеармянским мотивам” — про царя Шапуха, которого держит в крепости Аньюш победивший его ассириец» (С. 593)¹⁵³.

В мае появился «Наш современник», в котором не было обращения к давнему другу и сопернику, —

И снова осень валит Тамерланом,
В арбатских переулках тишина,
За полустанком или за туманом
Дорога непроезжая черна.

Здесь все тебе принадлежит по праву,
Стоят вокруг дремучие дожди,
Отдай другим игрушку мира — славу,
Иди домой и ничего не жди.

Так вот она, последняя! И ярость
Стихает... Все равно, что мир оглох.
И близится евангельская старость
И тот горчайший гефсиманский вздох

(С. 49–50).

30 мая 1960 года Пастернак умер. Ахматова находилась в это время с сердечными болями в московской больнице¹⁵⁴, выйдя из которой, вскоре по приезде в Ленинград, в начале июля попала с приступом аппендицита в больницу в Гавани («Свердловка», «полы паркетные, врачи анкетные», не полагалась по чину). Ахматова рассказывала Михаилу Слонимскому¹⁵⁵, как ее везли с аппендицитом в такси от больницы к больнице:

Нигде не принимали. Не было мест. А я знала, что я смерть в себе везу.

Нашелся наконец врач, который ждал Ахматову. В палате соседка по койке спросила Ахматову:

— Ты, Аннушка, говорят, стихи пишешь? Правда?

После операции ее навестил оргсекретарь Союза писателей («Это охота за моим трупом», — поясняла Ахматова¹⁵⁶). Он

принес цветы, предлагал переехать в другую, лучшую больницу. Ахматова отозвалась холодно:

— Благодарю. Я уже перерезана пополам¹⁵⁷.

Больничный эпизод отлился в очередной юбилей чумы, — отсчитывая от голода 1920 года и сделанного тогда выбора между «домом» и «крылатой свободой»¹⁵⁸. набросок возник через пять дней после очередной встречи Хрущева с писателями на даче, где на сей раз царила гармония в отношениях власти и литературы (Хрущев шутил, Алигер откликнулась):

Шутки — шутками, а сорок
Гладких лет в тюрьме,
Пиршества из черствых корок,
Чумный страх во тьме,
Одиночество такое,
Что — сейчас в музей
И предательство двойное
Ближних и друзей.

22 июля 1960 (после операции 7 июля)
Красная Конница (С. 114).

Хирурга разыскала врач Марина Коварская, падчерица Юрия Германа (рассказывая об этом почти сорок лет спустя, она вспоминала, как ее поразило нищее, рваное белье пациентки). Отвозил ее в больницу на машине сам Ю.П. Герман. Поэтому эмигранту Сергею Риттенбергу, брату второй жены Юрия Германа (его биография отчасти отражена в сюжетной линии шведского журналиста в фильме Алексея Германа «Хрусталеv, машину!»), как и биография врача В.А. Гойхмана, делавшего операцию, — в образе генерала), было разрешено навесить ее. Его письмо к Норе Лидарцевой-Сахар¹⁵⁹ появилось в эмигрантской газете¹⁶⁰:

Анна Ахматова была в Москве, когда я приехал в Ленинград. Позднее я узнал, что она несколько недель пролежала там в больнице из-за сердечной болезни. Вернувшись домой, она сразу поехала к себе на дачу, в Комарово (бывш. Келломяки). Там у нее сделался острый припадок аппендицита, ее привезли в Ленинград и ночью оперировали. За нее очень боялись из-за плохого сердца. У нее я был в больнице ровно через неделю после операции. Мне сказали, что ее нельзя утомлять, и «аудиенция» продолжалась всего двенадцать минут. Она спросила, читал ли я напечатанную без ее ведома и согласия поэму и что о ней говорят. Спросила, когда я передал привет от Вас, от какой болезни умерла О. Глебова-Судейкина, на что я ответить не мог. Просила передать сердечный привет всем старым знакомым.

О самом «Петербурге... простите, Ленинграде» там же общалось:

Жизнь за последний год очень изменилась к лучшему. Народ стал благодуще, приветливее, вежливее. Раза два-три закусывал в скромных ресторанчиках; сносно и — по туристическому курсу — недорого. Очень приятное впечатление, что повсюду на лотках продаются книги (много переводных) и художественные открытки, а вокруг лотков всегда толпится народ.

Были, конечно, и менее приятные впечатления...¹⁶¹

Тем же летом 1960 года к Ахматовой попал еще один человек из эмиграции — знакомая Романа Гринберга Евгения Максимовна Клебанова, входящая в русские литературные круги Парижа¹⁶², приезжавшая в СССР из Нью-Йорка как служащая туристической фирмы Cosmos Travel. Она трижды упомянута в записных книжках: в списках заграничных знакомых — «Женя» (С. 96, 330) и «Кому послать отписки» (С. 312). Видимо, о ней же шла речь в ахматовской фразе:

Некая дама из Парижа, русская, но, как все эти эмигранты, говорящая, что она имеет дело только с французами, а с русскими, то есть с теми же эмигрантами, не желает иметь дела, рассказала, что там долго не могли поверить, что «Поэма» написана той самой Анной Ахматовой, которая написала «Четки»¹⁶³.

Беседа с ней отражена в кажущейся конспиративною записи:

Отв[еты]. 1) «Поэма без героя» в Париже. Спросила: Моя ли она? <...> 3) Г. Адамович — № 1-ый!? (С. 116).

Речь шла о том, что Иван Бунин где-то назвал Георгия Адамовича первым критиком эмиграции. Сообщение же о том, что «за границей не поверили, что поэма — моя» (С. 182), Ахматова пересказывала многим. Как вывод из одного такого разговора в июне 1963 года она записала:

Поэме киберн<етическую> проверк<у> (С. 372)

— один из собеседников, вероятно, предложил доказать электронно-вычислительным путем ее авторство.

Е. Клебанова познакомилась с комаровской дачницей через Любовь Большинцову, которую нарядила «Владимиром» в очерке, опубликованном вскоре после кончины Ахматовой. Сама она скрылась под маской «Нины»:

Я познакомилась с Анной Андреевной Ахматовой осенью 1960 года. Мой приятель, которого мы назовем Владимиром, решил доставить мне удовольствие и повез меня в Комарово под Ленинградом, где Анна Андреевна проводила лето, а в последнее время и большую часть года на предоставленной в ее распоряжение даче Литфонда. <...> Наконец, мы очутились перед каким-то неуклюжим зеленым домиком, и мой спутник радостно воскликнул:

— А вот и Анна Андреевна...

Я увидела перед собой грузную женщину, и хотя я и сознавала, что прошли десятилетия, — у меня все еще сохранилась в памяти Анна Андреевна такой, какой она была на портрете Альтмана и какой я ее встретила когда-то, в гимназические годы на Невском — тоненькой и стройной.

Мой приятель вошел в сад и пошептался с Анной Андреевной. Так было условлено между нами заранее: он должен был ей сказать, что я эмигрантка и американка, и спросить, согласна ли

она меня принять. Анна Андреевна выслушала и кивнула головой.

Я вошла в сад, замирая от страха, от волнения, что вижу очевидно знаменитую русскую поэтессу, стихи которой читала и знала наизусть с самого детства.

Мой спутник сказал:

— Ну вот, Нина, познакомьтесь с Анной Андреевной.

Я пробормотала что-то невнятное.

Вошли в жилые покои. В большом зеленом доме оказались удивительно маленькие комнаты. Комната А. А. — крошечная, с узкой кроватью и громадным столом, заваленным книгами и рукописями. Посреди стола, на самом виду, рукопись «Поэмы без героя», раскрытая на заглавной странице. Это меня смутило еще больше, так как эта поэма появилась в начале 1960 года в первом выпуске нью-йоркского альманаха «Воздушные пути», и то, что она оказалась теперь на столе, совершенно сбило меня с толку. У А. А. были гости. Разговор шел главным образом о «Поэме без героя», которую А. А. опять переделывала, настаивая на том, что это в последний раз. Правда, с тех пор я читала ее несколько раз в переделанном виде.

Я слушала, молчала. Короче говоря, — на меня нашел столбняк. Владимир сжался надо мной и, чтобы привести меня в чувство, сказал:

— Ну что, Нина, познакомились, наконец, с Анной Андреевной...

Анна Андреевна отозвалась:

— Ну и что ж, что познакомились... Вероятно, разочарованы...

Потом А. А. читала свои новые стихи. Голос у нее был одновременно глубокий и звонкий и читала она, обращая, главным образом, внимание на ритм, не придавая словам никакого особенного выражения. <...> Когда мы собирались уходить от А. А., чтобы не пропустить последнюю электричку в Ленинград, Владимир мне шепнул:

— А. А. просила, чтобы мы приехали опять завтра, и она устроит так, чтобы не было посторонних.

На меня от неожиданности опять нашел столбняк, и я не нашлась, что ответить. Владимир шепнул мне с раздражением:

— Что с Вами? Вас же не каждый день приглашает на чай
Анна Ахматова.

Само собой разумеется, что мы приехали на следующий
день¹⁶⁴.

Л.Д. Большинцова передала Клебановой список новой редакции. Лет пятнадцать спустя пишущий эти строки показал Любове Давидовне ахматовское «письмо о “Поэме без героя”». Прочитав:

Однако вышеупомянутое письмо не пропало для благодарного потомства, и если этому уготована та же участь, не теряйте надежды увидеть его напечатанным в Лос-Анжелосе или Тимбукту с священной надписью «All rights reserved». Мне лично придется любоваться этой надписью на моих никому мною не переуступленных писаниях... ,

она воскликнула: «Но она же сама мне дала для Жени!»

14 октября 1960 года, по возвращении Е. Клебановой в Америку, Роман Гринберг писал Адамовичу с легким американским акцентом:

Я Вам никогда не говорил, что № 1-й разошелся совсем без остатка и что очень большое количество было переотправлено в Сов. союз. Там, как Вы понимаете, альманах имел успех и даже, пожалуй, значительный. В частности, Анна Андреевна осталась весьма довольна. Мы теперь знаем, что чуть ли не на следующий день после нашего появления на свет ее тут же вызвали в московский Госиздат и подписали с ней контракт¹⁶⁵. Она нам, говорят, признательна. Скоро выйдет ее новый сборник «Шиповник». Ей понравилась Ваша рецензия о В[оздушных] П[утьях], и она прибавила, что Вы всегда умели ценить ее творчество и что она считает, что Вы очень талантливый человек. С радостью спешу об этом Вам написать! Старушка — ей 72 года — живет в Комарово (быв. Коломяки) и с живым участием следит за всем, что печатается на этом свете. Кстати, ей понравилось и предисловие к сборнику, которое, если Вы помните, было довольно осторожно по ее адресу. Между прочим, я получил *последний*

вариант ее поэмы. В нем много нового, исправлений, еще одно посвящение (третье) и вступительное письмо к некому Н.Н. Все это замечательно удачно¹⁶⁶.

Героиня нашей книги втайне от большинства своих друзей приняла решение, последствия которого могли обернуться неприятностями¹⁶⁷. Что же касается информации, изложенной в письме Романа Гринберга, то положение дел изображено преждевременно радужно.

desires — graduates

Глава
четвертая

1961-1962

Питер
Вирек.

Роджер Фрай:
Портрет
Эдит Ситуэлл.

Борис
Пильняк.

Кнут
Гамсун.

Коробки конфетные. — Служение единорогу. — Обсуждение в ИМЛИ. — Омут и кровать. — Пляска нарядной беды. — Минуя ахи и охи. — Ахматовой уколы. — Письма советских читателей. — Мистер Уильямс. — «И кто ко мне не едет». — Анютины глазки. — Иосиф Бродский. — Блаженный притин. — Больница, XXII съезд, космос. — Ахматову рвут пополам. — Четыре ветра. — Бензин Нобеля. — «Гамлет». — Краткая литературная энциклопедия. — Плач не о своем. — Новочеркасск. — «Невинно клеветущий рот». —
Большие надежды.

Первоначально сборник, издававшийся в Гослитиздате в серии «Библиотека советской поэзии»:

Книжка должна выйти. Это серия «Советская поэзия»... Как коробки конфетные¹⁾,

готовился в Ленинграде под редакцией Владимира Орлова²⁾, и Ю.Г. Оксман записал:

Волнуется по поводу своего нового сборника (его редактирует В.Н. Орлов). А. А. не очень ему верит, хотя он клянется в своей преданности ей³⁾.

Она жаловалась Л.К. Чуковской:

Хоть бы она не выходила совсем. Книга мне опостылела. Орлов требует, например, чтобы в стихотворении:

Я научилась просто, мудро жить,
Смотреть на небо и молиться Богу —

я заменила чем-нибудь Бога. Чем же прикажете? «Служить единорогу»⁴⁾?

Затем книга была передана в Москву. 7 мая 1960 года Л. Чуковская записала:

С утра голос А. А. в телефон:

— Сегодня я узнала, что книги моей не будет. Приходите.

<...> Официально ей не сообщили ничего, но какая-то молодая редакторша прибежала сказать, — директор Гослита, Владыкин, объявил на летучке, что «состав книги Ахматовой нас не удовлетворяет»⁵.

Московский заведующий редакцией советской литературы Гослитиздата Мстислав Козьмин, «осторожность которого не то что граничила, а прямо-таки мало чем отличалась от трусости»⁶, подбирал стихотворения, которые на профессиональном жаргоне в те годы именовались «паровозом»⁷ (конкретизированная метафора Маяковского⁸ о всяком сильном стихотворении) — так называл и свою лирическую пьесу, открывающую сборник, Арсений Тарковский⁹: «И счастлив тем, что я не в переводе, а в подлиннике Ленина читал»¹⁰ (Ахматова же называла это явление «пламенный образ бойса»¹¹). Козьмин нашел «паровозы» в цикле «Слава миру», а до стихов неопубликованных он был не охотник¹². К.И. Чуковский записал со слов М.С. Петровых:

Редакция выбросила лучшие стихи — и принудительно печатает ее «сугубо-советские» строки, написанные ею в Сталинскую эпоху, когда ее сын Лева был <...> на каторге¹³.

Редакция обратилась за отзывом к Суркову, он поддержал идею издания, сослался на недавно изданные книги современников Ахматовой — Иннокентия Анненского, умершего в эмиграции Саши Черного, но оговорил, что

в интересах самого поэта, чтобы не подставлять ее под ненужные удары придирчивой критики, я бы рекомендовал исключить из сборника содержащиеся в нем религиозно окрашенные стихи, такие как «Июль 1914 г.», «У самого моря», «Небо мелкий дождик сеет», «Сослужу тебе верную службу», «Бежецк» или такие уж очень эмоционально и духовно архаические «усадебные» стихи, как «Ни в лодке, ни в телеге», «Течет река неспешно по долине».

Мне непонятно, как и для чего и автор, и составитель включили в сборник стихотворение «А ты думал, я тоже такая», пресловутые строки которого

Но клянусь тебе ангельским садом,
Чудотворной иконой клянусь
И ночей наших пламенным чадом —
Я к тебе никогда не вернусь

цитировались в известном докладе А.А. Жданова. Неужели составитель и автор не понимают, что включение этих стихов поставит под справедливый огонь критики не только эти стихи, но и весь сборник? Это же явная демонстрация, предпринимаемая без достаточных моральных и эстетических оснований!

В остальном же мне кажется, что сборник можно и должно печатать в составе, представленном В.Н. Орловым¹⁴. Он дает лицо Анны Ахматовой таким, какое оно есть и показывает трудную диалектику развития ее таланта и ее духовного облика¹⁵.

К письму приписал член редколлегии серии Александр Твардовский:

Согласен с принципиальными положениями и частными замечаниями А.А. Суркова по сборнику А.А. Ахматовой. Дополнительно считаю нужным исключить еще некоторые стихи по признаку их недоступности читательскому восприятию. *Необходимо восстановить даты под каждым стихотворением*.

В обсуждении рукописи участвовал и Виктор Перцов. 20 июля 1956 года он писал:

Но я должен отметить, что стихи самых последних лет поражают новой силой. В особенности удивительны «Последнее стихотворение» и «Послесловие». Такой глубины прозрения в свое творчество и в окружающее поэта будущее родины, пожалуй, не было раньше.

Стихи 1910–13 годов во многом сохраняют свое значение исторического документа — по тем чувствам, которые в них выражены. Я не сомневаюсь в том, что они должны быть в сборнике, охватывающем путь поэта, — от горизонта двух до горизонта всех, — перефразируя слова Поля Элюара.

Из трех стихотворений, рекомендованных редколлегией и не принятых автором, я мог бы поддержать только «Говорят дети». Оно написано в высоком ключе и говорит прямые слова за мир, против войны. По-моему, автор должен согласиться на включение его.

Сомнение мое вызывает одно стихотворение 1913 года двусмысленностью заключительных строк: «Твою любовь и нежность продаю». Нужно ли оно? Или, может быть, оно автору чем-то дороже? (стр. 49 — «Твой белый дом и тихий сад оставлю»).

В предисловии автора, к сожалению, очень скупом, хотя и содержательном, два места не сразу понятны или неточны: на стр. 4 впечатление так огромно... *как во сне* и на стр. 5 об овладении английским языком в связи с изучением Пушкина, — тут пропущена пояснительная связка.

Еще раз выражаю свое удовлетворение и радость по поводу того, что в «Библиотеке советской поэзии» выйдет такая драгоценная книга.

P.S. У меня здесь на даче нет книг А.А. Ахматовой, боюсь ошибиться, но ведь это ее стихотворение, где есть строки

Перенеся двухдневную разлуку,
К нам едет гость вдоль нивы золотой,
Целует бабушке в гостиную руку
И губы мне на лестнице крутой.

Если я не ошибся, то для читателя нужно включить и это стих<отворен>ие¹⁶.

14 января 1961 года

А. А. с негодованием говорила о подлости Суркова, который в своем предисловии к гослитовскому однотомнику ее избранных стихов, выходящему через месяц, оскорбительно третирует довоенное творчество А. А., сочувственно поминает мерзкое постановление о ней от 14 августа 1946 г., а сам в разговорах с ней негодует на ее травлю, выдает себя за ее смиренного почитателя¹⁷.

К этой фразе несколько позднее ее автор Ю.Г. Оксман сделал приписку: «Суркова заставили снять все оскорбительные формулировки». Однако не все.

Пока представительный сборник Ахматовой не вышел, положение ее в официальной иерархии оставалось неясным. В 1960 году в Институте мировой литературы обсуждали статью о ней, «первой увы среди неравных», — как написали в телеграмме ко дню рождения Маркиши и переводчик Виктор Хинкис (№ 1545) — в готовящейся новой (хоть и краткой) литературной энциклопедии:

*Н. Венгров*¹⁸. Статья, посвященная творчеству Ахматовой, меньше, чем статья, посвященная творчеству Бурлюка, хотя по моему убеждению, если о Бурлюке было сказано пять строк, это вполне удовлетворило бы самого требовательного человека, кроме людей, которые специально изучают футуристическую литературу. Вот это бросается в глаза. Я уже не говорю, что рядом есть заметки о поэтах арабских стран, которые больше статьи об Ахматовой.

М.М. Кузнецов. Все-таки издается это издание не в ООН, а в СССР, а там турки совершенно задавили Ахматову. Что лучше — дать в русской энциклопедии материал об Ахматовой или давать бесконечное число Ахмедов, которых большинство даже никто не знает. Надо пожертвовать турецкими Ахмедами, чтобы сказать больше о русских писателях. <...> Я не убежден, что должен обязательно присутствовать Константин Арсеньев, который писал в прошлом, а Арсеньеву уделено место, равное уделенному Ахматовой. Это неправильно.

А.Д. Синявский. Здесь говорилось по поводу объема. Ахматова — это наиболее разительный пример, потому что Вирта занимает места больше, чем Ахматова, а Бушмин тоже. <...> Об Ахматовой вообще ничего не сказано.

В.В. Жданов. Михаил Матвеевич предложил сжать турков для Ахматовой. Это неправильно, турки должны быть, а статья об Ахматовой должна быть расширена. Это безусловно. <...> Конечно, надо найти какие-то факты в статье Бурлюк, что он писал. Он какое-то место занимал и обойти его нельзя, но это не значит, что мы считаем, что он лучше Ахматовой. Здесь по размеру судить нельзя. Я даже уверен, что Ахматова слабее показана, но я сделал оговорку, что у нас буква «А» вообще занижена¹⁹.

Положение ее в эмигрантском пантеоне тоже колебалось. Встречи с эмигрантами (Е. Клебанова, В. Андреев, С. Риттенберг) влекли за собой память об обидах, причиненных теми, кто уехал в начале 1920-х. В августе 1960 года появляется набросок прозы:

Кроме того, они не могли простить нам нашей гибели. Они жили в полной безопасности, и единственной их заслугой была тоска по родине. А мы (в сталинское время) были окружены опасностями всякого рода, и наша жизнь почти всегда кончалась трагически. Примеры излишни.

И в стихах:

Горчайшей смерти чашу
[Нам не простили ничего]
Что ничего нам не простит
И даже гибель нашу²⁰.

13 августа 1960 года в навечерие годовщины Постановления ЦК записано:

И меня по ошибке пленило,
Как нарядная пляшет беда...
[Что-то там] Все тогда по-тогдашнему было.
По-тогдашнему было тогда

.....
[В деревянной огромной кровати
Что стояла на львиных ногах]
Я спала в королевской кровати,
Голодала, носила дрова.
Там еще от похвал и проклятий
Не кружилась моя голова
На тебя словно в омут смотрю (С. 123).

Два ключевых слова в этом наброске шлют к двум стихотворным прецедентам: «омут» и «кровать». «Омут» ведет к

мандельштамовскому описанию кровати Саломеи Андрониковой, по поводу которого Ахматова заметила: «Я помню эту великолепную спальню Саломеи на Васильевском острове» («Листки из дневника»). У Мандельштама (может быть, даже с пародийным экивоком в сторону гоголевской «Женитьбы»):

Мерцают в зеркале подушки, чуть белея,
И в круглом омуте кровать отражена.

Эта строка по памяти вставлена в либретто балета по «Поэме без героя», в описание спальни Героини (автор говорил про Героиню: «Это ведь только внешне Ольга, а на самом деле это и я, и Андроникова...»²¹): «И в круглом зеркале постель отражена» (С. 87).

«Кровать» восходит к стихотворному наброску о тех годах, когда Ахматова голодала и носила дрова. Набросок был записан на экземпляре «Подорожника», подаренном Вольдемару Шилейко («Моему Володе память наших светлых и горьких лет»):

Всей щедрости солнца не хватит,
Чтоб дом наш теперь осветить
И месяц напрасно тратит
Лучи за нитью нить
Я сижу у пустой кровати
Говорю тихонько: прости!

1921. Петербург 25 июля н<ового> с<тиля>²²

А стих «По ошибке пленило» относится, как мы полагаем, к злополучному стихотворению весны 1921 года, написанному после ухода от В.К. Шилейко:

Все расхищено, предано, продано,
Черной смерти мелькало крыло,
Все голодной тоскою изглодано,
Отчего же нам стало светло?

Днем дыханьями веет вишневыми
 Небывалый под городом лес,
 Ночью блещет созвездьями новыми
 Глубь прозрачных июльских небес, —

И так близко подходит чудесное
 К развалившимся грязным домам...
 Никому, никому неизвестное,
 Но от века желанное нам.

Стихотворение это «дает полную свободу от гнета политических событий»²³, но «по ошибке пленило» видного деятеля ВКП(б) Н. Осинского (В.В. Оболенского):

Анна Ахматова поняла, что революция есть коренной, внутренний сдвиг всей нашей жизни, что сделал ее (беря термины, соответствующие ее общественной точке зрения) русский народ, а не «самозванцы и насильники», и что этот перелом уже не повернуть вспять. Она чувствует также, что какая-то новая, свежая жизнь (пусть критики извинят и нас за штампованные слова) возникает из потрясен[и]й революции. <...> Когда это стихотворение рецензировалось в эмигрантских газетах, то обычно политическое нравоучение рецензенты выводили такое: вот, дескать, как велик героизм тех, кто остался в пещере львиной (а не сбежал за границу, подобно почтенным Гессенам и Каминкам!). Все расхищено, предано, продано и пр. и пр. — а еще есть сила надеяться на лучшее будущее, чуют «вишневые дыхания» и надеяться на близость «чудесного». И рецензенты только намекали (нельзя же подводить Ахматову перед большевиками, раскрывая до конца ее секреты), что, дескать, это чудесное — по всей видимости — генералы Врангель и Кутепов²⁴. Одна беда: рецензенты не сообразили, что Н. Рыкова, коей посвящено стихотворение, является женой «большевистского комиссара». И, по-видимому, под чудесным приходится подразумевать не двух упомянутых славных — в войне со своими соотечественниками, генералов. И в расхищении, предательстве, продаже, очевидно, также нет того намека, который ищут господа эмигранты²⁵. <...> Не обругала тут революцию Ахматова, а воспела ее, воспела то

прекрасное, что родилось в огне ее и подходит все ближе, что мы еще завоюем, вырвавшись из уз голода и нужды. И надо сказать ей спасибо за то, что она так звучно об этом пропела, что мы яснее слышим чудесный вишневый запах и видим на небе новые звезды²⁶.

Ошибка Н. Осинского заключалась в том, что пленившее его стихотворение было посвящено не жене наркома Алексея Рыкова²⁷ (впоследствии расстрелянной, как и ее муж), а ближайшей в ту пору ахматовской подруге Наталье Викторовне Рыковой (ставшей потом женой Григория Гуковского)²⁸. От атрибуции посвящения зависела интерпретация стихотворения.

Георгий Иванов, уезжавший осенью 1922 года из России, — а по замечанию Ахматовой, «общеизвестно, что каждый уехавший из России увез с собой свой последний день»²⁹, — увез воспоминание об этом стихотворении в связи с правдинской сенсацией³⁰. В «Петербургских зимах» он развернул историю с этим стихотворением в эпизод:

В маленький зал «Дома литераторов» не попало и десятой части желавших услышать Ахматову. <...> Триумф, казалось бы!
Нет. Большинство слушателей было разочаровано.

— Ахматова исписалась.

Ну, конечно.

Пять лет ее не слышали и не читали. Ждали того, за что Ахматову любили — новых перчаток с левой руки на правую. А слышали совсем другое:

Все потеряно, предано, продано.
Отчего же нам стало светло!
И так близко подходит чудесное,
К развалившимся грязным домам.
Никому, никому неизвестное,
Но от века желанное нам.

Слушатели недоумевали — «большевизм какой-то»³¹.

Эти абзацы из книги Георгия Иванова не раз цитировались в зарубежных изданиях, и о героине «Пролога», проходящей подготовку к показательному процессу, вскоре будет сказано:

...она ведет себя недостаточно корректно: действительно данную ей еще в (смыто океанской водой) году цитату о ее «провалах», о нелюбви к ней театральной публики она повторяет сносно, но на следующие вопросы отвечает недостаточно обдуманно.

Ровно год спустя после наброска «И меня по ошибке пленило...», в те же мемориальные августовские дни Ахматова возвращается к стихотворению «Все расхищено, предано, продано...», которое, по ее словам, Г. Иванов «изображает образцом продажной лирики и примером того, как я исписалась»:

«Чудесное» и «вишневый сад» — образы душевного просветления и никакого отношения к политике не имеют (С. 145).

Ахматова отметала версию о падении своей популярности в 1921 году («Люди до сих пор с волнением вспоминают эти вечера и пишут мне о них»³²) и предлагала объяснение ее происхождения:

А вот Георгий Иванов и Оцуп³³ уже в то время были чрезвычайно заняты всяческой дискредитацией моих стихов. Они знали некоторые подробности моей биографии и думали, что мое место пусто, и решили передать его И. Одоевцевой.

Под «подробностями биографии» имеется в виду трехлетний период «заточения у Шилейки», когда она редко писала стихи. То, что она в эти августовские дни вспомнила о наветах «всей этой шайки», как она называла эмигрировавших участников третьего Цеха поэтов, возможно, было вызвано встречей с Е.М. Клебановой, которая «рассказывала ей о ее старых друзьях за рубежом, о том, кто что пишет и издает в эмиграции, и всякое другое, что подходит под разряд сплетен»³⁴.

По странной случайности именно в эти дни об Ахматовой думала Ирина Одоевцева:

На днях я получил из Ленинграда письмо, принесшее мне большую радость, и я хочу ею поделиться с читателями «Русской мысли»: «Анна Андреевна после перенесенной ею операции аппендицита благополучно поправляется». Далее следует описание ее внешности: «Вы бы ее не узнали. Она очень полная, седая, очень красивая женщина. Лицо гладкое, без одной морщины, очаровательное своим выражением покоя». Но обрадовав меня этим известием, мой корреспондент не удержался, чтобы не «бросить камня в наш огород»: «Рано у вас в эмиграции собрались хоронить Ахматову! У нас, слава Богу, не то, что у вас. У нас умеют правильно ценить наших больших (и даже наших малых) писателей и по-настоящему заботиться о них». <...> только вчера другой мой корреспондент прислал мне ее новое стихотворение, помеченное 1960, Ленинград, без указания, где именно оно было напечатано. Стихотворение это, конечно, по-ахматовски пленительно, полно ее «вечной женственностью», ее неповторимым, высоким лирическим волнением и ей одной присущими интимными интонациями — «Зайчик солнечный в зеркале пляшет». Ахматова все та же. Она не меняется. Для нее как будто не существует времени. Стихотворение это, с полным успехом, могло занять место в «Белой стае» или даже в «Четках»³⁵.

Незамысловатая язвительность последнего комплимента и его функция в целой серии парижских отзывов об Ахматовой не осталась незамеченной тамошней поэтессой Ольгой Можайской³⁶, которая писала Р.Н. Гринбергу 26 июля 1961 года:

Мне передавали ее [О. Карлайль] слова о встрече с Ахматовой бабушка и тетка О. К[арлайль]. Вот эти слова: «меня в эмиграции не любят, дурного не говорят, но снисходят ко мне, только терпят» (не помню точных слов, но смысл таков). Это мнение Ахматовой о том, что пишут о ней некоторые здесь рецензенты, вполне совпадает с моим мнением. Открыто не бранят (не посмели бы, конечно), но намекают при каждом удобном случае, что писать она стала хуже, что это уже не та прежняя Ахматова... (Ей, конечно, показывают не все, что здесь писали о ней — хорошее пропускают, чтобы создать ложное впечатление, что тако-

во мнение всей эмиграции.) Там, в России многие воображают, что эмигранты их ненавидят. Это я знаю из разговоров с теми, кот[орые] имеют дело с приезжими сюда из России людьми. Такая уж политика... <...> 1-ая из них это статья Терапьяно, написанная до появления красной книжечки стихов Ахматовой. (изд. Госиздатом в 1958). Он писал об ее стихах, появляющихся от времени до времени в Н[овом] Р[усском] С[лове]. Статья полна намеков на то, что что-то случилось с Ахматовой. Она уже не та, хотя, конечно, большой мастер, но, но... Статья полна разных «но». Прочтя ее, я не придала большого значения рассуждениям этого господина. Мысленно обозвала его нелестным именем и подумала: «дубовая голова, пускай пишет свои глупости: много он понимает!» Затем появилась статейка покороче его же (в той же газете) о вышеупомянутой красной книжке 1958. Книга эта верно дошла к нам лишь в 1959 г. Книгу Т. бранит. «Там не лучшие подобраны стихи. Некоторые же вызывают подозрение, что даже не она их писала, так они плохи...» Это, конечно, ложь: ее всегда можно узнать!

Затем следует (м[ожет]б[ыть] и позже, в 1960) того же рецензента большой подвал в «Р[усской] мысли» о Пастернаке. Он хвалит его за мужество, что он не побоялся репрессий и смело говорил то, что думал. И, потом, стоит такая фраза: «Не так, как Ахматова, которая писала хвалебные стихи в честь Сталина...» Осенью 1960 г. (сентябрь? октябрь?) короткая заметка Андрея Луганова (читай: И. Одоевцева) в «Р[усской] м[ысли]». Она приводит одно новое стих[отворение] Ахматовой и хвалит его; какое оно прелестное! и оно достойно было бы попасть в сборник «Белая стая», так оно хорошо! (Получается, что не все ее новые стихи хороши, даже наоборот.) Через некоторое время новая статья, но на этот раз ее автор — г. Яконовский³⁷ (тоже гений своего рода!) хвалит до небес поэта И. Одоевцеву и говорит, что по таланту она равна Ахматовой. Тут уж никаких сомнений больше не осталось, зачем бранят Ахматову, вернее, не бранят, а умаляют³⁸.

Полемика с решительно несимпатичным ей Георгием Ивановым³⁹ и апокрифическим мнением безыменных слушательниц вряд ли была бы столь раскаленной, если бы не

напоминала обиды, претерпленные от более близких и более авторитетных для нее судей. Таким был Шилейко, о ригоризме которого в нэповские времена вспоминала Надежда Мандельштам:

...чем больше пес будет стараться из-за куска, тем кусок покажется сладостней. Нашим властям это хорошо известно. Они заставляют нас (или он сказал: вас?) долго скулить, пока не бросят кусок. <...> Изложив теорию воспитания граждан и собак, Шилейко без перехода спросил Мандельштама: «Я слышал, что вы написали стихи “низко кланяюсь”. Правда ли?» <...> Мандельштам прочел «1 января» и спросил: «Ну что — низко кланяюсь?» «Нет, — ответил Шилейко, — но может, есть что другое, где “низко кланяюсь”...» Мандельштам подряд прочел все стихи после «Триствий» и каждый раз спрашивал: «Ну что — низко кланяюсь?» Шилейко отвечал “нет”»⁴⁰.

Самой Ахматовой был памятен другой эпизод:

Как-то рассказала, что ее второй муж, ученый-ассиролог Владимир Шилейко, пренебрежительно относился к ее стихам, хотя в молодости говорил, что является поклонником ее дара. Потом они разошлись, но остались друзьями. Анна Андреевна пришла к нему в больницу после того, как написала стихи «Не с теми я, кто бросил землю» — отповедь белоэмигрантам, которые и ее звали в Париж и Лондон, Шилейко сказал: «Стоило ли уходить от меня, чтобы писать *такие* стихи?»⁴¹

Старые обиды окрасили лето 1960 года, как припомнившиеся, так и новообнаруженные.

20 июля Е.М. Тагер подарила ей машинопись своих воспоминаний о Блоке⁴², в которых по памяти приводилось утраченное письмо Блока к Тагер от 28 января 1915 года. Прямой, без ахов и охов, кумир молодых поэтов писал студентке-бес-тужевке:

По-видимому, Вы много читали современных поэтов и они не всегда хорошо на вас влияли.

В этой фразе среди «современных поэтов» Ахматова прежде всего должна была увидеть себя. Ее имя поминалось в отзывах 1910-х на стихи Елены Тагер (писавшей под псевдонимом «Анна Регатт»). В «ахматовскую школу» Анну Регатт включал Михаил Кузмин⁴³, а Гумилев писал:

Стихи Анны Регатт — хорошие, живые, по праву появившиеся на свет. Может быть, если бы не было Анны Ахматовой, не было бы и их. Но разве это умаляет их достоинство? Ахматова захватила чуть ли не всю сферу женских переживаний, и каждой современной поэтессе, чтобы найти себя, надо пройти через ее творчество⁴⁴.

В блоковской нотации Ахматова «между строк» нашла шпильку в свой адрес и само это фразеологическое клише вставила в стихотворение, которое отстоялось к 9 сентября 1960 года:

И в памяти черной пошарив, найдешь
 До самого локтя перчатки,
 И ночь Петербурга, и в сумраке лож
 Тот запах и душный и сладкий.
 [Убитый Распутин.] И ветер с залива. А там, между строк,
 Минуя и ахи, и охи,
 Тебе улыбнется презрительно Блок —
 Трагический тенор эпохи (С. 55).

Снова сначала слышен запах, и вслед ему высвечивается фигура из темноты прошлого⁴⁵. Стихотворение это воспроизводит запах эпохи и в метафорическом смысле — апеллируя к набору тогдашних клише о Блоке⁴⁶, вроде «король поэтических теноров»⁴⁷. Вскоре, в тот год — год восьмидесятилетия Блока, — Ахматова предложила эти восемь строк «Литературной газете», когда газета впервые за свою тридцатилетнюю историю обратилась к ней за ее стихами, а не за переводами (одним из лозунгов главного редактора С.С. Смирнова был «Газете нужны “гвозди”!»)⁴⁸. Сотрудничавшие в это время в газете Галина Корнилова и Лазарь Лазарев пришли на Ордынку за стихами.

Понемногу начинаю торговать,

— сказала Ахматова⁴⁹. Как вспоминает другой сотрудник:

Было это по тем временам совсем не просто, и мы этой акцией ужасно гордились⁵⁰.

Рядом с Блоком еще одной тенью Ахматова вывела на газетные полосы 29 октября 1960 года свою родовитую подругу с вызывавшими недоумение неосведомленного читателя «дарьяльскими ресницами»⁵¹ — Саломею Андроникову (С. 207)⁵². В подборку вошла также «Эпиграмма» («Могла ли Биче...»), приобретшая со времени своего написания чуть больше актуальной остроты в связи с появлением новых имен)⁵³ (каждое из которых персонально вызывало у Ахматовой скорее интерес⁵⁴) — и в настоящем, и в прошлом⁵⁵. Четвертым стихотворением была «Муза» («Как и жить мне с такой обузой...»), для хлесткой концовки которой («Жестче, чем лихорадка оттрепет, / И опять весь год ни гугу») Ахматова воспользовалась одним письмом Николая Языкова:

Моя Муза теперь в совершенном бездействии — ни гугу⁵⁶.

О событийности подборки свидетельствует Л. Чуковская:

Мы выпили по бокалу шампанского в честь «Литературной газеты». Да, «Литературной газеты»! Гослит не осмеливается печатать ненапечатанные стихотворения Ахматовой — ну так вот, накося выкуси, они теперь напечатаны. <...> Стихи имеют успех. Звонил с восторгами Евтушенко и еще кто-то⁵⁷.

О названном здесь звонке Е.А. Евтушенко вспоминал:

Помню, как, прочитав подборку Ахматовой в «Литературке», я набрался смелости, позвонил к Ардовым и что-то пролепетал ей восторженное о ее пушкинских стихах. И она с обворожительным, слегка ледяным кокетством, поставив меня на место, ответила примерно так: «Ну что вы, такой занятой человек, окруженный поклонницами, отняли у себя время, чтобы позвонить мне,

почти позабытой старухе. Право, зря беспокоились, но, конечно, спасибо за вашу доброту». Это ее свойство — ставить людей на место убийственной вежливостью, может, и было ее единственным щитом...⁵⁸

И тут вновь востепенулся самый читающий в мире читатель:

Поэзия или тень ее

Настоящая поэзия полна неожиданной красоты жизни. Ей, как любимому человеку, доверяешь свои чувства и разум. И какое горькое разочарование, когда ты не находишь в новых стихах ничего нового.

Именно такое впечатление вызывает далеко не «божественный лепет» Музы Анны Ахматовой, с которым могли познакомиться читатели в «Литературной газете» 29 октября 1960 года. Невольно думаешь: для кого они созданы?

Слов нет, А. Ахматовой, возможно, дороги «кареты», «перчатки до самого локтя» и «в сумраке лож запах душистый и сладкий» и другие атрибуты аристократического Петербурга, но они мне, современнику Шолохова и Твардовского, ничего не говорят. Можно возразить, что стихи рисуют дореволюционную эпоху, что это лишь воспоминания поэтессы. Не будем голословными — прочтем стихотворение «Тень». Перед поэтическим взором Ахматовой колышется прозрачный профиль «красавицы тринадцатого года».

Старческая «хищная» память неведомо почему вызвала погибшую тень неведомой красавицы, которую неведомый поэт поименовал «соломинкой».

Поэтесса меланхолически восклицает:

О тень! Прости меня, но ясная погода,
Флобер, бессонница и поздняя сирень
Тебя — красавицу тринадцатого года —
И твой безоблачный и равнодушный день
Напомнили... А мне такого рода
Воспоминанья не к лицу. О тень!

Написать стихотворные строки лишь для того, чтобы попросить прощения у мистической тени, — поистине, не причуда ли старческой «хищной» памяти?

Как тут не вспомнить удивительно прозорливых и мудрых советов Александра Блока, который в письме к А. Ахматовой за 14 марта 1916 года предостерегал поэтессу:

«...не надо кукол, не надо “экзотики”, не надо уравнений с дестью неизвестными»⁵⁹.

Странно, но дожив до 1960 г., Анна Ахматова продолжает играть в тени, далеко от жизни, в куклы. Малопочтенное занятие для почтенной поэтессы!

Наше время — самое сложное, противоречивое и прекрасное, и, по крайней мере, обидно для читателя, когда ему попадают на глаза «воспоминания такого рода».

Ничего нам такие воспоминания не напоминают. Они — тень, а не жизнь.

Человечно, сильно и пламенно, будто помещенные для контраста с воспоминаниями А. Ахматовой, звучат стихи чудесного канадского поэта Джо Уоллеса. Поразительный контраст!

Не тень, а настоящая жизнь во всем ее богатстве красок:

Я думаю, в этих песнях
 Все слова мне знакомы и звуки,
 Ведь люди пели так дружно, —
 В их руках — красота и свобода,
 Они первыми взяли их в руки.
 («Праздничная песня в Ялте»⁶⁰).

Муза Анны Ахматовой, судя по всему, не замечает этой красоты людей, которые первыми взяли ее в руки. Тем хуже для такой капризной музы!

Валентин Крисанов

Дорогая редакция!

Я очень люблю поэзию. Когда прочитал стихи А. Ахматовой, не мог не написать Вам.

Этот разговор, возможно, поддержат читатели, неплохо было бы открыть дискуссию на страницах газеты о качестве стихов.

Быть может, я не совсем прав в отношении стихов Ахматовой — пусть выскажутся другие.

Мое письмо вызвано только любовью к поэзии, мне хочется, как и всем читателям, читать на страницах газет только лучшее из поэтического слова.

Дорогая редакция!

Прошу мне написать о судьбе моей небольшой статьи. Это интересует не только меня.

Жду.

С приветом В. Крисанов

Ответ направить по адресу:
гор. Днепропетровск
Главпочтамт
До востребования
Крисанову Валентину Васильевичу

Один из инициаторов публикации Бенедикт Сарнов ответил 23 ноября:

Уважаемый товарищ Крисанов!

Мы признательны Вам за внимание к материалам, опубликованным на страницах «Литературной газеты».

Однако, на наш взгляд, Вы не совсем верно оцениваете стихотворения Анны Ахматовой, с которыми мы познакомили наших читателей («Лит. газ.», № 129 от 29 октября 1960 г.).

Эти стихотворения заимствованы из новой книги поэтессы.

Возможно, что стихотворение «Тень» показалось Вам несколько удаленным от нашего времени. Но написанное выразительно и ярко, оно характеризует эпоху и быт людей, которых вспоминает Ахматова. В такого рода воспоминаниях нет ничего криминального.

Открывать дискуссию по поводу художественных достоинств поэзии Анны Ахматовой не предполагаем. Если представится возможность, опубликуем критическую статью, посвященную особенностям ее мастерства, ее незаурядного дарования.

Очень приятно, что Вам понравились стихи Джо Уоллеса, с которыми мы познакомили наших читателей.

С приветом. <подпись>

Через некоторое время редакция получила еще одно письмо, еще более возбужденное и превентивно агрессивное:

Уважаемая редакция!

Предлагаю Вашему вниманию заметки по поводу напечатанных в Вашей газете некоторых стихов Анны Ахматовой (в номере за 29 октября сего года).

Не являясь специалистом в области литературной критики, автор этих строк просто любит поэзию и внимательно следит за ее успехами, от души радуется им, глубоко задумывается над причинами, породивших <sic!> неудачные или даже вредные политически (как в данном случае) произведения.

Если эти заметки представляют какой-то интерес для газеты и ее читателей, напечатайте их в отделе «Реплики читателей». Если же это невозможно, то сообщите о причинах отказа, если это Вас не затруднит.

Правда, эти причины можно предвидеть. Редакция, вероятно, не захочет приносить неприятности поэтессе, стихи которой она напечатала, тем самым одоблив их.

Может быть, заметки страдают стилистическими погрешностями. Автор заранее согласен на все улучшения и правки, которые редакция сочтет нужным сделать.

С уважением Н. Прядка

3 декабря 1960 Адрес: Киев-6, Ново-Печерская № 10, кв. 4.

Новые стихи Анны Ахматовой

Очень правильно поступает «Литературная газета», периодически знакомя своих читателей с новыми произведениями советских поэтов. Почитатели поэзии, несомненно, очень благодарны редакции за то, что она позволяет им всегда быть в курсе последних новостей.

Недавно на страницах газеты под заголовком «Из новой книги» были помещены четыре стихотворения Анны Ахматовой. Несомненно, это лучшие стихи, коль скоро речь идет о новой книге. По ним, очевидно, можно судить о всей книге в целом.

Скажем прямо: новая книга Ахматовой вряд ли обрадует читателя. Что он найдет в ней: новизну тематики, свежесть мысли, оригинальность поэтической речи? Увы, об этом можно лишь мечтать, читая новые стихи Ахматовой.

Советская поэзия (в лучших ее образцах) всегда отличалась глубокой идейностью и высокой художественностью. Она всег-

да поражала читателя обилием ярких и своеобразных талантов, разнообразием и широтой тематики. При этом советская поэзия освещала самые актуальные вопросы нашей действительности, всегда шла в ногу с жизнью народа.

Именно этих качеств (а ими-то и сильна настоящая поэзия!) явно не хватает опубликованным стихотворениям Ахматовой. В самом деле, найдите в этих стихах хотя бы малейшие признаки связи с современностью! Ничего этого нет у Ахматовой. Очевидно, для нашей действительности у поэтессы не нашлось ни одного слова. Зато она с умилением вспоминает другую действительность — последние годы царского режима. Она не пишет о народной буре, готовой вот-вот разразиться ураганом, который сметает с лица земли все гнилое и приносит с собой волнующе-чистый и радостный воздух свободы. Нет, она не посылает проклятий старому миру! С искренним сожалением вспоминает поэтесса о «сумраке» петербургских театральных лож, о «душном и сладком» их запахе, о «красавицах тринадцатого года» в «перчатках до самого локтя» (стихотворения «Тень», Из «Дружеского послания»).

Что это? Безобидные воспоминания? Это не совсем так. Вот какой образ знаменитого Блока рисует она в двух словах:

... Тебе улыбнется презрительно Блок —

Трагический тенор эпохи

(Из «Дружеского послания»).

Нет, не таким представляем мы себе образ известнейшего поэта. И очень жаль, что ему дается такая краткая и глубоко неверная характеристика. У поэтессы опять не нашлось хорошего слова, опять не хватило места. Зато для безымянной «красавицы тринадцатого года» нашлось много места в стихотворении «Тень». Восторженно описывает поэтесса ее «прозрачный профиль», глаза, напоминающие цвет воды Дарьяльского водопада, и т.д. и т.п.

Тень этой красавицы буквально преследует хищную память Ахматовой. Она умоляет эту тень («О тень, прости меня...») и приводит вполне резонный довод в свое оправдание:

...мне такого рода

Вспоминанья не к лицу... О, тень!

Действительно, не к лицу Вам, уважаемая поэтесса, подобные воспоминания, с этими воспоминаниями окончательно разде-

лался наш народ 43 года назад, свалив ваших «красавиц» и иже с ними в мусорный ящик истории. Очень жаль только, что Вы преподносите их читателю под видом поэзии. Лучше уж написали бы о цветочках и ручейках — меньше было б вреда.

Но может быть, мы выбрали неудачные произведения? Посмотрим, помогут ли оправдать поэтессу два других стихотворения, напечатанных в газете.

Они имеют вполне поэтические названия «Муза» и «Эпиграмма», причем первое из них является как бы *credo* поэтессы. Муза Ахматовой не похожа на некрасовскую «музу мести и печали». Для нее она всего лишь «обуза», которая

...жестче, чем лихорадка, оттреплет

И опять весь год ни гугу

Иными словами, муза для поэтессы — неуважаемая и очень редкая гостья, совершенно неспособная вдохновить ее на очередное кабинетное творение. Не удивительно: поэтесса ищет ее на лугу и не замечает мелькающей над ним тени советского спутника⁶¹.

А как иначе можно оценить «Эпиграмму» с ее «солью»:

...Я научила женщин говорить,

Но, боже, как их замолчать заставить? —

как не шутку (мягко выражаясь), лишнюю остроумия?

Итак, во всех четырех опубликованных стихотворениях Ахматовой проступает четко проводимая линия: никакой связи с современностью, полная аполитичность, курс на сугубо интимного лирического героя. Разумеется, такой герой имеет все права гражданства в советской поэзии, и нет такого читателя, который отрицал бы интимную лирику, не боясь казаться смешным.

Но и в интимной лирике наш читатель хочет находить глубокие мысли и чувства, хочет видеть обобщенный образ нашего советского человека, в котором трудовой энтузиазм, дерзание удивительно естественно сочетаются с кристальной чистотой души. Такой лирический герой глубоко чужд всей поэзии Ахматовой. Читая ее последние стихи, оказываешься в плену мелких идей, в убогом мирке воспоминаний с явным привкусом мистики и сентиментальности.

Нет, не для советского человека этот затхлый мирок, какими красивыми словами ни украшали бы его! Человек-творец, художник своих строек, хозяин своих заводов и пашен — он свободно шагает по планете, он видит свое завтра — коммунизм.

И только А. Ахматова не хочет видеть этого завтра в своем уютном кабинете.

Н. Прядка,
служащий.

На сей раз, хоть и не сразу, 20 февраля 1961 года Б. Сарнов ответил так, как впоследствии рассказал в своих мемуарах⁶²:

Уважаемый товарищ Прядка!

Ваше письмо получили. Благодарим за внимание. Разумеется, Вы можете по-всякому относиться к творчеству А. Ахматовой, оно во многом спорно, путь ее к советской поэзии был сложен и т.д.

Но почему Вы о себе пишете «мы» или обобщенно «советский читатель»? Многие, очень многие относятся к стихам, которые Вы разносите, вовсе не так, как Вы.

Многие Ваши претензии объясняются прямолинейным пониманием стихов, некоторые являются просто передержкой. Например: о прошедшей молодости человек всегда вспоминает с некоторым сожалением — Вы же видите в этом сожалении политические мотивы. Кстати, в этой прошлой жизни Ахматовой далеко не все было плохо, она находилась тогда в гуще русской культурной жизни. И в связи с этим выглядит очень смешно, когда в ответ на строки о презрительной улыбке Блока Вы пишете «Нет, не таким представляем мы себе образ известного поэта». Не говоря уже о том, что у каждого может быть свое ощущение известнейших поэтов, не следует забывать и о том, что речь идет о живом Блоке, который улыбался все-таки ей, а не Вам.

Примитивно и демагогически понимаете Вы и остальные стихи этого цикла, особенно стихи «Музе». Разумеется, речь идет не об «обузе», а о напряженности творческих процессов и о мучительности для поэта пауз. Все гораздо проще.

Мы не напечатаем Ваше письмо, так как Ваше мнение Вы не смогли аргументировать. Заявление об отрицательном отношении еще не аргументация.

С уважением Отдел литературы «Литературной газеты».

Б. Сарнов⁶³

3 ноября 1960 года письмо написал Леонид Борисов, эпизодическим персонажем исторической прозы которого Ахматова стала в 1940 году⁶⁴:

Как смогли Вы, Анна Андреевна, назвать Блока «трагическим тенором эпохи»? И это после «Александра — лебедя чистого»... После «Смоленской именинницы...»

Вместо «трагического голоса эпохи» Вы по-Собиновски окрестили великого современника своего, — ох, как страшно изменил вам вкус, такт, память...

Больно не мне одному. Пишу Вам не только от одного своего имени.

Леонид Борисов, литератор (№ 748)⁶⁵.

Автору долго еще потом пришлось обсуждать последнюю строку.

Она оправдывалась: «Но ведь я же сказала *трагический* тенор, а не какой-то другой. Трагический!» Она стояла на своем на-смерть. И черт опять дернул меня за язык: «Анна Андреевна, вы же сами говорили, что когда выступали с ним вместе, он сказал: “Анна Андреевна, мы не тенера!”» (Она рассказала об этом и в воспоминаниях о Блоке, посмертно опубликованных.) Наступила страшная пауза. И вдруг она произнесла: «Только по стихам сама понимаешь, что думаешь», и разговор был исчерпан⁶⁶.

Посмертный разговор с Блоком⁶⁷ все эти годы получал новые толчки для продолжения⁶⁸. В 1955 году ей стала известна помета Блока в его экземпляре «Четок» против строк:

И вели голубому туману
Надо мною читать псалмы —

Крайний модернизм образцовый, можно сказать, “вся Москва” так писала⁶⁹.

В 1959-м к ней в руки попала монография В.В. Виноградова, о которой она писала автору 10 июня 1959 года:

Милый В[иктор] В[ладимирович]. Благодарю Вас за книгу — я буду читать ее в моем финском уединении, но и сейчас открываю и везде интересно, ново и значительно (С. 35).

В этой книге сочувственно приводилась цитата из статьи К. Ваншенкина⁷⁰ по поводу эпитета в поэме Блока «Соловьиный сад»:

По ограде высокой и длинной
Лишних роз к нам свисают цветы.

Не пышных, не ярких, не блеклых, не каких-либо еще, а именно лишних. Там, за оградой, все увито розами, там их, грубо говоря, достаточно, слишком много, и вот лишние свисают на эту сторону. Так увидеть мог только поэт, художник⁷¹.

Отклик Ахматовой на эту похвалу Блоку вызревал четыре года, прежде чем воплотился в стиховые строчки «Отрывка о розах» (август 1963 года):

Пусть будет мне живой укорой
И сном сладчайшим наяву
Тебя Последней, Никоторой,
Но *Лишней* я не назову⁷² (С. 157).

Слово «укора», с сознательно избранной архаизированной формой, тяготеющей к словарю Пушкина и особенно Тютчева⁷³ (характерный для полемических интенций ахматовских стихов ход: апелляция к третейскому суду высокой классики), — симптоматическая обмолвка, выказывающая принадлежность этого наброска к продолжающемуся «поток доказательств несравненной правоты» в ответ на полувековой давности упреки и укоры, к атакующей защитной речи, неотделимой ни от неизжитого бунта младших против старших⁷⁴, ни от «страха влияния»⁷⁵.

Литературную жизнь начала 1961 года Ахматова обсуждала 14 января с Ю.Г. Оксманом:

Спрашивал ее о Ходасевиче, она его очень ценит, больше чем Марину Цветаеву. Рассказывает, что сейчас с Евтушенко сопер-

ничают Андрей Вознесенский, на «вечера» которого не может попасть даже молодой Ардов, проникающий всюду. Оказывается, этот самый Вознесенский несколько лет был «мальчиком» при Пастернаке, влюбленным в своего учителя, заглядывающим ему в глаза. Потом говорили, что эта любовь оплачивалась агентурой (я думаю, что это чепуха). Вчера вывезены в лагерь мать и дочь Ивинские (последняя возлюбленная Пастернака). Роман Василия Гроссмана окончательно запрещен. Дубина Поликарпов изрек, что это хуже, чем «Доктор Живаго». Правда, осведомленные лит<ературные> деловары утверждают, что Поликарпов — это «вчерашний день», но назначение Кочетова все же дело его рук. Этот кочет, кстати сказать, в первый же день своего появления в «Октябре» распорядился вырезать из первого номера повесть Казакевича о Ленине, разрешенную перед тем чуть ли не самим Хрущевым. Впрочем, это имя мог Казакевич и сам выдумать для рекламы. Говорят о взяточничестве в Гослите и в «Совет<ском> писателе». В Ленинграде берут открыто за все: за включение в план, за заключ<ение> договора, за пуск в машину, за «сигнал». С бумагой по-прежнему плохо, еще хуже, чем с мясом и молоком...⁷⁶

Несмотря на вечный дефицит бумаги, в апреле 1961 года книжка в серии «Библиотека советской поэзии» вышла в свет. Евгений Винокуров рассказывал, что

ей принесли первый экземпляр ее гослитовской книжки. Экземпляр был в ярко-зеленой обложке. Ахматова с поддельным ужасом вытянула руки: «Уберите эту лягушку!»⁷⁷

Ядовитости обложки соответствовало содержимое послесловия Суркова «с обычной его сипатой патетикой»⁷⁸, не без косноязычия («Двух слов связать не умеет», — сказал Фадеев о нем⁷⁹), с туманными намеками, в которых читатели вынуждены были усматривать какие-то психологические глубины: иностранец сообщал, что в словах Суркова

Ахматова заняла свое, особое, не купленное ценой каких-либо моральных или творческих компромиссов место в современной советской поэзии

московские читатели усматривали смущенное покаяние тех, кто ранее предпочитал подчиняться, а не промолчать⁸⁰.

В связи с послесловием утешения поступали со всех сторон⁸¹. С.В. Шервинский писал 20 апреля 1961 года:

...бесконечно приятно иметь на письменном столе новый томик Ваших стихов. Это издание все же пристойное. Превосходна Ваша вступительная заметка о самой себе. О послесловии не говорю: оно само за себя говорит, и на совершенно определенном языке (№ 1055).

Сама виновница торжества нашла для себя в юлящей рекомендации⁸² веселый аргумент в споре с Георгием Ивановым:

Какой большевизм, прошу убедиться в послесловии Ал. Суркова (1961) к моей книге.

Ибо Сурков писал:

Воспитанная в оранжерейной атмосфере служило-дворянской семьи, связанная тысячами нитей с безжалостно разрушенной революцией дворянской культурой, Ахматова не смогла понять новую Россию в первые годы ее становления.

На выход книги начало писаться стихотворение о «теневой», «черной», «сожженной» книге — мысленном своде непроходимых через советскую цензуру стихотворений.

Ни розою ветров, ни флейтой Пана
Я окрещу тебя, бездомная моя! —
Ты — безымянная!
Дитя отчаянья... и тумана,
Придут толпой тебя оплакать вести
Одна другой моложе и свежей.

(С. 106)

Как я тебя в последний раз согрела
Волной лесного дикого огня,
Как вдруг твое зарозовело тело,
Как голос, улетая, клял меня.

(С. 10)

Из последней редакции этого стихотворения — «Сожженной тетради» — Ахматова взяла первую строку эпиграфом к списку стихотворений (их 64), названному «Моя книга» (С. 105):

Уже красуется на книжной полке...
Твоя благополучная сестра,
А над тобою звездных стай осколки
И под тобою угольки костра

(С. 525)

Включенная по выходе «лягушки» в ряды советской поэзии, «воспитанная в оранжерейной атмосфере» стала получать предложения от новых органов печати. По своей инициативе пришел к ней сотрудник журнала «Юность».

Она ответила уклончиво, что стихи у нее есть, но они едва ли подойдут для «Юности» и дала мне понять, что к этому разговору больше возвращаться не следует...⁸³

Отказ, вероятно, был связан с личностью главного редактора журнала Валентина Катаева, «чрезвычайно (мягко выражаясь) законопослушного»⁸⁴, знавшего некогда о незыблемой скале ценностей, но знавшего и вкусы начальства. В 1946 году он отступился не только от Ахматовой⁸⁵, но и от своего друга Зощенко⁸⁶. Он мог себе позволить в 1961 году напечатать раздражающую партначальство повесть В. Аксенова «Звездный билет»⁸⁷, но деловые взаимоотношения с Ахматовой вряд ли были бы приятны для обеих сторон.

Продолжились отношения с малочитаемым «Нашим современником». 12 апреля, в день полета Гагарина, Ахматова писала Николаю Сидоренко:

Милый Николай Николаевич, посылаю Вам какие-то обрывки моего поэтического бреда. В «Ночных видениях» восемь стихов («Над мертвой медузой» — «Душистый апрель») были раньше напечатаны и входят в мою книгу (см. «Окопы, окопы...»), но я думаю, что это не так существенно. Позвоните или напишите об ответе редакции. Всего хорошего (№ 686).

Для журнала предназначались фрагмент из «Путем вся земли» («Китежанки»), кусок из первой части «Поэмы без героя», «Мелхола», четверостишие «Конец Демона»⁸⁸ (С. 129). Последнее — осколок какого-то стихотворного замысла о возникновении искусства из природных и бытовых шумов и светов, продолжение темы, которой она коснулась в стихотворении «Мне ни к чему одические рати...», тронув известную цитату из Леонардо об угрозе незаконченности, которую несут вдохновению случайные природные подсказки — «таинственная плесень на стене»⁸⁹. 4 мая Н. Сидоренко отвечал, что ему больше всего по душе две вещи: «Над мертвой медузой» и «Конец демона» (№ 991) — т.е. самый «идиллический» на первый взгляд фрагмент из «Путем вся земли», сообщающий о самой, наверное, малой смерти в XX веке, и безобидная виньетка — без Библии и тревожных тонов «Девятьсот тринадцатого года». Тут же он оговаривал:

Но в ближайшее время опубликовать их вряд ли удастся, т. к. все журналы дают главным образом материалы с учетом близящегося XXII съезда КПСС.

В июне–июле в Москве Ахматова передала ему какие-то новые стихотворения. Возможно, что среди них было то, что в эту поездку она несколько раз читала вслух:

Так не зря мы вместе бедовали,
 Даже без надежды раз вздохнуть.
 Присягнули — проголосовали,
 И спокойно продолжали путь.
 Не за то, что чистой я осталась,
 Словно перед Господом свеча,
 Вместе с вами я в ногах валялась
 У кровавой куклы палача.
 Нет! и не под чуждым небосводом
 И не под защитой чуждых крыл —
 Я была тогда с моим народом,
 Там, где мой народ, к несчастью, был.⁹⁰

Н. Сидоренко отвечал 26 сентября, что в шестом, уже по-слесъездовском номере пойдет кусок из «Путем вся земля» и «Конец Демона».

Что до страниц, переданных мне при нашей встрече в Москве, то честное слово, мы все испытываем отчаяние, возвращая их Вам. Трудно все же представить самый текст опубликованным в современной периодической печати. В какой-то мере внутренне Вы были к такому итогу подготовлены еще тогда, когда отдавали их мне, правда? (№ 1669)⁹¹

«Примерно в феврале-марте 1960» (С. 185) в сопровождении переводчика Б.Б. Томашевского навестил ее английский поэт и журналист А.М. Уильямс⁹², интервью которого с Пастернаком в начале 1959 года вызвало неудовольствие властей.

...очень приличный господин из одной лондонской газетинки, такой рыжеватый. Я знаю, что из разговоров с буржуазными газетчиками ничего путного не бывает, но уклониться на этот раз мне не удалось. Этот мистер задал с места в карьер такой вопрос: «Вы пели или читали свои стихи в ресторанах?». Очень многие себе представляют себе дело так: в 1911–1916 годах была хорошая русская литература — Бунин, Чириков, Куприн, Аверченко, а рядом не то богема, не то эстрада с Вертинским и Ахматовой. Затем мистер спросил, считаю ли я свои стихи бесстыдными?⁹³ Была ли, и как долго, любовницей Блока и Николая Второго? Считаю ли я, что после революции люди стали счастливее? Я ответила, конечно, только на последний вопрос. Ответила, что я не специалистка по счастью, но я вижу, что большое число людей живет в хороших условиях, лучше, невпример, питается, люди в большинстве стали культурными, совсем нет неграмотных, женщины получили все права... В общем, это и есть счастье. Он спросил, религиозна ли я? — Да. — «И вы — член Союза писателей?» — Да. Наконец я не выдержала и спросила этого приличного господина, зачем он, собственно, припожаловал в СССР и еще явился ко мне, и зачем вообще вся эта петрушка? После недоуменного и оскорбленного молчания приличный

господинчик изрек: «Английский читатель хочет знать, что вы живы и здоровы». — «А что, там у вас думают, что меня на кофе смололи?» Какие они там все пакостные! Я даже руки вымыла, когда он ушел. Воображаю, что он там напишет. Нельзя пускать ко мне этих прохвостов...»

— рассказала Ахматова⁹⁴. Действительно, в появившейся год спустя заметке англичанина наблюдательность совпала с ябедничеством:

Ахматова не связала себя открыто с противниками революции и отказалась эмигрировать. Занимаясь скромными историко-литературными изысканиями и переводами стихов с сербского, корейского и других языков, она достигла взаимопонимания с властями. Будучи в Ленинграде, я получил разрешение посетить Ахматову. Ее маленькую старомодную квартиру, в которой она живет вместе со своей молодой племянницей и двумя большими котами, я отыскал в грязном переулке. Вместе с одним русским знакомым я зашел в ее комнату. Очень просто обставленная каморка размером была не больше просторной ванной комнаты. Хозяйка сказала, что почти вся ее мебель пошла на дрова во время блокады Ленинграда в 1941–1943 годах... Поверх черного платя она накинула фиолетовую шаль, что придавало ей сходство с Эдит Ситуэлл⁹⁵. Как мне показалось, Ахматова держалась очень настороженно... У меня сложилось впечатление, что она, быть может, о многом говорила бы более свободно, если бы ее не стесняло присутствие ее соотечественника. «Сейчас у меня нет разногласий с Союзом писателей», — заявила она. Считает ли она, что русские сегодня счастливее, чем до революции? Вот все, что она захотела сказать по этому поводу: «По-моему, люди стали глубже и мудрее и научились больше понимать друг друга»⁹⁶.

Появление зарубежных гостей неизбежно напоминало о том, назначенном ею в главные собеседники с Запада, который не приезжал:

Всех я любила, кто не ты
И кто ко мне не едет...

<...>

И в августе зацвел жасмин,
И в сентябре — шиповник,
И ты приснился мне — один
Всех бед моих виновник (С. 242).

Летом 1961 года она набрасывает строки, где каламбур сближает веселую чернobarхатную *viola tricolor* (иногда именуемую «братом и сестрой», Ахматова же называла эти глазки «подглядывателями»⁹⁷) с ее крестильным именем, рядом с фонетически растворенным именем адресата («Исайя»), и где аранжирована в стих давным-давно приглянувшаяся ей метафора Кнута Гамсуна⁹⁸, пришедшая к тому из Эдгара По («Моль и ночные бабочки беззвучно влетают в мое окошко <...> Мне кажется, что некоторые из них похожи на летающие анютины глазки»⁹⁹):

И анютиных глазок стая
Бархатистый хранит силуэт
[Словно бабочки, улетаая]
Это бабочки, улетаая,
Им оставили свой портрет. (С. 61)

Позднее она допишет, возвращаясь к теме страны, где страх дешев, а совесть в дефиците:

Ты другое... Ты б постыдился
Быть, где слезы живут и страх,
И случайно [лишь] сам отразился
В двух зеленых пустых зеркалах
Комарово (С. 229)

Лирическое ожидание заставляло ловить отголоски речей земляка Льюиса Кэрролла в словах туземных собеседников. 25 августа 1961 года она записывает:

С зазеркальным гостем («Это Реквием по всей Европе», 1946) совпал сегодня А., который сказал, что тема поэмы — Великий

Канун новой эпохи и все, с ними связанное, что это не специфически петербургская (т.е. провинциальная) вещь, а в самом высоком смысле европейская¹⁰⁰.

Летом 1961 года она познакомилась с Иосифом Бродским. Как будто сказала о его стихах:

«страшные»¹⁰¹.

Бродский показал свой «Петербургский роман».

Ахматова взяла рукопись и читала сама, внимательно и долго, неоднократно возвращаясь к уже прочитанным страницам. Она спросила Иосифа, когда случилось то, что описано в 8-й и 9-й главах его романа, т.е. в главах о допросах в стенах КГБ, и добавила при этом: «Собственно, не надо рассказывать подробности»¹⁰².

Провидческую модальность еще ученических стихов нетрудно было уловить той, у кого стиховые (и нестиховые) пророчества сызмлада были неотъемлемым свойством. Тем летом она в очередной раз отдала дань провидческому жанру:

Услышишь гром и вспомнишь обо мне,
 Подумаешь: она дождя желала
 Полоска неба будет твердо-алой,
 А сердце будет, как тогда — в огне.
 Случится это в тот московский день,
 Когда я город навсегда покину

 И устремлюсь к желанному притину,
 Свою меж вас еще оставив тень.

Окончено > 5 авг 1961

Комарово

18 июля 1961. Ордынка (С. 122).

В четвертом стихе сначала было «как всегда». Закончив стихотворение, она сказала Льву Озерову:

Строчку, которая вас остановила, я исправила... Собственно, и одна буква меняет дело. — Было романсно, стало автобиографично¹⁰³.

Строчка отточий обозначала неназываемый рубеж.

Для его лексического воплощения избрано было слово с множасейся, ускользающей семантикой, памятное в числе прочего по мандельштамовским Эвридикам. Едва ли не его имел в виду молодой поэт, говоря о последних стихах Ахматовой: «сплав старинных русских слов, коренных, столетие лежавших в фундаменте русского стиха, редко употребляемых поэтами поздних поколений»¹⁰⁴. Ахматова как бы разыгрывала зыбкую неуловимость этого слова. Ближайший ее собеседник Анатолий Найман вспоминает, как она однажды неожиданно спросила его:

«Что такое притин?»

В одном автографе она попробовала другое написание — «притын» (С. 382), еще более подчеркнув перемещающиеся смыслы¹⁰⁵, и наметила сделать к слову сноску.

Предчувствие смерти, переполняющее это стихотворение, грозило подтвердиться в октябре 1961 года, когда она с инфарктом опять оказалась в той же больнице им. В.И. Ленина. Навестивший ее там 28 октября шведский литературовед Эрик Местертон (которому она запоздалой телеграммой перед больницей назначила эту дату для свидания в ответ на его письмо) был удручен бедностью больницы и озлоблением персонала¹⁰⁶.

Зоя Томашевская рассказывала:

Палата большая, вместе с ней десять старух. Она сама такую выбрала. Сказала: «Сохрани Бог от трехместной или двухместной. Однажды я попала в такую, так меня замучили вопросами, была у меня роман с Блоком». Я ей на это говорю: «Ну и подтвердили бы, что был. Что вам, жалко?». — «Ну что вы, Зоя, — отвечает. — Если я скажу, что не был, никто не поверит, а если я скажу, что был, то что я буду рассказывать дальше?»¹⁰⁷

Товарка по ленинской больнице вспоминала:

В этой больнице не было никаких привилегированных «спецкорпусов» — кардиологическое отделение находилось тогда в одном из старых и очень некомфортабельных зданий. Единственное исключение, которое было сделано для Ахматовой — халат и мягкие туфли, принесенные из дома. Во многих опубликованных воспоминаниях об Анне Ахматовой она предстает величавой «королевой из легенды», «беспомощной в быту». Но здесь, в больнице, все было по-другому. Испытав много горя и страданий, Анна Андреевна чувствовала и понимала страдания других окружавших ее людей. Разные по возрасту, культуре, тяжести заболеваний, многие были капризны и нетерпимы ко всему. Но с каким доброжелательством и тактом вела себя в этой обстановке Ахматова! Будучи уже «ходячей» больной, она с бесконечным терпением и заботой, по-матерински ухаживала за теми, кто еще не мог вставать с постели. В ту зиму стояли сильные морозы, в палатах было холодно, но и для многих из нас Анна Андреевна доставала вторые одеяла, добивалась того, чтобы больных не держали долго в коридорах. Из-за гриппозного карантина в больницу не пускали родственников, и это было еще одной причиной для волнений и расстройств, но Ахматова умела развеять все страхи и отчаяние, которые терзали больных, особенно по вечерам. Были беседы с Анной Андреевной о поэзии, о Пушкине, но всегда это было ненавязчиво — с теми и для тех, кому это было интересно¹⁰⁸.

Вспоминала навестившая ее «здешняя поэтесса» (С. 181):

Койка у дверей. Желтоватое, заплатанное белье. Грузная седая женщина, отвернувшись к стене, читает лежа. <...> Говорю нескладно:

— Я так хотела всегда вам сказать, что вас читают, помнят, любят...

— Гораздо больше тех, кто меня не любит, — буркнула она, как-то не перебивая.

— Хотела сказать вам спасибо за то, что вы сделали.

— Полно, ничего я не сделала...

— Я видела вашу последнюю книжку... <...>.

— Книга эта... Что я хотела в нее включить, то не включили, а чего не хотела — то попало... Плохая книжка... <...>

Она взяла со столика синий томик и подала мне.

— Вот недавно вышла Цветаева, мне принесли.

Я открыла книгу, портрет Марины Ивановны.

— Когда я ее видела в последний раз, она уже была совсем не такой. Дочь у нее в Москве... А ее могилу и найти уже не могут...<...>

Прошло еще сколько-то недель, и я зашла в больницу еще раз. <...>

— Как за вами ухаживают здесь, Анна Андреевна? — спросила я. — Не нужно ли что-нибудь вам принести — фруктов, белья, книг? Почитать вам?

— Нет, нет, ничего не нужно. Меня навещают, все, что нужно, я имею. Ко мне заходят моя приемная дочь и внучка... Это моя приемная дочь, но мы давно живем вместе, я ее вырастила, это моя семья. Уход здесь хороший. Мне скоро позволю сидеть...»¹⁰⁹

Приведем также воспоминания Л.Н. Эрик (С. 187, 332):

Я навещала подругу, и та подвела меня к железной кровати, на которой полулежала Ахматова. Узнав, что я преподаю литературу в школе, она сразу спросила: «Вы по-прежнему ежегодно предаете меня анафеме?» Я сказала, что Постановление о журналах «Звезда» и «Ленинград» и доклад Жданова теперь в школах не «проходят», и Анна Андреевна удовлетворенно вздохнула. Вообще-то Ахматова была человеком замкнутым и не очень легко принимала в свой круг незнакомых людей. Времена тогда подошли хрущевские — «приличные», как она говорила, но опасения остались, и, как мы знаем, основания для них были: все могло повернуться вспять. И все-таки, когда я просталась, Анна Андреевна просила заходить, и я стала забегать к ней в больницу по нескольку раз в неделю. Она приветливо улыбалась, а я рассказывала ей о городских и особенно театральных событиях (мы тогда ходили на все просмотры и премьеры), об интересных журнальных публикациях. Когда Анне Андреевне разрешили вставать, мы «бродили» с ней по больничному коридору или присаживались в холле, и она говорила, говорила — о Блоке, Гумилеве, Мандельштаме, о своем блистательном начале¹¹⁰.

И, наконец, свидетельство А.Г. Каминской:

В больнице им. Ленина Акума попала к замечательному врачу Ксении Константиновне Рессер, которая с большим трудом выходила ее, буквально спасла, поставила на ноги¹¹¹.

За время пребывания в больнице произошли некоторые события советской жизни. После четырехлетней проволочки вышел однотомник Цветаевой.

Она вернулась в свою Москву такой королевой и уже навсегда (С. 278).

Вход в Москву фиксировала обличительница т.н. современного мещанства, описав разговорчивую молодую покупательницу из очереди в книжном магазине:

У нее облегченная мебель, торшер, подвесные керамические вазочки, магнитофон с записью песенок Булата Окуджавы, «абстрактные занавесочки». <...> Энергичная устроительница «модернизированного уюта» приобрела сразу десять книжек только что вышедшего однотомника Марины Цветаевой. «Для всех наших, — пояснила она и озабоченно прибавила: — На днях должен поступить в продажу Пастернак, не прозевать бы!..» Эта публика зачитывалась сначала Ремарком, потом Сэлинджером¹¹².

Социолог из Парижа констатировал лидерство Цветаевой, излагая ощущения каких-то своих российских информаторов:

Мандельштам и Цветаева, самые значительные из влияний сегодня, явились открытием только последних двух-трех лет. Ахматова и Хлебников — фигуры более отдаленные и экзотические, первая — из-за того, что принято считать слишком изящной чувствительностью, второй — из-за сложности своего стиля (оба также лишены ауры мученической смерти, которая понудила юных продвинутых читателей преодолеть первона-

чальное замешательство, вызванное особой поэтической техникой, а также аллюзиями, у Цветаевой и Мандельштама)¹¹³.

Мандельштам с Цветаевой и составили основную часть возникшего тогда Самиздата, появление которого Ахматова приветствовала подчеркиванием в тексте пушкинского «Путешествия из Москвы в Петербург»:

«Если закрепительной системой будете вы мешать словесности в ее торговой промышленности, она предастся в глухую рукописную оппозицию»¹¹⁴.

В эти дни в Москве модные молодые поэты вели салонные разговоры о двух направлениях поэтической традиции, представленных именами двух женщин-поэтов — «прекрасная и грустная, как сама Ахматова», и «мужественно-трагичная», как Цветаева¹¹⁵. Цветаевское «Избранное» и подоспевший альманах «Тарусские страницы» с поддразнивавшей цензуру публикацией стихов и прозы Цветаевой, после которой Ахматова плакала (15 ноября она сказала по этому поводу кардиологу с тончайшим петербургским злоречьем и своей обычной самоиронией одновременно:

Вообще плачу, когда вижу что-нибудь трогательное — пионеры идут или что-нибудь в этом роде¹¹⁶),

вызвали к жизни стихотворение-разговор с Цветаевой, «Комаровские наброски», затем расширившееся голосами Мандельштама и Пастернака и получившее название «Нас четверо», которое сметало нудные пререкания советских писателей насчет первенства и главенства¹¹⁷. Стихотворение отсылалось и на изданный летом в Нью-Йорке очередной выпуск «Воздушных путей», в котором появилась уже не без ведома автора вторая редакция «Поэмы без героя». В больнице же была получена открытка от Р. Гринберга¹¹⁸, нарушающая версию о неавторизованной публикации, но, вероятно, прошедшая перед глазами перлюстраторов и потому демонстрировавшаяся посетителям:

— Пишут и акулы.

— Какие акулы?

Хитро улыбается: — Акулы капитализма, конечно! Вот, почитайте!

Читаю открытку с картинкой древнейшей христианской надписи на камне чуть ли XI века <...> Она поясняет: полусердито о редакторе, который выпустил в Нью-Йорке два раза ее стихи.

— Ну и как издали?

— Да я и в глаза не видела. Разрешения у меня не спрашивали. Обратите внимание на обратный адрес. Видимо, что гостиница, она известна в Риме, что ни улицы, ни номера дома.

— Так же, как и ваш адрес! тут! Ленинград, улица Красной Конницы, А.А. Ахматовой! Нашли ведь!

Она улыбается, видимо, ей не приходило это в голову¹¹⁹.

Появление Цветаевой в центре Москвы совпало с другим событием в той же местности. 30 октября на XXII съезде КПСС первый секретарь МГК КПСС П.Н. Демичев предложил вынести из Мавзолея саркофаг с гробом Сталина. Твардовский записал в дневнике:

Да, нехорошо, нужно исправить ошибку 53 г., но как было бы благопристойнее, если бы не было этой ошибки. Я могу себя попрекать за стишки, которые тогда были искренними, «И лежат они рядом...», но кого же попрекать за то, что он положен был рядом. <...> Всё понимаю, но ликовать не могу. Об этом же сказал на выходе к Александровскому саду Сурков: я старый человек, но сегодня мне было трудно, как, м.б., еще не было никогда¹²⁰.

После съезда в отделе культуры ЦК стали поговаривать об отмене постановления о «Звезде» и «Ленинграде». И.С. Черноуцан (заместитель Поликарпова) подготовил проект отмены постановления. В этой работе участвовал и Твардовский, говорил «о необходимости отмены позора, говорил об этом и с Хрущевым, и тот в общем соглашался»¹²¹.

В больнице Ахматова много занималась дописыванием «Поэмы без героя». Опять ее поэтическая урожайность вторила обнадеживающим переменам «в верхах» — в том числе

и в неметафорических. Употребив последний оборот, следует принять во внимание еще и то, что с начала 1961 года волею случая тема запретной русской поэзии на некоторое время связалась с темой советских космических успехов, когда астроном И.С. Шкловский, откликаясь на запуск ракеты к Венере, назвал в центральной печати стихотворение Гумилева, которое, как полагали ошибочно иные читатели, было написано в тюрьме перед расстрелом:

Синие листья Гумилева — это поэтическая метафора. Он был прекрасным поэтом, но не мог предвидеть появления новой науки — астроботаники. Согласно основоположнику этой науки Г.А. Тихову, «синие листья» должны иметь марсианские растения, приспособившиеся за долгие эпохи эволюции к суровым условиям этой планеты. А на Венере как раз по причине того, что там «Солнце пламенней и золотистой», листва деревьев, по Тихову, должна быть оранжевой и даже красной...¹²²

Ахматова стала выписывать «космические мотивы» в стихах Гумилева, «отсутствующего героя» своей поэмы

Линия отсутствующего героя. Все в будущее: «Для юношей открылись все дороги, для старцев — все запретные труды». «Орел» (космос) — земное притяженье. «Земля! К чему шутить со мною: Одежды нищенские сбрось, И стань, как ты и есть, звездой. Огнем пронизанной насквозь» и т.д. Связь с Поэмой в поздней фантастике «Заблудившегося трамвая» («дощатый забор» — наш Безымянный переулок). «И цыганочка лижет кровь». <...> «На Венере, ах, на Венере...». Неслучайность цитаты Шкловского¹²³.

Строки из стихотворения «Природа» она вспоминала еще весной того года:

Полет Гагарина ошеломил Ахматову. Ее, так любившую Землю, потрясли сообщения о том, как выглядит из космоса наша планета. Она взволнованно ходила по ардовской столовой и повторяла стихи Гумилева:

Земля, к чему шутить со мною:
 Одежды нищенские сбрось
 И стань, как ты и есть, звездою,
 Огнем пронизанной насквозь!

— Самое страшное в космосе — абсолютная тишина, — часто потом говорила Ахматова¹²⁴

и в одной из больничных записей назвала свою поэму «опытной космонавткой», которая «так вот и спустилась с неба» (С. 180). Слово вошло в обиход с апреля 61-го, но для этой словоформы еще не существовало денотата, еще оставалось полтора года до полета, вызвавшего повсеградный энтузиазм рифмованных откликов¹²⁵ (впрочем, не единогласный¹²⁶), часто зачем-то тревоживших тень ее давно покойной подруги Валентины Щеголевой¹²⁷ — «Валентина, / Звезда, / Мечтанье! / О тебе поют соловьи... / В тайну тайн ведут, / В мирозданье / Нас сегодня пути твои»¹²⁸.

Пока длилась больница, появилось интервью Уильямса, о котором быстро стало известно Льву Никулину. Видимо, к разговорам с Ахматовой восходят некоторые мотивы столь скоро написанной заметки Никулина, например, упоминание Некрасова. На этом неожиданном сближении она настаивала не только в 1960-е (А.И. Солженицын: «Что меня очень удивило, Ахматова довольно высоко ставит поэзию Некрасова — а уж, кажется, противоположной поэзии и найти нельзя»¹²⁹), но уже и в 1920-х: «Спор о традициях. А. А. — Анненского — толкование “Вечера”. В “Четках” его уже нет — почти (... — Некрасов)»¹³⁰. Сближение это возникало и у читателей¹³¹.

Никулину, не покидавшему поприща контрпропаганды, были явственны таящиеся в статейке Уильямса опасности, и он постарался оперативно ее обезвредить:

В нынешнем 1961 году Государственное издательство художественной литературы выпустило сборник стихотворений Анны Ахматовой. В эту книгу вошли стихи, написанные в течение полувека, с 1909 по 1960 год. «Читатель этой книги увидит, что я не переставала писать стихи», — говорит о себе в предисловии к сборнику поэт.

Было бы все-таки странно писать о книге Ахматовой обычную рецензию. Много было уже сказано о творчестве поэта на протяжении полувека. Но сложный путь Ахматовой интересен не только для историка литературы. Своеобразие ее таланта и прелесть лирического звучания ее стихов неоспоримы.

Немного осталось людей, которые помнят Ахматову в начале ее пути. Немногие живы из тех, кто бывал в подвале на Михайловской площади в Петербурге, где собирались поэты накануне первой мировой войны. «Да, я любила их, те сборища ночные», — сказано в одном стихотворении поэтессы. Современники помнят и «камина красного тяжелый, зимний жар», и неисчерпаемые потоки эстетских, рафинированных, исполненных самолюбования стихов. Перечитывая разделы сборника «Вечер», «Четки», «Белая стая», мы видим и сейчас много личного, интимного, образцы типичной так называемой «женской» поэзии давних лет. Но справедливость требует от нас признать, что Ахматова привлекала и привлекает читателей кристальной чистотой формы, музыкальностью стиха, искренностью чувств даже в том личном, тесном мирке, который она живописала. Пройдет много лет, и, вспоминая 1913 год, Ахматова напишет:

И всегда в духоте морозной.
Предвоенной, блудной и грозной,
Непонятный таился гул...
Но тогда он был слышен глухо,
Он почти не касался слуха
И в сугробах невских тонул.

В той литературной среде, где жила Ахматова, не прислушивались к непонятному грозному гулу, который предвещал подъем революционного движения. Спустя десятилетия в стихотворении «Маяковский в 1913 году» Ахматова отдает должное Владимиру Маяковскому.

Все, чего касался ты, казалось
Не таким, как было до тех пор.
То, что разрушал ты, — разрушалось,
В каждом слове бился приговор.

Понимание новой, невиданной в мире эпохи пришло к Ахматовой много лет спустя.

Когда читаешь стихи А. Ахматовой, слышишь отзвуки пушкинского стиха, слышишь Тютчева («Есть в близости людей заветная черта»¹³²), а позднее и Некрасова (в тех стихах, где звучит нота гражданственности). Но хотя творчество Ахматовой по своей форме неотделимо от великих образцов русской поэзии, в ее стихах есть свое, особенное, «ахматовское», ее стихотворение узнаешь всегда, так же как узнаешь бледные стихи ее эпигонов.

Не расслышав, быть может, грозного гула надвигающейся революции, она все же написала в 1917 году стихотворение, замечательное для всей ее литературной судьбы. Эти стихи были отповедью ее сверстникам, тем, кто оказался за рубежом, в стане врагов революции, это и сейчас звучит как ответ тем, кто печалится о «ранней Ахматовой».

Мне голос был. Он звал утешно.
Он говорил: иди сюда,
Оставь свой край, глухой и грешный,
Оставь Россию навсегда.

.....

Но равнодушно и спокойно
Руками я замкнула слух,
Чтоб этой речью недостойной
Не осквернился скорбный дух.

От эмиграции ее уберегло чувство близости к родной земле, и понятно, почему в годы Отечественной войны Ахматова написала цикл военных стихов, из которых одно из самых сильных и трогательных — «Мужество»:

Не страшно под пулями мертвыми лечь,
Но <sic!> горько остаться без крова, —
И мы сохраним тебя, русская речь,
Великое русское слово.
Свободным и чистым тебя пронесем.
И внукам дадим, и от плена спасем
Навеки!

Цикл ее военных стихов и сейчас волнует читателей — говорит ли поэт о своем любимом городе Ленинграде, о горечи военных испытаний или, наконец, о радости победы великого народа, о победных салютах:

В свежем грохоте майского грома —
Победительница Москва!

В пятидесятых годах появляется цикл стихов о мирных днях Родины — «Приморский парк Победы» и стихи:

Прошло пять лет, — и залечила раны,
Жестокой нанесенные войной,
Страна моя...

И в том же году «Песня мира»:

Лети, лети голубкой мира,
О песня звонкая моя!

Ахматова лучше всего сама сказала в предисловии к сборнику о себе и своих стихах: «Для меня в них — связь моя с временем, с новой жизнью моего народа. Когда я писала их, я жила теми ритмами, которые звучали в героической истории моей страны. Я счастлива, что жила в эти годы и видела события, которым не было равных».

На этом, собственно, можно было бы кончить, если бы не то обстоятельство, что совсем недавно одна из самых распространенных в США газет «Нью-Йорк геральд трибюн» опубликовала беседу своего специального корреспондента Алана Морей Уильямса с А. Ахматовой.

Если не обращать внимания на залихватские заголовки, свойственные американской прессе, некоторые факты биографии поэта изложены относительно верно. Но мистер Уильямс позволил себе, мягко говоря, домыслы и привел факт, не существовавший в действительности. Так, например, м-р Уильямс утверждает, что Ахматова вновь была принята в Союз писателей после того, как «публично» подвергла себя самокритике.

Позволю себе рассказать о некоторых событиях, происшедших после 1946 года, когда стихи Ахматовой подверглись суровому осуждению. Я получил от Ахматовой ее стихи и показал их тогдашнему редактору журнала «Огонек» — А.А. Суркову. Спустя некоторое время стихи эти были напечатаны в журнале «Огонек», в результате чего советский читатель вновь смог познакомиться с творчеством поэтессы.

М-р Уильямс позволил себе глубоко обидные для Ахматовой умозаключения. «У меня сложилось впечатление, — пишет он, — что она, может быть, о многом говорила бы более свободно, если бы ее не стесняло присутствие ее соотечественника».

Что же, в общем, не устраивало интервьюера в ответах Ахматовой? Не устроило то, что она говорила о своих, вполне това-

рищеских отношениях с Союзом писателей. Не устроило то, что она рассказала: стихотворения, которые вошли в сборник, она отобрала сама, и они «включают все, что я хочу сейчас видеть напечатанным».

Но, по всей вероятности, более всего не устраивал м-ра Уильямса ответ поэта на вопрос: считает ли Ахматова, что русские сегодня счастливее, чем до революции?

Ахматова ответила: «По-моему, люди стали глубже и мудрее и научились больше помогать друг другу».

Конечно, этот ответ относится к советским людям; что касается м-ра Уильямса, то он не проявил себя достаточно мудрым и глубоким. Если бы это было так, он понял бы, что Ахматовой не свойственна ни в малейшей степени двойственность в ее суждениях, — это могут подтвердить все, кто сколько-нибудь знает поэта.

А. Ахматова живет и работает в тесной, товарищеской среде советских писателей старшего и молодого поколения¹³³.

Последние дни пребывания в больнице ознаменовались еще одной сенсацией. Муж Ирины Пуниной Р.А. Рубинштейн принес номер «Нового мира», где было опубликовано письмо Фадеева (С. 199). Этот документ впервые печатно осветил основной фон ахматовской жизни предыдущих десятилетий¹³⁴. Он не мог обсуждаться в печати отечественной, но дал повод порассуждать в эмиграции:

Это может быть предметом гордости и счастья для Анны Ахматовой, но по простой логике вещей не может не причинять и боли...

В СССР ее отстаивают сильные не только в Союзе Писателей, но и в Партии люди; печатают в крупнейшем журнале и других органах печати ее стихи; только что выпустили их сборник (1909–1960 гг.) в Московском Изд. Художественной литературы; книга хорошо переплетена, оформлена, с портретом автора, более трехсот страниц; редакционная коллегия: В.М. Инбер, В.О. Перцов, А.А. Прокофьев, М.Ф. Рыльский и сам А.Т. Твардовский.

В 12-ой книге «Нового мира» за 1961 г. среди прочих, впервые публикуемых писем одного из корифеев советской литературы А.А. Фадеева есть одно, касающееся Ахматовой и ее сына:

«В главную военную прокуратуру. 2 марта 1956 г. Направляю Вам письмо поэта А.А. Ахматовой по делу ее сына Льва Николаевича Гумилева и прошу ускорить рассмотрение его дела. Я не знал и не знаю Л.Н. Гумилева, но считаю, что ускорить рассмотрение его дела необходимо, поскольку в справедливости его изоляции сомневаются известные круги научной и писательской интеллигенции. Сам он (согласно имеющимся в деле и дополнительно прилагаемым здесь документам крупных советских деятелей науки) является серьезным ученым и притом в той области, которая сейчас при наших связях со странами Азии нам особенно нужна: он — историк-востоковед. Его мать — А.А. Ахматова — после известного постановления ЦК о журналах “Звезда” и “Ленинград” проявила себя, как хороший советский патриот: *дала решительный отпор всем попыткам западной печати использовать ее имя* и выступила в наших журналах с советскими патриотическими стихами. Она является в настоящее время высокохудожественной переводчицей лучших произведений поэзии наших братских республик, а также Запада и Востока. Патриотическое и мужественное поведение старого крупного поэта, после столь сурового постановления, вызвало глубокое уважение к ней в писательской среде, и А.А. Ахматова была делегатом на 2-ом Всесоюзном съезде советских писателей. При разбирательстве дела Л.Н. Гумилева необходимо также учесть, что, несмотря на то, что ему было всего 9 лет, когда его отца не стало (он, Лев Гумилев, как сын Н. Гумилева и А. Ахматовой всегда мог представить *«удобный» материал для всех карьеристских и враждебных элементов* для возведения на него *любых обвинений*). Думаю, что есть полная возможность разобратся в его деле объективно.

Депутат Верховного Совета СССР
писатель А. Фадеев».

Здорово схвачено! Если принять во внимание, кому адресовано!

То обстоятельство, что писавший эти смелые строки, подобно В. Маяковскому, С. Есенину и многим другим, покончил впоследствии самоубийством, к А. Ахматовой прямого, а вероятнее всего и никакого отношения не имеет, принимая во внимание хронологические даты событий.

Новое издание стихов Ахматовой, конечно, не полное: мне, например, сразу бросилось в глаза, что любимый мною томик «Anno Domini MСMXXI», изданный «Петрополисом» в Берлине в 1921 г., как и кое-что другое, во внимание не принято. Делать отсюда вывод, что стихи были не автором, а кем-то другим специально подобраны в «патриотическом» советском стиле, было бы таким же, если не большим преувеличением, чем утверждать, что «Доктор Живаго» — венец творчества Б. Пастернака, а все другие поэмы и стихи с «Потемкиным» во главе — только грехи молодости. Вот как заканчивает сама Ахматова свою коротенькую автобиографию: «Читатель этой книги увидит, что я не переставала писать стихи. Для меня в них — связь моя с временем, с новой жизнью моего народа. Когда я писала их, я жила теми ритмами, которые звучали в героической истории моей страны. Я счастлива, что жила в эти годы и видела события, которым не было равных».

Разумеется, и через эти строки можно расслышать суфлерскую будку редакторов, но тогда надо прийти к парадоксальному выводу, что ни одному из 200 миллионов жителей СССР верить нельзя.

А. Сурков, видный член ССП и КПСС, в кратком предисловии пишет: «Первые сборники А. Ахматовой “Вечер” и “Четки” (1912 и 1914 г.) принесли ей быструю и громкую всероссийскую известность. Она выступала как представительница акмеистического течения в поэзии, декларировавшего свою преемственность от символизма, но противопоставлявшего символическому стремлению к непознаваемому — “мир звучный, красочный, имеющий формы, вес и время”».

Это противопоставление не мешало жене возглавителя и яррой поборнице этого течения посвятить три восторженных стихотворения этого тома А. Блоку. <...> Даже А. Сурков, начав за упокой, кончает свое слово за здравие:

«...Казалось бы, по логике этих настроений и переживаний Ахматовой, столь прочно связанная с безвозвратно ушедшим прошлым, могла бы оказаться в первые послеоктябрьские годы там, где оказались Бунин, Ходасевич, Бальмонт и некоторые поэты акмеисты второго поколения, но этого не случилось. И этого не могло случиться. Не мог оказаться в эмиграции автор та-

ких строк, датированных 1917 г.: “Мне голос был. Он звал утешно <...>”».

Как резко контрастирует с содержанием прежней лирики Ахматовой сосредоточенная сила коротенького стихотворения «Клятва», датированного 1941 г.:

И та, что сегодня прощается с милым, —
Пусть боль свою в силу она переплавит.
Мы детям клянемся, клянемся могилам,
Что нас покориться никто не заставит.

Правда, в это время и Запад перенес свой гнев со Сталина на вероломного Гитлера. А вот как Ахматова реагировала в 1944 году: «Победа у наших стоит дверей...» <...>

В ту эпоху почтеннейшие русские эмигранты откликнулись на приглашения полпреда Богомолова в Париже¹³⁵; среди них близкие друзья или соучастники философских обществ, вроде адмирала Вердеревского, получившего советский паспорт № 1, Игоря Александровича Кривошеина и Товстолеса, уехавших на дорогую родину... Можно ли удивляться восторгам Ахматовой?

А потом «зеницы» да и сердце нашей «испуганной орлицы» открылись и забились в унисон с грядущим девизом «существования»: «Качаясь на волнах эфира» <...>.

Не менее энергично, но в другом ключе восхваляли и рвали к себе Ахматову писатели, поэты, музыковеды, выискивая в «Поэме без героя» дорогие нам всем идеи. Будем, однако, честны: о судьбе самой Анны Ахматовой, живущей в СССР, о ее взглядах и ощущениях во вторую половину жизни, — мы мало при этом заботились.

Закончу тем же аккордом, с которого начал: когда Восток и Запад рвут тебя пополам, это, может быть, и очень лестно, но не может не причинять боли тому, кого рвут¹³⁶.

Представитель первой волны эмиграции, не знакомый изнутри с советской издательской практикой, с долей предположительности говорит о «суфлерской будке». Д. Кленовский, человек второй волны, точнее оценил цель проекта издательства «Художественная литература»:

Как ее осквернили и обокрали! Я не говорю уже о гнусной статье Суркова и о жалкой (вынужденной, конечно, быть такой) автобиографии Ахматовой. Дело в *отборе* стихов для книги... Я сравнил советские и старые тексты стихов, и получилось, что изъяты и не включены в издание, совершенно независимо от их художественной ценности, почти все те стихи, где речь идет о религиозных чувствах автора. Мало того: достаточно было присутствовать в стихотворении таким словам как «Бог», «Господь», «Богородица», «ангел», «крест», «молитва», «причастие», «святитель» и проч., чтобы стихотворение было изъято. Я насчитал среди 140 стихотворений из первых книг Ахматовой, не включенных в советское издание, около восьмидесяти таких «одиозных» стихотворений! Среди 120 включенных эти слова встречаются не более 10 раз, да и то в самом невинном преломлении. А некоторые стихи даже «исправлены» в угодном смысле, так, например, в строках «Таинственные, темные селенья, хранилища *молитвы* и труда» исправлено на «хранилища *бессмертного* труда». Цель сборника была, вероятно: исказить поэтический и человеческий облик Ахматовой, каким он еще сохранился в памяти, в списках, в старых (редчайших теперь) изданиях ее стихов. Горько это видеть... И какое счастье быть поэтом здесь, хоть и печататься тиражом в 750, а не 5000 экземпляров¹³⁷.

Метафора «рвут пополам» реализовывалась для Ахматовой во вполне физически ощутимой форме. Этой весной ею пристально заинтересовался Запад, вообще вглядывавшийся в то, как работает метеорологическая метафора на восьмой год своего существования:

В Москве в разгаре оттепель — в буквальном смысле слова. Река уносит последние льдины. Снег на кремлевских куполах наконец стаял. В парке Сокольники мальчишки запускают модели планеров, а взрослые на скамейках молча наслаждаются пригревающим солнышком. Именно об этом времени Чехов писал: «в душу уже просится весна». Десять снегов растаяло с тех пор, как в марте 1953 года умер Сталин. В социальной и политической «оттепели», которая началась после смерти тирана, регламента-

ция жизни продолжается, но наиболее жесткие формы террора исчезли почти без следа — как снег под солнцем. Сегодня для 100 миллионов русских моложе 25 лет — а они составляют почти половину населения Советского Союза — сталинизм превратился по сути в мрачные, но смутные детские воспоминания. Их мышление не искажено страхом, который до сих пор преследует поколение отцов, или слепой верой, что двигала их дедами-большевиками. Эту молодежь называют «потерянным поколением», но ей больше подошло бы другое определение — ищущее поколение. Советская Россия — все еще Спарта, а не Афины. Свободы в западном понимании этого слова там нет, но недовольство выражается открыто как никогда раньше¹³⁸.

А в это время журнал «Вопросы литературы» предположил дать большую статью о ее пути. Статью поручили Аркадию Белинкову, бывшему ээку, автору успешной книги о Тынянове. В большой замысел автора входила будущая трилогия о трех русских интеллигентах, о двух покорившихся советской власти — Викторе Шкловском и Юрии Олеше, и об одном непобежденном — Анне Ахматовой. Белинков видел сопротивление Ахматовой режиму в обращении к чему-то вроде «чистого искусства»:

Век делал поэта «ассенизатором и водовозом, революцией мобилизованным и призванным». Ахматова же не хотела становиться ни ассенизатором, ни даже водовозом. Ее никак нельзя было ни мобилизовать, ни призвать, ни даже арестовать, что было совсем просто. Она настаивала на какой-то независимости и еще использовала эту так называемую «независимость» на стихи не о перевыполнении плана по номенклатуре и качеству и даже не на выполнении, а про любовь. Максимум, на что она соглашалась в сближении с веком, это вместе петь о родине и о войне. И то, как потом (в 1946 году) выяснилось, что это были за песни!..¹³⁹

Концепция эта не устраивала, впрочем, самого автора, как помнится из разговора с ним в Тарту в 1967 году. Не устраивала она и Ахматову, которая могла бы с ней столкнуться в

некоторых западных публикациях. Так, Вера Сандомирская писала по поводу стихотворений «Мой городок игрушечный сожгли...», «В этой комнате колдунья...», «А тот, кого учителем считаю...», «Так вот он, тот осенний пейзаж...»:

По-своему, Жданов был прав, подозревая поэта в недостатке ортодоксальности. Нетрудно почувствовать между ахматовских строк ностальгию по прошлому, вызванную мрачным настоящим и страхом будущего. Эти стихи, пересаженные в наш мир и вырванные из контекста, по своей внутренней поэтической ценности представляются пустяками, лирическими безделушками. Однако, рассмотренные на своем месте и в свое время, они раскрываются как уход от советской «действительности», но уход честный и мужественный¹⁴⁰.

К модели поэта-эскаписта Ахматова относилась настороженно.

Кто-то назвал ее за рубежом Каролиной Павловой XX века.

— Они думают, что я забыла, как Салтыков-Щедрин отозвался о поэзии Павловой. Пусть прочтут мои стихи — они увидят, что я никогда не была равнодушной к политике, к судьбам России, к ее победе над фашизмом¹⁴¹.

Ни будущая книга, ни статья для «Вопросов литературы» не были написаны, но тогда же, весной 1962 года, и на вторую половину Ахматовой нашлись охотники. В мае 1962 года она рассказывала:

Звонил Прокофьев, предлагал птичье молоко; я, конечно, отвергла. А потом явился от его же имени некто в сером и предупредил, что меня будут искать какие-то американцы, так вот, чтобы я отказалась с ними встретиться, сославшись на болезнь...¹⁴²

Тем не менее один американец вскоре с ней встретился. Это был второй мандельштамовед, пришедший к ней после Рышарда Пшибыльского, дважды беседовавшего с ней в сентябре 1961-го¹⁴³. Кларенс Браун, собираясь погрузиться в

жизнь и творения русского поэта, обратился к Исае Берлину с вопросом о смерти Мандельштама. Тот отвечал 3 октября 1960 года:

Человек, который знал его лучше всего, — Ахматова, ничего мне об этом не рассказала, но разражалась слезами всякий раз, когда упоминалось его имя и говорила о его страшной смерти. <...> Простите, что я так плохо осведомлен — я боюсь, что тайны, окружающие Мандельштама останутся непроницаемы, пока кто-нибудь из старых писателей не эмигрирует из Советского Союза, пока же они живут в России или приезжают с официальными визитами за границу, это одна из тех тем, которую они ро- няют, как горячий горшок из рук, когда она возникает.

Кларенс Браун вспоминает:

11 июля 1962 г., извиняемый только своим неведением, я нелегально поехал на электричке из Ленинграда в Комарово, где Ахматова жила на даче, предоставленной ей Литфондом. <...> Мы сели сначала на маленькой, застекленной веранде. Она сразу же сказала мне, что поэт Георгий Иванов ответственен за всяческую клевету на нее. Неправда, что, как он писал, она вышла из чести у молодых читателей после развода с Гумилевым и неучастия во втором цехе поэтов. На самом деле все было наоборот. После того, как мы вскоре перешли в маленькую комнатку, ее разговор настолько стал касаться исключительно Мандельштама, случайно только отклоняясь в ее сторону, что, когда я просматривал позднее свои записи, эта увертюра поразила меня тем, что единственный раз она слегка напомнила мне примадонну, озабоченную своей репутацией у публики. Четыре года спустя я узнал у Надежды Мандельштам, вдовы поэта, о котором я пришел говорить с Ахматовой, что она была сокрытой свидетельницей дальнейшей беседы. Никто не был готов к внезапному появлению в Комарове, запретном для иностранцев, американца, пишущего о Мандельштаме. С таким же апломбом Ахматова могла бы привечать белого кролика с космического корабля. Она говорила быстро и речисто, как будто подготовилась к моему приезду. Моя мономаниакальная одержимость Мандельштамом, а не ею,

должна была показаться ей приятным разнообразием. Все, что писал Георгий Иванов, было ложью. Они с Адамовичем были мо- ложе акмеистов, они всегда были на отшибе, к тому же вскоре эмигрировали. К Адамовичу она была расположена добрее, он не писал о том, чего не знал. А Иванов сочинял. У Осипа никогда не было дочери¹⁴⁴. У него была жена. До женитьбы она была Хази- на. (Само существование Надежды Яковлевны было неизвестно даже Глебу Струве и Борису Филиппову, издателям собрания со- чинений Мандельштама в США.) Жив ли еще Страховский (дру- гой мемуарист)? Да? Очень жаль. Он может продолжить глать о Мандельштаме. О ней он тоже написал чепуху. Он уехал в 1918 г., и все, чего он якобы был позднее очевидцем, — чистая фальшив- ка¹⁴⁵. Почему на Западе не используют свободу для того, чтобы писать правду, а не ложь? Влиятельный Брюсов однажды наме- ренно обидел Мандельштама, сказав, что ему нравятся его сти- хи, а затем процитировал Маккавейского¹⁴⁶. (Подразумевалось, я полагаю, что намеренное оскорбление предпочтительнее вкрад- чивых сплетен, разносимых лжецами из ее списка.) Она присут- ствовала при первом аресте Мандельштама в 1934 году...¹⁴⁷

Летом 1962 года еще раз появился Эрик Местертон. Вспо- минала Е.М. Клебанова:

К Ахматовой приезжал представитель шведской академии и со- общил ей, что она кандидатка на получение Нобелевской пре- мии. Когда я говорила: ну что, Анна Андреевна, будем надеяться, что Вы ее получите, — она отмахивалась:

— Ну что вы, что вы... Если я получу «нобелевку», я рухну. Это было хорошо для Бориса (Пастернака), он о ней мечтал, а я не хочу.

— Анна Андреевна, ведь это же мировая слава...

— Ну кому она нужна. Что такое слава?

Мне кажется, что в этом случае она не была вполне искренна и что ей очень хотелось получить «нобелевку» и увенчать свою литературную славу.

Пастернак вспомнился в связи с еще не столь давним эпи- зодом его визита на Ордынку:

Говорил же он почему-то о Голсуорси, «Сагу о Форсайтах» называл нудной, тягучей, даже мертвой. Вскоре он ушел. Анна Андреевна развеселилась.

— Вы догадываетесь, почему Борисик вдруг набросился на Голсуорси? Нет? Когда-то, много лет назад английские студенты выдвинули Пастернака на соискание Нобелевской премии, но получил ее Голсуорси¹⁴⁸.

Ахматова решила, что пересказанный ей Борисом Вахтиным вопрос шведа есть знак выдвижения¹⁴⁹.

Из «северной вести» родилось позднее стихотворение о «Розе ветров» (такое название Ахматова раньше прикидывала для сборника своих отверженных стихотворений). Сошедшиеся для оживления героини четыре ветра веют из помянутого в стихотворении В. Шилейко¹⁵⁰ (хранившегося у Ахматовой) видения Иезекииля о сухих костях:

Тогда сказал Он мне: изреки пророчество духу, изреки пророчество, сын человеческий, и скажи духу: так говорит Господь Бог: от четырех ветров приди, дух, и дохни на этих убитых, и они оживут (Иезек. XXXVII: 9).

Восточный ветер принес переводчице китайской поэзии проклятья маоцзедуновской антиревизионистской кампании¹⁵¹. Напряженные советско-китайские отношения, в связи с которыми Ахматова вспоминала о дневниках Блока 1911 года — «и Александр Блок пророчествовал: Когда великий Китай двинется на нас» — и которые отразились и в критике печатью КПК советских ревизионистов за снятие клейма с Ахматовой, заставляли задуматься о панхронном сосуществовании двух цивилизаций, о симметрии китайского присутствия («и все китайские затеи») в русской аристократической культуре XVIII–XIX веков и воплощения русского утопизма (толстовка) в сегодняшнем восточном диктаторе:

В Царском я видела приезд Ли Хун Чанга¹⁵² (проверить год [1896]). Его многочисленная свита была сказочно разодета. Все были с косами — в голубом, в желтом, в лиловом — расшиты

драконами. Во дворец они ехали в золотых каретах 18 в<ека>, запряженных цугом, и все это вместе было похоже на андерсеновскую сказку и на «chinoiserie» Царскосельского парка (мостик, кит<айская>деревня, кит<айский> театр).

Приписано позднее:

Мао<цзе дун> — в толстовке (№ 62).

А южный ветер в первоначальном наброске (называвшемся по титулу байроновского цикла «Из цикла “Domestic pieces”») был обозначен с геобиблиографической точностью:

Юг почти невинно лицемерил
 [И мне так же скупю воздух мерил,
 Что скупее мерить и не мог
 Из-за пармских полунежных¹⁵³ строк] (С. 519)

Речь шла о характеристике в итальянской антологии русской поэзии XX века, составленной А. Рипеллино¹⁵⁴, в которой Ахматову раздражали и указание на влияние Кузмина, и утверждение, что свой псевдоним она произвела от названия движения акмеистов: «Имя. Заблуждение Рипеллино» (С. 599). Итальянец обернул филологическую шутку В. Пяста: «[(Пяст пишет псевдоним (Ахм<атова>), а нао<борот> от меня, т.е. от Ахм<атова> пошло Акмэ. Бред)]» (С. 729)¹⁵⁵. В 1960-х интерес публики к псевдониму более чем полувекковой давности снова оживился: Ахматовой часто приходилось выслушивать шутки о созвучии своего литературного имени с фамилией молодой поэтессы¹⁵⁶, которая и сама это обыграла в стихотворении, посвященном Ахматовой (С. 471) — «О черную доску стираюсь...» (1958):

...Таилось то имя, по крови
 Такое родимое мне.
 Знать, предки веселые наши
 Вовек не боялись беды,
 Их кони ступали иначе,
 Иначе ложились следы...

В эти годы популярную поэтессу, о которой Ахматова сказала:

На эту лошадку я ставила, но она не пришла¹⁵⁷

и

Это очень добротное, вполне удовлетворительное... кафе¹⁵⁸,

не раз соотносили с живым еще классиком. Ср. запись старой любительницы стихов 12 января 1960 года:

Талантливые стихи со своим звучанием, хотя явное влияние Ахматовой. Но что ж, та поэт, дай Боже...¹⁵⁹

или отклик американской славистки:

Принцип «Пишу, как хочется» позволяет откликнуться на ахматовские характерные острые детали и «ракурсы». Деja vi стихов Ахмадулиной восхитительно именно потому, что оно эхо. Кто смел надеяться, что Ахматова, волшебница далекого Царского села, обретет ученицу в 1960-е?¹⁶⁰

Толки и пересуды по поводу псевдонима, вероятно, стали толчком к возникновению четверостишия:

Татарское, дремучее
Пришло из никогда,
К любой беде липучее,
Само оно — беда.
1958. Лето. Комарово (С. 15, 43, 390);

в одном из вариантов:

Чужое и дремучее...
(Записи Н.Н. Глен / МАА)¹⁶¹.

Раздражала, как всегда, концепция ее молчания¹⁶², и, наконец, общее место об ограниченности ее тематического диа-

пазона со ссылкой на фразу Виктора Шкловского об узости ее мира, как у полосы света, вошедшей в темную комнату¹⁶³

«ristretto come una striscia di luce entrata in una stanza buia»

Ответом на этот безустанно воспроизводимый попрек (который парировал еще в 1914 году Недоброво:

....мне странно предсказать то, в чем я, однако, уверен. После выхода «Четок» Анну Ахматову, «ввиду несомненного таланта поэтессы», будут призывать к расширению «узкого круга ее личных тем». Я не присоединяюсь к этому зову — дверь, по-моему, всегда должна быть меньше храмины, в которую ведет: только в этом смысле круг Ахматовой можно назвать узким. И вообще, ее признание не в расточении вширь, но в рассечении пластов, ибо ее орудия — не орудия землемера, обмеряющего землю и составляющего опись ее богатым угольям, но орудия рудокопа, врезающегося в глубь земли к жилам драгоценных руд.

Впрочем, Пушкин навсегда дал поэту закон; его, со всеми намеками на содержание строфы, в которую он входит, я и привожу здесь:

Идешь, куда тебя влекут
Мечтанья тайные

Такой сильный поэт, как Анна Ахматова, конечно, последует завету Пушкина¹⁶⁴ —

стало извлеченное ею из памяти раннее стихотворение, которым она потом решила открыть свою последнюю книгу:

Молюсь оконному лучу —
Он бледен, тонок, прям.
Сегодня я с утра молчу,
А сердце — пополам.
На рукомойнике моем
Позеленела медь,
Но так играет луч на нем,
Что весело глядеть.
Такой невинный и простой

В вечерней тишине,
 Но в этой храмине пустой
 Он словно праздник золотой
 И утешенье мне.

Смысл стихотворения, с его «программным» акмеистическим крупным планом «домашней» детали и легким горацанским намеком на превосходство слова над медью¹⁶⁵, должен был восстановить только старый читатель Ахматовой, который не только бы распознал отсылку к любимому тютчевскому богослужению, преодолевающую евангельский знак богооставленности («Се, оставляется вам дом ваш пуст»), — он же и неисцелимая личная фобия автора ахматовских стихов, — но и вспомнил бы ахматовскую строку «Первый луч — благословенье Бога...»¹⁶⁶.

Тютчевская реминисценция, издавна сопровождавшая Ахматову, — о ней когда-то писал Н.К.Гудзий —

Можно догадываться, что некоторые типичные элементы тематики и, главным образом, синтаксиса Ахматовой определились стихотворением Тютчева «Не говори: меня он, как и прежде, любит...», особенно последней его строкой:

Он мерит воздух мне так бережно и скудно...
 Не мерят так и лютому врагу...
 Ох, я дышу еще болезненно и трудно,
 Могу дышать, но жить уж не могу, —¹⁶⁷

была с некоторым нажимом введена и в стихотворение 1963 года:

Запад клеветал и сам же верил,
 И роскошно предавал Восток.
 Юг мне воздух очень скупо мерил,
 Усмехаясь из-за бойких строк.
 Но стоял как на коленях клевер,
 Влажный ветер пел в жемчужный рог,
 Так мой старый друг, мой верный Север

Утешал меня, как только мог,
 В душевной изнывала я истоме,
 Задыхалась в смраде и крови,
 Не могла я больше в этом доме...
 Вот когда железная Суоми
 Молвила: «Ты все узнаешь, кроме
 Радости. А ничего, живи!»

Подтверждения гипотезе о выдвигании скоро нашлись:

1962. Август. Скандинавия объявила начало борьбы за Nobel и слушала Порт<угальское?> радио: «Premio Nobel...» О Нобелевской премии в итал<ьянской> газете (сентябрь 1962) (С. 241).

На несколько лет эта тема входит в разговоры Ахматовой, вызывая всеобщие воспоминания о пастернаковской эпопее, взволновавшей советскую общественность, когда Сергей Городецкий, которому никакая премия не угрожала, клялся в послании К.И. Чуковскому (5 мая 1958 года):

Мы советские вояки!
 Мы совсем не Пастернаки:
 Не потопит нас в грязи
 Премий Нобеля бензин.

Наших жизнью весел очерк,
 Наш советский прочен прочерк;
 И Чуковскому, и мне
 Хорошо в своей стране...¹⁶⁸

В.А. Сутугина записывала в дневник 26 августа 1962 года новость от Елены Тагер:

Говорила, что Анне Андреевне собираются дать Нобелевскую премию... Будет ли такой же скандал, как с Пастернаком?

В разговорах проходила история премии:

Сообщение о представлении к Нобелевской премии передано А. А. через сына В. Пановой. А. А. премия не нужна, ее не получили Л. Толстой и Чехов, но получили Кармен Сильва (румынская королева) и какая-то итальянка.

...Даже имена современных западных поэтов неизвестны. Кто-то из них получил Нобелевскую премию — А. А. о нем ничего не знает и думает, что он ничего собой не представляет.

...А. А. представлена к Нобелевской премии, ее конкурент — американский поэт Фрост. Ему нужнее, чем ей, он купит себе ферму (Фрост — автор стихов о сельской жизни)¹⁶⁹.

С Робертом Фростом (по мнению Твардовского, «декоративный старик, неизвестно зачем пересекающий океан взад-вперед...»¹⁷⁰) Ахматова встретила четвертого сентября 1962 года. Сосед по даче записал ее рассказ:

Он приехал в Ленинград и просил, чтобы обязательно познакомили со мной. Академик Алексеев привез Фроста к себе на дачу в Комарове, а потом меня туда же привезли.

— Рассказывайте, каков Фрост?

— Старый очень. И выглядит совершенно в своих летах. Болезненный. Он потом летел на юг в Гагры и заболел. Фрост спрашивал, какие у нас сосны. «У меня на ферме, — говорит, — двенадцать сосен и все карандашные»¹⁷¹.

14 сентября в Комарове она говорила Галине Корниловой:

Зачем мне вся эта петрушка. Надежда не на старика Фроста, а на датчанку с мужским именем. Должны же дать эту премию женщине¹⁷².

Лауреатом этого года стал ценимый Ахматовой за повесть «О мышках и людях» Джон Стейнбек. На Нобелевском банкете он, в частности, сказал:

Мне делается страшно при мысли, что мы не оставляем никакого свидетельства о нашем веке. Будущие историки по нашей литературе не смогут судить о наших взглядах, привычках, обычаях и образе жизни...

Когда завершились нобелевские дни, 11 ноября Д. Кленовский писал Борису Филиппову, ссылаясь на сообщение С. Риттенберга:

Мне писали из Швеции, что проф. Эрик Местертон усиленно хлопотал о присуждении Ахматовой Нобелевской премии. Он дважды к ней ездил в Ленинград, переводил ее стихи и собирается издать их. Но к сожалению с премией ничего не вышло. После присуждения премии Стейнбеку шведский «левый» поэт Карл Венберг писал в шведской газете: «Ахматова, самый гордый из больших лириков старшего поколения, умрет забытой (??? Д.К.) в своем Ленинграде, хотя Эрик Местертон пытался обратить на нее внимание Академии. Но русские ведь получают премии лишь по политическим соображениям»¹⁷³.

Запад не только клеветал, но и внимательно относился ко всему, произнесенному Ахматовой. Весной 1962 года было напечатано ее «Слово о Пушкине»:

В дворцовых залах, где они танцевали и сплетничали о поэте, висят его портреты и хранятся его книги, а их бедные тени изгнаны отсюда навсегда. Про их великолепные дворцы и особняки говорят: здесь бывал Пушкин, или: здесь не бывал Пушкин. Все остальное никому не интересно. Государь император Николай Павлович в белых лосинах очень величественно красуется на стене Пушкинского музея; рукописи, дневники и письма начинают цениться, если там появляется магическое слово «Пушкин», и, что самое для них страшное, — они могли бы услышать от поэта:

За меня не будете в ответе,
 Можете пока спокойно спать.
 Сила — право, только ваши дети
 За меня вас будут проклинать.

И напрасно люди думают, что десятки рукотворных памятников могут заменить тот один нерукотворный аете perennius.

Гаррисон Солсбери заметил, что это

фактически предупреждение сталинским литературно-политическим наследникам о том, что русская история и русская традиция стоят на стороне правды и справедливости¹⁷⁴.

В Нью-Йорке, вдохновленный успехом первых двух выпусков альманаха, каждый из которых содержал «Поэму без героя», издатель задумал и третий. Он писал Исае Берлину 3 ноября 1962 года:

Наш Альманах проник в Сов<етский> Союз и там нашел хороший отклик среди читателей.

Первый выпуск совершенно распродался и тоже разошелся в большом числе в России.

1962 год приносил знаки признания и на родине — в том году в Комарове было сложено стихотворение — к шестнадцатилетию ждановской истории:

Вот она, плодоносная осень, —
Поздновато ее привели.
А пятнадцать божественных весен
Я подняться не смела с земли.

Я так близко ее [рассмотрела] разглядела,
К ней приникла, ее обняла,
И она в обреченное тело
Силу тайную тайно лила. (С. 257–258).

Интервью, которое взял у нее Александр Авдеенко для агентства печати «Новости», т.е. для заграницы, она назвала «на коленях»¹⁷⁵. В этом разговоре в феврале 1962-го в Доме творчества в Комарове она, в частности, рассказывала о только что случившемся (и не имевшем продолжения) событии:

Вот за час до вашего прихода у меня был кинорежиссер Григорий Козинцев. Он много лет увлечен одним замыслом — по-

ставить «Гамлета» в кино. Он предложил мне принять участие в работе над сценарием, сделать новый перевод — возможно, в прозе — некоторых монологов. Вы понимаете, как это заманчиво и интересно?¹⁷⁶

Потом последовали предложения от ленинградского телевидения¹⁷⁷. Снова была сделана попытка отделить ахматовское имя от поношений сорок шестого. Сурков как главред литэнциклопедии вместе с зампредом научного совета «Советской энциклопедии» обратились в ЦК:

В статьях об А. Ахматовой и М. Зощенко, отмечая недостатки их творчества, мы считаем нецелесообразным повторять резко отрицательные оценки, содержащиеся в Постановлении ЦК.

Отдел культуры ЦК передал просьбу выше:

В известном постановлении ЦК ВКП(б) от 14 августа 1946 год «О журналах “Звезда” и “Ленинград”» А. Ахматова и М. Зощенко характеризуются как «несоветские», чуждые советской литературе люди. М. Зощенко назван «пошляком и подонком литературы». Полагали бы возможным согласиться с предложением т.т. Суркова и Шаумяна о нецелесообразности воспроизведения этих оценок в «Краткой литературной энциклопедии».

Наверху 12 марта 1962 года написали «Согласиться», и появилась статья в энциклопедии, очищенная от ждановской брани:

АХМАТОВА (псевд.; наст. фамилия — Горенко), Анна Андреевна [р. 11(23).VI.1889, Одесса] — рус. сов. поэтесса. Род. в семье инженера флота. С раннего детства жила в Царском Селе, затем в Петербурге. Поэтич. дебют А. связан с акмеизмом. Первая кн. стихов («Вечер», 1912) проникнута мотивами ущербности и одиночества («Песня последней встречи», «Хорони, хорони меня, ветер!», «Сероглазый король»). В ней и последующих сб-ках («Четки», 1914, «Белая стая», 1917) нашел выражение замкнутый мир утонченных эстетических и любовных переживаний.

Интимно-разговорная интонация, эмоциональный лаконизм, ясность и «вещность» образов определили своеобразие лирич. миниатюр А. («Белой ночью», 1911, «Я пришла к поэту в гости», 1914, «Есть в близости людей заветная черта», 1915). Наряду с этим поэзия А. включает в себя также народно-песенные мотивы и традиции рус. классич. лирики («Песенка», 1917, «Песня о песне», 1917). В годы 1-й мировой войны и революции в поэзии А. явственнее стали черты торжественно-витийственного стиля («Ты — отступник: за остров зеленый...», 1916, и др.). Книги А. «У самого моря» (1921, написана в 1914), «Подорожник» (1921), «Anno Domini MCMXXI» (1922) отразили разлад поэтессы с революц. эпохой. Однако А. отмежевалась от бежавших из России эмигрантов («Не с теми я, кто бросил землю...», «Когда в тоске самоубийства...», 1917). В течение ряда лет трудно и противоречиво формировались новые черты творчества А. как сов. поэтессы. В цикл «Ива» (1940) вошли стихи периода 1924–40. Сб. «Из шести книг» (1940), содержащий стихи разных лет, подводил итог сложной поэтич. эволюции Ахматовой — преодоления ею настроений одиночества. В стихах, созданных в годы Отечеств. войны (сб. «Избранное», 1943), отразились переживания военного времени, сильно зазвучала патриотич. тема («Первый дальнотбойный в Ленинграде», «Клятва», 1941, «Мужество», 1942, «Щели в саду вырыты...», 1942). В послевоенном творчестве А. заметное место занимают стихи в защиту мира («Песня мира», 1950, «Говорят дети», 1950). А. — большой мастер стихотворной формы — классически прозрачной, отточенной, законченной. Под редакцией А. вышел сб. «Корейская классическая поэзия» (1956 и 1958). Ей принадлежат переводы из восточных, зап.-европ., латышских, евр. поэтов, а также нек-рых серб. историч. песен. Статьи А. о творчестве А.С. Пушкина («Последняя сказка Пушкина», 1933, «„Каменный гость“ Пушкина», 1958, и др.) отличаются тонкостью анализа лит. традиций, худож. мастерства и стиля поэта. Стихи А. переведены на англ., нем., франц., итал., япон., польский, чеш. и другие языки.

Но именно этот демонстративный поворот не приглянулся ревнителям сталинской старины, и один из них на обсуждении в Союзе писателей бурчал:

Хочу сказать два слова об Анне Ахматовой. Статью о ней очень хвалили. Но в этой статье об очень многом умолчали. Мне понравилась вступительная статья А.А. Суркова, где ничего не скрашивается в ее стихотворениях. А здесь я не нахожу четкости, определенности в эпизоде 1946 г. Люди, читающие эту энциклопедию, жаждут знать, что это было случайным эпизодом в 1946 году? Имелись ли основания для упреков в адрес Анны Ахматовой? Если читать эту статью, то она не заслуживает упреков, сделанных в ее адрес¹⁷⁸.

Отдел культуры ЦК не мог не считаться с ропотом обиженных советских писателей и матерых литературоведов и снова сигнализировал наверх:

Вышедший сейчас первый том энциклопедии содержит много ценных материалов, отражающих в основном достижения современной советской литературной науки.

Однако в этом томе имеются недостатки и ошибки, сказывается односторонность и предвзятость в подходе к некоторым явлениям современной литературы, отчего страдает научная достоверность и точность, необходимая справочному изданию. Это проявление субъективных симпатий и антипатий особенно дает себя знать в материалах, посвященных советской литературе, русским советским писателям. По отношению к одним из них (А. Ахматова, А. Вознесенский, А. Володин, В. Аксенов и некоторые другие) сказывается явное стремление к замалчиванию ошибок и недостатков, по отношению к другим (С. Бабаевский, С. Борзенко, Н. Вирта и некоторые другие) — нарочитое подчеркивание недостатков, нежелание видеть ничего положительного в их творчестве.

Общезвестно, каким сложным и противоречивым был творческий путь А. Ахматовой. Немало идейных блужданий и срывов было у нее на этом пути. Однако в статье, ей посвященной, поэтесса изображена в «выправленном» виде¹⁷⁹, об ошибках ее говорится вполголоса, примирительно. А вот маленькая заметка о Н. Вирта, в которой только перечислены его сочинения, заканчивается резким обобщением: «Во многих произведениях Вирты сказалось влияние “теории” бесконфликтности и культа личности Сталина».

Энциклопедия обидела и официального историографа акмеизма, занимавшего этот пост три десятка лет¹⁸⁰. Записка Отдела культуры жаловалась:

Неуважительно и пристрастно написана заметка о А.А. Волкове, в которой практически перечеркивается вся его литературоведческая деятельность: «Работы Волкова носят по преимуществу компилятивный характер». Никто другой из литературоведов не удостоился столь суровой оценки¹⁸¹.

Новая литературная энциклопедия вообще стала предметом раздора прогрессистов и т.н. сталинистов. Вера Александровна Сутугина записывала в августе 1962-го о вечере у Ахматовой, где она была с Е.М. Тагер и С.Д. Цирель-Спринсоном:

Потом много говорили о поэзии. До чего же все они нетерпимо относятся к другим поэтам. Особенно Анна Андреевна. И все — негодяи. Часть негодяев — это те, что не сидели с нами — значит, предатели, а другая часть негодяев — это которые не отнеслись, как следовало, к истории с Пастернаком (у них боги теперь: Пастернак и М. Цветаева). Ко вторым относятся: Федин, Коля Чуковский, В. Инбер, Слуцкий, Панова и мн. другие. Огорчает меня, что ненавидя их, они не признают и их творчества. Да! Еще третья часть «негодяев» — это те, кот<орые> в своих произведениях не ругают Сталина. — К этим относятся Кочетов, Кетлинская и еще кто-то. А просто к «бездарностям» относятся Евтушенко и Вознесенский...

Осенью 1962 года состоялась еще одна невестра (какие-то ожидания встречи, похоже, были и отразились в ложном воспоминании Иосифа Бродского¹⁸²) с «заставившим звучать поновому весь XX век великим Стравинским» (С. 207), чье имя, до того почти табуированное в СССР¹⁸³, автор хотел видеть в своей «Поэме без героя», поделившись с ним мандельштамовским комплиментом («души расковывает недра»):

... театр Мариинский
Он предчувствует, что Стравинский,

[С мировую славой в руке]
 Расковавший недра души,
 Ныне юноша обрученный
 С девой Музыкой. Обреченный
 Небывалое совершить (С. 150).

Проглядев тогда же разговоры Стравинского с Крафтом, она удивилась, не найдя его в числе своих читателей:

Из нас, «оставшихся», он с сочувствием вспоминает одного Сергея Городецкого (почему-то называет «высоким блондином»)... (С. 367)¹⁸⁴.

Видимо, она не узнала, что после своего первого и единственного выезда в СССР композитор сел перечитывать Пушкина, Блока и Ахматову¹⁸⁵.

20 октября 1962 года к ней пришел американский поэт Питер Вирек, для которого имя русской поэтессы давно было неотделимо от проблемы свободы поэта¹⁸⁶. Годом ранее Вирек прислал свою драму, в которой Ахматова усмотрела переклички с собственным планом сделать из «Поэмы без героя» сценическое произведение. В письме к автору этой книги П. Вирек рассказал, как в его присутствии Ахматова читала стихи Зенкевичу, и они оба заплакали (можно полагать, что это были стихи из «Реквиема»), несмотря на присутствие представительницы Иностранной комиссии Союза писателей, которую Вирек счел секретной сотрудницей КГБ. Может быть, поэтому американцу, невольному соглядатаю, было подарено записанное рукой Зенкевича ахматовское четверостишие о слезах:

О своем я уже не заплачу,
 Но не видеть бы мне на земле
 Золотое клеймо неудачи
 На еще безмятежном челе.

Зенкевич был для нее последним из соратников эпохи «Вечера»¹⁸⁷. По поводу того дня 1911 года, когда участниками

Цеха поэтов было найдено слово «акмеизм», Ахматова замечала:

Из свидетелей этой сцены жив один Зенкевич (Городецкий хуже, чем мертв¹⁸⁸) (С. 612).

В этот год с верхов поступали сигналы о продолжающейся борьбе вокруг тени Сталина. В июне в Театре комедии под него был наряжен исполнитель заглавной роли в шварццевском «Драконе». Осенью обком запретил спектакль¹⁸⁹. Происходили в стране вещи и посерьезнее — в июне 1962 года организованный членами Президиума ЦК КПСС Фролом Козловым и Анастасом Микояном расстрел рабочих Новочеркасска, возмущенных нехваткой мяса и картошки («Хрущева на мясо», — писали мелом на тепловозе) и вообще условиями жизни. Инженер, написавший анонимное письмо с описанием события К.Г. Паустовскому, был за это письмо присужден к 7 годам заключения за антисоветскую деятельность¹⁹⁰. Ахматова делилась этой новостью с помощью записок.

«Новочеркасск. Слышали?». А потом бумажку сожгла. Об этих кровавых событиях тогда в печати не было ни звука¹⁹¹.

Сдвиги по цензурной части ожидалась осенью. Борис Слуцкий намеками сообщал об этом по телефону Илье Сельвинскому¹⁹². Со слов приехавших из Женевы Вадима и Ольги Андреевых в дневнике К. Чуковского записано об Ахматовой:

Она в отличной форме: спокойна, здорова, жизнерадостна. Говорит: готовится отмена постановления ЦК о ней и Зощенке¹⁹³.

Сам Чуковский ожидал в это время появления в «Новом мире» фрагментов «Поэмы без героя» со своим, написанным по просьбе ее автора предисловием¹⁹⁴. Публикация была обещана в декабрьском номере (С. 217, 226).

Твардовский неожиданно отказался печатать куски из ее поэмы, несмотря даже на специально заказанное К.И. Чуковскому

послесловие, но А. А. передает поэму в «Знамя». Журнал этот не очень ей нравится, она презирает и Кожевникова, и Сучкова, но большого значения месту публикации не придает. Лишь бы печатали полностью, без принудительных вариантов, да скорее. Существенной разницы ведь нет между нашими журналами и газетами¹⁹⁵.

К этому времени в «Знамя» уже были отданы несколько стихотворений. Занималась этим Галина Корнилова:

...я очень скоро поняла, что Сучков — единственный человек в редакции, который разбирается в поэзии¹⁹⁶. И поэтому всякий раз, когда на стол ко мне ложились талантливые рукописи с сомнительным идейным содержанием или одиозной фамилией автора, я, нарушая субординацию, бежала прямо к нему. Так однажды я принесла ему цикл стихов, врученный мне Ахматовой.

— Это замечательные стихи! — с порога заявила я и нагло добавила: — Мы-то с вами знаем, какой это поэт!

К моей радости, ахматовский цикл скоро вернулся в отдел с росчерком Сучкова на первой странице «В набор!»¹⁹⁷.

21 октября 1962 года в «Правде» было опубликовано стихотворение Е. Евтушенко «Наследники Сталина»¹⁹⁸, и 25 октября Ахматова набрасывает своего рода «ахматовскую» версию того, как об этом надо говорить в стихах — «Защитникам Сталина»:

Это те, кто кричали: «Варраву! —
отпусти нам для праздника»... те,
что велели Сократу отраву
пить в тюремной глухой тесноте.
[Знатоки и любители пыток],
им бы этот же вылить напиток
в их невинно клеветущий рот,
этим милым любителям пыток,
знатокам в производстве сирот (С. 221).

24 ноября¹⁹⁹ Ю.Г. Оксман записывает:

Анна Андр. сейчас очень бодрa, в явном подъеме. Вид у нее — «победный», блестят глаза, молодой голос, легкие и свободные движения. <...> Но в «весну» А. А. верит. Факт публикации «Один день заключенного» (она очень высоко ценит и эту повесть, и ее автора²⁰⁰) — для нее показатель очень больших сдвигов если не в литературе, то в руководстве ею. Стихи Евтушенко и Слуцкого²⁰¹ в «Правде» и в «Литературной газете» не могут не иметь продолжения, а то, что Ермиловы спешат «петушком, петушком» за Солженицыным, ее очень смешит.

«Победности» добавляли накатывающиеся сигналы популярности. Литературный музей предполагал провести ее авторский вечер. Мероприятие Ахматова отменила, но один из намеченных участников, находившийся в отъезде, об отмене не знал и 26 ноября прислал на адрес музея фототелеграмму:

Дорогая Анна Андреевна!

Вы были любимым поэтом моей молодости и всего моего поколения, как и теперь — новых поколений Ваших читателей и почитателей. Ваша поэзия навсегда останется для меня образцом самой чистой и высокой лирики, простой и человеческой, современной и вечной. Примите сердечную благодарность за все, чем радовали нас Ваши стихи. Шлю Вам и всем собравшимся на Вашем вечере душевный привет из далекой Алма-Ата. Сожалею, что не могу быть с Вами. В. Жирмунский.

В эти дни газеты стали печатать одно за другим стихи против сталинизма²⁰², к неудовольствию коллаборантов последнего — так, 28 ноября Эльза Триоле писала Лиле Брик:

Значит, слагбаум подняли, дали зеленый свет, и сейчас все начнут жарить...²⁰³

Вот один из многих примеров, —

Щип[ачев] прочитал ст[ихотворение] на модную нынче тему: да будет проклят Сталин и да здравствует Постышев и Киров. Стихотворение это он, гуляя по Переделкину, прочитал Вадиму

Кожевникову, тот сказал: я выброшу из «Знамени» другой материал и немедленно напечатаю твои стихи²⁰⁴.

В общем, «все хорошо, все хорошо», как говорилось в стишке А.Межирова, ходившем по рукам (молва, как это уж повелось, приписала их Слуцкому²⁰⁵):

Все хорошо, все хорошо.
Из мавзолея Сталин изгнан,
показан людям Пикассо,
в гослитиздате Бунин издан.
Цветам разрешено цвести,
запрещено ругаться матом.
Все это может привести
к таким плачевным результатам.

Но 1 декабря 1962 года распаленный ностальгирующими сталинистами Хрущев посетил выставку «30 лет МОСХа». «Снова наша не взяла»²⁰⁶.

рису

Хрущев

Глава пятая

1963

Зига
Валишевский.
Портрет
Тициана
Табидзе.

Данте Габриель
Росетти.
Гамлет
и Офелия.

Пластинка
Робертино
Лоретти.

Александр
Тышлер.
Портрет
Анны
Ахматовой.

Кровоизлияние в МОСХ. — Шагал и Пушкин. — Кто был убит?— Мнение т. Ильичева — Черные агаты. — «Надоело мне вас провожать». — Виновна, но заслуживает снисхождения. — Морозы и тишина. — «If she be well». — Смерть-любовь-политика. — Снегурка, пушинка, веночек. — «Говорят, открылся Пленум...». — Молодая гостья. — Каденции альтового голоса. — Пруст, Джойс, Кафка. — Флюиды ревности. — Безродный смычок и менора. — Труба архангела. — Из Пиндемонти. — Двойник-пересмешник. —
Огни святого Доминика.

Первого декабря 1962 года на выставке Московского отделения союза художников бывший шеф КГБ и будущий организатор партзаговора против Хрущева

Шелепин подошел к картине Соостера, на картине было изображено яйцо, а внутри еще яйцо, Шелепин, обращаясь к Хрущеву, злобно произнес: «Это не так просто, в картине заложена идея, враждебная нам, что знания наши только оболочка, а внутри что-то совсем иное». Кто-то произнес: «Арестовать его?» <...>

— Зачем вы меня сюда привезли? — обратился [Хрущев] к Ильичеву. — Почему не разобрались в этом вопросе сами?

— Вопрос получил международную огласку, о них пишут за границей, мы не знаем, что с ними делать.

— Всех членов партии — исключить из партии, — сказал Хрущев, — всех членов союза — из союза, — и направился к выходу¹.

Анекдот, записанный в эти дни: художник, попавший в загробный мир, видит, что в аду стоит грешник по колени в чане с дерьмом и курит, это показалось художнику самым легким из адских неудобств, он его и выбрал. Но тут раздалась команда:

— Перекур окончен, становись на руки!²

Или другими словами об ощущении тех дней:

Описание атмосферы 60-х годов будет не только неполным, но и утратит свой главный нерв, если не сказать о страхе, неистребимом, всепроникающем Страхе с большой буквы. <...> После Сталина стало казаться, что страх исчезает. И в период «оттепели» страх утратил свой металлический отблеск, но после «Манежа» атмосфера страха возобновилась снова...³

Художники беспомощно защищались:

Трудно коммунистов — Леже, Пикассо, Ренато Гуттузо — отнести в лагерь буржуазного искусства (художник и его творчество неделимы). Однако с точки зрения некоторых, искусство этих художников формалистично, т.е. враждебно нам, и их любит народ и работают они ведь для народа. Как видно, здесь не так уж все просто.

Где границы понятия «социалистический реализм»?⁴

Говорили, что Хрущева подбил на его колени художник Серов⁵, вписавший свою страничку в мученическую биографию Н. Пунина⁶. Появился и спел свою лебединую песню орел соцреализма Александр Герасимов⁷, и наметился было реванш тусклых мазилок⁸. Они доносили, что устроители выделили количеством и лучшим местом «художников, зараженных буржуазными манерами, — Штеренберга, Павла Кузнецова⁹, Фалька, Тышлера¹⁰ и других»¹¹. Об одиозной триаде Тышлер-Фальк-Штеренберг толковал придворный портретист¹². Из них Ахматова переживала и за Роберта Фалька¹³, в свое время намеревавшегося писать ее портрет¹⁴, и, конечно, за ученика своей давней знакомой Александры Экстер — за Александра Тышлера¹⁵, художника, понимающего поэзию, наброски которого, сделанные в Ташкенте, она ценила больше иных своих портретов. Со многими деятелями русского авангарда она была знакома, с некоторыми из них — через Н.Н. Пунина: с И. Школьником¹⁶, К. Малевичем¹⁷, В. Татлиным¹⁸, Ниной Коган¹⁹ и другими²⁰. Были встречи и с новым поколением авангардистов (правда, она говорила о некото-

рых новациях: «Пятый раз на моей памяти»²¹). В 1960 году к ней приходили Эрик Булатов, Михаил Меженинов и Олег Васильев²². В 1964 году она посещала мастерскую Олега Целкова²³, мельком встретила с В. Лемпортом²⁴.

В середине того декабря автор «рассекретил» свой «Реквием».

Акад <емик> Виноградов сказал об этом цикле, что он — «народен»²⁵.

Но последствия начальственного посещения выставки начали сказываться и на ней. 16 декабря 1962 года цензор занес в дневничок:

Сдал тов. Семенову для принятия решения подборку стихов Анны Ахматовой с мнением о их непригодности для публикации. Одновременно сдал оба рассказа Солженицына...²⁶

Непригодность могла заключаться в нетактичной пиromanии «Последней розы» —

Мне с Морозовою класть поклоны,
С падчерицей Ирода²⁷ плясать,
С дымом улетать с костра Дидоны,
Чтобы с Жанной на костер опять.
Господи! Ты видишь, я устала
Воскресать, и умирать, и жить.
Все возьми, но этой розы алой
Дай мне свежесть снова ощутить.

Об этом стихотворении вскоре написал Рышард Пшибыльский:

Бунт акмеистов против символизма совершился в известной степени под знаком розы. Тот спор о слове, которым обозначают королеву цветов, был по сути дела спором о сущности поэзии, о ее познавательной функции. Эта «война роз», в которой Ахматова сыграла основную роль, имела целью связать поэзию

с землей, от которой отрывали ее рвавшие к звездам символы. <...> Поэтический розарий Вячеслава Иванова стал каталогом всех возможных символических роз, как бы иллюстрацией к написанному за несколько лет до того научному исследованию А. Веселовского. <...> Зато у акмеистов роза числилась только настоящим цветком, и ее символические соответствия не имели для них ценности. Интересно, что в годы, предшествовавшие началу первой мировой войны, не только акмеисты взбунтовались против символической розы. Высказывание Гертруды Стайн имело все признаки провокации: «Роза — это роза, это роза, это роза...» твердила она, и это длительное повторение очевидности изменяло, по ее убеждению, выразительность слова. Она хотела придать слову большую экспрессию, интенсифицировав его звуковую структуру. В свою очередь футурист Алексей Крученых предлагал иной эксперимент, правда не с розой, а с другим символическим цветком — с лилией. Он хотел заменить стертую звуковую форму слова на новую, остранный, не встречавшуюся, и считал, что называя лилию «еуы», возвратит запятнанному слову первичную чистоту и свежесть. Для Ахматовой роза не была ни символом, ни предлогом для освобождения экспрессии. Роза была для нее, как и для Мандельштама, реальным цветком. <...> Таким образом, когда я говорю — роза Ахматовой, я имею в виду прежде всего указанные выше поэтические принципы, которым великая русская поэтесса осталась верна на протяжении всей своей творческой деятельности. Ее дебют показал, что преданность миру видимому стала главным и ненарушимым заветом акмеизма. <...> Молодая советская поэзия, которая приобрела большую популярность в нашей стране, очень многим обязана Ахматовой. Так ее акмеистическая роза пережила все возможные оскорбления и вновь расцвела. О ней можно сказать словами Уолтера де ла Мара:

О, никто не знает,
Сквозь какие дикие времена,
Блуждая, возвращается эта роза.

Поэтому не удивительно, что одно из последних стихотворений великой поэтессы посвящено королеве цветов:

Все возьми, но этой розы алой
Дай мне свежесть снова ощутить.

Ибо многим, действительно очень многим обязана Ахматова своей акмеистической розе. И болью, и страданием, и непреходящим величием²⁸.

Но то в Польше, а для советского цензора и редактора 1962 года главным была не роза, а костер сорок шестого, ведь ранее опытная С.Г. Караганова уже отвела из этой подборки монолог Дидоны за строчку

«Я тогда отделилась костром»²⁹.

Бестактность была и в глухом напоминании о пятилетках остракизма («О своем я уже не заплачу»), и, может быть, если цензор был внимателен и сообразителен, то и в подступившей несвоевременности строчек —

Здесь не Темник, не Шуя —
Город парков и зал,
Но тебя опишу я,
Как свой Витебск — Шагал³⁰,

где можно было увидеть и концлагерь Темники, и предателя-сиониста-формалиста³¹:

26-го [января 1963 г.] был Костя Богатырев. Говорил о моих стихах в «Новом мире». Про «Оду»: «Курьезно, что пришлось как раз — и Шагал (левое искусство и еврейский вопрос)» (С. 297)³².

По обычному для ахматовской биографии закону временных совпадений, именно в эти дни Шагал передал Хрущеву через Евтушенко свою «Автобиографию»³³, но помощник Хрущева по культуре В.С. Лебедев отказался показывать шефу летающих евреев³⁴.

Имя одного из ярчайших художников своего поколения³⁵ Ахматова вставила потом в воспоминания о Модильяни — «Шагал уже привез в Париж свой волшебный Витебск» (С. 436, 442). Это бессменное посмешище для глашатаев советской эстетики³⁶, может быть, имело право войти в состав-

лявшийся несколько раз многозначительный список ахматовских ровесников³⁷.

Сближение обладало эффектом неожиданности. Публика привыкла рядом с ахматовским именем видеть имена художников другого склада — одно из них было подсказано поэтом, возведенным в ранг арбитра социалистического изящества³⁸, может быть, добавив Ахматовой причин для отталкивания от навязанного соседа³⁹.

Одним из толчков ахматовской декларации солидарности с витеблянином могло быть совпадение шагаловской формулировки с тем, что неоднократно подчеркивала Ахматова⁴⁰ — из его интервью 1960 года она выписала фразу: «Стихотворение не решают написать. Оно пишется само»⁴¹. У Шагала за этим стоял опыт собственного раннего стихотворчества⁴².

Другим толчком к этим строкам, возможно, послужило соседство репродукции картины Шагала «Свечи» с кратким рассказом о ранней Ахматовой в итальянской истории всемирной литературы⁴³. Поэтическая смелость «Царскосельской оды», в которой описывалось «Царское, до-версальское, до-растреллиевское»⁴⁴, заключалась в соединении гротескного мифотворчества витебского фантаста⁴⁵ и наивного реализма пушкинского «Городка». Последний был когда-то высвечен И.Ф. Анненским в услышанной Аней Горенко в детстве⁴⁶ публичной речи:

...он вспоминает свои первые впечатления от Царского Села:

Живу я в городке,
 Безвестностью счастливым.
 Я нанял светлый дом
 С диваном, с камельком;
 Три комнатки простые —
 В них золота, бронзы нет,
 И ткани выписные
 Не кроют их паркет.
 Окошки в сад веселый,
 Где липы престарелы
 С черемухой цветут;

Где мне в часы полдневны
 Березок своды темны
 Прохладну сень дают;
 Где ландыш белоснежный
 Сплелся с фиалкой нежной,
 И быстрый ручеек,
 В струях неся цветок,
 Невидимый для взора,
 Лепечет у забора.

Далее в той же пьесе поэт описывает и озеро, которое поразило его детское воображение: там

...лебедь белоснежный,
 Оставя знак прибрежный,
 Любви и неги полн,
 С подругою своею,
 Закинув гордо шею,
 Плывет во злате волн.

Вы видите, что форма стиха еще слаба; рифма условна и иногда изменяет; а самое подражание Батюшкову мешает свободной художественной передаче впечатлений, но разве вы не чувствуете уже правдивого пушкинского колорита на этих маленьких уютных домиках, Бог весть откуда журчащих ручейках, великолепном озере с лебедями и старых, тенистых зарослях садов за ветхими заборами?⁴⁷

А непригодность другого стихотворения из подборки цензор еще больше оценил бы, знай он его текстологический провенанс. Напечатанный в «Новом мире» обломок четырехстрочного стихотворения

Кого когда-то называли люди
 Царем в насмешку, Богом в самом деле,
 Кто был убит — и чье орудье пытки
 Согрето теплотой моей груди.
 Вкусили смерть свидетели Христовы⁴⁸,
 И сплетницы-старухи, и солдаты,
 И прокуратор Рима — все прошли
 Там, где когда-то возвышалась арка,

Где море билось, где чернел утес,
 Их выпили в вине, вдохнули с пылью жаркой
 И с запахом бессмертных роз.
 Ржавеет золото и истлевает сталь,
 Крошится мрамор — к смерти все готово.
 Всего прочнее на земле печаль
 И долговечней — царственное слово⁴⁹

невзначай иллюстрировал содержащийся в этом стихотворении мотив исчезающей архитектуры.

А этот мотив прочности слова среди мирового тления и крошева может перекликаться с мотивом Дома Поэта, уцелевшего после сожжения города, как в стихотворении «Александр у Фив», которое она писала в конце 1961 года в гаванской больнице:

Наверно, страшен был и грозен юный царь,
 Когда он произнес: «Ты уничтожишь Фивы».
 И старый вождь узрел тот город горделивый,
 Каким он знал его еще когда-то встарь.
 Все, все огню. Все царь перечислял
 Театры и мосты, и храмы — чудо света,
 Но вдруг задумался и, просветлев, сказал:
 «Ты только присмотри, чтоб цел был Дом Поэта»
 (С. 172).

Обломок ахматовского стихотворения невольно сам стал памятником подцензурного семидесятилетия — памятником в форме руины. Чтобы понять, чье именно царственное слово (отгадка: того, кого называли царем в насмешку⁵⁰) долговечней стали (вслед за Маяковским не раз зарифмованной с создателем и объектом культа личности), золота и мрамора, цензору нужно было знать логику ахматовской архитектоники, в которой «крест» («орудье пытки» неназванного героя стихотворения) часто венчает стихотворение⁵¹. Без всего этого оставшийся после четвертования обрубок выглядел сотой или тысячной, слегка «парнасской»⁵² вариацией горациева «Памятника»:

Ржавеет золото и истлевают сталь,
Крошится мрамор — к смерти все готово.
Всего прочнее на земле печаль
И долговечней — царственное слово.

Отколовшееся заключительное четверостишие прикинулось «светским»⁵³. Автоцензурное усеменение таким образом усилило ту черту ахматовской поэтики, о которой говорил Корней Чуковский в сокращенном им при печати фрагменте своей знаменитой статьи:

Боюсь, что я преувеличил и слишком подчеркнул те тексты, которые у Ахматовой еле заметны. Ее религиозность — невидимая, таящаяся, спрятанная среди глубоких подземных корней, которые питают ее лирику.

Впрочем, и «парнасства» было достаточно для читателей, российских и зарубежных, ждавших любого дуновения несоветскости:

Мы ошибемся, если примем вовлеченность советских интеллигентов в политическую жизнь страны за искреннюю приверженность к политике как таковой. Они вовлечены в политику не потому, что им этого хочется, а потому что система, в которой они живут, истолковывает любую деятельность в политических категориях. При ленинском режиме желание не ввязываться в политику было само по себе выражением определенного политического настроения. И таковым по сути дела оно становится сейчас. Декларировать в Советском Союзе, что писатель и художник имеет право на творческую свободу, значит ограничить пределы компетенции государства. Действительно, всякий раз, как советский художник пишет абстрактную картину или советский поэт, такой как Анна Ахматова, печатает стихотворение вроде: «Ржавеет золото и истлевают сталь...», мы являемся свидетелями провозглашения концепции в полном смысле этого слова. Но это происходит благодаря особой природе советской политической системы, а не по желанию творца. В конечном итоге не так важна причина, по которой системе брошен вызов;

но существенно иметь в виду мотивы, движущие современным советским интеллигентом. В обильной сегодняшней литературной продукции мы не найдем внятных политических заявлений, и это не только потому, что цензура пресекает выражение их; прежде всего, это потому, что стоящее за этим отношение в целом антиполитично. Коротко сказать: когда-то интеллигент пытался изменить и общество, и государство, теперь он пытается отдалиться от них⁵⁴.

Ответом на этот тезис стало появление «Реквиема» год спустя, о чем письмом в редакцию по поводу статьи Р. Пайпса тогда и сообщил невозвращенец Александр Дольберг:

«Реквием» отрывто политичен. Она назначила себя оратором от имени немых миллионов заключенных и выразила с непередаваемой силой ужас и трагедию террора⁵⁵.

Дни, последовавшие после записи цензорского мнения о цензурной непригодности, вообще предполагали повышенную бдительность людей этой профессии⁵⁶. 17 декабря Л.Ф. Ильичев, секретарь ЦК, в Доме приемов на Ленинских горах сказал т.н. советской художественной интеллигенции:

Если мы под видом критики последствий культа личности будем бить по нашему обществу, нашей идеологии, мы не создадим великое искусство коммунизма, а растеряем то, что приобрели⁵⁷.

И через неделю продолжал:

Никита Сергеевич предупреждал, что нельзя превращать тему злоупотреблений и произвола в сенсацию. Вопрос о лагерях — очень острая тема и очень тяжелый материал. Кто меньше чувствует ответственность за наше сегодня, заметил Никита Сергеевич, тот с особой жадностью набрасывается на это. Жареное хотят показать. А кого хотят ублажать?⁵⁸

Секретарь придерживался проверенных временем мнений. Вскоре он беседовал с канадским послом:

К моему удивлению, Ильичев сказал, что знает, что я опубликовал новую книгу стихов (*The Solitary City*), хотя он ее и не видел (в любом случае он не знал английского). Он заявил, что его это заинтересовало потому, что он любит поэзию, а еще из-за моих переводов русских поэтов. Я ожидал его критики по поводу моего выбора из современных поэтов, но он, напротив, похвалил Евтушенко и Вознесенского, заметив только, что стихи последнего «сложные».

«Некоторые другие, однако, как Кирсанов, Окуджава и Ахмадулина, по моему мнению, очень неровные, — продолжал он. — И я не могу согласиться с западными критиками, что Ахматова великий поэт, она пишет “камерные стихотворения” и вряд ли о ней стоит так печься» («barely worth bothering about»).

Я сказал, что на Западе Ахматову считают великим лирическим поэтом, да и в каждой стране, где читают по-русски, включая его собственную, но это дело вкуса. Есть и другие русские поэты, которых я не переводил, такие, как Твардовский, которых я признаю хорошими поэтами, но не имею личного влечения. Он сказал, что ему лично Твардовский нравится.

Я сказал, что удивлен такому признанию ввиду «либеральных» взглядов Твардовского. Ильичев допустил, что является «консерватором», но это не мешает ему любить творчество этого человека⁵⁹.

Затем в том же Доме приемов просвещенный Шелепиным сам первый секретарь путано проговорил что-то про шифрограммы (это обвинение было знакомо Ахматовой по 1946 году⁶⁰):

У нас художники — они как шпионы... Сами нарисуют, а потом не понимают, что нарисовали. Зашифровали, значит, так... И они вместе собираются... капелька по капельке... как поток целый. Говорят, что они наши друзья. У нас таких друзей... Берия, Ежов, Ягода — все это ягоды одного поля... Поэтому надо следить... орган иметь. Меч нашего социалистического государства должен быть острым. <...> Вот мы недавно отмечали пятьсот лет со дня рождения этого художника — Леонардо да Винчи⁶¹. Политбюро приняло постановление, чтобы пятьсот лет отметить.

Срок немалый, потому что художник его заслужил. Вы на его картины посмотрите... он итальянец, я не был в Италии, а смотрю — и все понятно. Почему? Потому что с душой рисовал. А у нас...⁶²

24 декабря на заседании Идеологической комиссии ЦК КПСС с участием молодых творческих работников разыгрывались па из подзабытой хореографии 1946–1949 годов, и Е.А. Евтушенко, прозванный в эти дни «левым полусредним»⁶³, метал гроздь гнева:

Есть подонки, есть подонки вроде Есенина-Вольпина, сочинившего эту грязную отвратительную книжечку. После того, как мне подсунули под дверь в Лондоне эту книжку, я смыл руки мылом, и мне все казалось, что исходит гнилостный запах от этой книжки. Есть подонки, привлекающие к себе иногда глупых, заблуждающихся парней, которые издают книжки вроде «Синтаксиса», «Коктейля» <...> Но не они определяют подлинное лицо нашей молодежи. Не они!⁶⁴

Евтушенко таким способом отыгрывал надвинувшуюся на него атаку за стихотворение «Бабий яр»⁶⁵, которая отскоком попадала и в Шостаковича, положившего это и другие стихотворения Евтушенко в основу своей новой симфонии. Премьера ее состоялась 18 и 20 декабря:

Первое исполнение 13-й симфонии Шостаковича было воспринято не как очередное произведение композитора, а как общественно-политическое событие. И в первую очередь из-за «Бабьего Яра», прозвучавшего благодаря, как всегда, не столько пронзительной, сколько пронзающей музыке автора, как набат. Переполненный зал слушал, затаив дыхание, среди публики мелькали лица, никогда прежде в Консерватории не появлявшиеся, Шостаковича и Евтушенко вызывали без конца. А я поймала себя на мысли (как оказалось, не я одна, а очень многие), что после концерта и авторов, и исполнителей, и слушателей посадят в воронки и прямо из Консерватории препроводят на Лубянку, — это к тому, как трудно менялась психология, — сейчас это пока-

жется смешным, в особенности тем, кто не «был рожден в года глухие» и не были детьми страшных лет России (впрочем, когда они были и продолжают быть не страшными), но ничего не напишешь, — такое было время⁶⁶.

22 декабря Мария Юдина писала композитору:

Полагаю, что я могу сказать Спасибо и от покойных Пастернака, Заболоцкого, *бесчисленных* моих друзей, от замученных Мейерхольда, Михоэлса, Карсавина, Мандельштама, от безымянных сотен тысяч «Иванов Денисовичей», *всех не счесть*, о коих Пастернак сказал — «замученных живьем» — Вы сами все знаете, все они живут в Вас, все мы сгораем в страницах этой Партитуры, Вы одарили ею нас, своих современников — для грядущих поколений...⁶⁷

Премьере всячески препятствовали, а в единственном печатном отклике Шостакович неназванный был представлен намеком на Сталинское именование покойного соавтора композитора — Маяковского:

Некоторые деятели искусств под флагом борьбы с культом личности начали копать в мусорных ямах на заднем дворе нашей жизни и не хотят видеть, что происходит на магистральных линиях ее развития. Обиднее всего, когда это происходит с большими по форме и замыслу произведениями крупнейших, талантливейших мастеров, чей голос весьма авторитетен в профессиональной среде, чье творчество давно любимо широкой аудиторией. То, что выглядит частным штрихом в малых формах, в больших многочастных сочинениях приобретает черты типизированного обобщения, и если, скажем, композитор создал симфонию о нашей действительности, построенную преимущественно на мрачных, зловещих, саркастически-пародийных или слезливо-пессимистических образах, то, хочет того автор или не хочет, объективно получается очернение жизни, смещенно-искаженное видение ее⁶⁸.

В день появления этой статьи посетитель записал:

25 декабря 62

(Католическое рождество, сказала Анна Андр.)

Анна Андр. полна неясных и темных предчувствий. Кто знает, как пойдут дела... «Я боюсь, что теперь я снова буду эпицентром землетрясения. Ну, может быть, где-нибудь рядышком потрясусь...» Мне кажется, что эти опасения — «ведь со мной ничего хорошего не бывает!» — усугублены странным отношением к Шостаковичу: «Ведь он признанный и много раз проверенный гений!»⁶⁹

27 декабря 1962 года цензор «Нового мира» зафиксировал, что «по указанию тов. Аветисяна»⁷⁰ оформлены к печати, в числе прочих, два рассказа Солженицына и стихи А. Ахматовой», и в тот же день в новогоднем поздравлении А.И. Солженицын, получивший верстку, сообщил Ахматовой, как с удовольствием обнаружил, что они оказались по соседству (№ 1001).

Публикация в «Новом мире» проскочила, но обстановка в издательствах резко изменилась. Случайная и нелепая похвала отрывку из «Решки», напечатанному в «Дне поэзии» 1962 года, уже ничего не значила⁷¹, отмена ждановского постановления не состоялась.

16 декабря 1962 г. Ан. Андр. сказала, что пресловутое постановление 46 года отменять не будут... «Но мне это все равно. Я понимаю. Им это <ее стихи Г.Г.> не нравятся, а они хозяйва положения. Мое отношение к Хрущеву это никак не изменит. Я — партии Хрущева»⁷².

Против был Поликарпов: это было и его постановление, он его тоже сочинял, будучи секретарем Союза писателей в том старом, еще щербаковском смысле, комиссаром Союза, партийным руководителем при беспартийных, не понимающих своей пользы писателях... И Поликарпов тормозил продвижение проекта⁷³.

Показательным было и отречение Суркова от своей подписи под коллективным письмом писателей в поддержку «мирного сосуществования» разных направлений в искусстве⁷⁴. Уроки декабря изучал в новогоднем письме Ю.Г. Оксман:

К новому году опять похолодало, но не в пример прежним заморозкам настроение остается хорошим, — никто не верит ни в Ильичева, ни в Пономарева, ни в нео-ермиловых, ни в староганисимовых и Самариных. Даже в ложь Серова и Кацмана никто не верит...

А К. Чуковский ему отвечал:

Названные вами двуногие — даже не тени, а тени теней, и все же нет никакого сомнения, что вскоре они развернутся во всю и повторят панораму *1863 года*⁷⁵.

Люди, окружавшие Ахматову, в эти дни предавались обычной советской форме библиомантии — гаданию по свежей газете. 16 января 1963 года Н.Я. Мандельштам сообщала из Пскова в Воронеж Наталье Штемпель:

Сейчас мне все пишут про всякие бурления и волнения. Интересно, как отразится все это на издании Оси. Кто он — абстракционист или борец против культа личности? Есть обе тенденции. Прокофьев считает, что абстракционист, а Сурков — второе. Посмотрим⁷⁶.

Таким же гаданием занималась и Ахматова. Читая директивную статью против «левого искусства», она набрела на абзац —

В числе портретов, любовно созданных И. Эренбургом, есть портреты людей, простое упоминание имен которых уже вызывает у читателя особенное чувство и тяжелой скорби, горечи за их судьбу <sic!> и любви к этим людям. Речь идет о художниках, безвинно погибших в период культа личности Сталина, — И. Бабеле, В. Мейерхольде, Т. Табидзе, П. Яшвили, П. Маркише, О. Мандельштаме⁷⁷.

и сказала:

Это большой праздник для нас — вот этот абзац, где разговор идет о П. Маркише, Бабеле, Табидзе, Яшвили и О. Мандельштаме!⁷⁸

Но при этом

...из «Знамени» насчет «Поэмы» и предисловия Корнея Ивановича ответа нет, нет и нет. Кожевников «читает»... — Вы понимаете, — сказала Анна Андреевна, — читает вовсе не он. Он испугался и послал «Поэму» наверх... Сейчас очень легко стать эпицентром землетрясения. Всюду ищут излишние сложности, выискивают какие-то злокозненные намеки. Я очень боюсь за Осипа⁷⁹.

А затем в соответствии с новой погодой в январе 1963 года сотрудник редакции «Знамени» Станислав Куняев прислал письмо:

К моему большому сожалению я вынужден возвратить Вам Вашу поэму. Я не делал этого до сих пор, пока были какие-то шансы на опубликование поэмы. Но сейчас главный редактор просил сообщить Вам о том, что после напечатанья цикла Ваших стихов едва ли удастся (№ 1647)⁸⁰.

Однако в середине января она все же попросила С. Караганову приехать на Ордынку и протянула «Реквием»: «Прочтите здесь, у меня, и скажите свое мнение — может ли “Новый мир” напечатать это?» Караганова сказала, что “Новый мир” — самое невероятное место, где он может быть опубликован», но попросила разрешения показать Твардовскому.

«Покажите Твардовскому, обещайте не снимать копии и тут же верните мой экземпляр». Тот долго молчал после чтения. «Мы могли бы попытаться напечатать отдельные части. Но все — не сможем. Вряд ли это устроит Ахматову»⁸¹

Потерпела неудачу еще одна затея. Евгений Винокуров (заметим проходя, что к поздним сочинениям Ахматовой он относился прохладно⁸²) взял ее стихи⁸³ в новую газету российского Союза писателей «Литературная Россия», выходявшую с 1 января 1963 года. Газета, сменившая «Литературу и жизнь», возглавлялась критиком К. Поздняевым. Либеральные лите-

раторы опасались, что новый орган будет проводником обскурантистской линии предшественника⁸⁴. Д. Данин, вошедший в редколлегию, убеждал единомышленников: «Все-таки нужно иметь в редколлегии кого-то из своих». Либеральная фракция редколлегии была ведома заместителем редактора К. Симоновым и включала в себя А. Борщаговского, Л. Касиля⁸⁵, в другую фракцию входили Е. Исаев, В. Закруткин, Николай Рыленков⁸⁶ («последний, правда, почти не появлялся на заседаниях, оставаясь в Смоленске»⁸⁷). К либеральной принадлежал и Е. Винокуров. Зимой 1963 года

произошла смена в руководстве Московской писательской организации, а там дело доехало и до «Литературной России». В МК партии состоялось собрание, где воистину с юношеской страстью выступил доселе бестемпераментный, сидевший на двух стульях Поздняев.

— Один хромой верблюд может испортить путь целому каравану! В моей редколлегии слишком много хромых верблюдов...

<...> Первым вышел Симонов⁸⁸.

Определившийся редактор, «изворотливый, бесстыдный и осмотрительный»⁸⁹, одарил Ахматову пренебрежительной запиской, которую она передала молодому другу как документ ее литературной биографии в шестидесятые годы:

22 февраля 1963 года. Уважаемая Анна Андреевна, по Вашей просьбе возвращаю Вам стихи, переданные в редакцию Е. Винокурову. Главный редактор К. Поздняев⁹⁰.

Тем не менее «план по Ахматовой» газетой был выполнен. В ней появилась, хоть и не сразу — предполагалась 18 января (С. 224), вышла 1 февраля — статья Льва Озерова, за судьбой которой ее героиня следила. Запись от 7 сентября 1962 года:

Просить Озерова показать Нине [Ольшевской], что он обо мне написал. (Не травмируя его — он очень обидчивый) (С. 248).

А когда статья появилась, зафиксировала:

Прошло около сорока лет с тех пор, как я читала о себе [самую] обыкновенную критическую статью (С. 302).

Представляется, что зимой 1963 года прошелестело по редакциям мнение о несвоевременности выдвижения Ахматовой. Возможно, что оно было связано и с поданным 14 января 1963 года на самые верха отчетом советника посольства в Париже о тамошних выступлениях К. Паустовского:

Получалось, что магистральная линия это — Бабель, Пастернак, Ахматова⁹¹.

Не увидело света ахматовское интервью, данное М.Н. Долгополову 8 февраля⁹². Осторожный В.Н. Орлов забраковал в рукописи сборника Е.Г. Полонской стихотворение об Ахматовой за чрезмерную апологию:

Мы Вас любили, мальчики и девочки,
 Нам дорог был Ваш профиль горбоносый,
 И все усмешечки, и все припевочки,
 И юбка узкая, и шаль на косах.

Мы Вас читали, юную и гневную,
 И подражать мы Вам во всем старались,
 Вы были Шамаханскою царевною,
 Но не всегда стихи нам удавались.

Пришла беда, пришла беда неожиданная,
 И тот, кто обещал Вам шкуру барсову,
 Пропал навек, судьбой застигнут странною
 И вы шагаете по полю Марсову.

В потертых туфельках неколебимая,
 Вы,— первая, последняя державная,
 Вы и сейчас для нас всегда любимая
 Стихов российских муза славная⁹³.

Проходившая в это время в издательстве «Советский писатель» рукопись сборника «Бег времени» тем более зави-

села от траектории передвижения этого мнения. Ахматова сказала:

«Сейчас перспектив на издание книги пока нет»⁹⁴.

Видимо, мнение было доведено и до Евгении Книпович, некогда, как и автор «Поэмы без героя», носившей черные агаты (что в начале века сулило долголетие)⁹⁵, уже волнуя Блока⁹⁶, а в эти годы — негласной начальницы над Лесючевским⁹⁷. Книпович написала «ругательную» внутреннюю рецензию на рукопись ахматовской книги (С. 29):

...слишком много смерти, так сказать, без воскресения, а также предсмертной истомы, надписей на могильных камнях, ужаса перед «бегом времени», который только гонит к могиле. Этот, я бы сказала, «бескрылый» (хотя и субъективно вполне искренний и реальный) трагизм тянет вниз то общее и высокое, что есть в других разделах сборника <...> Пусть автор простит мою дерзость, но три посвящения Б. Пастернаку идут «мимо сути», и все было не так, и трагедия художника была не та. И в стихах 30-х годов есть стихотворения, в которых обобщение в том, где автор хочет стать «голосом народа», не под силу поэту. И последнее — когда я читала «Триптих», у меня было ощущение, что это писал совсем другой поэт, а не тот, чью книгу я только что с волнением перелистывала. «Прошлое» в ней такое узкое, так «бескрыло» привязанное к определенным годам и к определенной среде, что читать ее, особенно человеку такого возраста, как мой, — очень горько. Я знаю то, о чем говорит поэт, по рассказам друзей и, прежде всего, А.А. Блока, но даже не в этом дело, а в том, что это прошлое, увиденное прошлым взглядом и потому нужное только тем, кто хочет «заглядывать» назад⁹⁸.

Первыми в глаза рецензентке бросились трагические четверостишия, она заметила:

Я бы не начинала сборник с «Четверостиший», а отнесла бы их куда-то в середину.

Писавший следующую, уже сугубо положительную, внутреннюю рецензию —

Читатели первых сборников Анны Ахматовой «Вечер» и «Четки», вышедших незадолго до революции, никак не могли предугадать, какие мощные, трагедийные и вместе с тем жизнеутверждающие ноты впоследствии определят звучание ее строф.

В начале своей литературной деятельности Анна Ахматова принадлежала к группе акмеистов, выступавших против символистской отвлеченности и неопределенности, прокламировавших возвращение к пластическому образу, но остававшихся на почве идеалистических представлений о творчестве и жизни.

Трудно, да и бесполезно гадать о том, как сложилась бы творческая биография Ахматовой, если бы она не принадлежала к поколению поэтов, встретившихся с войной и революцией. Старший современник Ахматовой — Александр Блок в те годы уже ясно различал, «какие огненные дали» открываются зорким, пытливым взором. Владимир Маяковский звал, торопил пришествие революции. Зарницы надвигающихся бурь проблескивали и в стихах Валерия Брюсова, Андрея Белого и других поэтов, учившихся слушать время, понимать его требования. И вскоре новые — строгие и резкие — интонации стали слышны и в стихе Анны Ахматовой, еще недавно безмятежно отражавшем, словно в водном зеркале тихого пруда, дорогие сердцу поэта предметы и чувства.

Ахматовой предстояло пройти через суровые испытания, и она выдержала их, ее голос окреп, налился прежде не свойственной ему мощью, уверенностью.

Это превращение совершалось постепенно, шаг за шагом, и было именно поэтому глубинным и бесповоротным, —

критик И. Гринберг, о котором, правда, «знали, что он пишет только положительные рецензии, и поэтому не верили его оценкам и тогда, когда они были справедливы»⁹⁹, вынужден был оговаривать:

...четверостишия, в которых упоминается *ужас бега времени* или объявляется, что стихи «были горечью и ложью, а утешением никогда», воспринимаются как обмолвка, находящаяся в прямом противоречии с общим обликом книги (№ 1721).

На фоне временного публикационного карантина приятным курьезом было появление в западносибирской многотиражке¹⁰⁰ предвоенного стихотворения, давно ходившего по рукам¹⁰¹, добредшего и до землянки на Курской дуге¹⁰², и до исправительно-трудовых лагерей¹⁰³, и до эмиграции¹⁰⁴, но постоянно выпадавшего в последний момент из всех советских публикаций¹⁰⁵.

Правда, в эти дни имена двух соискателей Нобелевской премии мелькнули в романе Фриды Вигдоровой «Семейное счастье» в сцене из быта молодых журналистов:

У Саше очень длинный счет: зачем выругали «Далекие годы» Паустовского? Что худого в стихах Ахматовой? То и дело они спорили до хрипоты.

— Я не могу убиваться из-за того, что выругали Ахматову или Паустовского, — говорил Поливанов. — Это несправедливо, согласен, но это второстепенно, понимаете? Меня гораздо больше волнует то, что делается в сельском хозяйстве, я вот только-только приехал из Сибири и могу сказать, что...

— Ты говоришь о литературе так, как будто она — сладкое на обед, третье блюдо. А литература это тоже пища...

Саше очень хотелось сказать: «Пища для души», но она знает, что в ответ посыплются насмешки, упреки в сентиментальности, книжности и еще всяко¹⁰⁶.

В другой раз в эти дни девиз Ахматовой, вызывавший ранее негодование у тт. из Отдела пропаганды ЦК

Стихотворений с революционной и советской тематикой, о людях социализма в сборнике нет. Все это прошло мимо Ахматовой и «не заслужило» ее внимания. Издатели не разобрались в стихах Ахматовой, которая сама в 1940 году дала такое замечание о своих стихах:

«...В стихах все быть должно некстати,
Не так, как у людей.
Когда б вы знали, из какого сора
Растут стихи, не ведая стыда...»

Два источника рожают стихотворный сор Ахматовой и им посвящена ее «поэзия»: бог и «свободная» любовь, а «художественные» образы для этого заимствуются из церковной литературы¹⁰⁷.

и у склонного к ханжеству философа:

...первая задача настоящего поэта *углублять и оживлять свое сердце*; вторая — *растить, очищать и облагораживать свой духовный опыт*. Это и есть путь к великой поэзии.

Но надо помнить, что из скудности и праха повседневной жизни, из безответственности и тщеславия декадентства — вырастает только дурная поэзия. Невольно вспоминаются развязные строчки Анны Ахматовой:

Когда б вы знали, из какого сора
Растут стихи, *не ведая стыда*.

Конечно, бывает и так, но только это будет *сорная и бесстыдная* поэзия. Возможно, что именно такая поэзия и «нравится» кому-нибудь. Нашлась же недавно в эмигрантском журнальчике «Грани» какая-то Тарасова, которая написала революционную (!) апологию (защиту, прославление) безобразнейшему из хулиганов-рифмачей нашего времени Маяковскому, которого мы все знали в России как бесстыдного орангутанга задолго до революции, и гнусные строчки которого вызывали в нас стыд и отвращение¹⁰⁸.

стал аргументом в пререканиях «шестидесятнической» литературы с тогдашними «догматиками»:

Материал — это глина, из которой можно лепить что угодно и как угодно. Количество глины тоже не имеет значения. Ее может быть очень много, но произведение выйдет жалким и ее может быть ничтожно мало, невероятно мало, почти ничего — и из этого «ничего» возникает великое. Чехов шутил говорил, что он может написать рассказ решительно обо всем, хоть о пепельнице. Свифт говорил то же самое и на спор написал сочинение о метле. Примеры можно продолжить: Андерсен, Мопассан, Бунин и многие другие ткали удивительные полотна из совер-

шеннейшего «ничего». А Хемингуэй, написавший о кошке под дождем! Есть такие строчки у Ахматовой:

Когда б вы знали, из какого сора
 Растут стихи, не ведая стыда,
 Как этот <sic!> одуванчик у забора,
 Как лопухи и лебеда...¹⁰⁹

Ахматова, как это может заметить читатель ее блокнотов, фиксировала все замеченные ею упоминания своего имени в советской печати. По кривой индекса цитируемости она старалась угадать свое сегодняшнее положение. Сергею Риттенбергу она говорила:

Тех, кто меня травили, теперь уже нет в живых. А эти, — имея в виду теперешних, — мне ничего худого не сделали. Они только хотят, чтобы обо мне как можно меньше говорили. И со своей точки зрения они совершенно правы. Я их понимаю.

Но не считая новокузнецкого раритета, единственной публикацией из намеченных на начало 1963 года осталась новомирская, сравнительно насыщенная. Не прошло барьер только одно стихотворение:

Если б все, кто помощи душевной
 У меня просил на этом свете, —
 Все юродивые и немые,
 Брошенные жены и калеки,
 Каторжники и самоубийцы, —
 Мне прислали по одной копейке,
 Стала б я «богаче всех в Египте»,
 Как говаривал Кузмин покойный...
 Но они не слали мне копейки,
 А со мной своей делились силой,
 И я стала всех сильнее на свете —
 Так что даже *это* мне не трудно¹¹⁰.

Контрапунктически вьется за ним музыка «Александрийских песен»:

Если б я был ловким вором,
 обокрал бы я гробницу Менкаура,
 продал бы камни александрийским евреям,
 накупил бы земель и мельниц —
 и стал бы
 богаче всех живущих в Египте.

Зимой 1961 года Ахматова показала это стихотворение Андрею Сергееву как пример разительного совпадения с при-
 сланным ей незадолго до того его мадригалом¹¹¹:

... Что друзей и врагов опека,
 Раз наградой за верный стих
 Поданная старушкой копейка,
 Легшая за святое святых.

Ахматова сказала об этом стихотворении А.Н. Болдыреву 12 апреля 1961 года, что оно

возникло под влиянием писем от двух каторжников из «отдаленных мест»¹¹².

Стихи 5-й и 8-й представляли наибольшее затруднение для публикации. Сочетание Ахматовой и Кузьмина¹¹³ возможно было только в бранных контекстах¹¹⁴, из коих наиболее прославленным был доклад Жданова:

Это так же удивительно и противоестественно, как если бы кто-либо сейчас стал переиздавать произведения Мережковского, Вячеслава Иванова, Михаила Кузьмина <sic!>, Андрея Белого, Зинаиды Гиппиус, Федора Сологуба, Зиновьевой-Аннибал и т.д. и т.п., т.е. всех тех, кого наша передовая общественность и литература всегда считали представителями реакционного мракобесия и ренегатства в политике и искусстве.

«Каторжники» могли бы еще быть списаны на дореволюционную часть биографии Ахматовой (и кстати говоря, можно было бы даже найти этому отдаленные биографические

обоснования¹¹⁵), но «самоубийцы» слишком напоминали об опасениях августа 1946 года:

Я вас уверяю, что такого рода представительниц поэзии нельзя пускать в советский огород, потому что некоторые девушки будут кончать самоубийством. А кто будет отвечать?¹¹⁶

Ахматовская подборка, к обоюдному удовольствию обоих авторов, соседствовала с солженицынскими рассказами¹¹⁷, в которых невозможно было не уловить иноприродность, принадлежность к другой, несегодняшней культуре — к русской классике, что и отметили недоброжелатели журнала (с обычными в таких случаях демагогическими заклинаниями)¹¹⁸:

«Матренин двор» убедил нас в том, что герой А. Солженицына «растет», но, к сожалению, совсем не в ту сторону. Жестокий регламент отвлеченной концепции дал себя знать здесь весьма ощутимо. Совершенно мрачен стал фон, окружающий жизнь Матрены, но все более светлеет она сама, светлеет каким-то неземным, нездешним светом. Труд возвеличивал Ивана Денисовича. Матрена же «велика», по А. Солженицыну, не чем иным как... страданием. Но это уже «величие» не столько по А. Солженицыну, сколько по... Ф.М. Достоевскому! Ведь это он, выражая одну из реакционных сторон своего мировоззрения, писал в 1873 году в «Дневнике писателя»: «...самая главная, самая коренная духовная потребность русского народа есть потребность страдания, всегдашнего и неутолимого, везде и во всем. Этой жаждою страдания он, кажется, заражен искони веков. Страдальческая струя проходит через всю его историю, не от внешних только несчастий и бедствий, а бьет ключом из самого сердца народного». Да, «страдальческая струя», к сожалению, окрашивает и художническое мировосприятие А. Солженицына...¹¹⁹

В рассказе Ахматова оценила акмеистическую точность письма: брови, как два моста друг другу навстречу —

Все лицо его облегли густые черные волосы, почти не тронутые сединой: с черной окладистой бородой сливались усы густые,

черные, так что рот был виден едва; и непрерывные бакены черные, едва выказывая уши, поднимались к черным космам, свисавшим с темени; и еще широкие черные брови мостами были брошены друг другу навстречу.

скамьи и табуретки то живые, то мертвые —

Это было застывшее побоище — сгруженных табуреток и скамьи, пустых лежачих бутылок и одной неоконченной, стаканов, недоеденной селедки, лука и раскромсанного сала,

тараканы —

По ночам, когда Матрена уже спала, а я занимался за столом, — редкое быстрое шуршание мышей под обоями покрывалось слитным, единым, непрерывным, как далекий шум океана, шорохом тараканов за перегородкой. Но я свыкся с ним, ибо в нем не было ничего злого, в нем не было лжи. Шуршанье их — была их жизнь.

Она отметила кинематографический флэшбек, отсылающий и к Некрасовскому сну Дарьи, и к собственным стихам об июле 1914 года, тоже ведь, в свою очередь, выдержанным не в принятом тогда регистре¹²⁰ —

В то лето... ходили мы с ним в рощу сидеть, — прошептала она. — Тут роща была, где теперь конный двор, вырубил ее... Без малого не вышла, Игнатич. Война германская началась. Взяли Фаддея на войну.

Она уронила это — и вспыхнул передо мной голубой, белый и желтый июль четырнадцатого года: еще мирное небо, плывущие облака и народ, кипящий со спелым жнивом. Я представил их рядом: смоляного богатыря с косой через спину; ее, румяную, обнявшую сноп. И — песню, песню под небом, какие давно уже отстала деревня петь, да и не споешь при механизмах.

— Пошел он на войну — пропал... Три года затаилась я, ждала. И ни весточки, и ни косточки...

В рассказе Солженицына она наметила себе еще одного — в компанию Жанн, Дидон, Саломей¹²¹ — двойника: древнюю бабу, провожающую тех, кому бы жить и жить —

Но и сама эта старуха, намного старше здесь всех старух и как будто даже Матрене чужая вовсе, погодя некоторое время тоже плакала: — Ох ты, моя болезная! Ох ты, моя Васильевна! Ох, надоело мне вас провожать!

Номер журнала пошел по свету. 27 февраля 1963 года Фрэнклин Рив писал из Америки Ю. Оксману:

Только что получил январский номер «Нового мира» со стихотворениями Анны Ахматовой. Я хорошо помню, как она нам прочла «Последнюю розу» в Ленинграде в сентябре, как я потом «объяснял» стихотворение Роберту Фросту — и меня радует его появление в печати. Анна Андреевна действительно великий поэт¹²².

Как центральное в ахматовской подборке, вероятно, воспринималось стихотворение «Родная земля». Оно, как и почти все поздние ахматовские стихи, замыкало кольцом ее поэтическую дорогу, возвращая к мотивам эпохи «Вечера» («Я молчу. Молчу, готовая / Снова стать тобой, земля»¹²³), к кругу ключевых фраз начала века¹²⁴, к обрывкам антисимволистской полемики (американская славистка так и написала, что в стихотворении «Родная земля» абстракциям и мистицизму символистов противопоставлен непосредственный обыденный опыт¹²⁵):

Ты смертною не можешь сделать душу,
А мудрое согласие с землей
Я никогда и в мыслях не нарушу.

10-ые годы (С. 32).

Стихотворение «Родная земля», построенное как микрооратория со сменяющимися размерами, начало сочиняться в гаванской больнице после инфаркта:

В заветных ладанках не носим на груди,
 [О ней стихи навзрыд не слагаем]
 Стихи навзрыд о ней не слагаем,
 Она нам сон не бередит,
 Не кажется обетованным раем.

II

Не делаем ее в душе своей
 Предметом купли и продажи.
 Хвораю, бедствуя, немотствуя на ней,
 Мы про нее не вспоминаем даже.

III

[А] Да, для нас это грязь на калошах,
 [Это пыль на зубах]
 Да, и это хруст на зубах.
 Мы крошим и мельчим, громоздим и ворошим
 Этот бедный, ни в чем не замешанный прах.
 Мы ложимся в нее и становимся ею,
 Оттого и зовем так свободно — своею
 (С. 188).

Обнародовано стихотворение было в тот момент, когда титульный символ стал обозначать весьма чувствительную болевую точку. То, что недавно было полупроговорено вслух о советском прошлом, требовало сличения списков преступлений и благодеяний. Накапливавшаяся общественная эмоция прорвалась на печатные страницы стихотворением Юнны Мориц¹²⁶ «Памяти Тициана Табидзе»¹²⁷:

Война — тебе! Чума — тебе,
 Земля, где вывели на площадь
 Звезду, чтоб зарубить, как лошадь.

«Война — тебе! Чума — тебе!» — повторила Анна Андреевна
 <...>

Не знаю, понравились ли эти стихи Анне Андреевне, или просто заинтересовали ее как знамение времени, но она попро-

сила прочесть их в третий раз. <...> Я спросила у Анны Андреевны, согласна ли она с приговором, вынесенным нашей земле Юнной Мориц?

— Чума? Война? Приговор юридически обоснованный. Однако, говоря тем же юридическим языком, я сказала бы: «Виновна, но заслуживает снисхождения»¹²⁸.

В стихотворении «Родная земля» читатели могли прочесть не казенное, а народное прощение подсудимой¹²⁹, — видимо, это имел в виду молодой критик, говоря неизбежным в ту пору языком недомолвок и многозначительной невнятицы:

Оно может показаться непривычным по какой-то оголенной простоте и прямоте; у Анны Ахматовой не следует искать легких, упрощенных решений, дешевого оптимизма, подогретой восторженности, но с уверенностью можно сказать, что это стихи поэтессы, беседующей с современниками в 60-е годы¹³⁰.

Нашедшее немедленную поддержку у читателей в стране¹³¹, стихотворение раздражало многих эмигрантов; они отвечали стихами:

«О ней стихи навзрыд не сочиняем»
И в наших снах ее благословляем,
Но в ладанках не носим на груди.
Зачем? Она у нас — в сердцах,
Недосягаемый и драгоценный прах —
Тот, что не ждет нас впереди,
Когда в чужую землю ляжем,
Что нам не мачеха и не родная мать.
(А ваших слов о «Купле и продаже»,
признаться, не могу понять).

Болея и сгибаясь под тяжелой ношей,
Мы помним хруст в зубах ее песка,
И грязь, и снег на маленьких калошах...
Но мать отвергла нас и ныне далека.

А мы, рожденные и вскормленные ею,
Мы смеем звать ее, как вы, — своею¹³².

и прозой:

Если человека отлучить от родной земли, то эта земля перестанет для него быть «грязью на калосах», и он будет носить ее в заветных ладанках, а тот, кому не суждено лечь в родную землю, обычно завещает бросить в его могилу ком родной земли... Возможно, что для людей «бесслезных» это покажется излишней сентиментальностью, но... ведь и у Пушкина есть такие стихи:

И хоть бесчувственному телу
Равно повсюду истлевать,
Но ближе к милому пределу
Мне всё б хотелось почивать.

Сейчас об этом знаменитая поэтесса, по-видимому, забыла, но в 1942 году, когда она принуждена была покинуть любимый Петербург и уехать в Ташкент, она думала иначе:

И веселое слово «дома»
Никому теперь не знакомо.
Все в чужое глядят окно,
Кто в Ташкенте, кто в Нью-Йорке,
И изгнания воздух горький,
Как отравленное вино.
И жить, и умирать на чужбине нелегко¹³³.

Между оказавшимися рядом в журнальной подборке «Царскосельской одой» и «Родной землей», возможно, существует весьма тонкая внутренняя ассоциативная связь, пролегающая через навязчивый для Ахматовой мотив атомной катастрофы:

— Я помню, как в начале века у нас говорили, что в Царском Селе очень полезно жить, потому что там радиоактивная земля...¹³⁴

Из разговоров, строившихся вокруг откликов на две почти целиком прорвавшиеся подборки ахматовских стихов¹³⁵ и расширявшихся до охвата далеких горизонтов русской по-

эзии¹³⁶, возник последний большой ее цикл — «Полночные стихи». Возник он и из пересудов о тогдашнем конфликте власти с писателями, и из утомления от стихотворческого бума 1962 года, гула стихов над стадионами и притока поэтических новобранцев. В конце того года Ахматова сказала:

«Все пишут. Стоит грохот. Хочется тишины»¹³⁷.

В феврале 1963 года, в те дни, когда установившийся «хороший общественный вкус» включил ее в рекомендательный список хороших и разных¹³⁸, Ахматова начинает антистихотворческое стихотворение:

[Боже, все затрогано стихами]
 Все в Москве затрогано стихами,
 Рифмами проколото насквозь (С. 204).

В «Полночных стихах» поэзия отождествляется с тишиной¹³⁹.

Первое стихотворение цикла Ахматова назвала «Предвесенней элегией». Той весной метеорологическая метафора прозвучала из уст самого главы государства 7 марта 1963 года на встрече с писателями в Кремле:

Хрущев (перебивает): Нет, довольно. Можете сказать, что теперь уже не оттепель и не заморозки — а морозы. Да, для таких будут самые жестокие морозы. (Продолжительные аплодисменты.)¹⁴⁰

Погода, говорит, сейчас, к сожалению, плохая. Зима, промозгло так, не способствует она такой сердечности атмосферы. Ну ничего, поговорим зато серьезнее. Но вот следующую встречу мы намечаем провести в мае или июне, солнышко будет, деревья распустятся, травка — тогда уж мы встретимся по-сердечному, тогда разговор будет веселее. Но сейчас вот так приходится, позимнему¹⁴¹.

8 марта 1963 года Ахматова приехала после московской зимы в Комарово, отмечая, как каждый раз при таких возвращениях, встрече с местными соснами. Закручивается

новый виток ее отношений с молодыми поэтами-«аввакумовцами»¹⁴². 7 марта 1963 года Иосиф Бродский кончил «Большую элегию Джону Донну»:

Я помню один случай, когда я приехал к Ахматовой и я привез ей стихотворение «Большая элегия Джону Донну». И она мне сказала: «Вы не знаете, что вы сделали». <...> Но тут вот, с этого момента, я думаю, и началась моя более или менее профессиональная жизнь, с этой фразы ее¹⁴³.

9 марта 1963 года в Комарове Д. Бобышев записал свое стихотворение о четверке, посвященное Ахматовой «Еще дышцем трех и всемером...» (№ 556).

Однажды, когда мы с Бродским навестили Ахматову, речь зашла о последних стихотворениях Бобышева. Бродский по ходу разговора заметил: «У меня в стихах метафизика, а у Димы — совесть». Она повернулась ко мне и произнесла: «В них еще и поэзия, не так ли?»¹⁴⁴

Томас Венцлова запомнил ее слова:

«Поэты круга Бродского — одна школа, как были когда-то мы, акмеисты. Технический уровень у них у всех необычайно высок. Почти нет плохих стихов», часто говорила она¹⁴⁵.

В эти дни она говорит авторитетной в ленинградской писательской среде Вере Пановой об этой группе:

«Я многого ожидаю от них»¹⁴⁶.

Отчасти из разговоров с одним из них¹⁴⁷ рождается нарочито-загадочный по авторскому заданию, хоть и предлагающий квазиразгадки¹⁴⁸, цикл. Эмблемой для него, напетого странной тишиной, взяты заумные и одновременно «безыскусственные, за сердце хватающие», «простодушные»¹⁴⁹ куплеты Офелии о дне любящих — Валентиновом дне, и о покойнике в гробу. Шекспировская цитата сплетает любовь и смерть.

Незадолго до того, 20 февраля 1963 года она надписала Анатолию Найману книгу:

For nothing can be ill, if she be well.

Это начало пятого действия драмы, Ромео говорит:

How fares my Juliet? that I ask again;
For nothing can be ill, if she be well.

Balthasar

Then she is well, and nothing can be ill:
Her body sleeps in Capel's monument,
And her immortal part with angels lives.
I saw her laid low in her kindred's vault...¹⁵⁰

Накануне «Предвесенней элегии» глава СССР, помянул автора «Гамлета» и «Ромео и Джульетты», перепутав по дороге Шиллера и Шекспира:

Не пора ли и в театрах перестать водить на казнь несчастную шотландскую королеву? <...> Оставьте в покое шотландскую королеву! Велик был Шекспир — но в свое время! А вы дайте нам такое, что вызывает гнев или пафос труда¹⁵¹.

Сложив двух классиков, Никита Сергеевич невольно попал в лабиринт мыслей Ахматовой об отражениях королевы шотландцев в творениях великого барда¹⁵². Мы не знаем пока, дошли ли за три дня до Ахматовой слова, сказанные в Кремле, и может статься, что скорее мы имеем дело с той сферой, о которой она говорила словами Владимира Шилейко:

Область совпадений столь же огромна, как и область подражаний и заимствований

и о которой писала в очерке о Модильяни:

свойство угадывать мысли, видеть чужие сны и прочие мелочи, к которым знающие меня давно привыкли.

10 марта 1963 года она надписала на своей фотографии первую строфу¹⁵³ стихотворения сорокалетней давности (одной из двух ценных для лирических пьес¹⁵⁴ старшей поэтессы)¹⁵⁵:

Не разлучайся, пока ты жив,
 Ни ради горя, ни для игры.
 Любовь не стерпит, не отомстив,
 Любовь отнимет свои дары.

(З. Гиппиус)

Но любовь-смерть — лишь одна из граней призматического устройства «Полночных стихов», в которых всё отражается, как говорил И. Анненский, «трикраты»¹⁵⁶. Две другие — поэзия и то, что именуют в обиходе словом «политика». Ахматовой памятно было то, что когда-то «вычитал» Шилейко:

Данте презирал людей, не интересующихся политикой¹⁵⁷.

Мрачная политическая зима 1963 года, неотвязно окрашивавшая все разговоры (вот как записывал беседу с Ахматовой 23 февраля на квартире у Алигер в своем дневнике Ю.Г. Оксман —

Идеологическая > комиссия ЦК вмешивается во все — в работу издательств, журналов, особенно в кино. Отовсюду бегут к Ильичеву с «сигналами» — черная сотня наступает — Кочетов, Софронов, Грибачев и вождь их аппарата — А.В. Романов¹⁵⁸),

была неотделима от тех, кто об эту пору бабачил и тыкал. Как далекий и слабый отголосок суда черных гвельфов, вынесших решение о том, что если Данте вернется во Флоренцию, то пусть его жгут огнем, пока не умрет¹⁵⁹, Н.С. Хрущев припомнил былую угрозу высылки Пастернака. 7 марта в Кремле писательница Ванда Василевская наябедничала, что Андрей Вознесенский дал неправильное интервью польской газете, Хрущев вызвал Вознесенского на трибуну, и между ними происходит следующий разговор:

Вознесенский. Маяковского я всегда называю своим учителем.

Хрущев. А это бывает, бывает, другой раз скажете для фона. Ишь ты какой Пастернак нашелся! Мы предложили Пастернаку, чтобы он уехал. Хотите завтра получить паспорт? Хотите? И езжайте, катитесь к чертовой бабушке.

Вознесенский. Никита Сергеевич...

Хрущев. Поезжайте, поезжайте туда!!! (*Аплодисменты.*) Хотите получить сегодня паспорт? Мы вам дадим сейчас же! Я скажу. Я это имею право сделать! И уезжайте!

Вознесенский. Я русский человек...

Хрущев. Не все русские те, кто родились на русской земле. Многие из тех, кто родились на чужой земле, стали более русскими, чем вы. Ишь ты какой, понимаете!!! Думают, что Сталин умер, и, значит, все можно... Так вы, значит... Да вы — рабы! Рабы! Потому что, если б вы не были рабами, вы бы так себя не вели. Как этот Эренбург говорит, что он сидел с запертым ртом, молчал, а как Сталин умер, так он разболтался. Нет, господа, не будет этого!!! (*Аплодисменты.*)¹⁶⁰

Тут же, в десятилетний юбилей ухода кумира, взволновались поклонники сталинских годов в угодливой «Совкультуре»:

И нет ничего удивительного в том, что писатель В. Ардов написал, а «Литературная Россия» в номере от 15 марта с.г. напечатала безоговорочно положительную рецензию под названием «Над чем смеется наше время».

Но вот что утверждает, в частности, В. Ардов:

«...для оценки новой работы Ленинградского театра миниатюр нужно прежде всего определить: какие конфликты и какие типы полагают здесь наибольшим злом наших дней?»

И сам же автор рецензии определяет:

«Ответ может быть ТОЛЬКО ОДИН (здесь и далее подчеркнуто нами — РЕД.): Райкин издевается и неоднократно выводит в данном спектакле (как выводил и в прежних постановках) ЛЮДИШЕК, СЛУЖИВШИХ ОПОРОЙ КУЛЬТА ЛИЧНОСТИ». И затем: «вторая постоянная мишень Райкина — это дураки».

Прежде всего — о «дураках». Не кажется ли В. Ардову, что такой объект для сатиры, пожалуй, не самый подходящий, если под «дураками» разуместь людей с ограниченными умственными способностями? Иное дело — глупость, идущая от невежества, от самомнения, от нежелания прислушиваться к людям... Над глупостью такого рода смеяться не грешно, над глупым человеком — антигуманно.

Главное, впрочем, не в этом. Неужели В. Ардов всерьез полагает, что «наибольшим злом наших дней» являются для Райкина и для его театра «людишки» (словечко-то чего стоит!), «служившие опорой культа личности»?

Такая похвала, если в нее вдуматься, звучит как клевета на талантливого актера.

Да и к тому же, правомерно ли адресовать всю сегодняшнюю сатиру к обличению ТОЛЬКО явлений, связанных с культом личности? А ведь именно такая рекомендация и содержится в рецензии В. Ардова¹⁶¹.

Ну и Ахматовой только не хватало редакторам весны 1963 года. Цензор сообщал 25 апреля:

Но иногда у некоторых авторов наблюдается некритический подход к отбору фактов для своих произведений». Пример: первая глава «Поэмы без героя» в ленинградском сборнике «День поэзии» — «с ее какой-то потусторонней, салонной лирикой»¹⁶².

Весьма, впрочем, щадящие на фоне сталинской антропофагии гонения новых времен Ахматова обозначала титулом популярной в начале века комедии Германа Зудермана «Бой бабочек» («Die Schmetterlingsschlacht»):

«А ведь по сравнению с тем, что делали со мною и с Зощенко, история Бориса [Пастернака] — бой бабочек!»¹⁶³

Три грани волшебного хрусталя безостановочно сменялись: стихи — любовь — террор. О подобном с Ахматовой, видимо, говорила Н.Я. Мандельштам, которая вспоминала:

...Ночные звонки — «пока вы мирно отдыхали в Сочи, ко мне уже ползли такие ночи и я такие слышала звонки» <...> Ночью, в часы любви, я ловила себя на мысли — а вдруг сейчас войдут и прервут? Так и случилось, оставив после себя своеобразный след — смесь двух воспоминаний¹⁶⁴.

«Предвесенняя элегия» родилась из реальных и воображаемых разговоров, зафиксированных в прозаическом наброске о чуде возвращающегося и пронизаемого прошлого, многими чертами воспроизводящий стилистику модернистской прозы эпохи З. Гиппиус, Иннокентия Анненского и Зудермана:

И это было так. Беседа длилась много ночных часов. И можно ли это назвать беседой. Произносились ли слова или в них не было надобности? Шло ли дело о смерти или о поэзии, тоже не совсем ясно. Несомненно одно: в этом участвовало все мое существо с [такой] той полнотой, о кот<орой> я сама до этой ночи не имела понятия.

Я была так поглощена происходящим со мной чудом, что не пустила бы *никого* [в мою] на порог комнаты, даже самого собеседника, кот<орый>, кстати сказать, очень учтиво уехал в начале вечера. Чувствую, что записывая, теряю очень много, но у меня нет выбора. Вероятно, такие вещи не повторяются, но они еще (по редкости своей) не изучены, и едва ли я могу рассчитывать на ответ.

Скажу только что на сон это было ничуть не похоже, на стихи тоже.

Скорее, походило на утренний луч летнего азийского солнца, еще не сжигающего, но блаженного в своей равномерности, горячего и, мне почему-то хочется сказать это слово — *всеобъемлющего*. А за окном жаловалась на что-то классическая финская метель, спали дятлы, стоял весь готовый к весне и совершенно не замечающий ничего вокруг, налитый юной и свежей силой [стройный] тополь.

Март 1963.

P.S. Ах, да. Стоит ли спрашивать «собеседника» про эту ночь. Если прочесть ему мою заметку, он очень складно и мило из-

ложит очередные «чудеса в решете», если спросить просто, он скажет, что не может вспомнить, потому что с той ночи прошло уже больше месяца или что-нибудь в этом роде.

Записываю на всякий случай: нечто подобное предсказано во втором стихотворении из цикла «Сinque» («Истлевают звуки в эфире»). Но тогда были слова и реальный собеседник...

14 марта 1963. Комарово.

Там же присутствовал "заповедный кедр" [пришедший посмотреть] подошедший взглянуть — что происходит из гулких и страшных недр моей поэмы, "где больше нет меня". Оставить ее одну уже было не опасно, но остаться без нее казалось просто невозможным» (С. 309–310).

и недосмотренных снов:

Сон во сне: рваная рубаха... и т.д.
 И тот, кто мне только казался,
 И с той обручен тишиной,
 Простившись, так щедро остался,
 Так насмерть остался со мной.
 Средь сосен метель присмирела...
 [Но пьяная без вина]
 Но пьяная и без вина
 [Нам как сумасшедшая пела]
 Там (словно Офелия) пела
 [И плакала — тишина]
 [В ту полночь сама тишина]
 Всю ночь нам сама тишина (С. 308–309).

Шум стихотворства уступает место тишине сначала через свое подобие, известное по хрестоматийному гомеровскому сравнению речей Одиссея со снежной вьюгой (Илиада. III. 220), некогда обыгранному в стихотворении В.К. Шилейко о встречах «гиперборейцев» у М. Лозинского на Васильевском острове¹⁶⁵. Возлюбленная же тишина оказывается на поверку ахматовским прошлым. Владимир Муравьев писал Ахматовой:

«Предвесенняя элегия» глядит зеркальным колодцем. Как будто сама природа возвращает Вам Ваши стиховые автопортреты в оправе из оглушающей тишины (№ 909).

Главным собеседником оказывался сам автор в молодости.

Через три недели тяга к циклу, заложенная в этом стихотворении, реализовалась четверостишием, включенным в недолго просуществовавший диптих (С. 354). Диптих объединял две предвесенние смерти: шекспировой нимфы и Снегурочки, растаявшей и превратившейся в облачко.

Дремала, слышала во сне: «Не обманывай меня, Первое апреля!»
Голос знакомый, кажется, мой. Не только голос знакомый, но и путь знакомый — и цель уже почти видна — это доброе старое разбитое корыто.

Взоры [полные] огненной огня
И [улыбка] усмешка Леля,
Не обманывай меня,
Первое апреля! (С. 335)

Голос, «кажется, мой», звучал из времен ахматовского дебюта 1911 года, когда было написано стихотворение «Высоко в небе облачко серело...». Его вторая строчка («Как белочья расстеленная шкурка») «своей затейливой вещественностью»¹⁶⁶ «стала “знаменем” для пришедшей поэтической поры, — послужив ключом для некоего возникающего направления...»¹⁶⁷. Как раз две последующие строчки:

Он мне сказал: “Не жаль, что ваше тело
Растает в марте, хрупкая Снегурка!”

— были менее победительны: «Снегурка — это литературный ряд, это две плохие строки»¹⁶⁸.

В недрах возникающего цикла вызревала уже идея, которая на некоторое время стала его названием: «В дальнем зеркале». В зеркале этом брезжили русская поэтесса 1910–1920-х со стоящей за ее спиной и не во всем похожей на нее героиней ее стихов,

[Капризной, знаменитой, злой]
И знаменитой и усталой
Таинственной и чужой¹⁶⁹.

В последние месяцы своей жизни, составляя список тем для будущих историков акмеизма и ахматоведов, Ахматова наметила и такую: «Лир<ическая> героиня Ахм.» (С. 690).

Как известно, это понятие было предложено Ю.Н. Тыняновым после наблюдений над бытованием поэзии Блока. Приоритет остался бы за Корнеем Чуковским, если бы он не сократил в последний момент следующее соображение в статье «Ахматова и Маяковский»:

Что сказать о лирике Ахматовой? Неужели еще неясно для всякого, что ее лирика есть неудачнейший подарок всем нам, едва ли заслуженный нами. Откуда среди нас такой безупречный уверенный мастер? А, может быть, это одна беллетристика. Ахматова такой огромный художник, что, возможно, она сочинила не только свою книгу, но и себя самое, выдумала ту влюбленную монахиню, от лица которой написана ее «Белая стая». Ведь сочинила же она безнадежно влюбленных, от лица которых написаны «Четки».

Предварялась эта отринутая догадка эпиграфом из Достоевского:

«Человек всю жизнь не живет, а сочиняет себя, самосочиняется»¹⁷⁰.

В цикле «Полночные стихи» автор говорит с собой «сочиненным» и «пересочиняется».

Следующее стихотворение цикла, «Первое предупреждение» навеяно хрупкостью и мимолетностью жизни шелкового волоска —

Тополевой пушинке я б встречу устроила здесь (С. 168)¹⁷¹

Оно в известном смысле переписывает на другом материале историю недолгой встречи бабочек и анютиных глазок.

Как и в том стихотворении, здесь тоже почти ребусное обыгрывание собственного имени. Каламбур зачина того стихотворения реализован в финале этого.

Появление этого стихотворения показало, что впрямь рождается стиховой цикл, вторя параллелизм циклов природных, зеркала метели зимнюю и летнюю. Межсезонная ось, накладывая время на время, расширяет охват календарных экспромтов. Постепенно эта эсхатологическая всеобъемлющность начнет осознаваться как резон к существованию становящегося цикла.

Мысленный обзор прошлых зеркал (почти наверняка — рефлекс очередного пересмотра папки «В ста зеркалах», стихов, ей посвященных в разные времена) и прошлых бездн возвращает к давнему и неизменному упреку. Она по-прежнему жадно подбирала упреки из прошлого, в ратоборстве с которыми и рождались новые ее стихи. Когда была обнаружена фраза Горького

Ахматова однообразна, Блок — тоже...¹⁷²,

она не преминула противопоставить формуле пролетарского писателя голос пролетариата:

Своих корреспондентов делит (условно) на несколько категорий; современники — старая гвардия, — доживающие свой век; студенты, учителя, врачи — это понятно; любопытствующие девицы — это, в общем, понятно; рабочие — непонятно; часто пишут: я — такой-то, работаю тридцать лет слесарем, люблю Ваши стихи...

— Что они в них нашли? Горький говорил, что Блок и я однообразны...¹⁷³

Упрек в однообразии, то есть обвинение в пристрастности к зеркалам, к нарциссизму¹⁷⁴, закладывается краеугольным камнем в новое, написанное в день рождения Пушкина стихотворение (в варианте в нем жила память о Снегурке — «и в стольких жила облаках»):

Какое нам, в сущности, дело,
 Что все превращается в прах, —
 Над сколькими безднами пела
 И в скольких жила зеркалах! —
 Хоть я и не сон, не отрада,
 Не милость, не благодать,
 Но, может быть, чаще, чем надо,
 Придется тебе вспоминать
 И гул затихающих строчек,
 И глаз, что таит в глубине
 Тот ржавый колючий веночек
 В своей голубой тишине.

6 июня 1963 Ордынка
 (Тополиная метель) (С. 370).

Подобно другому из стихотворений того времени, которое посвящено не-посылке «Поэмы» неназванному адресату («Пусть горько улыбнутся губы»), и это написано «на случай» — на случай не-называния собственного имени¹⁷⁵. Имя заменяется улыбкой, как в других ее стихах

Объяснил мне совсем без слов,
 А одной улыбкою летней,
 Как была я ему запретней
 Всех семи смертельных грехов (С. 536).

Улыбка метонимически связана с удлинением носового сонорного, заключенного в кольцо широких гласных, еще со времен прославления своего имени в «Эпических отрывках» 1913 года¹⁷⁶.

Варьируя пушкинский экспромт Анне Вульф¹⁷⁷

...Вас окрестили *благодатью!*..
 Всё это чрезвычайно мило,
 Но пагуба, не благодать,

автор самым актом опровержения своего крестильного имени отталкивается от литературного прецедента, от стихотво-

рения покойной тетки, соперницы и врага Анны Радловой, к которой Ахматова постоянно относилась с неприязнью¹⁷⁸, но как раз в эти годы иногда возвращалась к ее стихам — см. запись февраля 1964 года:

Анна Андр. читала нам стихи Анны Радловой и уверяла нас, что они хороши. Ни Над. Як. [Мандельштам], ни Корнилов, ни я не могли согласиться. Много пустых парадных слов¹⁷⁹.

Воспоминание об этом стихотворении —

Сердцу неустанному: молчи!
 В холодной, звездной говорю ночи.
 Стыдно мне и сладко повторять:
 Имя Анна значит — благодать.
 Благодать давно ушла к нему,
 Сердцу не прикажешь своему,
 Грешны помыслы, чиста любовь,
 Одержимая пылает кровь.
 Жаркий сон мелькнет и улетит,
 Мне жестокий снится Ипполит,
 Мертвый, ясный, как вот та звезда,
 Что моей не будет никогда¹⁸⁰, —

поддерживает крепнущую в этом году у Ахматовой тему Федры.

Построенное на антонимическом кольце «бездна» — «дно», стихотворение таит на дне своем еще одну загадку, неразгадываемую для неблизкого читателя¹⁸¹. Загадочность Ахматова разыгрывала в подаче стихотворения по старому символистскому рецепту — как она в ранней юности говорила о стихотворении Блока «Незнакомка»:

сплетение пошлой обыденности с дивным ярким видением¹⁸²

И, не щадя шуткой близких, создавала вокруг стихотворения контрастный контекст, призывая и пушкинского Моцарта в помощь:

Когда я писала эти стихи — не здесь, вон в той комнате, в столовой, Нина Антоновна [Ольшевская] со своей невесткой, цыганкой [Г. Леонтенко¹⁸³], со страшной силой играли в карты и грубо ругались, кто-то бил стаканы, было, как всегда шумно, а Нина Антоновна с омерзением посмотрела на меня — «Как, вы все еще тут? И все еще стихи пишете?!»

Я был у Анны Андреевны очень недолго. Была еще милейшая Э.Г. Герштейн. Говорили все о пустяках, но когда Анна Андр. прочла эти божественные строки («Я вам прочту, пока Эммы нет, одно стихотворение: там есть один такой глаз!») — я сказал ей, что она просто божество. «Однако божество мое проголодалось», — вскользь заметила Анна Андр.¹⁸⁴

Веночек — красноватое колечко на белке глаза. Как написал нам Дмитрий Бобышев,

В одну из моих встреч с АА я постарался неназойливо, но пристально приглядеться к ее глазам, специально, чтобы запомнить их навсегда. Я запомнил, что глаз ее серого цвета со сложным оттенком и с более темной окантовкой по краю. А вокруг зрачка — карие вкрапления, то соединенные, то чуть разрозненные, но определенно складывающиеся в тот самый «ржавый колючий веночек»!

Это своего рода стигмат, телесное до буквальности воплощение интриговавшей ее формулы «бога полн»¹⁸⁵. В цитированной выше записи о происхождении «Предвесенней элегии» говорилось:

...в этом участвовало все мое существо с [такой] той полнотой, о кот<орой> я сама до этой ночи не имела понятия.

Здесь усиливается и впрямь «интериоризируется» та тема, которая наметилась в стихотворении 1945 года: «И чье орудье пытки согрето теплотой моей груди».

Сокрытый веночек прячет и одну текстуальную связь. Экспромт на тополиную метель, подчеркивающий вступительным интонационным клише (в духе, скажем, «париж-

ской ноты»¹⁸⁶) свое рождение из разговорного сора, написан поверх ахматовского стихотворения 1922 года «Предсказание», повествовавшего о превращении свадебного венца («скупй мне злат и нов венец») в венец терновый. С этим старым стихотворением связан мотив «стольких бездн» — весной 1963 года Ахматова вспоминала его и наметила как часть цикла «Над бездной» (С. 375), цикла стихов «о судьбе», написанных в начале двадцатых годов «по этой тропинке над пропастью» (С. 310)¹⁸⁷:

Видел я тот венец златокованный...
 Не завидуй такому венцу!
 Оттого, что и сам он ворованный,
 И тебе он совсем не к лицу.
 Туго согнутой веткой терновою
 Мой венец на тебе заблестит.
 Ничего, что росую багровую
 Он изнеженный лоб освежит.

Датированное днем венчания с Гумилевым, восьмым мая, т.е. 25 апреля по старому стилю¹⁸⁸, это стихотворение, видимо, написано от лица убитого мужа (так, по словам покойной Л.Д. Большинцовой, Ахматова объясняла и другое свое стихотворение 1922 года — «Я с тобой, мой ангел, не лукавил»¹⁸⁹, к которому незадолго до «Первого предупреждения» тоже намечала что-то вроде зеркального постскриптума¹⁹⁰). На дальнем плане становящегося цикла живет призрак расстрельного «Лихолетия» — так она называла иногда стихи времени «Подорожника». Потом появится рифмопара, напоминающая о том, с чем рифмуется любовь.

Строка «что все превращается в прах», отголосок мощно прозвучавшего в январе «Ржавеет золото, и истлевает сталь...», рикошетом метила и в сезонные литературские треволения весны 1963 года¹⁹¹.

Журнал «Юность» был раскритикован и показал, что исправляется¹⁹², но и власть слегка откатывала назад: «Правда» в передовице от 19 мая подбивала писателей на «творческую смелость и самостоятельность», писала, что не надо «опекать

их каждый шаг» и устраивать «проработки». Ахматова вызвалась пристроить «Заметки переводчика (Ду Фу и Пушкин)» Александра Гитовича через М.К. Луконина в альманах «День поэзии — 63» (С. 326). Гитович следовал за ахматовским «Словом о Пушкине»:

Вряд ли когда-либо поэзия недооценивала силу политиков. Политики весьма часто силу поэзии недооценивали. Ду Фу и Пушкин жили во времена жестокого самовластия монархов. Но императоры уходят, а поэзия остается. Она соединяет народы, и ее власть над сердцами — выше любой императорской власти. Смерть самодержца, как правило, есть его абсолютная смерть. Смерть великого поэта — так случалось нередко — становилась как бы вторым днем его рождения. Кто в России говорит об эпохе Николая I? Мы говорим об эпохе Пушкина. [Авторская сноска: «Об этом прекрасно написала Анна Андреевна Ахматова в своем «Слове о Пушкине» («Звезда», 1962, № 2).] Кто в Китае говорит об эпохе Сю-ань Цзуна? В Китае говорят об эпохе Ду Фу. Так было и так будет¹⁹³.

Но то, что возможно было сказать в 1962 году, весной 1963-го было уже непроходимо, и заметка Гитовича тогда не была напечатана. Писатели с некоторым напряжением ждали идеологического июньского пленума и готовились к нему, как кому положено было. Опытный Сурков на совещании молодых писателей сдерживал партизанов модернизма:

Вот Андрей Вознесенский, отвечая на анкету, говорит: «Не думаю, чтобы писателю была полезна близость с литературными предшественниками. “Кровосмешение” ведет к вырождению». <...> Не прибегая к западноевропейским параллелям, Вознесенскому можно спокойно найти предшественников в истории русской поэзии XX века. Получается, что ближайшие родственники этого поэта, пугающегося кровосмешительства, — Марина Цветаева, Осип Мандельштам, Велимир Хлебников, Борис Пастернак и некоторые другие менее почтенные современники Маяковского. Это тоже модернизм, но на русской почве и с бородой пушкинского Черномора, модернизм, через который Маяковский широким шагом перешагнул на нашу сторону бар-

рикады. Это все — противники молодого Маяковского. <...> Поэтам знать надо и Цветаеву, и Мандельштама, и Хлебникова, и Пастернака. Они талантливые люди и внесли свою лепту в обогащение русской поэзии. Но в духовные наставники поэтов будущего, коммунизма они не годятся. Мы смотрит вперед, а они повернуты лицом в прошлое¹⁹⁴.

В письме к автору этой книги филолог Михаил Ульман, посетивший Ахматову в день ее рождения в Комарове, описывал 23 июня 1963 года (день потока телеграмм — «Мальчик, призывавший с почты телеграммы, был специально нанят для этого случая. И, удивленный свыше меры, он, округлив глаза, сказал, подавая мне телеграмму: “Вы подумайте, сам Паустовский ее поздравляет?!”»¹⁹⁵):

Постучались и вошли Гранин и Володин¹⁹⁶, которые, вероятно, были в Доме творчества. Они вели себя очень почтительно, похожие на робких школьников, и через несколько минут ушли. <...> Пессимистического настроения и ожидания грома, по-моему, в течение всего разговора не ощущалось. <...> Вообще все время ощущалось дыхание совсем недавних встреч Хрущева с писателями (дек. 1962 и март 1963), но только что прошел ожидавшийся с ужасом июньский пленум с докладом Ильичева¹⁹⁷, но он прошел спокойнее, чем ожидалось, гнев был спущен на тормозах, уже снова можно было думать об издании книги и т.п.

Поводы для страха находились выше. Через неделю после 74-летия написалось «страшное» стихотворение, в котором шла речь не о политической, а об экзистенциальной неопределенности, и где «финал *А может, это и не мы* воспринимается как отрицание не только содержательное, но и формальное: распределение персонажей настолько запутано, что вынуждает отклонить попытку однозначного установления (и что надо отгадать, кто Красотка или кто мы?)»¹⁹⁸:

Нечто музыкальное

[Ты, гостя, очень молода]

Красотка очень молода,

Но не из нашего столетья,
 [Мы больше не вдвоем и эта, третья]
 Вдвоем нам не бывать — та, третья,
 Нас не оставит никогда.
 Ты подвигаешь кресло ей,
 Я щедро с ней делюсь цветами...
 Что делаем, — не знаем сами,
 Но с каждым мигом нам страшней.
 А помнишь были мы людьми
 Еще вчера, еще недавно...
 Подумать только, как бесславно
 Во что-то превратились мы.

4–5 июля 1963. Комарово

Как вышедшие из тюрьмы,
 Мы что-то знаем друг о друге
 Ужасное. Мы — в адском круге,
 Иль это вовсе и не мы.

5 июля 1963. Комарово (С. 521).

Возникшее из сиюминутных подручных обстоятельств — ср.:

В июльский день 1963 года она отлила молодой женщине несколько капель болгарского благовонного масла из флакончика «Долина тысячи роз», закрепив этот жест стихом «Я щедро с ней делюсь цветами»,¹⁹⁹

стихотворение 1963 года настаивает на близости и домашности Зазеркалья вслед парадоксу, встреченному Ахматовой в одной из первых прочитанных ею по-английски книг:

Думаю, мы всегда должны сознавать, что цель всех наших устремлений лежит каким-то образом где-то совсем рядом. Пусть наука гордится расстоянием до своих звезд, захватывающей дух удаленностью предметов, о которых она говорит. Но поэзия и религия всегда настаивают на близости, почти угрожающем соседстве того, что их заботит. И Царствие Небесное

всегда под рукой, и Зазеркалье — вот оно, стоит лишь заглянуть в зеркало²⁰⁰.

Она спрашивала читателя:

«Вы знаете, что я имею в виду, когда пишу: “Красотка очень молодая, но не из нашего столетья”?» Я сказал, что не знаю. А. А. промолчала, а я упустил возможность ее спросить²⁰¹.

Представляется, что она не столько загадывала загадку, сколько искала разгадки. Последней нет и не будет, но историю возникновения загадки можно отчасти прояснить.

30 декабря 1962 года переводчица Инна Зусманович подарила Ахматовой книгу Поля Валери «Variété. V.», и она обратила внимание на рассуждение французского поэта о расиновской Федре²⁰², переживающей второй пубертат, как о существе, пришедшем из бестиальной мифологии, и о необычайно примечательном эпитете в знаменитом стихе —

C'est Venus tout entière...

— в монологе героини, в ее «невероятных признаниях», когда она говорит, что ее страсть это уже больше не жар, скрытый в венах, а сама Венера, вся целиком, во всей красе, застывшая над добычей:

Итак, Венера обвиняемая, и Венера «tout entière». Как может быть это имя, Венера, переведено на неаллегорический язык, и как интерпретировать «tout entière», выражение столь восхитительное и меткое, что боязно его утяжелять? Расин мог принимать это совершенство как естественное, особо над ним не засиживаясь, но сегодня эти слова обладают такими коннотациями, которые его век еще неясно различал. Мы способны обнаружить сокровища, о которых автор и не подозревал, что зарыл их, и увидеть в его словах свидетельства предвидящего мышления. Это предвидение относится к физиологическому аспекту, который, из-за недостатка знания, я не стану разрабатывать, но верю, что я указал направление, по которому кто-нибудь более компетентный может последовать...

Ахматова оспорила эти перспективные ссылки на науку XX века, вернувшись к своей пушкинской заметке:

Полагаю, что выражение *Vénus tout entière* у Расина идет от античного представления о том, что богиня покинула свое святилище (см. у Горация) и переселилась в влюбленную Федру. Оттуда же пушкинское: *бога полн* — очевидно, Аполлона... (С. 275–276).

Стихотворение о красотке потом было названо «В Зеркалье». Здесь в дальнем зеркале отражается призывание Афродиты с Олимпа из забытого и никогда не вспоминавшегося ею юношеского стихотворения²⁰³, где танцовщица становится полна богини:

Руки, как крылья, руки, как крылья,
над челом золотистый нимб.

В октябре Ахматова

решила дать латинский эпиграф (м<ожет> б<ыть>, из Горация), кот<орый> разъяснит, кто такая «Красотка»

(С. 401),

и ввела имя Киприды²⁰⁴.

Возможно, что формула «та, третья» появилась как воспоминание о статье Иннокентия Анненского «Трагедия Ипполита и Федры»²⁰⁵:

...Киприда выбрала Федру не только как заманчивую задачу для своей сложной борьбы с человеческой стыдливостью; в жене Фесея есть еще одна черта, которая останавливает внимание матери Эрота, и именно как артистки: это порочная предестинация Федры.

Когда кормилица почти довела Федру до ее первого страшного признания, у царицы вырываются болезненные восклицания о порочной и трагической — эти понятия теперь сливаются для нее — любви, обнимавшей сначала ее мать, Пасифаю, а потом Ариадну, ее сестру, и она выстывает с болью: Я третья, и злосчастно гибну... (ст. 341).

Вероятно, предлагаемая Анненским, воспевшим свою «безлюбую» Тоску²⁰⁶, интерпретация еврипидовской трагедии не была чужда и Ахматовой:

Через два труп безгреховных преступников сцены, сознательной Федры и бессознательного яснолицего Ипполита, мне видится бледный и задумчивый облик поэта с его глубоким взором. Ипполит был близок ему по самой натуре, но и Федра также отражала его душу. И мачеха и пасынок — оба они были любимыми детьми фантазии Еврипида и лучшими людьми своего времени; оба не могли не быть виновны, потому что умы их были ограничены их человеческой природой!

Федра была женщина, которая хотела стать выше своего пола и, благодаря тому, что она не могла перестать быть женщиной, она и теперь еще носит на своем имени тысячелетнее пятно. Ипполит ненавидел женщин, потому что они казались ему самым ярким доказательством жизни и реальности, т.е. тем, что мешает человеку мыслить и быть чистым. Обоих — и Ипполита и Федру — сгубило стремление освободиться от уз пола, от ига растительной формы души.

Тремя десятилетиями ранее собеседник записывал за Ахматовой:

«Не любит телесности. Телесность — проклятье земли. Проклятье — с первого грехопадения, с Адама и Евы... Телесность всегда груба, усложняет отношения, лишает их простоты, вносит в них ложь, лишает отношения их святости... Чистую, невинную, высокую дружбу портит...»²⁰⁷

Федра²⁰⁸ — наиболее вероятная обительница этого ахматовского стихотворения. Но главный атрибут «Красотки» — «очень молода» — позволяет вставить в прорезь тантаморески и других литературных служительниц Афродиты. Например, преследовавшую в эти годы Ахматову тень королевы шотландцев²⁰⁹:

...когда Пастернак пригласил ее на премьеру «Марии Стюарт» в МХАТ <...> она сказала: «Я никогда не могла понять, что нахо-

дили в этой женщине? Мужеубийца. Почему ее так идеализировали? Помните, в начале ей камеристка говорит — в ответ на ее слова о страшном грехе, — ну, ничего, ведь вы тогда были еще молоденькая!» И рассмеялась²¹⁰.

Или обезглавленную²¹¹ бодлеровскую мученицу («Elle est bien jeune encore!»²¹²), к которой эпиграфом взывал цикл «Cinq». Список может быть продолжен, но главное, что следует сказать о Киприде этого стихотворения, — это то, что она «Афродита гробовая». С молодых лет Ахматова умела прятать эту особу в своих стихотворениях. Через две с половиной недели появляется следующее стихотворение цикла, которое она сначала назвала «Простые рифмы» (имея в виду «любовь» и «кровь»), но потом эти рифмы исчезли²¹³:

Была над нами, как луна над морем,
Ища лучом девятый смертный вал,
Ты называл ее бедой и горем, —
[По имени] Но радостью ни разу не назвал.

Днем перед нами облаком кружила,
Улыбкой расцветала на устах,
А ночью ледяной рукой душила
Обоих сразу в разных городах.

[И та рука, запятнанная кровью,
Обоим нам мерещится во сне...
Так это называется любовью?

[.....]

[И] Ее рука, запачканная кровью,
Напоминала темные грехи,
Она ж[е], припавши жадно к изголовью
Нам [говорила] бормотала наши же стихи.

23 июля 1963 (Утро. Комарово) (С. 530).

На следующий день она сказала собеседнику, вплетя слово из последнего стиха в бытовую речь:

«Хотите, — я вам прочитаю стихи. Это стихи о смерти. Одна строчка не готова, я ее пробормочу». <...> На мой вопрос, почему написаны эти стихи, А. А. отвечает туманно: — О смерти писали Пушкин, Лермонтов... Смерть — это загадка²¹⁴.

Цикл, начавшийся из снов, продолжался в том же зыбком двуприродном пространстве. Как раз в том же июле состоялся триумф на советской территории одного из шедевров сновидческого искусства XX века. Руководители Московского кинофестиваля хотели дать главный приз фильму «Знакомьтесь, Балуев!» по роману В. Кожевникова. Иностранные режиссеры угрожали бойкотом, тогда «8½» показали Хрущеву. Тот заснул во время просмотра. Свита была в ужасе, но первый секретарь сказал:

«Если фильм навевает такой крепкий сон на советского человека, значит, ничего особо опасного нет, пусть идет»²¹⁵.

Фильм получил главный приз (во многом усилиями Григория Чухрая).

Глава советской кинопромышленности Алексей Романов решительно опроверг на приеме печати предположение, что присуждение на московском фестивале первого приза нашумевшему итальянскому фильму «8½» свидетельствует о том, что советским искусству и литературе будет предоставлено больше свободы. Романов подверг резкой критике решение кинофестиваля, назвал итальянский фильм «путаным» и «бессодержательным» и подчеркнул, что советская политика в области литературы и искусства останется без изменений²¹⁶.

Затем глава кинопромышленности сказал, что, несмотря на приз, советские люди с фильмом несогласны:

Несмотря на веселые танцы в конце, этот фильм глубоко пессимистичен²¹⁷.

Пересказанная, возможно, с неточностями (по свидетельству Евгения Рейна пересказчиком был он) итальянская лента была учтена Ахматовой. Вскоре, говоря о своей элегии «Меня, как реку, жестокая эпоха повернула...», она заметила:

— Мне рассказывали содержание фильма Феллини «Восемь с половиной». У меня эта тема раньше²¹⁸.

Но и в местной культурной жизни между тем произошло незаурядное событие — в Ленинграде состоялась конференция Европейского сообщества писателей, посвященная проблемам романа.

«Я боюсь, что ко мне придет Сартр. Но, я думаю, меня здесь не найдут. Меня так хорошо научились прятать. Скажут, что я на “Северном полюсе-6”»²¹⁹.

Сартр не приехал, но 3 августа зашли писатели из Чехословакии. Один из них, в 1946 году лояльно откликнувшийся на ждановский доклад²²⁰, вскоре описал визит:

То, что я когда-нибудь в жизни встречу с Анной Ахматовой, я никогда не мог представить. Но это не связано с конгрессом: за это мы (Иван Скала, Ладислав Мнячко и я) благодарны дорогому другу Даниилу Гранину, на даче которого мы очень приятно провели вторую половину одного дня еще до начала собрания. Дача Ахматовой недалеко от дачи Граниных: то, что нас Ахматова приняла, и то, что наша импровизированная встреча произошла несмотря на поздний час, было скорее всего ради Гранина, а не ради трех чешских писателей, имена которых ей вряд ли что-то говорили. Представьте себе семидесятилетнюю женщину, в королевски-величественном облике которой все еще присутствует поразительная нежная и духовная красота ее юности? Такова Анна Ахматова. Ее мудрое ласковое лицо озаряет какая-то особая, скрытая, непостижимая сила, таящаяся в ее необычных глазах. Она была с нами очень любезна. Прочитала одно из своих последних стихотворений. Взвесив свои познания в русском языке, я нашел для себя единственный критерий оценки читаемых мне стихов при общении с моими советскими друзьями:

хорошие стихи я никогда не понимаю с первого прослушивания, а плохие я обычно понимаю сразу. Эти я не понимал вообще. Я только вслушивался в каденции альтового голоса, напоминавшие легкие волны света²²¹.

Именно в этом августе из московского журнала пришло напоминание о полувековой прописке Ахматовой в европейском контексте (С. 377) — к письму 1957 года Ричарда Олдингтона (он, кстати, за год до смерти приезжал в СССР, и ему «не разрешили ехать далеко от Москвы»²²²), где говорилось

Была — около 1914 года — русская поэтесса, чье творчество, насколько я мог судить по переводам, имело нечто общее со стихами, которые пытались писать мои друзья и я. Помнится, ее произведения отличались оригинальностью и тонкостью чувств,

редакция сделала примечание:

Можно предполагать, что Олдингтон здесь имеет в виду поэзию Анны Ахматовой²²³.

Источником информации для Р. Олдингтона несомненно был его друг Джон Курнос, и почти столь же очевидно, что, говоря о стихах своих друзей, он прежде всего имеет в виду свою бывшую жену, имажистку Хилду Дулитл, стихи которой Ахматова знала по антологии «Поэты Америки»:

Я показала ей портрет поэтессы.

— «Челка... такая же, как у меня... и может быть, тот же парижский парикмахер ее так постриг... Она года на два меня старше... Параллельность жизней в одном времени»²²⁴.

Советских делегатов на конференции обязали дать бой модернистам. Константин Федин, уже к тому времени прозванный «чучелом орла»²²⁵, ответственно отнесся к заданию.

Когда К. Федин сказал, что для нас не может быть знаменем творчество таких писателей, как М. Пруст, Д. Джойс или Ф. Каф-

ка, французский критик Р. Кайюа счел необходимым выступить в «защиту» этих писателей²²⁶.

В борьбе с идейными противниками Федину пригодилась и наша героиня. Он говорил о перевесе реализма над модернистскими течениями: Блок преодолел символизм, Маяковский — футуризм, Есенин — имажинизм, да

и — Ахматова, которая находилась в самом лоне акмеизма с его «словом-вещью», противопоставленным символу²²⁷.

В кулуарах Дж. Вигорелли бранился с Сурковым: «Мы приехали сюда не для того, чтобы нас воспитывали»; на летучке в номере у работника ЦК Снастина, наоборот, Суркова бранили за либерализм, Иван Анисимов сказал ему:

«Хватит обороняться, надо наступать»²²⁸.

Выступал Ален Роб-Грийе, рассказывавший через тридцать шесть лет:

Я вспоминаю, как был на конгрессе в Ленинграде, в котором участвовали и молодые Аксенов, Евтушенко, но в основном — ортодоксальные советские писатели. И вот одна такая писательница, не знаю ее имени, сказала в своем выступлении, что после выхода ее романа читатели были недовольны его концовкой и чем-то еще, в связи с чем она переписала роман согласно их пожеланиям. Это же абсурд!²²⁹

Евтушенко официально участия не принимал, приезд его на симпозиум был осужден²³⁰, и знакомой Ахматовой, журналистке Татьяне Тэсс, было поручено его проучить, что она и выполнила²³¹.

4 августа Натали Саррот разговаривала в кулуарах: «Мне так надоели французы и так нравится в России, — сказала она. — Я приеду умирать сюда»²³². На следующий день Борис Вахтин и Михаил Ульман привезли ее в Комарово²³³.

Анна Андреевна полулежала, была очень приветливой. Н. Саррот держалась почтительно, задавала вопросы (насколько я помню, интересные). На вопрос, бывала ли Анна Андреевна во Франции (в Париже?), Ахматова ответила: «В прошлой жизни»²³⁴.

Через три дня стало проявляться новое стихотворение, — как могло показаться читателю, не по возрасту лирически обнаженное²³⁵. Его внутренний сюжет состоял в истории двух предыдущих: появление тени Афродиты и устранение прямо названного ее атрибута, «полного богини» слова с корнем «люб-». Ахматова отсылала к давнему эпиграфу из Иннокентия Анненского к циклу «Cinque»: «Пять роз, обрученных стеблям» (который метонимически указывал на смежные строки: «Но нет у Киприды священной / Не сказанных вами люблю»):

И наконец ты слово произнес
 Не так, как те... что на одно колено...
 А так, как тот, кто вырвался из плена
 И видит сень [родимую] священную берез
 Сквозь радужную сетку слез.
 И вокруг тебя запела тишина,
 [Мрак комнатный мгновенно засветился]
 И чистым солнцем сумрак [осветился] озарился,
 [И лунный луч на стене <нрзб> то очутился]
 [И в угол лунный луч забился]
 И мир как бы <в> минуту весь пере<менился>,
 И [странно] даже изменился вкус вина.
 [И даже я, кому тех слов твоих
 Быть палачом беспощадным
 Внимала им ... и жадно]
 И даже я, — кому убийцей быть
 Божественного Слова предстояло,
 [На полсекунды замолчала]
 [На полминуты кротко замолчала]
 [Благоговейно сразу замолчала]
 Почти благоговейно замолчала,
 Чтоб жизнь благословенную продлить

(С. 534–535).

Ахматова датировала стихотворение 8–12 августа 1963 года. Собеседник (Анатолий Найман) вспоминает:

В первом же разговоре об этих стихах я стал возражать против «предстояло»: «И даже я, кому убийцей быть божественного слова предстояло», — потому что если предстояло, то я и ты в стихотворении не равноправны, герой находится во власти героини и лишь играет роль участника драмы, а не участвует в ней полноценно. <...> она, засмеявшись, сказала: «Вы напомнили мне Колю. Он говорил, что вся моя поэзия — в украинской песенке:

Сама же наливала,
Ой-ей-ей,
Сама же выпивала,
Ой, боже мой!»

Гумилев когда-то говорил это по поводу написанного во время его абиссинского отсутствия стихотворения «Три раза пытаться приходила...» со схожей фабульной подтасовкой, с фирменным ахматовским *future in the past*:

Кого ты на смерть проводила,
Тот скоро, о, скоро умрет.

Она назвала это стихотворение «Тринадцать строк» — по одноименному стихотворению Иннокентия Анненского. Дыхание этого поэта ощущали в «Полночных стихах» первые читатели, особенно в следующем стихотворении цикла:

«Ночное посещение» настроением его таинственно-мучительным и страстным перекликается с стихотворением Иннокентия Анненского «Смычок и струны» из «Трилистника соблазна». Мы не знаем, случайно ли это сходство или нет, но сходство это заключается именно в общем настроении²³⁶.

«Ночное посещение» было написано месяц спустя:

Нет, не на московском злом асфальте
Будешь долго ждать.
Мы с тобой в Адажио Вивальди

Встретимся опять.
 [Свечи снова будут так же яркие]
 Свечи снова будут так же желты
 [И темней углы]
 И еще желтей.
 Не спрошу я, почему пришел ты
 Призрака немей.
 [Все в одном ты угадаешь стоне]
 Протекут в одном безмолвном стоне
 Эти полчаса,
 [И увидишь] Прочитаешь на моей ладони
 [Просто чудеса]
 Те же чудеса.
 [Уведет тебя твоя тревога]
 И тогда тебя твоя тревога,
 [Навсегда, совсем]
 Уведет совсем —
 От меня широкая дорога
 И открыта всем (С. 158).

В сторону Анненского стихотворение 1963 года отправляет, уже начиная с «асфальта», напоминая о том, что

и в мокром асфальте поэт,
 захочет, так счастье находит... («Дождик», 1909).

К 1960-м этот значок парижского урбанизма снова оказался на развилке поэтического выбора:

Дорога в стихах молодых поэтов — это прежде всего вполне конкретная дорога, по которой они, молодые, устремляются с комсомольскими путевками в Братск, на целину, на Дальний Восток, на крайний север, в тундру и тайгу. <...> Точнее было бы говорить не о «дорожной» теме, а о теме поиска. Поэты особенно часто пишут о трудных, непроходимых, никем еще не пройденных путях. Мне попало только одно стихотворение, прославляющее асфальтовую дорогу, и то это было стихотворение о парне, который за рулем тяжелого и медленного катка разглаживает асфальт на дороге, проложенной впервые²³⁷.

Обещанный сеанс хиромантии возвращает к телесным знакам божественной предестинации, как и двусмысленный веночек на белке глаза. Желтый свет свечей, как и в ранних стихах Ахматовой²³⁸, вводит присущий ему мотив измены (которой «нет», как учила З. Гиппиус?). Завершается набросок жестом ревности — ср. за месяц до того записанный конспект воображаемого разговора:

Виновата оказалась я в том, что вмешалась я в чьи-то любовные дела, чего вообще никогда не следует делать (С. 542).

Да и флюиды давних ревностей витали в комаровском воздухе²³⁹. Аккомпанементом к этой эмоции звучал по радио любимец 1960-х (напомнивший тут же граммофонный треск начала века²⁴⁰):

Робертино поет: Non sono geloso [d]i te (вчера пел) (С. 539).

Через три дня беспощадный по-цветаевски жест был смягчен:

[Чтоб тебя твоя сестра-тревога]
И тогда тебя твоя тревога,
[Увела от зла]
Ставшая судьбой,
[Той широкой звездною дорогой]
Уведет от моего порога
[И опять спасла]
В ледяной прибой (С. 538).

В эти дни наметилось и будущее название цикла:

И опять поет смычок безродный
И заклятый сном...
Почему вошел ты в мой свободный
И полночный дом (С. 542).

О важности появившегося напоследок в цикле злополучного «смычка»²⁴¹ Ахматова полгода спустя записывала, резюмируя собранные ею высказывания читателей о цикле:

Это Carmen о любви, но любовь ни разу не названа и соединено с ужасом запретности, о преодолении которого было бы просто нелепо мечтать.

Все диктует смычок из Адажио Вивальди (С. 452).

В диктанте смычка таится то зловещее, что вообще спрятано в этом цикле. «Ты не знаешь, ты не знаешь, что такое эта скрипка», — как писал Гумилев. «Безродный смычок», видимо, не без озорства, экспроприирует имя скрипача и дирижера Игоря Семеновича Безродного, упомянутого в ахматовской записи о слушаемой ею музыке два года спустя (С. 644), а звуковой формой обязан «скрипачу безносому» из стихотворения 1929 года, в котором современники легко вычитывали источник аллегории²⁴².

Цикл все время тянулся к семеричности (из семи стихотворений состоял первоначально и цикл «Шиповник цветет»). Начинаясь с «Предвесенней элегии», он насчитывал среди текстов-спутников строки из стихотворения Татьяны Казанской, которые намечались как эпитафия к каким-нибудь своим стихам и в конце концов использованный в «Беге времени»:

Пала седьмая завеса тумана —
Та, за которой приходит весна.

Новый цикл летом 1963 года еще назывался «В давнем зеркале (Шесть стихотворений)». Седьмым автор хотел присоединить отрывок «Чтоб посланец давнего века...», написанный строфой «Поэмы». И 8 сентября она в Комарове читала П.Н. Лукницкому цикл из семи стихотворений по черновикам. Но возникшее 10–13 сентября «Ночное посещение» подходило к нему лучше. Ожидаемое седьмое стихотворение могло восприниматься и как вестник святости, и как нечто inferнальное. Ср. в набросках «Пролога»:

Но со мной расстаться ты не волен

 ворон
 Мне довольно и шести моих (С. 473)²⁴³.

Став, наконец, септаптихом (ср. в «Новогодней балладе» — «Там шесть приборов стоят на столе, и один только пуст прибор»), цикл потребовал нумерологической мотивировки. Он был назван «Семисвечник», и символика заглавия пыталась развернуться в новое стихотворение:

За плечом, где горит семисвечник,
 [Где обломки] И где тень Иудейской стены
 Изнывает неведомый грешник
 Под сознан <ьем> предвечной вины
 Многоженец, поэт и начало
 Всех начал и конец всех концов (С. 400)²⁴⁴

Так этот цикл смыкался с настроениями, сопутствовавшими писанию «Шиповника». В стиховом наброске «Обыкновенным было это утро...», навеянном десятилетним юбилеем встречи 1946 года и поздним расцветом шиповника, превращающегося в слово, поминаются семь светильников огненных Апокалипсиса, которые суть семь духов Божиих —

Как будто та сияющая сущность,
 Которая мне десять лет назад
 Открылась — снова предо мной возникла.
 Как будто вновь светильники зажглись
 Как те, что видел Иоанн когда-то...

Эти светильники — на миг кажущиеся семисвечником у южной стены Храма — появляются, как известно, у Данте в «Чистилище» (песнь 29, ст. 43–55):

Вдали за искажающим простором,
 Который от меня их отделял,
 Семь золотых деревьев являлись взорам;

Когда ж я к ним настолько близок стал,
 Что мнящийся предмет, для чувств обманней,
 Отдельных свойств за далью не терял,

То дар, уму для различенья данный,
 Светильники признал в седмице той,
 А пенье голосов признал «Осанной».

Светлей пылал верхами чудный строй,
 Чем полночью в просторах тверди ясной
 Пылает полный месяц над землей.

(перевод М. Лозинского)

Ахматова хотела придать семерке любовных стихотворений статус сочинения об апокалипсисе, связав их с Откровением Иоанна Богослова. Видимо, то же направление должен был указывать эпиграф к циклу, который она наметила, как только было написано «Ночное посещение»:

И солнце не встало, и помощь ниоткуда не пришла. (Флобер. «Бовари».) (С. 158)

— фраза из книги, которую она читала, узнав, что станет матерью²⁴⁵. Ассоциативное поле флоберовской стилистики она определила еще в 1928 году, что тогда же было занесено Н. Пуниним в дневник:

Вечером Ан сказала: Флобер, Бовари, как труба архангела в день страшного суда, — не может слукавить²⁴⁶.

Цикл проверялся на первых слушателях, терявшихся в догадках. 15 сентября критик Тамара Хмельницкая писала поэту Глебу Семенову:

На днях слушала стихи 74-летней Ахматовой — совсем новые, совсем личные. В них была мраморная твердость и непререкаемая высота. И все-таки каждое слово в них окружено тайной недосказанности, поясом (?) нераскрытых ассоциаций — и очень

насыщенно и густо в этих, казалось бы, изваянных строках. И возможность догадки не портит их, а делает еще значительнее²⁴⁷.

К осени цензурная ситуация изменилась. В августе Хрущев разрешил опубликовать остросатирическую поэму Твардовского «Теркин на том свете», и 30 августа 1963 года Твардовский звонил Лесючевскому:

Почему задержан сборник стихов Анны Ахматовой, на который Е. Книпович по обыкновению дала «брутальную» рецензию?²⁴⁸

5 октября, через двадцать дней после завершения цикла, четыре стихотворения были напечатаны в «Литературной газете».

Барабаш (замредактора) сказал: «Я ничего не понял, но печатайте, раз это Ахматова»²⁴⁹.

Елизавета Полонская в письме к И. Эренбургу расценила эту публикацию как «маленькие климатические изменения»²⁵⁰. Владимир Муравьев писал Ахматовой 10 октября 1963 года:

Ваши стихи в «Литературной газете» выглядели так же, как если бы им пришлось в голову напечатать «Из Пиндемонти». Прости им Господи, ибо не ведают, что творят.

В это же время до Москвы дошел третий выпуск «Воздушных путей»²⁵¹, где ахматовское стихотворение, написанное как отклик на выход первого номера, «Комаровские кроки», возвращались в свое, в известном смысле, родовое лоно. Книге предшествовало обращение от редакции:

Выход 3-ьего выпуска «Воздушных путей» совпал с новой тревогой в среде творческой интеллигенции Советского Союза. За 46 лет партийной деспотии немало было гонений и расправ. На этот раз мы узнали, что нападению дан отпор. Писатели и художники отказываются безоговорочно служить аппарату пар-

тии, требуя право на самостоятельное творчество. Важно, что отпор дан не одиночками, а какими-то группами деятелей разных отраслей искусства.

Трусливая и развращенная полувековым самоуправством партийная власть боится малейшего влияния талантливых людей. Она хочет сохранить единственно за собой руководство мыслями и даже чувствами всего населения. Но умы и души в России стали чувствительнее, и хочется верить, что возврата к прошлому быть не может. Тем более, что предлагаемая властью панацея марксизма-ленинизма — безлика, смертельно надоевшая бесплодная выдумка.

«Воздушные пути» шлют дружеский привет всем тем, кто в России своей верой в себя, своей стойкостью сумеет отстоять право на творческую независимость.

Редакция

Мы печатаем два стихотворения Анны Ахматовой без ее ведома. Первое — «Нас было <sic!> четверо» появилось в «Литературной газете» от 16-го января 1962 г. под другим названием, без средней строфы и эпиграфов. Второе стихотворение печатается в первый раз.

Впервые было напечатано стихотворение 1940 года, подправляющее обращение к цветаевской тени в комаровском эскизе «Нас четверо»:

Невидимка, двойник, пересмешник,
 Что ты прячешься в черных кустах,
 То забьешься в дырявый скворечник,
 То мелькнешь на погибших крестах.
 То кричишь из Маринкиной башни²⁵²:
 «Я сегодня вернулась домой.
 Полюбуйтесь, родимые пашни,
 Что за это случилось со мной.
 Поглотила любимых пучина,
 И разрушен родительский дом».
 Мы сегодня с тобою, Марина,
 По столице полнощной идем.
 А за нами таких миллионы,

И безмолвнее шествия нет,
 А вокруг погребальные звоны,
 Да московские дикие стоны
 Вьюги, наш заметающей след.

Стихотворение это было написано в ту пору, когда две русские поэтессы XX века²⁵³ еще ни разу не встречались²⁵⁴. В 1916 году Цветаева написала цикл стихов к Ахматовой, оставшийся тогда без ответа, как и последующие стихотворные и некоторые из эпистолярных призывов. Ахматова потом назвала свое стихотворение 1940 года «Поздним ответом» и дала ему эпиграф из настоящего на чародействе цветаевского послания (конец 1921 года), нагадавшего адресатке «полночные дни»:

Кем полосынька твоя
 Нынче выжнется?
 Чернокосынька моя!
 Чернокнижница!

Дни полночные твои,
 Век твой таборный...
 Все работнички твои
 Разом забраны <...>

Не загладить тех могил
 Слезой, славою.
 Один заживо ходил —
 Как удушенный.

Другой к стеночке пошел
 Искать прибыли.
 (И гордец же был — сокол)
 Разом выбыли.

Высоко твои братья!
 Не докличешься!
 Яснооконька моя,
 Чернокнижница!

А из тучи-то (хвала —
 Диво дивное!)
 Соколиная стрела,
 Голубиная...

Знать, в два перышка тебе
 Пишут тамotka,
 Знать, уж вскорости тебе
 Выйдет грамотка:

— Будет крылышки трепать
 О булыжники!
 Чернокрылонька моя!
 Чернокнижница!

Стихотворением 1940 года Ахматова отвечает вызову на поединок ворожей, который в этих цветаевских стихах современники сразу учуяли:

Что Анна Ахматова — «колдунья из логова змиева», это мы знаем давно; но когда читаешь эти, обращенные к ней стихи, она кажется простой, наивной и нелукавой рядом с Мариной Цветаевой, которой знакомы все заклятья, покорны все зелья²⁵⁵.

В «Позднем ответе» Ахматова как «разъярительница ветров, насылательница метелей», названная так в цветаевском стихотворении «Ты, срывающая покров», вызывает и насыляет «московские дикие стоны вьюги». И делает это вполне цветаевским enjambement'ом (впрочем, перенос был уничтожен пунктуацией в альманахе — запятой после слова «стоны»²⁵⁶). Мотив «насылательницы метелей» содержался уже в первом из стихотворений «ахматовского цикла» — «О муза плача, прекраснейшая из муз...»:

Ты черную насылаешь метель на Русь,
 И вопли твои вонзаются в нас, как стрелы.

Может быть, помимо памяти о «Песни песней» и о гумилевском «Колчане», под впечатлением этих строк Ахма-

това подумывала назвать будущую «Белую стаю» — «Sagitas (Стрелы)».

Ахматова угадывала в задорном некрологе 1921 года (ср. ее слова по поводу других цветаевских поминок — «Каркает над кровью, как ворона»²⁵⁷) какие-то враждебные пассы:

В стихах «Кем полосонька твоя нынче выжнется...» Цветаева ошибалась, считая, что А. А. была в близких отношениях с Блоком. Эти стихи А. А. считает не вполне доброжелательными, а другие стихи Цветаевой к ней — тем более²⁵⁸.

Свой вариант мотива «не докличешься» Ахматова дала в стихотворении о мучениках 1921 года, переводящем пейзажные медитации в поминальный псалом:

Все души милых на высоких звездах.
Как хорошо, что некого терять.

А в послании 1940 года к своему «двойнику»²⁵⁹ Ахматова обернула идущую еще от Некрасова «несжатую полосу» «родимыми пашнями»²⁶⁰.

1963-й, «мнимый год», как она хотела одно время назвать свой последний цикл, как и прежние, да и последующие годы, проходил под знаком заскорузлого и беззастенчивого отвержения литначальством вершинных достижений мученической русской литературы XX века:

Выдвижение социалистического реализма в качестве центральной проблемы не прошло без борьбы. Слависты из капиталистических стран привезли с собою иную программу. Их доклады были посвящены модернизму, в частности доклады ученых из США В. Эрлиха и К. Поморской. Обращаясь к советской литературе, гости с Запада выбирали, например, творчество Манделштама, искусственно вырванное из всего развития советской литературы (доклад Н. Нильссона) или некоторые новеллы Бабеля (сообщение Ван дер Энга). Как правило, все эти доклады носили сугубо частный характер, избегали крупных проблем. <...> Но самое главное — линия на выдвижение модернизма и

второстепенных явлений советской литературы не нашла поддержки участников конгресса²⁶¹.

И год этот завершался появлением в «Дне поэзии» семи страниц, 1450 строк из «Поэмы без героя»²⁶². В этот выпуск Ахматова была приглашена Михаилом Лукониным²⁶³, который писал 3 апреля 1963 года:

Мы всегда рады Вашей отзывчивости на позывные нашей ежегодной книги «День поэзии» <...> все Ваше будет ценным для нас (№ 883).

8 августа Наталья Горбаневская сообщала ей:

Луконину я не дозвонилась, но узнала все, что надо, от Ахмадулиной (она член редколлегии «Дня поэзии»). Поэма идет — все, что Вы им дали, без малейшей попытки сокращения. Ее уже сдали в набор. Не идет статья Чуковского о поэме, которую они собрались было напечатать, — «за недостатком места» (№ 793).

4 ноября книга была подписана в набор. Названная зарубежным обозревателем «звездой тома»²⁶⁴, ахматовская поэма нельзя сказать, чтоб не была упомянута и в советской печати. Позволим себе продемонстрировать эти упоминания:

Отдельного разговора требует триптих Анны Ахматовой «Поэма без героя», посвященная памяти друзей и сограждан Ленинграда, погибших во время блокады²⁶⁵.

Не может, не имеет права отрешиться ни на день, ни на минуту советский поэт от тревог за судьбы мира и человечества, ибо с этими тревогами связана и главная наша забота, забота всех забот — чтобы претворились в жизнь программные предначертания нашей партии о завершении строительства коммунистического общества — самого человеческого жизнеустройства на земле. В конечном итоге именно с этими раздумьями и тревогами связаны стихи самого старейшего по возрасту участника нашего поэтического ежегодника С. Городецкого, современника Блока:

Не прячьтесь, поэты, в уютных квартирах,
 Где космос легко смаковать из окна,
 Он в грозном движенье, он в вихрях и вирах,
 Обманна сияний его тишина.

Зачем истончаете струны на лирах?
 Кому пустозвонная песня нужна?
 Вся жизнь закипела страстями Шекспира
 В глубинах людских, потрясенных до дна.

С. Городецкий, один из ветеранов русской поэзии нового века, не одинок на страницах «Дня поэзии». В сборнике опубликованы стихи младших современников Блока — А. Ахматовой, Н. Ушакова, П. Арского, П. Радимова, П. Дружинина²⁶⁶.

В Ленинграде в эти же дни выходил тамошний «День поэзии», содержавший — и, конечно, тоже не целиком — маленькую поэму «Путем всея земли», панихиду по самой себе. 12 декабря записано стихотворение с «московским» произношением в орфоэпическом шиболете, оборванное на второй стопе последнего стиха и заставившее потом вздрогнуть ахматовских читателей:

Среди морозной праздничной Москвы,
 Где протекает наше расставанье —
 Дни декабря, как черные стволы,
 Прощальных песен первые издания,
 Немного удивленные глаза...
 Что, что, уже, не может быть, конечно,
 И святочного <неба бирюза>
 [Над горечью бездонной и безгрешной]
 И все кругом блаженно и безгрешно...
 Нет, так не расставался никогда
 <Никто ни> с кем, и это <нам> награда
 <За подвиг> наш... (С. 339).

26 декабря Ахматова показала читателю книжку «Реквием» (изданную Глебом Струве в Мюнхене за свой счет к европейскому Рождеству²⁶⁷):

«Я не книги боюсь. Боюсь, что они там напишут по ее поводу. Вот что страшно»²⁶⁸.

Машинопись «Реквиема» весной 1963 Ю.Г. Оксман подарил американской славистке Кэтрин Б. Фойер, а та через американское посольство переслала ее дипломатической почтой Глебу Струве²⁶⁹. Впоследствии (4 января 1965 года) Г. Струве писал Р. Гринбергу:

«Реквием» был получен мною из Москвы еще в мае 1963 г. из очень хорошего источника, но я очень долго колебался прежде, чем решиться печатать его. Я узнал о «Реквиеме» как цикле впервые еще в конце 1962 г. от людей, которые слышали его в собственном чтении автора. Эти люди, зная, что Ахматова (тогда, во всяком случае) не хотела выпускать эти стихи из рук и никому не давала их списывать, отговаривали меня от печатания. Решение печатать я принял летом 1963 г. и тогда в Мюнхене завел принципиальный разговор с Андреевым, но не называя еще автора произведения (единственный, с кем я тогда поделился этой вещью, был Д.И. Кленовский, которому я ее прочел).

5 августа 1963 года у Оксмана был проведен обыск, в числе прочего были изъяты «Поэма без героя» в двух редакциях, «Листки из дневника» и конспекты бесед с Ахматовой, — при встрече с нею почти два месяца спустя у него «не хватило духа сказать, что отобраны и некоторые [его] дневниковые записи о ней — с 1957 года»²⁷⁰, но представляется, что слух об этом еще раньше дошел до Ахматовой — 26 сентября 1963 года записано: «Юлиан обо мне» (С. 399). Оксман сказал при этой встрече:

«Пахнет гарью. Огни Св. Доминика опять опалили меня»,

— цитируя пьесу Е.И. Замятина 1922 года, предвестье наступления «нового католичества» и новой инквизиции, посредством костра излечивавшей от вредных мыслей. Месяц спустя²⁷¹ запах гари почувствовала и Ахматова: продолжая сорокалетнюю традицию, началась борьба госбезопасности с Иосифом Бродским.

Уважаемый Алексей Александрович!

В статье «Окололитературный трутень», помещенной в газете «Вечерний Ленинград» 29 ноября с.г., был ошельмован поэт Иосиф Бродский, один из наиболее талантливых молодых ленинградских поэтов и переводчиков. На 25 декабря в Ленинградском Отделении ССП намечен над Бродским общественный суд. Между тем, статья эта основана на вымысле, сплетнях и явном желании скомпрометировать нашу молодую поэзию. Стихи, в ней цитируемые, Бродскому не принадлежат. Талант Бродского не подлежит сомнению, его переводы с польского — подлинные произведения искусства.

Прошу Вас вмешаться в это дело, отменить суд и предотвратить гибель молодого поэта.

Анна Ахматова 16 декабря 1963. Москва²⁷².

К этому времени у Ахматовой накопился сорокалетний опыт ходатайств за преследуемых, видимо, с сопутствующим подобному опыту фатализмом, — ср. воспоминания (неточные) об эпизоде еще 1929 года:

Наш разговор прервался приходом дамы, которая начала просить Ахматову похлопотать, походатайствовать за арестованного писателя, кажется, Замятина.

Ахматова с волнением ответила ей:

— Вы сами понимаете, что это бесполезно. Вспомните, что нам сказали в 22-м году: «Талантливый поэт, но не менее талантливый заговорщик»²⁷³.

Тем не менее, как известно, в истории с Бродским она делала для его освобождения все, что было в ее силах.

Я рада, что осталась ему верна до конца (тел<еграмма> Микояну), хотя гордиться этим решительно не стоит (С. 669)²⁷⁴

17 декабря 1963 года секретариат Ленинградского отделения Союза писателей РСФСР совместно с членами партбюро единогласно решил: «В категорической форме согласиться с мнением прокурора о предании общественному суду И. Брод-

ского. Имея в виду антисоветские высказывания Бродского и некоторых его единомышленников, просить прокурора возбудить против Бродского и его “друзей” уголовное дело»²⁷⁵.

27 декабря 1963 года, в день четвертьвековой годовщины со дня гибели Манделъштама, было помечено в блокноте:

Главное — Величие замысла

И. Б<родск>ий (С. 418).

Новый 1964 год она встречала в Москве. Накануне в Ленинграде ей звонил Наум Коржавин²⁷⁶. Покойная рижская поэтесса Лида Жданова рассказывала, что он звал и ее в Ленинград, чтобы познакомить с Ахматовой. Но она отказалась: с такой фамилией...

malice — vykabocho

Глава
шестая

1964-1965

Эмили
Дикинсон.

Вольдемар
Шилейко.

Распутин
и Наум Аронсон.

Иван
Елагин.

«Литературная Россия». — Повороты и переносы. — Клюев, Распутин, Ахматова. Мальчик из Киева. Федор Раскольников. — Синявский. — Ахматова в доме Маяковского. — Хамство по принуждению. — Шпроты, апельсины, Страшный Суд. — Три четверти. — «Кто еще жив?» — Огромная звезда. — Огненный столп и soup d'état. — Отдельный Шилейко. — На самом доньшке. — Холодеющее сердце. — Heimkehr. — Свободный стул. — «Это не Фурцева». — Песня американского солдата. — Выступление в НКВД. —
Две революции, два террора. — Валоковорин на вокзале.

Новый 64-й начинался с неотвратимо приближающегося судилища над Бродским и пробных шагов в сторону ползучей апологии ждановщины, — сначала в северной столице с ее махровым сталинистским обкомом. Редактор «Звезды» вспоминал о звездных же часах советской литературы:

Однако в «Звезде» в это же время был напечатан ряд ошибочных вещей. <...> Журнал был подвергнут суровой критике. Этот документ сыграл большую роль в борьбе за высокую идейность в советской литературе¹.

Прошедший год навязал литературному сообществу резкое разделение, о котором рассуждал в дневнике в брюзгливую минуту Давид Самойлов 10 февраля 1964-го:

[В.П.] Некрасов давно уже не писатель, а функция. В нашей литературе поведение стоит произведения. То же и о Паустовском — его мемуары пустая болтовня. Но мы так грубо размежеваны, что можем принадлежать либо к «тому», либо к «этому» расплывчатому, куда принадлежит и провинциальный политикан-эстет Эренбург и не менее провинциальный Боря <Слуцкий>, и фильм «Тишина», и великая Ахматова, и бездарный Роберт Рождественский, и Сурков, и Холин. Есть еще третья — народ, которого боятся и те и другие².

В 1964-м продолжались отношения с газетой «Литературная Россия», сложившиеся в прошлом году неудачно для Ахматовой. Начиналось с бравурного аккорда — как обычно, и запомнившегося участникам предприятия, среди которых — прозаик Галина Дробот:

Помню, как мы с благословения А. Прокофьева первыми в Москве напечатали подборку стихов Анны Ахматовой. Помню, как приехали мы к ней с Ириной Озеровой³, занимавшейся у нас поэзией, и замерли, увидев перед собой не просто величественную женщину, но королеву. Мы долго и интересно беседовали с ней о поэзии, а потом отобрали ее стихи. Утром, после публикации, мне позвонил заведующий отделом литературы «Литгазеты» Георгий Гулиа и сказал: «Поздравляю! Но как ты решилась?»⁴. «Мы — «Литературная Россия»» — сказала я с гордостью⁵.

Но отобрали в этот раз только то, что могло читаться как воспоминания ленинградки о блокаде — номер был посвящен 20-летию прорыва осады. Ахматова записала:

К блок<адному>⁶ № Лит. Рос. 1) Меня как реку 2) Пятым действием 3) Надпись на Поэме 4) При непосылке Поэмы (С. 331)⁷.

Третье и четвертое не подошли. Четвертое — «При непосылке Поэмы», прямой призыв к должествующему себя узнать адресату, этюд о комаровском кедре, унаследовавшем библейскую значительность ливанских тезок, был, возможно, связан с темой Артура Лурье⁸:

Приморские порывы ветра
И дом, в котором не живем,
И тень заветнейшего кедра
Перед запретнейшим окном...
На свете кто-то есть, кому бы
Послать все эти строки. Что ж!
Пусть горько улыбнутся губы,
А сердце снова тронет дрожь.

Но с блокадой оно никак решительно не связывалось.

Третье же, ташкентское стихотворение 1943–44 годов, наоборот, прямо повествующее о том, как «Поэма без героя» спаслась из осажденного города с бегством ее автора в сентябре 1941-го, содержало чересчур неюбилейные выражения — «месиво кровавое», «клокочущая тьма» и нетактичную тему умолчания, круговой поруки автора и текста:

И ты ко мне вернулась знаменитой,
Темно-зеленой ленточкой повитой,
Изящна, равнодушна и горда.
Я не такой тебя когда-то знала
И я не для того тебя спасала
Из месива кровавого тогда.
Не буду я делить с тобой удачу
Я не ликую над тобой, а плачу,
И ты прекрасно знаешь, почему.
И ночь идет, и сил осталось мало.
Спаси ж меня, как я тебя спасала
И не пускай в клокочущую тьму⁹.

Второе стихотворение, описывающее осень 1921 года, пейзаж после казни, успешно было переодето под послеблокадное¹⁰:

Пятым действием драмы
Веет воздух весенний,
Каждая клумба в парке
Кажется свежей могилой.
Справлена чистая тризна,
И больше нечего делать.
Что же я медлю, словно
Скоро свершится чудо?
Так тяжелую лодку долго
У пристани слабой рукою
Удерживать можно, прощаясь
С тем, кто остался на суше¹¹.

В газете оно стало второй частью микроцикла «Опять на родине». Первую часть цикла составил фрагмент из маленькой поэмы «Путем вся земля». Здесь редакцию не устраивал 11-й стих, «Столицей распятой», вводящий крестную тему, как часто у Ахматовой, в финале композиции («о Ленинграде так выразаться не следовало»¹²), замененный коллективными усилиями на стих-протез:

Чистейшего звука
 Высокая власть,
 Как будто разлука
 Натешилась всласть.
 Знакомые зданья
 Из смерти глядят—
 И будет свиданье
 Печальной стократ
 Всего, что когда-то
 Случилось со мной...
 За новой утратой
 Иду я домой.

Наконец, первое — урезанное стихотворение из «Ленинградских элегий»¹³. Оно начинается выразительным межстиховым переносом, кажется, наследующим свою семантику из enjambement'ов Баратынского¹⁴. Возможно, потому поразило оно Иосифа Бродского, Баратынскому поклонявшегося¹⁵:

Меня, как реку,
 Суровая эпоха повернула.
 Мне подменили жизнь. В другое русло,
 Мимо другого потекла она,
 И я своих не знаю берегов.
 О, как я много зрелищ пропустила,
 И занавес вздымался без меня
 И так же падал. Сколько я друзей
 Своих ни разу в жизни не встречала,
 И сколько очертаний городов
 Из глаз моих могли бы вызвать слезы,
 А я один на свете город знаю

И ощупью его во сне найду.
 И женщина какая-то мое
 Единственное место заняла,
 Мое законнейшее имя носит,
 Оставивши мне кличку, из которой
 Я сделала, пожалуй, все, что можно.
 Я не в свою, увы, могилу лягу.

Но если бы оттуда посмотрела
 Я на свою теперешнюю жизнь,
 Узнала бы я зависть наконец...

Оба стихотворения, «Пятым действием драмы...» и «Меня, как реку...», говорили о роковом переломе эпохи лихолетья, об области памяти, заселенной тенями казненных и умученных, и об отнятой в 1917–1921 годах судьбе — о том, что было сказано в письме Н. Пунина 1929 года:

Думаю о своей судьбе, отнятой, как сказал Мандельштам обо всех нас¹⁶.

В день, когда оба стихотворения, существовавшие до тех пор на грани запретности, появились в газете, Ахматова написала новую «песенку» — своего рода «дневной остаток» этого дня, дня публикации бредов и пения могил:

Услаждала бредами,
 Пением могил,
 Надеяла бедами
 Свыше всяких сил...
 Занавес неподнятый...
 Хоровод теней...
 Оттого и отнятый
 Был [мне всех] еще родней.
 Это все поведано
 Самой глуби роз,
 Но забыть мне *не дано*
 Вкус вчерашних слез (С. 425).

В своей маленькой комнате на Ордынке она прочла мне только что написанное «Услаждала бредами...» (потом вошло в цикл «Песенки» как «5. Последняя»). Прочла — и ждет, что я ей скажу. Я пробормотала что-то насчет того, как потрясли меня последние строки...: «Но забыть мне не дано / Вкус вчерашних слез». Она была недовольна — ей нужны были не восторги, а профессиональный разговор поэта с поэтом!¹⁷

После разовой публикации на блокадную тему намечалось регулярное сотрудничество полноправного члена Союза писателей Российской Федерации в этом органе. По этому поводу она встречалась со Львом и Ириной Озеровыми и с Сергеем Поделковым, вызвавшим у нее, как она зафиксировала «душевную приязнь»¹⁸. Последний в 1930-х сидел, и цитатой из своего четверостишия тех лет

Молчанье — золото, — давно твердят,
Им полон мой лубянский каземат.
О зарешеченная ложью жизнь!
Молчанье — смерть. А я ведь жизни рад!¹⁹,

надписал 20 февраля 1964 года свой сборник «Горящие деревья»:

Анне Андреевне Ахматовой голос пробившийся сквозь зарешеченное время²⁰.

В позднехрущевские годы Поделков подыгрывал вельможным ораторам²¹.

Полоса набранных стихов была остановлена в марте в связи с публикацией воспоминаний В. Жуковской о Распутине в газете «Неделя» 22 марта.

И «Литературной России» сделан был нагоняй: нельзя на близком расстоянии — близком по времени — преподносить читателю — хотя бы и в разных органах печати! — два таких близких в умах начальства имени, как Распутин и Ахматова²².

Этот вполне обычный для тех лет скандал, по-видимому, откликнулся в ахматовских мемуарных замыслах. Возможно, что именно В.А. Жуковскую подразумевает ее запись в плане заметки о Распутине:

Х. у Замятиных (С. 574)

— фрагменты мемуарной книги В.А. Жуковской печатались в 1924 году в журнале «Русский современник», одним из редакторов которого был Е.И. Замятин. И еще более вероятно, что скандал этот натолкнул ее на пробу мемуарной заметки о Николае Клюеве 26 марта:

...я уверена, что у него была мысль сделать из меня небесную градоправительницу, как он сделал Блока нареченным Руси (С. 429).

Клюев и в стихах, и в стилизованном житейском поведении не раз утверждал свое двойничество с Распутиным²³ и потому, видимо, в эти дни по сходству-смежности попался на перо. Ахматовская же подборка — с кусками из «Путем всея земли» (не печатавшимися до тех пор), с «Третьим Зачатьевским», с оставшимися после отбора Ю. Барабаша «Полночными стихами» (С. 459) и другим была перенесена на июнь 1964 года (С. 467), но в конце концов не появилась в этой газете никогда.

В конце марта, в дни, когда Ахматова отмечала сорокалетие «Четок», до нее дошла заокеанская статья неизвестной ей бывшей киевлянки Ольги Анстей о мюнхенском «Реквиеме»²⁴:

Нашему поколению (я имею в виду собратьев певчего ремесла) — нельзя умирать, не уплатив один должок: мы, пережившие тридцать седьмой год, обязаны рассказать о нем, вынуть его из себя, выпеть, выкричать. Между тем, мы говорим о нем скудно, робко, вяло. Там, дома, многое, верно, ходит изустно или прячется летом в печку, а зимой за форточку (да, да, знаю, лагерей нет, а подпрятывать все же не мешает). Поздно и трудно дошли до нас драгоценные стихи Мандельштама:

Я на лестнице черной живу, и в висок
Ударяет мне вырванный с мясом звонок.

И всю ночь напролет жду гостей дорогих,
Шевеля кандалами цепочек дверных.

Вот это островки, и их заливают молчаливая вода житейская, равнодушная, спокойная. Удивительно ли, что сейчас все взволнованы, будто разбужены: кто не читал — тот спрашивает, ищет, где бы достать; до нас дошел голос величайшего из живущих русских поэтов. Ахматова говорит о черном годе. И каждое слово ударяет, как колокол.

Солнечным августовским ленинградским днем к Ахматовой пришел черненький застенчивый юноша, почти мальчик. Он почти не дышал от благоговения и страха, и мял в руках тетрадку. В тетрадке были стихи. Чтобы прочесть их, мальчик приехал из Киева. Звали его Иван Елагин²⁵.

— Мне очень жалко, — сказала ему Ахматова, — но я не могу вас выслушать. Сына завтра увозят, и я собираю теплые вещи.

Мальчик молча поцеловал ей руку и ушел.

Это был тот «светлый день и опустелый дом», позднее ставший ее стихами. Семнадцать месяцев длился ее материнский крестный путь. Об этом она нашла сказать единственные, ахматовские слова. Мы все теперь их прочтем в ее белой книжечке. Мы не забудем ни «красную ослепшую стену», под которой стоит бабья очередь с передачами, ни зарисованный двумя штрихами момент ареста:

...верх шапки голубой
И бледного от страха управдома.

Как мы ждали этого голоса! И вот он звучит с такой же силой, как в «Белой стае», такой же царственно простой и строгий. И так же, как и тогда, давно, этот голос клеймит нас, бежавших, спокойным, незлобным презрением. <...> Уста народа открылись, и эти уста — Анны Ахматовой. Поклонимся ей земно.

Ср.:

«Это не статья, это вопль!», — сказала Анна Андреевна с явным одобрением. Но стихи Елагина и само его имя для нее были новостью. «Ну разве я могу всех запомнить?...»²⁶

А в СССР одним из последних отгулов реабилитационных сенсаций оттепели была санкционированная Хрущевым²⁷ одобрительная статья о посмертно ставшем праотцем самиздата²⁸ Федоре Раскольникове²⁹, когда-то в качестве официального начальника, а не просто мужа, оставившего помету на письме Ларисы Рейснер к Ахматовой 1921 года: «Просмотрено. Раскольников»³⁰, — и, как это не раз замечено за Ахматовой, незадолго до попадания имени в новости, она его вспоминала³¹.

Весной Ахматова впервые напечаталась в «Юности» (корректуру на дом ей приносил сотрудник редакции Олег Чухонцев), где к тому времени «талантливый приспособленец» Валентин Катаев, потерявший свой пост в неоправдавшейся надежде стать редактором «Литературной газеты»³², был сменен «настоящим аппаратчиком. Этот человек вообще ничего не понимал в литературе»³³. В четвертом номере среди прочих появились два стихотворения, соседством своим друг с другом указывавшие на запретную встречу 1945–46 года:

Как сияло там и пело
Нашей встречи чудо,
Я вернуться не хотела
Никуда оттуда.
Горькой было мне услодой
Счастье вместо долга,
Говорила с кем не надо,
Говорила долго...

и

Не придумать разлуку бездонней,
Лучше б сразу тогда — наповал...
И, наверное, нас разлученней
В этом мире никто не бывал.

В июне должно было отмечаться ее 75-летие, и «Новый мир» поручил написать юбилейную статью Андрею Сиявскому, которому охранительная печать давала хорошие — по правильному счету «от противного» — рекомендации³⁴. 26 апреля перед встречей с ним записано:

В 4 часа — Сиявский. Будет читать свою статью для «Нового мира» № 6... Дать ему 1) Кузмин. Предисловие> 2) Ходасевич о «Четках»> 3) Пастернак (Из 6 книг>) 4) Марину (письма) 5) Мандельштам <...>. Звонить [Л.А.] Озерову, чтобы привез «Paese sera» и все другое (С. 459).

Оказалось, что статья уже завершена, и композиция ее не предполагает включения цитат из прекрасных поэтов, к тому же нарушающих все балансы цензурного приличия — из Кузмина, Ходасевича, Мандельштама, Пастернака (сборник которого в «Библиотеке поэта» с предисловием того же Сиявского все не выходил). Пастернак и Мандельштам, впрочем, в статье присутствовали — в цитатности названия. «Раскованный голос»³⁵ называлось одно раннее стихотворение Пастернака, и это же словосочетание призывало мандельштамовский мадригал 1914 года. По словам автора статьи, во время встречи «Ахматова придиралась к каждому слову его (хвалебной) статьи о ней, величественно поворачиваясь в профиль, и довела его до того, что он ушел со словами «Пускай о Вас Сурков пишет!...»³⁶ — но Ахматова, как мы уже знаем, плохо слышала.

Она потом рассказывала:

«Все неверно, я ему так и сказала, хотя он очень милый, не хотелось его огорчать»³⁷.

В злополучной статье Ахматову, во-первых, должно было насторожить напоминание о тыняновском эссе «Промежуток» (с которым она, похоже, спорила в «Поэме без героя» — «ну а вдруг как вырвется тема»³⁸) в начальном абзаце:

Многие годы поэзия Анны Ахматовой представлялась современникам как бы застывшей в замкнутых границах, проложен-

ных ее первыми книгами — «Вечер», «Четки», «Белая стая»... Казалось, погруженная в прошлое, в мир интимных переживаний, в собственную стиховую культуру, она никогда не вырвется из плена своих излюбленных тем, знакомых образов, найденных интонаций. О том, что Ахматова осуждена «перепевать себя», писала критика еще в двадцатые годы, и, к сожалению, такой взгляд на ее творчество до сих пор не изжит в читательском восприятии.

Во-вторых, дело было не столько в недостатке хвалы, сколько в весьма приблизительном противопоставлении ранней и поздней поэзии. Не только «ее гражданская лирика тридцатых годов и военного времени» была исполнена «трагической силы и мужества», это вполне могло быть сказано о ее стихах периода первой войны и революции. А «следить за игрой нюансов, “микроскопических малостей”, чуть слышных, еле уловимых модуляций» нужно было не только при чтении ранней лирики, но и лицом к «Поэме без героя» (вообще в статье не названной), к циклам «Cinque» и «Шиповник цветет», и к самым для нее дорогим в это время «Полночным стихам». Создавалось впечатление, что автор спохватывается и вдогонку корректирует общепринятую антитезу:

Новые качества поздней ахматовской лирики заставляют поиному взглянуть и на ее литературную биографию, пересмотреть некоторые ставшие традиционными мнения о поэзии ранней Ахматовой. Стоит задаться вопросом по поводу ее возможностей — быть может, уже тогда, в начальный камерный период ее развития, таилось, существовало в потенции то, что послужило опорой позднему, окрепло и обновилось впоследствии?

На удивление критика таящимся возможностям способной поэтессы реагировала записью от 9 июля:

Статья Синявского, кот<орую> я наконец сподобилась прочесть, вовсе не такая плохая, — как я думала. В ней я поэт, подающий надежды. (Sic!) Однако... (С. 471)

В тот же, видимо, день намечено, а потом зачеркнуто:

открытку Синявскому (С. 471).

Раздражала, видимо, и фиксация внимания на том стихотворении, которое Синявский назвал «классической тирадой» и которое предстательствовало за автора перед миллионами читателей со времен ждановского доклада³⁹. За три года до того она получила письмо из Днепропетровска от юноши, узнавшего о ее поэзии на уроке литературы из обрубков стихотворения «А, ты думал — я тоже такая...»⁴⁰. И еще она записывала:

«Молодежь узнала слово блуд из доклада Жданова» — Витте-Грачев, 1962. (С. 204)⁴¹.

14 сентября 1964 года внесено:

Он (Н.В. Н<едоброво>) пишет об авторе Requiem'a, Триптиха, «Полночных стихов», а у него в руках только «Четки» и «У самого моря». Вот что называется настоящей критикой. Синявский поступил наоборот. Имея все эти вещи, он пишет (1964), как будто у него перед глазами только «Четки» (и ждановская пресса) (С. 489).

В статье «Раскованный голос» — и это должно было быть очевидным Ахматовой — уместная лексика давала пластичную характеристику ее поэтического строя:

В отличие от ряда своих литературных сверстников и современников Ахматова чуралась резких стилевых сдвигов, радикальных преобразований и более тяготела к традиционным формам стиха, к классической точности и ясности языка, к гармонической речи Пушкина и Баратынского. Она и сейчас склонна к поэтическим реминисценциям, играющим подчас роль параллельных зеркал, которые создают в произведении углубленную перспективу и вместе с тем сближают удаленные друг от друга предметы («Как в прошедшем грядущее зреет, так в грядущем прошлое тлеет...»). Литературные имена, эпитафии, посвящения, встречи и прощания с минувшим («Как будто прощаюсь

снова с тем, с чем давно простилась...»), сведение старых счетов с собою и своей памятью — все это не сковывает, а скорее облегчает задачу: вызвать на небольшом участке стихотворного текста ощущение большого пространства и свободно двигаться в нем, аукаться, перекликаться с голосами других эпох, других сфер бытия. Благодаря широте охвата целый мир может стать посредником в разговоре автора с его мысленным собеседником, и то, что этот обмен мыслями ведется вполголоса или протекает в молчании, — уже не помеха. Безмолвие, тишина у Ахматовой обыкновенно говорит не об отсутствии, но о присутствии захватывающего, величественного.

Мне с тобою как горе с горюю...
Мне с тобой на свете встречи нет.
Только б ты полночною порою
Через звезды мне прислал привет...⁴²

Но дистанцированное отношение Синявского к ахматовской поэзии и его приверженность иным богам Ахматова угадала.

Статью отметила парижская газета:

Заголовок выбран очень удачно: много десятков лет голос лучшей русской поэтессы был придушен властью. Но раскован ли он теперь — сказать трудно. А. Синявский в послесловии намекает на то, что поэтесса многие годы «была погружена в прошлое», «в мир интимных переживаний», что советской критикой она «осуждена перепевать себя», что идти в ногу с веком она не может и что такой взгляд на ее творчество «до сих пор не изжит еще в читательском восприятии»...

А. Синявский выступает далее в качестве защитника Ахматовой. Он пишет, что в военные годы Ахматова «изменила самый строй и тональность своей лирики» и имела мужество, отбросив «игру нюансов микроскопических малостей», заговорить «громко и крупно на языке площадного просторечья». Это последнее обстоятельство, совместно с решением Ахматовой не покидать родину в 1917 году, по мнению автора, по видимому, и послужило причиной «раскрепощения голоса». Решение не покидать родину после революции было вызвано

не только соображениями политического характера: были и личные мотивы... За свой патриотизм Ахматова заплатила в свое время страшную цену. Но не это послужило причиной раскрепощения «закованного голоса»: патриотизм Ахматовой не был похож на советский. Это власть понимала хорошо и никаких иллюзий по этому поводу не делала. Старой «тональности своей лирики» Ахматова до сих пор не изменила и «языка площадного просторечья» в ее стихах, слава Богу, до сих пор не заметно. Доказательством могут служить ее стихи, приведенные выше... Вот почему искреннее желание Синявского взять Ахматову под свою защиту может оказаться недостаточным, а раскрепощение «закованного голоса» — временным и частичным. Пожелаем, чтобы наши мрачные предположения не оправдались. Пожелаем также знаменитой поэтессе счастья, творческих успехов и долголетия⁴³.

Другое юбилейное мероприятие предложила Библиотека-музей В.В. Маяковского — в эти годы «прибежище всех гонимых талантливых бедолаг, там устраивались “прогрессивные” выставки...»⁴⁴. Согласие юбиляра было получено, но «принять участие в этом вечере она категорически отказалась»⁴⁵. При неприсутствии виновницы торжества главной ее заботой становилось звучание ее стихов. В те дни Ахматова обсуждала эту тему с разными собеседниками. 9 мая в разговоре о «том, как актеры читают стихи, —

«Срамотища!» — смачно сказала⁴⁶.

Знакомой преподавательнице художественного чтения Н.Л. Дружининой она пожаловалась:

Я люблю, когда стихи читают ритмично, мелодично и без выражения. А где найдешь такую исполнительницу? Каждой хочется себя показать.

Н.Л. Дружинина рекомендовала свою ученицу Галину Грибакину, с которой перед вечером и пришла на квартиру Ардовых⁴⁷.

Первое впечатление от Ахматовой — голос низкий, гортанный, немного больной. Мы вошли. В комнате было двое людей: черноволосый, черноглазый, смуглый юноша с суровыми глазами и кто-то еще, кого не запомнила. Слева от двери на обыкновенной кровати лежала не менее как королева. Ее лицо меня не поразило, как будто я раньше знала ее. Она протянула нам руки и пригласила сесть. Я была спокойна и наблюдала. Через некоторое время, когда Н.Л. поставила принесенные нами цветы в воду, я стала читать поэму «Полночные стихи», немного заволновалась и так как недавно выучила текст — сбилась. Ахматова удивилась тому, что мое чтение стихов было похоже на то, как она сама читала стихи. Потом я продолжала. Анна Андреевна милостиво кивала головой после каждого стихотворения. Словом, ей не претило мое чтение. И слава Богу! Мне нравится, что она требовательна к исполнению своих стихов. Мы посидели еще несколько минут. Иногда воцарялась тишина. <...> Анна Андреевна показала нам несколько своих фотографий, книгу, вышедшую в Риме, со статьей о Модильяни, который был ее хорошим другом. Движения Ахматовой были плавны, позы головы величественны. Вот ее портрет: крупная полная фигура в темно-лиловом платье, на шее черные бусы, которые она перебирала рукой. Большое лицо, еще красивое, нисколько не пострадавшее от старости, нос с горбинкой, красивые полные губы, глаза, глядящие повелительно, веки полузакрыты. Цвет глаз неопределенный. Я вспоминаю светлейшие глаза ее юности. Этого нет теперь. Седые волосы. Челка. На затылке волосы уложены в косу. Пожатие рук хрупкое. Почти дает руку поддержать. Руки красивые.

Разговор зашел о Марине Цветаевой. Анна Андреевна стала нам читать свое стихотворение, ей посвященное. Вошел Найман, и чтение было прервано. Н.Л. встала и мы стали прощаться. Бросив последний взгляд на Ахматову, я увидела ее глаза, устремленные в какие-то высокие сферы. В ее взгляде было что-то царское, торжество самой собой. Такого я еще никогда не видела. Найман проводил нас до двери, сухо простился, и мы вышли. Был дождь, мы взялись за руки и пошли по лужам⁴⁸.

Сохранившиеся среди бумаг Ники Глен списки предположительных приглашаемых очерчивают почти весь круг ахматовских московских друзей того года.

Эмма Герштейн, И. Семенко, Ника Глен, Юля Живова, Илья Слоним и Татьяна Литвинова, Вл. Муравьев, М.С. Петровых и А. Головачева, Миша Ардов, Э. Бабаев, Г.В. Глекин, С.Э. Хайкин, Аманда Хейт, Н.Л. Шенгели, Таня Айзенман, Л.К. Чуковская, И.Д. и Н.В. Рожанские, Н.И. Столярова, Н.И. Ильина, Фаина Раневская, Е.С. Булгакова, В.Я. Виленкин, Л.З. Копелев и Р.Д. Орлова, Вяч. Вс. и Т.Э. Ивановы, Фрида Вигдорова, Н.А. Словеснов, Галина Корнилова, Л.Д. Большинцова, Вадим и Ольга Андреевы, Владимир Корнилов, С.В. и А.С. Шервинские, В.Е. Ардов, Б.А.Тарасов, Е. Ильзен, С. Маркиш, Ю. Нейман, Ася Сухомлинова.

В Библиотеке-музее выступал (как это было намечено в Литературном музее за два года до того) Виктор Максимович Жирмунский:

Во время моей молодости, когда появились литературные манифесты вождей акмеизма Н. Гумилева и С. Городецкого, столь непохожих друг на друга в своем творчестве и в своих теориях, мало кто из современников верил в существование акмеизма. Я был тогда один из немногих, кто верил. И Гумилев говорил тогда обо мне, как будто я «единственный критик, признающий существование акмеизма». Но он же считал, что и я не понимаю, что такое акмеизм. Сейчас все верят, что существовала литературная школа акмеизма, к которой принадлежала молодая Ахматова, а я стал в этом сомневаться. Из группы так называемых акмеистов вышло три крупных поэта: Ахматова, Гумилев и Мандельштам. И объединяет этих трех поэтов, столь непохожих друг на друга в своей творческой индивидуальности, мне думается, отнюдь не положительное содержание их поэзии, но только одно отрицание символизма, их «антимодернизм», что, впрочем, не совсем справедливо для Мандельштама, в особенности, для его поздних стихов⁴⁹.

На вечере был Алексей Крученых, незадолго до того встречавшийся с Ахматовой. Он во все время вечера ухаживал за девушкой из Сибири, пришедшей в платье без рукавов по фасону вдовы (уже) президента Жаклин Кеннеди⁵⁰. Московское

писательское большинство пошло в этот вечер на концерт легендарной актрисы Марлен Дитрих⁵¹ — был там и К. Паустовский, и умирающий Михаил Светлов, объяснявший, что появился он не из-за Марлен: «Я пришел на всех вас поглядеть, посидеть в этих стенах»⁵².

Происходившее в Библиотеке-музее подробно законспектировано Р.Д. Орловой, которую, в свою очередь, запечатлел в экспромте Зиновий Паперный:

Мы все сидели обмирая,
в душе как будто свет и гром,
и только Рая, только Рая
скребла старательно пером⁵³.

Снулый отчет о вечере — вместо ожидавшихся в том номере ахматовских стихов! — появился в «Литературной России». Заголовок его цитировал секретарски-поэтичную приветственную телеграмму ССП РСФСР: «Есть книги, которые, как звезды, всегда горят...»⁵⁴.

Шестой, «юбилейный» номер «Нового мира» меж тем держивался. Нам пока до конца не известны обстоятельства, о которых 21 июня 1964 года А.Т. Твардовский записал в рабочей тетради:

Опять, когда встал вопрос с Ахматовой, которая мне не сватья, не кума, но перед которой журнал должен был схамить лицемерно по принуждению, — опять от самых решительных заявлений меня удержала куда большая задача впереди: роман Солженицына⁵⁵.

Возможно, что эта не совсем ясная нам запись относится к эпизоду, запомнившемуся Аманде Хейт:

Я сама была свидетельницей этой неопределенности в 1964 году. Несколько стихотворений Ахматовой предполагалось напечатать в «Новом мире». Редактору, ответственному за эту публикацию, пришлось неожиданно уехать, а когда она вернулась, то обнаружила, что стихи выкинуты из корректуры, так как повер-

гли в ужас одного из работников редакции. До цензора они даже не дошли. При мне редактор пришла к Ахматовой, чтобы принести ей свои извинения, и сообщила, что, вернувшись, немедленно отнесла корректуру цензору, который заявил, что изымать их было нелепостью. «Новый мир» поспешил сгладить неприятное впечатление и в следующем номере опубликовал расширенную подборку стихотворений Ахматовой⁵⁶.

Во второй половине мая редакцию «Нового мира» посетил мало кому в Москве ведомый Филипп Бен, имя которого есть в ахматовской записи от 20 мая 1964 года в перечне предстоящих телефонных разговоров и расписанных по часам визитеров⁵⁷ (вероятно, до Ахматовой он так и не добрался). В редакции ему сказали:

«В июне журнал опубликует в числе прочего стихи Анны Ахматовой, великой русской поэтессы, у которой были сложные отношения со сталинским режимом, а потом и с хрущевским. Кстати, публикация эта, как кажется, будет единственной формой празднования ее 75-летия. Единственный сборник ее после войны вышел в 1960 году и фактически не был пущен в продажу, его невозможно достать. Впрочем, одно издательство готовит собрание ее стихов в двух томах, но срок его выхода все еще окутан мраком неизвестности»⁵⁸.

Однако в июне возникли новые осложнения. О них вспоминал А. Кондратович, сотрудник журнала:

В мае или июне 1964 года мы решили отметить 75-летие Анны Ахматовой. Начальство в этом увидело криминал... И вот решили нас повоспитывать. В ЦК к Снастину пригласили А.Т. с замами — Дементьевым и мной. Кабинет у Снастина просторный. Уселись друг против друга: Снастин, Поликарпов и мы. И они начали: ну вот, вы опять за свое, опять Ахматова (<...>Ясно, что Ахматова для [Поликарпова] была жупелом. Он-то, пожалуй, и устроил эту встречу у Снастина: одному разговаривать с А.Т. было трудно, решил взять в помощь первого заместителя Ильичева.) Разговор быстро стал острым. А.Т. сказал: до каких пор мы будем с подозрением относиться к большой русской поэтес-

се, ведь ей уже и премию дали в Италии. Полицарпов: ну, мол, это известная Италия, а нам-то почему отмечать юбилей. Никто не отмечает, только вы, «Новый мир». Но Полицарпов тут-то и поскользнулся, он не видел последние журналы,— и не то я, не то Дементьев сказал, что есть статья в «Звезде», появилась статья Чуковского и в «Москве». А.Т. весело посмотрел на Полицарпова и смеясь, но не без жесткости, сказал ему: «Слушай, ты вот все время ругаешь “Новый мир”, а ведь читаешь только этот журнал, другие-то журналы ты не читаешь. Тебе их и неинтересно читать». От этой неожиданной реплики Полицарпов опешил и не нашелся, пробурчал совсем стандартное: «Вас приходится читать, за вами только следи...» — «А ты не следи»,— развеселился А.Т. Воспитание никак не получалось. Снастин пытался повернуть разговор: «Дело не в Ахматовой, у вас вообще печатается бог знает что». — «Что,— спросил А.Т., — конкретно?» И когда тут же выяснилось, что Снастин говорит лишь общие слова, А.Т. взорвался: «Хорошо. Вы против нас. Журнал вам не нравится. Так я прошу вас обратиться в Секретариат ЦК и доложить, что мы неверно ведем журнал, неправильно понимаем свои задачи. Докладывайте! И пусть нас снимают». Снастин: «Ну зачем, А.Т., так, мы же ведем товарищеский разговор. Мы советуемся...» И только подлил масла в огонь. А.Т. еще сильнее разозлился: «Это называется не советовать, а совсем по-другому. Обращайтесь в Секретариат, а мы своей позиции менять не собираемся...» И я вижу, как Снастин и даже более опытный Полицарпов пасуют. И снова: «Мы же хотели только поговорить, узнать ваше мнение...» В конце концов А.Т. отходчив, и расстались мы чуть ли не друзьями. Ахматову в тот же день Главлит подписал⁵⁹.

«Статья в “Звезде”», на которую по советской манере скрываться за прецедентом сослался тертый А. Дементьев — статья молодого критика Адольфа Урбана. «Шестидесятническая» половинчатость ее была прокомментирована в эмигрантской печати:

А. Урбан дает разгадку таинственному решению отметить в СССР семидесятипятилетие такого «несозвучного» соцреализма и коммунизму поэта, как Анна Ахматова:

«За рубежом очень интересуются поэзией Анны Ахматовой. Появляются переводы ее стихов, пишутся статьи, книги, защищаются диссертации. Но при всем том принимаются во внимание лишь те произведения Ахматовой, которые помечены 1909–1920 годами. Иноземным ценителям и журналистам важно не то, что Ахматова жива и что наиболее совершенные произведения написала позднее, а именно в 30–40–50–60-е годы. Им важно доказать, что оставшаяся в России Ахматова замолкла, иссякла, исписалась. Был поэт — и нет поэта. Такова была уготованная Ахматовой схема. Такую судьбу ей придумали и навязали»⁶⁰. Разбить эту ложь не представляет труда: на одном лишь русском языке вышли в течение последних лет поэтическая антология В. Маркова «Приглушенные голоса» (среди других — стихи Ахматовой за период 1917–46 годы), «Избранные стихотворения» (254 стр.), куда вошли частично ранние сборники и полностью «Ива» (1922–40) и «Стихотворения периода Второй мировой войны» (Изд-во им Чехова. Нью-Йорк, 1952 г.). В альманахе «Воздушные пути» № 1, 2 за 1960 и 1961 гг. (Нью-Йорк) целиком опубликованы два варианта последнего большого произведения Ахматовой «Поэма без героя», ходившего по рукам в России и напечатанного там три года спустя после «Воздушных путей». Наконец, Изд-во Зарубежных Писателей в Мюнхене выпустило тоже передающийся и переписывающийся тайком в СССР цикл стихов под общим названием «Реквием», до сих пор (1963) еще не опубликованный в советской печати.

Несомненно, что главная причина чествования юбилея Ахматовой — интерес к ней в свободном мире. Игнорировать ее дальше при сегодняшней ситуации в СССР становится невозможным. Легко проследить по опубликованным статьям те основные вехи, по которым должно происходить «освоение» Ахматовой советской критикой. По указаниям свыше ее следует признать, но обязательно изобразив гражданским поэтом, в котором гражданские нотки появились лишь начиная с тридцатых годов (А. Синявский). Затем следует отделить «несозвучное» в ее поэзии от более или менее приемлемого, подав его как некий застарелый спор с тенями прошлого, непонятный нашему советскому читателю (А. Урбан). <...> Особый акцент следует делать на враждебности Ахматовой к эмиграции, но ни словом

не упоминать при этом об ее отношении к большевистской революции и неприятию коммунизма. «В общем и целом» — изображать Ахматову в роли советской поэтессы, главное в творчестве которой «принадлежит нашему времени» (А. Урбан). Всю эту трагикомическую ситуацию можно было бы определить одним предложением — «Магомет идет к горе», если бы оно не унижало великого пророка магометан. Увы, это не прямой путь человека, честно признавшего свое бессилие заставить другого сдаться, а обходной путь жулика, неустанно надеющегося обмануть и «гору», с целью ею овладеть, и окружающих свидетелей неравного поединка⁶¹.

«Известная Италия», т.е. решение Европейского сообщества писателей, КОМЕСа, о премии 1964 года, цекистов не радовало. 25 мая они получили письмо Суркова:

Как сообщил через посольство СССР в Италии Генеральный секретарь КОМЕС Д. Вигорелли, советской поэтессе А.А. Ахматовой решением жюри, членом которого он состоит и в которое входит коммунист проф. Д. Дебенедетти, за совокупность ее поэтических произведений присуждена итальянская литературная премия Таормино. Премия эта ежегодно присуждается за лучшие произведения поэзии и учреждена она муниципалитетом сицилийского города Таормино. В недавнем прошлом эту премию получили такие крупные прогрессивные поэты Италии как Умберто Саба и нынешний лауреат премии Нобеля Сальваторе Квазимодо, а из иностранных поэтов недавно умерший французский поэт коммунист Тристан Тсара. Размер этой премии 1.000.000 лир, т.е. около двух тысяч долларов. Это первый случай присуждения иностранной премии советскому писателю.

Анна Ахматова ныне по возрасту старейший русский советский поэт (ей 24 июня исполняется 75 лет). Происходя из буржуазно-дворянской среды, она прошла сложный путь развития как русский поэт. В предреволюционные годы была самой популярной русской поэтессой с ярко выраженными чертами замкнутости в личных темах тематики и проблематики ее стихов. После Октября, когда большинство ее соратников по группе акмеистов покинули страну, а глава группы, в прошлом ее муж Н. Гумилев

был расстрелян за участие в контрреволюционном заговоре, А. Ахматова осталась в Ленинграде и в годы до Великой Отечественной войны писала мало оригинальных стихов, но много переводила и занималась исследованием творчества Пушкина. Великая Отечественная война застала ее в Ленинграде и была временем коренного перелома ее отношения к советской действительности. Начиная с цикла стихов посвященных обороняющимся от врага ленинградцам и таких стихов как «Мужество», напечатанное в начале 1942 г. в «Правде». Ахматова по праву занимает свое место в ряду советских поэтов, помогавших народу своей патриотической лирикой, выступает по радио с патриотическими призывами к ленинградцам. После войны у Ахматовой возникает рецидив ее прежних настроений, и ее стихи подвергаются справедливой, но очень резкой по тону критике в постановлении ЦК ВКП(б) «О журналах “Звезда” и “Ленинград”». Постановление это не проходит для Ахматовой бесследно. В 1948 году на страницах журнала «Огонек», а потом и в других периодических изданиях, начинают публиковаться новые ее стихи, возвращающие ее в ряды советской поэзии. С тех пор, до последнего времени, А. Ахматова печатается в советских журналах и газетах, выпускает две книги стихов и подготовила для издания в изд-ве «Советский писатель» третью книгу. Во всех случаях, когда иностранные журналисты и иностранные студенты пытались спровоцировать Ахматову на какие либо жалобы или антисоветские высказывания, она давала им резкий отпор и вела себя как достойный советский гражданин.

Принимая во внимание все это, а также то, что наше положительное отношение к присуждению ей итальянской премии больно ударит по рукам иностранных клеветников, было бы полезно не препятствовать принятию Ахматовой этой премии, разрешить ей, когда позволит здоровье, съездить в Италию для получения этой премии сроком на 2 недели (в сентябре-октябре текущего года) и опубликовать в «Литературной газете» и «Литературной России» информацию о присуждении премии. Необходимость выезда в Италию обусловлена статутом премии, предусматривающим личное вручение ее лауреату в Таормино. Прошу указаний по этому вопросу.

27 мая 1964 года Д. Поликарпов и В. Снастин отослали в Политбюро документ, так и живописующий своими сбоями интонации и государственной логики поголовный разброд и шатание партийных умов на излете хрущевской эпохи:

Союз писателей СССР (т. Сурков) просит разрешить поэтессе А.А. Ахматовой принять итальянскую литературную премию Таормино и разрешить ей выезд в Италию на две недели; опубликовать в печати информацию о присуждении ей премии.

Как явствует из шифровки Советского посла т. Козырева, т. Сурков дал предварительное согласие на приезд в Италию А. Ахматовой без согласования вопроса на месте.

Присуждение итальянской литературной премии А. Ахматовой, несмотря на то, что эта премия присуждалась ряду прогрессивных писателей, в том числе коммунистов, имеет тенденциозный характер, является поддержкой поэтессы, творчество которой критиковалось в нашей стране.

В сложившейся обстановке Идеологический отдел считает возможным согласиться с предложением т. Суркова о поездке А.А. Ахматовой в Италию на десять дней для получения премии и опубликовать в «Литературной газете» короткую информацию о присуждении А. Ахматовой премии.

Просим рассмотреть.

С документом по правилам иерархии сначала предложил «согласиться» Л. Ильичев, а 11 июня тт. Брежнев, Ильичев, Демичев, Пономарев, Суслов скрепили разрешение своими подписями⁶².

О том, как весть неделю спустя дошла до Ахматовой, записано в дневнике А. Гладкова, побывавшего вечером 20 июня у Василисы и Варвары Шкловских:

А. А. вина не пьет, а только водку⁶³, но сегодня она не хочет пить, и мы покупаем боржома, сыра, ветчины, шпротов и апельсинов. Образуется маленький пир. Еще горячая картошка и чай. <...> Сидим так несколько часов. А. А. говорит немного, но всегда интересно. Юля Живова приносит известие, что А. А. разрешена поездка в Италию. Там ей присудили какую-то премию и идет

что-то вроде фестиваля поэзии. До этого все время отказывали. Будто бы разрешено ехать на 10 дней в любое удобное А. А. время. А. А. узнает это впервые вот тут. Она заметно (хотя не слишком) оживляется и просит, чтобы проверили. Звонят Маргарите Алигер, и та подтверждает (у нее дочь Маша⁶⁴ служит в Иностранной комиссии ССП)⁶⁵.

После и, видимо, вследствие этого сообщения в Москве написан катрен, окрашенный эсхатологическим закатым свечением всех ахматовских стихов этого года. Год спустя этими строками с трехгранным «Ты» намечалось открыть цикл «В пути», назвав их «Предпуть» (С. 492):

Светает. Это Страшный Суд —
 [Здесь] И встречи горестней разлуки.
 [И] Там мертвой славе отдадут
 Меня твои живые руки (С. 469).

Советское официальное признание зарубежной премии побудило редакцию «Известий» предложить поэтессе публикацию на страницах приложения к своей газете — в «Неделе». Перед этим к ней зачастил ответственный за «Неделю» Валентин Гольцев, человек мышления весьма официозного⁶⁶. Сначала он попросился в гости, чтобы узнать мнение Ахматовой «о таланте Бродского». Потом он озаботился реабилитацией Гумилева, для чего следовало — по специфической «шестидесятнической» логике — выступить в «Известиях» против вашингтонского собрания сочинений Гумилева, и Ахматова отдала ему первый том⁶⁷. Затем он обещал помочь с московской пропиской Н.Я. Мандельштам, и Ахматова

говорит, что это ей стоило «ночи» (тот просидел у нее допоздна, расспрашивая об О.Э.), и А. А. мягко острит, что «когда Коломбине 65 <sic!> лет, то это уже не безнравственно»⁶⁸.

12 июня ему была надписана фотография: «Валентину Петровичу Гольцеву за милое отношение к моим стихам» (С. 330) и предложены для «Недели» пропущенные строфы «Решки»

(С. 470). Его мнение о некондиционности предложенного товара запомнилось редакционному фотографу, но не запомнилось, как и в других подобных случаях, что ничего ахматовского в «Неделе» опубликовано так и не было:

Анна Ахматова в тот год получила итальянскую премию. Аджубей решил, что пора ее, как бы это... легализовать, — вспоминает Ахломов. — Два литсотрудника и я поехали в дом, где Ахматова жила у друзей, у Ардова, по-моему. Нужно было выбрать стихи для публикации — когда мы объяснили задачу, Ахматова достала из-под кровати огромный старый чемодан и разрешила: ищите. Чемодан битком набит был рукописями. Коллеги стали искать, я работал. Анна Андреевна вела себя достаточно профессионально: практически меня не замечала, специально не позировала, держалась естественно. Долго там были: оказалось, что очень трудно выбрать — оттепель оттепелью, но ахматовские стихи предполагали свободу, а не послабление. Ну, короче, что-то все-таки напечатали, а я через пару дней приехал за первым своим автографом. Анна Андреевна взяла карточку, подумала и сказала: я вам хочу написать, что жалею вас, потому что вы еще очень молоды. Но потом передумала и просто подписала снимок. Предвидела, что у нашего поколения нелегкая выйдет судьба...⁶⁹

Накануне самой даты

с большой иронией она рассказывала, как только что собирали среди писателей деньги то ли на охотничье ружье, то ли на портсигар писателю Соколову-Микитову⁷⁰.

25 июня в «Литературной газете» была напечатана заметка «Неувядаемость» — юбилярша сообщила корреспонденту Д.Т. Хренкову, что закончила «Поэму без героя», сдала 800 строк переводов из Рабиндраната Тагора и отправила в печать книгу своих избранных переводов. Там же поместили стихотворение, траурная нумерология которого (показавшаяся иным читателям случайной, какой-то «арифметической» прозой) вторила отмечаемой в газете дате:

Не мудрено, что не веселым звоном
Звучит порой мой непокорный стих
И что грущу. Уже за Флегетоном
Три четверти читателей моих.

А вы, друзья! Осталось вас немного, —
Мне оттого вы с каждым днем милей...
Какой короткой сделалась дорога,
Которая казалась всех длинней.

Заметка была напоминанием литературному начальству.
26 июня 1964 года была послана телеграмма:

замечательному русскому поэту вдохновенному и трудолюбивому художнику лесючевский карпова исаев фогельсон голубков (№ 1532)⁷¹.

Реагировал на публикацию «Литературной газеты» и редактор «Знамени». 25 июня 1964 года он телеграфировал:

всегда рады видеть вас автором нашего журнала с уважением =
вадим кожевников (№ 1517)⁷²

Вспомнили и эмигранты. К 75-летию послал поздравительную телеграмму с пожеланием Божьего благословения ей и сыну Иоанн Сан-Францисский и передал через кого-то свое стихотворение:

Чем старше мы, тем голос тише,
И часто кто-то нас зовет
Сквозь музыку четверостиший
В какой-то медленный полет.

И сами мы еще не знаем,
В какую радость мы идем,
Окружены уже, как Раем,
Неудаляющимся Днем⁷³.

И в Сиднее было написано приветствие, дошедшее до Ахматовой через десять месяцев (С. 615, 628):

В июньские дни, такие уже солнечные и теплые даже в том городе, где вы живете, в городе Петра, в котором протекли все ваши лучшие и худшие годы, когда пишется эта статья, Вам, Анна Андреевна, исполняется 75 лет. Я пишу об этом и питаю слабую, очень слабую, но все же питаю, надежду на то, что эти строки дойдут до вас. Изредка нас посещают люди из Советской страны и среди них есть такие же русские люди, как и мы, живущие здесь. Среди них есть и те, для которых Ваше имя и Ваши стихи — близки, знакомы и любимы. Многие из них, проплыв моря и океаны или пролетев тысячи миль по воздуху, приходят сюда и ищут русскую газету или журнал. Кто-нибудь из них, может быть, довезет этот номер и до Вас — как я буду рад, что мой голос услышите Вы из австралийского далека!

<...> От Царскосельского лицея, от памятника Пушкину я спускался в парк, где

Иглы сосен густо и колко

Устилают низкие пни...

Я искал скамью, о которой Вы написали:

Здесь лежала его треуголка

И растрепанный том Парни.

Стихи Ваши, Анна Андреевна, стихи *первой поэтессы* России, настигали каждого и доходили до всех.

Только что отгремели пушки, только что перестали падать бомбы на землю, только что прекратились пожары, выстрелы и не слышно уже крика и стоны измученных людей, только что прошли по дорогам войны сотни тысяч обездоленных, сорванных с места, — я иду из маленького баварского городка и вижу у обочины дороги маленькую растрепанную книжку. Наклоняюсь, чтобы поднять, вот держу ее в своих руках и диву дивлюсь — стихи Ахматовой, последняя изданная «там» книга, в которой собраны ее стихи из разных книг, ранее изданных. Уходил, вероятно, человек, искал убежища, может быть, лежал здесь в канаве, возле дороги, прячась от пулемета истребителя и обронил книжку. Она читана, видно, много раз, хранила она и следы отметок его, была она и молитвенником души его... И вот

потерял... Я храню эту книжку Вашу, Анна Андреевна, до сих пор. <...> Мы оказались здесь счастливее тех, которые живут с вами, Анна Андреевна — мы имеем и прочли и «Поэму без героя», и «Реквием». В день вашего семидесятипятилетия за все — за «Четки», за «Белую стаю», за «Реквием», за все, за все — наш *низкий поклон и наш горячий привет Вам — первому и лучшему поэту нашей страны* и наши пожелания — *здоровья, сил и новых стихов, озаренных солнцем, светом и теплом!*⁷⁴

5 июля по радио с речью о семидесятипятилетии Ахматовой выступил Корней Чуковский, потом ее стихи читал Дмитрий Журавлев (С. 470) и слушатель написал о том, что теперь

«из первоисточника» узнают о подлинном поэте Ахматовой⁷⁵.

Как и за пять лет до того, на заметку «Литературной газеты» откликнулась газета американская⁷⁶, и иностранцы стали смелее в своих визитах.

26 июля 1964 года в Комарове пришел без зова живший в Париже сын Леонида Андреева — Валентин:

Не подавая ни малейшего признака усталости, Ахматова снова стала расспрашивать о Париже. Перебрали всех: Бунина, Куприна⁷⁷, Сашу Черного⁷⁸, Бальмонта⁷⁹, Ремизова, Цветаеву... Я рассказал, что Марина Ивановна когда-то была моей поверенной не то что в сердечных, а скорее в душевных делах. Ахматова с улыбкой выслушала, но ничего о Цветаевой не сказала. — Кто еще жив? — спросила она⁸⁰.

Из «перебранных» — Ивана Алексеевича Бунина на страницах ахматовских блокнотов мы находим в списке «уничтожавших стихи Ахматовой» (С. 453) — имеется в виду стихотворение «Поэтесса» (30 января 1916 года):

Большая муфта, бледная щека,
Прижатая к ней томно и любовно,

Углом колени, узкая рука...
Нервна, притворна и бескровна.

Все принца ждет, которого все нет,
Глядит с мольбою, горестно и смутно.
«Пучков, прочтите новый триолет...».
Скучна, беспола и распутна⁸¹.

Г. Адамович писал по поводу этого стихотворения:

Но ведь этой «смутной и горестной» поэтессой могла быть и Анна Ахматова! Бунин, конечно, понимает это. Но ему нет дела до эстетики, он осуждает мир, которым живет «поэтесса»: ее печаль, ее предчувствия, неисцелимую скуку, ее «выверт», как бы не видя всего того, что за этим вывертом стоит, — в плане историческом или общекультурном⁸².

Молва иногда приписывала И.А. Бунину еще одну чужую эпиграмму:

Интимный разговор с Ахматовой
Всегда кончается тоской —
Как эту даму ни обхватывай —
Доска останется доской.

«Эта дама» сказала:

«А что? По-моему, удачно»⁸³.

Подводя черту под маленькой литературной войной, Ахматова говорила С.А. Риттенбергу:

Вот всю жизнь меня ругал, всю жизнь меня травил, а из-за меня его косточки не успокоились в русской земле, —

имея в виду решение остаться в эмиграции, окончательно принятое Буниным после ждановского постановления.

В эти годы Ахматова по разным поводам вспоминала и Ремизова — и то, что его

очень любят и помнят за границей (С. 541),

и его присловье:

«Я не в осужденье зверю говорю» (так шутил Ремизов) (С. 710);

с ним связано воспоминание о дне кончины Блока:

Мы пошли к Ремизовым передать рукописные книги Скалдина (Ольга [Глебова-Судейкина] и я). Не достучались. Через несколько часов там уже была засада — они накануне бежали за границу (С. 683; ср. 136)

— Ремизовы, в тайне от большинства знакомых, покинули Петроград 5 августа 1921 года, провожал их Я.П. Гребенщиков, который, по-видимому, и передал датированную этим днем обезьянью грамоту Ахматовой — «Кавалеру обезьяньего знака I степени с беличьими коготками» — вероятно, отгосок стихотворения 1911 года о беличьей шкурке и пушистой муфте⁸⁴.

Через несколько дней после сына Леонида Андреева явился с С. Риттенбергом еще один бывший петербуржец — мальчик с Моховой, известный английский журналист Александр Адольфович Верт (С. 478) —

«...и в своей царственной манере она милостиво говорила со мной около двух часов»⁸⁵.

После встречи он напечатал статью «Когда улыбался только мертвый», в которой сообщил о предполагаемом издании двухтомника, а по поводу мюнхенской книжки писал:

«Реквием» похож на «Один день Ивана Денисовича», но рассказан под другим углом зрения — интеллигентки, преследуемой бесчеловечной машиной... <...> Что за «огромная звезда»? Не имеет ли она в виду пятиконечную звезду над Кремлем, советскую эмблему? <...> как человеческий документ — это один из самых трагических, пришедших из России. Книга напечатана в

Германии «без ведома и согласия автора». Считают ли советские литературные бонзы, что это даже сильнее «Ивана Денисовича»? И включают ли они «Реквием» в предстоящий сборник?⁸⁶

Владимир Дьяченко, которого Ахматова называла «сумасшедший режиссер на красном москвиче» вспоминал о поездке с Ахматовой в Выборг в конце сентября того года. В этой поездке они посетили могилу Зоценко⁸⁷, которого мерзкая советская история соединила с Ахматовой:

— Зоц<енко> и Ахм<атова> были исключены из Союза и обречены на голод⁸⁸. Число ругательных статей — четырехзначно на всех языках. Зоц<енко> и Ахм <атова> — антич<ные> маски (ком<ическая> и траг<ическая>) (С. 204)

Ахматова в тот день торопилась назад, потому что вечером к ней должен был приехать Питер Норман⁸⁹. В эти же дни, когда В. Дьяченко заходил в «Будку», они слушали Би-Би-Си и слышали про присуждение премии Этна-Таормина. Она стала обсуждать, ехать ли ей в Италию⁹⁰. И снова при мысли об Англии и Сицилии воспеты в качестве «отказного движения», как и в 1956 году, полуродные места, где «Скандинавия отражена, как тень». Воспеты они, впрочем, остранным (так когда-то был остранным царскосельский пейзаж в стихотворении «Почернел, покривился бревенчатый мост...»)⁹¹, да так, что современный читатель и не узнает порой (особенно, видимо, из-за винно-пьяного воздуха в этом стихотворении) милого севера, а видит в нем именно «теневою» Италию⁹².

Запись 25 сентября:

Ночью стихи:
 Земля, конечно, не родная,
 Но памятная навсегда,
 И [эта] в море нежно-ледяная
 И несоленая вода.

[Такой закат] И он такой в волнах эфира
 что мне уже не разобрать,

Конец ли дня, конец ли мира,
Иль тайна тайн во мне опять.

Лежит песок белее мела,
Пьянее воздух, чем вино,
И сосен розовое тело
В закатный час обнажено (С. 490)⁹³

7 октября было перехвачено теми, кому надлежало, стокгольмское радио на тему «кто кандидат на Нобелевскую премию» с легко узнаваемым авторством Эрика Местерттона, которое говорило (в безобразно торопливом переводе малоосведомленного штатного переводчика Союза советских писателей) то, что, видимо, можно будет скоро, после рассекречивания, прочесть в нобелевском досье российской поэтессы:

В русской литературе есть ряд молодых поэтов и прозаиков, к которым в последнее время было приковано пристальное внимание, и журналы в разных странах мира были полны сообщений о том, что происходит в России. Вполне вероятно, что, по общему мнению, интерес, проявляемый к русской литературе, был, в первую очередь, вызван желанием проследить изменения в культурной жизни страны, и то ко многим писателям внимание было привлечено таким образом, который не соответствует их творческим успехам. Но есть также и старшее поколение русских писателей, которое продолжает работать, хотя о нем не часто можно слышать.

Несколько лет назад издававшийся в Америке русский эмигрантский журнал опубликовал большое стихотворение писательницы Анны Ахматовой под названием «Поэма без героя», означавшее воскресение писательницы, которую замалчивали в течение многих лет, но которая показала вновь, что она занимает центральное положение в русской литературе. Это стихотворение исполнено фантазии. Но ведь этим сказано еще и то, что оно более отчетливо отмечено современностью, чем тот стиль, который в течение многих лет после исчезновения в 30-х, при режиме Сталина, русского модернизма, господствовал в России. Он имеет более свободную и открытую структуру. Язык же,

напротив, классический, освобожденный от модернизма. Музыкальная композиция стихотворения созвучна той, которую использует Эллиот <sic!> во многих крупных своих произведениях. Действие происходит в новогоднюю ночь, на маскараде, где в памяти поэтессы всплывают образы дореволюционных времен и овладевают ею. Это резкое обострение старой памяти, где возникает целый ряд ассоциаций и непрестанно меняется мотив. Тема Дон-Жуана разрабатывается наряду с темой маскарада. Революция рисуется как фон для всех этих образов, словно во сне проплывающих со всеми своими масками. Следующая часть, интермеццо, начинается с шутливой партии, где поэтесса в форме романтической иронии рассматривает свое собственное стихотворение. Оно заканчивается эпилогом — поэтесса эвакуируется самолетом из осажденного Ленинграда. В этом большом произведении можно видеть новое отношение Ахматовой к поэзии. Оно означает обращение к русскому символизму и вообще к более романтическому стилю, чем тот, которым она начинала. Она дебютировала в 1912 году стихотворным сборником «Вечер», который не привлек к себе большого внимания. Успех пришел два года спустя с книгой «Четки». Затем, до революции, вышло еще несколько сборников, после чего ее не стало слышно. В 1940 году вышла книга, сразу же принятая читателями. В период войны она сотрудничала в журналах, выступая с патриотически настроенными стихами. Она была осуждена в выступлении Жданова против декадентской литературы. Только после смерти Сталина, в 1957 году выступила она вновь с избранными стихами. Год спустя она опубликовала более крупный сборник, после чего ее имя мелькало на страницах больших русских журналов.

Мы говорили, что эта новая «Поэма без героя» написана с более мягкой и романтической интонацией, чем ее прошлые стихотворные произведения. Стало быть, в самом начале она была в оппозиции русскому символизму?

Самым необычным в то время было то в первую очередь, что это была женщина, которая говорила. Ахматова представляла собой что-то совершенно новое. Прежде едва ли существовала женская лирика в России или, во всяком случае, очень немного. Самым естественным и непосредственным в ней было

то, что она означала переворот в этой литературе. Но вместе с тем ее поэзия представляла собою молчаливую революцию. Она примкнула тогда к новому течению, которое именно тогда резко выступило против символизма, акмеизма <sic!> и связанных с ними проблем, которые сформулировал Гумилев, в то время ее муж. Это направление имеет некоторые общие черты с имажизмом, который почти одновременно с ним <sic!> выступал в Америке и в Англии, возглавляемый Эдвардом Паумом [т.е. Э. Паундом]. Оно выступало против чувственности символизма в поэзии и живописи и требовало большой <sic!> изобразительности в отображении объективного мира.

Это та самая лирика, выражающая переживания, но не прямо, не из себя, а намекая жестом, физическими симптомами, своей позицией или относительной объективностью чувства, как это было у Эллиота <sic!>.

Но кроме этого внутреннего горения поэзии следует бросить короткий взгляд на то, что есть еще в русской литературе достойного внимания, когда речь идет о Нобелевской премии. Это, разумеется, Шолохов, его нет нужды обсуждать. Он уже был несколько раз предметом обсуждения.

Затем я хотел бы назвать Константина Паустовского, в первую очередь за его автобиографию. Конечно, он уже престарелый человек, ровесник Ахматовой, ему, пожалуй, около 70-ти. Его отличает высокая продуктивность в самых разных жанрах. Но автобиография — это его шедевр, и сама по себе — тоже шедевр.

Отрывки ее были переведены на шведский. Сейчас она выходит из печати, привлекая к себе большое внимание в Англии и Америке⁹⁴.

Перечисляя события ранней осени, Ахматова записала:

На ул. Ленина короткий визит М.И.Б<удберг>⁹⁵. При мне прочла R<equiem>. Всплакнула. Поцеловала меня. Сказала, что книга в Париже разошлась. Мила — приветлива. Поклон от Саломеи. <...> Думала ли я, когда стояла под Крестами... Да что там!» (С. 492).

«Мура» Будберг вернулась в Англию, доставив интригующие новости. 21 октября Исая Берлин писал приятельнице Саломеи Андрониковой Анне Калин:

...скажите мне, правда ли, что Ахматова получила визу в Италию для получения приза Таормина. Это сообщил Николай <Набоков>, и он думает, что это восходит к Вам, а в конечном итоге к баронессе Будберг. И что Ахматова также намеревается посетить Париж по пути. Я попытаюсь добыть для нее почетную степень здесь, но не думаю, что это может быть сделано к сроку, но, может быть, к ежегодному оксфордскому празднику в конце года? В любом случае я гальванизирую себя или сделаю все, чтобы гальванизировать сэра М. Боура.

Той же осенью, как уже повелось, в Комарове без зова возник корреспондент гамбургской газеты:

...Примечательно, что когда мы приближались к даче, Ахматова помахала нам рукой из окна, как будто нас ожидала. Об этом не могло быть и речи, т.к. ее адрес я узнал только за несколько часов назад.

На слова извинения, которые, я надеюсь, моя переводчица Рита правильно перевела, Ахматова матерински улыбается, и я догадываюсь, что она говорит: «ничего, ничего».

Ее руки не имеют ничего старческого, так же, как и ее лицо, не говоря уже о голосе. Ее седые, немного растрепанные волосы завязаны в обыкновенный узел.

Ахматова встретила нас в высоком кресле у маленького письменного стола, стоявшего под прямым углом к окну — единственному, освещающему крестьянского вида комнату. Кровать, сделанная из грубого дерева, — у одной стены. У другой — другая, покрытая разноцветным шерстяным одеялом. Несколько книжных полок в углу, не совсем заполненных книгами; на маленьком столике старый радиоприемник и патефон.

Ахматова приглашает нас сесть у письменного стола, берет мою визитную карточку, надевает очки и рассматривает меня немного с любопытством, в то время, как я говорю о причине моего посещения.

Стоит вопрос о праве перевода ее произведений. О праве, говорит она, не может быть и речи, по меньшей мере в том смысле, чтобы она этим правом могла пользоваться; оно принадлежит Союзу писателей в Москве. Будто для доказательства этого, Ахматова достает из ящика стола договор о предстоящем выходе книги ее стихов тиражом в 15 000 экземпляров.

Последняя книга вышла в 1961 году тиражом тоже в 15 000 и за полчаса была распродана. У самой Ахматовой только один экземпляр этой книги, она показывает его мне, но по понятным причинам не может мне его подарить.

Потом мы говорим о ее планах. Она работает над трилогией «Пролог, или сон во сне». Средняя часть трилогии написана в стихотворной форме. Я спрашиваю о Зигмунде Фрейде. Ахматова медлит. Потом говорит — скорее как бы самой себе: «Все здания здесь шатаются». Рита переводит дважды подряд и беспомощно смотрит на меня: «Все здания здесь шатаются». Она ничего не поняла. А Ахматова грустно улыбается.

Я спрашиваю ее потом, когда она написала свое первое стихотворение.

— В одиннадцать лет.

Может ли она советовать кому-нибудь из молодежи в СССР стать писателем — при условии, что он талантлив?

— Нет, — последовал ответ. — Писатель — не специальность, которую можно выбрать. «К поэзии нужно иметь призвание». Ее сын — историк. Это специальность, которую она может советовать. Но советовать кому-нибудь заняться писательством, особенно стихов — не может.

Ахматова хочет подарить мне стихотворение из своей трилогии. Она зовет своего помощника, молодого человека в свитере со стоячим воротником, который в смежной комнате пишет на машинке.

Она хочет знать, кто будет переводить на немецкий язык ее стихотворения. Французские, итальянские, английские переводы своих стихов она находит почти несносными. «По-немецки удастся, пожалуй, скорее почуять дыхание русского поэта».

На обратном пути из Комарово в Ленинград я прошу Риту перевести мне стихотворение Ахматовой, но она только качает головой. Это не слова, говорит она, это — музыка. Музыка старой России⁹⁶.

«Пролог», над которым шла работа осенью 1964 года, видимо, благодаря этой статье и стал известен в Германии, откуда вскоре стали поступать предложения о театральной постановке.

Ахматова писала поверх своей ташкентской пьесы, стараясь вместить в реплики диалогов чуть ли не всю свою биографию⁹⁷ (нечто сходное происходило и с расширениями «Поэмы без героя»). Одним из многих толчков к возвращению к старому замыслу, было дуновение, донесшееся из-за Флегетона через пять дней после публикации зловещего восьмистишия. 30 июня «Литературная газета» некрологом, написанным Игорем Поступальским, сообщила о смерти в Тбилиси давнего знакомого⁹⁸, последнего, возможно, свидетеля ее «златокованого венца»⁹⁹, поэта и переводчика Владимира Эльснера.

Умер Вл. Эд. Эльснер — наш шафер¹⁰⁰ (С. 469).

Рефлекторное движение памяти ко дню венчания в церкви Никольской слободы вызвало в июле 1964 года новые стиховые монологи «Пролога» — обмен признаниями в любви-ненависти между партнерами вечного брака. В этом браке жених-собеседник непрестанно меняет свое обличье, но снова и снова проступают в нем черты «первого жениха». Ахматова вспоминает о парижском стихотворении Гумилева:

«Но тебе я предался давно». 1910. Париж¹⁰¹. Давно! — конечно, давно, с «Русалки»¹⁰², т.е. с 1903 г. (7 лет)

(С. 479).

Скрипка гумилевского стихотворения предвосхищает смычок «Ночного посещения», героиня там страдает лунализмом¹⁰³, как рассказчица «Полуночных стихов»¹⁰⁴, а сцена разглядывания книги ведет к дантовскому рассказу, упомянутому в «Прологе»¹⁰⁵:

Что-то о прекрасном Ланчелоте
Я с тобой тогда не дочитал (С. 488).

Разные составляющие единого синтетического собеседника сравниваются между собой. Герой циклов «Cinque» и «Шиповник цветет», чья «отдаленность в человечестве» и «вечная верность» были предуказаны эпитафиями из «Мученицы» Бодлера и «Изабеллы» Китса, сравнивается с героем «Предсказания» 1922 года:

Знай, тот, кто оставил меня на какой-то странице
И в мире блуждает и верен — как я — до конца.
Был шуткой почти что и беглою небылицей
В сравненьи с тобой и терновою тенью венца
(С. 403).

«Пролог» в версии 1964 года, несколько настороженно встречаемый слушателями и читателями и как поэзия, и как театр¹⁰⁶, все больше становился панорамным обзором всего корпуса ахматовской любовной лирики. Это не удивительно, если вспомнить, что фоном для писания был мысленный перебор состава «Бега времени», в столь соприродном Ахматовой режиме неуступчивого спора.

На этот раз оппонентом выступала редактор книги Минна Дикман,

талантливый литературовед и весьма доброжелательный человек, помогала проводить сквозь партийные и цензурные Сциллы и Харибды многие книги писателей, поэтов, критиков, однако она не была лишена «руководящих» нормативных свойств и могла вмешиваться в редактируемый текст не только по цензурным, но иногда и по вкусовым соображениям; она осмеливалась править даже стихи Ахматовой¹⁰⁷.

Ригидные вкусы «культурного крыла» ленинградской словесности склонялись скорее к чинной эротике —

Помню, редактор последнего прижизненного сборника говорил ей: «А не лучше ли вместо того, чтобы вводить все новые и новые стихи, расширить сборник за счет моих любимых старых — ну, например, этого: “Звенела музыка в саду...” Или, на-

пример, — “Ты верный и нежный...” Читатель ведь их любит, их ждет...”¹⁰⁸, —

чем к некомфортной «религиозности». Редактор, например, боялась публикации стихотворения¹⁰⁹, когда-то расхваленного Корнеем Чуковским (и не только им)¹¹⁰:

Протертый коврик под иконой,
В прохладной комнате темно,
И густо плющ темно-зеленый
Завил широкое окно.

От роз струится запах сладкий,
Трещит лампадка, чуть горя.
Пестро расписаны укладки
Рукой любовной кустаря.

И у окна белеют пяльцы...
Твой профиль тонок и жесток.
Ты зацелованные пальцы
Брезгливо прячешь под платок.

А сердцу стало страшно биться,
Такая в нем теперь тоска...
И в косах спутанных таится
Чуть слышный запах табака.

Незавидное положение редакторши определялось внутренней рецензией поэта Ильи Авраменко, по прочтении которой в октябре 1964 года записано:

ХII книга в Лету. Тоже неплохо (С. 561).

Авраменко «был человеком политически зрелым,— говорило его начальство, — никаких че-пе у нас не было»¹¹¹, и построения мая 1964 года уловил чутко:

Пятьдесят пять лет! Бег времени, отмеченный в народной жизни событиями эпохального звучания и сдвигов. <...> И в литера-

туре — от символизма, беспочвенности, неясности ощущений, через Блока и Маяковского, — к вершинам социалистического реализма, к сопричастности тому, что творится вокруг, — путь не менее замечательный.

Отразилось ли все это и, прежде всего, народная жизнь, в ее хотя бы главных проявлениях, на творчестве Анны Ахматовой, предлагаемой рукописью как бы подводящей итог своему большому и, несомненно, заслуживающему внимания литературному пути?

В какой-то мере — да. Но в очень интимном, почти альковном мире сугубо камерных переживаний, как отраженное и уже не различимое эхо, как смутное чувство душевной неустроенности, неслаженности, растерянности, без привнесения в эти мотивы социальной окраски сколько-нибудь. Лишь годы потрясения сороковых годов двадцатого столетия смогли коснуться своей глубокой печалью трепетной души Ахматовой, они вывели ее на орбиту. И голос поэта — голос гражданского мужества и неотделенности от народа в его страданиях и победах, думается мне, прозвучал впервые так высоко и патриотично, и так определенно. Но отгремели раскаты орудий и связь эта ослабла. Вновь образ человека, всеми помыслами своими и душевными интересами оставшегося там — в мире блоковских ассоциаций, — заполняет элегические строки, бродит окрестностями того далекого, по дорогим развалинам, отрешенно от окружающих его сегодняшних волнений и забот, и смотрит, смотрит, смотрит с печалью в ушедшее, в невозвратимое глазами скорбящими и такими же прошлыми. Тоска и воздыхания по убиенному... Лампады... Звон колоколов... Кресты и могилы... И мысли о смерти... Все это нашему современнику, активному строителю жизни, человеку дерзких деяний и высоких устремлений, — совсем не родственно. Но между тем...

Конечно, не обошлось без утраты бдительности — обсуждая состав книги, он написал:

Из poem я оставил бы только «Реквием» (1935–1940) — произведение высокого душевного накала, где с наибольшей силой воплощены трагедийные мотивы, столь характерные лирическому герою поэта. Все это вместе даст полное представление о даро-

вании Ахматовой, о ее необыкновенном лиризме и женственности — самых сильнейших сторонах ее творчества¹¹²,

— возможно, ему была известна позиция А. Суркова, противившегося включению «Поэмы без героя» в полном виде, но, видимо, планировавшему включить «Реквием» — он упоминал его в отредактированном варианте своего предисловия к «лягушке».

Из других поучений этого сочинения отметим, что

тема смерти должна решаться соответственно идеологическим позициям эпохи, взглядам на общество и природу нашего коммунистического времени, а не быть лишенной устоев гражданственности.

Документ в целом был одушевлен теми же оздоровительными настроениями, которые вдохновили кремлевских конспираторов свергнуть Хрущева.

15 октября 1964 года Ахматова записала по поводу невольной цитаты из книги «Исход» и из посмертной книги Гумилева:

...Каков день! Мы ехали по Кировскому с Толей <Найманом>. Я сказала: «Посмотрите направо, над крепостью». А там вместо солнца шел по небу огромный багровый столп... (Толя в ужасе спросил: «Что это?»): «Наш народ называет это — небесное знаменье». Кроме того, что сегодня день рождения Лермонтова¹¹³, сегодня же и *сoup d'État*. Посмотрим? (С. 493).

Три дня спустя она провела вечер в квартире соседней по писательскому дому на ул. Ленина в семье Н.Л. Брауна. В гостях были Вадим Андреев с женой. Говорили о Блоке, Ахматова сказала:

У него был пустой, отсутствующий взгляд. Он всегда смотрел поверх собеседника. Вот так. И шея, красная, как у мастерового, знаете, как от загара у некоторых белобрых людей, у альбиносов, например. Или как у некоторых немцев¹¹⁴.

И после всех этих далеких разговоров

Ни слова о событиях (С. 493),

— по возвращении домой записано в блокнот. О снятии главы государства не говорили в присутствии иностранцев ни казенный поэт, ни сын его, без пяти минут диссидент¹¹⁵.

Вопрос «Посмотрим?» завис над советскими интеллигентами¹¹⁶. Вполне вероятно было, что новое руководство захочет задобрить восточного соседа идеологическими уступками¹¹⁷.

Лесючевский созвал общеиздательское совещание.

Встал, ликующий, выбросив вперед перед работниками руки и, словно в полете, провозгласил:

— Вы, дорогие товарищи, знаете, что наступил решающий перелом в политике нашей партии и что дурака больше над нами нет!

Грянули аплодисменты.

— Я пригласил вас для того, чтобы объявить о полной перемене курса в отношении лагерной тематики. Партия осудила эти вредные тенденции прежнего руководства и нацелила нас на воспевание военно-патриотического воспитания молодежи. Правильно я говорю?

— Правильно, Николай Васильевич!¹¹⁸

Нобелевская претендентка жила в одиночестве в осеннем Комарове, и газетные вести снова возвращали ее к прошлому. В блокноте ее появляются полуприпомненные стихи Владимира Шилейко, обращенные к ней (С. 483–484), спровоцированные свежей газетой:

Здесь ходил высокий, очень худой, как бы иссохший, очень молодой и очень отдельный Шилейко: он занимался — в целом мире — кажется один — шумиро-акатским <sic!> языком и переводил стихотворную повесть «Гильгамеш», сравнительно с которой Библия и «Илиада» — недавно вышедшие книги¹¹⁹.

Выписанные фрагменты шилейковских мадригалов — это, по-видимому, зародыш замысла мемуарного экскурса, снова отталкивающегося и говорящего «нет», начальное импульсивное движение полемического жеста. Ибо поздний Шкловский¹²⁰, с которым Ахматова на протяжении многих лет находилась скорее в дружеских отношениях¹²¹, вызывал у нее все большее раздражение, и поводы к этой эмоции даже можно было бы реконструировать¹²² — скажем, например, уважительные и безоблачные воспоминания Шкловского о Павленко, о котором в семье Шкловских говорили, что он был осведомитель¹²³, и идиллическое упоминание имени Мандельштама¹²⁴ рядом с именем зловещего соглядатая его унижения¹²⁵.

Тема долга перед памятью друзей в тот год была еще обострена последней книгой когдатошнего ахматовского любимца.

Саня <Гитович> только что прочитал «Праздник, который всегда с тобой» и был в восхищении. Ахматовой эта книга резко не понравилась.

«Я никак не могу себе уяснить, от чего тут можно приходиться в восторг? — с вежливым безразличным смешком заявила она. — Что тут вообще может нравиться? Хемингуэй написал ужасающую книгу, в которой убил своих лучших друзей. По-моему, это просто чудовищно!»¹²⁶

Полемический порыв, заставивший выписывать стихи Шилейки, возможно, связан с желанием напомнить о нем как поэте — репутация его в этой ипостаси была не очень высока¹²⁷.

3 ноября у нее были польские гости. Анатолий Стерн вспоминал:

Я был у Ахматовой со своей женой в тот день, когда <...> она получила известие о присуждении ей Оксфордским университетом титула Doctor honoris causa и одновременно о награждении ее поэтической премией Таормины. Она явно была взволнована, но приняла эту необычную весть с примесью горечи: все это пришло так поздно...¹²⁸

Затем в блокноте появляется набросок:

Но кто подумать мог, что шестьдесят четвертый
На самом доньшке припас такое мне

(С. 468).

Препятствий к первому после 1912 года выезду за границу не оказалось.

22 октября Вигорелли писал Суркову:

Дорогой Алексей,

Официальное вручение премии Анне Ахматовой твердо определено на вторую половину дня 12 декабря. <...> Простите меня за настойчивость, но мне необходимо *абсолютное заверение* в том, что наша премированная писательница будет присутствовать. В ином случае провалится не только премия, но (и это гораздо серьезнее) вся наша столь необходимая встреча, которая должна заложить основу созыва будущей Генеральной ассамблеи. Поверьте мне, что мои слова продиктованы отнюдь не недоверием, а заботой об интересах дела. Обеспечьте все и всех для ее спокойного приезда¹²⁹.

На пути к Италии, в Москве, она узнала подробности обряда изгнания Юлиана Оксмана, за год до того опаленного огнями св. Доминика, из Союза советских писателей. Дело Оксмана Ю.Г. началось с того, что на станции Выборг 5 июня 1963 года при таможенном досмотре у американской стажерки были изъяты материалы, переданные им Глебу Струве:

В.М. Кожевников. Мы собрались, чтобы обсудить Ваше поведение как писателя, и не наша компетенция говорить о шпионаже. Достойно ли Вы вели себя как писатель? Не предавали ли Вы нас? В отношении органов — они разберутся.

<...> *А.В. Софронов.* У меня вопрос к Константину Васильевичу [Воронкову]. Не было ли материалов о знаменитых выборах московской писательской организации, когда был провален Соболев?

К.В. Воронков. Не было. <...>.

С.В. Михалков. Мне думается, что при очень гуманном и глубококом изучении вопроса Комитет государственной безопасности подошел объективно. Я понимаю, что неприятно ходить на допросы и подписывать. Но скажу, что Ю.Г. Оксман при том, что он доктор наук и уважаемый человек, проявил преступное легкомыслие.

<...> Н. Рыленков. *<...>* Можно ли считать обвинением в хранении антисоветской литературы то, что у него были книги Гумилева или Мандельштама?

(Г.М. Марков: Разве об этой литературе говорится?)

Речь идет о том, что создан нездоровый интерес вокруг некоторых имен нашей литературы, выведенных за пределы советской литературы неправомерно и не закономерно. Не будь этого, никакого нездорового интереса не было бы. В журнале «Москва» напечатаны воспоминания о Мандельштаме Н.К. Чуковского. Должен был выйти сборник Мандельштама — он не вышел... Это частный случай, единичный случай. Но мы должны убить нездоровый интерес к некоторым именам советской русской литературы, который нам подбрасывают с запада, тем, что мы сами их будем издавать со своими комментариями. И этим мы фактически отведем то, что они делают. *<...>*

Д. Еремин: Ю.Г. Оксман вел себя не как настоящий сознательный, деятельный активный советский гражданин, и, я думаю, если бы органы государственной безопасности были бы более строгими, они нашли бы и уголовные возможности. *<...>* А эти слезы, эти падения на колени, валерьянка и чай. Такое отношение писателя к нашему идеологическому противнику не находит оправдания. *<...>*

В. Перцов: Я к Вам относился с симпатией, как к человеку, который пострадал в тех условиях. Вы очень хорошо эрудированы. Я Вас уважал и уважаю как знатока. Но то, что я узнал, — это же система! Здесь кто-то говорил, что Вам стыдно перед нами. А мне сейчас стыдно за Вас! *<...>* Действительно обидно, что мы не издаем какие-то книги, и нужно издавать и развязаться, чтоб эти сволочи не привязывали к Гумилеву.

(В.М. Кожевников. Издадут полное).

(И.И. Анисимов. Все равно будут привязываться). *<...>*

И я прямо скажу: мне очень трудно общаться с Вами, зная, что Вы за моей спиной это делали. Я считаю, что Вы меня предали своим поведением.

Н.К. Чуковский: <...> Я согласен с тем, что говорили т. Рыленков и Перцов, я согласен, что мы слишком много отдаем врагам без всякой нужды. Я знал Мандельштама и уверен, что он не был антисоветским человеком, хотя и не был 100%-но советским человеком. Но тут не дело в том, что хочет [Г.П.] Струве от него и что он о нем пишет. Но дело совсем не в этом. Мы будем эти книги издавать, а Струве будет к нам относиться совершенно так же. Поэтому думать, что если мы это будем издавать, то к нам эти белогвардейцы будут относиться лучше, это совершеннейшее заблуждение. <...>

И.И. Анисимов. Вы считаете, что это наша выдумка про разведчиков?

Ю.Г. Оксман. Про Реве [Ф.Д. Рива] да.<...>

С.В. Михалков. Я снимаю свою формулировку «легкомыслие».

А.Б. Чаковский: <...> Издавать надо, но если издадите Мандельштама, потом будет статья, что издали фальсифицированно. С этим трудно бороться¹³⁰.

Об обстоятельствах издательского собрания вместе с Ахматовой слушала Н.Я. Мандельштам, которая 27 ноября писала Д.Е. Максиму:

Сейчас в Москве Анна Андреевна. Вчера встретила у нее Юлиана. Как его отчество? Забыла...Очень он измучен, хотя и старается держаться молодцом.

Просто устал... Я очень огорчилась¹³¹.

Эта встреча законспектирована Ю.Г. Оксманом:

Утром позвонила А. А., приехавшая вчера из Ленинграда... Остановилась у Западовых, то есть в квартире Западовых, так как хозяйка уехали в Переделкино. <...> Анна Андреевна очень бодрa, очень активна. Предстоящая поездка ее волнует, но в то же время и поднимает жизненный тонус...

Денег пока нет, но итальянцы (Вигорелли) обещают вручить ей до выхода из вагона разные гонорары (два сборника стихов, воспоминания о Модильяни). В Варшаве примет делегацию трех университетов и союза писателей.

Занята трагедией в стихах — переработка того, что было написано когда-то в Ташкенте, а потом уничтожено в Ленинграде после выступления Жданова («Миме, карлик лицемерный»). Дописывает середину. Прежде была драматич<еская> сатира, почти памфлет. Сейчас это все отменено. А. А. в курсе моих бед и настроена отнюдь не оптимистически — бьют ведь наповал. Барабанщик при палаче — он ведь в самом деле думает, что автор «Евгения Онегина» — Василий Гроссман, а консультант — я. Не понимает, почему сомнение в умственных способностях бездарного головореза Поликарпова рассматривается как святотатство и государств<енная> измена. Я, впрочем, тоже этого не понимаю. А где же выход? «Суди меня, судья неправедный...» А. А. понятия не имеет, почему ей приписывают чепуху о посмертной реабилитации Н.С. Гумилева. Вспоминает мои автографы, где ей посвящена «Русалка» <...>.

А. А. видела блоковский сборник, изданный в Тарту. Смеясь, сказала, что Блок был очень злой и угрюмый человек, без тени «благоволения», а его стараются изобразить каким-то «Христосиком». Воспоминания Надежды Павлович ей неприятны в разных отношениях. А. А. согласна, что это записки Елизаветы Смердящей, как называет мемуаристку Надежда Яковлевна... Не любит литературу и лично преследует поэтов только Поликарпов <...> его называют Чомбе после истории с «Синей тетрадью» Казакевича и «За правое дело» В. Гроссмана. <...> А я не уверен, что во всем виноват Поликарпов. Он, конечно, из тех «топтунов», которые в пору культа становились только за выслугу лет полковниками. Говорят, что за всю свою жизнь он прочел только «Краткий курс истории ВКП(б)» и один из романов Кочетова. Даже «Синюю тетрадь» он (как Николай I — «Бориса Годунова») знает только по конспекту, составленному Воронковым (из съезжей ССП). Но все же этот невежественный истеричный топтун — человек искренний, не лицемер, не приспособленец. Ему и в голову не может придти, что он не советский человек, что он бездарный пустозвон, глубоко чуждый коммунистическому обществу, если не прямо оппозиционный ему...¹³²

В направленном в ноябре 1964 года в Идеологический отдел ЦК списке материалов, распространявшихся в рукописях, «Реквием» (ушедший через Катарину Фойер к Глебу Струве), как будто, не числился. Там фигурировали В. Аксенов, вигдорская стенограмма суда над Бродским, Н. Гумилев, Окуджава, Пастернак, письмо Раскольникова Сталину, Слуцкий, Солженицын¹³³.

1 декабря Ахматова отправилась в Италию получать премию «Этна-Таормина»¹³⁴.

В вагоне она сидела напряженно-серьезная, с необычной высокой прической. Мне показалось: напудренная, как маркиза. <...> сказала как-то спокойно подчеркнуто:

— Ну, что ж, еду представлять коммунистическую Россию.

— Анна Андреевна, помиуйте, вы представляете великую державу — Русскую Поэзию.

— Нет уж, мои дорогие, я-то знаю, зачем меня посылают¹³⁵.

1 дек<абря> на Белорусском вокзале. Толпа провожающих. Полное безобразье на самом вокзале. Ночью Минск. Невообразимые вьюги, метели. От них похолодело сердце (С. 581).

Как уже сообщалось в прошлом номере «Посева», поэтесса А.А. Ахматова по приглашению литературных организаций Италии прибыла в эту страну <...>. В литературных сферах Европы заговорили о том, что А.А. Ахматовой в следующем году может быть присуждена Нобелевская премия по литературе¹³⁶.

Ахматова приехала в Рим 3 декабря в сопровождении дочери Пунина (дочь ее последнего мужа). Ехала поездом — так как аэропланом ей нельзя — три с половиной дня и измучилась. В Риме она провела неделю или около того, а потом поехала в Таормину тоже поездом. В Риме была хорошая погода, а в Таормине стояло лето (если не сицилианское, то наше северное). В Таормине она жила в той самой знаменитой «сказочной» гостинице. Присуждение премии состоялось 12-го в Катанье. Присутствовало 50 писателей из разных стран. Овация. Пришла телеграмма от Сартра и Симон де Бовуар с поздравлениями и благодарностью за присуждение премии Ахматовой. Там находились также Твардовский и Сурков. Между Таорминой и Катаньей Ахматова провела неделю. Разъезжала на машине и оста-

лась довольна. Церемонию присуждения премии показывали по телевидению в продолжение трех четвертей часа. Статьи во всех газетах и т.д. Из Сицилии она вернулась в Рим. 25-го Ахматова уехала в Москву.

На обратном пути в Риме она была на площади св. Петра к часу еженедельного благословения, которое Папа дает с балкона Ватикана. Этой церемонией Ахматова была растрогана до слез. К ней ходили на поклон писатели и писательницы. Оксфордский университет запросил ее, согласна ли она будет принять звание доктора гонорис кауза, которое университет хотел бы ей присудить. Она ответила согласием и, если будет жива и здорова, предполагает в сентябре будущего года поехать в Англию и тогда уже побывать и в Париже¹³⁷.

Рассказ Георгия Брейтбурда о первом дне пребывания в Риме записала Рита Райт:

Вигорелли выбрал гостиницу с тонким расчетом: очевидно, ему хотелось, чтобы Анна Андреевна оказалась в атмосфере начала века, хотелось напомнить ей о ее молодости. Когда-то отель «Плаза» был самым роскошным отелем для миллионеров, и — случайно или нет — в «Плазе» до сих пор сохранена атмосфера девятнадцатого века среди ультрасовременных отелей Рима, спокойно соседствующих с памятниками древности.

Анну Андреевну поместили в «роскошные» апартаменты с альковом и оставили отдохнуть.

Внизу Вигорелли дал портье две крупные купюры и выразительно сказал:— Никаких журналистов!..

Когда наши товарищи вернулись к обеду, Анна Андреевна попросила принести обед в номер.

— Но мы знали, что обеды во всех отелях мира приносят в номер холодными и невкусными,— рассказывал Брейтбурд,— а кроме того, нам показалось, что Анна Андреевна как-то хочет укрыться от людей и несколько встревожена тем, что ей предстоит. И зная, как ей будет трудно, мы хотели, чтобы она заранее начала привыкать к этой обстановке и уговорили ее спуститься пообедать в ресторане.

Все сложилось как нельзя лучше: Анна Андреевна была рада вкусному обеду, из-за стола встала в отличном настроении и охотно согласилась поехать в кафе «Греко» — то самое кафе на Корсо, где часто сиживал Гоголь.

Снова она попала в девятнадцатый век. В кафе сохранилась «гоголевская» обстановка: бархатные диваны, глухие портьеры, тихие, корректные официанты. Ахматову усадили за столик под портретом Гоголя, она с удовольствием пила крепкие горькие аперитивы. И тут она была совсем другой, чем обычно, — веселой, помолодевшей

Выбранную линию «воспоминаний о прошлом» повели и дальше: из кафе «Греко» возвращались в фаэтоне, — они сохранились для туристов, берут за поездку в несколько раз дороже, чем такси, но зато ехать в них одно удовольствие.

Итальянская поездка, когда ее впервые увидело столько пишущих иностранцев, отразилась в ворохе печатных прижизненных воспоминаний — некоторые из них она читала в своей последней больнице, например, Казимежа Брандыса:

...проходила церемония вручения награды Этна-Таормина Анне Ахматовой. По этому случаю заседания организации COMES (Comunità Europea degli Scrittori) — с речами в средневековых замках, ужинами в казино и старинным доминиканским монастырем, переделанным в отель, где прибывающего гостя приветствуют колокольным звоном. Ахматову я представлял себе в восточном вкусе, как гибкую женщину с гладкими черными волосами, с браслетами и кольцами на смуглых худых руках. Вероятно, по ассоциации с ее поэзией и фамилией, звучащей по-восточному. А на самом деле она широкая, полная, серо-седая, с трудом передвигающаяся на отечных ногах; ее ведет под руку скромная воспитанница, обе говорят по-французски с сильным русским акцентом. В первый раз вблизи я видел ее в комнате отеля. Сидела на диванчике в халате, наброшенном на красивое шелковое платье — глаза удивительно чистые, со строгим, даже испытующим взглядом. Говорит медленно, бесцветным, глубоким голосом, раздающимся как бы из складок. Репортеру: — Pourquoi voulez-vous ma photographie? — Не разрешила себя сфотографировать. Полными руками достала из сумки какую-то

старую фотографию и подала ему двумя пальцами. На стуле рядом с диванчиком сидел нобелевский лауреат поэт Квазимодо, который принес ей изданную в Италии антологию русской поэзии; были там несколько ее стихотворений, им переведенных. Ахматова указывала ему на неточность: перевел *morte* вместо *silenzio*. Показывала ему это место; он сидел над раскрытой книгой, кивая головой (лысый, пожилой господин с черными усиками и платочком в кармашке), как прилежный ученик перед учительницей. Воспитанница наблюдала со стульчика у двери. Квазимодо объяснял, что ему важно было передать настроение, но Ахматову он не убедил. — *Mais ce n'est pas exact. Le silence se n'est pas la mort!* — в этот момент нобелевский лауреат бросил на меня быстрый взгляд из-за книги и подмигнул.

Пару дней спустя я видел ее в замке Урсино, в Катании, во время церемонии вручения награды. Кроме писателей и официальных лиц собралась сицилийская публика. Ахматову ввели по высоким крутым ступеням немного заранее (она до конца боялась этих ступеней) и посадили за длинный стол на возвышении. Запаздывал самолет с министром; проверяли работу рефлекторов, публика ерзала на твердых резных стульях. Ахматова сидела одна, ослепленная светом, слегка удивленная и грустная. Первые ряды заняло здешнее «общество» — толстые, смуглые женщины в бриллиантах и норках; мужчины, словно с восковыми лицами, с почти мертвым выражением уверенности в себе; между рядами и подиумом бегали сотрудники телевидения. К Ахматовой никто не подходил. Через три четверти часа приехал министр, подиум заполнился. Мне запомнился момент, когда министр встал, чтобы произнести речь. Вставая, он быстро и с необыкновенной сноровкой застегнул нижнюю пуговицу пиджака, поправил галстук и выложил наверх клапаны обоих карманов. Прodelал он это движением незаметным, почти магическим. Во время его речи Ахматова смотрела в зал, и у меня было впечатление, что она думает о ступенях, по которым нужно будет сойти, чтобы оказаться в номере отеля, на диванчике. Все речи она выслушала сидя, — также сидя приняла награду. Встала только в конце церемонии и своим глубоким грудным голосом, стоя, прочла по-русски короткое певучее стихотворение. После этого ее отвезли в отель.

А прежде того или после, не помню, в салоне отеля состоялся еще литературный вечер в ее честь. Я должен был там с чем-нибудь выступить, однако программу заполнило чтение стихов Ахматовой в многочисленных переводах на разные языки; затем это просто превратилось в поэтический вечер: поэты из разных стран читали или произносили по памяти свои произведения (Унгаретти, Альберти, Квазимодо, Твардовский, Френо и др.), так что я выступать не стал. Ахматова в черном шелковом платье, в наброшенной шали, белой, кружевной, кажется, старинной. Над бровями вал седых тяжелых волос, лицо упирается в складки подбородка, веки, губы и нос крупные, припухшие. В тот вечер она улыбалась, захваченная этим стихийным поэтическим преклонением, — была милостивой. Когда у нее за спиной встал молодой ирландец, чтобы прочесть стихотворение, Ахматова наклонила голову назад, желая — или делая вид, что желает, — посмотреть на него в перевернутой проекции. Именно посмотреть, не только послушать. Ирландец слегка покраснел. Это был жест царственной особы, пребывающей в хорошем настроении. На этот раз она показалась мне дамой восемнадцатого века, «саксонской», словно сделанной из голубоватого фарфора, того тяжелого, более раннего, и такой сильной, что если бы ей захотелось, или впала бы она в гнев, могла бы своими пухлыми ручками подкову переломить¹³⁸.

Некоторые увидели свет много лет спустя — например, рассказ упомянутого ирландского поэта:

Во время моего восторженного панегирика молодым русским поэтам Ахматова закрыла глаза, а открыв их, сказала, что понимает мой энтузиазм, но ее как раз и беспокоит всенародная популярность молодых поэтов. Она помолчала, а затем добавила, что мне следовало бы познакомиться с поэзией Иосифа Бродского и обратить внимание на его восходящую звезду, «пока ее не погасили». Она мельком взглянула на работника советского посольства и рассказала, что в Ленинграде 18 января прошлого [sic!] года Иосиф Бродский был арестован и отдан под суд за тунеядство и паразитический образ жизни. Помолчав еще немного, она продолжила: 13 марта состоялся второй акт судебного

фарса, и Бродский был приговорен к пятилетней ссылке на север России в Архангельскую область, где он и находился в момент нашей беседы. «А ведь он, — добавила Ахматова, — моложе вас». <...> Время от времени с присущей ей тактичностью Ахматова обращалась к советскому дипломату — просила помочь перевести какую-нибудь русскую фразу или поговорку, поскольку он хорошо говорил по-английски, а может быть, ей просто хотелось, чтобы он не чувствовал себя в этот теплый сицилийский вечер как на сибирском морозе. Уже не помню точно, как зашла об этом речь, но я сказал, что среди европейских поэтов ходят слухи, что после недавней смерти Пастернака Ольга Ивинская, с которой они были близки четырнадцать лет и которая явилась прототипом Лары из романа «Доктор Живаго», была арестована и посажена в тюрьму. Это правда? Известно ли Ахматовой что-нибудь об этом? Европейское сообщество писателей хотело бы знать правду и может ли оно как-то помочь, поскольку пытается всюду защитить права писателей. Она сделала вид, что не совсем поняла, о чем идет речь, и что-то сказала дипломату по-русски. После этого он сообщил мне, что мадам Ахматова уж очень устала и хотела бы немного поспать¹³⁹.

В разговорах с иностранцами фигурировали также имена А. Солженицына, В. Шефнера, В. Сосноры¹⁴⁰. В одном интервью она говорила:

Сейчас как никогда поэзию читают, с ней выступают, ее обсуждают. Поэтические книги широко расходятся. Сейчас много новых, живых молодых поэтов и в Ленинграде, и в Москве, еще не напечатанных. Из прозаиков считаю самыми интересными таких, как Солженицын, Казаков и другие¹⁴¹.

Вместе с Ахматовой премию получал Марио Луци, который вспоминал потом:

Моя радость тем более умножилась, когда я узнал, что одновременно со мной международную премию вручат Анне Ахматовой. Я читал не так уж много ее стихов, но то, что смог прочесть в итальянских и французских антологиях русской поэзии, выз-

вало во мне ощущение редкого и драгоценного единства индивидуальной и общечеловеческой правды, исповедальности и лирического вымысла, жизни и крика, единства, которое сделало ее в моих глазах поэтессой судьбы.

На Сицилии чувство волнующего ожидания распространилось очень быстро: мы скорее надеялись, чем верили в то, что увидим Ахматову, ведь поездки советских писателей на Запад всегда зависели от каких-то странных случайностей, а на этот раз неизвестность была особенно сильной.

Однако Ахматова приехала в Таормину вовремя, в сопровождении молодой и чрезвычайно заботливой помощницы и известного официального переводчика советских делегаций, Брейтбурда. Эту маленькую группу встретили с любопытством и оживлением, но все трое сразу же удалились в свои комнаты в гостинице. Ахматова не показывалась до церемонии награждения, состоявшейся через два дня.

Ранним вечером она появилась перед нами, став предметом взволнованного внимания любителей поэзии, а также более или менее благожелательной светской публики, которой она немедленно внушила почтение. Ее пригласили подняться на господствовавшую над большим залом сцену, где она сидела, как на троне. Рядом с ней стояла молодая спутница, не покинувшая ее и в этой ситуации. Брейтбурд держался немного в стороне, но в нем и не было нужды. Ахматова не произнесла ни слова: и в своем награждении, и в моем она участвовала своим молчанием. Обликом напоминая римскую матрону, одетая в черное, она была погружена в себя, неподвижна, но не производила впечатления отсутствующей. Немота ее была надличностной, была окаменелым криком трагической истории — ее собственной, ее народа и всего человечества, измученного произволом и насилием роковой эпохи.

В конце я подошел к ней, чтобы выразить свое восхищение ее поэзией, которое я испытывал с юных лет, и чувства, вызванные нашей встречей. Брейтбурд сделал свое дело. В ее глазах появился свет улыбки — из дальней дали... После этого она ушла к себе¹⁴².

Итальянская пресса писала:

Но ... есть и еще нечто общее в том, что жюри выбрало этих двух поэтов: это масштаб и вес критического слова, которое жюри тем самым заявило. Это слово не просто добро на дальнейшее тиражирование — как зачастую бывало — успеха, уже обеспеченного явной рекламной шумихой, но как полноценное выстраивание строгого и ответственного перечня непреходящих ценностей.

И наконец нельзя отрицать, что премия Ахматовой, чьи главные сборники вышли между 12 и 22 годами, врученная только спустя 40 лет, премия, которая помогла выйти из официальной изоляции поэтессе, ставшей мифом благодаря своей классической красоте и драме своей жизни...что эта премия открывает нам личность, которая, вопреки всякому конформизму, в культурной среде, которую окриками и призывами насильно подчинили грубым обстоятельствам, осталась верна своему подлинному внутреннему голосу. Голос Ахматовой, всегда окруженный аурой неоспоримой популярности, звучал слишком изысканно и чисто, чтобы его не перекрыли крикливые голоса господствующего условного реализма¹⁴³.

Как рассказывала Ахматова, когда она уезжала, посол¹⁴⁴ (нервничавший перед этим, как мы помним из его шифровки) с облегчением

вдруг стал ее усердно благодарить. И она быстро поняла за что. Ряд итальянских газет уговаривал Ахматову остаться, не возвращаться в страну, где ее так унижали. Этот посол, говорила Анна Андреевна, судит обо мне по своему образцу. Уж он-то наверное на моем месте свел бы счеты и не отказался от выгодных предложений¹⁴⁵.

Зима, которую Ахматова встретила в Европе, наследовала ее финской осени, окрашенной сном в предпоследний день лета — 30 августа 1964 года записано о поездке из Ленинграда в Комарово:

Едем небывалой дорогой (парками) через очень странное, очень красивое наводнение. [Оно] Вода (без ветра) совсем, как жидкое

серебро или ртуть. [Вода] Она тяжело и медленно выливается из берегов, образуя неожиданные островки и грозя бедой. Я в первый раз видела дуб, посаженный Петром Первым. Эсхатологические небеса, почти с грозной надписью¹⁴⁶.

Мой сон накануне превосходил все, что в этом роде было со мной в жизни. Я видела планету Землю, какой она была через некоторое время (какое?) после ее окончательного уничтожения. Кажется, все бы отдала, чтобы забыть этот сон! (С. 485–486)¹⁴⁷.

Ср. последующие записи:

Сон на 30 авг<уста> продолжает угнетать меня и с каждым днем все страшнее. Зато отъезд по таинственному безветренному наводнению все хорошеет. (С. 487).

Ночь в полукошмарах, но по крайней мере не эсхатологических, как 30-го, и то хорошо. (С. 488).

Альпы. Трясет, как никогда, в вагоне. Зимой зрелище мрачное. Снова вспоминаю сон 30 авг<уста> о хаосе (С. 581).

Посещение вечного города в декабре дало новую пищу для апокалиптических прозрений. Окликнутый в записи от 30 августа петербургский эсхатологический миф о восстании водной стихии против культурной воли основателя¹⁴⁸, находит отголосок в наброске прозы год спустя:

Кто видел Рим, тому больше нечего видеть. Я все время думала это, когда в прошлом году смотрела на него прощальным взором и во мне зрела 66-ая проза. А ярко-синяя вода была из его древних фонтанов, как из щелей, куда пробралось море (С. 689–690).

Вернувшись в Россию, она

рассказывала о своей поездке очень подробно <...>, бесстрашно споря со Стендалем и Куприным. Она говорила, что не согласна с тем, что главная культурная дорога, идущая в Россию из Европы, начинается в Париже, во Франции. Она убеждена, что для русской живописи, русской музыки, а также и поэзии Италия ближе и важнее¹⁴⁹.

Ахматова с ужасом рассказала, что была в Риме в том месте, где первых христиан выталкивали к диким зверям... говорила о том, что Европе стихи не нужны¹⁵⁰.

Поездка в Рим стала приближением к эпицентру христианской эсхатологии и нарастающим ощущением соприсутствия с последней битвой:

В Риме есть что-то даже кощунственное. Это словно состязание людей с Богом. Очень страшно! (Или Бога с Сатаной-Денницей) (С. 582).

Особенно «подозрительным» казалось ей обилие обрывов. В последующей записи-воспоминании о киевской поездке прямо накануне Первой мировой войны эта подозрительность объясняется:

Необычаен был Михайловский монастырь XI в. Одно из древнейших зданий в России. Поставленный над обрывом, пот<ому>что каждый обрыв — обиталище дьявола, а храм св. Михаила Архангела, предводителя небесной рати, должен бороться с сатаной (Ad periculum maris). Все это я узнала много позже... (С. 671)

Мих<айловский> монастырь — ad periculum maris, т.е. оплот борьбы с Дьяволом... (С. 669)¹⁵¹

Это панхронистическое восприятие Рима всплыло в смешном недоразумении с сотрудниками КГБ. Как вспоминал Исаия Берлин:

По возвращении, как она мне рассказала, к ней пришли агенты советской тайной полиции, которые принялись ее расспрашивать о римских впечатлениях: сталкивалась ли она с антисоветскими взглядами у писателей, встречалась ли она с русскими эмигрантами? Она ответила, что Рим — это для нее город, где язычество до сих пор ведет войну с христианством. «Что за война? — был задан ей вопрос. — Шла речь о США?»

При всей курьезности этого диалога на несовпадающих культурных языках, он заставляет нас вспомнить о постоянных ахматовских взаимопроециях политической реальности 1960-х и весьма отдаленных эпох. Вторые, как правило, выводятся в текст, первые, как правило, остаются в умолчаниях, но незримо присутствуют в ее записях: Ахматова по-прежнему вслед за Шилейкой и Данте презирала людей, не интересующихся политикой.

Дома она нашла еще один знак полувекового возвращения — письмо от жившего в Киеве экс-футуриста Василия Ивановича Гнедова, звавшего себя Василиском и участвовавшего вместе с ней чтением своей однобуквенной поэмы «Ю» на «вечере нового слова» в Тенишевском училище:

Анне Андреевне
 Знакомые древние
 Шлют поздравленья
 В новом направленьи.
 Доктору HONORIS CAUSA
 После 50-летней паузы,
 Приветствуя кубками —
 Со сладкими губками. (№ 1136)¹⁵²

И дома же она увидела московский «День поэзии», куда ее пригласили по разряду «некоторых поэтов других городов российской федерации — А. Прокофьева, Б. Ручьева, Н. Рыленкова, Л. Татьяничеву»¹⁵³. Редколлегия того года состояла из далеких ей людей: главный редактор В. Полторацкий, заместитель его — С. Трегуб, вообще литератор с неважным реноме («Трегуб — сволочь»¹⁵⁴), особенно отличившийся в ждановские дни¹⁵⁵. Обнаружилось, что отданные туда «Полночные стихи», гонорар за которые автор уже заранее подсчитывал (С. 566)¹⁵⁶, появились без загадочной «красотки не из нашего столетья», а первый отклик на них содержал снисходительность педагога и участливость психотерапевта, прикрывающие растерянность перед сложной цитатной архитектурой и кружением чужой памяти:

«Полночные стихи» А. Ахматовой — в них надо вчитаться и вслушаться, чтобы уловить в этом цикле непрестанную смену настроений. То тревожная музыка ночной тишины, то зов любви, то песнь преображенного мира, озаренного «чистым солнцем». Слишком интимны, глубоко индивидуальны чувства и настроения поэтессы, но при всем этом они продиктованы внутренней душевной необходимостью высказаться. И от этого даже в стихах слишком личного свойства, выражаясь словами Лермонтова, «мысль обретает язык простой и страсти голос благородный»¹⁵⁷.

30 декабря А.К. Гладков записал рассказ Д.Е. Максимова:

Вернулась А.А. Ахматова, объездившая всю Италию, измученная, уставшая, обвешанная славой. Вероятно, если у нее хватит сил, она поедет вскоре и в Англию. Ее славолюбие и ревность: она удивлялась на Д.Е., зачем ему нужно заниматься Блоком, подразумевая: когда есть она. Когда в ее присутствии хвалят Цветаеву, молчит (хорошо воспитана), но человек этот для нее перестает существовать. Будто бы она расширила почти втрое свои воспоминания о Мандельштаме: надо выпросить у Н.Я. <Мандельштам>. Терпеть не может Оттена (после одной встречи) и едва прощает Н.Я. то, что она живет с ними¹⁵⁸.

Отголоски итальянского торжества еще звучали по Европе (отметим, например, осведомленную заметку ученика Эрика Местертонна и Сергея Риттенберга — Магнуса Юнггrena¹⁵⁹), и отдавались эхом на родине. 14 января на отчетном собрании глава ленинградских писателей А. Прокофьев назвал в числе успехов организации: «Анне Андреевне Ахматовой, Михаилу Павловичу Алексееву присуждены почетные звания докторов Оксфордского университета. В Италии Ахматовой была вручена международная премия»¹⁶⁰. Это был последний доклад его на этом посту. В опозоренном делем Бродского питерском отделении Союза писателей созрел заговор. А. Гитович писал Владимиру Лифшицу в начале января о визите к нему М. Дудина:

Это у них просто пункт помешательства — валить Прокопа. Вот и ходят перед перевыборами. И приносят спиртные напитки¹⁶¹.

На собрании Ахматову выбрали делегатом на съезд писателей РСФСР, Прокофьева заменили на Дудина, а ее ввели в правление. «Для меня это большая неожиданность...» — написала она Н.А. Ольшевской¹⁶². О знакомости выбора поведения зарубежное вещание на русском языке¹⁶³.

Когда на бурном собрании, опрокинувшем прежнее руководство, ее избрали в правление Ленинградской писательской организации, она, не показывавшаяся до того в Союзе и на самом собрании тоже не присутствовавшая, на первое заседание правления приехала, чуть опоздав. В довольно полной Красной гостиной, еще никем не замеченная, она села на свободный стул в последнем ряду, рядом со мной, — видимо, ориентируясь по знакомому лицу, — прямо у стенки, выходящей на Неву. Но М. Дудин, только что избранный первым секретарем и стоявший лицом к залу, не дал ей остаться незамеченной и торжественно приветствовал ее появление. Что тут началось! Все сидевшие к нам спинами обернулись и встали, и, будучи рядом с ней, я мог видеть, как ответственные лица, естественно, из первых рядов, теперь тянули шеи, чтоб разглядеть ту самую Ахматову, которую по долгу службы много лет обличали. Она не шелохнулась и приняла возникшую суматоху с немислимым для нашего времени достоинством¹⁶⁴.

В первом, «юбилейном» номере «Нового мира» за 1965 год, долго мурьжившемся цензурой из-за вступительной статьи Твардовского¹⁶⁵ и выпущенном только в феврале, появились новые стихи: «В пути («Земля, хотя и не родная...»)), «В Выборге», «Памяти В. Срезневской», «За заставой воет шарманка». Напечатаны были и давние — из цикла «Ташкентские страницы», но внимание публики по обе стороны Бреста в основном было привлечено вовсе не к Ахматовой¹⁶⁶, а к «Балладе о браконьерстве» Евтушенко, в которой все увидели аллегорическое поношение свергнутого Хрущева¹⁶⁷.

Журнал «Советская литература» на иностранных языках доверил прозаику Руфи Зерновой взять интервью у сицилианской призерши. В квартире на улице Ленина во время этого

визита раздавались звонки из «Звезды», «Огонька», «Недели» с просьбами о новых стихах. Ахматова рассказала о предложении миланского издательства Риццоли издать ее книгу о Пушкине и говорила, что работает в основном над «Прологом», трагедией в трех частях — первая и третья в прозе, вторая — в стихах, что она недавно прочла «Праздник, который всегда с тобой», который ей не понравился, что она работает с Найманом над переводом Леопарди, но что не совсем удовлетворена собой как переводчиком, показала словацкое издание своих стихов с послесловием Р. Скукалека, итальянское издание, статью Жана Бло, рисунок Модильяни («У меня их было 16 или 18, а этот я положила в книжку»). Из не вошедших в печатный текст интервью моментов разговора стоит отметить, что Ахматова сообщила, что выражение «серебряный век» принадлежит Н.А. Бердяеву¹⁶⁸.

Два поколения, ахматовское и особенно следующее за ним, «мало меду» вкусили по острой ахматовской цитате из Книги царств в стихотворении «De profundis»¹⁶⁹, насыщаемые эрзац-поэзией и квази-стихами ждали чудес от поколения прошедшего, в том числе и от «вялознаменитых дарований», как выражалась Рина Зеленая. Представитель нового, неизвестного металла века стоит на пороге в финале этого интервью.

В посвященной Анне Ахматовой статье в журнале «Preuves» Жан Бло говорит о «серебряном веке» русской поэзии — как называют 1910-е.

«Это правда, что Вы сказали нескольким молодым поэтам о том, что теперь мы живем в веке золотом?», спрашиваю я.

«Да», отвечает Анна Ахматова. «Никогда еще история не знала столь широкого, всенародного интереса к поэзии».

Раздается стук в дверь — это пришел молодой поэт, и мне пора уходить¹⁷⁰.

В феврале Ахматова жила в Доме Творчества в Комарове. 14 февраля ее увидел впервые в жизни старый писатель Олег Волков:

Дама импозантная, напоминает чем-то прежних гранд-дам. Она сидит за соседним столом, и я слышу ее категорические сужде-

ния, разговоры о французских книгах и прочем, так что даже хочется в них участвовать. С ней какая-то приживалка в шушуне, вокруг — двор¹⁷¹.

Как реакция, по-видимому, на газетные сообщения о выборах в писательское правление и делегировании на съезд¹⁷², пришло 22 февраля 1965 года «письмо из тюрьмы» (С. 588) Александра Петрова-Агатова, просившего помочь исключаемой из Московского университета его дочери¹⁷³. Из письма не явствовало, что он сидит по уголовному делу, но и за автора песни «Темная ночь», как он это делал ранее и позднее¹⁷⁴, он, видимо, в этом письме себя не выдавал.

Параллельность существования советской поэтессы в двух мирах продолжалась и стремилась к апогею. 21 февраля 1965 года Борис Филиппов сообщал о неназываемых благодетелях Глебу Струве:

получены деньги на Ахматову, но с тем, чтобы в самом срочном порядке сдать в печать первый том собрания ее сочинений. Хотят преподнести ей двухтомник как можно скорее, не исключена возможность и ее приглашения — под каким-нибудь предлогом — в Америку.

Второй съезд писателей РСФСР открылся 4 марта вступительным словом М.А. Шолохова¹⁷⁵, соперника Ахматовой в нобелевских соискателях¹⁷⁶, призвавшего писателей стать «верными солдатами партии». С докладом выступил Л.С. Соболев, утверждавший великую миссию литературы в воспитании строителей социализма.

«Отцами» новой, истинно современной литературы буржуазная мысль провозглашает Марселя Пруста, Франца Кафку и Джемса Джойса, противопоставляя их творческие принципы всем великим реалистическим традициям мирового искусства¹⁷⁷.

Далее последовали речи партийных и комсомольских руководителей — Н.Г. Егорычева, В.С. Толстикова, С.П. Павлова. В президиум пригласили Ахматову.

Сначала она села где-то сбоку, в задних рядах, а потом не то А.А. Сурков, не то С.В. Михалков почтительно привел ее в первый ряд, за стол президиума, и усадил с правого края, рядом с М.А. Шолоховым¹⁷⁸.

Она сидела в президиуме и исподволь разглядывала правительство. Они ее — тоже¹⁷⁹.

На напечатанной в газете фотографии «почти неразличимые лица, и среди них — гордо посаженная голова Ахматовой. Показывая эту газету, Ахматова говорила:

Это не Фурцева, это я¹⁸⁰.

Из сидящих в президиуме только перед Ахматовой и Шолоховым не лежит никаких бумаг. Перед ней — сумочка.

Поэт Сергей Наровчатов, недавно заведший с Ахматовой дружбу¹⁸¹, восхвалил ее на съезде по гендерному принципу в окружении Берггольц, Инбер, Алигер:

Посмотрите же, в самом деле, — восклицает оратор, — какая у нас женская поэзия! Старейшая русская поэтесса А.А. Ахматова получает в далекой Сицилии международную премию, которой раз в год награждается один иностранный поэт. Родина Данте и Петрарки в ее лице отдает дань восхищения стране Пушкина и Лермонтова, чьи традиции, кстати говоря, продолжает классический стих Ахматовой¹⁸².

В день окончания съезда, 7 марта, в Колонном зале ее зафиксировал дневник П.Н. Лукницкого:

Минуты перед началом заседания, людей в зал набивается полно, — делегаты, гости, все полны «осадков» от вчерашнего заседания... вошла Ахматова, села в президиум... Ахматова голосует не красным мандатом, который она не взяла, а такой же по размеру поздравительной к 8 марта карточкой.

АА — вторая от трибуны в первом ряду президиума. Я — во втором ряду левого сектора, у среднего прохода. Сев на свое место, АА приветливо кивнула мне и сложила бантиком губы.

Зелинский, сидящий слева в первом ряду, наблюдал, перевел на меня глаза.

Женщинам-делегаткам при регистрации в фойе вручали букетики цветов.

АА с Аней и Раисой Ахматовой — на сцене. Я подсказываю фотографам, они кидаются снимать. АА охотно позирует; подходит М. Комиссарова, подходит О. Берггольц, серия снимков. Сам я не становлюсь рядом, а стою с фотографами — «дирижирую», «режиссирую»¹⁸³.

Но и помимо режиссуры Лукницкого, она была объектом всеобщей фотоохоты. Ее запечатлел М. Трахман — она беседует с Константином Фединым (прозаик — с трубочкой в руке), по поводу чего один читатель прислал ей потом посвященное им обоим стихотворение «Я не слышу ваш голос...»¹⁸⁴.

Кому-то из поэтесс, отказавшись сниматься рядом, Ахматова сказала: «Я сегодня не в лице»¹⁸⁵, но Антонину Коптяеву все же подвели к ней и щелкнули, и Алим Кешоков снялся с ней¹⁸⁶. Один из делегатов вспомнил:

[Фотокорреспондент] схватил меня за руку и подвел к старой женщине в черном, устало сидевшей за круглым столиком, накрытым темным суконным покрывалом. Женщина опустила голову и закрыла глаза, всем видом выражая полное безразличие к происходящему вокруг. <...>

— Анна Андреевна, — обратился к ней фотокорреспондент, — перед вами самый молодой председатель союза писателей из солнечной Калмыкии, разрешите сфотографировать вас с ним. <...> Ахматова подняла голову и приосанилась, на глазах стала другой. Восхищенно глядявваюсь в нее, стараясь запомнить. Конечно, старость никого не украшает, но она, Ахматова, и в старости своей была красива, в усталости — величественна.

— Вот вы какая! — вырвалось у меня.

— Какая же? — она улыбнулась и в усталых глазах засверкали веселые огоньки¹⁸⁷.

Фотоснимки в газетах были наглядной эмблемой хэппи-энда — учитель из Кировоградской области писал:

Ваше имя давно известно мне, так как и я уже перешагнул шестое десятилетие. Оглядываясь на прошлое, чувствую, что будто сам пережил Ваши испытания, чтобы сейчас порадоваться за Вас. Ваш портрет в дни недавнего съезда писателей был символом самой справедливости. Надо было дожить до нее, выдержать... И за это особый поклон. Как много сказано в строке Булата Окуджавы: «Как хорошо быть ни в чем не виноватым...»¹⁸⁸ Все беды наши в ней отразились, словно солнце в капле воды¹⁸⁹.

На взгляд либералов, съезд был

сплошной демонстрацией подлости, ханжества, черносотенной мрази. <...> Разливанное море «среднего» <...> Нажим со стороны МК или ЦК на этот раз был поразительным, одуряющим, наглым¹⁹⁰.

Персонально состав триумфаторов несколько изменился¹⁹¹ — на банкете для своих Л. Соболев объяснял задачи русских писателей: смещение мягкотелого Федина, знамени ревизионистов Твардовского и скомпрометировавшего себя плохим стилем В. Кочетова, а также установление в отечественной литературе процентной нормы, приближающейся к 0%¹⁹².

Ахматова рассказывала Оксману:

А.А. с омерзением отказалась быть на заключительном «торжестве победителей», когда Софронов, Марков и Воронков устроили встречу писателей РСФСР с вождями правительства. Косыгин отказался дать деньги на эту встречу в Кремлевском Дворце съездов. Тогда Марков и Воронков незаконно заимствовали на эту пьянку 4 тыс. рублей в Литфонде. На деньги больных и нищих писателей Михалков отплясывал казачка, а прочие секретари упивались бесплатным шампанским с коньяком до бесчувствия. Говорят, что особенно благолепны за столом были С.А. Макашин с супругой. А Л.С. Соболев, говорят, уже даже не мычит, а только плачет от умиления. Впрочем, его оставили на главном посту только номинально. Он получает годовой «творческий» отпуск, из которого не вернется. Заменяет его М.Н. Алексеев, один из коммивояжеров и подручных главного гангстера — А. Софронова¹⁹³.

Вскоре после осененного присутствием Ахматовой съезда победителей, в их домашней газете ее стихи не пропустили.

Цензор спросил: «Стихи Ахматовой показывали в отделе?»

— В каком отделе?

— Все равно в каком: в отделе пропаганды или в отделе культуры.

— Нет.

— Тогда я не могу подписать в печать эту полосу.

— Почему?

— У меня есть указание: Ахматову, Ахмадулину, Евтушенко, Вознесенского и Роберта Рождественского без санкции ЦК в печать не пускать.

<...> И я сказал цензору, что стихи Ахматовой из номера снимаю¹⁹⁴.

Недаром вспоминая этот К. Поздняев хвалился, «как они умеют быстро печатать, как они переверстывают номер за два дня до выпуска»¹⁹⁵. Стихи Ахматовой заменили на стихи О. Берггольц¹⁹⁶, в которых хоть и можно было угадать тюремную тему, но все же содержался апофеоз «великой мечты»¹⁹⁷.

Неудачливым было и предложенное С. Наровчатовым сотрудничество с «Литературной газетой». Там появилась 16 марта ахматовская рецензия на книгу Эммы Герштейн о Лермонтове, но в основанной в марте Наровчатовым рубрике, где напечатали Е. Винокурова, Веронику Тушнову и других, отобранные автором стихи (С. 596) не появились — финал поэмы «Путем вся земли», «Переулочек, переул...», отвергнутое уже ранее в «Дне поэзии» стихотворение о красоте, «Привольем пахнет дикий мед...» и другие¹⁹⁸. Потом Наровчатов объяснял:

Мои старания оказались напрасными. Подборка не увидела света. Причем не из-за каких-либо указаний и запрещений сверху, снизу или сбоку, а просто по редакционным несогласиям. Очень было досадно. И единственным напоминанием об этом несостоявшемся разговоре с читателем остались гранки полосы.

Один экземпляр у Анны Андреевны, другой у меня. Да еще одно нужно добавить, самое, может быть, бесценное — царственную улыбку Ахматовой, читавшей с гранок свои стихи¹⁹⁹.

«Редакционные несогласия» по поводу печатания ахматовских стихов в «Литературной газете», возможно, были связаны с предысторией отношений тогдашнего ее редактора с автором сборника «Слава миру» — за тринадцать лет до того А.Б. Чаковский, с его «услужливой спиной метрдотеля»²⁰⁰, во внутренней рецензии пенял стихотворению «Мужество»:

«не», «не» и «и» во второй строфе не сочетаются ни по смыслу, ни лексически,

не одобрял «Наступления»:

Наивно и по-школьному,

и «Первого дальнобойного в Ленинграде»:

В последних четырех строках нет смысла.

и вообще раззудил плечо:

...она «отравляла» молодые души приятным и легко усваиваемым ядом.

«Щели в саду вырыты». Старушечье причитание. По-моему, снять. «А вы мои друзья последнего призыва». Насчет святцев и багрового света, — чепуха. Надо убрать. Враги усмехнутся: «вот, мол, довели-таки Ахматову, заставили писать на ‘актуальные’ темы, и вот что из этого получилось»²⁰¹.

Вместо собственных стихов Ахматовой газета 29 мая дала подборку ее переводов «Из древнеегипетских папирусов», причем С. Наровчатова во вступительной заметке пришлось риторическим напряжением внушать мысль об их праве на место в газетной полосе:

Наша передовая советская культура вбирает в себя все добрые начала, составляющие основы художественного мышления человечества. Много тысяч лет назад люди любили, радовались и страдали столь же искренне и глубоко, как мы с вами. Самовластный луч поэзии, сквозя через века, соединяет нас с ними во времени. Золотыми пылинками в этом луче светят человеческие судьбы. Они запечатлены в строках, переведенных Ахматовой из древнеегипетских папирусов. Эти переводы по значимости стоят в ряду лучших достижений наших мастеров художественного перевода.

За рубежом эту публикацию заметили:

Выбор стихов и манера перевода столь своеобразны, что если бы даже не было указано имя переводчика, то без труда можно было догадаться, кто выполнил эту сложную и оригинальную работу²⁰².

Заметили и «врезку» Наровчатова — ср. разговор с Виктором Франком в Лондоне:

Ф.: Как по Вашему, Анна Андреевна, очень это грамотно сказано в введении к Вашим переводам: «А.А. Ахматова является величайшим мастером...»?

А.: Ну да, это Вам чуждо. Это — растущий язык. У нас за последнее время развился культ языка эмиграции. Я с этим не согласна. Мы Бог знает как говорим. Язык у нас загрязнен и испорчен, но это растущий язык, живой язык²⁰³.

Конец марта принес литературные новости:

...полетел Ильичев. Но стоит ли прыгать до потолка, станет ясно после того, как проявится его преемник. Им стал Демичев. Кто говорит, что он человек более или менее интеллигентный, кто утверждает, что он — фигура мрачноватая²⁰⁴.

Новая метла заверещала на слете главных редакторов в апреле:

...критика культа личности Сталина, снятие Хрущева с поста первого секретаря ЦК КПСС не могли не внести элементы скептицизма и нигилизма в души людей, особенно молодежи. Все это не укрепляет морально-политического единства советских людей, не вдохновляет их. Трудностей прибавлено и дискуссией с китайской компартией. Все это тревожит народ и партию. И в то же время со страниц литературных произведений не сходит тема о бюрократе, приспособленце. Это все о руководителях преподносится такое. Те, кто усердствует в однобокой критике руководителей, рубит сук, на котором все сидим. Непомерно много лагерной темы. Все, кто там побывал, считает себя обязанным написать об этом мемуары или роман. Надо ли смаковать эту тему и раздевать себя перед всем миром? Не слишком ли долго и навязчиво мы о культе личности Сталина продолжаем говорить?²⁰⁵

В апреле Ахматова снова поехала в комаровский Дом творчества, где последний раз в жизни соседствовала с советской литературой в больших количествах, в том числе с ветераном «борьбы с А. Ахматовой», автором бесталанной пародии на нее²⁰⁶, предложившим распить с ним по бокалу шампанского:

Не давая ему договорить, она очень резко объявила, что ей запрещено врачом. Он смутился и, комкая фразы, напомнил ей, что они знакомы по совместному выступлению в 1936 или 1937 году в НКВД. «Вы сошли с ума! — сказала она. — Вы просто не знаете, кто я такая»²⁰⁷.

8 мая был сдан в набор «Бег времени». 14 мая вместе с Биллом Чалсма ее навестила Ирина Кирк, американская писательница русского происхождения, посланница Сэма Драйвера²⁰⁸. «Отчет» о встрече она послала диссертанту в Америку из Австрии через шесть дней:

В то утро Билл пришел в «Асторию» (он живет в «Октябрьской») бледноватый и сказал, что за ним следят. За ним следил человек в гостинице и на улице, но, кажется, потом потерял его. Сдав ключи дежурной и спускаясь по лестнице, я обернулась и уви-

дела, что она снимает трубку. Я захотела проверить это (когда за вами следят, дежурная всегда звонит вниз, когда вы уходите с этажа), так что я вернулась и переменяла одежду и снова сошла, и снова она взяла трубку в ту минуту, когда я сходила. Она не могла видеть, что я наблюдаю за ней с лестницы. Затем, когда мы вышли, человек в коричневом плаще пошел за нами. Обычно они носят серые дождевики, но в этом году это коричневые. Он прошел за нами до угла, мы остановились, он тоже, я быстро обернулась, и он устался в стенку (до чего нужно быть наивным!). Тогда мы с Биллом решили взяться за руки и изобразить, что мы ужасно интересуемся друг дружкой, и только с этой целью и больше ни с какой прибыли в Ленинград. Мы расслабленно пошли в Исаакиевский собор, демонстрируя, как мы фотографируем его, потом мы гуляли вокруг него и в маленьком парке рядом. Человек вернулся в гостиницу. Догадываюсь, что у них не предполагается сопровождать очень далеко, либо в таком случае они вас передают другому. Видимо, они просто хотят посмотреть, не встречаетесь ли вы с русскими прямо у гостиницы. Так говорили мне в России в 1959 году — что они провожают только от гостиницы до угла. Мы однако хотели в этом убедиться и провели несколько часов, покупая книги и навестив букинистов, затем пошли в Пушкинский Дом и недолго пробыли там. Наконец, когда мы уверились, что остались одни, тут же кинулись на Финляндский вокзал и взяли билеты до Зеленогорска. Для меня это было паломничество в мое детство, в серый, нелюбимый Китай, где голос Ахматовой говорил с нами с тонких страниц эмигрантских журналов, а ее удлиненное лицо с трагическими глазами было так же знакомо, как пушкинское. <...> И вот, пока мимо нас проскакивали станции со знакомыми и все же странными именами (Репино, Рощино), пока люди вокруг нас толковали монотонными голосами, мы избегали упоминать о цели нашего назначения. Только раз Билл сказал, что он был бы значительно более нервным, будь он один, и я сказала, что я совсем не нервничаю. И действительно, то, что я чувствовала, было не нервность, а, пожалуй, онемение, которое чувствуешь, приближаясь к чему-то страшному и неизбежному.

Мы сошли с поезда приблизительно через час (мы выехали за пределы сорокакилометровой зоны) и задержались, чтобы

посмотреть не идет ли кто-нибудь в том же направлении, но все шли в противоположном, покинув нас перед одинокой дорогой, ведшей в сосновую рощу. Данные нам указания о местонахождении дома были весьма смутны, они были нарисованы на клочке бумаги [Д.Е.] Максимовым, и поскольку Билл счел не весьма мудрым наводить расспросы в почтовом отделении, у нас заняло какое-то время отыскать три маленьких зеленых домика, которые казались нежилыми и потерянными среди сосен. Прежде чем мы успели постучать в дверь, вышла маленькая женщина в черном²⁰⁹ и сказала: «Вы к Анне Андреевне?» Я сказала: «А она нас примет?» «Она всех принимает», — сказала женщина.

Она выглядела как монашка или как монастырская служка, но глаза ее на круглом, морщинистом лице были молодыми и мягкими, а голос очень нежным. Он выражал ее любовь к хозяйке, когда она сказала, что «Анна Андреевна сейчас гуляет и скоро придет». Мы ждали всего несколько минут, потому что снова пошел дождь, и я увидела в окне невысокую, тучную фигуру в сером плаще, с шарфом вокруг головы, идущую к домику рядом с молодым человеком. Мы встали, и молодой человек сказал: «У вас гости», и она тут же сняла шарф, как бы для того, чтобы продемонстрировать серебряную корону, и распрямила плечи, готовая начать прием. Она немедленно узнала Билла, а меня одарила очень быстрым, очень пронизательным взглядом и прошла перед нами, показав легким жестом, чтобы мы следовали за ней. Она была в полинялом розовом платье, в двух местах порванном, но это никак не умаляло ее достоинства; не платья делают королевой, наоборот, она придавала королевскости этому старому, поношенному платью, равно как и старой кровати, и стульям, и маленькому столику, за который мы сели, и темной, квадратной комнатке. Это могло быть спальней монашенки или юной девушки, еще не знавшей мира, но каждый предмет был частью своей хозяйки, отражавшим ее волю и служившим ей. Я сидела напротив нее, а Билл и Анатолий Найман (поэт, ее секретарь и соавтор по переводам) справа от нее. Я сказала ей, что на самом деле я прибыла в Ленинград с целью доставить ей докторскую диссертацию моего хорошего друга, и что там еще было письмо от него. И что все это я оставила у Максимова. Что друг мой беспокоится, нет ли в диссертации че-

го-нибудь неверного и будет признателен, если она проверит ее, так чтобы неизбежные ошибки не дошли до печати. Она сказала просто: «Спасибо Вам», и затем снова спросила Ваше имя. Она также спросила о профессорах, перед которыми диссертация будет защищаться. Затем она помолчала, взяла книгу с «Лермонтовым» на обложке и раскрыла. Заметив, что я слежу за каждым ее жестом, она засмеялась и сказала: «Вы думаете, это Лермонтов? Нет, это моя записная книжка». Она затем протянула мне ее, раскрыв на чистой странице, и попросила меня записать Ваше имя и имена Ваших профессоров. Я сказала ей, что я до конца не уверена, но думаю что это Р. Мэтьюсон и Л. Штильман (?). Она посмотрела на имена, жесты ее медленны, неторопливы, величественны, и сказала: «Мне это имя знакомо, он не был на выставке?» Я сказала, что да, Вы были. «Ну так я видела его в журнале “Америка”». Я сказала, радостно: «Да, это он». Я подумала, что вот удобный момент попросить ее фотографию для Вас, и попросила. Она не ответила. <...> «Воображаю, как я ему надоела», — сказала она, но открыла один из конвертов и стала просматривать снимки. <...> Потом она показала мне ту, которую Вы, наверно, уже получили, и спросила: «Эту?», и я сказала: «Да, да, эту», думая о том, насколько она воплощает «не то монашку, не то блудницу». Медленно она сделала надпись. Я поблагодарила и спросила: «Ну а мне?» Она это совершенно игнорировала и стала говорить о чем-то другом. Анатолий прервал ее и сказал, что справедливости ради она должна подарить и мне. Она игнорировала и его. Дважды он возвращался к этой теме — и дважды она не реагировала. Наконец, он настоял, и она сказала: «У меня больше нет». Анатолий сказал: «Ну поищите, найдется какая-нибудь там». Она выдвинула ящик, снова просмотрела, и опять закрыла. Я сказала Толе: «Ничего не помогает», он что-то еще снова сказал ей, и тогда она снова вынула конверт и нашла себя нынешнюю (1964), спросив меня, нравится ли мне. Мне нравилось. Надо видеть эту фотографию, чтоб понять ее комментарий к ней. Она стоит слева, в профиль, гордо и вызывающе, справа сидит пожилой человек, лицо его наполовину закрыто рукой. Ахматова сказала, что это сцена из шведского фильма: «Она ему говорит: “Ребенок не твой”, он молчит, а ребенок уже давно лекции в университете читает»²¹⁰. Затем она показала стихотворе-

ние, которое написал ей Иосиф Бродский с эпиграфом «Седой венец достался мне не даром»²¹¹, и попросила Толю прочесть его нам. Он прочел, затем я еще раз прочла про себя.

Бродский, сказала она, приходил ее навещать утром того самого дня. Ему разрешают иногда ненадолго покидать его трудовой лагерь. Она сказала, что Бродский «незаурядное явление в русской литературе», и что факт его публикаций за границей может помочь ему дома. Мы немного поговорили о нем, затем о других. О Евтушенко, естественно, она сказала, что он «прекрасный эстражник». Я и сама так думала, всегда, и в этот раз я не могла найти никого, кто бы не считал, что Евтушенко «продался». Толя говорил о Вознесенском, как «сделанном из пластмассы», как он сам говорит, и А. А. как будто согласилась. По крайней мере, она засмеялась. Отношения между Анатолием и А. А. очень интересны.

Анатолий сам «незаурядное явление в жизни», такой, которого Вы не забудете после одной встречи, и он очевидным образом обожает ее, а она его, и хотя между ними есть определенный тип отношений «королева — придворный поэт», с его стороны абсолютно нет сервизма любого рода. Он поправляет ее, упрекает ее (как было с ее фотографией для меня), хвалит ее, возможно, критикует ее, и явно его слово очень весомо во всем, что ее касается. Он знает, о чем она думает, что она имеет в виду, и знает все ее стихи наизусть. Она спросила его: «Прочитать им мои стихи?» Он сказал: «Да». Они посоветовались, какие именно, и она прочитала «Распятие». Нам было сказано потом, что это был «подарок вам», что это означало, что мы ей понравились. Я затем попросила об одном раннем, не помню названия, но только фразу «к счастью нужно осторожно подходить»²¹², но она не могла вспомнить его и добавила, что она может не знать тех стихов, которые я помню с детства. Затем она читала «Какая б ни была»²¹³, и читала его так, что я с трудом удержалась, чтоб не заплакать вслух. Толя сказал ей: «Вы прекрасно прочли это», и она была довольна. «Да?» — сказала она очень мягко, как ребенок, затем посмотрела на меня, увидела слезы на моих щеках и, внезапно поменяв тон, сказала: «Ну, я не буду вас душить трагедиями в углу», и начала бодрым тоном беседовать с Биллом. Эта смесь трагического с юмористическим присутствовала все

время, и один раз она сказала, когда мы обсуждали правильное ударение²¹⁴ в одном слове: «Я все пережила, две революции, два террора, всего по два, а вот два ударения пережить никак не могу»²¹⁵.

В диссертации героиня ее просмотрела библиографию, сделав выписки из нее в рабочей тетради 22 мая (С. 627–628). Какие-то названия она когда-то знала, но, видимо, забыла. Так, в бумагах П.Н. Лукницкого хранилась выписка об упоминаниях ее в монографии П. Бицилли²¹⁶, которую она встретила и здесь. Из этой библиографии она узнала о новейшей публикации чешской исследовательницы²¹⁷ и о том, что шесть лет тому назад ее помянули в Киеве²¹⁸. Ее остановила в диссертации цитата из книги американского филолога Чарльза Андерсона об Эмили Дикинсон²¹⁹, здесь примененная к Ахматовой — фраза из письма Дикинсон (1862):

Когда я представляюсь как Посланица Стиха — я имею в виду не себя, а некую предполагаемую персону²²⁰.

Биографическая первая глава диссертации вызвала чрезвычайно резкое даже для нее неприятие. Она считала, что диссертант стал доверчивой жертвой лживых воспоминаний Сергея Маковского:

Из-за этого вся его работа не может приобрести нужный тон. Вначале он говорит, что его объект — легендарен, а затем подробно рассказывает, как какую-то унылую, молчаливую женщину постепенно бросает ее совершенно несимпатичный муж (С. 624).

Якобы Маковский ревновал к Манделштаму и еще к кому-то, отсюда ужасная фальшь в книге о ней, которая выйдет в Америке. Якобы в Париже она ревновала Гумилева или наоборот... И добавляет с юморком: «Ну что ж, мы все в эти времена кувыр-кались, а теперь о нас тезисы пишут»²²¹.

Другой повод для раздражения — констатация С. Драйвером ее исчезновения из печати на 18 лет:

Меня не печатали 25 лет. (С 25 до 40 и с 46 по 56.) Это отнюдь не значит, что я не писала 25 лет. Во второй антракт я писала «Поэму без Героя», в первый — «Реквием» (1935–1940), «Русский Трианон»» (уцелели отрывки) и ряд не самых моих дурных стихотворений. Вы говорите, что кончаете 22 годом. Добро вам, но «Лотова жена» и «Муза» — 1924, «Последний тост» — 1934 и т.д., и «Если плещется», 1 дек[абря] 1928 г.

Всем, что я сегодня (18 мая 1965, в Комарове) здесь пишу, я меньше всего хочу оправдаться. Я, может быть, скажу о себе нечто во много раз худшее, чем все они, но это будет по крайней мере — правда (С. 626–627).

В эти же дни Ахматовой по другому поводу пришлось столкнуться с темой оценки своего прошлого и своих друзей. Поводом стал Михаил Лозинский²²², о котором она сочла нужным сказать, что его

стихи были строгие, всегда высокие, свидетельствующие о напряженной духовной жизни. Это те стихи, кот[орые] обычно никто не любит²²³. Его и не любили. «Горный ключ» успеха не имел²²⁴ (С. 702, 705).

В эти дни вообще с посмертными судьбами ее друзей все время что-то происходило.

13 мая состоялся вечер памяти Мандельштама, организованный студентами механико-математического факультета МГУ. По рукам ходила стенограмма:

Шаламов. Удивительна судьба того литературного течения, в рядах которого полвека тому назад Мандельштам начинал свою творческую деятельность. Принципы акмеизма оказались настолько здоровыми, живыми, что список участников напоминает мартиролог, — мы говорим о судьбе Мандельштама. Известно, что было с Гумилевым. Нарбут умер на Колыме. Материнское горе, подвиг Ахматовой известны широко, — стихи этих поэтов не превратились в литературные мумии. Если бы этим испытаниям подверглись символисты, был бы уход в монастырь, в мистику.

В теории акмеизма — здоровые зерна, которые позволили и прожить жизнь, и писать. Ни Ахматова, ни Мандельштам не отказывались от принципов своей поэтической молодости, не меняли эстетических взглядов.

Говорят, Пастернак не принадлежал ни к какой группе. Это неверно, он был в «Центрифуге» и очень горько сожалел об этом. Ни Мандельштаму, ни Ахматовой ничего не пришлось пересматривать.

Студент МГУ Борисов читает подряд, великолепно, на одном дыхании.

Эренбург. Наш вечер окончен. По-моему, он был очень хорошим. Для меня самым лучшим был студент МГУ, который чудесно читал стихи, — пусть не обижаются мои товарищи писатели²²⁵.

Может быть, как капля, которая все-таки съест камень, наш вечер приблизит хоть на день выход той книги, которую мы все ждем. Я хотел бы увидеть эту книгу. На этом свете. Я родился в один год с Мандельштамом. Это было очень давно. Впрочем, с времен конца того периода, который называют периодом беззаконий, тоже прошло уже много времени. Подростки стали стареть. Пора бы книге быть²²⁶.

Забрезжила надежда мандельштамовской книги. 26 мая составитель Лев Озеров получил из типографии однотомник Пастернака в «Библиотеке поэта» (с предисловием Синявского). Ободрительные слухи ходили и об Ахматовой²²⁷

До Москвы дошел четвертый выпуск «Воздушных путей».

Кто-то показал Ахматовой последний номер «Воздушных путей», где ее восп<оминан>ия о Мандельштаме, стихи с эпиграфом из Бродского, стихи Бродского. Редакция сборника возмутительно интерпретирует переключку в стихах А.А. и Бродского, давая повод подозревать, что Бр. якобы ее любовник. Она очень огорчена. Как-никак — ей 76 лет!²²⁸

Она собиралась в свою английскую поездку. Но над поездкой взвевали враждебные вихри игры разведок.

4 мая 1965 года Струве писал Филиппову:

абсолютной уверенности, что ААА приедет, нет: во-первых, у нее со здоровьем не вполне ладно, а во-вторых, как сказал Катков, на ее приезде может отразиться история с арестом английского учителя в Москве (Джеральда Брука)²²⁹ — как будто бы за ввоз и распространение «подрывной» антисоветской литературы (не наш ли Бродский?).

Между прочим, вчера я разговаривал с одним человеком (немцем)*, который в 1953 г. сидел в одном лагере с мужем Ахматовой, Н.Н. Пуниным, который получал от ААА посылки, в том числе чай, очень хороший и слывший в лагере под именем «ахматовского чая».

В начале мая пришел к ней домой тогдашний секретарь Союза писателей в Ленинграде, сменивший А.Прокофьева²³⁰.

А у нас, как Вы знаете, теперь двоевластие. Ленинградское отделение Союза Писателей возглавляют два человека. И вот мне звонит один из них, которого я лично не знала: можно ли ему прийти? Я сразу почувствовала, что дело неладно. Ну пришел и говорит: «Анна Андреевна! что же это такое?» И показывает № журнала «Грани», в котором напечатан мой «Реквием», а на последней странице Бог знает что: инструкции, как пересылать рукописи, кому пересылать и какие-то призывы. Я ему говорю: «Да ведь когда я была в Италии, со мной не расставались Твардовский и Сурков. Так как же я могла бы с кем бы то ни было сноситься?» Ну, он смутился²³¹.

В записи Л. Чуковской от 10 мая:

Она рассказала о посещении Гранина, который явился к ней по поводу какой-то листовки, выпущенной в ФРГ антисоветским издательством «Грани». На листовке — «Реквием», ни больше ни меньше... И сообщил, будто сделалось известно (я не поняла из ее рассказа, кому известно?), что, когда она была в Италии, к ней приходили и предлагали ей остаться.

* Эрик Зоммер

— Я так на него закричала, что он даже и сам крикнул: «Не кричите на меня, пожалуйста». А я кричала, что никто нигде ко мне не приходил, никто ничего не предлагал, что это все — вранье. Кому нужно это вранье? Зачем? Кто это изобретает?²³²

Тема подсудимой, невидимо сбегающей от меняющихся лиц конвоя, возникает в предъотъездном наброске, в дольнике которого чуть слышится поступь «Поэмы без героя»:

Для суда и для стражи незрима
В эту залу сегодня войду
Мимо, мимо, до ужаса мимо (С. 629)

Как вспоминала сотрудница Иностранной комиссии Союза писателей Ирина Огородникова, перед отъездом, на Белорусском вокзале Ахматова сказала по поводу принесенных ей валокордина и валидола:

«Вы не волнуйтесь. Я никогда не позволю себе такой гадости — умереть не на родине».

Мв на сев — *угроза*

Глава
седьмая

1965-1966

Валентин
Зубов.

Франсуа
Вийон.

Алиса
Мейнелл.

Бар
«Куполь».

Древний обряд. — Политика и истина. — Последний день Византии. — «И вообще “все смешалось”». — Два вставных слова. — Дурацкие замечания. — Фасады в России. — Фасады в Париже. — Телевизор под божницей и дружба-транзистор. — Августовская вспышка. — «Тишина между мирами». — День на даче. — Второй сорт. — Души существуют. — В ожидании концерта. — Аппетит, Зоценко, яблочко, огурчик. — Земля безверия и страха. — Четвертый инфаркт, пятый развод. — История культуры глазами КГБ. — Место на скамье. — Праздник на подшипниковом заводе. — 5 марта. — Неконченная фраза...

«Оксфорд. Древность обряда», — помечено в блокноте (С. 631). Впервые обряд присуждения почетных званий в этом университете зафиксирован в 1566 году — магистерские степени по случаю приезда королевы Елизаветы получили двенадцать человек во главе с графом Оксфордским, Эдвардом де Вере, которого иные ныне почитают за подлинного Шекспира (иногда к этой версии склонялась и Ахматова).

После церемонии, предваренной валидолом и нитроглицерином, Ахматова, по ее словам, вошла в комнату, полную цветов, и сказала себе:

Это мои похороны. Разве такие торжества для поэтов?¹

Совиновником торжества был Зигфрид Сассун, участник Первой мировой войны, которого героиня одного из романов Ивлина Во рисовала себе «пехотным офицером, стоящим на рассвете в заплывшей грязью траншее с оружием в руках, поглядывающим на ручные часы в ожидании начала атаки»². Ахматова назвала его «сумасшедшим поэтом» (он заснул на последовавшем завтраке у ректора) и потом спрашивала у Исаяи Берлина:

Есть ли какое-то политическое лицо у Зигфрида Сассуна, поэта, которого чествовали вместе с ней в Шелдоновском театре? А другие почетные доктора?³

Другим почетным доктором был «выдающийся в двух областях» сэр Джеффри Кейнс, хирург и «дуайен библиографов», публикатор Джона Донна и Уильяма Блейка.

Ахматова потом рассказывала:

— Когда мы вместе проходили в зал, то ученые очень волновались, а мы, поэты, ничуть!⁴

На следующий день после церемонии Исая Берлин отмечал свое 56-летие. Ахматова надписала ему январский номер «Нового мира» со своей публикацией: «Исаяе Берлину в его день 6 июня», проставила даты под прошлогодними стихотворениями о неродной земле и ступени, ведущей под воду, — «1963» (ошибаясь на год — обычное для Ахматовой дело, но тут ведь речь шла совсем о недавних стихах, что, может быть, выказывает степень ее усталости). И вписала на свободное место прошлогоднее четверостишие, сменив глагольное время и подправив его жестом едва ли не дейктическим и тем сделав для читателей, а, может, и для себя самой, окончательно разъясненным лирическое «ты» своего экспромта:

Очнулась. Это Страшный Суд
И встреча горестней разлуки.
Здесь мертвой славе отдадут
Меня твои живые руки.

В Оксфорде она получила письмо от Поля Вале с сообщением, что он готовит перевод ее стихов (№ 1776). Это оказалось умело не названный «Реквием», увидевший свет уже после смерти автора⁵.

В Лондоне ее ждали Саломея Андроникова («Соломинка дивная, совершенно узнаваемая, та же»⁶). Ее подруга Анна Самуиловна Калин писала Исаяе Берлину 16 июня:

Вы очень осчастливили Саломею. Она бедная, ко всему, в состоянии агитации по поводу Ахматовой и встречи; а этот юродивый блин Мура <Будберг> не дает ей встретиться с Ахматовой одной.

Мне очень понравилась Ахматова — большая женщина, и без истерии, так часто портящей именно таких женщин. Вознесенский мне тоже нравится — говорила с ним *en petit comité*. Журналисты и над А<хматовой>, и над В<ознесенским> натворили много гадостей и чепухи.

Ждал и Глеб Струве, имя которого для советского литературного аппарата было одним из самых одиозных⁷. Возможно, его имя было в том списке⁸, о котором рассказывала А.Г. Каминская:

Еще в Москве я получила исчерпывающие «инструкции», и мне вручили список людей, которых мы должны были избегать за границей. Обо всем этом я рассказала Анне Андреевне, но она поступала так, как считала нужным...⁹

Ахматова была мимолетно знакома с отцом Глеба Струве и говорила его племяннику в связи со статьей Недоброво:

Статья, напечатанная в одной из книжек «Русской Мысли» за 1915 год, лучшее, что обо мне было написано. Это ваш дед, Петр Бернгардович, ее заказал¹⁰.

Глеб Струве помнил, как его отцу пришло письмо от Ахматовой из финской санатории Хювинккя со стихотворением «Как невеста получаю...» для «Русской мысли». Для Г.П. Струве ее поэзия и ее биография были сквозной жизненной темой¹¹. О готовящемся им совместно с Борисом Филипповым двухтомнике было уже объявлено публично¹², эта тема обсуждалась, о чем он и сообщил соавтору на следующий день, 12 июня:

Впечатление сложное и противоречивое, и я не буду сейчас вдаваться в подробности. Что касается нашего издания, она не хо-

чет, чтобы ее издавали, но говорит об этом не слишком решительно. Есть основания думать, что она была бы заинтересована в материальной компенсации. Подымать об этом вопрос с ней я не мог, но я говорил об этом с П.П. Норманом, и он обещал позондировать почву. Гринбергу, который на очень многих произвел здесь отвратительное впечатление, дали понять, что она недовольна, что за напечатанное в В<оздушных> П<утьях> ничего не получила. Он сначала реагировал заявлением, что тут советские законы на его стороне (это он сказал И.М. Берлину), а потом еще прибавил (В.С. Франку), что «ей и без того хорошо живется» (Франк был совершенно шокирован, а я припомнил строки Мандельштама: «На стороне врагов законы...»). Все же потом Гринберг (не знаю, приняла ли она его или нет, кажется, что нет) послал ей в конверте какую-то сумму, указав при этом, что издает В<оздушные> П<ути> не с коммерческой целью; она ему эти деньги (говорят, малые) *вернула*, написав, что «чаевых» не принимает. Я, конечно, никаких полномочий делать предложения за наше издание не имел, и денег больших на руках тоже, но сказал Норману, что за «Реквием», выпущенный на мой счет и мне не окупившийся, готов уплатить 10%-ные отчисления. Она, по-видимому, получила разрешение получать гонорары за иностранные издания. Оксфордский ун<иверсите>т (Берлин и Оболенский) предложил ей издать собрание ее сочинений. Я ее предупредил, что на это может уйти 5 или 6 лет, как было с «Вечерним светом» В.И. Иванова, а мы издадим м<ожет> б<ыть> даже в июле. «Как, в каком июле?» спросила она, и когда я сказал: «в июле этого года», ей это явно *понравилось*, хотя словами она этого и не выразила. (Простите, что пишу так сумбурно). Во всяком случае, я ей оставил на просмотр 1) свою английскую статью, сказав, что если ей не понравятся некоторые вещи (напр<имер>, о Светлане Сталиной), я выброшу; 2) наше редакционное вступление (она тут же прочла первую страницу и сказала: «вот, я уже тут вижу ошибку: такой книги, как “Ива”, не было, это очень частая ошибка», я ей объяснил, что мы это знаем, но называем «Иву» книгой, потому что она сама озаглавила сборник «Из шести *книг*»; я не помню сейчас, объяснено ли у нас это достаточно ясно; если нет, надо что-то изменить); и 3) варианты и примечания, чтобы она могла судить, какие из стихотво-

рений, не вошедших в книги, мы печатаем — м.б. что-нибудь она захочет исключить. <...> «Реквием» в ее новый сборник включен не будет, — несмотря на объявление в «Новых книгах», а из «Поэмы без героя» — только 1-ая часть,

и потом писал знакомому:

...два довольно продолжительных разговора главным образом в связи с нашими изданиями как Гумилева, так и ее сочинений; на последнее она, в сущности, дала свое благословение, хотя почему-то не очень хочет переиздания статей о Пушкине; а об издании Гумилева, особенно первом томе, отозвалась довольно сурово (и в сущности придирчиво-несправедливо), главным образом, из-за моей биографической статьи и из-за того, что я слишком много цитирую Г. Иванова, Маковского, Одоевцеву, Оцуца...¹³

Дожидавшийся конца этой аудиенции вспоминал:

Когда мы с Аmandой сидели в ожидании своей очереди, за стеной было слышно, как Анна Андреевна громко и сердито отчитывала редактора ее первого собрания сочинений <...> Наконец, Струве быстро вышел, явно расстроенный...¹⁴

Об этом разговоре по возвращении в Москву было сказано тайному корреспонденту Глеба Струве Ю.Г. Оксману:

Объяснение с ним по поводу того, что он пишет о ней, не привело к примирению. На ее возмущенные слова о том, что он говорит неправду, доказывая, что она «кончилась» в 1922 году, Струве заметил, что у него нет оснований менять свою общую концепцию. По-разному они смотрят и на ее роль в жизни Гумилева. Политика для Струве дороже истины...¹⁵

В Оксфорде она увидела одного из группы английских студентов, задававших ей мучительный вопрос в 1954 году в Ленинграде, и надписала ему (с опiskой в дате) «Anno Domini»

1923 года: «Гарольду Шукману / мою старую книгу / Анна Ахматова / 7 июля /1965. Оксфорд»¹⁶.

В интервью, данном Михаилу Ардову для Агентства печати «Новости» Ахматова рассказывала:

На приеме в Новом колледже я познакомилась со славистами, которые преподают русский язык и русскую литературу. Я встретила там самых разнообразных специалистов — по библиографии, стихосложению, древней и современной литературе. Некоторые из них изучают Лескова и Бабеля. Мне показали университетскую библиотеку, очень богатую и, к счастью, не пострадавшую во время войны¹⁷.

Она имела в виду в первую очередь Бориса Унбегауна (когда-то перепечатавшего ее первое опубликованное стихотворение¹⁸), С.А. Коновалова¹⁹ и Д.Д. Оболенского. Последний был одним из организаторов оксфордского награждения (ей ранее передавали его слова)²⁰. Супругов Оболенских она сочла «душеньками»²¹. Произошла мимолетная встреча и с Айрис Мердок — среди книг Ахматовой осталась подаренная ею «Дикая роза» («An Unofficial Rose»)²². Айрис Мердок была женой видного критика и слависта Джона Бейли, который потом писал:

Ни одна женщина в английской поэзии не писала так, как Блейк или Элиот. Да, но разве смогли бы Блейк или Элиот писать с озаренностью и яростью сивиллы, с репутацией красавицы высшего общества (society beauty), с опытом разведенной жены, гонимой вдовы и преследуемой матери. Ни одна другая поэтесса не имела тех возможностей, какие даны были Анне Ахматовой; и, вероятно, именно такие возможности — не дарованные ни Эмили Бронте, ни Сильвии Плат — и есть то, что необходимо великому художнику-женщине, способной в полной мере ими воспользоваться. Ахматова была очень раскованным поэтом во многих отношениях; она обладала стихийной силой и даром речи колдовским и дельфическим; но все это сочеталось с элегантностью и утонченностью, и даже со своеобразным самолюбованием и лукавством, весьма chétif [болезненным], или,

как говорят в России, злым (zloi). Она никоим образом не Блейк и не Элиот, но все же это именно те английские поэты — сколь разными они бы ни были — с которыми сравнима Ахматова в лучших своих творениях. Несочетаемость любой пары из этих имен показывает, насколько исключительна ее собственная поэтическая суть²³.

Прием в Новом колледже сопровождался тревожным сигналом:

Я стояла чуть поодаль, около окон, за спиной Акумы, вокруг которой толпились люди. Ко мне подходили, спрашивали, когда и где можно ее увидеть. Подошел молодой человек, представился — Виктор Луи, его имя тогда ничего мне не говорило. Он стал рассказывать, что был в лагере с моим дедом, Николаем Николаевичем Пуниным, под Воркутой в поселке Абезь. Я, естественно, напряглась. У меня вдруг все очень четко обрисовалось: английский колледж, бесконечное чествование Акумы и далекий приполярный лагерный заснеженный поселок. Мне стало как-то очень тяжело, не по себе. Он говорил, о том, как ужасно было там, в лагере, но что он теперь здесь, в Лондоне. Я не задала ему ни одного вопроса... Когда вечером мы с Акумой обменивались впечатлениями, я рассказала об этом человеке, мне казалось странным, как он мог попасть сюда, и мы единодушно пришли к выводу — «засланный». Но что он делал в этом зале?²⁴

В британский итинерарий и в перечень мемориальных объектов вошел еще один пункт — вспоминает Анна Каминская:

Мы ехали к Шекспиру, в его родной город. По дороге заехали на кладбище Блейдон, где четыре месяца назад был похоронен Уинстон Черчилль, в трех километрах от семейного Бленхеймского дворца. Акума вышла из машины и, опираясь на руку спутника, не торопясь пошла к могиле. Небольшая часовня, вокруг которой расположено кладбище; мы постояли несколько минут молча. Для поколения Анны Андреевны политическая фигура Черчилля слишком много значила. Его понимание лич-

ности Сталина и противостояние ему оставило неизгладимое впечатление. Но об этом мы будем говорить поздно вечером в гостинице, а сейчас мы медленно шли обратно к машине²⁵.

В лондонскую гостиницу приходил английский поэт Стивен Спендер, корреспондент Бориса Пастернака²⁶, литературный редактор журнала «Энкаунтер», в котором предполагалось напечатать перевод «Реквиема» на английский, выполненный Амандой Хейт и Питером Норманом. Незадолго до того Ахматова увидела переложение «Реквиема», сделанное Робертом Лоуэллом в программной для него манере «подражания»:

...избави Бог такое и во сне увидеть, это наглая халтура. «С морем разорвана связь» — будто бы с Балтийским. «Памятник мне» — будто памятник на могиле... И так всё сплошь²⁷.

Ахматова попросила Спендера передать его стихи для Иосифа Бродского и заговорила о желательности напечатать точный перевод «Реквиема»:

Я пытался объяснить Ахматовой, что Лоуэлл не пытался делать буквальный перевод, но ее этот аргумент не успокаивал. <...> Когда Ахматова говорила со мной, рядом с ней сидела ее подруга, ее переводчица на английский, которой она объяснила каждое слово «Реквиема». Она сказала: «Вам надо напечатать ее перевод», что, помнится, я и сделал, но, конечно, он был не выдающихся литературных достоинств²⁸.

Как вспоминал Питер Норман,

Анна Андреевна попросила Спендера почитать ей его стихи. И тут выяснилось, что Спендер ни одного не знал наизусть!

— Не могу, не помню, — сказал он, — это русская привычка — читать собственные стихи, не английская!

Ахматова была изумлена. Спендер же, со своей стороны, был приятно поражен тем, что его поэзию знали в России и, в частности, ее знал и ценил молодой друг Ахматовой поэт Иосиф Бродский²⁹.

Разговор шел не только о стихах.

Как многие иностранные либералы, [Спендер] верил, что с приходом к власти Брежнева и Косыгина в России будет «больше свободы». Ахматова ответила с усмешкой: «Вы не представляете, какие могут быть задержки и остановки на пути к свободе»³⁰.

Там же навестили ее когда-то переводившая ее стихи Наталья Даддингтон³¹ и сотрудница Би-Би-Си Елена Лурье, сестра поэтессы Веры Лурье³².

Сестра <...> Елены А. была в свое время ученицей литературной студии Н. Гумилева в Санкт-Петербурге и как будто именно она сообщила Ахматовой о том, что друзья и почитатели убитого поэта в такой-то день и час соберутся в определенной церкви, чтобы отслужить по нем панихиду³³. Елена, узнав отель, в которой остановилась Ахматова в Лондоне, послала ей свою визитную карточку, написав на ней несколько слов, и букет оранжевых красных роз с просьбой принять ее хотя бы на несколько минут, хотя знала, что Ахматова буквально осаждена подобными просьбами, которые решительно отклоняются. Но Ахматова через эту бездну лет все вспомнила и захотела увидеть Елену. По словам Елены, впечатление было грустное: не забудем, что к тому времени жизнь Ахматовой уже близилась к концу. Елена показала ей тоненькую книжечку под названием «Requiem», изданную «Посевом» в 1964 г. в Германии, в которой русский текст сопровождается переводом на немецкий. Ахматова книжечку бегло просмотрела, сделала своей рукой одну-две поправки в тексте, на заглавном листе под названием «Requiem» прибавила цифры «1935–1940» и вернула ее Елене с надписью: «Елене А. На память. Ахм.»³⁴.

При этой встрече «Четки» 1916 года со стихотворным инскриптом К. Вагинова³⁵ Ахматова надписала «Вере Лурье в долготу дней».

Она познакомилась с одним из самых знаменитых филологов-классиков, который переводил ее стихи. Пастернак писал о нем в 1946-м: «Баура — профессор античной литературы в Оксфорде, изучающий русский язык как древнегреческий и

переводящий Ахматову как он читает студентам Сафо»³⁶. Сесил Боура нашел точные слова, чтобы сказать об Ахматовой европейской аудитории³⁷.

В июне 65 г. в Оксфорде восторженно слушала повество[вание] сэра Мориса Боуры о его пребывании в Петрограде в 15 г. (гибнущая Византия) и вдруг вспомнила, что сама была участницей и свидетельницей этой гибели (С. 743).

Англичанин был в Петрограде осенью 1916 года:

Я чувствовал, что я свидетель последнего дня Византии перед тем, как Мехмед Завоеватель прорвался сквозь стены, и что ситуация буквально безнадежна. <...> В то время, как Россия погружалась в какой-то первобытный хаос, Петроград предлагал в своих театрах то, что, вероятно, являло самый высокий уровень искусств в истории человечества. В опере пел Шаляпин; классический балет был на фантастической вершине мастерства, Чехова ставили очень много, как и по сей день в Москве³⁸.

Из английских эпизодов Ахматова считала нужным рассказывать о телеграмме Вознесенского³⁹ и неожиданном посещении ее Аркадием Райкиным⁴⁰, которого она знавала еще в чаплинском гриме⁴¹.

Ей предстал и издатель «Воздушных путей»:

Это дурной человек. Сэр Исая сказал ему: «Вы не раз печатали стихи и прозу Ахматовой. Вы должны заплатить ей». Он ответил: «Закон на моей стороне». Видали хама? Через некоторое время он все-таки позвонил мне и спросил, хочу ли я, чтобы он лично привез мне деньги в конверте? Я ответила: «Рада за вас, что вы позвонили и произнесли эти слова. Ничего мне не надо: ни вашего визита, ни денег, ни конверта». И повесила трубку, не простившись⁴².

Наконец, она встретилась со своим гостем 1945 года, с которым распрощалась в первые новогодние дни 1946-го —

И ко мне во Дворец Фонтанный
Опоздаешь ночью туманной
Новогоднее пить вино.

Не кольцо, не ветку сирени —
Он погибель мне принесет (С. 590).

Новогодняя тема возникла и в наброске, появившемся после итальянского путешествия:

Мы по ошибке встретили Год —
Это не тот, не тот...
Что мы наделали, Боже, с тобой,
[Эти несносные — мы с тобой
Как поменялись с кем-то судьбой]
С кем еще мы поменялись судьбой.
Лучше б нас не было на земле,
Лучше б мы были в небесном кремле,
Летали, как птицы, цвели, как цветы,
Но все равно были — я и ты (С. 584).

В феврале 1965 года Ахматова писала Г.П. Корниловой из Комарова:

Англичане настойчиво зовут в Оксфорд получить мантию и вообще «все смешалось» (С. 588).

Цитата из «Анны Карениной», может быть, косвенно подсвечивает второй план поездки — не «литературно-политический», а «лирический»⁴³, который подсказывал числовые заклинания «Пролога» с подчищаемой датой:

(Гость из Будущего проступает, как тень, на каменной стене.)
Икс (садится, но не открывая глаз, протягивает к нему руки и [произносит] бормочет):

Знаешь сам, что не буду славить...

Он: До нашей первой встречи осталось еще три года.

Икс: Дорогою ценой и нежданной

Я пойму, что ты помнишь и ждешь,
 А быть может, и место найдешь
 Ты могилы моей безымянной.

Она: А до нашей последней встречи всего только год. Сегодня [2 апреля 1962] 28 августа 1963.

Он: Ты бредишь. Ты всегда бредишь. Что мне с тобой делать? И всего ужаснее, что твой бред всегда сбывается.

Оксфордское приглашение в феврале 1965 года обернулось стихотворным наброском:

Не напрасно я носила
 Двадцать лет ярмо —
 Я почти что получила
 От него письмо.
 Не во сне, а в самом деле
 Просто наяву (С. 585).

У нее не было сомнений, что и премия «Этна-Таормина», и приглашение в Париж и, естественно, в Лондон — «это одна рука!»⁴⁴. В июне она прямо спросила об этом Исаяю Берлина:

«...это ваших рук дело?» «Нет...» Ну, конечно, вернувшись, я рассказал что и как, но дальше все пошло само своим ходом⁴⁵.

(Аманде Хейт Исаяя Берлин рассказывал иначе — что он, «несколько обескураженный ее верой в его могущество, отверг это предположение»⁴⁶.)

Она поведала, что Сталин был возмущен тем, что она осмелилась встретиться с иностранцем, состоявшим на службе капиталистического правительства.

«Оказывается, наша монахиня принимает визиты от иностранных шпионов», — заметил (как рассказывали) Сталин и разразился по адресу Ахматовой набором таких непристойных ругательств, что она вначале даже не решилась воспроизвести их в моем присутствии. «Конечно, — продолжала она, — к тому времени старик уже совершенно выжил из ума. Люди, присутство-

вавшие при этом взрыве бешенства по моему адресу (а один из них мне потом об этом рассказывал), нисколько не сомневались, что перед ними был человек, страдавший патологической, неудержимой манией преследования».

«Она — русская и вернется в Россию, что бы там ее ни ожидало. Можно что угодно думать о советском режиме, но это установленный порядок в ее стране. Она с ним жила и с ним умрет — вот что значит быть русской».

Это она пересказала прозой свой многолетний стиховой спор с ночным собеседником («с ночным и зарубежным», как сказал бы Блок). Разговор с Берлином вообще шел по рельсам поэтических мотивов из обращенных к нему стихов, например, стихотворения, датированного 20 декабря 1945 года:

Я не любила с давних дней,
Чтобы меня жалели,
А с каплей жалости твоей
Иду, как с солнцем в теле.
Вот отчего вокруг заря.
Иду я, чудеса творя,
Вот отчего!

Подобранная из письма Татьяны «капля жалости» окрашивает прощальную просьбу:

Она знала, что ей осталось жить недолго. Доктора объяснили ей, что у нее слабое сердце. Поэтому она терпеливо ожидает конца. Она ненавидит саму мысль о том, что ее будут жалеть. Она знала ужасы, самое безысходное горе, и она заставила друзей дать ей обещание, что они не позволят себе выказать ни малейшего намека на жалость по отношению к ней, что они немедленно подавят в себе всякие признаки жалости, чуть только почувствуют ее. Некоторые из ее друзей не смогли противостоять жалости, и с ними ей пришлось расстаться. Она может вынести все — ненависть, оскорбление, презрение, непонимание, преследования, но только не сочувствие, смешанное с состраданием. Могу ли я дать ей честное слово?

Ей надо было сказать людям на Западе главное. 10 июня 1965 года она дала интервью Ирине Тидмарш⁴⁷ для газеты «Монитор»:

О больших русских поэтических чтениях, где Евгений Евтушенко, Белла Ахмадулина и другие молодые поэты собирают аудиторию до 15 000 молодых людей, она сказала, что некоторые из модных молодых поэтов производят впечатление, что они по существу являются эстрадными исполнителями. Их гигантский успех часто имеет мало отношения к литературе. <...> Сейчас ее собственные произведения печатают значительно больше, но она очень переживает то, что стихи многих молодых поэтов, которые безусловно заслуживают публикации, так и не видят света. Молодая поэтесса Мария Петровых, например, известна как переводчица, меж тем как ее стихотворения, иные из которых г-жа Ахматова назвала «шедеврами», никогда не публиковались. Отношение к некоторым молодым поэтам, на ее взгляд, ужасно несправедливо, и в конце концов невозможно утаивать большие духовные ценности (The treatment of some of the young poets she feels has been terribly unjust and in the long run it is impossible to hold back great spiritual works)⁴⁸.

Перед отъездом из Лондона снова возник Алан Уильямс, который передал для нее ливерпульскую газету со своей статьей

«Запрещенная русская поэтесса может стать нобелевским лауреатом» (С. 631).

Она говорила об этой новости с впервые ею увиденной Элианой Бикер:

Тогда опять начнется, как с Пастернаком⁴⁹.

Ахматова возвращалась через Париж, поставив перед фактом изменения маршрута советское посольство, сотрудник которого застал на Северном вокзале красноречивую картинку:

...около двух-трех чемоданов стоит Анна Андреевна (не узнать эту величавую фигуру было невозможно); рядом с нею, испуганно озираясь, — молоденькая девушка, как потом выяснилось, Аня Каминская, кажется, ее дальняя родственница, которой было поручено сопровождать уже пожилую Ахматову в поездке; и с ними, оживленно жестикулируя, о чем-то беседует очень толстый господин. У женщин вид довольно испуганный. Господин говорит на чистейшем русском языке. Они его явно боятся — наверняка эмигрант, наверняка из антисоветского Народно-Трудового Союза (НТС)... Это оказался Леон Зитрон, выходец из Одессы, известнейший французский телекомментатор, которого я знал, поскольку он регулярно бывал на приемах в нашем посольстве и, по большому счету, был другом Советского Союза. Он случайно оказался на вокзале и предлагал Анне Андреевне отвезти ее в посольство. А она, конечно же, тщательно проинструктированная в Москве о нежелательности контактов с эмигрантами, его очень испугалась⁵⁰.

Гостиницу в Париже нашел А.С. Блох⁵¹, отец французского писателя Жана Бло, переведшего «Поэму без героя» и навещавшего Ахматову на Ордынке в ноябре 1963 года⁵², брат автора давней статьи об Ахматовой⁵³. Директором отеля «Наполеон» (авеню Фридланд, 40), предложившим бесплатный номер, был сын Сергея Маковского⁵⁴. Г. Адамович вскоре после бесед с Ахматовой сообщал:

Одно имя, от которого она лишь при упоминании бледнела от радости — Серж Маковский⁵⁵.

Со слов А.Г. Каминской рассказывалось, что Иван Маковский «прислал корзину цветов, но ему дали понять, что встреча с ним нежелательна, ибо Ахматова не любила то, что о ней и Гумилеве написал С.К. Маковский»⁵⁶.

Мемуарные сочинения Сергея Маковского, когда-то по своей инициативе напечатавшего ее стихи в «Аполлоне»⁵⁷ (в этом журнале отношения акмеистов с редактором не всегда были безоблачными⁵⁸), дошли до Ахматовой в 1963 году. Они вызвали ее гнев, напомнив старую историю: Маковский

извлекал ее биографию из стилизованного стихотворения «Муж хлестал меня узорчатым...»⁵⁹, напомнив методику изготовителей «дневника Анны Вырубовой» («А тезка мне и лучший друг царицы») при использовании им ахматовского стихотворения «Дверь полуоткрыта...»⁶⁰.

Все <...> в клеветническом бормотании Мако находится на уровне подложного дневника Вырубовой (С. 530).

Ахматова и С. Маковский не виделись с 1917 года⁶¹. Она вспоминала о нем в связи с секретарством М.Л. Лозинского в «Аполлоне»:

Бездельник и [лентяй] болтун Маковский (Рапа Масо или Моль в перчатках) был за своим секретарем, как за каменной стеной (С. 702).

и не знала, что одним из последних сильных литературных впечатлений в жизни Маковского была «Поэма без героя»⁶².

Еще 8 июня 1965 года в Лондоне было получено посланное из Парижа поздравительное письмо от Ольги Оболенской (№ 924), кузины Н. Гумилева, которой было посвящено ахматовское слепневское стихотворение «Побег» (июнь 1914 года)⁶³. После встречи с ней в Париже⁶⁴ Ахматова решила, что ее свидетельства могут быть использованы как фактические доказательства неосведомленности С. Маковского:

Протестовать здесь против бреда Неведомск[ой] не стоит⁶⁵. Ею должны заняться Дима Бушен и Оля Оболенская. Они же могут быть очень полезны по линии С.К. Маковского и его описаний Слепнева и нашего царскосельского дома (С. 666).

Но Ахматова была раздражена тем, что О. Оболенская не знала, что на Западе вышел «Реквием»⁶⁶.

Названному здесь Димитрию Бушену (весной 1925-го под предлогом болезни выехавшему за границу), некогда рисовавшему Ахматову⁶⁷, хотя впоследствии от этого отрекшавшемуся, довелось потом делать рисунки к французскому переводу «Поэмы без героя»⁶⁸.

Дольше всех в Париже она беседовала с Адамовичем⁶⁹. Три года спустя он рассказывал Аркадию Ваксбергу:

Кроме меня, она не захотела никого здесь видеть. Особенно свою французскую переводчицу. <...> Я оценил то исключение, которое она сделала для меня. Тем более, что она дважды сочла необходимым сказать: «Я знала, что вы всегда не любите Гумилева».

<...> Она охотно говорила о своем отношении к писателям — прошлым и нынешним. Сказала, что от чтения Достоевского становится больной. <...> Было заметно: если Ахматова с чем-то не согласна, или что-то ее раздражает, или предмет разговора не интересует ее, то молчит. Poleмики избегала. Бродского считала лучшим поэтом. Боюсь судить, возможно... Лучший — превосходная степень... Таких оценок я избегаю: поэзия все же не спорт... Я читал Бродского, Кушнера, Соснору. Это очень значительно, очень, в этом нет никакого сомнения... И все из Петербурга. Как странно, не правда ли? Нарождается мощная поэзия. Дадут ли ей развернуться? Ахматова сказала: «Вот мне же не давали. И что из этого вышло?» Я подтвердил: «Вышло неплохо». «Благодарю вас», — надменно произнесла Ахматова.

Я высоко ценю Евтушенко и Вознесенского, признался ей в этом. Ахматова не оспаривала их талант, но сказала, что рядом с Бродским таких поэтов как бы и нет. Вообще? Почти... «Эстрада не поэзия, — сказала она. — Это другой жанр». Я возразил, кажется, более резко, чем следовало. Она опять промолчала. Зато когда я называл другие имена, она не молчала. Очень талантлива Алигер. <...> Я считаю Алигер очень талантливой и сказал об этом. Сказал еще, что прекрасны стихи Новеллы Матвеевой. Никакой иронии у Ахматовой я не заметил. Она не восторгалась этими поэтами, но согласно кивала. Восторгалась она только Бродским.

Конечно, ее заслуга огромна — в том, что осталась в России, со своим народом. Кажется, это ее слова из поэмы. <...> Но зачем этот вызов, эта гордость? А те, кто не остался, — так уж ли они не правы? И объективно, и субъективно? В чем их вина? Перед кем? Дело даже не в том, что многие, не уехав, просто погибли бы в тридцатые годы. Но и выжив, они не сказали бы многого. Голос русской мысли — философской, научной, художествен-

венной — просто не был бы услышан. Нет, не так: он вообще не прозвучал бы.

Я это ей сказал, но не резко, очень мягко и деликатно. В том смысле, что каждый на своем месте сделал то, что мог. Когда мы уже прощались, она, видимо, вспомнила эти мои слова...

По-моему, она их все время держала в голове и ждала повода, чтобы ответить. Без подробностей, но так, чтобы сразить... Когда мы прощались, она мне сказала: «Все, что может человек испытать, все выпало на мою долю». И мои возражения как-то сразу потеряли смысл. Я почувствовал, что вообще не вправе с ней спорить. И что наши эмигрантские драмы не могут сравниться с той, которую пережила Ахматова. И еще многие другие.

Потом я возил ее по знакомым ей — памятным и дорогим — парижским местам, она смотрела из окна машины, узнавала. Но выйти, походить по улицам, которые когда-то были ею исхожены вдоль и поперек, не захотела. Ужинали мы в «Куполи», это был ее выбор. От «Ротонды» отказалась.

Спасибо, что вы это все записали. Конечно, я и сам кое-что написал об этом. Какие-то обрывки уже напечатал в Нью-Йорке. И, возможно, еще напишу. Но в устном рассказе обычно скажется больше, чем в том, который доверишь бумаге⁷⁰.

В пересказе спор об уехавших и оставшихся выглядит дискуссией публицистов, но она говорила с Адамовичем как с собратом-поэтом⁷¹, еще помнящим уроки первого Цеха поэтов и сотворившим «парижскую ноту» своими — следовавшими «петербургскому» вкусу — микропрозаизмами⁷² в стихе, «боковыми» деталями стилистической выразительности. Поэтому о своей поэме она сказала так:

«Реквием» еще слишком мне близок. Но кое-что в нем, по-моему, удачно: например, эти два вставных слова «к несчастью» во вступительном четверостишии⁷³.

Среди тем многочасовых разговоров с Адамовичем одну можно было назвать деловой. К оксфордскому торжеству подоспела в нью-йоркской газете статья Елены Грот. Калифорнийская поэтесса была в лучшем положении по сравнению

с советскими коллегами, которым приходилось считаться с тем, какую трактовку пропустили бы, как говорят в «Одном дне Ивана Денисовича», — а в 1965 году из написанного об Ахматовой не пропустили не только статью А. Наймана, но даже и Вс. Рождественского⁷⁴. Статья Е. Грот обзревала срок три года ахматовского пути:

Творчество большого поэта — это не просто цепь отдельных, ничем между собою не связанных вдохновений. Творчество большого поэта льется, как река, воды которой, все прибывая, расширяясь и углубляясь, вливаются, наконец, в вечный океан, имя которому — русская поэзия.

Первые книги еще совсем молодой поэтессы Ахматовой были отмечены и одобрены серьезной критикой. В журнале «Аполлон», этом журнале для немногих, служившем утонченным вкусом и пониманию истинной «аристократии духа», еще в 1912 году критик Валериан Чудовский приветствовал появление таланта Ахматовой, сразу же определив его как талант глубоко трагический⁷⁵. Критик писал: — «впечатление от ее образов сильное, и с самого начала она трагична и печальна». Недаром прикосновение обручального кольца Ахматова сравнивает с укусом звенящей осы⁷⁶. В дальнейшем любовь стала ее пыткой. — «Как соломинкой, пьешь мою душу, знаю, вкус ее хмелен и горек»⁷⁷. Чудовскому Ахматова напоминает тех женщин, которые погибали на пытке во времена истребления в застенках ведьм⁷⁸. Странное пророчество! Жизнь Анны Ахматовой действительно оказалась пыткой, но она выдержала все пытки, не погибла, а достигла в своих вдохновениях бессмертия. Можно соглашаться или не соглашаться с Чудовским, но интересно определение им творчества Ахматовой как «субъективного синтетического импрессионизма», корни которого пришли из Японии: «Европейским Царям — служителям искусства подвернулось японское искусство с достигнутым умением дать целый пейзаж в двух-трех линиях»⁷⁹. Так же и поэты стали давать целую гамму мыслей и ощущений, передавая их при помощи двух-трех слов. Этот прием искусства поэты и художники восприняли тогда, когда «люди пришли к трагической невозможности дальше выявлять реальный мир во всем бесконечном осложнении мело-

чей и подробностей; казалось, что красота зашла в тупик; тогда открылась тайна синтетического восприятия». <...> Пишет о ней Алексей Павловский в статье «Высокий вечер», к 75-летию Анны Ахматовой. Критик пишет осторожно, многого не договаривая, как это и приходится делать в Советском Союзе. Теперь критик сообщает, что в творчестве Анны Ахматовой с самого начала были заметны любовь к России и «внутренняя способность реалистически видеть мир». Советская критика выводит творчество Ахматовой, ее лирику «из классической русской прозы»⁸⁰. С этим также можно и соглашаться и спорить. Причиной трагизма поэзии Ахматовой критик считает тот факт, что перед знаменитым «Октябрем» — «Незаметная для других вибрация, пронизывавшая столетнюю устойчивость вещей, приводила ее в трепет». Трудно сказать, предчувствовала ли еще совсем молодая женщина, писавшая главным образом о трагизме и муках любви, «приблизжавшуюся социальную развязку». Вернее, она предчувствовала трагедию своей личной жизни. Затем критик роняет многозначительную фразу — «Ритмы социальной жизни, стучавшие в душу поэта, постепенно начали выводить ее в широкий мир общих интересов».

Какие же это были «ритмы», и как они «стучали в душу» Ахматовой? Об этом говорят даже те стихи, которые помещены в сборнике «День поэзии 1964 года».

Тешил — ужас. Грела — вьюга.
Вел вдоль смерти — мрак.
Отняты мы друг у друга...
Разве можно так?

Стихотворение называется (что тоже очень многое нам говорит) «Лишняя». Или:

Услаждала бредами,
Пением могил.
Наделяла бедами
Свыше всяких сил.
Занавес неподнятый,
Хоровод теней, —
Оттого и отнятый
Был мне всех родней.
Это все поведано

Самой глуби роз.
 Но забыть мне не дано
 Вкус вчерашних слез.

«Социальные ритмы» слишком жестоко «стучали в душу» Ахматовой и вырвали из нее «Реквием», о котором не упоминает Павловский. К всеобщему ужасу «Реквием» является действительно произведением реалистическим и во многом автобиографическим:

Семнадцать месяцев кричу,
 Зову тебя домой,
 Кидалась в ноги палачу,
 Ты сын и ужас мой.
 Все перепуталось навек,
 И мне не разобрать
 Теперь, кто зверь, кто человек,
 И долго ль смерти <sic!> ждать.

Теперь голос Ахматовой — это голос, «которым кричит сто-миллионный народ». А вот и прозаическое признание Ахматовой (если оно может быть «выведено из классической русской прозы», то только, может быть, из самых страшных страниц Достоевского) — «В страшные годы ежовщины я провела семнадцать месяцев в тюремных очередях в Ленинграде». Здесь Ахматова становится действительно близкой «народу», проникается не личными, а «общими» мотивами: «Перед этим горем гнутся горы, не течет великая река»...

Нет, и не под чуждым небосводом,
 И не под защитой чуждых крыл, —
 Я была тогда с моим народом,
 Там, где мой народ, к несчастью, был.

В этих строках звучит как будто упрек нам, эмигрантам, которые во дни великой скорби не были со своим народом. Однако, Ахматова поняла, что у нас свой, тоже крестный путь. Понять эту боль могла только та, которая жива любовью к родной земле. И в тех стихах, в которых говорит Ахматова о конце, она вспоминает и нас, тоже русских, женщин:

Опять поминальный приблизился час.
 Я вижу, я слышу, я чувствую вас:
 И ту, что едва до окна довели,

И ту, что родимой не топчет земли.

.....

Хотелось бы всех поименно назвать,

Да отняли список, и негде узнать.

Пережила Ахматова и ежовщину, и войну, и временную разлуку с Петербургом. Но Петербург оказался возвращенным ей, он выстоял, он выдержал все, как выдержала душа Анны Ахматовой. Сын ее «реабилитирован». (Вряд ли это может дать возможность забвения горьких лет.) <...>

Советский критик пишет об Ахматовой: «Ее стих, жизнелюбивый по своей природе, восстал против смерти, против угнетения и рабства, которые нес с собой распоясавшийся германский фашизм». Только ли «германский фашизм» — спросим мы!

«Ощущение торжественной и безраздельной общности со страной пронизало и перестроило всю поэтическую работу поэтессы, — пишет критик: — В ее лирике вместо традиционного Я появляется и начинает главенствовать широкое и счастливое Мы». Счастливое ли, — задаем мы критику наш вопрос.

...И в смерти блаженной боюсь забыть громахание черных марусь, — признается Анна Ахматова⁸¹.

Ахматова показала эту статью Г.В. Адамовичу:

Я до этого статьи Грот не читал, пробежал ее тут же и сказал, что, по-моему, написана она благожелательно. На это Ахматова ответила приблизительно следующее: — Да, благожелательно, не спорю... Но такая благожелательность мне вредит. А что у нас делается, вы знаете сами! Не надо противопоставлять меня другим сов[етским] писателям, не надо делать какие-то намеки, жалеть меня, говорить, что я какая-то жертва и т.д. и т.д. Все это отзывается на моем положении и может привести Бог знает к чему. А мне довольно того, что я пережила! Вы говорите, что в эмиграции почти все ко мне хорошо относятся? Если это так, пусть перестанут писать обо мне в том тоне, в каком пишет Грот. Пусть пишут, как о других поэтах: такое-то стихотворение удачно, а вот это — слабее... Больше ничего. И я буду искренне благодарна⁸².

Тут же Г. Адамович написал редактору «Нового русского слова» М.Е. Вейнбауму:

Вы, вероятно, знаете, что в Париже на днях была Анна Ахматова. Я виделся с ней три раза и долго с ней говорил. Пишу я Вам по ее желанию и даже по ее просьбе. Она утверждает, что эмигрантская печать крайне неосторожно к ней относится и часто ставит в трудное положение. Живется Ахматовой, по-видимому, вообще нелегко: это чувствуется, хотя говорит она об этом сдержанно. <...> В Ваши редакторские прерогативы я вмешиваться не хочу и не имею права. Думаю, однако, и надеюсь, что Вы примете письмо мое во внимание и будете пропускать только те статьи, в которых ничего не окажется для Ахматовой неприятного и неприемлемого. Она достойна бережного отношения, Вы это знаете так же, как и я⁸³.

С Адамовичем Ахматова была знакома с 1914 года (когда он вписал ей в альбом свой мадригал⁸⁴), с графом Валентином Зубовым (которого молва считала героем «Четок»⁸⁵) — с 1912-го. Последний писал 6 июня 1965 года из Парижа в Оксфорд:

Дорогой мой друг Анна Андреевна,

Как рад я был узнать, что Вы в Англии, и как счастлив, что Вы, может быть, приедете в Париж, и что мне удастся увидеть Вас после этого бесконечного времени.

Сообщаю Вам свой адрес и телефон. Если возможно будет осуществить свидание, напишите мне или позвоните. Все эти годы Ваш образ был всегда предо мною такой же живой, как когда-то в «Бродячей Собаке». Целую Ваши руки. Всегда Ваш В. Зубов (№ 925).

Свидетелем последовавшего парижского посещения был Н.А. Струве:

Вошел посетитель, граф з., близкий друг Анны Андреевны по Петербургу, с которым она не виделась около 50 лет. <...> Анна

Андреевна пристально и ласково смотрела на своего, совсем уже старенького на вид, посетителя и сказала: «Ну вот, привел Господь еще раз нам свидеться...»

Год спустя Зубов вспоминал:

Я имел счастье увидеть ее вновь через сорок лет. Внешняя перемена потрясла меня: тяжелые переживания и болезнь произвели свое разрушительное действие. Вместо стройной фигуры и смелых черт лица я увидел перед собой маленькую полную даму; взгляд был погасшим и только изредка вспыхивал, настроение и манера говорить изменились. Я покинул ее с тяжелым сердцем в предчувствии близящегося конца. Я хочу сохранить ее в своих воспоминаниях такой, как встретил ее впервые в 1912 году⁸⁶.

И в Англии, и в Париже она видела своего портретиста Юрия Анненкова.

Неузнаваем. (Тут она таинственно понизила голос до шепота, словно удивляясь подмене.) Просто какой-то другой старичок⁸⁷.

Он писал накануне ее отъезда из Парижа:

Еще раз благодарю Вас за наши свидания, о которых я никогда не забуду и которые стали для меня таким же подарком, как тот далекий день, когда Вы позировали мне в 1921 году.

Желаю Вам счастливого возвращения в Россию и долгой творческой жизни.

Кроме того, попросите, пожалуйста, очаровательную Аню Каминскую позабыть о моих дурацких замечаниях, сделанных в такси.

Еще прошу Вас передать мой привет всем, кто еще на родине помнит обо мне.

Дружески преданный Вам

Юрий Анненков

Моя жена шлет Вам привет (№ 706).

О «дурацких замечаниях» Ахматова рассказала Никите Струве:

Один из знакомых Ахматовой обозвал Аню Каминскую «не русской» за ее польское происхождение и принадлежность к комсомолу. Анна Андреевна спокойно и твердо ответила: «Мне кажется, что пока живы, мы должны друг другу помогать, подбадривать друг друга, а такими словами делу не поможешь... И это Аня не русская! Она, которая в 1941 году все сосала пустую соску, ехала с родителями дорогой смерти через Ладожское озеро, а когда ехали, от бомбежки на ней три раза загоралась шубка...»

«Обида ваша, барышни, очень ревная», — сказал Ахматовой и ее подруге Срезневской году в 1911 извозчик, обернувшись с козел, по поводу их разговора, содержание которого было ему неизвестно. Слова Ю.П. Анненкова⁸⁸ (вообще-то, насколько можно судить, всегда чуждого ксенофобии) стали для Ахматовой «ревной обидой», и она с удивлением и горечью поделилась ею с Г. Адамовичем.

Среди тех, с кем она не хотела бы столкнуться в Париже, была дружившая с Адамовичем Ирина Одоевцева. В начале года в очередном томе «Воздушных путей» появились «Листки из дневника». 3 февраля 1965 года Адамович писал А.В. Бахраху:

Кстати, видели Вы эти «Пути»? Я не сказал Одоевцевой, как <...> Ахматова отзывается о Жорже Иванове...⁸⁹

Одоевцева вскоре увидела эту публикацию сама и, вероятно, именно ее реакция отражена в письме Ю.К. Терапиано к В.Ф. Маркову от 31 июля 1965 года:

Не понимаю, почему Ахматова с такой явной злобой обрушилась на Г. Иванова? Чем он мог ее задеть? — «Копеечкой»? («Петербургские» зимы.) Ведь если он даже и ошибся — и у М<андельштама> не было дочери, то этот слух в Париже знают все, его привезли после войны из России. А на «Тучке» он бывал постоянно и т.д. <...> А наши — никто из лежавших на груди у Г. Иванова, например, [К.] Померанцев, никак не реагировали на ахматовское выступление! Или гипноз имени столь велик? Или просто: в душе каждый литератор рад, когда ругают другого?⁹⁰

Борис Анреп, о котором она изредка вспоминала и в 1960-е⁹¹, адресат многих стихотворений «Белой стаи» и предмет неразделенной любви Ахматовой⁹², хотел уклониться от встречи, заменив последнюю письмом:

Дорогая Анна Андреевна,

как хорошо знать, что Вы в Париже, знать, что после всех ужасов Вы сохранили мужество, красоту слова и теплую тревогу чувств, что Вас ценят все, кому дорого высокое поэтическое творчество.

Для Вас, и благодаря Вам можно жить, благословляя Вас, как я Вас благословляю.

Всего доброго в Вашем дальнейшем пути!

Борис Анреп⁹³

Но Ахматова властно пригласила его к себе. Избравший еще до революции Европу местом жительства, он был первым, — за четыре десятилетия до Исаии Берлина — с кем она затеяла спор в стихах о России и Западе. Ее реплики в этом споре («Ты говоришь — моя страна грешна, а я скажу — твоя страна безбожна») вызваны, вероятно, повторявшимися его инвективами в адрес родной страны (Анреп наскучил своим английским друзьям «бесконечным теоретическим подходом ко всему на свете»⁹⁴). «В России — все фасады», — сказал мне Б.В. Анр[еп]» (С. 496), в духе маркиза де Кюстина⁹⁵.

В кресле сидела величественная, полная дама. Если бы я встретил ее случайно, я никогда бы не узнал ее, так она изменилась.

«Екатерина Великая», — подумал я.

«Входите, Борис Васильевич».

Я поцеловал ее руку и сел в кресло рядом. Я не мог улыбнуться, ее лицо тоже было без выражения.

Анреп завел разговор на литературные темы.

«Борис Васильевич, не задавайте мне, как все другие, этих глупых вопросов!».

Разговор, по словам Анрепа, «не клеился». В соседней комнате был слышен легкий шорох, и он решил, что это мог быть «политический контроль» (а это возились Аманда Хейт и Аня Каминская).

А. А. величественно поднялась с кресла, проводила меня до маленькой передней, прислонилась к стене. — «Прощайте». Протянула руку. Внезапный порыв: я поцеловал ее безответные губы и вышел в коридор в полудурмане, повернул не туда, куда надо, добрался кое-как до выхода, долго шел по Champs Élysées и до ночи сидел в кафе.

В той части разговора, где вспоминали Недоброво, от злобы дня уйти не довелось, но Анреп не распознал незнакомого ему имени.

Николай Владимирович был замечательный критик, он прекрасно написал критическую статью про мои стихи, он не только понимал меня лучше, чем кто-либо, но он предсказал дальнейшее развитие моей поэзии. Лозинский тоже писал про меня, но это было не то!

Имя секретаря журнала «Аполлон» слышалось вместо имени Синявского.

Другой, приглашенный Ахматовой, гость, Юзеф Чапский,

заговорил об А. Терце и Н. Аржаке. Она реагирует очень осторожно: «Я не уверена, что “Фантастические рассказы” А. Терца могли быть написаны в России», — и умолкает... Думает ли она это на самом деле или же все знает и поэтому так говорит?⁹⁶

Три раза, в сумме восемь часов, она говорила с «новым человеком», молодым преподавателем Сорбонны Никитой Струве, который 24 июня писал в Калифорнию дяде Глебу:

Впечатление колоссальное, ошеломляющее... Я еще до сих пор не пришел совсем в себя от всего услышанного и увиденного. Она была со мной совсем проста, очень благожелательна («Вы

человек новый, это такой плюс»), и мое счастье, что я никогда о ней не писал...

Она много мне читала стихов, все больше неизданных, я уже и раньше слышал, что у нее удивительный голос, но тут в двух шагах от меня это было просто волшебство.

Много говорили о литературе от Пушкина до Бродского, и я почти со всеми ее оценками согласен. Дружно ругали Маковского, Иванова, и я нашел, что она судит строго, но объективно, никогда не огульно. Мы говорили с ней о стольком, и иногда это было так захватывающе, что я сейчас стараюсь все по свежей памяти записать.

Русский Париж приветствовал ее странными, неумело-подцветаевскими стихами выпускника Пажеского корпуса Льва Эндена:

Горем вашим горькие,
ладом вашим сладкие
в землю — челом!

АХМАТОВОЙ

Анна, невеста
Пушкина
Четкая, белая,
Русская
РАЯ крестница,
МАЯ вестница.
Лучшая, наша,
ТА!

Общая Ваша лестница —
Вы — ЧЕТА.

Вами омыты, оправданы —
Благодарные и за[з]дравные —
Освобожденные —
пьют и поют
наши уста!¹⁹⁷,

а сам Париж произвел «смутное впечатление»:

Его почистили, он белый такой стоит, он стал очень не парижский. Там так много вкуса, так красиво, божественно красиво, что это утомляет. И раздражает⁹⁸. «Нет, совсем неузнаваем, это не тот город» <...> изгажен тем, что его очистили, Notre Dame вымыли от средневековья⁹⁹.

Уличная толпа казалась безликой и могла с одинаковым успехом принадлежать и Лондону, и Риму, и даже Москве. А всякую эlegantность в теперешнем Париже она находила претенциозной¹⁰⁰.

Уже напоследок на вокзале появилась Нина Берберова¹⁰¹, хотя Адамович, памятовавший об опасениях Ахматовой, просил Берберову, как и других эмигрантов, не приходить¹⁰².

После нескольких встреч со славистами (Аманда Хейт, Уильям Чалсма, Кэрол Бартлет¹⁰³) и писем (Глория Энн Бруно¹⁰⁴), она наметила контуры будущего ахматоведения:

- I. Ахм<това> и наследие кл<ассической> русс<кой> поэз<ии>
- II. Ахм<това>и фольклор.
- III. Лир<ическая> героиня Ахм<атовой>.
- IV. Влиян<ие> на след<ующие> покол<ения>. Подр<ажатели> за границей (Багряна) и дома.
- V. Ахм<атова> и ее читатели. (Стихи, письма). 10-ые годы — выступления, мода — 20-ые (Л. Рейснер), 30-ые, 40-ые, 50-ые, 60-ые (С. 690).

Об этих ахматовских устремлениях наметить контуры персонального филиала истории русской литературы XX века потом вспоминал ее сын:

Говорила она только о себе, она была «ахматоцентристкой», в конце 1950-х — начале 60-х, когда все писали диссертации, она тоже собиралась писать диссертацию на тему «Молодая Ахматова», но я отговорил, сказал: «Тебе не сдать “Основы марксизма-ленинизма”»¹⁰⁵.

Родина встретила в этот раз предчувствием завинчивания гаек. В Ленинграде партначальство вызвало литераторов:

Перед пленумом многие члены горкома партии высказывали сомнение: а получится ли у них полезный разговор? Ведь на обсуждение пленума горкома партии выносился столь специфический, вызывающий немалые споры вопрос из области художественного творчества — как ленинградские писатели работают над образами наших современников, строителей коммунизма. <...> Некоторые авторы, говорилось на пленуме, поверхностно подходят к теме партии, слишком увлекаются «культовым колоритом», упускают из виду громадную организаторскую и созидательную деятельность партии¹⁰⁶.

Новые старые веяния прошли по издательствам. Редакторы из Гослитиздата летом 1965 года попросили Ахматову в верстке автобиографии изменить фразу о ее стихах:

«...и во время культа личности они были запрещены вообще, так же, как упоминание моего имени» (№ 60, 1639).

Н.Д. Оттен писал Н.Я. Мандельштам 26 июля 1965 года:

Сейчас все опять всерьез и надолго затормозилось. Настроение у всех не из веселых и ложе из роз нам время не уготовало!¹⁰⁷

В июле 1965 года ахматовские стихи, появившиеся неслыханным для нее доселе полуторамиллионным тиражом в седьмом номере журнала «Юность», соседствовали на страницах этого номера с зафиксированными в стихах приметам шести-десятих, с дозволенной уже эстетикой: в крестьянской избе телевизор под божницей, девушка на танцах летит спиралью и потеет — «О пота остротца!», студент в троллейбусе поспешно делает выписки, странными объявлениями украшены подъезды: «Граждане, экономьте воду!», а дружба, «как транзистор», ловит на знакомой ей волне беды, радости и мысли¹⁰⁸.

14 августа, в девятнадцатилетие ждановского постановления, вдалеке от Комарова появилась неподписанная газетная заметка: под фотографией (С. 671, 676, 692):

Тираж этой книги — один экземпляр. И «отпечатана» она не на бумаге, а на березовой коре. Семь страниц, связанные простой веревкой, заполнены стихами Анны Ахматовой. Переписаны стихи от руки в трудное для человека время. Чернила достать не удалось, а бумаги не было. Может быть, эти стихи помогли человеку выжить? Счастлива судьба поэта, чья лира вот так подерживает людей¹⁰⁹.

Это было напоминание о рядовом солдате армии читателей Ахматовой — Доре Самойловне Гусман, жене расстрелянного бакинского «врага народа», по памяти записывавшей шесть стихотворений из «Четок» и «Белой стаи» в сталинском концлагере.

В августе Ахматовой полагалось ждать бед¹¹⁰:

Под черным крылом.

О! Этот страшный август!

6-ого собрание, повторявшее 1946 г. (С. 654).

11 сентября записано:

А еще ближе лежала августовская вспышка 1946 г. Рижская информация была прелестна. Мне ее сообщил скрипач (Волков). Я сначала будто и огорчилась, но подсчитав (1925–1965), что выходит ровно сорок лет, совсем повеселела, не всякий может насчитать такое сорокалетие в своей жизни (С. 668).

Перед тем она рассказывала М. Латманизову:

Вы знаете, я опять попала в опалу. Было совещание в Москве, в верхах, по идеологическим вопросам. Попало «Юности» за то, что меня напечатали. Ругали ряд молодых поэтов — опять Вознесенского, Евтушенко и других. Нападки на Твардовского, что «как это пьяница может быть редактором “Нового мира”», что «Новый мир» издается для иностранцев. А Ахматову нужно запретить, снова запретить. Это ждановские последователи. Так же вот сорок лет назад меня запретили, двадцать лет назад снова и опять... Не много ли для одного человека? Было очень неприятно, и, конечно, не способствовало хорошему самочувст-

вию. Причем, это стало распространяться. Я это узнала из Риги. Но, к счастью, прошло десять дней. И все это было отменено. Алексей Александрович Сурков пошел куда следует и очень крупно поговорил. Сказал, что эти методы совсем недопустимы. Нельзя себя позорить. Ведь ко всем таким вещам прислушиваются за рубежом — в социалистических странах. Это нам не к лицу и не на пользу. И все это, по-видимому, проект решения — было отменено¹¹¹.

Речь здесь о совещании идеологической комиссии по литвоспитанию молодежи, где среди других «признаков прокитаения», как выразился в дневнике А. Твардовский, прозвучали трижды цитаты из Сталина и ссылки на него, «однажды даже, по старине, в соединении этого имени с именем Ленина»¹¹². Слухи о собрании 6 августа отражены в тогдашней записи Л.К. Чуковской:

В ЦК было идеологическое совещание, на котором т. Семичастный (большой специалист по поэзии Пастернака) назвал Бродского «антисоветским явлением». <...> На том же совещании некто <...> возмущался напечатанием «малограмотной повести Солженицына». Кто-то зывал: чей журнал «Новый Мир»? <...> Плоды совещания видны уже в прессе: «Правда» выступила против Семина, «Известия» против целой серии имен: Битов, Семин, Аксенов, Горышин¹¹³.

А.К. Гладков записал:

14 августа. Еду в город. Недолго у Над. Як<овлев>ны М<андельштам>м. Застаю ее в отсветах, видимо, оттенковского ажиотажа разных слухов и сенсаций. Немного спорим.<...> Снова пущено в ход выражение «идеологическая диверсия» (будто бы автором сего Семичастный).

В позднейшем резюме А. Солженицына:

Я могу только наощупь судить, какой поворот готовился в нашей стране в августе-сентябре 1965 года. Когда-нибудь доживем

же мы до публичной истории, и расскажут нам точно, как это было. Но близко к уверенности можно сказать, что готовился крутой возврат к сталинизму во главе с «железным Шуриком» Шелепиным. Говорят, предложил Шелепин: экономику и управление зажать по-сталински — в этом он, будто бы, спорил с Косыгиным, а что идеологию надо зажать, в этом они не расходились никто. Предлагал Шелепин поклониться Мао-Цзэ-дуну, признать его правоту: не отсохнет голова, зато будет единство сил. Рассуждали сталинисты, что если не в возврате к Сталину смысл свержения Хрущева — то в чем же?.. и когда же попробовать? Было собрано в том августе важное Идеологическое Соповещение и разъяснено: «борьба за мир» — остается, но *не надо разоружать* советских людей (а — непрерывно натравливать их на Запад); поднимать воинский дух, бороться против пацифизма; наша генеральная линия — отнюдь не «сосуществование»; Сталин виноват *только* в отмене коллективного руководства и в незаконных репрессиях партийно-советских кадров, больше ни в чем; не надо бояться слова *администрирование*; пора *возродить полезное понятие «враг народа»*; дух ждановских постановлений о литературе был верен; надо присмотреться к журналу «Новый мир», почему его так хвалит буржуазия. (Было и обо мне: что искажил я истинную картину лагерного мира, где страдали только коммунисты, а враги сидели за дело.)¹¹⁴

Меж тем заокеанские издатели спешили выпустить первый ахматовский том, чтоб срочно послать его в Стокгольм слависту Нильсу Оке Нильсону. Глеб Струве объяснял Борису Филиппову 27 августа:

Это имеет значение с точки зрения Нобелевской премии. По моим сведениям (конфиденциальным) шансы ААА не очень велики, но не ничтожны. Шолохов по-прежнему является кандидатом <...> и вопреки тому, что я думал, может найти некоторую поддержку среди шведов. <...> Но такие статьи, как Чуковского, мне кажется, показывают, что и *там* идет что-то вроде кампании за Ахматову.

и 28 сентября 1965 года:

Задержка с Ахматовой меня очень огорчает. Насколько я припоминаю, Нобелевская премия присуждается около 25 октября — значит, мы до того книги не выпустим. А я-то ей сказал, что она выйдет в июле или августе, и она была довольна! О «Беге времени» как-то исчезли упоминания в советской печати. Не видно имени Ахматовой и в списке участников «Дня поэзии», где зато будут Цветаева и... Бальмонт!

Введенный журналом «Юность» в русский стихоряд *transister* (*transfer + resistor*)¹¹⁵ тем летом был особенно надобен. Купленная Михаилом Ардовым рижская «Спидола» стала для Ахматовой

наглядным доказательством того, что весь мир пронизан радиоволнами и беззвучия как такового не существует. Я помню, как Анна Андреевна произнесла: «Я больше ни одного слова не напишу о тишине...»¹¹⁶

Как и во многих других ахматовских объявлениях, этот зарок означал, что именно о тишине ей хотелось еще раз написать. 24 августа А.Г. Найману пришло из Лондона письмо от Аманды Хейт: «Я напишу здесь стихи той поэтессы, о которой я тебе рассказала». Из этих стихов австралийки Джудит Райт (особенно из ее «Безмолвия»¹¹⁷) возник набросок:

Ночь 26/27 августа 1965

Пускай австралийка меж нами незримая сядет
И скажет слова, от которых нам станет светло,
Как будто бы руку пожмет и морщины разгладит,
Как будто простит, наконец, непростимое зло.
И пусть все по-новому — нам время опять неподвластно,
Есть снова пространство и даже безмолвие есть

(С. 739).

Осенью возникли новые заботы, их фиксирует мемо, все более превращающийся в дневник:

Отобрать стихи в сборник в Лениздате. Как мне не хочется с ними возиться, как хочется от них отдохнуть, даже забыть. Это значит опять думать «нельзя» — «можно», «лучше это», «или

то». Какие это опустошающие мысли, как вредно быть собственным критиком, цензором, палачом... (С. 669)

Все это — на фоне потока посетителей. Е. Клебанова описывает один день — субботу, 4 сентября 1965 года¹¹⁸:

Вспоминаю свое последнее посещение Комарова осенью прошлого года. Провела я там с утра до вечера, и день был очень бурным — было нашествие поклонников, которых трудно было выставить. Один явился навеселе с икрой и балыком и старался их вручить Анне Андреевне в знак своего уважения и восхищения. Другая уселась на террасе с букетом цветов и отказывалась двинуться с места, пока не будет принята Ахматовой.

Анна Андреевна вздыхала:

— Ну что же это такое? Что подумает о нас наш американский товарищ.

Потом явился профессор нью-йоркского университета интервьюировать Ахматову, что именно подразумевается «под русским духом» и о будущем русской литературы¹¹⁹. При разговоре я, разумеется, не присутствовала, но потом Анна Андреевна рассказывала о нью-йоркском профессоре:

— В связи с русским духом он заговорил о Достоевском. Я сказала ему, что Достоевский ничего не знал. Он думал, что каждый убийца превращается в Родиона Раскольникова, а мы знали таких, которые, убив 50 человек, спокойно шли в театр. Мы видели в жизни то, что человеку не полагается видеть, и что Достоевскому и не снилось.

Последний день в Комарово подходил к концу. Вечером мы ужинали на террасе. Как всегда кто-то (на этот раз не Анна Андреевна) читал стихи. Анна Андреевна погладила меня по плечу и сказала:

— Нина, нам сегодня даже поговорить как следует не удалось.

Я собралась уходить. Мы расцеловались, и я сказала:

— Анна Андреевна, до будущего года...

— Да, если доживу...

Через несколько дней арестовали Синявского¹²⁰. Известие об аресте двух московских писателей совпало по времени с известием об освобождении Иосифа Бродского, который

за несколько часов до этой вести <...> был страшен — казался на грани самоубийства (С. 667)¹²¹.

Вскоре освобожденный Бродский понес стихи в «Звезду», испугав своим явлением Н.Л. Брауна¹²².

14 октября у Ахматовой был в последний раз Ю. Оксман:

За границу А.А. не едет, с Нобелевской премией заглохло, в трехтомник своих стихов не верит, но вчера по телевидению передавали ее комментарий к нескольким строкам о ней в «Записных книжках» Блока¹²³.

В октябре вышел «Бег времени»¹²⁴, он сразу стал книжным дефицитом — и Ахматова успела прочесть об этом в газетном очерке:

С рассвета у книжного магазина на Кузнецком выстраивалась длинная очередь. К открытию магазина очередь растянулась чуть ли не на квартал: невыспавшиеся девушки в модных завитках-начесах, молчаливые юноши в очках с книгой в руке, в стоптанных ботинках, люди пожилые в шляпах.

— Что дают? — спрашивали ранние прохожие, и ответ не всегда был им понятен.

— Ахматову.

— Ахматову? — переспрашивали они и озадаченно проходили дальше.

Подошел почтенный старик.

— За чем очередь? — спросил он.

— За стихами Ахматовой.

— Как за стихами? — искренне удивился старик. — Какие же это стихи?

— Лирика, — объяснили ему.

Не торопясь уйти, старик задумался:

— Лирика... Нет, что-то не так, тут дело не в этом... — и пошел дальше.

Разумеется, людей перед книжным магазином собрала не только хорошая лирика, а скорее, думается мне, хорошее отношение к поэту, к его личности. Лирика, какую они ожидали

получить — это судьба поэта, выраженная в стихах, правдивых, верных. Стихи не только пересказывают жизнь, а тем более глубокою и сложную жизнь духа, не только поют о ней — поэту доступен высший смысл, бросающий свой свет на каждую строку и звук.

Перед книжной лавкой состоялось, собственно говоря, тихое торжество чествования поэта.

В людях пребывает какое-то извечное и неизменное, ничем не сокрушаемое представление о чести поэта. Не только строчкой, а всей своею жизнью учит поэт. Поэзия создается не только поэтом, певцом, пророком, но всем народом.

Честь поэта — сюда обращены народные признательность и благодарность. Это правда высокого смысла в поведении поэта учит человеческую душу так же, как и его слово.

Признаемся: Ахматова победила, свято сохранив смысл слов, почти забытых нами среди мелочей и бурь жизни. Как часто ее стихи говорят о тех взволнованно-тихих и напряженных состояниях жизни, которые лучше всего напоминают: задержись, подумай, ведь вот каким ты хочешь быть, не так ли...

В душе каждого есть много несказанных слов. Эти слова поэт на какое-то время делает своими, а затем опять возвращает нам. За это и благодарят его⁵²¹.

Книга стала, как гласил слоган 1960-х, лучшим подарком — например, один экземпляр из тиража получил в подарок от молодых лингвистов из Института русского языка Владимир Высоцкий, с надписью-стишками вроде «Кто за свободу слова ратовал — Высоцкий и Ахматова»¹²⁶. В книге не было «Реквиема» — вскоре уже на обысках изымали рукописи, начавшиеся словами «Нет, и не под чуждым...» и кончавшиеся словами «...по Неве корабли». Книгой автор доволен не был, как мы знаем из письма Татьяны Коншиной от 18 октября¹²⁷:

Если «Бег времени» считать вторым сортом, то, пожалуй, кроме Пушкина Вам никто угодить не может.

Объясняя свое недовольство книгой, Ахматова многим в те дни говорила о фальсифицированной издательством дате

под стихотворением на смерть Пастернака (1957!) и снятых строках третьего посвящения к «Поэме без героя»: «Он не станет мне милым мужем...». Было сказано: «Нельзя разлагать молодежь!»

Сняты они были по инициативе консультанта Б.И. Соловьева¹²⁸, о котором гласила эпиграмма Аркадия Штейнберга:

Борис Иванович Соловьев —
 Специалист не из последних
 По холощенью соловьев
 И умерщвлению последних¹²⁹.

Нобелевским лауреатом стал Михаил Шолохов (и в боевой кипучей буче прошел слух о том, что премию «дали в обмен на исторические шведские реликвии и регалии, связанные с временами Карла XII и Полтавской битвой», а Леонид Леонов так сказал: «Да мне дайте шесть лет, и я такое напишу, что все премии мира присудят, и не надо будет их покупать, как Шолохову купили»¹³⁰). А у его конкурентки в это время начинает складываться последнее, оставшееся недописанным стихотворение. Оно, как представляется, проистекало из ахматовских переживаний осени 1965 года. Здесь и прочитанная ей художницей А.В. Любимовой элегия Проперция «Тень Цинтии» — элегия о том, что души усопших существуют и смерть не есть еще наш конец, ставшая эпиграфом к батюшковской «Тени друга» («...ей очень понравилось, “Проперций — лучший элегик”, — сказала»; «Опять попросила меня прочитать Проперция, слушала как-то очень хорошо и попросила списать всю элегию и привезти ей»). Здесь и поездка А. Наймана в Ташкент («Иногда снится Ташкент», — в сопроводительном письме о нем к ташкентской поэтессе Нине Татариновой¹³¹ от 18 октября)¹³².

Я там иду, где ничего не надо,
 Где самый милый спутник только тень,
 Где веет ветер из другого сада,
 А под ногою первая ступень

(С. 692).

И никогда здесь не наступит утро

Луна — кривой обломок перламутра —
 Покоится на влажной черноте

(С. 745).

С этим путешествием связан еще один набросок стихотворения-спора («Не нахожу ни слова, / И возражений нет» — С. 714), оппонентом которого является вписанное в блокнот ноябрьское стихотворение А. Наймана «(С воздуха)»:

Листьями крона сыпет
 и стороной, стороной
 птицы летят в Египет,
 вскрикивая надо мной

(С. 714).

Стихотворение Наймана, возможно, вело к недавнему разговору: в начале сентября в Комарове Ахматова похвалила другого земляка-поэта — Льва Друскина за его стихи:

...там на чердаке,
 Две ласточки пристроились. Они
 Сюда являются уже четвертый год,
 И каждый раз — представьте — из Египта.
 Счастливые... Но не счастливей нас!
 Усталая моя, ты — мой Египет:
 И зной, и страсть...

— «Вы вернули слову “Египет” его поэтический смысл».

Может быть, она вспомнила мандельштамовских ласточек, которые четыре дня висели, не зачерпнув воды крылом, а также незадолго до того переписанное ею новонайденное мандельштамовское стихотворение со строками «И птичьих стай густые перелеты / Угрюмые волнуют небеса» (С. 433). Как бы то ни было, реплика прозвучала в годы Объединенной Арабской республики, когда ретрансляция непрестанно пела ошанинскую просьбу из Асуана «Напиши мне, мама, в Еги-

пет, как там Волга моя течет...», когда подельник по докладу Жданова Александр Хазин сочинял куплеты с эпиграфом «Кобеляки отправили в Египет сгущенное молоко. Из газет»: «И может быть, какой-нибудь раненый феллах, / С трудом разбирая незнакомые знаки, / С улыбкой на запекшихся губах / Произносит с благодарностью: “Кобеляки”»¹³³, когда «младший современник Блока» Павел Арский писал: «“Да будет лицо твоё светлым!” / — в Египте мне друг говорил»¹³⁴, а сама Ахматова шутила по поводу верстки «Бега времени»:

«— Они опять перепутали строки в чистых листах. У меня просто предынфарктное состояние. <...> Я послала телеграмму. Но они не посчитаются со мной. Они-то выйдут из положения: вклеят портрет Насера»¹³⁵.

Ненаписанный лирический монолог, отталкиваясь от стихотворения о воздушном путешествии в Азию, возникал в кругу мыслей о своей смерти — рядом она записывает кусочек из задуманной в Ташкенте поэмы о начале века:

(Из погибшей поэмы Ташк<ент>)

И женщина с зеркальными глазами
 Подростка-нищенки — властительница сцены
 И королева русского модерна (С. 714).

Ташкентская тема привела тень тамошней покойницы, как в давней ташкентской прогулке:

Там, за пыльным золотом листвы, она увидела в сумерках мемориальную доску. Это была доска в честь Веры Комиссаржевской, которая умерла в Ташкенте в 1910 году от черной оспы.

— В 1910 году, — сказала Анна Ахматова — До всего!.. И дом — как глухая исповедь¹³⁶.

Книга жизни подходила к концу. Оставалось уладить завершающую рутину — именной указатель, список важнейших печаток. В последнюю в жизни Ахматовой ноябрьскую

годовщину¹³⁷ на квартире Ардовых ее навещала Рина Зеленая и, видимо, что-то вспомнила из ташкентского 1942 года как пример ахматовской самоиронии¹³⁸ — качества, центрального как для поэтики ахматовских стихов, так и для поэтики ее поведения¹³⁹. На следующий день образчик этой самоиронии был выдан Лидии Чуковской в рассказе о триумфе в Большом театре, где Ахматова выступала на вечере памяти Данте:

Все эти люди живут, я уверена, в одном каком-то доме, где им предоставлены квартиры при условии, что они не пропустят ни единого юбилейного вечера в Большом Театре. Не реагируют они вообще ни на что, хлопают всем поровну и терпеливо ждут антракта и концерта¹⁴⁰.

Вслед за Л. Чуковской пришли Виноградовы (Ахматовой вскоре довелось узнать о роли академика — при всем его насмешливом взгляде, гаммах иронических улыбок и презрении к глупцам¹⁴¹ — как секретного эксперта КГБ в деле Синявского¹⁴²), после их ухода¹⁴³ начался четвертый инфаркт.

В больницу была доставлена в безнадежном состоянии. (Слова врача.) (С. 679).

В бреду она видела индийского Вишну-Джаггернаута¹⁴⁴:

Париж прочно вошел в мой инфаркт<ный> бред в виде взбесившегося Джерринаута, который гонится за мной. Ростом он с восьмиэтажный дом с чудовищным искаженным лицом и голос у него [страшный] хриплый. Несется он по роскошным бульварам, и нет от него спасенья. Что запряжено в его колесницу, я не могу разглядеть, но это тоже что-то ужасное (С. 694–695).

Время, проведенное в больнице, она назвала своими «100 днями» (С. 712). Наполеоновские ассоциации вообще сопровождали ее весь этот год — в сто пятидесятую годовщину национального поражения Франции она въехала в нее из страны-победительницы:

Оказывается, мы выехали из Англии на другой день после ставшей настоящим бедствием бури, о которой писали в газетах. Узнав об этом, я поняла, почему я увидела такой страшной северную Францию из окна вагона. Тогда подумала: «Такое небо должно быть над генеральным сраженьем». (День, конечно, оказался годовщиной Ватерлоо, что мне сказали в Париже.) (С. 636).

Она наведалься по старому своему адресу пятидесятипятiletней давности (когда-то на той же улице из любви к титульному персонажу поселилась Марина Цветаева):

Я не узнала Париж. Ни дом на rue Bonaparte, 10, ни тихую шестелестящую старыми книгами набережную. Казалось, он заснул в 1910 и видит страшный сон, сам себя 1965 года (С. 694).

31 июля 1965 года она вспомнила:

...а Гумилев писал тогда (1910. Rue Bonaparte):

и пронесут знамена
От Каэро к Парижу...
На ступенях балкона
Я их не увижу.

Очевидно, предполагался какой-то наполеоновс<кий> цикл. (Этого еще не хватало!) (С. 650).

Больница временами казалась ей то тюрьмой, то сумасшедшим домом¹⁴⁵. Соседи по палате казались угрозой. Запись в золотообрезном блокноте «Notes», подаренном в Лондоне Исайей Берлином:

Ничего не говорите. Старуха слушает (С. 742).

— это, вероятно, предупредительный сигнал больничному посетителю. Доверительные отношения были у нее только с Н.Г. Крупецкой (воспоминания последней были потом записаны Эммой Герштейн) — Ахматова показывала ей европейские газеты:

Вот последнее, что обо мне написали. Это перед моей смертью, говорила ей:

Не хочу есть. Знаете, что? Ведь такое же состояние было у Зощенко перед смертью. Он ничего не ел.

Смерти и предсмертья, панихиды и похороны двойников и ушедших друзей, прощальные слова и духовные завещания окружали ее. Боярыня Морозова, преблаженная Феодора, просила караульного стрельца:

«Рабе Христов! Есть ли у тебя отец и мать в живых или престави-ся? И аще убо живы, помолимся о них и о тебе; аще же умроша, помянем их. Умилосердися, рабе Христов! — зело изнемого от глада и алчю ясти: помилуй мя, даждь ми колачика». Он же рече: «Ни, госпоже, боюся». И глагола мученица: «И ты поне хлебаца». И рече: «Не имею». И паки мученица: «Поне мало сухариков». И глагола: «Не имею». И глагола Феодора: «Не смеши ли, ино принеси поне яблочко или огурчик». И глагола: «Не смею». И глагола блаженная: «Добро, чадо; благословен Бог наш, изволивый тако. И аще убо се, яко же рекл еси, невозможно — молю тя, сотвори ти последнюю любовь: убогое сие тело мое, рогозиною покрыв, близ любезныя ми сестры и сострадальницы неразлучне положите»¹⁴⁶ (С. 706).

Поэтесса Виттория Колонна, которая, по Брокгаузу и Ефрону, «и в старости была предметом поклонения за свои высокие нравственные достоинства: на нее смотрели, как на святую», умерла, и Микеланджело горевал, что не поцеловал ее мертвое лицо, а только руку. Ахматова сравнила с Микеланджело кого-то из своих современников, «Икса», с таким же строгим целомудрием относящегося к ней (С. 706).

Еще одно виденье гробовое:

В гробу лежал человек, кот<орого> я никогда не видела. Мне сказали, что это Блок. Над ним стоял солдат — старик седой, лысый с безумными глазами. Я спросила: «Кто это?» — «Андрей Белый».

Панихида. Ершovy (соседи) рассказывали, что он от боли кричал так, что прохожие останавливались под окнами (С. 683).

Появившаяся в январе книга переводов Самуила Маршака из Блейка с предисловием В.М. Жирмунского могла напомнить, что замысленный перед казнью сборник Гумилева «Посередине странствия земного. Стихи 1921—»¹⁴⁷ должен был открываться эпиграфом из «Юдоли грез» («The Land of Dreams»):

Father, O Father, what do we here,
In this land of unbelief and fear?

Во всяком случае Ахматова вспомнила о переключке Блейка и Гумилева¹⁴⁸, о которой ей говорил Вяч. Вс. Иванов¹⁴⁹:

Блейк Гум<илев> («Память»)

Мы возведем Ерусалим
Стены нового Ерусалима
В зеленой Англии родной
На полях моей родной страны

Она предполагала поговорить о чем-то со своим постоянным собеседником:

Спросить о Блейке автора поэмы «Уничтожение» [А.Г. Наймана] (С. 710).

В той же книжке она обнаружила афоризм, который и ей бы стоило на эпиграф:

Недаром Блейк говорит, что проклятое благосло...» (С. 632) —

ср.: «Проклятие бодрит, благословение расслабляет»¹⁵⁰:

И ей показалось, что у английского визионера «явно та же тема», что преследовавшая ее, начиная с ранних стихов — от выхода из рощ родины священной на низкий остров в Невской дельте и сошествия с крыши меблированного дома

«Нью-Йорк» в «Эпических отрывках» до спуска под своды «Бродячей собаки» в «Подвале памяти» и во вступлении к «Поэме без героя» и вообще до Поэта Мироздания в «Поэме» как того, кто единожды спустился в преисподнюю («Гильгамеш ты, Геракл, Гессер») — т.е. тема катабасиса, снисхождения с неба на землю, и далее в глубины подземелий:

См. Блейк. Стр. 29. <...>

Вольно я выбрала дивный Град...
 Жаркое сердце земных отрад...
 И все мне казалось, что в Раю
 Я песню последнюю пою.
 Из большой предвоенной поэмы.

(Что-то такое есть у Блейка, но я в 1917 г. Блейка не знала, и близость замысла — случайна.) «Книга Тэль» явно та же тема (Блейк).

Я матерью стала ребенку,
 Женою тому, кто пел,
 Но грозно и мрачно вдогонку
 Мне ветер незримый гудел (С. 706).

Ахматова имеет в виду изложение В.М. Жирмунским сюжета «Книги Тэль»:

Прекрасная девушка Тэль, покинув своих небесных подруг, спускается на землю: душа, ищущая воплощения в материальной земной действительности, она боится соприкосновения с ней и вместе с тем страдает от сознания своего одиночества и бесполезности¹⁵¹.

Она сближает с этим пересказом свое стихотворение 1914 года, ею не печатавшееся:

За то, что я грех прославляла,
 Отступника жадно хваля,

Я с неба ночного упала
На эти сухие поля.

И встала. И к дому чужому
Пошла, притворилась своей...¹⁵²

Об этом мотиве, который можно назвать «основным мифом» Ахматовой, памятуя о блоковской падучей деве-звезде¹⁵³, писал В. Виноградов, в связи со стихотворением о «таинственной могиле» («Не оттого ль, уйдя от легкости проклятой...»):

...влечется (метафорически, конечно) с высоты потустороннего бытия «на место казни долгой и стыда»¹⁵⁴.

И ту же мифологему видим в обращенном к Ахматовой стихотворении Юрия Верховского 1922 года:

Так Божьего певца один простой запев,
Не ведая своей отчизны величавой,
От мира вышних сил на землю отлетев,
Нам дух поит хвалой и славой¹⁵⁵.

Какие-то сходились начала и концы. Наталья Горбаневская принесла в больницу переписанное Гариком Суперфином из альбома Сергея Судейкина в ЦГАЛИ ахматовское четверостишие полувековой давности:

Спокоен ход простых суровых дней.
Покорно все приемлю превращенья:
В сокровищнице памяти моей
Твои слова, улыбки и движенья.

Ахматова оценила его на «три с плюсом».

Новые стихи, как будто, в больнице почти не являлись. Зато зазвучала пристальная проза о Лозинском, ветвящаяся и дающая ростки:

Чем больше я пишу, тем больше вспоминаю. Какие-то дальние поездки на извозчике, когда дождь уютно барабанит по поднятому верху пролетки и запах моих духов (Avia) сливается с запахом мокрой кожи, и вагон царскосельской ж<елезной> д<ороги> (это целый мир)... (С. 705)

Дневниковые записи стали удлиняться — как теперь кажется наблюдателю по сю сторону Леты, — этим заклиная жизнь длиться. Проза вообще казалась Ахматовой заклинянием — так она говорила о Пушкине.

Но предстиховая готовность живет в этих записях. Еще нет стихов, но уже кружатся эпитафьи. В эти больничные дни состоялся разговор с М.В. Ардовым:

— Вот прекрасная тема для статьи — «Эпитафьи Ахматовой». Подарите это кому-нибудь из ахматоведов.

Она мне ответила:

— Никому не говори. Напиши сам. Я тебе кое-что для этого подброшу¹⁵⁶.

Так подбирается триада эпитафьев для будущего послания.

La belle cordière —)

Alice

Je meurs de soif au bord d'une fontaine (С. 693).

Эпитафья

..... none dare

Hope for a part in thy despair. (Alice Meynell)

или

Je meurs de soif au bord d'une fontaine

(<...> Labe) (С. 694).

Из Алисы Кристианы Мейнелл взята концовка стихотворения, написанного в тональности «noli me tangere» —

Why wilt thou chide,
 Who hast attained to be denied?
 O learn, above
 All price is my refusal, Love.
 My sacred Nay
 Was never cheapened by the way.
 Thy single sorrow crowns thee lord
 Of an unpurchasable word.

O strong,
 O pure!
 As Yea makes happier loves secure,
 I vow thee this
 Unique rejection of a kiss.
 I guard for thee
 This jealous sad monopoly.
 I seal this honour thine; none dare
 Hope for a part in thy despair¹⁵⁷.

Эти строчки были затем надписаны на посланном Исайте Берлину экземпляре «Бега времени». Луиза Лабе — «прекрасная канатчица» («La belle cordière»), имя которой в связи с Ахматовой еще в 1921-м вспоминал Андрей Левинсон¹⁵⁸. По-видимому, предполагалась последняя строка ее восьмого сонета — «Il me remet en mon premier Malheur», о «возвращении к прежнему несчастью»¹⁵⁹, которая ранее была испробована как эпиграф к незавершенному сонету 1963 года «Приди, как хочешь: под руку с другой...» (С. 388)¹⁶⁰. Оксюморонные пени и угрозы англичанки и француженки¹⁶¹ звучали в лад неистовым речам ахматовских героинь. Они были повернуты к трехстворчатому «Ты» ее поздней лирики,— «Это “ты” так складно делится на три, как девять или девяносто. Его правая рука светится одним цветом, левая — другим, само оно излучает темное сияние» (С. 334) — имея в виду прежде всего образ, сотворенный ею из И.М. Берлина, который и явился в больничной записи в дни соприродного ему новогоднего цикла¹⁶²:

31 декабря 1965. Заснула днем, и во сне пришел ко мне Х.: «Я скажу что-то, но только на вершине горы». И мы пошли. На вершине острой горы он обнял меня и поцеловал. Я смеялась и говорила: «И это все». — «Нет, пусть видят пятый развод», — и я вдруг почувствовала от этих странных слов, что я для него то же, что он для меня. И... меня разбудили. Это первый мой сон, куда он вошел. (За 20 лет.)¹⁶³ (С. 692)

В этой россыпи эпиграфов, означающей едва ли не желание «уйти из нашей речи» (подобно некогда охватившему Мандельштама), третьим участником нового квартета приглашен издавна любимый Франсуа Вийон¹⁶⁴ — «от жажды умираю возле колодца». Ахматова цитирует его по памяти (у него в «Балладе поэтического состязания в Блуа» — «Je meurs de seuf auprès de la fontaine», у Карла Орлеанского, предложившего этот мотив для конкурса, — «Je meurs de soif en couste la fontaine»).

Она подает заявку на участие в поэтическом соревновании, затеянном задолго до наших времен. С капризным предсмертным жестом она из этих времен и исчезает. Означенные времена, финальный год жизни героини нашей книги в донесении госбезопасности руководителю державы выглядели насыщенными¹⁶⁵:

Раскрыты антисоветские группы, которые пытались пропагандировать идеи реставрации капитализма. Синявский и Даниель¹⁶⁶ переправляли свои «труды» за границу, и те использовались для компрометации советской действительности. В последние месяцы 1965 г. зафиксирован ряд антисоветских проявлений в форме открытых политически вредных выступлений. Дело доходило до того, когда некоторые лица прибегали к распространению так называемых «гражданских обращений» и группами выходили с демагогическими лозунгами.

Демонстрацию 5 декабря 1965 года у памятника Пушкину, с которой начинается история правозащитного движения в СССР, инициировал племянник доброго знакомого Ахматовой — М.Д. Вольпина, математик и поэт А.С. Есенин-Вольпин¹⁶⁷.

Формально в этих действиях не было состава преступления, но если решительно не пресечь эти выходки, придется прибегать к уголовным преследованиям, что вряд ли оправдано. Большинство участников раскрытых антисоветских групп профилировано, некоторые привлечены к уголовной ответственности. Критиканство под флагом борьбы с культом личности, опорочивание основ, огульное высмеивание недостатков явилось основной тематикой многих произведений. Складывалось такое впечатление, что для публикации произведений в некоторых издательствах обязательным условием являлось наличие в них выпадов против нашей действительности. Они вызывали ажиотаж обывателей, спешивших увидеть «скандальный» спектакль или фильм, в которых представители государственного аппарата, да и сам аппарат изображались как мрачная стена, стоящая на пути всего передового. В Театре на Таганке накануне 48-й годовщины Октября вышла премьера «Павшие и живые». Спектакль готовился около года, имел несколько просмотров, после которых его постановщики вносили бесконечные поправки.

Один из авторов композиции по стихам фронтовиков — Д.С. Самойлов.

Возникал вопрос о смягчении некоторых сцен в политическом плане, в частности сцены, рассказывающей о поэте Багрицком — сыне Эдуарда Багрицкого. С одной стороны показывали Багрицкого на фронте, а с другой — его мать в лагерях. Подтекст сцены¹⁶⁸ невольно ставил вопрос: что защищает Багрицкий на фронте?

Всеволод Багрицкий был свойственником Владимира Нарбута, его мать была сестрой жены Нарбута Серафимы, которую Ахматова помнила «красивой и очень нарядной, в свежем весеннем платье, еще не тронутую бедствиями» в 1934 году — «Листки из дневника». Через Нарбута, видимо, попало к Вс. Багрицкому мандельштамовское «Мой щегол, я голову закину», которое было им переписано, а много лет спустя после его смерти опубликовано как его собственное¹⁶⁹. Вызвало понятное удивление у т. Семичастного

появление имени Пастернака. Как известно, он не пал на фронте и не относился к числу оставшихся в живых фронтовиков. Однако в спектакле долго старались сохранить сцену, сделанную весьма помпезно, и уход его со сцены пытались сопроводить символикой вечного огня. В течение года, пока этот спектакль был выпущен, с ним в ходе т.н. «предварительных просмотров» ознакомились большое количество зрителей.

И таким образом, увидело символику вечного огня.

В Театре Ленинского комсомола шел спектакль «Снимается кино», двусмысленная вещь, полная намеков и иносказаний о том, с какими трудностями сталкивался творческий работник в наших условиях, и по существу смыкалась с идеями, охотно пропагандировавшимися на Западе, об отсутствии творческих свобод в Советском Союзе. При этом отсутствие якобы «свободы» увязывалось с требованием партийности в искусстве.

Автор пьесы Э. Радзинский в детстве был соседом Ахматовой по ташкентскому жилью 1942 года.

«Гольый король» Е. Шварца в «Современнике» ставил целью перенести события прошлого на современность и в аллегорической форме высмеять советскую действительность. Опасность не только в том, что иронизировали по поводу действительности, но и в том, что делали это через аллегорию, как бы доказывая невозможность сказать правду или критиковать недостатки открыто.

Ахматова была дружна с Евгением Шварцем, присутствовала на его юбилейном вечере в 1956 году, ценила его шутки, он говорил, например, о перестановках в партийном руководстве: «А вы друзья, как ни садитесь, только нас не сажайте»¹⁷⁰.

В Театре Ленинского комсомола, призванном воспитывать здоровое начало в молодом современнике, из спектакля в спектакль начали кочевать инфантильные мальчики и девочки, плюющие через губу на все происходящее вокруг них, соблазнительные

внешне, но бедные духовно и насквозь пропитанные мещанским духом...

Один из них и переписывает сейчас эти строки.

Вызывало серьезные возражения разноречивое изображение образа В.И. Ленина. В фильме «На одной планете»: усталый интеллигент, с трудом решающий линию заключения Брестского мира. Фильм заканчивался весьма странной фразой Ленина, что он мечтает о времени, когда будут говорить агрономы и инженеры и молчать политики.

Роль вождя-интеллигента играл И.М. Смоктуновский, которого Ахматова представляла себе будущим исполнителем в фильме по ее сценарию о летчиках (С. 354)¹⁷¹.

Ну и, после опубликования «Одного дня Ивана Денисовича», когда был брошен официальный призыв к критическому изображению периода культа личности в литературе, вышло немало произведений с критикой тех или иных явлений в жизни общества. Помимо признанных партией вредных последствий культа Сталина в вопросах попрания основ социалистической законности, некоторые литераторы даже коллективизацию, индустриализацию страны пытались отнести к ошибочным действиям партии, огульно чернили завоевания последних лет. Так мазками недобросовестных художников перечеркнута сорокалетняя история народа.

Мы, — замечал председатель ГБ, — делаем в области идеологии неоправданные уступки, затушевываем процессы, с которыми надо бороться, дабы не вызывать необходимость применения административных мер. Трудно найти оправдание тому, что мы терпим, по сути дела, политически вредную линию «Нового мира». Критика журнала «Юность», по существу, никем не учитывается, и никто не делает из этого необходимых выводов. Многие произведения советских писателей печатаются в реакционных буржуазных издательствах за рубежом. Однако писатели, среди которых есть и коммунисты, на это никак не реагируют.

В том числе — автор «Реквиема», о котором повествовала среди прочего другая докладная:

По нашему мнению, необходимо строже подходить к отбору зарубежных кинофильмов. Кинокартину «Великолепная семерка» только за год просмотрело около 20 миллионов зрителей¹⁷². В течение одного месяца демонстрации в трех кинотеатрах Москвы картины «Брак по-итальянски» ее просмотрело 200 тысяч зрителей. В течение двух месяцев в одном из кинотеатров Москвы непрерывно демонстрировалась картина «Безумный, безумный, безумный мир». Десять копий этого фильма направлены в республики.

Из-за рубежа к нам попадает некоторая часть литературы, писем, содержащих буржуазные взгляды.

Из США пытались заслать к нам первый том двухтомника Ахматовой. Он выпущен в 1965 году на русском языке американским издательством «Интерлэнгвидж литерари ассошиэйтс» под редакцией и со вступительными статьями эмигрантов Глеба Струве и Бориса Филиппова. В том включены стихотворения, написанные в период 1907–1964 годов, в том числе поэма «Реквием». Во вступительной статье Г. Струве анализирует творческий путь поэтессы, стремясь показать его «трагизм». Он останавливается на смерти ее мужа Н. Гумилева, «первого крупного русского писателя, ставшего жертвой большевистского режима». Автор вступления пишет: «В “Реквиеме”, как ни в одном другом поэтическом произведении во всей советской литературе, Ахматова сильно и впечатляюще изобразила трагическую, кошмарную атмосферу так называемой ежовщины». «Едва окончилась война, — пишет он далее, — как осенью 1946 года Ахматовой был нанесен новый удар: с началом нового этапа в советской литературе, ставшего известным под именем “ждановской эры” с ее злобной кампанией против “безродных космополитов”, с ее осуждением “декадентского” Запада и утверждением узкого, примитивного, прозаического “социалистического” реализма, основанного на партийности. Ахматова стала одной из первых жертв новой инквизиции. Личная трагедия Ахматовой — одна из многих на длинном пути страданий русской литературы при коммунистическом режиме, страданий, до этого времени невиданных во всей истории русской литературы».

В следующей вступительной статье Б. Филиппова говорится о будто бы популярности Ахматовой среди советской молодежи: «Вот и сейчас Ахматову вынуждена печатать даже “Юность”. Вот и сейчас Ахматовой, ранней Ахматовой, зачитывается молодежь... И комсомолка на новостройке читает именно “Четки”, отбрасывая стихи о производственном энтузиазме и верности заветам Ильича».

Двухтомник снабжен подробным перечнем антисоветских книг с указанием, где их можно приобрести за рубежом. В списке этих книг, естественно, фигурируют и Тарсис¹⁷³, и Терц, и другие. Список рекомендует такие произведения, как «Сказание о синей мухе», «Красное и черное», «Суд идет», «Фантастические повести».

Уже говорилось о том, что у нас приобретает распространение слушание зарубежных передач. Очевидно, этому способствует и то, что за два последних года было выпущено, по данным учета, около девяти миллионов бытовых радиоприемников. В текущем году предполагается выпустить более шести миллионов радиоприемников, и том числе много транзисторных.

Некоторая часть молодежи увлекается магнитофонными записями. В нашей стране выпуск произведений в магнитофонной записи пока поставлен слабо. В значительной степени молодежь снабжается магнитофонными записями за счет взаимной переписи привезенных из-за рубежа магнитофонных лент или модных зарубежных грампластинок. За два последних года было выпущено около 900 тысяч магнитофонов. Очевидно, что дело использования магнитофонов нам необходимо брать в свои руки¹⁷⁴.

Новый, 1966 год, начался с визита письмоноши из родного города (о последнем она набрасывала строки: «губил поэтов»¹⁷⁵):

Был у меня Иосиф. Веселая легкая встреча. Поражен, что я уже на ногах. Привез письма из Ленинграда (С. 692).

Уже в коридоре я услышал ее голос, быстро поднялся по ступенькам, увидел ее, мы поздоровались, она говорит: «Иосиф, я не понимаю, какое чудо я еще должна совершить, я хожу по ко-

ридору, поднимаюсь и спускаюсь по лестнице, пишу и читаю без очков, непонятно, какое чудо я еще должна совершить, может быть, родить близнецов?..»

И действительно, когда мы вошли в палату, у нее на тумбочке рядом с постелью лежала открытая книжка, это был роман Жюль-Виктора «Шпион, который пришел с холода», очков, действительно, рядом не было...¹⁷⁶

В этот последний ее новый год ее поздравляли многие¹⁷⁷ (и среди них сверкнувшая риторикой 1913 года «тень безрассудной Паллады»¹⁷⁸, за четыре десятилетия до того уже отпетая Георгием Ивановым рядом с Ахматовой в парафразе вийоновской «Баллады о дамах былых времен» — «Где Олечка Судейкина, увы, / Ахматова, Паллада, Саломея? / Все, кто блистал в тринадцатом году / — Лишь призраки на петербургском льду»¹⁷⁹). И в этот новый год составлялся список благодетелей первого года без Хрущева¹⁸⁰. Сдержанную, интеллигентную хвалу перевороту и поощрение за то, что не состоялся послеавгустовский погром, выразил теперешний ахматовский знакомый Сергей Наровчатов, говоря

о той черте нашего общества, которая возникла как естественное и закономерное следствие его развития. Эта черта — зрелость. Как-то особенно почувствовалась она нами в 1965 году. Не было ни поспешных решений, ни рывков из стороны в сторону. Серьезные слова взвешивались, прежде чем произноситься, и воздействие их было прямо пропорционально их деловитости¹⁸¹.

Газетные новости пестрели Вьетнамом («Падают бомбы на рис» — гласил дактиль заголовка) и протестами американских интеллектуалов («Если мы интеллигенты, образумиться пора! — заявляют вслух студенты, вторят им профессора»¹⁸²), на севере Ирака курды воевали с правительственными войсками. На Ленинскую премию были выдвинуты А. Вознесенский, Ю. Герман, Л. Мартынов. В Гане свергли Кваме Нкруму, в Москву из Лондона перевезли прах Н. Огарева, Луна-9 совершила мягкую посадку на соименное небесное тело. Ита-

льянский писатель вспомнил по этому поводу о «Ночной песни пастуха, кочующего в Азии», называвшейся «Лунной сонатой» Леопарди¹⁸³. 8 февраля в блокноте записано: «Луна продолжает» (С. 709).

Шестьдесят шестой начинался с легкого бриза гласности — с ленинградской телевизионной передачи «Литературный вторник» 4 января, в которой говорились с экрана фразы совсем не советские¹⁸⁴. Из персонажей ЗК в ней участвовали Б.Б. Вахтин, Вяч. Вс. Иванов, Д.С. Лихачев. Звучали на всю страну имена Мандельштама, Пастернака, Замятина, Зощенко, Солженицына.

А 13 января 1966 года газета «Известия» напечатала статью «дурака и мерзавца Еремина»¹⁸⁵, когда-то слушавшего «Поэму без героя» в Ташкенте¹⁸⁶. Статья эта, «Перевертыши», где, в частности, обещалось:

Пройдет время, и о них уже никто не вспомнит. На свалке истлеют страницы, пропитанные желчью. Ведь история не раз подтверждала: клевета, какой бы гнусной и злобной она ни была, неизбежно испаряется под горячим дыханием правды... —

не оставила сомнений в исходе суда над Синявским и Даниелем (помнится, как плакала Наташа Горбаневская, читая вслух эту статью).

18 января посетителю, Вяч. Вс. Иванову, она

...напомнила, что для Блока Россия — «сначала невеста, а потом свинья, которая съест, как поросенка»¹⁸⁷.

Начавшаяся затем газетная вакханалия по поводу двух писателей наполнила Ахматову страхом¹⁸⁸, она как будто ждала, что так или иначе окажется втянутой в воронку показательного процесса, и, видимо, с подобными опасениями отнеслась к звонку «известинца», сулившего, как говорят французы, «глаз из головы»:

Сегодня (3 фев<аля>) звонил *Гольцев* (Валентин). (Предлагал les yeux de la tête) (К чему бы?) (С. 708).

Ее многолетний товарищ по пушкинизму¹⁸⁹ Сергей Бонди был-таки вовлечен в переписку, подписав осуждающее письмо преподавателей МГУ¹⁹⁰. Мысль о заключенных коллегах проступила в больничных жалобах.

Сегодня три месяца, как я в больнице. Теперь могу решительно записать следующее: существует закон, по которому каждая больница от долговременного в ней пребывания медленно, но верно превращается в тюрьму. А через 6 дней объявят карантин для довершения сходства. Появятся «передачи» в наволочках, запечатая (как в сумасшедшем доме) на ключ входная дверь, маски на лицах врачей, сестер и нянь, и лютая скука. Помните у П<ушки>на:

Иль от скуки околею
Где-нибудь в карантине...

Выздоровливающих перестанут выпускать гулять. Голуби, кот<орых> строго-настрого запрещено кормить, будут по-тюремному гулить за окнами (С. 709)

— это написано в первый день суда над Терцем и Аржаком.

Она прочитала в журнале «поразительное письмо Ленина о Сталине. Ссылка на Каменева и Зиновьева — их смертные приговоры» (С. 710)¹⁹¹, но уже набирала силу брежневская поэтика умолчаний, этикие хемингуэевские недосказанности — в статье о расстрелянном зампреде Совнаркома финал его биографии выразительно обрисован троеточием и абзацем:

Его и называли задушевно, просто — наш Влас...

Имя Власа Яковлевича Чубаря после XX съезда КПСС снова засияло в созвездии наиболее выдающихся деятелей ленинской гвардии¹⁹².

Дуновение своего ренессанса почуяли младостаалинисты, и 4 февраля на вечере поэзии в Театре эстрады Ф. Чуев прочел стихотворение «Зачем срубили памятники Сталину?» —

Они б напоминали о былом
могуществе, добытом и оставленном
серьезным, уважаемым вождем...

Она первична — правда, а не слава,
она за ним стояла у руля,
ее не свалишь краном с пьедестала
и не зароешь даже у Кремля...

(это выслушал потом свежий нобелевский лауреат и сказал автору: «Так и пиши. Только не блядуй! Слушай меня, старика»¹⁹³).

8 февраля по радио в больнице говорили «Деревню» Пушкина (С. 709):

Роптанью не внимать толпы непросвещенной,
Участьем отвечать застенчивой мольбе
И не завидывать судьбе
Злодея иль глупца — в величии неправом.

А также:

И над отечеством свободы просвещенной
Взойдет ли наконец прекрасная заря?

А визитеры приносили в больницу несусветные городские слухи. 8 февраля один из москвичей записывал в дневник:

Толки о предстоящем процессе Синявского. Называют предполагаемых общественных обвинителей: Сучков (критик, сам сидел при Сталине), Сергей Антонов и... Агния Барто...¹⁹⁴

И на процессе имя Ахматовой прозвучало:

Судья. Ц<ентральное> О<бъединение> П<олитических> Э<мигрантов> поставило штамп на книге Терца. Это что ли — зря?

Синявский. Этот, неизвестно кем поставленный штампик, упоминали уже три раза. Я не говорю, что мои произведения — социалистический реализм. На Фадеева такой штампик не поставишь. Но я думаю, что на Зощенко, на «Реквиеме» Ахматовой, на «Одном дне Ивана Денисовича», на Бабеле тоже может быть штампик ЦОПЭ¹⁹⁵.

Напоминанием о подведении итогов литературного пути явился в Боткинскую больницу первый том собрания ее сочинений, созданного при поддержке государственных учреждений США. Собранные воедино все или почти все когда-либо печатавшиеся на протяжении пятидесяти восьми лет стихи Ахматовой, у которой «как у всякого поэта, есть стихи плохие, средние и хорошие»¹⁹⁶, должны были ответить на один из самых главных для «всякого поэта» вопросов — о приумножении дара. Он и обсуждался в парижской газете:

Б. Филиппов полагает, что напрасно некоторые авторы говорят об «эволюции» Ахматовой: — «Ахматова живет полной жизнью и в юности, и в молодости, и в зрелые годы, и в годы умудренности... Мы живем, растем и стареем вместе с поэтом. И сейчас, как и раньше, разные возрасты читателей предпочитают Ахматову разных возрастов ее творчества».

Это последнее замечание остроумно, но ведь и поэт — существо целостное, совершающее всем нам свойственное «странствие земное», а следовательно, с годами неминуемо подверженное «перерастанию самого себя» (если он способен к этому, а не застыл на своем одном каком-нибудь возрасте).

И то, что комсомолки, как прежде курсистки, зачитываются ранней Ахматовой, вовсе не обязывает ставить знак равенства между ее «ранним», «зрелым» и «умудренным» творчеством¹⁹⁷.

В переданной ей Л. Чуковской рецензии Ю. Большухина на свой первый том она прочитала:

Незабвенный Дж.Ф. Кеннеди, соединявший в себе государственного мужа с великим гуманистом, советовал не спрашивать, «что страна может мне дать», а «что я могу дать ей». Именно так поступает Анна Ахматова по отношению к России,

— об убийстве этого государственного мужа она пометила в свое время в блокноте отрывисто: «Буря в мире» (С. 405)¹⁹⁸.

В предпоследний день в больнице Ахматова услышала по радио романсы Г. Свиридова на есенинские слова¹⁹⁹ и записала свое последнее суждение о советской поэзии:

Очень архаично, славянизмы, высокий строй. Кто это? Державин, Батюшков? Нет, через минуту выясняется, что это просто Есенин. Это меня немного смутило. К Есенину я всегда относилась довольно прохладно. В чем же дело? — Неужели то, что мы сейчас слышим и читаем, настолько хуже, что Есенин кажется высоким поэтом?? А то, что мы слышим и читаем, сделано часто щегольски, всегда умело, но с неизбежным привкусом какого-то маргаринно-сахаринного сюсюка. Это неизбежная часть программы (С. 711).

19 февраля 1966 года Ахматову выписали. Тем временем государство расставило точки в деле двух писателей, о которых она в эти дни говорила: «Пусть потеснятся, мое место с ними»²⁰⁰:

Как известно, они поставляли тайно, в нарушение закона, свои антисоветские сочинения враждебным нам зарубежным центрам пропаганды, а те использовали их в целях подрывной деятельности против советской власти, против советского народа.

Далее мягко критиковались отдельные лица, которые

стали искать в суде над двумя антисоветчиками какой-то скрытый смысл: не ставится ли под вопрос развитие демократии в СССР? Не следует ли предположить, что в Советской стране нарушается свобода творчества?²⁰¹

Это взяли на изготовку ко второму пришествию кавалеры былых времен; и тут же зашевелилась крышка загадочного гроба персонального ахматовского опекуна. В ДК Первого подшипникового завода собрались трудящиеся Ждановского района Москвы отметить семидесятилетие районного патрона:

С 1944 года и до конца жизни А.А. Жданов вел напряженную и разностороннюю работу в качестве секретаря Центрального Комитета нашей партии. На этом посту А.А. Жданов проявил себя крупным политическим деятелем, глубоко верящим в народ, в его богатырские силы²⁰².

27 февраля Ахматову навестила «воркутинская поэтесса», как ее называли. Ей был надписан «Бег времени».

Милой Елене Алексеевне Грин с чувством сердечной приязни и с глубокой благодарностью (С. 712).

Она спросила:

«Анна Андреевна, вышел Франко на русском языке, есть там стихи в Вашем переводе. Это как же, Вы с подстрочника переводили?». На лице Ахматовой — благородное негодование: «Милая моя, вы, кажется, забыли, что моя фамилия — Горенко!»²⁰³

1 марта был в гостях Кларенс Браун. Он писал Глебу Струве о разговоре:

Она вполне готова получить гонорар, но полагала, что лучше сделать это открыто и хотела попросить совета Суркова («Он обожает меня!»). Я был огорчен, и пожалуй, удивлен услышать от нее, что она недовольна первым томом ее поэзии. К сожалению, все, что я могу определенно сказать о том, что вызвало ее недовольство, это что стихотворения «Закат» и «Одна звезда» написаны не ею. Она не знала, кто их написал. Что же до второго тома, она очень настаивала на том, чтобы статья о «Золотом петушке» не перепечатывалась. В ней много неточностей (без уточнений). Это, что бы это для вас ни значило, «последняя авторская воля»²⁰⁴.

Дневник П.Н. Лукницкого:

2 марта 1966 г. 12.30 дня

— Можно попросить к телефону Павла Николаевича?

— Я у телефона...

— Здравствуйтесь, Павел Николаевич!

— Здравствуйтесь, Анна Андреевна... Как я рад! Только позавчера я узнал от Степанова, что Вы здесь, в Боткинской...

— Да... сто дней была...

— Я не знал о том, что Вы больны и что Вы здесь. Позвонил Степанов, сказал мне это...

— Да... семьдесят пять человек меня навестило... Я думала, Вы знаете обо мне... Четвертый инфаркт!.. А мне очень хотелось Вас повидать... Но теперь... я уезжаю в Домодедово, или что-то такое в этом роде...

— Может быть, сегодня вечером?

— Не получится. Завтра я уезжаю в 12 дня, а сегодня у меня будет столько людей, что и поговорить не удалось бы... теперь, после моего возвращения... Я вернусь в Москву 26 марта... Я Вам позвоню... По этому же телефону позвонить?

3 марта Ахматову привезли в санаторий в Домодедове. «Большой пустой дом» (С. 713). Запись рассказа санаторского врача:

5 марта обход был также около 9.00 утра. Тогда же проходила дежурная пятиминутка. Внезапно медсестра мне передала, что Анне Андреевне стало плохо. Вместе со мною в палату прибежали другие врачи. Состояние ее резко ухудшилось. И, несмотря на предпринятые реабилитационные действия, летальный исход был неотвратим. Он и наступил в тот момент, когда начали снимать кардиограмму. Все прошло почти молниеносно и продолжалось не более 10–15 минут²⁰⁵.

«И слово “умерла” так жалостно прикикло к прозванью милому».

* * *

Последнее чтение — журнал, названный именем города, в котором жил царь Давид. Последнее размышление — о смирении и сопротивлении. Последнее начертанное слово.

4 марта

Лежу до 8-ого (велел здешний врач). Здесь просто хорошо и волшебно тихо. Я вся в Кумранских делах²⁰⁶. Прочла в «Ариеле» (изр<аильский> журнал) о последних находках. Поражена, как, вероятно, все. Вместо 3-его века (см. Брок<гауз>—Эфр<он> о Новом Завете²⁰⁷), время до 73 года н<ашей> э<ры> (т.е. войны). Никакой ошибки быть не может. Точно описан Апокалипсис с

редакторск<ими> заглавия<ми> и поведение первых Мучеников²⁰⁸. Почему-то евреев (не христиан) римляне вовсе не мучили.

Они (римляне) были гениальными колонизаторами, и сам прокуратор Понтий Пилат выходил на улицу, чтобы разговаривать с Анной и Каиафой, потому что войдя в его дворец, они бы осквернились и не смели вкушать пасху²⁰⁹, а римские императоры, если день (раз в году) раздачи подарков приходился на пятницу, велел<и> оставлять подарок для евреев (см. Моммзена, т.... стр....)²¹⁰.

Отчего же римляне так страшно мучили кротчайших христиан еще до 73 г., т.е. сразу после смерти Христа (33 год). Мы так много и подробно знаем о поведении первых христиан^{* 211}

* Римские матроны еще носили свои обычные одеяния и драгоценности, так что палач не знал, как отрубить голову, чтобы не повредить жемчуга и изумруды на шее первых мучениц

posterite' ————— moton et ho

Послесловия

Елизавета Кругликова. Силуэты Ахматовой

Краткое послесловие

«И не дослушаю впотьмах неконченную фразу, / Потом в далеких зеркалах все отразится сразу», — так сформулирован ход ахматовского стихопорождения. Весь большой замысел поздней Ахматовой тяготел к поэзии, сохранившейся во фрагментах и овеванной недостоверными легендами. Форма нон-финито у нее (так трудно уживавшаяся с советским публикационным ГОСТом) была частью общемирового художественного эксперимента XX века — так в 1910-е полуэпатажным опытом создания квазисапфического осколка блеснул Эзра Паунд. Сама она приписывала сходную тенденцию позднему Пушкину.

Мы завершаем книгу на многоточии. Автор ее, как все свидетели, сказал меньше, чем знает, и как все, кажется, историки, — больше, чем знает. И первое, и второе — беда не столь большой руки. Набросанные выше маргиналии к блокнотам ушедшего поэта являются всего лишь звеном в цепи долгосрочного исследовательского процесса. Другие пойдут дальше, иные отсекут сомнительное.

Надеемся, что неминуемое при любой самой пуристической установке на бреющий полет над фактографическими дебрями, не, — говорю, — минуемое влияние современной критики, сказалось лишь в незначительной мере.

Автор старался поменьше говорить от себя, побольше давать слово делегатам прошедших эпох, услышать речи и доклады, реплики и апарте, вздохи и пени людской молвы.

Во многих случаях автор старался не ставить точек над *i*. Казалось, что это как-то соответствует некому духу записных книжек поэта, тревожному воздуху неподведенных итогов, сумятице недовыясненных счетов с собой, иными словами, что это было бы выражением лояльности по отношению к королеве фрагмента...

Послесловие ко 2-му изданию

Скосив глаза вбок, нельзя не констатировать, что к ограде памятника последнего русского классика за истекшее десятилетие нанесли, как это водится со времен Гоголя, еще некоторое количество разнообразной дряни: квазибиографических разоблачений и унылого идиолоборчества, мыслей необыкновенной легкости и тяжеловесного глубокомыслия, заемной эрудиции и допотопного лит-ведения, фальшивок и пустословия, засахаренного меда и некачественного дегтя, задорного провинциального идиотизма и размашистого невежества. Как взяла однажды Ахматова эпитафией, — и это пройдет.

Указатели

Николай Тырса. Портреты Анны Ааматовой

Именной указатель*

- Абакумов Виктор Семенович
1: 30; 2: 15, 41
- Абалкин Николай Александрович
1: 169; 2: 258
- Абрамова Людмила
Владимировна 2: 601
- Абрамович (Кадмин) Николай
Яковлевич 2: 439
- Аброскина Ирина Ивановна 2: 79
- Аввакум Петров 1: 312
- Август Октавиан 2: 621
- Августин 2: 342
- Авдеенко Александр
Александрович 1: 269; 2: 143
- Авербах Леопольд Леонидович
2: 317
- Аветисян Степан Петрович
2: 406, 411
- Авраменко Илья Корнилиевич
1: 395; 2: 112, 136, 181, **513**, 514
- Агагов (Гуревич) Владимир
Исидорович 2: 534
- Агашина Маргарита
Константиновна 2: 85
- Агнон, Шмуэль-Йосеф (Шай)
2: 576
- Аграфена Купальница 2: 180
- Агурский Мэлиб Самуилович
2: 70
- Адам 1: 331
- Адамович (Высоцкая) Татиана
Викторовна 2: **578–579**, 596
- Адамович Георгий Викторович
1: 45, 179, 182, 202, 204, 260, 385,
451, 453–454, 458–459, **461**, 465;
2: 32, 68, 80, 92–93, 120–122,
159, 174, 204–205, 226, **271**, 274,
276, 284, 301–302, **329**, 330,
334, 354, 377, 385, 434, 457–458,
465–467, 499, 564, 571, 574, **579**,
582–583, **585**, 588–589
- Адашкина Наталья Львовна 2: 508
- Аджубей Алексей Иванович
1: 381; 2: 351, 412, 493, 559
- Адмони Владимир Григорьевич
2: 225, 493, 541, 610
- Ажаев Василий Николаевич 2: 63,
98
- Азадовский Константин
Маркович 2: 180, 308, 417, 481,
615, 622
- Азадовский Марк
Константинович 2: 180, 308
- Азаров Всеволод Борисович
2: 139, 345, 474
- Айбек (Муса Ташмухамедов) 1: 41
- Айзенман (Семенова) Татьяна
Семеновна 1: **23**, 372; 2: 21,
256–257
- Айхенвальд Юрий
Александрович 2: 345, 534, 608
- Акем-Тилеман-Лус (Филимон
Филимонович) 2: 293
- Аким 2: 147
- Акимова (Ершова) Софья
Владимировна 1: 480
- Аксаков Иван Сергеевич 2: 363
- Аксаков Сергей Тимофеевич 2: 66
- Аксенов Василий Павлович
1: 235, 272, 336, 404, 468; 2: 340,
407, 451, 484, 521, 534, 601

* Номера страниц с многократным упоминанием имени выделены жирным шрифтом.

- Аксенов Иван Александрович
2: 506, **507**, 508
- Алданов (Ландау) Марк
Александрович 1: 181; 2: 88, 247
- Алейников Владимир
Дмитриевич 2: 550
- Александр Македонский 1: 288
- Александра Федоровна 1: 452;
2: 156, 323
- Александров Г. (Глинка Г.А.?)
2: 223
- Александров Георгий Федорович
2: 516
- Александров Николай
Александрович 2: 31
- Александров Павел 2: 603
- Александров Ростислав
Николаевич (Д. Рудин) 2: 31,
443
- Александрова (Шварц;
урожд. Мордвинова) Вера
Александровна 2: 34, 118, 358
- Александров-Келлер Владимир
Борисович 2: 252, 294
- Александровский Василий
Дмитриевич 2: 269, 430
- Алексеев Вадим Борисович 2: 397
- Алексеев Валерий Алексеевич
2: 610
- Алексеев Михаил Николаевич
1: 421; 2: 539
- Алексеев Михаил Павлович 1: 74,
267, 415
- Алексеева (Иванникова) Лидия
Алексеевна 2: **468**
- Алексеева Людмила Михайловна
2: 486
- Алексей Николаевич 2: 540
- Алексин (Гоберман) Анатолий
Георгиевич 2: 67
- Алексинский Григорий
Алексеевич 2: 359
- Алигер (Зейлигер) Маргарита
Иосифовна, 1: 51–52, 58, 92,
120, **121**, 122, 200, 314, 380, 419,
453; 2: 43, 49, 65, 88, 96, 115,
195–196, **197**, 198, 227, 391, 394,
482, 488, 528
- Аллилуева-Сталина Светлана
Иосифовна 1: 440; 2: 126, 190,
223–224, 269, 617
- Алянский Самуил Миронович
2: 335, 571
- Альберти, Рафаэль 1: 408
- Альвэк (Израилевич Иосиф
Израилевич) 2: 98
- Альтман (Щеголева; урожд.
Тернавцева) Ирина
Валентиновна 2: 239
- Альтман Натан Исаевич 1: 202;
2: 17, 111, **238–240**, 334, 396,
477, 504
- Амлинский Владимир Ильич
2: 135, 528
- Амстердам Абрам Вульфович
2: 427
- Амурский Виталий Ильич 2: 595
- Амусин Иосиф Давидович 2: **618**,
619
- Амусина (Глускина) Лия
Менделевна 2: 618
- Амфитеатров Александр
Валентинович 2: 369
- Ангелина Прасковья Никитична
1: 25; 2: 28–29
- Андерс, Владислав 2: 196, 492
- Андерсен, Ганс Христиан 1: 262,
302; 2: 201
- Андерсон, Чарльз 1: 430
- Анджело 1: 130
- Андреев (Хомяков) Геннадий
Андреевич 1: 351
- Андреев Андрей Андреевич 2: 25
- Андреев Вадим Леонидович
1: 275, 372, 397; 2: **378–379**, 515,
596
- Андреев Валентин Леонидович
1: 384, 386; 2: 499
- Андреев Василий Михайлович
2: 175
- Андреев Леонид Николаевич
1: 89, 384, 386; 2: 80–81, 107, 392

- Андреев Николай Ефремович
2: 224, 229
- Андреев Юрий Андреевич 2: 168
- Андреева (урожд. Тищинская)
Любовь Александровна (сцен.
псевд. Дельмас) 2: 103
- Андреева Ольга Владимировна
1: 275, 372; 2: 79
- Андреева-Чернова (урожд.
Федорова) Ольга Викторовна
1: 397; 2: 378
- Андреева-Шилейко Вера
Константиновна 2: 522
- Андромаха 2: 429
- Андроник Комнен (Комнин)
2: 324
- Андроников Иракий
Луарсабович 2: 75, 431
- Андроникова (Андроникашвили,
в замужестве Андреева,
Гальперн) Саломея Николаевна
(Ивановна) 1: 215, 223, 391, 438;
2: 325, 326, 356, 617
- Аникин Александр Евгеньевич
2: 122, 189, 213, 260, 289, 355,
440, 448, 606
- Анисимов Иван Иванович 1: 112,
295, 336, 401–402; 2: 417, 459
- Аничков Евгений Васильевич
2: 499
- Анна первосвященник 1: 499
- Анна пророчица 1: 187
- Анненков Юрий Павлович
1: 460–461; 2: 170, 492–493, 573,
590–591, 592
- Анненкова Мадлен 1: 460
- Анненский Иннокентий
Федорович 1: 23, 40, 57, 70, 127–
128, 137, 148, 155, 160, 187, 193,
210, 248, 286, 314, 317, 330–331,
337–339; 2: 52, 120–121, 122,
182, 189, 251–252, 260, 280, 289,
291, 303, 330, 355, 363, 372, 403,
434–435, 440, 448, 453, 454, 462,
501, 510, 521, 546, 561, 606
- Анреп Борис Васильевич 1: 462,
463; 2: 125, 505, 557, 592, 593–
594
- Анстей (Штейнберг) Ольга
Николаевна 1: 363; 2: 471,
481–482
- Антей 1: 92
- Антокольский Павел Григорьевич
1: 37, 52, 54–55, 66, 101, 103;
2: 53, 91, 108, 113, 114, 154, 491,
517, 518, 528, 534, 539, 612
- Антониони, Микеланджело 2: 400
- Антонов Сергей Петрович 1: 121,
494; 2: 48–49
- Антошкин Евгений
Александрович 2: 481
- Анциферов Николай Павлович
1: 37; 2: 52
- Анциферов Николай Степанович
2: 49
- Аполлон 1: 330
- Апт Соломон Константинович
2: 45
- Апухтин Алексей Николаевич
2: 170, 518
- Арагон, Луи 2: 386–387, 523, 616
- Арбеков Сергей Иванович 2: 293,
294
- Арбузов Алексей Николаевич
2: 452
- Арбузова Галина Алексеевна
2: 123
- Арго (Абрам Маркович
Гольденберг) 2: 22, 243
- Ардаматский Василий Иванович
2: 534
- Ардов («М. Ольшевский»)
Михаил Викторович 1: 142, 223,
233, 370, 372, 442, 470, 477, 483;
2: 24, 46, 72, 75, 79, 88, 90, 95,
125, 165, 179, 195, 251, 258, 298,
366, 434, 462, 487, 494, 535, 538,
599, 602, 606, 621–622
- Ардов (Зигберман) Виктор
Ефимович 1: 142, 223, 315, 316,
370, 372, 381, 477; 2: 5, 26, 46, 65,
74, 75, 91, 129, 143, 195, 209, 228,

- 251, 258, 268, 278, 299, 303, 310,
413, 415, 487, 494, 538, 577, 609
- Ардов Борис Викторович **2**: 95
- Аренс (Савускан) Сарра
Иосифовна **2**: 544
- Аренс Лев Евгеньевич **2**: 544
- Аренс-Гаккель Вера Евгеньевна
2: 97, 268
- Ариадна **1**: 330
- Аристотель **1**: 35
- Ариэль **2**: 278
- Арнаутова Майта **2**: 546
- Аронов Александр Яковлевич
1: 94; **2**: 149
- Аронсон Марк Исидорович **2**: 437
- Аронсон Наум Львович **1**: 356
- Арсенева (Букштейн) Клара
Соломоновна **2**: 118
- Арсеньев Константин
Константинович **1**: 213
- Арский (Афанасьев) Павел
Александрович **1**: 350, 476;
2: 470–471
- Архангельский Александр
Григорьевич **2**: 365, 518
- Архангельский Александр
Николаевич **2**: 385
- Архимед **2**: 262
- Архипова Александра Сергеевна
2: 503
- Архиппов Евгений Яковлевич
2: 410, 548
- Арцыбашев Михаил Петрович
1: 27; **2**: 40, 392
- Аршак **2**: 297
- Арьев Андрей Юрьевич **2**: 435,
622
- Асадов Эдуард Аркадьевич **2**: 347
- Асеев Николай Николаевич **1**: 23,
52–53, 67, 139–140; **2**: 26, 30, 49,
98, 213, 214, 316, 435, 612
- Астапов Василий Павлович **2**: 46
- Астрау Ирина (псевд., урожд.
Лукина, в замужестве графиня
фон Пален Ирина Степановна,
1904–1991) **2**: 618
- Асыка Первый, Обезьян Великий
2: 500
- Атаров Николай Сергеевич **1**: 157
- А-това А. **2**: 439
- Ауэзов Мухтар Омарханович
2: 91
- Ауэрбах Елизавета Борисовна
1: 86; **2**: 139
- Афродита (Венера) **1**: 77, 329,
330–332, 337; **2**: 173, 286, 448
- Ахвердян Гаянэ Робертовна **2**: 622
- Ахиллес **1**: 13
- Ахломов Виктор Васильевич
1: 381
- Ахмадулина Белла (Изабелла)
Ахатовна **1**: 13, 120, 263, 291,
349, 422, 450; **2**: 309, 346, 347,
348, 370, 407, 534, 546
- Ахматова Раиса Солтмурадовна
1: 420; **2**: 478, 538
- Ахмед-Шах, Дураний **1**: 35
- Ахо (Бруфельдт), Юхани **1**: 35
- Ахундова Алла Нуриевна **1**: 13;
2: 327
- Ачкасова Александра Николаевна
1: 9
- Ашимбаева Наталья Туймебаевна
2: 622
- Б.Т. **2**: 557
- Бабаджан Вениамин Симович
2: 240
- Бабаев Эдуард Григорьевич **1**: 372;
2: 5, 33, 56, 271, 291, 354, 534,
602
- Бабаевский Семен Петрович
1: 74, 272; **2**: 90, 125
- Бабель Исаак Эммануилович
1: 51–52, 95, 112, 295, 298, 348,
442, 494; **2**: 125, 149, 185, 340,
347, 398, 562
- Бабеньшева Сарра
Эммануиловна **2**: 49, 54, 436
- Бабиченко Денис Леонидович
2: 22, 26, 154, 421
- Бабореко Александр Кузьмич
2: 226–227

- Бабосов Александр Юрьевич
2: 622
- Багно Всеволод Евгеньевич 2: 266
- Багрий Александр Васильевич
2: 49
- Багрицкая (Суок) Лидия
Густавовна 1: 486; 2: 609
- Багрицкий (Дзюбин, Дзюбан)
Эдуард Григорьевич 1: 486;
2: 147, 387, 418
- Багрицкий Всеволод Эдуардович
1: 486
- Багряна (Белчева) Элисавета
1: 157, 465; 2: 246
- Баевский Вадим Соломонович
2: 312
- Бажан Микола Платонович
1: 132–133
- Баженов Марк Николаевич 2: 45
- Базыкина Аксинья 2: 453
- Байрон, Джордж Гордон 2: 459,
501
- Бакланов (Фридман) Григорий
Яковлевич 2: 381
- Бакланов Николай Борисович
2: 293
- Балинский, Станислав 2: 141
- Балл Георгий Александрович
2: 422
- Баллардини, Элио 2: 524
- Балуашвили Валентина
Иосифовна 2: 431
- Балуев Павел Гаврилович 2: 380
- Балуев Павел Петрович 1: 333
- Бальзак, Оноре де 2: 422, 605
- Бальмонт Константин
Дмитриевич 1: 254, 384, 470;
2: 62, 132, 201, 214, 263, 317, 352,
392, 465–466, 498, 499, 529–530
- Бальтазар 2: 437
- Барабаш Юрий Яковлевич 1: 344,
363; 2: 464
- Барабтарло Геннадий
Александрович 2: 329
- Баран, Хенрик 2: 98, 274, 622
- Баранова (Хохлова) Лидия
Доментьевна 2: 227, 334
- Баранович-Поливанова
Анастасия Александровна
2: 409
- Баратынский Евгений Абрамович
1: 29, 360, 368; 2: 121, 162
- Бардо, Брижит Анн-Мари 1: 13
- Баркова Анна Александровна
2: 470
- Барнс, Кристофер 2: 622
- Бар-Селла, Зеев (Назаров
Владимир Петрович) 2: 71
- Барселонский Лев Михайлович
2: 18
- Барскова Полина Юрьевна 2: 9
- Бартлетт, Кэрол 2: 597
- Барто (урожд. Волова) Агния
Львовна 1: 52, 66, 494; 2: 114
- Барток, Бела 2: 195–196
- Баруздин Сергей Алексеевич
2: 539
- Баршев Николай Валерианович
1: 103, 105; 2: 175, 176
- Баршева Валентина Ивановна
1: 105
- Басалаев Иннокентий
Мемнонович 2: 350, 492
- Басманова Марианна Павловна
2: 437
- Басов Владимир Павлович 2: 477
- Баталов Алексей Владимирович
1: 56; 2: 46, 92–93, 95, 111, 394,
448, 487, 618
- Батюшков Константин
Николаевич 1: 287, 496
- Баумволь Рахиль Львовна 2: 402
- Бах, Иоганн Себастьян 1: 78;
2: 337, 340, 574
- Бахман, Ингеборг 2: 576
- Бахрах Александр Васильевич
1: 461; 2: 117, 276, 302, 567
- Бахтерев Игорь Владимирович
2: 17
- Бахтин Владимир Соломонович
2: 553
- Бедный Демьян (Придворов
Ефим Алексеевич) 1: 31, 51, 104,

- 139; **2**: 26, 72, 76, **79**, 80–81, 226, 359, 395, 417
- Безбородов Сергей
Константинович **1**: 101; **2**: 161
- Безродный Игорь Семенович
1: 341
- Безродный Михаил
Владимирович **2**: 288, 605, 622
- Безыменский Александр Ильич
1: 52; **2**: 136, **137**, 177
- Бейли, Джон **1**: 442
- Бек Александр Альфредович
1: **66**; **2**: 113
- Бек Татьяна Александровна
2: 107, 113, 327, 478, 538, 561
- Беккер Михаил Иосифович
2: 196, 499
- Беклемишев Н. **2**: 423
- Бёклин, Арнольд **2**: 463
- Беленсон Александр
Эммануилович **2**: 324
- Белинда **1**: 80
- Белинков Аркадий Викторович
1: 257; **2**: 5, 16, 25, 253, 363, 411, 420, 494, 534
- Белинкова Мирра Наумовна
2: 411
- Белинкова Н., см. Яблокова-Белинкова Наталья Александровна
- Белинский Виссарион
Григорьевич **1**: 26, 180; **2**: 123, 146
- Белкин Абрам Александрович
2: 373
- Белкин Иван Петрович **2**: 124
- Белкина Мария Иосифовна **2**: 94, 243
- Беллини, Джакомо **2**: 281
- Бёль, Генрих **2**: 243, 521, 616
- Белобородов Андрей Яковлевич
2: 401
- Белов Лука Осипович **1**: 143;
2: 226
- Беловенец Татьяна **2**: 135
- Белодубровский Евгений
Борисович **2**: 372
- Белчева Элисавета, см. Багряна Элисавета
- Белый Андрей (Борис Николаевич Бугаев) **1**: 4, 42, 48, 57, 145, 154–155, 197, 300, 304, 479; **2**: 21, 111, 132, 165, 251–252, 258, 295, 315, 319, 466, 517, 546, 603
- Белявская Галина Сергеевна **2**: 55
- Беляев Альберт Андреевич **2**: 464, 523, 542, 601
- Бельская Лилия Леонидовна
2: 497
- Бембеев Тимофей Огельданович
2: 118, 538
- Бен, Филипп (Нижевский, Норберт) **1**: 374; **2**: **492**
- Бендер Остап Ибрагимович **1**: 53
- Бенедиктов Владимир
Григорьевич **2**: 252
- Бенуа Александр Николаевич
2: 203, 358–359, 400, **401**
- Бенуа Николай Александрович
2: 358
- Бень Евгений Моисеевич **2**: 202
- Беньямин, Вальтер **2**: 400
- Беньяш Раиса Моисеевна **2**: 487, 609
- Берар, Ева **2**: 271, 412
- Берберова Нина Николаевна
1: 465; **2**: 157, 259, 296, 301, 330, 334, 421, **595–596**
- Бергольц Мария Федоровна
2: 28, 166, 176
- Бергольц Ольга Федоровна **1**: 26, 39, 52, 105, 120, 419–420, 422;
2: 28–29, **37–38**, 53, 67, 92–93, 112, 160, 166, 176, 213, 245, 250, 347, 353, 421, **450**, 479, 482, 532, 534, 538, 541–542, 585, 609
- Бергман, Ингмар **2**: 610
- Бердяев Николай Александрович
1: 417; **2**: 357, **360**, 434, 507, 534, 558
- Бережнова Юлия Александровна
2: 167

- Берестов Валентин Дмитриевич
1: 76; 2: 5, 84, 113, 134, 270, 500
- Берзер Анна Самойловна 2: 381, 495
- Берзин Юлий Соломонович
1: 101; 2: 161
- Берия Лаврентий Павлович
1: 291; 2: 44, 503, 616
- Берков Павел Наумович 2: 166, 568
- Берковский Наум Яковлевич
2: 244, 487
- Берлин (урожд. Волчонок), Мария 1: 75; 2: 128
- Берлин Исай Менделевич 1: 38, 54, 74, 75, 80, 115, 143, 155, 173, 178, 259, 269, 391, 413, 437, **438**, 440, 448–449, 462, 478, 484; 2: 6, 11, 125, 128, 155–156, 189, 191, 224, 226, 229, 273, 325, 342, 368, 377, 471, 498, 525–526, 560, 572, 574, 606, **607**, **615**, 620–622
- Берлин, Алина Элизабет Ивонна (урожд. Де Гинцбург, в первом браке — Штраус, во втором — Халбан, Гальбан) 2: 128
- Бернар, Шарль 2: 39
- Бёрнс, Роберт 2: 78
- Бернштейн (Бернстин), Леонард 2: 376
- Бершадский Рудольф Юльевич 2: 110
- Бессонов Алексей Алексеевич 2: 103
- Бетаки Василий Павлович 2: 269
- Бетховен, Людвиг ван 2: 397, 409
- Бешенковский Евгений Беньяминович 2: 622
- Бианки Наталья Павловна 2: 77
- Бикер-Мок Элиана Армандовна 1: 175, 450; 2: 561, 573, 575
- Билибин Иван Яковлевич 2: 401
- Бим (Иван Семенович Радунский) 1: 131; 2: 204
- Бирукова Евгения Николаевна 1: 77
- Бирюков Федор Григорьевич 2: 603
- Бирюков Юрий Сергеевич 1: 54; 2: 90
- Биск Александр Акимович 2: 263
- Битов Андрей Георгиевич 1: 468
- Бицилли Петр Михайлович 1: 430; 2: **546**, 605
- Благинына Елена Александровна 1: 51
- Благово Валерий Александрович 2: 331
- Бланк Борис Карлович 2: 437
- Блантер Матвей Исаакович 1: 50
- Блейк, Уильям 1: 438, 442–443, **480–481**; 2: 605
- Бликсен-Финеке, Карен Кристине 2: 371
- Бло, Жан (Блох Александр Арнольдович) 1: 417, 451; 2: 411, 576, **577**, 622
- Блок (Менделеева) Любовь Дмитриевна 2: 571
- Блок Александр Александрович 1: 37, 39–40, 42, 50–51, 55, 57, 64, 103, 109, 124, 150, **159**, 177, **182**, 221, **222**, 223, 225, 228, 230, **231**, 232, 237, 241, 243, 254, 261, 274, 299–300, 320–321, 323, 336, 348–350, 363, 386, 396–397, 403, 415, 449, 472, 476, 479, 492; 2: 51–52, 74, 83–84, 88, 102, **103**, 120, 129, 132, 142, **162**, 163, 165, 178, 180, 182, **200**, 201, 207, 211, 214, **218**, 222, 231, 247, 249, 253, 269, 275–276, **277**, 282, 290, 300, 307, **313**, 314, 316, 318–319, 321, **322–323**, 324, 328, **331**, 332, **334–336**, 337, 352, **353**, 362, 375, **380**, 413, **417**, 424, 429, 447, 457–458, **459**, 464, 466, **467**, 471, 479, 483, 506, 511–512, 523, 546, 561, 567, 577, **585**, 603, 605
- Блох Абрам Моисеевич 2: 366
- Блох Арнольд Самсонович 1: 451; 2: 576
- Блох Виталий Самсонович 2: 577

- Блох Раиса Ноевна **2**: 32
 Блох Серафима Давидовна **2**: 48
 Блох Яков Ноевич **2**: 336
 Блюм Арлен Викторович **2**: 213, 440, 477, 518
 Блюменталь-Тамарин Всеволод Александрович **2**: 183
 Бобров Сергей Павлович **1**: 29; **2**: 41
 Бобырев Виктор Васильевич **2**: 285
 Бобырь Александр Васильевич **2**: 231
 Бобышев Дмитрий Васильевич **1**: 312, 324; **2**: 195, 242, 268, 336, 407, 464, 609, 622
 Бовуар, Симона де **1**: 404
 Богатырев Константин Константинович **2**: 622
 Богатырев Константин Петрович **1**: 285; **2**: 431, 432, 534
 Богатырева (урожд. Бернштейн) Софья Игнатьевна **2**: 431, 622
 Богданов Николай Владимирович **1**: 37
 Богданова-Бельская (Гросс) Паллада Олимповна **1**: 491; **2**: 611
 Богомолов Александр Ефремович **1**: 255
 Богомолов Николай Алексеевич **2**: 9, 193, 362, 370, 422, 590, 605, 622
 Богословская-Боброва Мария Павловна **2**: 537
 Бодлер, Шарль **1**: 148, 186, 188, 394; **2**: 337, 548
 Божиллов, Божидар Борисов **2**: 225
 Бокариус, Марина Витальевна **2**: 622
 Боков Виктор Федорович **2**: 49
 Бокштейн Илья Вениаминович **2**: 425
 Болдырев Александр Николаевич **1**: 304
 Больто фон Гогенбах Александр Гвидонович **2**: 553
 Большинцов Мануэль Владимирович **2**: 183
 Большинцова (Файнберг) Любовь Давыдовна **1**: 112, 202, 204, 325, 372; **2**: 100, 163, 183, 242, 272–273, 372–373, 457, 552
 Большухин (Кандиев) Юрий Яковлевич **1**: 495; **2**: 202, 361–362
 Бонгард, Вилли **2**: 505
 Бондарев Юрий Васильевич **2**: 477
 Бондарин Сергей Александрович **2**: 534, 601
 Бондарчук Антон Васильевич **2**: 36
 Бонди Сергей Михайлович **1**: 493; **2**: 432, 614
 Бонч-Бруевич (Величкина) Вера Михайловна **2**: 70
 Бордые, Жан-Марк **2**: 276
 Боров Юрий Борисович **2**: 22
 Борзенко Сергей Александрович **1**: 272
 Борисов Б. (псевдоним) **2**: 533
 Борисов Вадим Михайлович **1**: 7, 432; **2**: 348, 550
 Борисов Леонид Ильич **1**: 44, 231; **2**: 90, 184, 334, 461
 Борисова Татьяна Владимировна **2**: 622
 Боричевский Иван Адамович **2**: 395, 431
 Боровко (Боровкова-Поделкова) Ольга Александровна **2**: 193
 Бороздин Н., см. Браун Николай Николаевич
 Борщаговский Александр Михайлович **1**: 297; **2**: 78, 197
 Босенко Валерий Иванович **2**: 618
 Босуэл, Джеймс **2**: 438
 Ботвинник Марк Наумович **2**: 296
 Ботвинник Семен Вульфович **2**: 178, 527
 Ботичелли, Сандро **2**: 340
 Боура, Сесил Морис **1**: 391, 446

- Браганцева Елена Михайловна
2: 321
- Бражнин (Пейсин) Илья
Яковлевич 2: 307, 371
- Брайтлина Берта Яковлевна 2: 246
- Брандес, Георг 2: 200
- Брандыс, Казимеж 1: 406; 2: 525
- Браун Николай Леопольдович
1: 397, 472; 2: 53, 474, 515, 517,
532
- Браун Николай Николаевич
2: 142, 515, 517, 534
- Браун, Кларенс 1: 258–259, 497;
2: 365–366, 471
- Браунинг Элизабет Барретт
2: 547, 606
- Брежнев Леонид Ильич 1: 379,
445, 493; 2: 378, 391, 456, 535,
569
- Брейтбурд Георгий Самсонович
1: 133, 405, 410; 2: 504, 525, 526
- Брик (Каган) Лиля Юрьевна
(Уриевна) 1: 143, 277; 2: 29, 385
- Брик Осип Максимович
(Меерович) 1: 143
- Бриннер, Юл (Юлий Борисович
Бринер) 2: 610
- Брио Валентина Викторовна
2: 525, 622
- Британишский Владимир
Львович 2: 268
- Бродский Борис Яковлевич 2: 341
- Бродский Иосиф Александрович
1: 13, 22, 240, 273, 312, 351, 352–
353, 357, 360, 380, 404, 408–409,
415, 429, 432, 433, 444, 453, 464,
468, 471–472; 2: 5, 19, 70, 176,
194, 208–209, 262, 326–327, 345,
407, 437, 451, 473, 474, 478, 480,
513, 531, 534, 544, 552, 553, 600,
610
- Брокгауз, Фридрих-Арнольд
1: 479, 498
- Броневская, Ванда 2: 142
- Броневский, Владислав 2: 142
- Бронте, Эмилия 1: 442
- Бронштейн (урожд. Марголина)
Лидия Абрамовна 2: 560
- Брудный Дмитрий Львович 2: 488
- Брук, Джеральд 1: 433; 2: 552
- Бруни Лев Александрович 2: 65,
301
- Бруно, Глаория Энн 1: 465; 2: 597
- Брыкин Николай Александрович
1: 101, 103, 105, 108; 2: 176
- Брюсов Валерий Яковлевич 1: 57,
172, 177, 260, 300; 2: 41, 201, 264,
301, 307, 365, 401, 454, 457, 466,
489, 510
- Бубеннов Михаил Семенович
1: 48
- Будберг-Бенкендорф
(Закревская) Мария Игнатьевна
1: 390–391, 439; 2: 326, 504–505
- Буденный Семен Михайлович
2: 29, 387
- Будыко Михаил Иванович 2: 5,
46, 92, 204, 323–324, 371–372,
380, 416, 446, 467, 583, 591
- Буковский Владимир
Константинович 2: 286
- Буковский Костантин Иванович
2: 286
- Булатов Эрик Владимирович
1: 283
- Булгаков Михаил Афанасьевич
1: 11, 16, 54, 95; 2: 189, 303, 339,
347, 381, 440, 452, 614
- Булгакова (урожд. Нюрнберг)
Елена Сергеевна 1: 372; 2: 227
- Булганин Николай
Александрович 1: 74
- Булгарин Фадей Венедиктович
2: 92, 164, 520
- Бунин Иван Алексеевич 1: 54, 83,
89, 95, 158, 202, 237, 254, 278,
302, 384, 385; 2: 41, 96, 111, 214,
291, 301, 405, 446, 499–500
- Бунина Анна Петровна 2: 437
- Буренин Виктор Петрович 2: 41
- Бурже, Поль 1: 137
- Бурич Владимир Петрович 2: 598
- Бурлюк Давыд Давыдович 1: 213

- Бурлюк Николай Давыдович **2**: 56
 Бурманова, Анна **2**: 622
 Бурова Наталия Павловна **2**: 338
 Буртин Юрий Гершевич **1**: 191;
 2: 81, 284, 539
 Бутовский Яков Леонидович
 2: 378
 Бухарин Николай Иванович **2**: 60,
 84, 156, 291, 316–317
 Бухарова (Казина) Зоя
 Дмитриевна **2**: 429
 Бушен Дмитрий Дмитриевич
 1: 452; **2**: 582, 587
 Бушин Владимир Сергеевич
 2: 486
 Бушман (Евсеева-Сидорова)
 Ирина Николаевна **2**: 524
 Бушмин Алексей Сергеевич **1**: 213
- Ваганьянц Маргарита Юзиковна
 2: 618
 Вагин Алексей Алексеевич **1**: 69;
 2: 119
 Вагинов (Вагенгейм) Константин
 Константинович **1**: 100, 445;
 2: 153, 571
 Вагнер, Рихард **2**: 523
 Вайль Борис Борисович **2**: 424
 Вайсбанд, Эдуард **2**: 24
 Вайсфельд Илья Вениаминович
 2: 24
 Вакидин Виктор Николаевич
 2: 111
 Ваксберг Аркадий Иосифович
 1: 453; **2**: 67, 97, 148, 583
 Вакх **2**: 448
 Вале, Поль (Шварц, Жорж) **1**: 438;
 2: 558
 Валери, Поль **1**: 329; **2**: 364, 454
 Валишевский Сигизмунд (Зига)
 Владимирович **1**: 280
 Валмосова-Бонди Надежда
 Васильевна **2**: 614
 Вальтер Юрий Михайлович **2**: 545
 Ван дер Энг, Ян **1**: 348
 Ванеев Анатолий Анатольевич
 2: 543
- Ванханен Наталья Юрьевна **2**: 528
 Ваншенкин Константин
 Яковлевич **1**: 52, 232; **2**: 21, 115,
 147, 208, 336, 518, 535, 537
 Варава Борис Николаевич **2**: 179,
 183
 Варрава **1**: 276
 Варужан, Даниэл **2**: 159
 Варшавский Владимир Сергеевич
 2: 385, 564
 Василевская Ванда Львовна **1**: 25,
 314
 Василевский (Не-Буква) Илья
 Маркович **2**: 300
 Василенко Виктор Михайлович
 1: 110
 Василенко Сергей Васильевич
 2: 622
 Васильев Олег Владимирович
 1: 283
 Васильев Сергей Александрович
 1: 34, 52; **2**: 139, 347, 612
 Васильева Раиса Родионовна
 2: 562
 Вахитова Татьяна Михайловна
 2: 183
 Вахтерова Мария Васильевна
 2: 45
 Вахтин Борис Борисович **1**: 261,
 267, 336, 492; **2**: 531, 535
 Вахтина Полина Лазаревна **2**: 316,
 462, 622
 Вацуро Вадим Эразмович **2**: 449
 Введенский Александр Иванович
 2: 115, 562
 Введенский Борис Алексеевич
 1: 35
 Вдовин Виталий Александрович
 2: 192
 Вегин Петр Викторович **2**: 521,
 600
 Вейдле Владимир Васильевич
 2: 275, 319, 560, 561, 568, 580,
 582
 Вейнбаум Марк Ефимович **1**: 459
 Вейнерт Юрий Николаевич **1**: 24;
 2: 26

- Вейсбрем Павел Карлович **2**: 71
 Велизарий **1**: 133; **2**: 209
 Великанова Екатерина Михайловна **2**: 614
 Велтруска, Иржи **2**: 39
 Вельчинская Ольга Алексеевна **2**: 257, 622
 Венгров (Вейнгров), Натан (Моисей Файвелевич) **1**: 213; **2**: 311
 Венера **1**: 77, **329**; **2**: 448
 Вениамин (Казанский Василий Павлович) **2**: 72
 Вениус, Андрей **2**: 293
 Веннберг, Карл **1**: 268; **2**: 372
 Венцлова Томас Антанасович **1**: 13, 312; **2**: 9, 122, 134, 289, 437, 482, 573, 622
 Вербицкая Анастасия Алексеевна **2**: 489, 529, 581
 Вербицкий Н. **2**: 129
 Вербловская Ирина Савельевна **2**: 359
 Вергилий Публий Марон **1**: 79; **2**: 134
 Вердеревский Дмитрий Николаевич **1**: 255
 Верди, Джузеппе **2**: 67
 Верлен, Поль Мари **1**: 148, 187; **2**: 244, 267, **280**, 281, 548
 Вернер, Вальтрауд **2**: 571
 Верт Александр Адольфович **1**: 386; **2**: 243, 501
 Вертинская (Циргвава) Лидия Владимировна **2**: 93
 Вертинский Александр Николаевич **1**: 37, 57, 237; **2**: 91, **93–96**, 108, 187, 392
 Вертман Юна Давыдовна **2**: 243
 Верхарн, Эмиль **2**: 581
 Верхейл, Кейс **2**: 622
 Верховский Юрий Никандрович **1**: 482; **2**: 53, 174
 Веселовский Александр Николаевич **1**: 284; **2**: 248
 Ветлугин А. (Рындзюн Владимир Ильич) **2**: 421
 Вивальди, Антонио **1**: 338, 341
 Вигдорова Фрида Абрамовна **1**: 301, 372, 404; **2**: 535
 Вигзелл, Фейс (Вера) **2**: 595
 Вигорелли, Джанкарло **1**: 336, 377, 400, 403, 405; **2**: **522**, 523, 616
 Вийон, Франсуа **1**: 192–193, 436, 485, 491
 Виленкин Виталий Яковлевич **1**: 372; **2**: 5, 159, 186, 270, 341, 446, 453
 Виленский Семен Самуилович **2**: 9, 61, 174–175, 229
 Вильям-Вильмонт Николай Николаевич **2**: 454
 Винавер Евгений Максимович **2**: 365
 Виноград Зинаида Давыдовна **2**: 113
 Виноградов Виктор Владимирович **1**: 122, 231, 283, 477, 482; **2**: 166, 188, 191, 204, 336, 344–345, 455, 487, **603–604**, 605
 Виноградов Владимир Никитич **1**: 61; **2**: 101
 Виноградова (Мальшева) Надежда Матвеевна **1**: 477; **2**: 188, 256, 604
 Виноградова Евдокия Викторовна **2**: 29
 Винокуров Евгений Михайлович **1**: 191, 233, 296–297, 422; **2**: 250, 268, 332, 337, 347, **413**, 414, 435, 528, 597
 Винокурова Ирина Евгеньевна — см. Колчинская Ирина Евгеньевна
 Винокурова-Рыбакова Татьяна Марковна **2**: 245
 Виньи, Альфред Виктор де **1**: 116; **2**: 281
 Вирек, Питер **1**: 208, **274**; **2**: 372
 Вирта (Карельский) Николай Евгеньевич **1**: 213, **272**
 Витковский Евгений Владимирович **2**: 10, 482

- Вишневская Галина Павловна
2: 487
- Вишневский Всеволод
Витальевич 1: 26; 2: 23, 75, 81,
105, 224
- Вишняк Марк Вениаминович
1: 190
- Владимир (Николай) 1: 202–203;
2: 303
- Владимиров (Финкельштейн)
Леонид Владимирович 2: 540
- Владимов Георгий Николаевич
1: 174
- Владыкин Григорий Иванович
1: 210; 2: 309
- Власов Павел Михайлович 2: 93
- Власов, Андрей Андреевич 2: 296
- Во, Артур Ивлин Сент-Джон
1: 437
- Воеводин Всеволод Петрович
2: 110
- Воейков Владимир Николаевич
2: 583
- Вознесенский Андрей Андреевич
1: 233, 272–273, 291, 314, **315**,
326, 422, 429, 439, 446, 453, 467,
491; 2: 113, 123, 278, 299, 301–
302, 347, **348**, 382, 388, 407, 415,
449–450, 535, **572**
- Войтинская Надежда Савельевна
2: 176
- Волгин Игорь Леонидович 1: 51
- Волков Анатолий Андреевич
1: 51, 95, 273; 2: 150, 172–173,
374, 375, 427
- Волков Олег Васильевич 1: 417;
2: 534
- Волков Сергей Александрович
2: 74
- Волков Солонмон Моисеевич
1: 467; 2: 5, 19–20, 65, 183, 243,
262, 266, 622
- Волковыцкий Николай
Моисеевич 2: 591
- Волконский Сергей Михайлович
2: 500, 590
- Володин (Лифшиц) Александр
Моисеевич 1: 16, 272, 327; 2: 451
- Володко Ирина Николаевна
2: 143
- Володя (Николай), см. Владимир
(Николай)
- Волошин Вадим Архипович 2: 15
- Волошин Максимилиан
Александрович 1: 51, 163;
2: 247, 270, 317, 346, 373–374,
546–547, 564, 584
- Вольпе Цезарь Самойлович 2: 298
- Вольпин Михаил Давыдович
1: 485; 2: 94
- Вольтер (Аруэ, Франсуа-Мари)
2: 108
- Вольф Людвиг Маврикиевич
2: 377
- Вордсворт, Уильям 2: 348
- Воробьев Вячеслав Михайлович
2: 597
- Воронин Сергей Алексеевич
2: 477, 532
- Воронков Константин
Васильевич 1: 400, 403, 421;
2: 524
- Воронский Александр
Константинович 2: 79
- Ворошилов Климент Ефремович
2: 223
- Врангель Николай Николаевич
2: **315**
- Врангель Петр Николаевич 1: 196,
216
- Врубель Михаил Александрович
1: 116; 2: 340
- Вулф, Вирджиния 2: 126, 342
- Вульф Анна Николаевна 1: 322
- Вучетич Евгений Викторович
2: 139, 399
- Выгодский Давид Исаакович
1: 100, **101**, 104; 2: 68, 71, 162,
175, 548
- Выготский Лев Семенович 1: 163;
2: 254
- Выдрин Иван Иосифович 2: 359

- Вырубов Александр Васильевич
 2: 580
 Вырубова (Танеева) Анна
 Александровна 1: 452; 2: **580**
 Высотская Ольга Николаевна
 2: 107
 Высоцкий Владимир Семенович
 1: 473
 Выходцев Петр Созонтович 2: 49
 Выхристенко Василий Иванович
 2: 35
 Вышеславский Леонид
 Николаевич 2: 85
 Вышеславцева Софья
 Григорьевна 2: 416
 Вышинский Андрей Януарьевич
 1: 23; 2: 22, **94**
 Вяземский Петр Андреевич 1: 93;
 2: 259, 278, 435
 Вьеле-Гриффен, Франсис 2: 509–
 510
 Габрилович Евгений Исифович
 2: 433, 603
 Габрилович Нина Яковлевна
 2: 433
 Гавриил 1: 182; 2: 275
 Гаврилов Дмитрий Николаевич
 2: 243
 Гаганова Валентина Ивановна
 2: 427–428
 Гагарин Юрий Алексеевич 1: 235,
 247; 2: 145, 255, 550
 Гаген-Торн Галина Юрьевна 2: 65
 Гаген-Торн Нина Ивановна 1: 43;
 2: 65, 314, 384
 Гайдамака Виктория Петровна
 2: 283
 Гайдар (Голиков) Аркадий
 Петрович 2: 347
 Гаккебуш Екатерина Михайловна
 2: 93
 Галансков Юрий Тимофеевич
 2: 286, 533
 Галкин Николай Владимирович
 2: 491
 Галушкин Александр Юрьевич
 2: 92, 176, 215
 Гальбан, Алина см. Берлин, Алина
 Элизабет Ивонна
 Гамзатов Расул Гамзатович 2: 347
 Гамлет 1: 70, 270, 280, 313; 2: 372–
 373, 378, 398, 437, 441, 499
 Гампер Галина Сергеевна 2: 278
 Гамсун (Педерсен), Кнут 1: 49,
 131, 208, 239; 2: 343, **344**, 382,
 504
 Ганимед 2: 207
 Ганьковский Дмитрий
 Михайлович 2: 133
 Гардзонио, Стефано 2: 622
 Гарнист Б.В. 2: 267
 Гаршин Владимир Георгиевич
 1: 69; 2: 133, 410
 Гаспаров Михаил Леонович 2: 10,
 200, 268, 602
 Гастев Алексей Капитонович
 2: 269, 430
 Гашкель Виктор Семенович 2: 302
 Геббельс, Пауль Иозеф 2: 77, 188
 Гедройц Вера Игнатьевна (псевд.
 Сергей Гедройц) 2: 328
 Гейберг (урожд. Пэтгес), Иоганна
 Луиза 2: 201
 Гейне, Генрих 2: 459, 501
 Гейро, Режиc 2: 326
 Гелескул Анатолий Михайлович
 2: 528
 Геллер Леонид Михайлович
 2: 176, 623
 Гельперин Юрий Моисеевич
 2: **551**
 Гельфандбейн Григорий
 Михайлович 1: 36; 2: 50, 363
 Генрих IV 2: 568
 Генрих VI 1: 77
 Георгиевский Михаил Сергеевич
 2: 38
 Георгий (Егорий) 1: 78; 2: 209,
 328–329
 Герасимов Александр
 Михайлович 1: 282; 2: 29, 139,
 384, 392–393

- Гербер Алла Ефремовна **2**: 597
 Герман (Риттенберг) Татьяна Александровна **2**: 300, 609
 Герман Алексей Юрьевич **1**: 200
 Герман Юрий Павлович **1**: 26, 56, 110, **200**, 491; **2**: 44, 91, **92**, 104, 300–301, 453, 532, 609
 Германн **2**: 455
 Геродот Галикарнасский **2**: 12
 Герцен Александр Иванович **1**: 81; **2**: 61, 104, 110, 213, 419
 Герчук Юрий Яковлевич **2**: 391
 Гершензон Михаил Осипович **1**: 155; **2**: 165, 247
 Гершенкрон, Алет **2**: 273
 Герштейн Эмма Григорьевна **1**: 324, 372, 422, 478; **2**: 11, 21, 92, 185, 299, 312, 352, 449, 520–521, 535, 540, 595
 Гесиод **1**: 124
 Гессен Владимир Иосифович **2**: 591
 Гессен Иосиф Владимирович **1**: 216; **2**: 314
 Гете, Иоганн Вольфганг **1**: 46–47, 177; **2**: 501
 Гизетти Александр Алексеевич **2**: 429–430
 Гиляровская Надежда Владимировна **2**: 604
 Гинзбург Александр Ильич **2**: 407–408, 533
 Гинзбург Лидия Яковлевна **2**: 5, 24–25, 41, 72, 171, 175, 227, 233, 259, 519
 Гинзбург-Восков Георгий Исаакович **2**: 138
 Гиппиус Василий Васильевич **2**: 370, 506
 Гиппиус Зинаида Николаевна **1**: 163, 304, 314, 317, 340; **2**: 32, 109, 201, **284**, 289, 296, 321, 329, 331, 352, 392, 421, **439–440**, 457, 498, 561
 Гитин Владимир Евсеевич **2**: 623
 Гитлер (Шикльгрубер), Адольф-Алоиз **1**: 22, 25, 255; **2**: 24, 39, 456
 Гитович (Левина) Сильвия Соломоновна **2**: 48, 85, 93, 98, 145, 229, 521, 599
 Гитович Александр Ильич **1**: 98, 101, 145, **326**, 399, 415; **2**: 136, 173, 177, **228–229**, 327, 352, 451, 532, 575
 Гишар-Антипова Лариса Федоровна **1**: 409
 Главокривова Елена Николаевна **1**: 43
 Гладиллин Анатолий Тихонович **2**: 5, 286, 484, 493, 537
 Гладков Александр Константинович **1**: 379, 415, 468; **2**: 5, 16, 75, 141, 143, 181, 243, 337, 493, 531, 535, 597
 Гладков Федор Васильевич **2**: 348
 Глазков Николай Иванович **2**: 350, 470
 Глан **2**: 343–345
 Гланц, Томаш **2**: 623
 Глебова-Судейкина Ольга Афанасьевна **1**: 181, 201, 386; **2**: 280, 300, 354, 573, 575
 Глезер Александр Давидович **2**: 598, 601
 Глёкин Георгий Васильевич **1**: 187, 372; **2**: 5, 38, **42**, 121, 133, 160, 163, 185, 194, 280, 287, 302, 341–342, 364–365, 367, 378, 383, 388, 393, 397, 401, 403, 409, 411–413, 429, 447–448, 457, 473, 479, 484, 500, 527, 536–537, 572, 577, 593, 595, 599
 Глёкина Ирина Николаевна **2**: 378
 Глен Ника Николаевна **1**: 12, 195, 263, 371–372; **2**: 6, 17, 195, 277, 378, 383, 401, 413, 417, 424, 477, 486, 493, 497, 501, 560, 582, 603
 Глинка (псевд. Г. Александров?) Глеб Александрович **1**: 53; **2**: 223

- Глубоковский Борис Александрович **2**: 182
Глушанок Галина Борисовна **2**: 320, 350, 623
Глэд, Джон **2**: 565
Гнедич Татьяна Григорьевна **2**: 265
Гнедов Василий (Василиск) Иванович **1**: 414; **2**: 528
Гоголь Николай Васильевич **1**: 215, 277, **406**; **2**: 19, **183**, 184, 242, 407, 427
Годович Александр Михайлович **2**: 623
Годович Зинаида Георгиевна **2**: 623
Гозенпуд Абрам Акимович **2**: 437–438
Гойхман Вольф Анатольевич **1**: 200
Голенищев-Кутузов Илья Николаевич **2**: 233, 603
Голицына Ирина Борисовна **2**: 278
Голлербах Евгений Александрович **2**: 588
Голлербах Сергей Львович **2**: 506
Голлербах Эрик Федорович **2**: 71, 78, 446, 591
Голль, Шарль де **2**: 558
Голованов Ярослав Кириллович **2**: 286, 353
Головачева Арина Витальевна **1**: 372; **2**: 383, 417, 497, 531
Головенченко Федор Михайлович **2**: 47, 240
Головин Александр Яковлевич **1**: 124
Головин Илья Петрович **2**: 188
Головинская Елизавета Дмитриевна **2**: 447
Голопупенко **2**: 507
Голсуорси, Джон **1**: **261**; **2**: 366
Голубев Андрей Андреевич **2**: 402
Голубенцев Николай Александрович **2**: 512
Голубкина Людмила Владимировна **2**: 197
Голубков Дмитрий Николаевич **1**: 382; **2**: 494
Голубовская Надежда Иосифовна **2**: 370
Голубовская Ольга Федоровна, см. Феррари Елена Константиновна
Гольшев Виктор Петрович **2**: 259, 278
Гольшева Елена Михайловна **2**: 535
Гольдштейн Михаил Эммануилович **2**: 43
Гольцев Валентин Петрович **1**: 380, 492; **2**: 493
Гомер **1**: 318
Гонкуры, Жюль и Эдмунд **2**: 386
Гончаров Сергей Григорьевич **2**: 539
Гончарова Ирина Сергеевна **2**: 15
Гончарова Нина Георгиевна **2**: 5, 42, 248, 303, 308, 378, 623
Гончарок Моше (Михаил Маркович) **2**: 346
Гораций (Квинт Гораций Флакк) **1**: 16, 265, 288, 330; **2**: **448**, 454, 606
Горацио **2**: 373
Горбаневская Наталья Евгеньевна **1**: 12, 120, 349, 482, 492; **2**: **194**, 196, 326, 397, 435, 460, 481, 535
Горбачев Георгий Ефимович **2**: 49, **58**, 130, 316, 447
Горбачев Михаил Сергеевич **2**: 407
Горбовский Глеб Яковлевич **2**: 225, 272
Горбунов-Посадов Михаил Иванович **2**: 224
Гордиенко Юрий Петрович **2**: 85
Гордон Марк Захарович **2**: 291–292, 607
Горелов Анатолий Ефимович **1**: 82, 108; **2**: 136
Горенко (урожд. Райцына) Ханна Вульфовна **2**: 410, 451, 461, **462**

- Горенко Виктор Андреевич **2**: 190, 462
- Горнунг Лев Владимирович **2**: 96, 465, 605
- Городецкая Анна Алексеевна («Нимфа») **2**: 325
- Городецкий Сергей Митрофанович **1**: 54, 84, 95, 266, 274–275, 349–350, 372; **2**: **90**, 102, 139, 144–146, 249, 325, 376, **377–378**, 457–458, 471, 549–550, **582**, 586, 589
- Горский И. (псевдоним) **2**: 30
- Горчаков Николай Аркадьевич («Иванов И.») **2**: 140
- Горьшин Глеб Александрович **1**: 468
- Горяев Виталий Николаевич **2**: 188
- Горький Максим (Пешков Алексей Максимович) **1**: 56, 321; **2**: 6, **96–97**, 101, 149, 179, 268, 347, 359, 443, 454, 500, 504, 548, 552
- Готхарт Натан Львович **2**: 5, 12, 69, 72, 166, 181, 270–271, 298, 375, 453, 456, 459, 464, 505, 520, 525, 539–540, 545, 616
- Готье, Пьер Жюль Теофиль **2**: 292, 405
- Гофман Виктор Викторович **2**: 61–62, 263, 352
- Гофман, Эрнст Теодор Амадей **1**: 42; **2**: **61–62**
- Грааль Арельский (Петров Стефан Стефанович) **2**: 583
- Грабарь-Шполянский Леонид Юрьевич **2**: 137
- Гранин (Герман) Даниил Александрович **1**: 58, 91, 327, **334**, 433; **2**: 136, 474, 490, 532
- Грачев (Вите) Рид Иосифович **1**: 368; **2**: 486–487
- Гребенщиков Яков Петрович **1**: 386
- Гребнев (Рамбах) Наум Исаевич **2**: 602
- Гребнев Анатолий Борисович **2**: 615
- Гребнева Ноэми Моисеевна **2**: 623
- Гревиньш, Валдис **1**: 41
- Гречухин Владимир Александрович **2**: 91
- Грибакина-Ларская Галина Германовна **1**: 370; **2**: 488, 623
- Грибанов Александр Борисович **2**: 623
- Грибачев Николай Матвеевич **1**: 48, 67, 314; **2**: **63**, 72, 85, 197, 243, 347, 539, 541, 559
- Григорьев Борис Дмитриевич **2**: 107
- Григорьянц Сергей Иванович **2**: 262
- Гризодубова Валентина Степановна **2**: 17–18, 30
- Грин (Гриневский) Александр Степанович **2**: 347
- Грин Эльмар (Якимов Александр Васильевич) **2**: 532
- Гринберг Иосиф Львович **1**: 300; **2**: **418**, 583
- Гринберг Роман Николаевич **1**: 179, 182, 201, 204–205, 219, 245, 351, 440; **2**: 11, 100, **226**, **273–274**, 284, 302, **303**, 349–350, 464–465, 471–472, 552–553, 574, 592, 600, 608
- Громов Павел Петрович **2**: 27, 165, 171, 364, 436, 512
- Громова Наталья Александровна **2**: 86, 116, 196, 623
- Гроссман Василий Семенович **1**: 233, 403; **2**: 104, **381**, 398, 495, 614
- Гроссман Леонид Петрович **2**: 106, **247**, 354
- Грот Елена Петровна **1**: 157, 454–455, 458; **2**: 123, 246, 460, 587–588
- Гроховяк, Станислав **1**: 90; **2**: 141–142
- Грудцова (Наппельбаум) Ольга Моисеевна **2**: 86

- Грэм (урожд. Сартини д'Албе)
 Ирина Александровна **2**: 610
 Гудзий Николай Каллиникович
1: 265; **2**: 371, 525
 Гуковский Григорий
 Александрович **1**: 217; **2**: 83,
 233, 445, 486, 519
 Гулиа Георгий Дмитриевич **1**: 358;
2: 478
 Гулям, Хамид (Гулямов Хамид
 Убайдуллаевич) **1**: 41
 Гуль (Новохатская) Ольга
 Андреевна **2**: 617
 Гуль Роман Борисович **2**: 617
 Гумилев Лев Николаевич **1**: 30, 61,
 74, 101, 103, 123, 145, **253**; **2**: 44,
 82, 91–92, 202, 231, 278, 296, 424,
 472–473, 534–535, 597, 602
 Гумилев Николай Степанович
1: 15, 36, 50–51, 81, 83, 88, 95,
106, 108, 116, 122, 129, 155, 177,
 186, 192, 195–196, 222, 243, **247**,
 253, 259, 325, 338, 341, 347, **372**,
 377, 380, 390, 393, 397, 401, 403–
 404, 430–431, **441**, 445, 451–453,
 478, **480**, 489; **2**: 6, 19–20, 25,
 30–31, 57, 68–69, 74, 83, 87–88,
 91, 97, 99–100, 109, 111, 132, 139,
140, 141, 146, 150, 156–157, **158**,
 168, 172–173, 175, 190, **201**, 202,
 206, 211, 214, 228–229, 231–232,
 238, 247, 249, 264, 269, 277, 281,
284, 290, **291–292**, 294, 296,
 302, 312, 314, 318, **319**, 320, 323,
 325, **328**, 337, 344, **351–352**,
 361, 364–365, 393, **405**, 417, 424,
 441, 449, 455, 461, 464, 466–467,
 469–471, 473, 491, 493, 498–499,
 501, 506, **507**, 509, **510**, 517, 527,
 534, 546, 550, **562**, 564, 567, **571**,
578–579, 581–582, 587, **592**,
 594–595, 603, 605
 Гурвич Исаак Аронович **2**: 448
 Гуревич Любовь Яковлевна **2**: 562
 Гурович (псевд. П. Наумов) Петр
 Наумович **2**: 501
 Гурфинкель Нина Лазаревна
2: 396, 560
 Гурштейн Арон Шефтелевич
2: 216, 222–223
 Гусев Борис Сергеевич **2**: 512
 Гусев Владимир Иванович **2**: 598
 Гусев Юрий Павлович **2**: 6
 Гусман Дора Самойловна **1**: 467
 Гуталинова (Гусакова) Бэлла **2**: 65
 Гутенберг, Иоганн **2**: 551
 Гутнер Михаил Наумович **2**: 515
 Гуттузо, Ренато **1**: 282
 Гюго, Виктор Мари **1**: 103; **2**: 175,
 407
 Гюисманс, Жорис-Карл (Шарль-
 Жорж-Мари) **2**: 344
 Д'Аннунцио (Рапаньетта),
 Габриеле **1**: 188; **2**: 281–282, 522
 Давид **1**: 22, 498; **2**: 20, 218
 Давиденков (псевд. Н. Анин)
 Николай Сергеевич **2**: 106, 160,
296, 421, 472
 Давидсон Аполлон Борисович
2: 612
 Давыдов Захар Давидович **1**: 14;
2: 365
 Давыдов Зиновий Самойлович
2: 580
 Давыдов Иван Андреевич **2**: 420
 Дагаев Сергей Михайлович **1**: 100;
2: 153, 160
 Дадингтон Наталья
 Александровна **1**: 445; **2**: 569–
 570
 Дали, Сальвадор **2**: 403
 Далила **1**: 124
 Далош, Дьёрдь **2**: 6, 52, 257, 493,
 505
 Даль Владимир Иванович **2**: 345,
 462, 486
 Даманская Августа Филипповна
2: 596
 Данин (Плотке) Даниил
 Семенович **1**: 42, 297; **2**: 62, **63**,
 124

- Даниэль Александр Юльевич
2: 609
- Даниэль Юлий Маркович (псевд.
Николай Аржак) 1: 463, 485,
492–493, 496; 2: 114, 146, 523, 558,
600, 608, 614–615, **616**
- Данте Алигьери 1: 24, 314, 342,
414, 419, 477; 2: 87, 220, 264, 435,
511, 557
- Дантес, Жорж Шарль (барон
Геккери) 2: 164–165
- Данько Елена Яковлевна 2: 37
- Дар (Рывкин) Давид Яковлевич
1: 179; 2: 272, 535
- Дарвин, Чарлз Роберт 2: 570
- Дар-Даров (Духонин) Анатолий
Васильевич 2: 32
- Дарзниецс, Игорь 2: 462
- Дармаст (Драстамат) 2: 297
- Дарнлей, Генри 2: 438
- Двинятина Татьяна Михайловна
2: 176, 380, 463, 499, 623
- Де Вере, Эдвард 1: 437
- Де ла Мар, Уолтер 2: 398
- Де Помпадур (Пуассон, Жанна-
Антуанетта) 1: 120
- Дебенедегги, Джакомо 1: 377
- Деборд-Вальмор, Марселина
2: 332, **333**, 334
- Дебюсси, Клод 2: 188
- Девис, Ричард 2: 568, 623
- Дедалус, Стивен 2: 536
- Дедюлин Сергей Владимирович
2: 5, 623
- Дез Эссент 2: 344
- Деледа, Грация 2: 371
- Дементьев Александр
Григорьевич 1: 178, 374–375;
2: 199, 252
- Дементьев Андрей Дмитриевич
2: 428, 597
- Дементьев Николай Иванович
2: 78
- Демин Ким Александрович 2: 229
- Демин Николай Алексеевич 2: 331
- Демичев Петр Нилович 1: 246,
379, 424; 2: 542, 614
- Демон 1: 236–237, 485; 2: 83–84, 221,
352, 486
- Демченко Мария Софроновна
2: **29**
- Денике Юрий Петрович 2: 400–
401
- Деникин Антон Иванович 2: 182,
314
- Денисова Валентина Николаевна
2: 346
- Державин Гаврила Романович
1: 17, 197, 496
- Десницкий Василий Алексеевич
2: 97
- Джабаев, Джамбул 1: 139
- Джагернаут 1: 477
- Джатиёв Тотырбек Исмаилович
2: 47
- Джилас, Милован 2: 503
- Джойс, Джеймс 1: 34, 111, 335, 418;
2: 182, 205, 257, **536**
- Джугашвили Виссарион
Иванович 2: 65
- Дзержинский Феликс
Эдмундович 1: 56; 2: 17, 101, 246
- Дзуцева Ирина Петровна 2: 325
- Дидона 1: **80**, 283, 285, 307; 2: **134**,
191, 454
- Дидро, Дени 1: **34**
- Дикинсон, Эмили 1: 356, 430;
2: **547**, 548
- Дикман Мина Исаевна 1: 394;
2: 512
- Дикман, Аминадав 2: 623
- Дисперанда 2: 611
- Дитрих, Марлен (Лош, Мария
Магдалена фон) 1: 373
- Дичаров (Дич) Захар Львович
2: 160–161, 176, 288, 323, 517
- Дмитревский Владимир
Иванович 1: 194; 2: 287, 479
- Дмитренко Алексей Леонидович
2: 86, 350
- Дмитренко Сергей Федорович
2: 312
- Дмитриев А. (псевдоним) 2: 98,
147

- Дмитриев Юрий Арсеньевич
2: 448
- Дмитриева Екатерина Евгеньевна
2: 416
- Дмитриева Елизавета Ивановна
(Габриак, Черубина де) 2: 602
- Дмитрий Донской 1: 81, 157; 2: 135
- Добин Ефим Семенович 1: 106;
2: 176, 271, 406
- Добкин Александр Иосифович
2: 11
- Добранов (Кривоногов) Юрий
Николаевич 2: 196
- Добренко Евгений
Александрович 2: 81
- Добровольский Алексей
Александрович 2: 533
- Добровольский Аркадий
Захарович 2: 420
- Добролюбов Николай
Александрович 1: 26, 93; 2: 66,
123
- Добужинский Мстислав
Валерианович 2: 202, 359, 501
- Добычин Леонид Иванович 2: 175,
562
- Довлатов Сергей Донатович 2: 70,
75, 610
- Довлатова Маргарита
Степановна 2: 110, 418
- Доде, Альфонс 2: 200
- Докукина-Бобель Августа
Владимировна 2: 133
- Долгополов Леонид
Константинович 2: 514
- Долгополов Михаил Николаевич
1: 298; 2: 415
- Долин Антон Владимирович
2: 301
- Долинин Александр Алексеевич
2: 11, 372, 622
- Долинина (урожд. Гуковская)
Наталья Григорьевна 2: 535
- Долинина Татьяна
Константиновна 2: 623
- Долинюк Евгения Алексеевна 2:
427–428
- Долматовская С.Г., см.
Караганова Софья Григорьевна
- Долматовский Евгений Аронович
1: 52; 2: 43, 98, 154, 256, 418, 532
- Дольберг Александр Максимович
(Бург Давид) 1: 290; 2: 81
- Домбровский Иван Грацианович
(Джон Грэхем, Маг Иоанн
Фотий) 2: 506
- Доминик 1: 351, 400
- Домогацкий Борис Сергеевич
2: 363, 495
- Дон Аминадо (Шполянский
Аминадав Пейсахович) 2: 253
- Дон Жуан 1: 53, 389; 2: 343, 505, 588
- Дониш, Ахмад Махдум ибн
Носир 1: 35
- Донн, Джон 1: 312, 438
- Донской Марк Семенович 2: 93
- Доре, Гюстав 2: 619
- Дороватовская-Любимова
Валентина Александровна
2: 593
- Дорофеева Ирина Яновна 2: 623
- Дос Пассос, Джон 2: 124, 182–183
- Достоевский Андрей Федорович
2: 609
- Достоевский Федор Михайлович
1: 154, 305, 320, 453, 457, 471;
2: 205, 219, 393, 430, 479, 558, 562,
586, 600
- Дравич, Анджей 2: 142
- Драйвер, Сэм Норман 1: 425, 430;
2: 543
- Дрейден Симон Давыдович 2: 110
- Дробот Галина Васильевна 1: 358;
2: 478
- Дроздков Владимир
Александрович 2: 623
- Дросте-Хюльсхоф, Аннета фон
2: 547
- Дрофенко Сергей Петрович
2: 135, 418
- Дружинин И.И. 2: 187
- Дружинин Павел Давыдович
1: 350

- Дружинин Петр Александрович
2: 40, 524
- Дружинина (урожд. Вульфийус)
Наталья Львовна 1: 370; 2: 488
- Друзин Валерий Павлович 1: 83;
2: 49, 85, 130, **131**, 132, 136
- Друнина Юлия Владимировна
1: 120; 2: 287, 347
- Друскин Лев Савельевич 1: 475;
2: 302, 369, 553, 602
- Друян Борис Григорьевич 2: 164
- Ду Фу 1: **326**; 2: 451
- Дубнов Зорий (Евгений)
Леонидович 2: 326, 559
- Дубнова-Эрлих Софья
Семеновна 2: **34**
- Дубов Алексей Сергеевич 1: 12;
2: 321
- Дубровкин Роман Михайлович
2: 267, 510, 623
- Дувакин Виктор Дмитриевич 2: 6,
65, 95, 181, 369, 394
- Дудаков Савелий Юрьевич 2: 492
- Дудин Михаил Александрович
1: 183, 415-416; 2: **53**, 164, 213, 277,
493, 532
- Дудинцев Владимир Дмитриевич
1: 87, 91; 2: 76, 144, **245**
- Дузе (Дюзян), Элеонора Джулия
Амалия 2: 282
- Дулита («Х.Д.»), Хильда 1: 335
- Дунаев Михаил Михайлович
2: 261, 405
- Дунаевский Исаак Осипович 2: 29
- Дункан I 2: 438
- Дуров Владимир Григорьевич
2: 29
- Душечкина Елена Владимировна
2: 388, 441
- Дымов (Перельман) Осип
Исидорович 2: 441
- Дымшиц Александр Львович
1: 92; 2: 143, **144**, 164, 293, 326,
417, 421, 458, 487
- Дыховичный Владимир
Абрамович 2: 189
- Дьяченко Владимир Петрович
1: 387; 2: 503
- Дэкс, Пьер 2: 385
- Дюбарри, Мари-Жанна 2: **583**
- Дюма, Александр 2: 124, 191
- Дюсембаева, Гаухар 2: 623
- Ева 1: 331
- Евреинов Николай Николаевич
2: 301
- Еврипид 1: 331
- Европа 1: 127
- Евсеева Светлана Георгиевна
2: 49, 326, **327**
- Евстигнеева Алла Львовна 2: 202
- Евтушенко Евгений
Александрович 1: 63, 223, 232,
273, 276-277, 285, 291, **292**, 336,
416, 422, 429, 450, 453, 467; 2: 10,
49, 60, 84, 88, 108, 148, 197, 287,
301-302, 331, **347**, 348, 376, 383,
407, 409, 424, 450, **458-459**, 482,
521, 523, 532, 538, 546, 572, 601
- Еголин Александр Михайлович
2: 87, 186, **516-517**
- Егоров Анатолий Григорьевич
2: 283
- Егоров Борис Федорович 2: 512,
531
- Егорычев Николай Григорьевич
1: 418
- Егунов Андрей Николаевич 2: 355
- Ежов Николай Иванович 1: 62,
291, 457-458, 489; 2: 31, 141, 186
- Ежов-Беляев Иван Степанович
1: 177; 2: 269
- Екатерина II 1: 27, 462; 2: 51, 53,
60, 438, 597
- Елагин Иван (Матвеев Зангвильд
Венедиктович) 1: 53, 356, 364-
365; 2: 481
- Елена (псевдоним) 2: 350
- Елена Сергеевна 572
- Елена Спартакская (Троянская)
2: 379
- Еленев Николай Артемьевич
2: 591

- Елизавета I Петровна **1**: 137
 Елизавета I Тюдор **1**: 437
 Елин Георгий Анатольевич **2**: 340
 Елисеев Никита Львович **2**: 507, 603
 Елита-Вильчковский Кирилл Сергеевич **2**: 35
 Ёлкин Анатолий Сергеевич **2**: **286**, 287
 Ельницкий Лев Андреевич **1**: 173; **2**: 261
 Емельянов Василий Евгеньевич **2**: 243
 Емельянова (Можайская) О.Н., см. Можайская (Емельянова)
 Ольга Николаевна
 Емельянова Ирина Ивановна **1**: 233; **2**: 46, 490
 Еремин Дмитрий Иванович **1**: 401, 492; **2**: 106, 613
 Ермаков Владимир Алексеевич **1**: 133
 Ермилов Владимир Владимирович **1**: 277, 295; **2**: 108, 412
 Ермолинский Леонид Леонтьевич **2**: 484
 Ермолинский Сергей Александрович **2**: 535
 Ермолова Мария Николаевна **2**: 203
 Ерхов Борис Александрович **2**: 344
 Ершов Иван Васильевич **1**: 480
 Есенин Сергей Александрович **1**: 35, 51, 54–57, 68, 84, 94, 112, 128, 155, 253, 336, 495, **496**; **2**: 68, 74, 171, 321, 347, 359, 457, 467, **612**, 613, **615**
 Есенин-Вольпин Александр Сергеевич **1**: 292, 485; **2**: 94, 408, 608
 Есипов Виктор Михайлович **2**: 129
 Ефимов Евгений Борисович **2**: 176
 Ефимов Игорь Маркович **2**: 600
 Ефимов М., см. Кольцов Михаил Ефимович
 Ефрон Илья Абрамович **1**: 479, 498
 Ефросинья Ярославна **2**: 22
 Жабинский (Юрасов; Рудольф) Владимир Иванович **2**: 143, 208
 Жак Любовь Петровна **2**: 491
 Жаковская (Уланова) Ольга Ивановна **2**: 331
 Жанна д'Арк **1**: 283, 307; **2**: 108
 Жантиева Диляра Гиреевна **2**: 342
 Жаров Александр Алексеевич **1**: 40; **2**: 55, 177, 532, 617
 Жар-птица **2**: 191, 497
 Жданов Андрей Александрович **1**: **26**, 28–29, 32, 43, 52, 55, 62–63, 89–90, 112, 142, 152–153, 162, 194, 211, 243, 258, 269–270, 294, 304, 334, 357, 368, 385, 389, 403, 414, 466–467, 469, 476, **489**, **496**; **2**: 23, 35–36, 38–39, **40**, 41, 48–49, 52, 60, **61**, 62, 64–66, 68, 72, 84, 86–87, 89, 97, 104, 108, 114–115, 123, 127, 131, 143, 155, **167**, 179, 187, 213–214, 225, 237, 240, 247, 270, 287, 289, 311, 328, 338, 341–342, 351, 356, 358, 360, 367–368, 374, **382**, 387, 427, 451, 485–486, 492, **503**, 516, 523, 542, 562, 596, **616**, 617
 Жданов Виктор Владимирович **1**: 213; **2**: 223, **312**, 373
 Жданов Юрий Андреевич **2**: 36, 451
 Жданова Наталья Тихоновна **2**: 16
 Жданова-Андреева Лидия Владимировна **1**: 353
 Жебелев Сергей Александрович **2**: 213
 Железная Маска **2**: 398
 Железнов Павел Ильич **2**: 90
 Жестев (Левинсон) Михаил Ильич **2**: 532
 Живаго Юрий Андреевич **2**: 258

- Живова Юлия Марковна **1:** 12, 372, 379; **2:** 493, 525
- Жигулин Анатолий Владимирович **2:** 354
- Жид, Андре **1:** 49
- Жип (Сибиль-Габриель де Мартель де Жанвиль) **1:** 137
- Жирмунская (Сигал) Нина Александровна **2:** 493
- Жирмунская Тамара Александровна **2:** 366
- Жирмунская-Аствацатурова Вера Викторовна **2:** 623
- Жирмунский Виктор Максимович **1:** 98, 277, 372, 480–481; **2:** 166, 174, 311, 513, 577
- Жироду, Жан **2:** 159
- Жобер, Вероника **2:** 343
- Жовтис Александр Лазаревич **2:** 420
- Жолковский Александр Константинович **2:** 485, 623
- Жуков Георгий Константинович **1:** 133; **2:** 209
- Жукова (урожд. Цимбал) Лидия Львовна **2:** 183
- Жуковская (урожд. Микулина) Вера Александровна **1:** 362–363
- Жуковский Василий Андреевич **2:** 223
- Жур Петр Владимирович **2:** 208
- Журавлев Василий (Вильгельм) Андреевич **1:** 52
- Журавлев Дмитрий Николаевич **1:** 384
- Журавлева Светлана Анатольевна **2:** 614
- Журавская Елизавета Михайловна **2:** 212
- Журба Павел (Скрыпников Пантелеймон Терентьевич) **1:** 58
- Журбины **2:** 490
- Жутовская Нина Мстиславовна **2:** 593
- Жутовский Борис Иосифович **2:** 391
- Жуховицкий Леонид Аронович **2:** 147
- Жюэн, Юбер **1:** 182; **2:** 276
- Забезинский Григорий Борисович **2:** 361
- Заболоцкий Никита Николаевич **2:** 161, 163, 171
- Заболоцкий Николай Алексеевич **1:** 52, 66–68, 76, 100–101, 103, 110, 132–133, 293; **2:** 21, 98, 112, 130, 153, 161, 163, 170–171, 194, 209–210, 229, 244, 435, 457, 562, 564, 587
- Завалишин Вячеслав Клавдиевич **2:** 224, 472, 593
- Загада Надежда Григорьевна **2:** 255, 427, 428
- Заганская Галина Авраамовна **2:** 111
- Зайцев Алексей Дмитриевич **2:** 9
- Зайцев Борис Константинович **1:** 53, 83; **2:** 88, 471, 511, 596
- Зайцев Петр Никанорович **2:** 179
- Заковский (Штубис) Леонид (Генрих) Михайлович (Эрнестович) **1:** 61–62; **2:** 101
- Закржевская Александра **2:** 444
- Закруткин Виталий Александрович **1:** 297
- Закс Борис Германович **2:** 453
- Закс, Нелли **2:** 576
- Замойская (Пелтье), Элен **2:** 615
- Замошкин Николай Иванович **2:** 106–107
- Замятин Евгений Иванович **1:** 197, 351–352, 363, 492; **2:** 32, 80, 92, 120, 176, 215, 300, 429, 440, 573, 596
- Замятина (Усова) Лидия Николаевна **1:** 363; **2:** 596
- Заратустра **2:** 430
- Заславский Давид Иосифович **2:** 40

- Захаров Владимир Евгеньевич
2: 20
- Захаров, Лав 2: 598
- Звенигородский Андрей
Владимирович 2: 410
- Зворыкина Екатерина Федоровна
2: 144
- Звягинцева Вера Клавдиевна
1: 120; 2: 54, 56, 193
- Зданевич Илья Михайлович
(псевд. Ильязд) 2: 326
- Зевс 2: 189
- Зегерс, Анна 2: 144
- Зезина Мария Ростиславовна 2: 6,
44, 67, 76, 198, 257, 524, 532, 540
- Зеленая (Топуридзе) Екатерина
(Рина) Васильевна 1: 54, 150,
417, 477; 2: 602
- Зелинский Корнелий
Люцианович 1: 66, 197, 420;
2: 114, 294–295, 459, 612
- Зелинский Фаддей Францевич
2: 192
- Зенкевич Михаил Александрович
1: 65, 95, 274, 275; 2: 146, 174,
324, 342, 372, 377, 401, 491, 557
- Зернова (Зевина) Руфь
Александровна 1: 416; 2: 82,
144, 316, 446, 512, 521–522, 534
- Зиновьев (Радомысльский)
Григорий (Овсей-Гершен)
Евсеевич (Аронович) 1: 62, 493;
2: 614
- Зиновьева-Аннибал Лидия
Дмитриевна 1: 28, 304
- Зитрон (Цитрон) Лев
Рудольфович 1: 451; 2: 576
- Злобин Владимир Ананьевич
1: 190; 2: 252, 284
- Знаменская (Фехнер) Вера
Алексеевна 2: 461
- Зноско-Боровский Евгений
Александрович 2: 312, 466
- Золотонос Михаил
Нафтальевич 2: 6, 29, 110, 119,
176, 208, 474
- Золя, Эмиль 2: 192
- Золян Сурен Тигранович 2: 297
- Зоммер, Эрик 1: 433
- Зонин Сергей Александрович
2: 540
- Зоргенфрей Вильгельм
Александрович 1: 101, 103, 109;
2: 178, 454
- Зорин (Зальцман) Леонид
Генрихович 2: 505
- Зорин Валентин Сергеевич 2: 538
- Зоркая Нея Марковна 2: 420
- Зотов Алексей Иванович 2: 393
- Зощенко Михаил Михайлович
1: 26, 28–29, 31, 33, 39, 41, 48,
51, 91, 95, 108, 111, 113, 155, 168,
173, 235, 270, 275, 316, 387, 479,
492, 494; 2: 15, 16, 26, 28, 35–36,
49–50, 61, 81, 89–90, 104–105,
108, 110, 123, 150, 154–155, 183,
188–189, 334, 339–340, 347,
358–360, 440, 477, 479, 502, 503,
515, 518, 529, 562–563, 596, 614,
617
- Зубавин Борис Михайлович
2: 341
- Зубкова Елена Юрьевна 2: 49, 134
- Зубов Валентин Платонович
1: 436, 459–460; 2: 375, 588,
589–590
- Зубова (Беккер) Анастасия
Валентиновна 2: 590
- Зудерман, Герман 1: 316–317
- Зусманович Инна Моисеевна
1: 329; 2: 84, 262
- Зыков Леонид Александрович
2: 6, 9, 449
- Иван Купала 1: 77
- Иванникова Нинель Максимовна
2: 571, 623
- Иванов Александр Андреевич
1: 196
- Иванов Всеволод Вячеславович
2: 78, 340, 438, 539
- Иванов Вячеслав Всеволодович
1: 372, 480, 492; 2: 488, 535–536,
593, 610, 616, 623

- Иванов Вячеслав Иванович
1: 117, 151, 154–155, 159, 163, 181, 284, 304, 440, 464; **2:** 49, 132, 135, 201, 231, 260, 276, 301, 319, 345, 364, 377, 447, 549, 593
- Иванов Георгий Владимирович
1: 57, 95, 152, 158, 217–218, 220, 234, 259–260, 441, **461**, 491; **2:** 44, 93–94, 211, 238, 317, 320, **364**, **422**, 457–458, 514, 548, 571, 582, 591, **592**
- Иванов Михаил Всеволодович
2: 535
- Иванова (урожд. Каширина) Тамара Владимировна **2:** 86
- Иванова (Шершер) Светлана Леонидовна **2:** 623
- Иванова Ирина Геннадиевна
2: 622
- Иванова Лариса Николаевна
2: 133
- Иванова Татьяна Эдуардовна
1: 372
- Иванова-Гладильщикова Наталья Ивановна **2:** 378
- Иванова-Романова Нина Михайловна **2:** 346
- Иванов-Петренко Осип Давыдович **2:** 18
- Иванов-Разумник (Иванов Разумник Васильевич) **1:** 155; **2:** 68, **79**, 161
- Ивановский Игнатий Михайлович **2:** 299, 510
- Иваск (псевд. Исаако) Юрий Павлович **2:** 202, 362, 422, 534, 543, **544**, 580
- Ивашева Валентина Васильевна
2: 569
- Иващенко Анатолий Захарович
2: 563
- Ивинская Ольга Всеволодовна
1: 233, 409; **2:** 46–47, 230, 298, 597
- Ивич Александр (Бернштейн Игнатий Игнатьевич) **2:** 535
- Ивнев Рюрик (Ковалев Михаил Александрович) **2:** 52, 613
- Игишев Владимир Никифорович
2: 63
- Игнатова Елена Алексеевна **2:** 623
- Игнатьев Семен Денисович **1:** 61
- Игорь-Северянин (Лотарев Игорь Васильевич) **2:** 163, 441, 529
- Иегова **2:** 384
- Иезекииль **1:** 261
- Изергина (Шейдт) Антонина Николаевна **2:** 156, 175
- Изергина Мария Николаевна
2: 156
- Изора **2:** 37
- Израилевич Яков (Жак) Львович
2: 71
- Иисус Христос **1:** 134, 196, 287, 403, 479, 499; **2:** 115, 122, 281, 331, 342, 403–404, 422, 455, 618, **620**, 621
- Икар **1:** 186; **2:** 280
- Ильзен-Грин Елена Алексеевна
1: 497; **2:** 617
- Ильин Иван Александрович
2: 421
- Ильина Елена Эдуардовна **2:** 623
- Ильина Наталия Иосифовна
1: 372; **2:** 6, 39, 50, 98, 194, 257, 329, 343, 346, 465, 494, 502, 535, 609–610
- Ильинский Игорь Владимирович
2: 83
- Ильичев Леонид Федорович
1: 281, 290–291, 295, 314, 327, 374, 379, 424; **2:** 406–407, 452, 458
- Ильф (Файнзильберг) Илья Арнольдович **1:** 51; **2:** 189, 347
- Имогена **2:** 191
- Инбер (урожд. Шпенцер) Вера Михайловна (Моисеевна) **1:** **46**, 52, **131**, 132–133, 252, 273, 419; **2:** 67, **68–70**, 75, 208, 287, 583
- Индуc (Ингус) **2:** 29

- Иоанн Богослов **1:** 13, 342–343;
2: 404–405, 621
 Иоанн Креститель **2:** 397
 Иоаннисиан Анна Ивановна **2:** 37
 Иов **1:** 64; **2:** 313
 Иогансон Борис Владимирович
1: 45; **2:** 65, 397
 Ионафан **2:** 534
 Иосафат **2:** 367
 Иосиф Флавий **2:** 619
 Иофан Борис Михайлович **2:** 29
 Иоффе **2:** 213
 Иоффе И. **2:** 210
 Ипполит **1:** 323, 330, **331**
 Ирод **1:** 283; **2:** 397
 Иродиада **1:** 283; **2:** 397
 Исаев Егор Александрович **1:** 297,
 382; **2:** 494
 Исаковский Михаил Васильевич
1: 40, 52, 132–133; **2:** 27, 139, 171
 Исбах (Бахрах) Александр
 Исаакович **2:** 400–401
 Искандер Фазиль Абдулович
2: 353

 Кабаков Илья Иосифович **2:** 391,
 487
 Кабо Любовь Рафаиловна **2:** 245
 Кавальери, Лина **2:** 238–239
 Каверин (Зильбер) Вениамин
 Александрович **2:** 24, 98, 157,
 348
 Каган Абрам Саулович **2:** **300**
 Каган Виктор Кусиэлевич **2:** 543
 Каганович Борис Соломонович
2: 524
 Каганович Лазарь Моисеевич
1: 62; **2:** 223
 Кадашев-Амфитеатров Владимир
 Александрович **2:** 212
 Казак, Вольфганг **2:** 208, 233, 285,
 337, 494
 Казакевич Эммануил Генрихович
1: 233, 403; **2:** 337
 Казаков Юрий Павлович **1:** 409;
2: 6, 63, **533**, 601

 Казакова Римма Федоровна
2: 193, **287**, 353, 452
 Казанков Борис Ефимович **2:** 425,
 444
 Казанская Татьяна Борисовна
1: 341
 Казанский Николай Николаевич
2: 527
 Казин Василий Васильевич **2:** 57,
 85
 Казьмин Николай Дмитриевич
1: 54; **2:** 88–89
 Каиафа **1:** 499; **2:** **621**
 Каин **2:** 351
 Кайранская Людмила Львовна
1: 39
 Кайюа, Роже **1:** 336; **2:** 457
 Калинин Анна Самуиловна **1:** 391,
 438
 Калинин Михаил Иванович **2:** 72,
 388
 Калитин Павел Александрович
1: 101; **2:** 164
 Калугин Олег Данилович **2:** 7,
 110, 226, 267, 271
 Кальдерон де ла Барка, Педро
2: 132
 Камбриа, Аделе **2:** 524
 Каменев (Розенфельд) Лев
 Борисович **1:** 493; **2:** 72, 614
 Каминка Август Исаакович
1: 216; **2:** 314
 Каминская Анна Генриховна **1:** 9,
 142, 244, 439, 443, 451, 460–461,
 463; **2:** 7, 204, 213, **343**, 346, 449,
 569, 595, 622
 Каминский Генрих Янович **2:** 213
 Кампанья, Антонелла **2:** 524
 Камю, Альбер **2:** 372, 453
 Кандинский Василий Васильевич
2: 399
 Каннак (Залкинд) Евгения
 Осиповна **2:** 385
 Кант, Иммануил **1:** 46
 Кантор Михаил Львович **1:** 189;
2: 283–284

- Капитонов Иван Васильевич
2: 208
- Капица Валентина 2: 176
- Капица Петр Иосифович 1: 101, 103, 108, 109; 2: 177
- Каплер Александр Яковлевич
2: 269
- Капулетти, Джульетта 2: 437
- Караваева Анна Александровна
1: 23, 40; 2: 18, 23–24, 54, 56
- Караганова (Мазо; Долматовская)
Софья Григорьевна 1: 285, 296;
2: 272, 413
- Кара-Дарвиш (Генджян, Акоп)
2: 25
- Кара-Дэмур Сократ Сетович
2: 288
- Карандаш (Румянцев Михаил
Николаевич) 2: 29
- Карацюпа Никита Федорович
2: 29
- Карвер, Дэвид 2: 607, 616
- Каренина Анна 1: 447; 2: 586
- Карл VII 1: 77
- Карл XII 1: 474
- Карл Орлеанский 1: 72, 485
- Карлайль (Андреева) Ольга
Вадимовна 1: 219
- Кармен 2: 446
- Кармен, Сильва (Елизавета
Гогенцоллерн, королева
Румынии) 1: 267; 2: 371
- Карневали, Бруно 2: 368
- Карп Поэль Меерович 2: 161, 225,
334, 532
- Карп Мария Поэлевна 2: 623
- Карпов Пимен Иванович 2: 284
- Карпова Валентина Михайловна
1: 382; 2: 493
- Карпцов, Бенедикт 2: 586
- Карузо, Энрико 2: 462
- Касаткина Людмила Ивановна
2: 143
- Кассандра 2: 98, 429, 454
- Кассиль Лев Абрамович 1: 297;
2: 414
- Кастро Рус, Фидель Алехандро
2: 88
- Катаев Валентин Петрович 1: 235,
365; 2: 338, 340, 494, 499, 535
- Катаев Владимир Борисович
2: 614
- Катаев Иван Иванович 2: 150
- Катанян Василий Васильевич
2: 203, 239, 411
- Катков Георгий Михайлович
1: 433
- Катулл, Гай Валерий 2: 294, 607
- Кафанова Людмила Наумовна
2: 41, 616
- Кафка, Франц 1: 94, 335, 418;
2: 243, 257, 382, 399–400, 595
- Каххар, Абдулла 1: 41; 2: 56
- Кац Борис Аронович 2: 337, 622
- Кацева Евгения Александровна
2: 74, 309
- Кацис Леонид Фридович 2: 181
- Кацман Евгений Александрович
1: 295; 2: 394, 399
- Кашкаров (Скалон) Юрий
Данилович 2: 421
- Квазимодо, Сальваторе 1: 132,
377, 407–408; 2: 525
- Кваскова Елена Александровна
2: 20
- Кваснецкая Маргарита
Георгиевна 2: 448
- Квятковский Александр
Павлович 2: 196
- Кедрина Зоя Сергеевна 2: 114
- Кежун Бронислав Адольфович
1: 101–102; 2: 164
- Кейнс, Джеффри 1: 438
- Келлер (Келлер-Александров)
В.Б., см. Александров-Келлер
- Владимир Борисович
- Кенигсберг Максим Максимович
2: 22
- Кеннеди, Анна 2: 454
- Кеннеди, Джон Фицджеральд
1: 372, 495; 2: 70, 273, 615
- Кеннеди, Жаклин 1: 372
- Кентал, Антеро де 2: 132

- Керенский Александр Федорович
2: 102
- Кёрк (Кирк, урожд. Кунина)
Ирина Ивановна 1: 425; 2: 543–
544, 546
- Керн (урожд. Полторацкая) Анна
Петровна 2: 113
- Керсновская Ирина Н. 2: 545
- Кертис, Джеймс 2: 167
- Кестнер, Эрик 2: 576
- Кетлинская Вера Казимировна
1: 273; 2: 29, 37, 110–111, 532
- Кетлинский Казимир
Филиппович 2: 110
- Кешоков Алим Пшемахович
1: 420; 2: 537–538
- Кибальчич В.А., см. Серж
(Кибальчич) Виктор Львович
- Кибиров (Запов) Тимур
Юрьевич 2: 9, 66, 251, 334, 422,
426, 520, 619
- Ким Ир Сен 2: 229
- Кинд Наталья Владимировна
1: 372; 2: 534, 575, 597
- Киплинг, Редьярд 1: 34; 2: 156, 319
- Кириллов Владимир Тимофеевич
2: 269
- Киров (Костриков) Сергей
Миронович 1: 131, 139, 277;
2: 101, 229
- Кирпотин Валерий Яковлевич
2: 40, 124, 252
- Кирсанов (Корчик) Семен
Исаакович 1: 52, 291; 2: 49, 197,
227
- Киришон Владимир Михайлович
1: 112; 2: 125, 185
- Китс, Джон 1: 177, 394
- Кичанова-Лифшиц Ирина
Николаевна 2: 130, 173, 532
- Классен, Мария 2: 623
- Клебанова Евгения Максимовна
(Н. Н-ко) 1: 201–202, 204, 214,
218, 260, 471; 2: 100, 273, 302–
303, 328, 372, 560, 576
- Клейнер-Эпштейн Полина
Абрамовна 2: 432
- Кленовский (Крачковский)
Дмитрий Иосифович 1: 255,
268, 351; 2: 246, 274, 301, 362–
363, 472, 495
- Клеопатра 2: 221, 438, 606
- Клещенко Анатолий Дмитриевич
2: 277
- Климонтович Николай Юрьевич
2: 86
- Клычков Сергей Антонович
2: 364
- Клюев Николай Алексеевич 1: 95,
101, 103, 363; 2: 150, 417, 481,
564
- Клюева Вера Николаевна 2: 204
- Книпович Евгения Федоровна
1: 299, 344; 2: 113, 417
- Кнут (Фихман) Давид (Довид)
Миронович 2: 93
- Князев Всеволод Гаврилович
1: 181; 2: 375
- Кобзев Игорь Иванович 1: 40;
2: 54, 347
- Кобринский Александр
Аркадьевич 2: 623
- Ковалев Григорий Леонович
2: 345
- Коваленко Светлана Алексеевна
2: 10
- Коваленко Юрий Иванович
2: 561, 579
- Коваленков Александр
Александрович 1: 93, 131; 2: 49,
147, 148, 149, 204
- Ковальджи Кирилл
Владимирович 2: 85
- Ковальчик Евгения Ивановна
2: 132
- Коварская Марина Николаевна
1: 200; 2: 623
- Коган Нина Иосифовна 1: 282;
2: 396
- Коган Петр Семенович 2: 79
- Кожевников Вадим Михайлович
1: 276, 278, 296, 333, 382, 400–
401; 2: 380, 381, 382, 523

- Кожевникова Надежда
 Вадимовна **2**: 381
 Кожевникова Наталья
 Алексеевна **2**: 268
 Козаков Михаил Михайлович
2: 103, 165
 Козаков Михаил Эммануилович
1: 99, 101–102, 108; **2**: 165
 Козинцев Григорий Михайлович
1: 269; **2**: 372, **373**
 Козинцева Валентина
 Григорьевна **2**: 378
 Козинцева-Эренбург Л.М., см.
 Эренбург (Козинцева) Любовь
 Михайловна
 Козлов Владимир Александрович
2: 378
 Козлов Фрол Романович **1**: 275
 Козловская (урожд. Герус) Галина
 Лонгиновна **2**: 51, 91, 499
 Козловский Алексей Федорович
1: 36; **2**: 52, 91, 376
 Козовой Вадим Маркович **2**: 490
 Козырев Михаил Яковлевич
2: 545
 Козырев Семен Павлович **1**: 379;
2: 527
 Козырева Марианна Львовна
2: 409
 Козьмин Мстислав Борисович
1: 210; **2**: 308, 310
 Коковцев Дмитрий Иванович
2: 284
 Кокто, Жан **2**: 481
 Колбасьев Сергей Адамович
2: 484
 Колганова Ада Ароновна **2**: 623
 Колетт (Сидони-Габриэль,
 Колетт) **2**: 561
 Коллонтай (урожд. Домонтович)
 Александра Михайловна **2**: 149,
 317
 Колмогоров Андрей Николаевич
2: 535
 Коломбина **1**: 380; **2**: 575
 Коломбо, Дуччо **2**: 524
 Колоницкая Анна Петровна
2: 582
 Колонна, Виттория, маркиза де
 Пескара **1**: 479
 Колчинская Ирина Евгеньевна
2: 414, 423, 623
 Колчинский Александр
 Маркович **2**: 413
 Кольцов (Фридлянд) Михаил
 Ефимович **1**: 95, 112; **2**: 101, **149**,
 150
 Кольцов Даниил **2**: 397
 Кольчужкин Евгений
 Анатольевич **1**: 14
 Комаров Владимир Леонтьевич
2: **136**, 138
 Комаровский Василий
 Алексеевич **1**: 76, 245, 344;
2: **133**, 134, 348, 464, 570, 589
 Комиссаржевская Вера
 Федоровна **1**: 127, 476; **2**: 203–
 204
 Комиссарова Мария Ивановна
1: 420; **2**: 353, 515, **516**, 517
 Компус Лидия Силуановна **2**: 524
 Кон Феликс Яковлевич **2**: 72
 Кондратович Алексей Иванович
1: 374; **2**: 232, 350, 411, 492
 Коневской (Ореус) Иван
 Иванович **1**: 128; **2**: 121
 Конечный Альбин Михайлович
2: 622
 Конноли, Сирил **2**: 342
 Коновалов Сергей
 Александрович **1**: 442; **2**: 568,
 575
 Конрад Николай Иосифович **2**: 15
 Констан де Ребек, Анри-
 Бенжамен **1**: 46; **2**: 160
 Константин Великий **2**: 349
 Констанция **2**: 349
 Контини, Джанфранко **2**: 557
 Коншина (Игнатова) Татьяна
 Ильинична **1**: 473; **2**: 601
 Коонен Алиса Георгиевна **2**: 224
 Копелев Лев Зиновьевич **1**: 160,
 372; **2**: 9, 242, 384, 436, 450, 477,

- 491, 524, 526, 535, 562, 602, 604, 616
- Копельман Зоя Леонтьевна **2:** 492, 622
- Коптяева Антонина Дмитриевна **1:** 420
- Копылов Леонид Юрьевич **2:** 128
- Корбьер, Тристан Эдуард Жоашен? **2:** 461
- Коржавин (Мандель) Наум Моисеевич **1:** 353; **2:** 48, 309, 535
- Коркина Елена Боурджановна **2:** 252, 263, 508, 587
- Корнблум (Корн) Рита Эммануиловна **2:** 185
- Корнейчук Александр Евдокимович **2:** 98
- Корниенко Наталья Васильевна **2:** 138, 206, 315
- Корнилов Борис Петрович **2:** 112
- Корнилов Владимир Николаевич **1:** 64, 100, 323, 372; **2:** 7, 16, 54, 85–86, **107**, 108, 153, **160**, 194, 255, 327–328, 399–400, 404, 535, 575
- Корнилов Лавр Георгиевич **2:** 101, 108
- Корнилова Галина Петровна **1:** 222, 267, 276, 372, 447; **2:** 194, 277, 382–383, 416, 492, 494–495, 598, 623
- Корнфорд, Франсес Крофтс **2:** 570
- Коробова Эра Борисовна **2:** 623
- Коровин Константин Александрович **2:** 393
- Королев М. (псевдоним?) **2:** 597
- Королев Сергей Павлович **2:** 15
- Королева Нина Валериановна **2:** 10, 85, 225, 422, 480
- Коростелев Олег Анатольевич **2:** 274, 298, 319, 388
- Корчагина-Александровская Екатерина Павловна **1:** 25
- Коряков (псевд. М. Канский) Михаил Михайлович **2:** 70, 569
- Космодемьянская Зоя Анатольевна **2:** 391
- Косолапов Валерий Алексеевич **1:** 66; **2:** 516, 552
- Костелянец Борис Осипович **2:** 27
- Костин Кастусь Ильич **2:** 146
- Костомаров Виталий Григорьевич **2:** 603
- «Костров» **1:** 160; **2:** 251
- Костырченко Геннадий Васильевич **2:** 75, 128
- Костыря Вячеслав Афанасьевич **2:** 601
- Косыгин Алексей Николаевич **1:** 421, 445, 469; **2:** 386
- Котляр Эльмира Петровна (Пейсаховна) **2:** 49
- Котрелев Николай Всеволодович **2:** 402, 622
- Кочеткова Наталья Дмитриевна **2:** 166
- Кочетов Всеволод Анисимович **1:** 75, 233, 273, 314, 403, 421; **2:** 129, 243, 337, 367, 490, 539
- Кочур Григорий Порфирьевич **2:** 617
- Кравцова Ирина Геннадиевна **2:** 122, 367, 594, 623
- Крадожен Елена Михайловна **2:** 132
- Крайнева Наталия Ивановна **2:** 9, 11, 25, 129, 350, 395, 431, 462, 545, 610, 622
- Кралин Михаил Михайлович **2:** 6, 8, 41, 69, 187, 264–265, 267, 281, 318, 354, 356, 366, 379, 399, 421, 455, 515, 542, 596, 615, 623
- Крамова-Фридлянд Надежда Филипповна **2:** 110, 334
- Крандиевская-Толстая (Волькенштейн) Наталья Васильевна **2:** 103, **343**
- Красавченко Николай Прокофьевич **1:** 40; **2:** 134
- Краснов Николай Степанович **2:** 85
- Краснухин Геннадий Григорьевич **2:** 287

- Красовицкий Станислав (Стефан) Яковлевич **2**: 423
- Крафт, Роберт **1**: 126, 274; **2**: 376
- Крачковский Иосиф Евстафьевич **2**: 362
- Кремер Изабелла Яковлевна **2**: 214
- Крестьянинова В.А. **2**: 267
- Кречетова (Лапина) Тамара Николаевна **2**: 317
- Кржевский Борис Аполлонович **1**: 101, 103; **2**: 174
- Кривич (Анненский) Валентин Иннокентьевич **2**: 187, 267
- Кривонос Петр Федорович **2**: 29
- Кривошеин Игорь Александрович **1**: 255
- Кривулин Виктор Борисович **2**: 9, 603
- Крик Бенцион Менделевич **2**: 70
- Крикун Надежда Савишна **2**: 433
- Крисанов Валентин **1**: 225, **226**
- Крон (Крейн) Александр Александрович **2**: 103
- Кропоткин Петр Александрович **2**: 200
- Кругликова Елизавета Сергеевна **2**: 498
- Крузенштерн-Петерец Юстина Владимировна **2**: 358, 433
- Крузо, Робинзон **2**: 426
- Крупецкая Надежда Герасимовна **1**: 478
- Крупская Надежда Константиновна **2**: 70
- Крупянская Вера Юрьевна **2**: 54
- Крученных Алексей Елисеевич **1**: 284, 372; **2**: 299, 457, 488, **489**, 490
- Крылов Иван Андреевич **2**: 285
- Крысин Леонид Петрович **2**: 599
- Крышек, Хенрик **2**: 560
- Крэйни **2**: 536
- Крюков Владимир Викторович **2**: 209
- Крячко Лариса Ивановна **2**: 327, 346
- Кторова Алла (Кочкурова Виктория Ивановна) **2**: 362
- Кудинов Михаил Павлович **2**: 44
- Кудрова Ирма Викторовна **2**: 8
- Кудряшов Николай Иванович **2**: 350
- Кузин Борис Сергеевич **2**: 25
- Кузмин Михаил Алексеевич **1**: 95, 99–102, 104, 181, 222, 262, 303–304, 366; **2**: 107, 132, 146, 157, 164, 175, 179, 244, 269, 296, 301, **311**, 321, 323, 362, 393, 422–423, 425–426, **427**, 441, 446, **447**, 461, 466, 509, 517, 519, 546, 561
- Кузнецов Анатолий Михайлович **2**: 376
- Кузнецов Михаил Матвеевич **1**: 213; **2**: 253
- Кузнецов Николай Андрианович **1**: 112; **2**: 185
- Кузнецов Павел Варфоломеевич **1**: 282; **2**: **393**
- Кузнецов Сергей Юрьевич **2**: 484
- Кузнецова Валерия Борисовна **2**: 6
- Кузьмина-Караваева (урожд. Пиленко) Елизавета Юрьевна **2**: 32, 102, 185, 469, 589
- Кузьмин-Караваев Михаил Владимирович **1**: 63; **2**: 106
- Кузьминский Аскольд Иванович **2**: 188, 538
- Кузьминский Константин Константинович **2**: 345
- Кук, Ричард Дж. **2**: 45
- Кулемин Василий Лаврентьевич **2**: 49, 268
- Кулешов Василий Иванович **1**: 88
- Кулешова Вера Владимировна **2**: 490
- Кулиев Кайсын Шуваевич **2**: 602
- Кулинич Андрей Васильевич **2**: 546
- Кумпан Ксения Андреевна **2**: 91, 623
- Кун-Гидаш Агнесса Беловна **2**: 123
- Кундера, Милан **1**: 89; **2**: 141

- Кунина Евгения Филипповна
2: 455
- Куняев Станислав Юрьевич
1: 296; 2: 612
- Куприн Александр Иванович
1: 237, 384, 412; 2: 107, 496–497
- Куприянов Дмитрий Васильевич
2: 597
- Купченко Владимир Петрович
2: 346, 584
- Курдюкова Акулина 2: 287
- Курнос, Джон (Коршун Йоганн Григорьевич) 1: 335; 2: 505–506
- Курт Анна Владимировна 2: 5
- Кусиков Александр Борисович
2: 457
- Кускова Екатерина Дмитриевна
2: 322, 357
- Кутепов Александр Павлович
1: 216; 2: 314
- Кушлина Ольга Борисовна 2: 623
- Кушнер Александр Семенович
1: 22, 453; 2: 309, 407, 587
- Кэрролл, Льюис (Чарлз Латуидж Доджсон) 1: 239
- Кюст, Йон 2: 371
- Кюстин, Астольф Луи Леонор де
1: 462; 2: 594
- Кьеркегор, Сёрен 1: 188
- Лабе, Луиза Шарлен 1: 484; 2: 607
- Лаван 2: 217
- Лавренев (Сергеев) Борис Андреевич 2: 65, 66, 176, 348
- Лавринец Павел Михайлович
2: 623
- Лавров Александр Васильевич
2: 6, 346, 584, 622
- Лавров Владимир Алексеевич
2: 146
- Лавров Ростислав Александрович
2: 616
- Лаврова Анна Михайловна 2: 488
- Лагеркранц, Улоф Густав Хуго
2: 70
- Ладынина Марина Алексеевна
2: 420
- Лазарев (Шиндель) Лазарь Ильич
1: 222; 2: 130, 198, 232, 253, 324, 382, 478, 484, 609, 613
- Лазутин Иван Георгиевич 2: 486
- Лайка (Жучка) 2: 209
- Лакшин Владимир Яковлевич
1: 179; 2: 7, 37, 232, 272, 337, 397, 457–459, 464, 482
- Ландман Михаил Хаймович 1: 13
- Ландольфи, Томмазо 2: 368
- Лансере Евгений Евгеньевич
2: 252, 394
- Ланчелот (Ланселот) 1: 393; 2: 510
- Лао Цзы 2: 424
- Лапидус Алла Яковлевна 2: 623
- Ларстен 1: 98
- Ласкин Александр Семенович
2: 7, 17, 29, 65, 94, 346, 410, 517, 572, 623
- Ласкина Евгения Самойловна
2: 245
- Ласунский Олег Григорьевич
2: 570
- Латговерс, Тон 2: 237
- Латманизов Михаил Владимирович 1: 467; 2: 7, 22, 46, 343, 493
- Лаура 1: 119
- Лаури, Лембит 2: 41
- Лафорг, Жюль 2: 441
- Лаффитт (урожд. Гликман, в первом браке Сталинская, во втором Капитан, в третьем Бонно) Софья Григорьевна
2: 276
- Лахман Гизелла Сигизмундовна
2: 433
- Лахути Гив Гасемович 2: 78
- Лацис Вилис Тенисович 1: 41
- Лашкова Вера Иосифовна 2: 533
- Ле Карре, Джон (Корнуэлл, Дэвид Джон Мур) 1: 491
- Лебедев Александр Александрович 2: 373
- Лебедев Владимир Семенович
1: 285
- Лебедев М.Н. 2: 48

- Лебедев-Кумач (Лебедев)
Василий Иванович **1:** 23, 139;
2: 26, 141
- Лебедь **1:** 116; **2:** 191
- Лебядкин Игнатий Тимофеевич
2: 171
- Леви, Грацидио Карло **2:** 525
- Левик Вильгельм Вениаминович
2: 279
- Левин Лев Ильич **2:** 92, 182
- Левин Федор Маркович **2:** 52, 72,
88, 148
- Левин Юрий Иосифович **1:** 12;
2: 405
- Левинг Юрий Петрович **2:** 11,
433, 623
- Левинсон Андрей Яковлевич
1: 484; **2:** 202, 204, 333, 603, 607
- Левинсон Галина Ивановна **2:** 88
- Левинтон Георгий Ахиллович
2: 22, 355, 371, 527, 622
- Левитан Юрий Борисович **2:** 29
- Левитанский Юрий Давыдович
2: 49, 85
- Левитин Евгений Семенович
2: 111, 418, 544
- Левицкий Лев Абелевич **2:** 443,
460, 539, 542, 550, 613
- Левоневский Дмитрий
Анатольевич **2:** 480
- Ледер Елизавета Николаевна
2: 420
- Леди Макбет **2:** 417, 438, 446
- Леже, Фернан **1:** 282
- Лежнев Абрам Захарович **2:** 214
- Лейкин Наум Борисович **2:** 415
- Лейтес Александр Михайлович
1: 36; **2:** 50–51, 124
- Лекманов Олег Андершанович
2: 133, 320
- Лелевич (Кальмансон, псевдоним
Лелевич Г.) Лабори Гилелевич
2: 57, 59, 130, 171–172, 215,
315–317
- Лель **1:** 319
- Лемешев Сергей Яковлевич **2:** 334
- Лемпорт Владимир Сергеевич
1: 283; **2:** 397
- Ленин (Ульянов) Владимир
Ильич **1:** 21, 28, 47, 57, 87, 90,
145, 160, 210, 233, 241, 244,
289–290, 345, 465, 468, 488, 493;
2: 8, 17, 40, 60–61, 84, 88–89, 97,
102, 123, 134, 136–137, 155, 164,
211, 287, 292, 294, 309, 341, 359,
387–388, 391, 452–454, 471, 477,
479, 562, 604, 614
- Леннквист Барбара **2:** 291
- Леонардо да Винчи **1:** 236, 291;
2: 341, 407
- Леонов Леонид Максимович
1: 474; **2:** 15, 44, 106, 107, 135,
347
- Леонович Владимир Николаевич
2: 354, 418
- Леонтенко Гитанна Аркадьевна
1: 324; **2:** 448
- Леопарди, Джакомо **1:** 417, 492;
2: 544, 587
- Лепехин Михаил Пантелеевич
2: 209
- Лермонтов Михаил Юрьевич
1: 12, 150, 163, 165, 333, 397, 415,
419, 422, 428; **2:** 92, 169, 182, 221,
294, 312, 340, 356, 459, 486, 501,
514, 546
- Леско, Манон **2:** 443
- Лесков Николай Семенович
1: 442; **2:** 586
- Лесман Моисей Семенович **2:** 10,
138, 261
- Лесневский Станислав
Стефанович **2:** 214, 303, 486,
493, 525, 532, 598
- Лессинг, Готхольд Эфраим **1:** 177;
2: 268
- Лесючевский Николай
Васильевич **1:** 66, 101, 103, 299,
344, 382, 398; **2:** 112, 113
- Лец, Станислав Ежи **2:** 598
- Лещенко-Сухомлина Татьяна
Ивановна **2:** 370, 418, 459
- Лжедмитрий I **2:** 465

- Лжедмитрий II **2**: 465
Ли Хун Чанг **1**: 261; **2**: 368
Либединская (урожд. Толстая)
Лидия Борисовна **2**: 56, 488, 611
Либединский Юрий Николаевич
1: 48, 73; **2**: 75
Либкнехт, Карл **2**: 507
Ливак, Леонид **2**: 623
Лившиц Бенедикт
Константинович **1**: 95, 99–100,
101; **2**: 112, 153, **162–163**, 181,
507, 562
Лившиц Екатерина
Константиновна **2**: 163, 507
Лидарцева-Сахар (псевд. Н.
Лидарт) Н.Я., см. Сахар
(Лидарцева) Нора Яковлевна
Лидин (Гомберг) Владимир
Германович **2**: 165
Лиит-Лотос **1**: 98
Ликург **1**: 186
Лилиенкрон, Детлеф Фридрих
фон **2**: 143
Лилина (Левина) Злата Ионовна
2: 70
Лилова-Тихомирова Светлана
2: 551–552
Линецкая Эльга Львовна **2**: 280
Линин Анатолий Михайлович
1: 36; **2**: 49
Линкольн, Авраам **2**: 615
Липкин Семен Израилевич **2**: 8,
75, 97, 277, 327, 333, 340, 366,
381, 493, 531, 575, 593
Липшиц Ида Владимировна
2: 560
Лиснянская Инна Львовна **2**: **326**,
467
Лисянский Марк Самойлович
2: 85
Литвин Елена Юрьевна **2**: 80
Литвинов Максим Максимович
(Меер-Генох Моисеевич
Валлах) **2**: 615
Литвинов Павел Михайлович
2: 533
Литвинова Татьяна Максимовна
1: 372; **2**: 535, 615
Литджи **1**: 98
Литератор (псевд.) **2**: 281
Лифшиц Алексей Владимирович,
см. Лосев, Лев
Лифшиц Владимир
Александрович **1**: 415; **2**: 67,
73–74, 173, 197, 228, 514
Лифшиц Михаил Александрович
1: 45–46
Лихарев Борис Михайлович
2: 142, 155, **177**, 178
Лихачев Дмитрий Сергеевич
1: 492
Лихачев Иван Алексеевич **1**: 99,
101; **2**: 157
Ло Гатто, Этторе (Гектор
Доминикович) **2**: **368**, 369
Лобасов Петр Иванович **2**: 423
Лозина-Лозинский Алексей
Константинович **2**: 284
Лозинский Григорий Леонидович
2: 132–133
Лозинский Михаил Леонидович
1: 127, 318, 343, 431, 452, 463,
482; **2**: 17, 138, 203, 205, **548–**
549, 550, 571, 589, 594, 606
Лозовский (Дридзо) Соломон
Абрамович **2**: 30
Ломоносов Михаил Васильевич
1: 11; **2**: 434
Лонгфелло, Генри Уодсуорт **2**: 547
Лопырева Елена Александровна
2: 337, 369
Лоретти, Роберто (Робертино)
1: 280, 340; **2**: 462
Лосев, Лев (Лифшиц Алексей
Владимирович) **1**: 22
Лосиевский Игорь Яковлевич
2: 15, 623
Лосская Вероника
Константиновна **2**: 467
Лот **1**: 69, 140, 431; **2**: 214, **215**,
220–221
Лотман Юрий Михайлович **1**: 10;
2: 8, 194, 409, 417, 535, 580, 601

- Лотова жена **1:** 69, 431; **2:** 214–215, 221
- Лоуэлл, Роберт **1:** 444; **2:** 569
- Лохвицкая Мирра Александровна **2:** 22, 498
- Лошилов Игорь Евгеньевич **2:** 623
- Луговская Майя (Быкова Елена Леонидовна) **2:** 86
- Луговская Татьяна Александровна **2:** 85
- Луговская-Седова Мария Владимировна
- Луговской Владимир Александрович **1:** 52–53; **2:** 43, 85–86, 87, 197
- Луи, Виктор (Виталий Евгеньевич) **1:** 34, 443; **2:** 569
- Лукач (Мате Залка) **2:** 552
- Лукач, Дьердь **2:** 293
- Лукаш Иван Созонтович **2:** 591
- Лукка Ирина Викторовна **2:** 623
- Лукницкая Вера Константиновна **2:** 29, 174, 464, 571
- Лукницкий Павел Николаевич **1:** 13, 161, 341, 419–420, 430, 497; **2:** 7–8, 29, 158, 176, 189, 207, 253, 272–273, 281, 312, 351, 381, 449, 462–464, 466, 482–483, 493, 546, 605
- Луконин Михаил Кузьмич **1:** 53, 326, 349; **2:** 45, 250, 278, 470, 527
- Лумумба, Патрис Эмери **2:** 524
- Луначарский Анатолий Васильевич **2:** 470, 537
- Лундберг Евгений Германович **2:** 439
- Лунц Лев Натанович **2:** 61
- Лурье Артур Сергеевич **1:** 188, 358; **2:** 275, 281, 282, 283, 337, 356, 366, 375, 399, 471, 560, 610
- Лурье Вера Иосифовна **1:** 445; **2:** 465, 570, 571
- Лурье Елена Иосифовна **1:** 445
- Луци, Марио **1:** 409; **2:** 527
- Лущик Сергей Зенонович **2:** 240
- Лыжина Елизавета Аркадьевна **2:** 346
- Лысенко Трофим Денисович **2:** 491
- Лысогорский, Ондра **2:** 280
- Любарская Александра Иосифовна **2:** 106
- Любегин Алексей Александрович **2:** 266
- Любимов Лев Дмитриевич **2:** 560
- Любимов Николай Михайлович **2:** 35, 53, 188, 271, 382, 464, 604
- Любимова Антонина Васильевна **1:** 474; **2:** 251, 438, 511, 537, 599
- Людвик XIV **2:** 401
- Ляпунов Вадим Всеволодович **2:** 623
- Лясковский Александр Иванович **2:** 256
- Львов Лоллий Иванович (псевд. Н. Камов) **2:** 190, 314
- Львов Михаил Давыдович (Габитов Рафкат Давлетович) **1:** 40; **2:** 54, 85, 385
- Львова Надежда Григорьевна **2:** 95, 429–430
- Львовский Михаил Григорьевич **2:** 203
- М.К. **2:** 376
- Мавродин Владимир Васильевич **2:** 293
- Магденко Елизавета Петровна **2:** 375
- Магомет **1:** 377; **2:** 436
- Мазо Борис Ильич **2:** 548
- Майзель Михаил Гаврилович **2:** 311, 317
- Майков Аполлон Николаевич **2:** 518
- Макаренко Антон Семенович **2:** 348
- Макаров Александр Николаевич **2:** 244
- Макаров Алексей Алексеевич **2:** 623
- Макарова Нина **2:** 110
- Макашин Сергей Александрович **1:** 421

- Макбет **2**: 438
 Макк, Эдуарда **2**: 344
 Маккавейский Владимир Николаевич **1**: 260; **2**: **365**
 Маккарти, Джозеф **2**: 356
 Маклин, Юз (Hugh McLean) **2**: 76
 Маковская (урожд. Рындина) Марина Эрастовна **2**: 579
 Маковский Владимир Егорович **2**: 393
 Маковский Иван Сергеевич **1**: 451; **2**: 577, 579
 Маковский Сергей Константинович **1**: 128, 430, 441, **451–452**, 464; **2**: 134, 246, 534, 577–578, **579–580**
 Максименков Леонид Валентинович **2**: 84, 160
 Максимов Дмитрий Евгеньевич **1**: 402, 415, 427; **2**: 47, 194, 276, 322, 409, 430, 523, 531, 544, 571, 601
 Малахов Сергей Арсеньевич **2**: 57, 58, 60–61, 69, 485
 Малаховский Бронислав Брониславович **2**: 101
 Малашкин Сергей Иванович **2**: 269
 Малевич Казимир Северинович **1**: 282; **2**: 395–396, 399
 Маленков Георгий Валентинович **1**: 26; **2**: 382
 Маликова, Мария **2**: 623
 Малинин Виктор Арсеньевич **2**: 525–526
 Маля, Мартин **2**: 487, 560
 Малларме, Стефан **1**: 173; **2**: 141, 267, 333
 Малышкин Александр Георгиевич **2**: **288**
 Мальро, Андре **2**: 124
 Мамонова (Шустер) Анна (Ася) **2**: 488
 Мангуст **2**: 184
 Мандельштам Надежда Яковлевна **1**: 17, 110, 114, 221, 259–260, 295, 316, 323, 380, 402, 415, 466; **2**: 24–25, 56, 72, 78, 85, 107, 118, 147, 163–164, 182, 225, 255, 259, 264, 275, 291, 298, 321, 338, 365, 375–376, 383, 394–395, 416, 440, 447, 464, 519–520, 523, 535, 575, 601, 605, 614, 616, 618–619
 Мандельштам Олимпиада Иосифовна **2**: **364**
 Мандельштам Осип Эмильевич **1**: 5, 11, 17, 22, 33, 46, 50–51, 83, 92–95, 99, 101–102, **110**, 111, 126–131, 145, 154–155, 181, 196, **197**, 215, **221**, 241, 243–244, **245**, 258, **259–260**, 273, 284, 293, 295, 326–327, 348, 353, 361, 363, **366**, 372, 399, **401**, 402, 415, 430, **431–432**, 440, 461, 468, 475, 485–486, 492; **2**: 19, 21, 60, 62, **78**, 79, 96, 98, 105, **107**, **118–119**, 121, 129–130, 133, 144, **145–146**, 147, 153, 158–159, 161, 163, **171**, 172, 181, 184, 186, 202, 204–207, 214, 255, 258, **261**, 263–264, 269, 271, **281–282**, 284, 291, 295, 297–298, 303, 313, 319, 321, **324**, 347, **364**, 365, 375–376, 378–379, 394–395, 404–405, 410, 412, 419, 447, 473, 482, 491, 494, 496, 504, 519, **520**, 522, 527, **550–551**, 562, 564, 567, 577, **579**, 586–587, 589, 592–593, 605
 Мандельштам Юрий Владимирович **2**: 32, 160
 Мандрыкина Людмила Алексеевна **2**: 136, 344
 Манн Юрий Владимирович **2**: 146
 Манн, Томас **2**: 382, 457
 Мансветов Владимир Федорович **2**: 27
 Мансуров Павел Андреевич **2**: 396
 Мануйлов Виктор Андроникович **2**: 346, 356, 584
 Мао Цзэдун **1**: 261–262, 469; **2**: 367, 394

- Мар (Мармерштейн) Наум Иосифович **2**: 324
- Маргарита **1**: 11; **2**: 245
- Марголин Юлий Борисович **2**: 574, 600
- Мариенгоф Анатолий Борисович **1**: 108, 145; **2**: **233**
- Марина, см. Басманова Марианна Павловна
- Маритен, Жак **1**: **188**; **2**: 282, **283**
- Марица **2**: 425
- Мария **1**: 187, 256; **2**: 122, 428–429, 470, 543, 588
- Мария С. **1**: 34–35
- Мария Стюарт **1**: **313**, 331; **2**: **438**, **454**, 455
- Мария Федоровна **1**: 122; **2**: 202
- Марк **2**: 397
- Маркиш (Лазебникова) Эстер Ефимовна **1**: 213; **2**: 255, 535
- Маркиш Давид Перецович **1**: 213; **2**: 535, 623
- Маркиш Перец Давидович **1**: 295; **2**: **255**
- Маркиш Шимон (Симон) Перецевич **1**: 213, 372; **2**: 355, 418, 531, 535, 597
- Марков Алексей Яковлевич **2**: 347, 414
- Марков Анатолий Федорович **2**: 446, 545, 581
- Марков Владимир Федорович **1**: 376, 461; **2**: 100, 171, 241, 319, 386, 388, 464, 471–472, 548, 574, 592
- Марков Георгий Мокеевич **1**: 169, 401, 421; **2**: 523
- Маркс, Карл **2**: 39, 62, 369
- Мароши Валерий Владимирович **2**: 370
- Марс **1**: 77–78
- Марселис, Петр **2**: 293
- Маргинов Леонид Николаевич **1**: 52, 66–67, 69, 72, 132–133, 166, 491; **2**: **117**, 123, 188, 227, 278, 347, 435
- Маршак Самуил Яковлевич **1**: 53, 139–140, 196, 480; **2**: 27, 43, 78, 124, 135, 171, 188, 214, 531, 605
- Марягин Георгий Александрович **2**: 200
- Масленикова (урожд. Власова) Зоя Афанасьевна **2**: 91, 257
- Маслин Николай Никифорович **2**: 121, 179–180, 186
- Мастер **1**: 11; **2**: 245
- Матвеев Александр Терентьевич **2**: 65
- Матвеева (Матвеева-Бодрая) Новелла Николаевна **1**: 120, 453; **2**: 193, 347, 601
- Матисов Валерий Иванович **2**: 576
- Матисс, Анри Эмиль Бенуа **1**: 49; **2**: 501
- Матрена Васильевна **1**: **305**, 306–307; **2**: 427
- Матусовский Михаил Львович **2**: 113
- Матфей **2**: 397
- Матюшкин Федор Федорович **1**: 43
- Маугли (Натху) **1**: 21
- Махиня Пантелей **2**: 267
- Махно Нестор Иванович **2**: 103
- Мацуев Николай Иванович **2**: 42
- Мачтет Тарас Григорьевич **2**: 148
- Маяковский Владимир Владимирович **1**: 16, 23, 37, **39**, 42, 47, 51, 57, 59, 67, 89, 104, 112, 128, 143, 149–150, 158, 210, 249, 253, 288, 293, 300, 302, 315, 320, 326–327, 336, 370, 396; **2**: 22, 24, **25**, 26, 28–29, 45, 51, 57, **61**, 74, 79, 81, 83, **98**, 99, 114, 144–145, 148, 154, 161, 171, 180–182, 186, 206, 211, 216, 219, 224, 226–227, 229, 273, **286**, 295, 309, 321, 328, 332, 339, 341, 347, 359, 370, 379, **380**, **400–401**, 414, 425, 427, 441, 447, 450, 457, 467, 487, 489, **519**, 529, **530**, 538, 611–612

- Медведев Владимир Васильевич
2: 16
- Медведев Павел Николаевич 2: 17
- Медведев Феликс Николаевич
2: 618
- Медведева (Томашевская) Ирина
Николаевна 1: 12; 2: 41, 188, 409,
535
- Медея 2: 249
- Меженинов Михаил Алексеевич
1: 283
- Межиров Александр Петрович
1: 53, 166, 278; 2: 45, 49, 85, 122,
208, 332, 371, 528
- Мезерницкий Юрий Полиенович
2: 480
- Мейер, Конрад-Фердинанд 2: 220
- Мейерхольд Всеволод Эмильевич
1: 20, 87, 293, 295; 2: 83, 182
- Мейлах Михаил Борисович 2: 5,
8, 17, 82, 355, 404–405, 445, 456,
512, 569, 619, 623
- Мейнелл, Алис Кристина 1: 436,
483
- Мелкова (Баркман) Полина
Вульфовна 2: 191
- Мельников Николай Георгиевич
2: 329
- Мельниченко Михаил
Анатольевич 2: 503
- Менделеев Александр Георгиевич
2: 256
- Мендельсон-Бартольди, Феликс
2: 454
- Менкауэр (Микерин) 1: 304
- Менчинская Наталья Юльевна
2: 156
- Меньшова Ирина Александровна
2: 375
- Меньшутин Андрей Николаевич
2: 604
- Мердок, Айрис 1: 442; 2: 568–569,
616
- Мережковский Дмитрий
Сергеевич 1: 304; 2: 91, 109, 284,
392, 439, 457
- Местертон Эрик 1: 241, 260, 268,
388, 415; 2: 301, 346, 366, 460
- Метерлинк, Морис Полидор
Мари Бернар 1: 76–77; 2: 343
- Меттер Израиль Моисеевич
1: 108; 2: 178, 243, 421, 609, 620
- Метченко Алексей Иванович
2: 292
- Мефистофель 1: 182
- Мехмед II Фатих 1: 446
- Мец Александр Григорьевич
2: 60, 133, 175, 324, 367, 622
- Мечик Донат Исаакович 2: 36
- Микеланджело Буонаротти 1: 76,
123, 479; 2: 133
- Микоян Анастас Иванович 1: 275,
352; 2: 473
- Милашевский Владимир
Алексеевич 2: 396
- Миллер Лукиан Адамович 2: 454
- Мильков Владимир Ильич 2: 470,
531
- Миндлин Эмилий Львович 2: 466
- Милиц Зара Григорьевна 2: 8, 194,
409, 417, 580, 601
- Милиц Исаак Израилевич 2: 615
- Минченко Дмитрий Анатольевич
2: 407, 435, 440
- Мистраль, Габриэлла (Годой
Алькаяга, Люсила) 1: 120; 2: 399
- Митрохин Николай
Александрович 2: 540
- Митурич Май Петрович 2: 396
- Митурич Петр Васильевич 2: 396
- Михаил 1: 413
- Михаил Федорович 2: 224
- Михайлик Елена Юрьевна 2: 385
- Михайлов Николай
Александрович 2: 610
- Михайлов Олег Николаевич
2: 414, 542
- Михайлова (урожд. Цейтлина)
Елена Львовна 2: 430
- Михалков Сергей Владимирович
1: 53, 401–402, 419, 421; 2: 54, 72,
86, 188, 258, 523

- Михельсон Лина Соломоновна
2: 623
- Михоэлс (Вовси) Соломон
(Шломо) Михайлович 1: 142,
293
- Мичурин Иван Владимирович
2: 491
- Мишеле, Мишель 2: 43
- Мишка 2: 343
- Мкртчян Левон Мкртычевич
2: 56
- Млечин Владимир Михайлович
2: 114
- Мнишек Марина (Марианна)
Юрьевна 2: 465
- Мнухин Лев Абрамович 2: 321,
623
- Мнячко, Ладислав 1: 334; 2: 456
- Мобуту, Жозеф-Дезире 2: 524
- Мовшенсон Александр
Григорьевич 2: 440
- Модзалевский Борис Львович
2: 449
- Модильяни, Амедео (Иедидия)
Клементе 1: 123–124, 127, 142,
153, 285, 313, 371, 403, 417;
2: 125, 126–127, 183, 275, 373,
391, 534
- Модуньо, Доменико 2: 278
- Можайская (Емельянова) Ольга
Николаевна 1: 219; 2: 320, 558,
618
- Мозер, Чарльз 1: 151; 2: 237,
242–243
- Мок-Бикер Э., см. Бикер-Мок
Элиана Армандовна
- Молдавский Дмитрий
Миронович 2: 17, 89, 145
- Молева Нина Михайловна 2: 393
- Молодяков Василий
Элинархович 2: 74
- Молок Юрий Александрович
2: 240, 575
- Молотов (Скрябин) Вячеслав
Михайлович 1: 24, 62; 2: 44, 223
- Молоховец (урожд. Бурман)
Елена Ивановна 2: 182, 573
- Молчанов Иван Никанорович
1: 42; 2: 61
- Молчанов Кирилл Владимирович
2: 203
- Молчанов Николай Степанович
2: 609
- Моммзен, Теодор 1: 499
- Монина Варвара Александровна
2: 193
- Монтан (Ливи), Ив 2: 481
- Монтеки, Ромео 1: 313
- Мопассан, Ги де 1: 302; 2: 192
- Моравская Мария-Магдалина
Фредерика Людвиговна 2: 429–
430, 439
- Мордерер Валентина Яковлевна
2: 9, 545, 622
- Морев Глеб Алексеевич 2: 175,
623
- Мориак, Клод 1: 182; 2: 275
- Мориак, Франсуа 2: 557
- Мориц Юнна Петровна
(Пинхусовна) 1: 308–309; 2: 194,
399, 430, 546, 597–598
- Морковин Вадим Владимирович
1: 171; 2: 262
- Моро, Гюстав 1: 98, 124; 2: 203
- Морозов Александр Анатольевич
2: 297–298
- Морозов Павел Трофимович 2: 29
- Морозова (Соковнина) Феодосия
Прокопьевна 1: 283, 479; 2: 16
- Москович Вольф Абрамович
2: 215, 492
- Мотылева Тамара Лазаревна
2: 292, 487
- Моцарт, Вольфганг Амадей 1: 323
- Мочалова (псевд. О. Алексина)
Ольга Алексеевна 1: 122; 2: 201,
202, 507
- Мочульский Константин
Васильевич 2: 174, 444
- Муза 1: 115, 161, 223–225, 229–
230, 431; 2: 32, 106, 168, 180, 220,
227, 314, 332, 337, 607
- Муравник Майя Ильинична
2: 417, 518

- Муравьев Владимир
Брониславович **2**: 246
- Муравьев Владимир Сергеевич
1: 318, 344, 372; **2**: 9, 460, 481,
608, 616
- Муравьева (Людмирская) Галина
Даниловна **2**: 527, 623
- Муравьева Ирина Аркадьевна
2: 373, 613
- Мурзиди Константин Гаврилович
2: 85
- Мурина Елена Борисовна **2**: 257,
575
- Мурка **2**: 497
- Мусоргский Модест Петрович
2: 283
- Мустангова (Рабинович) Евгения
Яковлевна **2**: 57
- Мутер, Рихард **2**: 294
- Муштаев Владислав Павлович
2: 78
- Мчедлов-Петросян Отар
Петрович **2**: 506
- Мэтьюсон, Руфус **1**: 428
- Мясников Александр Сергеевич
2: 40
- Набоков (Сири́н) Владимир
Владимирович **2**: 226, 284, 300,
303, 328–329, **349**
- Набоков Николай Дмитриевич
1: 54, 391; **2**: 377, 471
- Набоков Сергей Сергеевич **2**: 300
- Набокова (Слоним) Вера
Евсеевна **2**: 284, 303, 349
- Нагородская (Головачева) Евдокия
Аполлоновна **2**: 581
- Надеждин Л. (псевдоним) **2**: 500
- Надсон Семен Яковлевич **1**: 128;
2: 132
- Назаренко Вадим Афанасьевич
2: 21
- Назарова Людмила Николаевна
2: 495, 524
- Найман Анатолий Генрихович
1: 241, 313, 338, 371, 397, 417,
427, 455, 470, 474–475, 480;
2: 8, 74, 76, 78, 91–92, 110, 118,
136, 171, 181, 183, 203, 227, 243,
253, 255, 274, 277, 342, 349, 370,
396–397, 402, 425, 435, 437–438,
449, 453, 462, 469, 480, 486, 499,
503–505, 527, 535, 537, 541,
543–545, 568, 572, 585, 600, 607,
615, 620, 622
- Налбандян Дмитрий Аркадьевич
2: **394**
- Нальди-Олькеницкая Раиса
Григорьевна **2**: 368
- Наполеон Бонапарт **1**: 477–478
- Наппельбаум Ида Моисеевна
1: 101, 103, 141; **2**: 174
- Наппельбаум Моисей
Соломонович **1**: 142; **2**: 153, 225,
291, 596
- Наппельбаум Фредерика
Моисеевна **2**: 153, 596
- Нарбут Владимир Иванович **1**: 20,
65, 95, 197, 431, **486**; **2**: 146, 281,
294–295, 494, 610
- Наровчатов Сергей Сергеевич
1: 419, **422**, 423–424, 491; **2**: 188,
421, 473, 511, **537**, 542, 544, 552,
609, 611
- Нарцисс **1**: 321; **2**: 392
- Насер, Гамаль Абдель **1**: 476
- Наумов Евгений Иванович **2**: 110,
273
- Нахангова Мамлакат
Акбердыевна **2**: 29
- Неведомская (урожд.
Королькова) Вера Алексеевна
1: 452; **2**: 578, 581
- Неведомский В.Н. **2**: 621
- Недоброво Николай
Владимирович **1**: 18, 264,
368, 439, 463; **2**: 336, 370, **461**,
591–592
- Нежный Александр Иосифович
2: 72
- Незвал, Витезслав **1**: 89
- Нейгауз Генрих Густавович **2**: 366
- Неизвестный Эрнст Иосифович
2: 450, 599

- Нейман Юлия Моисеевна **1:** 372;
2: **199**, 200, 233
 Неймирок Александр
 Николаевич **2:** 309
 Неклюдов Сергей Юрьевич
2: 385, 434, 623
 Неклюдова Валентина
 Степановна **2:** 623
 Некрасов Виктор Платонович
1: 357; **2:** 104, 393, 457
 Некрасов Николай Алексеевич
1: 127, 132, 229, **248**, 250, 306,
 348; **2:** 66, 120, 145, 170, **354–**
355, 607
 Некрич Александр Моисеевич
2: 156, 368
 Немирович-Данченко Владимир
 Иванович **2:** 26
 Непомнящий Валентин
 Семенович **2:** 194
 Нептун **1:** 83
 Нерис (Бачинскайте-Бучене),
 Саломея **1:** 55
 Нерлер (Полян) Павел Маркович
2: 8, 440, 567, 623
 Нерон Тиберий Клавдий **2:** 369,
 438
 Неслуховская Мария
 Константиновна **2:** 156
 Нехотин Владимир
 Владимирович **2:** 623
 Нечаев Вячеслав Петрович **2:** 378
 Нешумова Татьяна Феликсовна
2: 410, 549
 Нива, Жорж **2:** 276, 577, 623
 Никез Ольга (Люлю) Николаевна
2: 581
 Никитин Николай Николаевич
1: 99; **2:** 157
 Никитина (Гацкевич) Зоя
 Александровна **2:** 41
 Никитина Евдоксия Федоровна
2: 499
 Николаев Адриан Григорьевич
2: 368
 Николаева (Волянская) Галина
 Евгеньевна **1:** **41**; **2:** 56, 154
 Николаевский Борис Иванович
2: 223, 226
 Николаенко Ия Васильевна **2:** 537
 Николай I **1:** 65, 186, 268, 326, 403;
2: 128, 594
 Николай II **1:** 237; **2:** 156, 323, 563,
 578, 583–584
 Никольская Татьяна Львовна
2: 157, 178, 324, 326, 571, 622
 Никольский Юрий
 Александрович **2:** 239
 Никулин Лев Вениаминович
1: **48**, 157, 167, **248**; **2:** 43, 75, 93,
 183, 287, 356, 413, 488, 516
 Никулина (Рогожина) Екатерина
 Ивановна **2:** 75
 Нилов Константин Дмитриевич
2: 91
 Нилова Ольга Дмитриевна **2:** **91**
 Нильссон, Нильс Оке **1:** 348, 469
 Нифонтов Л. **2:** 533
 Ницше, Фридрих Вильгельм
2: **430**, 557
 Нкрума, Кваме **1:** 491
 Нобель, Альфред Бернхард **1:** 141,
 168, 260–261, 266, **267**, 268, 301,
 377, 388, 390, 398, 404, 407, 418,
 450, 469–470, 472, 474, 494; **2:** 88,
 142, 170, 224–225, 366–367, 372,
 500, 504, 525, 535, 576, 600
 Новиков Василий Васильевич
2: 289
 Новиченко Леонид Николаевич
2: 456–457
 Новотный, Антонин **2:** 230
 Ногтева Маргарита Васильевна
2: 118
 Норд, Лидия (Оленич-Гнененко
 Ольга Алексеевна) **2:** 242
 Норман (урожд. Франк) Наталья
 Семеновна **2:** 503
 Норман, Питер **1:** 387, 440, 444;
2: 8, 77, 457, 503, 553, 569
 Носенко Алексей (Олекса)
 Ермолаевич **2:** 50
 Нуреев Рудольф Хаметович **2:** 524

- Нянковский Михаил
Александрович **2**: 137
- О'Трейд, Десмонд **2**: 526, 536
- О'Нил, Юджин Глэдстоун **2**: 124
- Обатнин Геннадий Владимирович
2: 623
- Обатнина Елена Рудольфовна
2: 500, 623
- Оболдуев Георгий Николаевич
1: 51; **2**: 82
- Оболенская (Кузьмина-
Караваева) Ольга
Александровна **1**: **452**; **2**: 581
- Оболенская (Лопухина)
Елизавета Николаевна **1**: 442
- Оболенский Дмитрий
Дмитриевич **1**: 440, 442; **2**: 568
- Оболенский Николай Сергеевич
2: 581
- Оболенский Сергей Алексеевич
2: 113
- Оболенский Сергей Сергеевич
2: 34, 360, 412, 428
- Обрадович Сергей
Александрович **2**: 269
- Образцов Сергей Владимирович
2: **414**
- Обухова Ольга Яковлевна **2**: 369,
524, 527
- Овалов (Шаповалов) Лев
Сергеевич **2**: 245
- Овечкин Валентин
Владимирович **2**: 611
- Овидий (Публий Овидий Назон)
2: 191–192, 279, 522
- Овчаренко Александр Иванович
2: 373
- Огарев Николай Платонович
1: 191
- Огинская Лариса Юзефовна
2: 487
- Огнев Владимир Федорович **1**: 71;
2: 114, 117, 141, 244, 260, 287,
418, 528, 535
- Огородникова Ирина Федоровна
1: 434
- Огрызко Вячеслав Вячеславович
2: 8, 232, 245, 373, 383, 407, 487
- Одиссей **1**: 318; **2**: 372
- Одоевцева (псевд. А. Луганов)
Ирина Владимировна (Гейнике
Ираида Густавовна) **1**: 218, **220**,
441, **461**; **2**: **319–320**, 329, 351,
364, 441, 449, 461, 473, 564, 579,
582, **592**
- Озерецковский Геннадий
Евгеньевич **2**: 320
- Озеров (Гольдберг) Лев
Адольфович (Айзикович) **1**: 49,
52, 160–161, **162**, 163, 175, 240,
297, 362, 366, 432; **2**: 254, **256**,
295, 309, 316, 337, 345, 352, 424,
435, 464, 471, 518, 586–587
- Озерова Ирина Николаевна
1: 358, 362; **2**: **478**
- Озерс, Эвальд **2**: 34
- Ойфа Петр Наумович **2**: 353
- Оклянский Юрий Михайлович
2: 543
- Оксенов Иннокентий
Александрович **2**: **172**, 173,
205–206, 207, 447
- Оксман Антонина Петровна
2: 166
- Оксман Юлиан Григорьевич
1: 64, 101–102, 105, 131, 184,
209, 212, 232, 276, 294, 307, 314,
351, 400–402, 421, 441, 472; **2**: 9,
50, 108, 112, 166, 180, 258, 277,
308, 309, 311, 353, 380, 412–413,
418, 429–430, 473, 505, 516–517,
523–524, 552, 559, 563, 580
- Окуджава Булат Шаавович **1**: 244,
291, 404, 421; **2**: 347–348, **538**
- Окутюрье, Мишель **2**: 623
- Олдингтон, Ричард **1**: **335**
- Олдридж, Джеймс **2**: 457
- Олег (Вещий Олег) **2**: 217
- Олейников Николай Макарович
2: 171, 192
- Олендер Семен Юльевич **2**: 338
- Олеша Юрий Карлович **1**: 113,
257; **2**: 347, 372

- Олсоп, Джозеф **2**: 224
Олссон, Хенри **2**: 576
Ольбик Александр Степанович
2: 45
Ольшанская Евдокия Мироновна
2: 98, 113, 225, 321, 462, 507, 520
Ольшевская Нина Антоновна
1: 114, 297, 324, 416; **2**: 143, 410,
488, 503, 577, 585
Омельянович-Павленко Надежда
Стефановна **2**: 60
Оношкович-Яцына (в замужестве
Шведе) Ада Ивановна **1**: 84;
2: **138**
Оранжиреева (урожд. Розен)
Антонина Михайловна **1**: 174;
2: 267
Орда К. **2**: 33, 361
Орлов Александр Афиногенович
2: 580
Орлов Владимир Николаевич
1: 159–160, **209**, 211, 298; **2**: 111,
209, 250, **251**, 275, 308, 310, 332,
335–336, 409, 496, 585
Орлов Сергей Сергеевич **1**: 53,
194; **2**: 89, 288
Орлова (урожд. Либерзон) Раиса
Давыдовна **1**: 372–373; **2**: 9, 242,
384, 436, 450, 477, 491, 524, 526,
535, 551, 602, 604
Оруэлл, Джордж (Блэр, Эрик)
2: 277
Орфей **1**: 98, 124; **2**: 203, 205, 571
Освальд, Пьер-Жан **1**: 182
Осетров Евгений Иванович
1: 156; **2**: 327, 331, 411, 470, 531
Осинский Н. (Оболенский
Валериан Валерианович)
1: 216–217; **2**: 254, **315–317**
Осипенко (урожд. Дудник)
Полина Денисовна **1**: 21; **2**: 17,
18
Оскоцкий Валентин Дмитриевич
2: 83
Осмеркин Александр
Александрович **2**: **65**, 481
Осоргин (Ильин) Михаил
Андреевич **2**: 119
Осповат Александр Львович
2: 120, 622
Оссиан **2**: 579
Островская Софья Казимировна
1: 173–174; **2**: 9, 41, 82, 103, 135,
178, 264–265, 281
Островский Александр
Николаевич **2**: 309, 523
Островский Николай Алексеевич
2: 347
Остроумова-Лебедева Анна
Петровна **1**: 25; **2**: 64
Остроухов Илья Семенович
2: 133, 256, 488
Оттен Николай Давыдович
1: 415, 466, 468; **2**: 535, **597**
Офелия **1**: 280, 312, 318; **2**: 441,
449
Охотин Никита Глебович **2**: 623
Охотин Николай Никитич **2**: 623
Оцуп Николай Авдеевич **1**: 95,
158, 218, 441; **2**: 318, 330, 571
Ошанин Лев Иванович **1**: 53, 475;
2: 75
П.Л. **2**: 446
Павел VI **1**: 405
Павленко Петр Андреевич **1**: 399;
2: 22, 103, **520**, 521
Павлов Георгий Викторович
2: 504
Павлов Сергей Павлович **1**: 418
Павлова (урожд. Яниш) Каролина
Карловна **1**: 258; **2**: 148, 252, 327,
333, 363–364, 488
Павлова Маргарита Михайловна
2: 623
Павлова Муза Константиновна
2: 598
Павлова Татьяна Владимировна
2: 623
Павлович Надежда
Александровна **1**: 403; **2**: 18, 57,
417

- Павловский Алексей Ильич
1: 456–457; 2: **587**
- Павчек, Тоне 2: 394
- Пагирев Глеб Валентинович
2: 135–136
- Пайпс, Ричард 1: 290
- Пакшина Наталья Петровна 2: 9,
37, 49, 272, 519, 622
- Палашка (Пелагея) 2: 19
- Палеологи 2: 324
- Палийчук Борис Дмитриевич
2: 85
- Палладин Александр Иванович
1: 32; 2: **42**
- Пан 1: 77, 131, 234; 2: 344
- Панин Геннадий Геннадиевич
2: 246
- Панков Виктор Ксенофонович
1: 138; 2: 213, 251
- Панкратов Юрий Иванович 2: 49
- Панова (Вельтман) Вера
Федоровна 1: 44, 267, 273, 312;
2: 119, 323, **436**, 487, 532
- Панферов Федор Иванович 1: 48;
2: 139
- Панченко Александр
Михайлович 2: 44
- Панченко Ольга Николаевна
2: 142
- Паньков Николай Алексеевич
2: 417
- Папанин Иван Дмитриевич 1: 25;
2: 29
- Паперно Ирина Ароновна 2: 623
- Паперный Зиновий Самойлович
1: 373; 2: 63, 119, 414, 518
- Папковский Борис Васильевич
2: 169
- Пари, Жюльет 2: 175
- Парни, Эварист Дезире де Форж
1: 383
- Парнис Александр Ефимович
2: 98, 247, 528, 622
- Парнок (Парнох) Софья
Яковлевна 2: 137
- Пасифая 1: 330
- Паскаль, Блез 1: 46–47
- Пассек Татьяна Сергеевна 2: 256,
259
- Пастернак (урожд. Лурье)
Евгения Владимировна 2: 260
- Пастернак Борис Леонидович
1: 5, 14, 17, 29, 34, 36–37, 39, **42**,
46, 48–49, 51–53, 57, 66–67, **68**,
72, **74–75**, 76, 82–83, **88**, 89, 113,
138, **141–143**, 145, **154**, 155, 158,
160, 166, 168, **169**, 171, 197, 199,
220, 233, 237, 244–245, 254, 260–
261, 266, 273, 293, 298–299, 314–
316, 326–327, 331, **366**, 404, 409,
432, 444–445, 450, 468, 474, 487,
492; 2: 19, 21, 23, 29–30, 39, 44,
46–47, 50, 52–53, **54**, 55, 63, 69,
72, 81–83, 85, 88, 91, **93**, 94, 98,
104–105, 108, 111, 113–115, 125,
129–130, 132, 137, 141–142, 145,
150, 153–154, 159–160, 170–171,
178, 181, 214, 216, 218–219, 224,
225, 226–227, 229, 242, 250, 253,
257, 260, 263, **274**, 291, 295, 297,
298, 299, 320–321, 341, 346–348,
362, 367, 372–373, 381, 385, 408,
410, 416, 431, 434, 436, 457, 459,
468–470, 473, 478, 484, **489**, 490,
500, **520**, 532, 535, 558, 560–561,
564, 569, 571–572, 576, 586–587,
597, 613–614
- Пастернак Евгений Борисович
2: **260**
- Пастернак Леонид (Аврум
Ицхок-Лейб) Иосифович 2: 257
- Пастернак-Нейгауз (Еремеева)
Зинаида Николаевна 2: 47
- Паунд, Эзра 1: 390, 501
- Паустовский Константин
Георгиевич 1: 275, 298, 301, 327,
357, 373, 390; 2: 123, 141, 296,
347, 460, 477, 533, 535, **576**, 616
- Пахарева Татьяна Анатольевна
2: 405
- Пашнев Эдуард Иванович 2: 348
- Пашенко Леонид Никитич 2: 133
- Пейн, Пьер Стивен Роберт 2: 467,
468

- Пелей **1**: 13
 Первенцев Аркадий Алексеевич
 1: 48
 Первомайский Леонид (Гуревич
 Илья Шлемович) **2**: 98
 Перевозчиков Валерий Кузьмич
 2: 601
 Пережогина Елена Алексеевна
 2: 25
 Перельмутер Вадим Гершевич
 2: 422
 Перл Наталья Евгеньевна **2**: 49
 Перлина Нина Моисеевна **2**: 623
 Перселл, Генри **1**: 80
 Перхин Владимир Васильевич
 2: 154, 229, 457
 Перцов Виктор Осипович **1**: 141,
 211, 252, 401–402; **2**: 57, 171–
 172, 215, **216**, 233, 307–308, 317,
 427, 568
 Петефи, Шандор **2**: 539
 Петкевич Тамара Владимировна
 (Владиславовна) **2**: 613
 Петкова, Галина **2**: 623
 Петр I **1**: 33, 85, 165, 383, 412;
 2: 156–157, 479, 569
 Петрарка, Франческо **1**: 419;
 2: 294, 544–545, 607
 Петров (Катаев) Евгений
 Петрович **1**: 51; **2**: 189, 347
 Петров Ан. **2**: 81
 Петров Сергей Митрофанович
 2: 186
 Петрова Людмила
 Александровна **1**: 418
 Петров-Агатов Александр
 Александрович **1**: 418; **2**: 534
 Петров-Водкин Кузьма Сергеевич
 1: 109; **2**: 111
 Петровский Мирон Семенович
 2: 460, 545, 623
 Петровский Федор
 Александрович **2**: 45
 Петровых Мария Сергеевна **1**: 33,
 52, 68, 73, 162, 166, 210, 372, 450;
 2: 53, 115, 194, 298, 327, 383, 413,
 417, 430, 497, 531, 560, 575, 595
 Петрушевская Людмила
 Стефановна **2**: 495
 Пешкова (урожд. Волжина)
 Екатерина Павловна **2**: 156, 504
 Пизанио **2**: 191
 Пикассо, Пабло **1**: 49, 278, 282;
 2: 381, **391**, 481, 501
 Пиковая Дама **1**: 63; **2**: 258,
 455–456
 Пилипенко Анатолий
 Леонидович **2**: 473
 Пилипенко Антонина Антоновна
 2: 473
 Пильняк (Вогар) Борис
 Андреевич **1**: 29, 52, 112, 155,
 197, 208; **2**: 150, 176, 291, **292**–
 293, 294, 316, 465, 512, **520**, 562,
 564
 Пиндемонте, Ипполито **1**: 281
 Пискуин Михаил Дмитриевич
 1: 173; **2**: 264–265
 Пискулина Мария Алексеевна
 2: 264
 Пистунова (Святова) Александра
 Михайловна **2**: 518
 Пичугин Николай Леонидович
 2: 146
 Плат, Сильвия **1**: 442
 Платон **1**: 181
 Платонов (Климентов) Андрей
 Платонович **2**: 138, 144, 347, 614
 Платонова В. **2**: 613
 Платонова-Лозинская Ирина
 Витальевна **2**: 367
 Плашевский Юрий Павлович
 2: 284
 Плоткин Лев Абрамович **2**: 167,
 301–302
 Плутон **2**: 268
 По, Эдгар Аллан **1**: 239
 Побережкина Полина Ефимовна
 2: 247, 289, 337, 511, 599, 622
 Поболь Николай Львович **2**: 420
 Погодин (Стукалин) Николай
 Федорович **2**: 29
 Погодин Радий Петрович **2**: 49

- Подгаецкая Ирина Юрьевна
2: 607
- Поделков Сергей Александрович
1: 362; 2: 49, 481
- Поджоли, Ренато 2: 536
- Поженян Григорий Михайлович
2: 21
- Поздняев Константин Иванович
1: 296–297, 422; 2: 415, 616
- Позднякова Татьяна Сергеевна
2: 9, 37, 49, 112, 128, 272, 519, 622
- Познер Владимир Соломонович
2: 548
- Пойнс, Нед 2: 568
- Полевой (Кампов) Борис
Николаевич 1: 49; 2: 484, 537, 559
- Поливанов Константин
Михайлович 2: 5–6, 9, 11, 290, 622
- Поливанов Михаил
Константинович 1: 301
- Поливанова Александра
Владимировна 2: 623
- Поливанова Марина Михайловна
2: 623
- Поликарпов Дмитрий
Алексеевич 1: 65, 162, 233, 246, 294, 374, 375, 379, 403; 2: 108, 141, 149, 198, 210, 521, 532, 540
- Поликовская Людмила
Владимировна 2: 81, 286, 425
- Полифем 2: 372
- Полонская (Мовшензон)
Елизавета Григорьевна 1: 298, 344; 2: 134, 278, 348, 415–416, 440, 612
- Полонская Вероника
Витольдовна 2: 29
- Полонский (Гусин) Вячеслав
Павлович 2: 79
- Полонский Яков Петрович 1: 29;
2: 518
- Полторацкий (Полторацкий-
Погостин) Виктор Васильевич
1: 414; 2: 341, 528, 559
- Поляков Владимир Соломонович
1: 44
- Полякова Надежда Михайловна
2: 142, 391
- Полякова Софья Викторовна
2: 192
- Полян (Нерлер) Павел Маркович
2: 8, 420
- Померанц Григорий
Соломонович 2: 608–609
- Померанцев Кирилл Дмитриевич
1: 461; 2: 599
- Поморская, Кристина 1: 348
- Поморский, Адам 2: 143, 623
- Помпей Великий Гней 2: 209
- Пономарев Борис Николаевич
1: 295, 379
- Пономарева Галина Михайловна
2: 193
- Понтий Пилат 1: 499
- Попов Владимир Федорович 2: 63
- Попова Людмила Михайловна
2: 18, 462
- Попова Нина Ивановна 2: 45, 128, 348, 575, 622
- Попович Павел Романович 2: 368
- Поповкин Евгений Ефимович
1: 157; 2: 245, 516
- Поповский Марк Александрович
2: 535
- Портинари, Беатриче 1: 119, 223
- Порцген, Германн 2: 310
- Поспелов Петр Николаевич 2: 67,
149
- Поступальский Игорь
Стефанович 1: 393
- Постышев Павел Петрович
1: 277; 2: 149, 388
- Потапов Кирилл Васильевич 2: 52
- Потемкин Петр Петрович 2: 611
- Поцелуев Сергей 2: 91
- Правдина Инна Соломоновна
2: 487
- Правдина Мария Борисовна
2: 622
- Прашкевич Геннадий Мартович
2: 19

- Прегель София Юльевна **2**: 75–76
- Примаков Виталий Маркович
2: 186
- Приходько Владимир
Александрович **2**: 82, 332–333
- Пришвин Михаил Михайлович
2: 32, 50
- Провинциал (псевдоним) **2**: 21
- Прозерпина **2**: 268
- Прозоровский Борис Алексеевич
2: 545
- Прокофьев Александр
Александрович **1**: 53, 58, 132–
133, 252, 258, 295, 358, 414–416,
433; **2**: 24, 37, 53, 135–136, 142,
154, 164, 177, 209–210, 213, 308,
334, 347, 406, 421, 474, 478, 487,
531, 532, 535, 545, **553**, 612
- Прокофьев Сергей Сергеевич
1: 33; **2**: 42, **43**
- Пронин Иван Николаевич **2**: 245
- Проперций Секст **1**: **474**
- Просс-Веерт, Гедди **2**: 491
- Прохоров Евгений Иванович
2: 603
- Прохоров Сергей Михайлович
2: 465
- Прохорова Вера Ивановна **2**: 47
- Пруст, Марсель **1**: 13, 335, 418;
2: 536, 574
- Прядка Н. **1**: 227, 230
- Пугачев Емельян Иванович **2**: 388
- Пузиков Александр Иванович
2: **303**
- Пунин Лев Николаевич **2**: 449
- Пунин Николай Николаевич
1: 13, 20, **30**, 31, 61, 65, 83, 110,
282, 343, 361, 404, 433, 443; **2**: 9,
29, **41**, 44, 65, 73, 111, 175, 191,
213, 239–240, **343**, **392**, 393–394,
395, 401–402, 449, 464, **466**, 481,
543, 560, 604
- Пунина Ирина Николаевна **1**: 31,
43, 83, 142, 252, 404, 461; **2**: 45,
65, 187, 204, 259, 299, 343, 375,
524, 526, 544
- Пухов Юрий Сергеевич **2**: 613
- Пучков Анатолий Иванович
1: 385; **2**: 499
- Пушкарская (Татарина) Нина
Ивановна **2**: 56, 259, 601
- Пушкин Александр
Александрович **2**: 403
- Пушкин Александр Сергеевич
1: 24, 29, 34, 36, 46, 81, 114, 116,
127–128, 130, 137, 150, **153**, 154,
159, 180, 182, 186–187, 212, 223,
232, 242, 245, 250, 264, **268**, **271**,
274, 286–287, 310, 321–323,
326, 330, 333, 368, 378, 383, 417,
419, 426, 441, 464, 473, 483, 485,
493–494, 501; **2**: 9, 15, 32, 43, 50,
52, 64, 66, 69, 73, 78, 92, 106, 121,
124, **128**, 129, 136–139, 159–160,
163–165, 169, 182, 193, 204, **216**–
217, 220–222, 231, 238, 248–249,
251, 253, 260, 268–269, **276**, 299,
303, 334, 348, 358, 401, 403, 413,
415, 422, **426**, **432**, 435, 437, 445,
449, 455, 459, 479, 489, 495, 501,
504, 520, 527, **561**, 573, 593, 597,
600, 603–604, 606, 619
- Пырьев Иван Александрович
2: 420
- Пяст (Пестовский) Владимир
Алексеевич **1**: 112, 262; **2**: 9, 60,
132, **184**, 185, **200**, 369, 429, 441,
589
- Рабин Оскар Яковлевич **2**: 384
- Рабинович, Стэнли **2**: 545, 623
- Рабичев Леонид Николаевич
2: 391
- Равдин Борис Нафтадьевич **2**: 31,
193, 623
- Равель, Морис **2**: 188
- Радзинский Станислав
Адольфович **1**: 487; **2**: 103
- Радзинский Эдвард
Станиславович **2**: 103
- Радзишевская Марина
Васильевна **2**: 6
- Радзишевский Владимир
Владимирович **2**: 277

- Радимов Павел Александрович
1: 350
- Радлов Сергей Эрнестович
2: 446–447
- Радлова (Дармолатова) Анна
Дмитриевна 1: 25, 101, 323;
2: 164, 352, **446–447**
- Радов Егор (Георгий Георгиевич)
2: 193
- Разговоров Никита
Владимирович 2: 331
- Разин Степан Тимофеевич 2: 224,
294
- Разумов Анатолий Яковлевич
2: 175, 623
- Райкин Аркадий Исаакович
1: 126, 315–316, 446; 2: **572**
- Райнис (Пликшанс), Ян (Янис)
1: 55
- Райс Эммануил Матусович (М.
Бусин) 2: 388, 413, 547
- Райт, Джудит Арунделл 1: 470
- Райт-Ковалева (Черномордик)
Рита (Раиса) Яковлевна 1: 405;
2: 337, 346
- Ракитин Василий Никитич 2: 65
- Ракитянский Анатолий
Тихонович 2: 623
- Раневская (Фельдман) Фаина
Георгиевна (Григорьевна) 1: 150,
372; 2: 10, 46, 81, 149, 195, 459,
496, 503, 602
- Раннит, Алексис (Долгошев
Алексей Константинович)
2: 467–468
- Рапп Евгения Юдифовна 2: 507
- Расин, Жан 1: 329–330
- Раскина Александра
Александровна 2: 623
- Раскова Марина Михайловна
1: 25; 2: 17–18
- Раскольников (Ильин) Федор
Федорович 1: 365, 404; 2: 482,
484
- Раскольников Родион Романович
1: 471; 2: 600
- Распутин (Новых) Григорий
Ефимович 1: 222, 356, 362–363;
2: 156, 323
- Рассадин Станислав Борисович
2: 382, 540
- Расторгуева Елизавета Киевна
2: 102
- Растрелли Варфоломей
Варфоломеевич (Бартоломео
Франческо) 1: 286
- Ратгауз Грейнем Израилевич
1: 12; 2: 9, 48, 156, 193, 253, 271,
322, 397, 585
- Рафальский Сергей Мильевич
2: 97
- Рахиль 2: 446
- Рахманов Леонид Николаевич
2: 181, 532, 537
- Рачинская (Вольман) Елизавета
Николаевна 2: 571
- Рашковская Мария Аркадьевна
2: 115, 623
- Резник Осип Сергеевич 2: 338,
521
- Резникова Наталья Семеновна
2: 593
- Рейн Евгений Борисович 1: 334;
2: 407, 623
- Рейсер Соломон Абрамович
2: 316, 437
- Рейснер Лариса Михайловна
1: 365, 465; 2: 284, 484
- Рекамье, Жюли 2: 325
- Рекемчук Александр Евсеевич
2: 541
- Ремарк Эрих-Мария 1: 244; 2: 452
- Рембо, Жан-Артюр-Николя
2: 281, 333, 393
- Рембрандт, Харменс ван Рейн
2: 40
- Ремизов Алексей Михайлович
1: 155, 384–386; 2: **500–501**
- Ремизова (Довгелло) Серафима
Павловна 1: 386
- Репин Илья Ефимович 2: 393
- Рерих Николай Константинович
2: 192

- Рессер Ксения Константиновна
1: 244; 2: 348
- Решетов Александр Ефимович
2: 85
- Ржевская Елена Моисеевна 2: 537
- Ржевский (Суражевский) Леонид
Денисович 2: 302
- Рив, Франклин 1: 307, 402; 2: 429–
430
- Рив, Хелен 2: 430
- Рильке, Райнер Мария 2: 141, 145,
361, 409, **459**
- Рипеллино, Анджеоло Мария
1: 262; 2: 369
- Рита 1: 391–392
- Риттенберг Сергей
Александрович 1: 148, 200, 214,
268, 303, 385–386, 415; 2: 280,
300, 472, 502, 560
- Риццоли, Анджеоло 1: 417
- Риччо, Карло 1: 12; 2: 369
- Роб-Грийе, Ален 1: 336; 2: 458
- Рогачевский Леонид Михайлович
2: 52
- Рогинский Арсений Борисович
2: 623
- Рогинский Яков Яковлевич 2: 593
- Родари, Джанни 2: 613
- Родзянко Владимир Михайлович
(епископ Василий) 2: 188
- Рожанский Иван Дмитриевич
1: 372; 2: 403, 512, 544, 552, 575
- Рожанский Федор Иванович
2: 623
- Рождественская Нина Антоновна
2: 82, 332
- Рождественский Всеволод
Александрович 1: 95, 121, **138**,
455; 2: 53, 75, 213, 228, 292, 427,
532, 548, 585, 611
- Рождественский Роберт
Иванович 1: 357, 422; 2: 207–
208, 237, 347
- Рожицын Валентин Сергеевич
2: 192, 585, 605
- Розанов Иван Никанорович 2: 52,
54
- Розанова Марья Васильевна
2: 623
- Розанова Татьяна Васильевна
2: 227
- Розен Александр Германович
1: 101, 103; 2: 173, 493
- Розен Юлия 2: 66
- Ройтман Владимир Леонидович
2: 48
- Роллан, Ромен 2: 156
- Рома (Райкина) Руфь Марковна
2: 573
- Романков Леонид Петрович
2: 296
- Романов Алексей Владимирович
1: 333
- Романов Михаил 2: 224
- Романов Павел Константинович
2: 406
- Романов Пантелеймон Сергеевич
1: 155
- Романова Регина Максовна 2: 453
- Ромашов Борис Сергеевич 1: 48
- Ромм Александр Ильич 2: 463
- Ромм Михаил Ильич 2: 435, 609
- Ронен, Омри (Сорени Имре
Эмерихович) 2: 253
- Ронкин Валерий Ефимович 2: 150,
451
- Роос-Базилевская Елизавета
Гертруда Альфредовна 2: 193
- Роскина Ирина Валентиновна
2: 623
- Роскина Наталья Александровна
2: 10, 88, 170, 181, 202, 225, 256,
268, 381, 392, 454, 500, 502, 540,
595
- Россетти, Данте Габриэль 1: 280
- Ротова Ирина Константиновна
2: 448
- Рубакин Николай Александрович
2: 322
- Рубашкин Александр Ильич
2: 136, 146, 178, 289
- Рубенс, Питер Пауль 1: 79; 2: 134,
159, 267

- Рубинчик Ольга Ефимовна **2:** 9, 45, 82, 111–112, 138, 402, 417, 493, 622
- Рубинштейн (урожд. Альтварг) Наталья Наумовна **2:** 480, 623
- Рубинштейн Дмитрий Львович **2:** 427
- Рубинштейн Роман Альбертович **1:** 252; **2:** 373
- Рублев Андрей **2:** 381
- Рублев Георгий Львович **1:** 52
- Рудаков Сергей Борисович **2:** 133, 187
- Рудин Дмитрий, см. Александров Ростислав Николаевич
- Рудинский Владимир Андреевич **2:** 77, 187
- Рудницкий Михаил Львович **2:** 400, 432
- Румянцев Александр **1:** 56
- Рунт-Погорелова Бронислава Матвеевна **2:** 513
- Руо, Жорж **2:** 394
- Русанова Анна Андреевна **2:** 473
- Русанова Татьяна Андреевна **2:** 473
- Руслан **1:** 174
- Русланова Лидия Андреевна **2:** 209
- Руффо, Титта **2:** 462
- Ручьев (Кривошеков) Борис Александрович **1:** 414
- Рыбаков (Аронов) Анатолий Наумович **2:** 243
- Рыбаков Иосиф Израилевич **2:** 96
- Рыбакова Лидия Яковлевна **2:** 36
- Рыбакова Ольга Иосифовна **2:** 187
- Рыбасов Адександр Петрович **2:** 179–180
- Рывина Елена Израилевна **1:** 44; **2:** 285
- Рывлин Аркадий Исакович **2:** 85
- Рыжей Петр Львович (братья Тур) **2:** 31
- Рыков Алексей Иванович **1:** 217; **2:** 156
- Рыкова (Гуковская) Наталья Викторовна **1:** 216–217; **2:** 83, 316
- Рыкова (Маршак, Пятницкая) Нина Семеновна **1:** 216–217; **2:** 316
- Рыкова Надежда Януарьевна **2:** 183, 242
- Рылеев Кондратий Федорович **2:** 101
- Рыленков Николай Иванович **1:** 297, 401–402, 414; **2:** 414
- Рыльский Максим Фаддеевич **1:** 252; **2:** 76, 91, 412
- Рюриков Борис Сергеевич **2:** 123, 141, 149, 198, 457
- Рябов Иван Афанасьевич **2:** 147
- Рядченко Иван Иванович **1:** 53
- Рязский Борис Всеволодович **2:** 83
- С. Мария, см. Мари С.
- Саакянц Анна Александровна **2:** 251, 369
- Саба, Умберто **1:** 377
- Сабанеев Леонид Леонидович **2:** 282
- Савин Валериан Лукьянович **2:** 495
- Савина Мария Гавриловна **2:** 203–204
- Савинков (псевд. В. Ропшин) Борис Викторович **1:** 27; **2:** 40
- Савицкий Владимир Дмитриевич **2:** 142
- Савицкий Иван Петрович **2:** 229
- Савицкий Петр Николаевич **1:** 145; **2:** 229–231
- Садовской (Садовский) Борис Александрович **1:** 95; **2:** 132
- Садофьев Илья Иванович **2:** 516
- Сажин Валерий Николаевич **2:** 267, 545, 623
- Сайнай, Роберт **2:** 600
- Саломея **1:** 307; **2:** 398, 429
- Салтан **2:** 191

- Салтыков-Щедрин Михаил
Евграфович **1**: 258; **2**: 292, 363
- Салямон Елена Леонидовна **2**: 623
- Сальери, Антонио **2**: 43
- Самарин В. (Соколов Владимир
Дмитриевич) **2**: 563
- Самарин Роман Михайлович
1: 295; **2**: 469, **563**, 578
- Самойлов (Кауфман) Давид
Самуилович **1**: 71, 166, 357, 486;
2: 10, 42, 49, 117, 123, 142, 193–
194, 327, 388, 416, 435, 477–478,
490, 535, 560, 591
- Самсон **1**: 116
- Сандомирская-Данхэм Вера
1: 258; **2**: 370
- Санин Владимир Петрович **1**: 27;
2: 40, 392
- Сараева-Бондарь Августа
Михайловна **2**: 205, 324, 464
- Сарнов Бенедикт Михайлович
1: 226, 230; **2**: 16, 324, 331, 334,
399, 417, 435
- Сарро, Натали (Черняк Наталья
Ильинична) **1**: 336–337; **2**: 458–
459, **460**
- Сартр, Жан-Поль **1**: 334, 404;
2: 124, **456**, **569**, 600
- Сарьян Мартирос Сергеевич
2: 112, 518
- Сассун, Зигфрид Лоррейн **1**: 437–
438; **2**: 557
- Сафо **1**: 446; **2**: 498, 547, 592, **593**,
606
- Сахар (Лидарцева) Нора
Яковлевна **1**: 200; **2**: 300, 560–
561
- Сахновская (урожд. Лошкарева)
Зоя Александровна **2**: 575
- Сашин Ян (Левин Яков
Александрович) **2**: 56
- Саянов (Махлин) Виссарион
Михайлович **1**: 83; **2**: 24, 85, 89,
155, 177, 228, 251, 309
- Свентицкий Александр
Вячеславович **2**: 193, 548
- Свердлов Яков Михайлович
(Янкель Мовшевич?) **1**: 199
- Сверчкова (урожд. Гумилева)
Александра Степановна **2**: 25
- Светлов (Шейнкман) Михаил
Аркадьевич **1**: 53, 373; **2**: 49, 63,
86, 185, 347–348, 471, **490**, 491
- Светов (Фридлянд) Феликс
Григорьевич **2**: 452
- Свиридов Георгий Васильевич
1: 495; **2**: 616
- Свирский Григорий Цезаревич
2: 48, 77, 148, 613
- Свифт, Джонатан **1**: 302
- Святополк-Мирский Дмитрий
Петрович **2**: 78
- Северская Е. (Кричевская Елена
Константиновна?) **2**: 315
- Сегал Димитрий Михайлович
1: 12; **2**: 185, 405, 622
- Сегер, Пьер **2**: 560
- Седых Андрей (Цвибак Яков
Моисеевич) **2**: 226
- Сезанн, Поль **2**: 413, 501
- Сейфулина Лидия Николаевна
1: 25; **2**: 70
- Секретев Анатолий Петрович
2: 595
- Секундо Эмма Беньяминовна
2: 623
- Селин (Детуш), Луи-Фердинанд
1: 34
- Сельвинский Илья Львович **1**: 52,
67, 275; **2**: 27, 55, 81, **84**, 171, 327,
354, 424, 520
- Семенов Глеб Сергеевич **1**: 343;
2: 225
- Семенов Ярополк Александрович
2: 82
- Семенова Галина Константиновна
1: 283; **2**: 411
- Семенова М. **2**: 55
- Семенов-Тянь-Шанский Андрей
Петрович **2**: 448
- Сёмин Виталий Николаевич
1: 468

- Семичастный Владимир
Ефимович **1:** 468, 486; **2:** 386,
482, 608
- Семынин Петр Андреевич **1:** 34
- Семынина Наталья Петровна
2: 48
- Серапион **2:** 61
- Серафимович (Попов) Александр
Серафимович **2:** 28, 347
- Сергеев Андрей Яковлевич **1:** 304;
2: 10, 171, 243, 328, **422**, 423, 450,
500, 535–536, 600
- Сергеев Михаил Алексеевич **2:** 71
- Сергеевич В. **2:** 28
- Сергеев-Ценский Сергей
Николаевич **2:** 32
- Сергиевская Мария Николаевна
2: 88
- Сергиевский Иван Васильевич
1: 53; **2:** 87–88
- Сергованцев Николай
Михайлович **2:** 427
- Серебровская Елена Павловна
1: 92–93, 194; **2:** **146**, 288, 513,
521
- Серж (Кибальчич) Виктор
Львович **1:** 99, 104; **2:** 153, **156**,
157, **158**
- Серман Илья Захарович **2:** 213,
297
- Сермуks Николай Мартынович
2: 346
- Серов Владимир Александрович
1: 282, 295; **2:** 391, 392
- Серова Марина Васильевна **2:** 604
- Сеферис, Георгос **2:** 372, 523
- Сигрист (Гротов) Сергей
Викторович (А. Ростов) **2:** 209
- Сигэки, Кадзи **2:** 252, 255
- Сидельников Виктор
Михайлович **2:** 48
- Сидоренко Николай Николаевич
1: 53, 197, 235–237
- Сидоровский Лев Исаевич **2:** 38,
178
- Силоне, Игнацио **1:** 112; **2:** 186
- Сильман Тамара Исааковна
2: 225, 541, 610
- Симмонс, Эрнст **2:** 543
- Симонов Алексей Кириллович
2: 108
- Симонов Константин (Кирилл)
Михайлович **1:** 53–54, 112, 297;
2: 16, **24**, 27, 45, 50, 77, 87–88,
114–115, **270–271**, 347, 452, 457,
530, 533, 611
- Синебрюхов Назар Ильич **2:** 453
- Синельников Михаил Исаакович
2: 225, 495
- Синявский Андрей Донатович
(псевд. Абрам Терц) **1:** 9, 213,
366, 367, **368–369**, 370, 376, 432,
463, 471, 477, 485, 490, 492–493,
494; **2:** 114, 146, 232, 374, 382,
444–445, 457, 484–486, 523–535,
558, 588, **595**, 600, **604**, 613, **614**,
615, **616**
- Сиротинская Ирина Павловна
2: 91
- Ситуэлла, Осберт **2:** 342
- Ситуэлла, Сачеревелл **2:** 342
- Ситуэлла, Эдит **1:** 208, 238; **2:** **342**
- Скала, Иван **1:** 334; **2:** 456
- Скалдин Алексей Дмитриевич
1: 386
- Скатов Николай Николаевич **2:** 6
- Скворцов Борис Николаевич
2: 55
- Скворцов Владимир **2:** 529, **530**
- Скорино Людмила Ивановна
2: 381, **494**
- Скороходов Глеб Анатольевич
1: 150; **2:** 149
- Скрябин Александр Николаевич
1: 128; **2:** 376, 421
- Скукалек, Рудольф **1:** 417
- Скуратовский Вадим Леонтьевич
2: 623
- Скуратовский Виталий
Яковлевич **2:** 408
- Слизской Аркадий Федотович
2: 100, 150, 193, 254, 259, 284,
313, 434, 485, 487, 524, 533, 542

- Слободской Морис Романович
2: 189
- Слоним Илья Львович 1: 372;
2: 615
- Слоним Мария Ильинична 2: 615
- Слоним Марк Львович 1: 95;
2: 150, 372, 525, 576, 587
- Слонимская Ида Исааковна
2: 104
- Слонимский Александр
Леонидович 2: 95, 112, 124, 136,
206
- Слонимский Михаил Леонидович
1: 199; 2: 104, 136, 165, 299, 532
- Слонимский Сергей Михайлович
2: 104
- Слонимский, Антони 1: 89; 2: 141
- Слуцкий Борис Абрамович 1: 52,
132–133, 149, 166, 273, 275,
277–278, 357, 404; 2: 129–130,
171, 188, 227, 237, 295, 303, 326,
347–348, 378, 384, 424, 535
- Случевский Константин
Константинович + 2: 363, 422
- Смеяков Ярослав Васильевич
1: 192; 2: 21, 347, 528
- Смелянский Анатолий
Миронович 2: 623
- Смертяшкин (Закавыкин
Евстигней) 2: 147
- Смехов Вениамин Борисович
2: 609
- Смирнов А. 2: 398
- Смирнов Александр
Александрович 1: 101, 103;
2: 174–175, 375
- Смирнов Владимир Олегович
2: 504
- Смирнов Иван Иванович 2: 293
- Смирнов Сергей Васильевич
1: 52, 132–133; 2: 49, 148, 208,
347
- Смирнов Сергей Сергеевич
1: 161, 222; 2: 85, 253, 324
- Смит, Александра 2: 469
- Смоктунровский Иннокентий
Михайлович 1: 488; 2: 535, 609
- Смолянская Татьяна Аркадьевна
2: 491
- Снастин Василий Иванович
1: 336, 374–375, 379
- Снегов (Штейн) Сергей
Александрович (Иосифович)
2: 535
- Снегурка 1: 319, 321; 2: 441, 442
- Собинов Леонид Витальевич
1: 231
- Соболев Александр Львович
2: 10, 25, 184, 206, 524, 546, 622
- Соболев Леонид Сергеевич
1: 400, 418, 421; 2: 16, 197, 243,
348, 412, 414, 478, 479, 536, 539,
540, 541, 573
- Соболева-Михальцева Ольга
Ивановна 2: 540
- Соболевский П. 2: 411
- Соболевский Сергей
Александрович 2: 488
- Соболь Андрей (Юлий
Михайлович) 1: 112; 2: 185
- Соболь Марк Андреевич 2: 85
- Сойфертис Леонид (Вениамин)
Владимирович 2: 21
- Соколов Владимир
Александрович 2: 609
- Соколов Владимир Николаевич
2: 18, 385
- Соколов Михаил Дмитриевич
2: 411
- Соколов Николай Николаевич
2: 85
- Соколова (Гинзбург, Типот)
Наталья (Ата) Викторовна 2: 24,
143, 520
- Соколов-Микитов Иван
Сергеевич 1: 381
- Сократ 1: 134, 276; 2: 212–213
- Солдатов Александр Алексеевич
2: 561, 562
- Солдатов Ружина Борисовна
2: 561, 562
- Солженицын Александр Исаевич
1: 248, 277, 283, 294, 305, 307,
373, 404, 409, 468, 492; 2: 70, 96,

- 245, 258, 291, 354, **384**, 385, 412, 415, 427, 429, 434, 438, 457, **532**, 535, 541, 562, 575, 599, 614
- Соловейчик Симон Львович
2: 495
- Соловьев Борис Иванович 1: 474;
2: 63, 113, 199, 208, 295, 416, 484
- Соловьев Василий Иванович
2: 79–80
- Соловьев Владимир Сергеевич
2: 315
- Соловьев Григорий Никифорович
2: 67
- Соловьев Сергей Михайлович
2: 121
- Соловьева (Базилевская) Инна
Натановна 1: 23; 2: 623
- Сологуб (Тетерников) Федор
Кузьмич 1: 28, 69, 304; 2: 32, 53,
111, 132, 182, 215, 252, 266, 353,
374, **427**, 447, 469, 486, 499, 505,
546–547
- Соломон 1: 80
- Солонович Евгений Михайлович
2: 208
- Солсбери, Гаррисон 1: 269; 2: **356**
- Сомов Константин Андреевич
2: 401
- Сомова Светлана Александровна
1: 41; 2: 56
- Сон Сам Мун 2: 277
- Соостер Юло-Ильмар
Йоханнесович 1: 281; 2: 391
- Сорокин Георгий Васильевич
2: 488
- Сорокин Григорий
Эммануилович 2: 165
- Сосинский-Семихат Владимир
Бронислав Рейнгольд
Брониславович 2: 275, 363, 591,
593
- Соснора Виктор Александрович
1: 409, 453; 2: **19**
- Софиев (Бек-Софиев) Юрий
Борисович 2: 403
- Софинский Всеволод Николаевич
2: 561
- Софокл 2: 324
- Софронов Анатолий
Владимирович 1: 36, 48, 314,
400, 421; 2: 49, **50**, 84, 144, 243,
347, 539
- Спаский Сергей Дмитриевич
1: 101–102, 109, 139; 2: 25, 51,
110, 179, **181**, 251
- Спектор Иосиф 2: 557
- Спендер, Стивен 1: **444**, 445
- Срезневская (урожд.
Тюльпанова) Валерия
Сергеевна 1: 83, 173, 461
- Сречинский Юрий Сергеевич
2: 158
- Ставрогина Варвара Петровна
2: 574
- Стайн, Гертруда 1: 284; 2: 398
- Сталин (Джугашвили) Иосиф
Виссарионович (Гуталин,
Корифей Наукович, Сосо, Ус,
Хозяин) 1: **9**, 22, **23**, 28–29, 33,
38, 43–45, 47, 49, 54, 60, **61–62**,
63–64, 73–74, 90, 99, 133, 145,
192, **198**, 210, 214, 220, 246, 255–
257, 269, 271–273, 275–278, 282,
293, 295, **315**, 316, 357, 374, 388–
389, 404, 425, 440, 444, 448, 467–
468, **469**, 488, **493**, 494; 2: **22**,
26, **29**, 30–31, 35, 40–41, 43, **44**,
45, 47, 65, 75–78, **83**, 84, 87–88,
101–102, **103**, 104, 108, 123, 126,
128, 133, 136, 138, 144, 147, 149,
154, 156–157, 160, 177, 181, 207,
209, **223**, 224, 229, **241**, 242, 252,
255, 272, 274, 284, 289–290, 342,
350, **359–360**, **383**, 384–385, 388,
391–392, 394, 406–407, 411–412,
450, 452, 456, 477, 482–483, **503**,
518, 521, 539, 562, **565**, 566, 575,
612, 614, **615**, 616, 618
- Станиславский (Алексеев)
Константин Сергеевич 2: 29,
452
- Стариков Дмитрий Викторович
2: 84

- Старикова Екатерина Васильевна
2: 535
- Старицкая Марина 2: 223
- Старостина Наталья Андреевна
2: 623
- Старшинов Николай
Константинович 2: 338
- Стаф Ирина Карловна 2: 333
- Стейнбек, Джон 1: 267–268
- Стеллецкий Дмитрий Семенович
1: 124
- Стендаль (Бейль, Мари-Анри)
1: 72, 412; 2: 123
- Стенич (Сметанич) Валентин
Иосифович 1: 101, 110–111,
112; 2: 163, 181–182, 183
- Степанов Евгений Евгеньевич
2: 623
- Степанов Николай Леонидович
1: 37, 100–101, 103, 497; 2: 52,
57, 153, 171–172
- Степанян Карен Ашотович 2: 45
- Степун Федор Августович 1: 181
- Стерн, Анатолий 1: 399; 2: 522, 538
- Столица (Ершова) Любовь
Никитична 2: 440
- Столович Леонид Наумович
2: 283
- Столярова Наталья Ивановна
1: 182, 372; 2: 275, 535, 609
- Стравинская (урожд. Де Боссе, в
первом браке Лури, во втором
Шиллинг) Вера Артуровна
2: 375–376
- Стравинский Игорь Федорович
1: 126, 189, 273–274; 2: 203,
375–376, 377
- Страховский Леонид Иванович
(псевд. Л. Чацкий) 1: 152, 260;
2: 237–238, 364, 365, 592
- Стрейт, Майкл 2: 125
- Стрелка 2: 343
- Строчков Владимир Яковлевич
2: 422
- Струве Глеб Петрович 1: 153, 260,
350–351, 400, 402, 404, 418, 432,
439, 441, 469, 489, 497; 2: 11, 77,
125, 299–301, 322, 361, 364–366,
461, 466, 471, 472, 545, 552, 559,
560, 563, 567, 576, 592–593, 597,
603, 617
- Струве Никита Алексеевич
1: 459–460, 463; 2: 10, 111, 161,
184, 276, 435, 454, 485, 572–573,
582, 623
- Струве Петр Бернгардович 1: 439;
2: 562
- Стуруа Мэлор Георгиевич 2: 573
- Стюарт Елизавета
Константиновна 1: 40; 2: 55, 537
- Субботин Василий Ефимович
2: 85, 103
- Суворова Клара Николаевна 2: 11
- Сувчинский Петр Петрович
2: 409
- Судейкин Сергей Юрьевич 1: 482;
2: 107, 353, 375–376, 589
- Суламифь 2: 429
- Суок Серафима Густавовна 1: 486
- Суперфин Габриель Гаврилович
1: 482; 2: 5, 120, 454, 491, 535,
622
- Суриков Михаил Николаевич
2: 537
- Сурков Алексей Александрович
1: 45, 49–50, 51–54, 65, 67, 89,
93, 113–114, 132–133, 139, 144–
145, 155, 158, 160, 167, 169, 210–
212, 233–234, 246, 251, 254, 256,
270, 272, 294–295, 326, 336, 357,
366, 377, 379, 397, 400, 404, 419,
433, 468, 497; 2: 15, 27, 76–77,
78, 79, 81, 88, 104–105, 108, 110,
118, 141, 147, 257, 270, 301, 307,
337–338, 367, 412, 451, 477–478,
514, 517, 523, 525, 540, 543
- Суркова (Кревс) Софья
Антоновна 2: 270
- Суров Анатолий Алексеевич 2: 77
- Суслов Михаил Андреевич 1: 379;
2: 83, 115, 143, 149, 226, 540, 613
- Сутугина-Кюнер Вера
Александровна 1: 266, 273;
2: 209, 322, 367, 437

- Сухатин Павел Адрианович **2**: 422
 Сухомлинова (урожд. Заславская)
 Ася Петровна **1**: 372; **2**: 114, 623
 Сухопаров Сергей Михайлович
 Сучков Борис Леонтьевич **1**: **276**,
 494; **2**: **382**, 494
 Сытин Виктор Александрович
2: 109
 Сэлинджер, Джером Дейвид
1: 244
 Сюань Цзун **1**: 326
 Сюзанна **2**: 159
- Табидзе Тициан Юстинович
1: 280, 295, 308; **2**: 430–431
 Тагер (урожд. Хургес) Елена
 Ефимовна **2**: 425–426
 Тагер Евгений Борисович **2**: 426
 Тагер Елена Михайловна **1**: 100,
 221, **222**, 266, 273; **2**: 44, 112, 163,
 181, **322**, 323, 437, 562
 Тагер Мария Николаевна **2**: 323
 Тагор (Тхакур) Рабиндранат
1: 381
 Тальников (Шпитальников)
 Давид Лазаревич **2**: 41, 446
 Тамерлан (Тимур) **1**: 197, 199;
2: 295
 Тарасенков Анатолий Кузьмич
1: 39, 160; **2**: 94, **247**, 248, **250**,
 421
 Тарасов Борис Александрович
1: 372; **2**: **337**
 Тарасова (урожд. Жук) Наталья
 Борисовна **1**: 302; **2**: 199, 320,
 492–493, 554
 Тарасова Алла Константиновна
2: 15
 Тарасов-Родионов Александр
 Игнатьевич **2**: 150
 Тарзан (лорд Грейсток) **2**: 81
 Таривердиев Микаэл Леонович
2: 518
 Тарковская Марина Арсеньевна
2: 309
 Тарковский Арсений
 Александрович **1**: 13, 161, 198,
 210; **2**: 44, 225, 309, **327**, 361, 488,
 531, 535, 573, 575, 592
 Тарсис Валерий Яковлевич **1**: 490;
2: 610
 Татлин Владимир Евграфович
1: 282; **2**: 395
 Татьяничева Людмила
 Константиновна **1**: **40**, 414;
2: 54–55, 287
 Таубер Екатерина Леонидовна
2: 275
 Тауфер, Иржи **2**: 39
 Твардовский Александр
 Трифонович **1**: 32, 46, 48, 52,
 132–133, 177, **178–179**, 191, 194,
198, 211, 224, 246, 252, 267, 275,
291, 296, 344, 373, **374–375**, 404,
 408, 416, 421, 433, 467–468; **2**: 21,
 27, 44, 77–78, 96, 113, 144–145,
 171, 232, 255, 270–271, 284, 309,
 336, 347, 371, 381, 384–385, 406,
 413–414, 450, 459, 483, **493**, 522,
 532, 535, 541, 613
 Тейдер Валентина Федоровна **2**: 6
 Тейлор, Элизабет **2**: 428
 Телешов Николай Дмитриевич
2: 500
 Тель, см. Тэль
 Тендряков Владимир Федорович
2: 197, 452, 540
 Терапиано Юрий
 Константинович **1**: 461; **2**: 49,
 118, 163, 227, 261, 284, 320–321,
 330, 351, 386, 420, 450, 482, 514,
 557, 582, 584, 592, 615
 Терехов Александр Генрихович
2: 7
 Терешкова (Николаева-
 Терешкова) Валентина
 Владимировна **1**: 248; **2**: 352,
353, 354
 Терновский Евгений Самойлович
2: 535
 Терьян (Тер-Григорьян), Ваан
2: 445
 Тигонен Татьяна Вильгельмовна
2: 296

- Тидмарш (урожд. Конкевич)
Ирина Сергеевна **1:** 450; **2:** 575
- Тименчик (урожд. Блинчикова)
Хана Овсеевна **1:** 9
- Тименчик Ксения Михайловна
2: 623
- Тименчик Михаил Давидович
2: 10
- Тимофеев Леонид Иванович
1: **38**; **2:** 35, 52, 108, 164, 529
- Тимофеева Маргарита
Владимировна **2:** 344
- Тимофеев-Еропкин Борис
Николаевич **2:** 453
- Тимофеевский Александр
Павлович **2:** 407, 419–420, 535,
623
- Тиняков Александр Иванович
2: 354, **440**, 548
- Типот (Гинзбург) Виктор
Яковлевич **2:** 143
- Тито, Иосип Броз **1:** 62
- Титов Герман Степанович **2:** 145
- Тихов Гавриил Адрианович **1:** 247
- Тихомиров Вениамин Васильевич
2: 483
- Тихомиров Михаил Иванович
2: 551–552
- Тихомирова (Круглевская)
Вероника Александровна **2:** 623
- Тихонов Николай Семенович
1: 52, 66, 82, **99–100**, 101, 131,
138–139; **2:** 24, 44, 53, 78, 88, 104,
114–115, **123**, **154–156**, 163, 174,
181, **207**, 214, 228, 299, 352, 412,
451, 532, 612
- Товстолес Григорий Николаевич
1: 255
- Тоддес Евгений Абрамович **1:** 9;
2: 133, 167, 551
- Толмачев Михаил Васильевич
2: 96, 375, 485, 493, 607
- Толстая (Баршева; урожд.
Крестинская) Людмила
Ильинична **1:** 103; **2:** 176
- Толстая (Вечорка) Татьяна
Владимировна **2:** 488
- Толстая (урожд. Берс) Софья
Андреевна **2:** 452
- Толстая Александра Львовна
1: 53
- Толстая Елена Дмитриевна **2:** 102
- Толстая-Есенина Софья
Андреевна **2:** 192, 500
- Толстиков Василий Сергеевич
1: 418
- Толстой Алексей Николаевич
2: 26–28, 30, 101, **102**, 103,
156–157, 165, 216, 273, 290, 293,
347, 530
- Толстой Дмитрий Алексеевич
2: 102
- Толстой Лев Николаевич **1:** 14,
127, 267; **2:** 92, 147, 163, 176, 286,
329, 452–453, 525, 558, 560, 586
- Толстяков Артур Павлович **2:** 351
- Тома, Александру **2:** 255–256
- Томас, Дилан **2:** 282, 525
- Томашевская Зоя Борисовна
1: 12, 141, 241; **2:** 7, 17, 94, 225,
384, 420, 440, 517, 535
- Томашевский Борис Борисович
1: 237
- Томашевский Борис Викторович
2: 35, 41, 73, 188, 271, 409
- Томский (Ефремов) Михаил
Павлович **2:** 156
- Тоня **2:** 53
- Топорков Сергей Александрович
2: 361
- Топорков Юрий Александрович
2: **361**
- Топоров Владимир Николаевич
1: 12; **2:** 61, 335, 405, 425
- Точеный Олег Петрович **2:** 491
- Трахман Михаил Анатольевич
1: 420
- Трегуб Семен Адольфович **1:** 414;
2: 528, **530**
- Тремограст **2:** 567
- Тренин Владимир Владимирович
2: 61
- Третьяков Виктор Васильевич
2: 380

- Третьяков Сергей Михайлович
1: 112; 2: 186
- Триоле (Каган) Эльза Юрьевна
(Уриевна) 1: 277; 2: 385–386,
387–388
- Трипп, Бренда Мюриэль Говард
2: 226
- Трифонов Николай Алексеевич
2: 350
- Трифонов Юрий Валентинович
1: 40; 2: 54, 421
- Трифорова (урожд. Кетлинская)
Тамара Казимировна 1: 65;
2: 109, 110
- Троицкий Александр
Александрович 2: 110
- Тронская (первонач. Троцкая;
урожд. Гурфинкель) Мария
Лазаревна 2: 560
- Тронский Иосиф Моисеевич
2: 512
- Тропкина Надежда Евгеньевна
2: 450
- Трофимов Павел Сергеевич 2: 403
- Троцкий (Бронштейн) Лев
(Лейба) Давидович 1: 62, 77, 99;
2: 17, 51, 68, 134, 137, 156, 170,
226, 346, 565
- Трубецкой (Нольден) Юрий
Павлович 1: 157; 2: 118, 121,
227, 246–247, 251, 275, 463, 499
- Трубецкой Андрей Владимирович
2: 44
- Трубников (псевд. А. Трофимов)
Александр Александрович
2: 344
- Тряпкин Николай Иванович 1: 52
- Тубельский Леонид Давидович
(братья Тур) 2: 31
- Тугендхольд Яков Александрович
2: 591
- Тукалевский Владимир
Николаевич 2: 316
- Туманова Зоя Александровна
2: 85, 574
- Туманский Василий Иванович
2: 336
- Туманян Ованес Тадевосович
2: 297
- Тумповская Маргарита
Марьяновна 2: 201
- Туполев Андрей Николаевич 2: 15
- Тургенев Александр Иванович
2: 128
- Тургенев Иван Сергеевич 1: 127;
2: 586
- Турков Андрей Михайлович 2: 10,
41, 54, 76–77, 150, 338, 373, 542
- Туровой Нина 2: 25
- Турчинский Лев Михайлович
2: 38, 114, 178, 274, 490, 602, 616,
623
- Тутенберг, Бруно 2: 497
- Тушин 2: 136
- Тушнова Вероника Михайловна
1: 40–41, 53, 422; 2: 55
- Тхоржевский Иван Иванович
2: 352
- Тцара, Тристан 2: 493
- Тынянов Юрий Николаевич
(Насонович) 1: 51, 257, 320, 366;
2: 57, 137, 156–157, 176, 228, 347,
399, 485
- Тышлер Александр Григорьевич
1: 280, 282; 2: 112, 183, 264, 373,
394, 411
- Тэль (Тель) 1: 481
- Тэсс (Сосюра) Татьяна
Николаевна 1: 336; 2: 458–459
- Тэффи (Бучинская) Надежда
Александровна 1: 158; 2: 296,
325, 359, 421, 498
- Тюричев Тихон Васильевич 1: 40;
2: 54
- Тютчев Федор Иванович 1: 70,
122, 163, 232, 250, 265; 2: 20–22,
137, 169, 222, 336, 352, 356, 371,
501, 511, 518
- Узилевский Арон Натанович
2: 110
- Уйгун (Рахматулла Атакузиев)
1: 41

- Уильямс Алан Морей **1**: 237, 248, **251**, 252, 450; **2**: 341
- Уичер (Уиттер) Джон Гринлиф **2**: 547
- Украинка Леся (Косач-Квитка Лариса Петровна) **2**: 332
- Улицкая Людмила Евгеньевна **2**: 623
- Ульман Михаил Иосифович **1**: 327, 336; **2**: 460
- Унбегаун Борис Отокар Генрихович **1**: 442; **2**: 567, **568**
- Унгаретти, Джузеппе **1**: 408
- Уоллес, Джо **1**: 225–226; **2**: 331
- Урбан Адольф Адольфович **1**: 375–377; **2**: 354, 432, **492**
- Урин Виктор Аркадьевич **1**: 41; **2**: 512
- Усиевич Григорий Александрович **2**: 72
- Усиевич Елена Феликсовна **1**: 46–47, 63; **2**: **72**, 75, 78
- Усов Дмитрий Сергеевич **2**: **410**, 548–549
- Успенский Лев Васильевич **1**: 122; **2**: 203
- Устинов Андрей Борисович **2**: 284, 623
- Утесов (Вайсбейн) Леонид Осипович **1**: 45
- Уткин Иосиф Павлович **2**: 177, 211
- Уточкин Сергей Исаевич **2**: 506
- Ушаков Николай Николаевич **1**: 52, 350; **2**: 338
- Уэллс (Уэльс) Герберт **2**: 505, 590
- Уэльбек, Мишель **2**: 458
- Фаворский Владимир Андреевич **1**: 65; **2**: **111**, 112
- Фаддей **1**: 306
- Фадеев Александр Александрович **1**: 48–49, 54, 63, **73**, 112, 233, 252–253, 494; **2**: 15–16, 22, 24, **26**, 37, 39, 68, 77, 82, 87, 98, **115**, **124**, 251–252, 347, 408, 493, 502–503, **611**
- Файман Григорий Самуилович **2**: 61, 155
- Файнберг Давид Людвигович **2**: 372, 457
- Фальк Роберт Рафаилович **1**: **282**; **2**: **394**
- Фарджен, Аннабел **2**: 593
- Фаст, Говард **2**: 42
- Фатов Николай Николаевич **2**: 80
- Фаттах (Фаттахов) Тимур Азизович **2**: **56**
- Фаттах (Фаттахова) Лютфи **2**: 56
- Фатхуллина Римма Романовна **2**: 175
- Фауст **1**: 53, 176, **177**; **2**: 268–269, 343, 410, 437, 501
- Федецкий, Земовит **2**: **142**
- Федин Константин Александрович **1**: 23, 49, 52, 65, 82, 99–101, **106**, 169, 273, 335–336, 420–421; **2**: 44, 110, 135, 176, 338, 347, **457**, 523
- Федоров Андрей Венедиктович **1**: 187; **2**: 280
- Федоров Вадим Дмитриевич **2**: 524
- Федоров Василий Дмитриевич **1**: 191; **2**: 284
- Федоров Николай Федорович **2**: 401
- Федотов Георгий Петрович **2**: 70
- Федотова Гликерия Николаевна **2**: 203
- Федра **1**: 323, 329, **330–331**; **2**: 454
- Федя **2**: 511
- Федякин Сергей Романович **2**: 298
- Фейгин Григорий Герасимович **2**: 83, 594
- Фейнберг (Фейнберг-Самойлов) Илья Львович **2**: 417
- Фелипе, Леон **2**: 528
- Феллини, Федерико **1**: 334; **2**: 400, 452
- Фельзен, Юрий (Фрейденштейн Николай Бернгардович) **2**: 32, 192, 371
- Феникс **1**: 115; **2**: 9, 189, 224, 313

- Фердинанд Филипп, герцог Орлеанский **1**: 72
- Феррари Елена Константиновна (Голубовская Ольга Федоровна) **2**: 443, **444**
- Фесей **1**: 330
- Фет (Шеншин) Афанасий Афанасьевич **1**: 80; **2**: 21, 132, 134, 147, 162, 518
- Фефер Ицик (Исаак Соломонович) **2**: 160
- Фигурнова Марина Викторовна **2**: 520, 531
- Фигурнова Ольга Сергеевна **2**: 6, 520, 531
- Филатов Владимир Петрович **2**: 15
- Филиппо Эдуардо де **2**: 452
- Филиппов (Филистинский) Борис Андреевич **1**: 260, 268, 418, 432, 439, 469, 489–490, 495; **2**: 11, 34, 134, 189, 350, 364, 366, 471–472, 545, 552, 558, **563**, 565, **566**, 608, 615
- Филиппов Герман Васильевич **2**: 61
- Филипченко Иван Гурьевич **2**: 269
- Филонов Павел Николаевич **2**: 399
- Философов Димитрий Владимирович **2**: 501
- Финкельштейн Лина Самойловна **2**: 133
- Финогенов А. **2**: 275
- Фирс **2**: 382
- Фирсов Владимир Иванович **2**: 347
- Фиш Геннадий Семенович **2**: **491**, 518, 535
- Флейшман Лазарь Соломонович **1**: 14; **2**: 175, 193, 379, 444, 593, 604, 623
- Флобер, Гюстав **1**: 224, **343**; **2**: 464
- Фогельсон Виктор Сергеевич **1**: 382; **2**: **416**
- Фогельсон Соломон Борисович **2**: 254
- Фойер, Катрин **1**: 351, 404
- Фойер, Льюис С. **2**: 473
- Фолкнер, Уильям Катберт **1**: 154; **2**: 242–243
- Фоломин Федор Петрович **1**: 49; **2**: 76
- Фома (псевдоним) **2**: 204
- Фомин Валерий Иванович **2**: 456
- Фондаминский Илья Исидорович (псевд. Бунаков) **2**: 32
- Фоогд-Стоянова Татьяна Филипповна **2**: 184, 409
- Форг, Пьер **2**: 462
- Форд, Роберт Артур Дуглас **2**: 406
- Форш (урожд. Комарова) Ольга Дмитриевна **1**: 25; **2**: 24, 136, 418, 473, 571
- Фофанов Константин Михайлович **2**: 363
- Фохт Николай Вячеславович **2**: 493
- Фрадкин Виктор Александрович **2**: 101
- Фрадкина Сарра Яковлевна **2**: 436
- Фрай, Роджер Элиот **1**: 208
- Франк Виктор Семенович **1**: 424, 440; **2**: 120, 122, 170, 365, 434, 542, 551, 553
- Франк Семен Людвигович **2**: 503
- Франко Иван Яковлевич **1**: 497
- Франческа да Римини **1**: 393
- Фрезинский Борис Яковлевич **2**: 129–130, 133, 157, 250, 348, 378, 403, 609, 612, 623
- Фрейд, Зигмунд **1**: 392; **2**: **73**, 74, 623
- Фрейденберг Ольга Михайловна **2**: 571
- Фрейдин Григорий Монусович **2**: 623
- Фрейдин Юрий Львович **2**: 623
- Френкель Илья Львович **2**: 85
- Френо, Андре **1**: 408
- Фрид Самуил Борисович **2**: 204
- Фрид Яков Владимирович **2**: 403
- Фрисланда, Виктор Эмануэл ван **2**: 522

- Фроман (Фракман) Михаил Александрович **1:** 101, 103; **2:** 173–174
- Фрост, Роберт Ли **1:** **267**, 307; **2:** 536
- Фурманов Дмитрий Андреевич **1:** 37; **2:** 347
- Фурцева Екатерина Алексеевна **1:** 63, 161, 419; **2:** **253**, 537
- Хаек, Иржи **1:** 334
- Хазин Александр Абрамович **1:** 476; **2:** 104, 602
- Халбан, Алина см. Берлин, Алина Элизабет Ивонна
- Ханан Владимир (Бабинский Ханан Иосифович) **2:** 287
- Ханцин Иза Давидовна **2:** 267
- Харди, Хенри Роберт Дагдейл **2:** 623
- Харкинс Уильям Эдвард **1:** **152**; **2:** 237
- Хармс (Ювачев) Даниил Иванович **2:** 82, 115, 267, 457, 562
- Хватов Александр Иванович **2:** 288
- Хелемский Яков Айзикович **2:** 199, 278, 490
- Хемингуэй, Эрнест Миллер **1:** 154, 303, 399, 493; **2:** 88, 177, 243, 372, 397, 452, **521**
- Хинкис Виктор Александрович **1:** 213
- Хлебников Велимир (Виктор Владимирович) **1:** 92, 155, 244, 326–327; **2:** 84, **98–100**, 111, 133, 171, 192, 252, 299, 371, 522
- Хмельницкая Тамара Юрьевна **1:** 343; **2:** 265
- Ходасевич Анна Ивановна **2:** 165, 299
- Ходасевич (урожд. Рыбакова) Анна Ивановна **2:** 165
- Ходасевич Валентина Михайловна **2:** 259, 447
- Холин Игорь Сергеевич **1:** 357; **2:** 477
- Холмс Оливер Венделл **2:** 547
- Холопов Георгий Константинович **2:** 477, 532
- Храпченко Михаил Борисович **1:** 64; **2:** 108, 232
- Хрусталева Иван Васильевич **1:** 200
- Хрусталева Ольга Октябрьевна **2:** 496
- Хрущев Никита Сергеевич **1:** 60–62, 74, 113, 142, 167, 175, 200, 233, 243, 246, 275, 278, **281**, 282, 285, 294, 311, 314, **315**, 327, 333, 344, 362, 365, 374, 379, 397, 416, 425, 469, 491; **2:** 7, 70, 193, **197**, 198, 209, 227, 252, 255, 267, 270, 287, 295, 377–378, 383, 385, **391**, 393–394, **407**, **411**, 412, 428, 435, 450, 452, 456, 479, 492, 515, 540, 615
- Хьюз, Роберт **2:** 165
- Хренков Дмитрий Терентьевич **1:** 381; **2:** 155, 187, 228, 288, 346, 467, 474, 585
- Ходасевич Владислав Фелицианович (Гулливер) **1:** 17, 101–102, 155, 232, 254, 366; **2:** 50, 93, 109, 120–121, 159, **165**, 174, 269–270, 295, 299, 302, 317, 491, 533, 561
- Харджиев Николай Иванович **1:** 34, **123**, 194; **2:** 61, 99, 111, 163, 396, 507
- Хазан Владимир Ильич **2:** 9, 247, 467, 480, 622
- Хейт, Аманда **1:** 372–373, 444, 448, 463, 465, 470; **2:** 10, 401, 492–493, 503, 575, 595
- Хетагуров Коста Леванович **2:** 47
- Цадкин Осип (Иосель-Шмуйла) Аронович **2:** 554
- Цанев, Стефан **2:** 482
- Царев Михаил Иванович **2:** 139

- Царенкова Екатерина Михайловна **2**: 86, 350
- Царица Савская **1**: 124
- Царукаев Александр Ибрагимович **2**: 255
- Цветаева Анастасия Ивановна **2**: 439
- Цветаева Марина Ивановна **1**: 5, 51, 55, 75, 88–89, **92–93**, 101, **102**, 112, 140, 145, 155, 161, 171–172, 179, 232, 243, **244–245**, 246, 273, 326–327, 340, 345–346, **347–348**, 371, 384, 415, 464, 470, 478; **2**: 19, 54, 81, 109, 129–130, 145, 147, 201, 229, 244, 251–252, 262, **263**, 287–288, 303, 321, 332, 346–347, 374, 401, 409–410, 419, 436, 464, **465–467**, **469**, 507–508, 531, 547, 560–562, 564, 572, 583, **587**, 595, 609
- Цветеремиш Пьетро Антонио **2**: 368
- Цетков Валентин Федорович **2**: 623
- Цветков Василий Иванович **2**: 480
- Целков Олег Николаевич **1**: 283; **2**: 397
- Цензор Дмитрий Михайлович **2**: 53
- Церетели Григорий Филимонович **2**: 448
- Цеткин, Клара **2**: 507
- Цецилия **1**: 124
- Цивьян Татьяна Владимировна **1**: 12; **2**: 8, 99, 405, 425, 453–454, 622
- Цивьян Юрий Гаврилович **2**: 622
- Ципельзон Эммануил Филиппович **2**: 79
- Цирель-Спринсон Соломон Давидович **1**: 273; **2**: 181
- Цирцея **2**: 207
- Цыбин Владимир Дмитриевич **2**: 537
- Цявловская (Зенгер) Татьяна Григорьевна **2**: 334, **432**, 433
- Цявловский Мстислав Александрович **2**: 433
- Чагин Петр Иванович **2**: 181
- Чайковская Ольга Георгиевна **2**: 473–474
- Чайковский Петр Ильич **2**: 617
- Чаковский Александр Борисович **1**: 402, 423; **2**: **237**, 479, 518
- Чалмаев Виктор Андреевич **2**: 429
- Чалсма Хоуард Уиллиам **1**: 425, 465; **2**: 543, 552
- Чапаев Василий Иванович **1**: 37; **2**: 391
- Чапкина Мария Яковлевна **2**: 325
- Чаплин Чарльз Спенсер **1**: 178, 446; **2**: **399–400**, 573, 602
- Чапский (Гуттен-Чапский) Юзеф **1**: 89, 196, 463; **2**: 28, 141, 289, **290**, 548, 566, **567**, 588, 594
- Чаренц (Согомонян), Егише **1**: 20, 52; **2**: 82, 159
- Чепуров Анатолий Николаевич **2**: 142
- Червинская Лидия Давыдовна **2**: **329–330**
- Червинская Наталья Михайловна **2**: 623
- Черевко Кирилл Евгеньевич **2**: 45
- Черепов Геннадий Михайлович **2**: **424**, 425
- Чернавина Татьяна Васильевна **2**: 74
- Черненко Константин Устинович **2**: 535
- Черноброва Сусанна Яковлевна **2**: 623
- Чернова Елена Борисовна **2**: 499
- Чернова-Андреева О., см. Андреева-Чернова Ольга Викторовна
- Черноземов Тихон Кириллович **2**: 346
- Черномор **1**: 326
- Черноуцан Игорь Сергеевич **1**: 246; **2**: 141, 143, 198, 453, 456, 540

- Черный Константин Михайлович
2: 122, 453
- Черный Саша (Гликберг
Александр Михайлович) 1: 210,
384; 2: 111, 291, 294, 497, **498**
- Черных Вадим Алексеевич 2: 5, 8,
11, 258, 369
- Чернышевский Николай
Гаврилович 1: 26; 2: 92, 123
- Чернявский Николай (Колау)
Андреевич 2: 25
- Черняк Иван 2: 486
- Черняк Яков Захарович 2: 22–23,
28
- Чертков Леонид Натанович
2: **178**
- Черток Семен (Шимон)
Маркович 2: 29
- Черчилль Уинстон Леонард
Спенсер 1: 64, 443; 2: 569
- Чесанова Татьяна Федоровна
2: 113
- Честертон Гилберт Кит 2: 453
- Четвериков Дмитрий (Борис
Дмитриевич) 2: 543
- Чехов Антон Павлович 1: 25, 155,
158, 256, 267, 302, 376, 446; 2: 46,
63, 189–190, 329, 472, 500, 558,
562, 582
- Чехов Михаил Александрович
2: 225
- Чивилихин Анатолий
Тимофеевич 2: 228, 527
- Чивилихин Владимир Алексеевич
2: 541
- Чидсон Наталья Васильевна 2: 46
- Чижевский Димитрий Иванович
2: 363
- Чингисхан 2: 584
- Чириков Евгений Николаевич
1: 237
- Чирков Юрий Иванович 2: 102
- Чичибабин (Полушин) Борис
Алексеевич 2: 451
- Чичиков Павел Иванович 2: 42
- Чишко Олесь Семенович 1: 36;
2: 51
- Чкалов Валерий Иванович 2: 29
- Чомбе Моиз Капенда 1: 403;
2: 523–524
- Чубарь Влас Яковлевич 1: 493
- Чугуев (Чугунов) Владимир
Тихонович 2: 557, 567
- Чудаков Александр Павлович
2: 167
- Чудаков Герасим, см. Тиняков
Александр Иванович
- Чудакова Мариэтта Омаровна
2: 31, 114, 139, 167, 335, 551, 622
- Чудовский Валериан Адольфович
1: **455**; 2: 441, 447, 585–586
- Чуев Феликс Иванович 1: 493;
2: 615
- Чуковская Елена Цезаревна 2: 16,
623
- Чуковская Лидия Корнеевна
1: 45, 63, 78, 209, 223, 372, 433,
468, 477, 495; 2: **8**, 67, 113, 170,
176, 289, 296, 312, 338, 341, 361,
377–378, 436, 473, 480, 493, 499,
502, 508, 535, 537, 595, 599
- Чуковский Корней Иванович
(Корнейчуков Николай
Васильевич) 1: 49, 117, 210, 266,
275, 289, 295, 320, 349, 375, 384,
395, 469; 2: 10, 29, 51, **67**, 77, 88,
108, 110, 120, 124, 176, 188, 192,
205, 210, 232, 256–257, 302, 310,
312, 316, 319, 321, 326, 328, 331,
335, 337–338, 341, **366**, 378–379,
380, 383, 388, 412, 414, 447, 470–
471, 488–489, 498, 502, 516–517,
519, 531, 535, 537, 540, 562, 572,
575, 591
- Чуковский Николай Корнеевич
1: 29, 110, 273, 401–402; 2: 181
- Чулков Георгий Иванович 2: 72,
185, 201, **202**, 313, 605
- Чулкова (Степанова) Надежда
Григорьевна 2: 202, 227, 334, 353
- Чупринин Сергей Иванович 2: 18,
21
- Чухонцев Олег Григорьевич
1: 365; 2: 309, 623

- Чухрай Григорий Наумович
1: 333; 2: 367, 452, 456
- Шагал (урожд. Розенфельд) Белла
2: 402
- Шагал Марк Захарович 1: 189,
285–286; 2: 398, 399, 402, 403
- Шагал-Рапопорт Ида Марковна
2: 402
- Шагинян Елена Викторовна 2: 71
- Шагинян Мариэтта Сергеевна
1: 45, 46, 47, 160; 2: 16, 26, 44, 67,
70–72, 74, 75, 107, 197, 355, 440
- Шаламов Варлам Тихонович
1: 155, 431; 2: 44, 91, 333, 385, 420,
616
- Шаляпин Федор Иванович 1: 33,
446; 2: 95–96, 462
- Шальман Евгений Самойлович
2: 517
- Шамурин Евгений Иванович
1: 177; 2: 269
- Шапиро Элла Моисеевна 2: 607
- Шапорин Василий Юрьевич
2: 409
- Шапорина Л.В., см. Яковлева-
Шапорина Любовь Васильевна
- Шапух П 1: 199; 2: 297
- Шапченко Николай
Владимирович 2: 428
- Шарбонье, Жорж 2: 401
- Шахерзада 1: 196
- Шахнович Эмма Георгиевна
2: 518
- Шаховская Зинаида Алексеевна
2: 128, 287, 333, 495, 577
- Шаховской Дмитрий Алексеевич
(Иоанн Сан-Францисский)
2: 274, 495
- Шварц Дина Морицевна 2: 398,
609
- Шварц Евгений Львович 1: 108,
275, 487; 2: 10, 49, 65, 502, 532,
553
- Шварцбанд Самуил Моисеевич
2: 492, 623
- Швецова Людмила Клеменьевна
2: 481
- Шевелева Екатерина Васильевна
1: 41; 2: 18, 57, 397
- Шевеленко Ирина Даниэлевна
2: 263, 508, 587, 623
- Шевелов Виктор Макарович 2: 75
- Шевцов Иван Михайлович 2: 18
- Шевцова Людмила Клеменьевна
2: 546
- Шевырев Степан Петрович 2: 252
- Шекспир, Уильям 1: 69, 77, 116,
312–313, 319, 350, 437, 443; 2: 20,
78, 221, 286, 438, 545, 568
- Шелепин Александр Николаевич
1: 281, 291, 469; 2: 81, 391, 407
- Шенгели (Манухина; урожд.
Лукина) Нина Леонтьевна
1: 372; 2: 195
- Шенгели Георгий Аркадьевич
2: 45, 195, 365, 578
- Шенталинский Виталий
Александрович 2: 158, 354
- Шенье Андре Мари де 2: 449
- Шепилов Дмитрий Трофимович
2: 198, 406
- Шервинская Анна Сергеевна
1: 372; 2: 39
- Шервинский Сергей Васильевич
1: 234, 372; 2: 38–39, 465, 521
- Шереметевы 2: 125, 217
- Шерон, Жорж 2: 100, 319, 386,
388, 465, 574
- Шершеневич Вадим Габриелевич
1: 95
- Шестов (Шварцман) Лев (Иегуда-
Лейб) Исаакович 2: 434
- Шефнер Вадим Сергеевич 1: 409;
2: 228, 327, 527, 532, 575
- Шилейко Вольдемар
Казимирович 1: 215, 218, 221,
261, 313–314, 318, 356, 398–399,
414; 2: 41, 205, 231, 267, 367, 446,
484, 521, 522
- Шиллер Иоганн Кристоф
Фридрих 1: 313; 2: 454

- Шилов Константин Владимирович **2**: 432–433
 Шилов Лев Алексеевич **2**: 38, 431, 488, 493, 575
 Шилов Леонид Александрович **2**: 395
 Шимборска, Вислава **2**: 142
 Шинский А. **2**: 52
 Шитов Александр Павлович **2**: 54
 Шкапская Мария Михайловна **2**: 71, 499, 570–571
 Шкерин Михаил Романович **2**: 28
 Шкловская Варвара Викторовна **1**: 379, 399
 Шкловская-Корди Василиса Георгиевна **1**: 379, 399; **2**: 520
 Шкловский Виктор Борисович **1**: 112, 257, 264, **399**; **2**: 108, 118, 240, 370, 414, 427, 441, 444, 452, 457, 518, **519–520**, 523, 535
 Шкловский Иосиф Самуилович **1**: 247; **2**: 351
 Школьник Иосиф Соломонович **1**: 282; **2**: 395
 Шкуб **2**: 71
 Шляпентох Дмитрий Владимирович **2**: 347
 Шнейдерман Эдуард Моисеевич **2**: 176, 181, 474, 513
 Шоломова Софья Богдановна **2**: 363
 Шолохов Михаил Александрович **1**: 224, 390, 418–419, 469, 474; **2**: 26, 30, 88, 106, 287, 347, 366, **535**, 540, 576
 Шопен Фредерик Франсуа **2**: 141, 283, 425, 433
 Шор Татьяна Кузьминична **2**: 193
 Шостакович Дмитрий Дмитриевич **1**: **292**, 293–294; **2**: 39, 43, 83, 491
 Шпет Ленора Густавовна **2**: 343, 557
 Штайнер, Джордж, см. Steiner George
 Штейн Ида Борисовна **2**: 623
 Штейн Сергей Владимирович фон **2**: 192–193, 448
 Штейнберг Аркадий Акимович **1**: 474; **2**: 601
 Штемпель Наталья Евгеньевна **1**: 295; **2**: 412
 Штеренберг Давид Петрович **1**: 282
 Штильман, Леон **1**: 428; **2**: 543
 Шток Исидор Владимирович **2**: 340, 611
 Шуб Эсфирь Ильинична **2**: 82–83
 Шуберт Франц Петер **2**: 283
 Шукман, Гарольд **1**: 442
 Шукшин Василий Макарович **2**: 141
 Шульженко Клавдия Ивановна **2**: 112
 Шульц-младший Сергей Сергеевич **2**: 345
 Шуман, Роберт **2**: 178
 Шумахер Петр Васильевич **2**: 285
 Шумихин Сергей Викторович **2**: 5, 23, 118, 141
 Шухардина Евдокия Ивановна **2**: 351
 Шухов Иван Денисович **1**: 293, 305, 386–387, 455, 488, 494; **2**: 384–385, 397, 427, 532
 Шюзевиля, Жан **2**: 509–510
 Щеглов Алексей Валентинович **2**: 10, 459, 528, 595
 Щеголев Павел Елисеевич **2**: 71, 156–157, 165–166
 Щеголев Павел Павлович **2**: 353
 Щеголева (урожд. Богуславская) Валентина Андреевна **1**: 248; **2**: 71, 103, **353**
 Щёкин-Кротова Ангелина Васильевна **2**: 394
 Щепкина-Куперник Татьяна Львовна **2**: 437
 Щербаков Александр Сергеевич **1**: 294; **2**: 84, 616
 Щербина Владимир Романович **1**: 145; **2**: 149, 232, **233**

- Щербина Татьяна Георгиевна
2: 232, 458
- Щербинина Ольга Григорьевна
2: 405
- Щипачев Степан Петрович 1: 53,
192; 2: 86–87, 106, 108, 287, **388**,
414, 597
- Эвентов Исаак Станиславович
2: 17, 503
- Эвклид 2: 63
- Эвридика 1: 127, 241; 2: 205
- Эггелинг, Вольфрам 2: 456
- Эдельштейн Михаил Юрьевич
2: 175
- Эдип 2: 73
- Эйдельман Натан Яковлевич
2: 91, 124, 143, 186, 391, 540
- Эйдельман Юлия Моисеевна
2: 91, 124, 143, 186, 391, 540
- Эйзенштейн Сергей Михайлович
2: 461
- Эйснер, Павел 2: 429
- Эйфель Александр Гюстав 2: 399
- Эйхенбаум Борис Михайлович
1: 14, 18, 100–102, 108; 2: 17,
59, 103, 106, 121, 130, 153, 166,
167–169, 170, 207, **233**, 321, 369,
407, 445, 485, 515, 528
- Эйхлер Генрих (Андрей)
Леопольдович 2: 562
- Экстер (урожд. Григорович)
Александра Александровна
1: 282; 2: 162, 170, 507
- Элиот Томас Стернз 1: 118,
442–443; 2: 124, 182, 364, 372,
399, 523
- Эллис (Кобылинский Лев
Львович) 2: 279–280
- Элюар, Поль 1: 211; 2: 310
- Эльдар-Рубашова (Хайтина,
Дарел) Сильва 2: 575
- Эльзон Михаил Давыдович 2: 510
- Элькан Анна Морисовна 2: 313
- Эльсберг (Шапириштейн-Лерс)
Яков Ефимович 2: 232, 380
- Эльснер Владимир Юрьевич
1: 393; 2: **506**, 507
- Эльяшевич Аркадий Павлович
2: 210
- Энгельгардт Анна Николаевна
2: 571
- Энгельке Александр
Александрович 1: 101; 2: 161
- Энден Лев Александрович
(Людвигович) 1: 464; 2: 595
- Эней 1: 80; 2: 134
- Энценсбергер (Алигер) Мария
Александровна 2: 493
- Энценсбергер Ганс Магнус 2: **458**,
459
- Эрдман Николай Робертович
1: 113; 2: 46–47, 150, 611
- Эредиа Жозе-Мария 2: 333–334
- Эренбург (Козинцева) Любовь
Михайловна 1: 101–102, 182;
2: 170, 325
- Эренбург Илья Григорьевич 1: 49,
51, 54, 72, 75, 93, 99, 101–102,
112, 178, 182, 295, 315, 344, 357,
432; 2: 30, 44, 51, 61–62, 99–100,
117, **123**, **129**, 130, 147, 154, 170,
182, 188, 250, 270–272, 275, **288**,
289, 298, 317, 334, 347, 394, 398,
403, **412**, 450, 482, 502, 535, 542,
550, 609
- Эрик Лилия Николаевна 1: 243;
2: 346
- Эристов (Сидамон-Эристов)
Георгий Арчилович
(Захарьевич) 2: 140
- Эрлих Арон Исаевич 2: 46
- Эрлих Виктор Генрихович 1: 348
- Эрлих Вольф Израилевич 1: 84
- Эрнст Сергей Ростиславович
2: 579
- Эрос 1: 188
- Эрот 1: 330
- Эсмеральда 2: 511
- Эткинд Ефим Григорьевич 2: 10–
11, 45, 140, 144, 148, 166, 202,
224, 266, 302, 362, 371, 420, 506,
535, 537, **548**, 598, 611

- Эфрон Ариадна Сергеевна **1:** 102;
2: 227, 243, 275, 535
- Эфрон Сергей Яковлевич **1:** 102
- Эфрос Абрам Маркович **2:** 134,
418
- Юдин Павел Федорович **1:** 52
- Юдина Мария Вениаминовна
1: 293; **2:** 15, 376, **409**, 410, 535,
600
- Юзмухаметов Ришат
Нургалиевич **2:** 575
- Юнгрен (Тищенко) Анна
Михайловна **2:** 623
- Юнгрен, Магнус **1:** 415; **2:** 366,
623
- Юнгер Вольдемар Александрович
2: 496
- Юнгер Елена Владимировна
2: 496
- Юргин Олег Владимирович **2:** 187
- Юренева (Шадуурская) Вера
Леонидовна **2:** 149
- Юркун (Юркунас) Юрий (Осип)
Иванович **1:** 99–101; **2:** **164**, 181,
447
- Юрьев Юрий Михайлович
2: 203–204
- Яблокова-Белинкова Наталья
Александровна **2:** 5, 25, 411
- Ягода Генрих Григорьевич (Енох
Гершенович) **1:** 61–62, 291;
2: **101**, 102
- Ягода Гершон Фишелевич **2:** 102
- Ядин, Игаэль **2:** 619–620
- Языков Николай Михайлович
1: 223; **2:** 330
- Якобсон Анатолий
Александрович **2:** **419**, 535
- Якобсон Григорий Рафаилович
2: 408
- Якобсон Роман Осипович **1:** 98,
179; **2:** 167, 272–273, **274**, 544
- Яковлев (Хольцман) Борис
Владимирович **2:** 614
- Яковлев Александр Николаевич
2: 562
- Яковлев Александр Сергеевич
2: 503
- Яковлев Николай Васильевич
2: 269
- Яковлева Любовь Анатольевна
2: 607
- Яковлева-Шапорина (урожд.
Яковлева) Любовь Васильевна
2: 10, 26, 36–37, 48, 64–65, 81,
88–89, 102, 124, 161, 178, 181,
207, 209, 271, 337, 377, 409, 450
- Яконовский Евгений Михайлович
1: 220; **2:** 320
- Якубович Дмитрий Петрович
2: 441
- Ямпольский Борис Самойлович
2: 384
- Янгиров Рашит Марванович
2: 274, 284, 349, 503
- Яновский Василий Семенович
2: 19
- Яновский Николай Николаевич
2: 82
- Янская Ирина Сауловна **2:** 514,
623
- Ярила **2:** 90
- Ярмуш Михаил Юрьевич **1:** 13
- Ясенский Бруно Яковлевич **1:** 112;
2: 186, 562
- Ясинский Иероним Иеронимович
2: 513
- Яхонтов Владимир Николаевич
2: 290
- Яшвили Паоло Джибраэлович
1: 295; **2:** **431**
- Яшин (Попов) Александр
Яковлевич **1:** 52
- Alexeyeva, Ludmilla **2:** 486
- Alsop, Joseph **2:** 224
- Amert, Susan **2:** 120
- Amis, Kingsley **2:** 569
- Anderson, Charles **2:** 547
- Arseniew, Nicolas von **2:** 313
- Ashajew, Wassili **1:** 58

- Assejew, Nikolai **1**: 58
 Bakonsky, Anatol **2**: 256
 Barabtarlo, Gennady **2**: 329
 Bashan, Mikola **1**: 57
 Baudelaire, Charles **2**: 279
 Bayley, John **2**: 569
 Beethoven, Ludwig van **2**: 497
 Bek, Alexander **1**: 57
 Ben, Philippe **2**: 399
 Benno, Peter **2**: 347
 Berberova, Nina **2**: 259, 333, 596
 Bergholz (Berggol'ts), Olga **2**: 245, 553
 Berlin, Isahiah **2**: 128, 615
 Beyer, Thomas R. **2**: 571
 Blair, Katherine Hunter **2**: 575
 Blake, Patricia **2**: 226
 Blok, Alexander **2**: 543
 Blot, Jean **2**: 411, 577
 Boer, S.P. de **2**: 534
 Boffa, Giuseppe **2**: 84
 Boltho v. Hohenbach, Alessandro **2**: 553
 Bongard, Willi **2**: 505
 Bowra, Cecil Maurice **2**: 572
 Braun, Roman **2**: 533
 Brjusov, Valery **2**: 450
 Brown, Archie **2**: 598
 Brown, Clarens **2**: 365
 Carlisle, Olga **2**: 259
 Carol, Any **2**: 167
 Chagall, Marc **2**: **399**
 Chalsma (Tjalsma), William **2**: 402, 543
 Charents, Eghishe **2**: 82
 Chesterton, Gilbert Keith **2**: 453
 Chuzeville, Jean **2**: 509
 Clifton, Daniel **2**: 90
 Cocteau, Jean **2**: 400
 Connoly, Cyril **2**: 342
 Cook, Albert **2**: 122
 Cornford, Frances Crofts **2**: 570
 Cournos, John **2**: 505
 Craft, Robert **2**: 375, 377
 Crankshaw, Edward **2**: 198
 Crone, Anna Lisa **2**: 82, 122
 Crowley, Edward L. **2**: 347
 Davies, Leslie Dorfman **2**: 415, 464
 Day, Jennifer **2**: 122
 De Sola Pinto, Vivian **2**: 341
 Deutsh, Babette **2**: 365
 Dewhirst, Martin **2**: 598
 Dickinson, Emily **2**: **547**
 Dmitrevski, Vladimir **2**: 288, 480
 Dobson, Miriam **2**: 104
 Döring Johanna Renate **2**: 212
 Driessen, E.J. **2**: 534
 Driver, Sam Norman **2**: 543
 Dunham (Sandomirsky), Vera **2**: 363, 370
 Eggeling, Wolfram **2**: 532
 Ehrenburg, Ilya **1**: 54; **2**: 123
 Eikhenbaum, Boris **2**: 167
 Eisner, Pavel **2**: 429
 Eissenstat, Bernard **2**: 486
 Endler, Adolf **2**: 97
 Enzensberger, Maria **2**: 493
 Espmark, Kjell **2**: 366, 576
 Etiemble, René **2**: 394
 Fadejew, Alexander **1**: 57–58
 Faryno, Jerzy **2**: 203
 Fedin, Konstantin **1**: 58
 Fiske, John C. **2**: 48
 Fleishman, Lazar **2**: 349
 Ford, Robert Arthur Douglas **2**: 406
 Forgues, Pierre (Jean-Jacques Marie) **2**: 49, 133, 337, 462
 Frankland, Mark **2**: 35
 Franklin, Simon **2**: 289
 Friedmann, Georges **2**: 333
 Fry, Roger **2**: 594
 Gerstenmaier, Cornelia **2**: 348
 Gibian, George **2**: 98
 Glazov, Yuri **2**: 15
 Goldberg, Anatol **2**: 123
 Goldberg, Paul **2**: 486
 Gözl Christine **2**: 225
 Gribomont, Marie **2**: 462
 Gumiliov, Nikolai (Gumilev Nicolas) **2**: 237, 578
 Hájek, Jiří **2**: 456
 Hansen-Löeve, Aage A. **2**: 349
 Harari, Manya **2**: 348
 Hardy, Henry **2**: 128

- Harkins, William **2**: 237
 Harrington, Alexandra K. **2**: 212
 Hayword, Max **2**: 347
 Henry VI **2**: 568
 Herrmann, Dagmar **2**: 268
 Hingley, Ronald **2**: 287, 569
 Hodgson, Katharine **2**: 245
 Holmes, Jennifer **2**: 128
 Ignatieff, Michael **2**: 615
 Irving, Washington **2**: 48
 Issakowski, Michail **1**: 57
 Karpovich, Michael **2**: 189
 Kaser, Michael **2**: 598
 Kassyl, Leo **1**: 57
 Katajew, Valentin **1**: 57
 Kern, Stephen **2**: 268
 Ketchian, Sonia I. **2**: 73, 82, 297, 402
 Ketlinskaja, Wera **1**: 57
 Khodasevich, Valentina **2**: 259
 Khrushchev, Nikita **2**: 84, 104, 198, 598
 Kolchinsky, Irene — см.
 Колчинская Ирина Евгеньевна
 Kopelew, Lev **2**: 268
 Korneitschuk, Alexander **1**: 57
 Kosygin, Aleksei **2**: 615
 Krasnow, Wladislaw George **2**: 486
 Kryszek, Stanislaw Henryk **560**
 Labe, Louise **1**: 483
 Lathouwers, Ton **2**: 237
 Lavrin, Janko **2**: 341
 Lebedew-Kumatsch, Vasili **1**: 57
 Lenin, Vladimir **2**: 309, 470
 Libedinski, Juri **1**: 57
 Lindsay, Richard **2**: 302
 Lipshchutz, Ida **2**: 560
 Ljunggren, Magnus **2**: 531
 Lo Gatto, Ettore **2**: 369
 Longville, Tim **2**: 570
 Lugowskoi, Wladimir **1**: 57
 Lukonin, Michail **1**: 58
 Lysohorsky, Ondra **2**: 280
 Makovskij, Serge **2**: 578
 Mallarmé, **2**: 463
 Mandelstam, Osip **2**: 237, 493
 Margolina-Khodasevich, Olga
 2: 259
 Maritain, Jacques **2**: 281
 Matthews, Elva de Pue **2**: 281
 Mauriac, Claude **2**: 275
 Mayakovsky, Vladimir **2**: 226
 McLean, Hugh **2**: 76
 Melníková-Papoušková, Naděžda
 2: 499
 Mesterton, Erik **2**: 346, 366
 Meyers, Jeffrey **2**: 568
 Meynell, Alice **1**: 483; **2**: 606
 Mickiewicz, Denis **2**: 543
 Milner-Gulland, Robert **2**: 470
 Monas, Sidney **2**: 122
 Moore, Barrington, Jr. **2**: 39
 Moore, Serena **2**: 128
 Moriac, François **2**: 558
 Mosby, Aline **2**: 428
 Moser, Charles A. **2**: 237
 Muchnik, Helen **2**: 274
 Murdoch, Iris **2**: 568
 Nabokov, Vladimir **2**: 329–330
 Naldi (Olkienickaja), Raissa **2**: 369
 Nappel'baum, Moisej **2**: 225
 Nivat, Georges **2**: 578
 Nobel, Alfred **1**: 266; **2**: 224, 366, 576
 O'Bell, Leslie **2**: 73
 Obolensky, Dmitry **2**: 568
 Otzoup, Nikolai **2**: 319
 Pallin, Volker **2**: 268
 Pary, Juliette **2**: 175
 Paustowski, Konstantin **1**: 57
 Pavček, Tone **2**: 394
 Perkins, Pamela **2**: 122
 Perwomaiski, Leonid **1**: 58
 Peters, Johanne **2**: 268
 Pipes, Richard **2**: 406
 Poggioli, Renato **2**: 536
 Poins (Ned) **2**: 568
 Polewoi, Boris **1**: 57
 Polianowsky Salaman, Esther **2**: 570
 Polonskaja, Elizaveta **2**: 415, 464
 Porzgen, Hermann **2**: 601
 Prampolini, Giacomo **2**: 246, 402
 Pross-Weerth, Heddy **2**: 491
 Przybylski, Ryszard **2**: 133, 398
 Puschkin, Aleksander **2**: 159

- Reeve (Schmidinger), Helen S.
2: 430
- Reeve, Franklin D'Olier 2: 170, 429
- Ripellino, Angelo Maria 2: 369, 548
- Rittenberg, Sergei 2: 70, 281
- Roditi, Eduard 2: 399
- Rollberg, Peter 2: 237
- Ronchey, Alberto 2: 68
- Rosenthal, Raymond 2: 68
- Rosslyn, Wendy 2: 402
- Ruge, Gerd 2: 104
- Russel, Bertrand 2: 230
- Sabbatini, Marco 2: 527
- Salisbury, Harrison Evans 2: 100,
356, 372
- Sandomirsky, Vera, *see* Dunham,
Vera
- Schaginjan, Marietta 1: 57
- Schakovskoy, Zinaide 2: 111, 128,
149
- Scherr, Barry 2: 330, 504
- Schmid, Wolf 2: 348
- Scholochow, Michail 1: 57
- Schtipatschtow, Stepan 1: 57
- Serge, Victor 2: 157–159, 175
- Serman, Ilya 2: 185
- Sinai, Isaac Robert 2: 600
- Sitwell, Edith 2: 342
- Sitwell, Osbert 2: 342
- Sitwell, Sacheverell 2: 342
- Sjomuschkin, Tichon 1: 57
- Slonimsky, Antoni 2: 141
- Smith, Mark B. 2: 125
- Smyth, Alexandra 2: 467
- Spender, Stephen 2: 569
- Stalin, Joseph 2: 15, 100, 104, 139,
356, 486, 495, 575
- Steiner, George 2: 570, 572
- Steininger, Alexander 2: 139
- Stern, Anatol 2: 11, 271, 522, 538
- Strakhovskiy, Leonid I. 2: 237
- Stravinsky, Igor 2: 375, 377
- Struve, Gleb 2: 240
- Superfin, Gabriel 2: 450
- Surkow, Alexei 1: 57
- Sutton, Denys 2: 594
- Sylvester, Richard D. 2: 259
- Talbott, Strobe 2: 128
- Tarkovsky, Arseny 2: 309
- Tatu, Michel 2: 615
- Taubman, Jane Andelman 2: 467
- Teller, Judd L. 2: 257
- Tertz, Abraham 2: 505
- Thomas, Donald Michael 2: 569
- Tidmarsh, Irena 2: 575
- Timenchik (Timenčik, Timenčiks)
Roman (Romans) 2: 344, 348, 366,
450, 471, 504
- Todess, Jevgenijs 2: 471
- Triolet, Elsa 2: 385–386
- Tsvetaeva, Marina 2: 467
- Verhaar, H.L. 2: 534
- Verheul, Kees 2: 122, 480
- Verlaine, Paul 2: 280
- Vickery, Walter N. 2: 543
- Viereck, Peter 2: 88, 377
- Vinokur, Grigorij 2: 480
- Voznesensky, Andre 2: 572
- Waugh, Evelin 2: 569
- Werth, Alexander 2: 470, 501
- Wilczkowski, Cyril 2: 35
- Wiles, Peter 2: 111
- Williams, Alan Moray 2: 341
- Wright, Judith 2: 599
- Yin, Joanna 2: 547
- Zavalishin, Viacheslav 2: 224
- Zdanov, Andrei 2: 368
- Zitrone, Léon 2: 576
- Zr. A. 2: 303
- Zubov, Valentin 2: 589–590
- Zveteremich, Pietro Antonio 2: 368

Указатель произведений

Сборники и издания

Вечер, 1912 г. — 1: 150, 163, 248–249,

254, 270, 274, 300, 307, 343, 352,
367, 389, 440, 471; 2: 16, 24, 36,
52–54, 93, 114, 118, 124, 201, 205,
252, 272, 288, 301, 324, 342, 346,
370–371, 377, 394, 401, 441, 447,
461, 487, 488, 506, 518, 521, 531,
543, 548, 561, 565, 587, 589

Четки, 1914 г. — 1: 120, 126, 159, 163,

201, 219, 231, 248–249, 254, 264,
270, 300, 320, 363, 366–368, 384,
389, 445, 459, 464, 467, 490; 2: 47,
51, 53, 55, 68, 71, 121, 140, 180, 192,
205, 215, 245, 294, 325, 341, 354,
370–371, 414, 429, 441, 446, 461,
462, 513, 521, 545, 567, 572, 578,
589, 592, 604

Белая стая, 1917 г. — 1: 159, 163, 219,

220, 249, 270, 320, 348, 364, 367,
384, 462, 467; 2: 47, 51, 60, 95, 112,
121, 174, 182, 205, 212, 325, 335,
341, 370, 441, 446

Подорожник, 1921 г. — 1: 136, 159,

215, 271, 325; 2: 61, 165, 205, 247,
298, 311, 341, 386, 492, 497, 500,
501, 563

Anno Domini MСMXXI, 1921 г. —

1: 136, 159, 163, 254, 271, 441; 2: 60,
66, 74, 180, 204, 206, 299, 313–314,
386, 519, 522, 563

Сборник 1940 г. (не издан) — 2: 25,
180

Из шести книг, 1940 г. — 1: 24, 158,

440; 2: 26, 55, 102, 176, 183, 216,
223, 338, 472, 565, 611

Избранные стихи. 1910–1946 (тираж
уничтожен) 1: 51; 2: 106

Стихотворения. 1909–1946 (тираж
изъят) 1: 153; 2: 143, 250, 517

Нечет. 1946 г. (невыхедшая книга)

2: 122, 248

Стихотворения и переводы, 1958 г. —

1: 49, 65, 114, 143–144, 153;

2: 111, 618

Стихотворения, 1961 г. — 1: 209–212,

233–235, 249, 392, 397; 2: 229, 332,
363, 472, 492, 497, 618

Бег времени, 1965 г. — 1: 298, 341,

394, 395, 425, 470, 472–473, 476,
484, 497; 2: 16, 113, 118, 122, 129,
183, 187, 361, 418, 460, 492, 527,
585, 600, 602

Поэмы

Поэма без героя, 1940–1962 гг. —

1: 11, 31, 33, 59–61, 106–108, 115,
124–125, 131, 157, 161, 179, 180–
182, 189–191, 201–204, 215, 236,
245–247, 249, 255, 269, 273–275,
294, 296, 299, 310, 316, 322, 341,
349, 351, 358, 359, 366–368, 376,
380–381, 384, 388–389, 393, 397,
431, 434, 441, 451–452, 474, 481,
492; 2: 9, 11, 20, 47, 50, 59, 83–84,
100, 114, 131, 134, 206, 251, 261,
274, 284, 298, 304, 322–323, 325,
343–344, 349–351, 387, 397, 401,
405–406, 411, 413, 420–421, 424–
425, 432, 435, 448, 450, 463, 465,
467, 469–473, 485, 488, 491, 513–
514, 519, 530, 536, 544, 550–551,
566–568, 578, 582, 597–598, 607

Путем вся земля (Китежанка),

1940 г. — 1: 235–237, 350, 360, 363,
422; 2: 219, 523

Реквием, 1935–1940 гг. — 1: 92, 118,

236, 239, 274, 283, 290, 296, 299, 350,
351, 363–364, 368, 376, 384, 386, 387,
396–397, 404, 431, 433, 438, 440–441,

- 444, 452, 454, 457, 473, 489, 494;
2: 185, 187, 224, 260, 278, 355, 362,
378, 397, 448, 471, 472-473, 493, 495,
502, 514, 524, 537, 553, 557-558, 569,
574, 578, 585
У самого моря, 1914 г. — 1: 210-211,
271, 368; 2: 59, 74, 180, 316, 395
- Переводы**
Газелла моей матери (перевод из
Егише Чаренца) — 2: 82, 159
Кто ты? (перевод из Коста
Хетагурова) — 2: 47
Перевод из Александра Тома —
2: 255-256
Перевод из Александра Царукаева —
2: 255
Перевод из Антеро де Кентала —
2: 132, 181
Перевод «Из древнеегипетских
папирусов» — 1: 423
Перевод из Д. Родари — 2: 613
Перевод из Переца Маркиша —
2: 255
Перевод из Рабиндраната Тагора —
1: 381
Рубенс П.-П. Письма. 1933 г. — 1: 79,
134; 2: 159, 267
«В алмазном зеркале...» Перевод из
Ваана Терьяна — 2: 445
Перевод из Светланы Лиловой-
Тихомировой — 2: 551-552
- Драматургия**
Энума Элиш (Пролог или сон во
сне) — 1: 341-342, 392-393, 394,
403, 417, 447-448; 2: 65, 463, 511,
536
- Статьи**
«Адольф» Бенжамена Констана в
творчестве Пушкина, 1936 г. —
1: 46; 2: 160
Амедео Модильяни 1958-1964 гг. —
1: 123-124, 127, 285, 313, 371, 403;
2: 534
Воспоминания об Александре Блоке,
1965 г. — 1: 472; 2: 600
- «Все было подвластно ему»
(К 150-летию М.Ю. Лермонтова)
1964 г. — 1: 514
«Каменный гость» Пушкина,
1947 г. — 1: 272; 2: 449
Лозинский <1965-1966> — 1: 431,
482
Листки из дневника. Воспоминания
о Манделштаме <1957-1964> —
1: 432
Последняя сказка Пушкина, 1933 г. —
1: 272, 497; 2: 159, 248, 519
Слово о Пушкине, 1961 г. — 1: 268
- Стихотворения**
«А Смоленская нынче
именинница...» 1: 116, 231; 2: 275
«А, тебе еще мало по-русски...»
1: 118
«А ты теперь тяжелый и унылый...»
2: 275
«А ты думал — я тоже такая...»
1: 211, 368; 2: 59, 115, 196, 275, 321,
485-486
«А! Это снова ты...» 2: 275
«А я говорю, вероятно, за многих...»
2: 187, 422
«А я уже стою на подступах к чему-
то...» 2: 420
Август («Он и праведный, и
лукавый...») 1: 467; 2: 599
Александр у Фив («Наверно, страшен
был и грозен юный царь...»)
1: 288; 2: 341
- Бег времени («Что войны,
что чума! — конец их виден
скорый...») 1: 5, 299
Бежецк («Там белые церкви и
звонкий, светящийся лед...») 1: 210
Без названия («Среди морозной
праздничной Москвы...») 1: 92,
350
Без названия см. Первая песенка
«Безымянная здесь могила...» 1: 186
«Бели, бели, ленинградка...» 2: 250

- Белой ночью («Ах, дверь не запирала я...») 1: 271; 2: 442
- «Беломорский канал» 2: 297
- «Бесшумно ходили по дому...» 2: 547, 570
- Борис Пастернак («Он, сам себя сравнивший с конским глазом...») 2: 159
- Бреды («Самолет приблизился к Парижу...») 1: 175
- «Будешь жить, не зная лиха...» 2: 442
- «Буду черные грядки холить...» 2: 60
- «Был он ревнивым, тревожным и нежным...» 2: 570
- В Выборге («Огромная подводная ступень...») 1: 387, 416, 438
- В Зазеркалье («Красотка очень молода...») 1: 327–331, 414, 422; 2: 453–454
- В мае («Сталинградской страды...») 1: 144
- В парке («В тени елизаветинских боскетов...») 1: 137, 431
- В пионерлагере («Как будто заблудившись в нежном лете...») 1: 140, 160, 211; 2: 213, 227
- «В последний раз мы встретились тогда...» 2: 59, 109
- В пути («Земля хотя и не родная...») 1: 83, 387–388, 416, 438
- В разбитом зеркале («Непоправимые слова...») 2: 134
- В Сочельник (24 декабря 1964) 1: 185
- В тифу «Где-то ночка молодая...» 2: 602
- «В то время я гостила на земле...» 2: 445–446, 488
- «В этой жизни я немного видела...» 2: 34
- «Вам жить, а мне не очень...» 1: 187–188
- «Ведь где-то есть простая жизнь и свет...» 2: 59, 502
- «Весенним солнцем это утро пьяно...» 2: 59
- Вечерняя комната («Я говорю сейчас словами теми...») 2: 561
- Вечером («Звенела музыка в саду...») 1: 394; 2: 109, 342, 507, 521
- «Взоры огненной огня...» 1: 319
- Вместо посвящения «По волнам блуждаю и прячусь в лесу...» 1: 344
- «Вновь Исакий в облачении...» 2: 59
- «Вновь подарен мне дремотой...» 2: 59
- Во сне («Черную и прочную разлуку...») 1: 92, 369; 2: 108
- Волга-Дон 1: 33
- Воронеж («И город весь стоит оледенелый...») 2: 148
- «Вот она, плодоносная осень!...» 1: 269
- «Вражье знамя...» 2: 28
- «Все души милых на высоких звездах...» 1: 158, 348; 2: 52, 253
- «Все мы бражники здесь, блудницы...» 1: 128; 2: 59, 166, 196
- «Все расхищено, предано, продано...» 1: 215–218; 2: 34–35, 58, 60, 180, 313–315, 572
- «Все, — кого и не звали, — в Италии...» 1: 132
- «Всей щедрости солнца не хватит...» 1: 215
- «Всех друзей моих благодарю...» 1: 171; 2: 261
- Вступление («Это было, когда улыбался...») — из поэмы «Реквием» 1: 386
- Встреча («Как будто страшной песенки...») 2: 180
- Вторая годовщина («Нет, я не выплакала их...») 2: 20, 108
- «Выбрала сама я долю...» 2: 180
- «Вы меня, как убитого зверя...» 1: 26
- «Высоко в небе облачко серело...» 1: 319; 2: 441–442, 461
- «Высокомерьем дух твой помрачен...» 1: 462

- «Герб небес изогнутый и древний...»
2: 527
- Говорят дети («В садах впервые
загорелись маки...») 1: 140, 212,
271; 2: 303, 309–310
- «Годовщину последнюю
празднуй...» 2: 296
- Голос памяти («Что ты видишь,
тускло на стену смотря...») 2: 59,
180
- Городу Пушкина («О, горе мне! Они
тебя сожгли...») 1: 114, 159, 258;
2: 64, 186
- «...горчайшей смерти чашу...»
1: 214
- Гости («...ты пьян...») 1: 53; 2: 85
- Гость («Все как раньше: в окна
столовой...») 2: 342, 589–590
- «Да, я любила их, те сборища
ночные...» 1: 249; 2: 109, 318
- Данте («Он и после смерти не
вернулся...») 2: 220
- 21 декабря 1949 года («Пусть миру
этот день запомнится навеки...»)
1: 32; 2: 32
- «Дверь полуоткрыта...» 1: 452;
2: 460, 580
- Двустипшие («От других мне хвала —
что зола...») 1: 119
- 9 декабря 1913 («Самые темные дни в
году...») 1: 187, 236; 2: 288
- «Для суда и для стражи незрима...»
1: 434
- «Для того ль тебя носила...» 2: 58,
60, 189–190
- «Долго шел через поля и села...»
2: 180
- Дорожная, или Голос из темноты
(«Кто чего боится...») 1: 64;
2: 250
- «Дострадать до огня над могилой...»
2: 297
- «Древний город словно вымер...»
2: 605
- Другая песенка («Как сияло там и
пело...») 1: 365; 2: 309
- «Дьявол не выдал. Мне все
удалось...» 2: 404
- «Думали: нищие мы, нету у нас
ничего...» 1: 163
- «Если б все, кто помощи
душевной...» 1: 303; 2: 601
- «Если бы тогда шальная пуля...»
2: 450
- «Если плещется лунная жуть...»
1: 431
- «Есть в близости людей заветная
черта...» 1: 250, 271; 2: 162, 342,
355
- «Есть три эпохи у воспоминаний...»
1: 66, 68, 70, 113; 2: 113, 117, 118,
120
- Еще об этом лете. Отрывок («И
требовала, чтоб кусты...») 1: 238
- «Ждала его напрасно много лет...»
2: 115, 180, 501
- «За меня не будете в ответе...» 1: 268
- «За озером луна остановилась...»
2: 115
- «За плечом, где горит
семисвечник...» 1: 342
- «За столетия ты спрятавшись,
кричишь...» 1: 189; 2: 283
- «За такую скоморошину...» 1: 169
- «За то, что я грех прославляла...»
1: 481–482
- «Забудут? — вот чем удивили...»
1: 115
- «Запад клеветал и сам же верил...»
1: 261, 264–265
- «Зачем притворяешься ты...» 2: 220
- «Здесь все то же, то же, что и
прежде...» 1: 280
- Защитникам Сталина («Это те, кто
кричали: “Варавву!..”») 1: 276
- «Здравствуй! Легкий шелест
слышишь...» 2: 218
- «Здравствуй, Питер! Плохо,
старый...» 2: 527–528
- «Земная слава как дым...» 2: 342

- «Земной отрадой сердца не томи...»
2: 164, 180
- «Знаешь сам, что не стану славить...»
2: 227
- «Знаю, знаю — снова лыжи...»
1: 163; 2: 254
- Зов («В которую-то из сонат...»)
2: 496
- «И анютиных глазок стая...» 1: 239;
2: 343
- «И в памяти черной, пошарив,
найдешь...» 1: 159, 222, 224, 228,
231
- «И он орлиными очами...» 2: 241
- «И возникает мой сонет...» 2: 244
- «И вот одна осталась я...» 2: 463
- «И вот, наперекор тому...» 2: 171
- «И женщина с зеркальными
глазами...» 1: 476
- «И как всегда бывает в дни
разрыва...» 2: 312
- «И когда друг друга проклинали...»
2: 324
- «И меня по ошибке пленило...»
1: 214–215, 218
- «И над этой недоброй забавою...»
1: 116
- «И не дослушаю впотьмах...» 1: 501
- «И никогда здесь не наступит
утро...» 1: 475
- «И отнять у них невозможно...»
1: 186
- «И очертанья “Фауста” вдали...»
1: 176
- И последнее («Была над нами, как
звезда над морем...») 1: 332; 2: 456
- «И снова осень валит
Тамерланом...» 1: 197, 199
- «И сердце то уже не
отзовется...» — 1: 92
- «И увидел месяц лукавый...» 2: 54
- «И юностью манит, и славу сулит...»
2: 467
- Ива («А я росла в узорной
тишине...») 2: 23, 30, 148, 222, 296
- Из «Дневника путешествия»
(«Светает. Это Страшный суд...»)
1: 380, 438
- [Из забытого] («Ах! — где те
острова...») 2: 101
- Из первой тетради («И когда друг
друга проклинали...») 2: 324
- Из Седьмой Северной элегии
(«... А я молчу — я тридцать лет
молчу...») 1: 134–136, 140–141
- Из цикла «Cinque» («Истевают
звуки в эфире...») 1: 160, 318, 332,
337, 367
- Из цикла «Ташкентские страницы»
(«В ту ночь мы сошли друг от друга
с ума...») 1: 194–196, 416
- Измена («Не оттого, что зеркало
разбилось...») 2: 54, 180
- Имя (А.А.А.) («Татарское,
дремучее...») 1: 263; 2: 601
- Июль 1914 — 1: 210; 2: 354, 429
- К смерти («Ты все равно придешь. —
Зачем же не теперь?..») — из
поэмы «Реквием» 2: 260–261
- К стихам («Вы так вели по
бездорожью...») 1: 300; 2: 601
- «Как долг праздник новогодний...»
2: 589–590
- «Как путь мой бел, как путь мой
ровен...» 2: 580
- Кавказское («Здесь Пушкина
изгнание началось...») 2: 221
- «Как невеста получаю каждый вечер
по письму...» 1: 439
- «Как ни стремилась к Пальмире я...»
2: 357
- «Как слепоглухонемая...» 1: 125
- «Как соломинкой, пьешь мою
душу...» 1: 455
- «Как страшно изменилось тело...»
2: 180
- «Какая есть. Желаю вам другую...»
1: 317, 429; 2: 250, 332, 545
- Клеопатра («Уже целовала Антония
мертвые губы...») 2: 221, 606

- Клятва («И та, что сегодня
прощается с милым...») 1: 255, 271
«Когда в тоске самоубийства...»
1: 271; 2: 386, 434
«Когда о горькой гибели моей...»
1: 130
«Кого когда-то называли люди...»
1: 284–285, 289, 324–325; 2: 403,
405
Колыбельная («Далеко в лесу
огромном...») 1: 78
Комаровские кроки см. Нас четверо
«Кое-как удалось разлучиться...»
2: 321
Конец Демона («Словно Врубель
наш вдохновенный...») 1: 236–
237; 2: 340
«Кто тебя мучил такого...» 1: 475;
2: 436
- Ленинград в марте 1941 («Cadran
solaire на Меншиковом доме...») 2: 109
Летний сад («Я к розам хочу, в тот
единственный сад...») 1: 170–171,
191–192; 2: 258–260, 285
Летний сонет см. Приморский сонет
Лирические отступления Седьмой
элегии («А у присяжных то же
изумлень...») 1: 140
Лирическое отступление («Я его
приняла случайно...») 2: 324
Лишняя («Тешил — ужас. Грела —
вьюга...») 1: 456
Лотова жена («И праведник шел за
посланником Бога...») 1: 69, 140,
431; 2: 215, 220–221, 485
«Лучше б мне частушки задорно
вызывать...» 2: 95
- Майский снег («Прозрачная ложится
пелена...») 1: 22; 2: 20, 218
«Мальчик сказал мне: “Как это
больно!”...» 2: 342
Мартовская элегия («Прошлогодних
сокровищ моих...») 1: 193, 219
- Маяковский в 1913 году («Я тебя в
твоей не знала славе...») 1: 158,
249; 2: 148, 219, 227
Мелхола («И отрок играет безумцу
царю...») 1: 236
«Меня влекут дороги
Подмосковья...» 1: 81
«Меня покинул в новолунье...»
2: 442
«Меня, как реку...» 1: 334, 358,
360–361; 2: 481
«Мне голос был. Он звал утешно...»
1: 94, 250, 255; 2: 206, 433, 505
«Мне ни к чему одические рати...»
1: 236, 301–303; 2: 312, 354, 421–
422
«Мне с тобою пьяным весело...»
2: 442, 460
Многим («Я — голос ваш, жар
вашего дыханья...») 2: 263
«Многое еще, наверно, хочет...»
2: 100, 404
«Мой городок игрушечный
сожгли...», см. Городу Пушкина
Молитва («Дай мне горькие годы
недуга...») 2: 180, 429
«Молюсь оконному лучу...» 1: 264–
265; 2: 324
«Муж хлестал меня узорчатым...»
1: 452; 2: 443
Мужество («Мы знаем, что ныне
лежит на весах...») 1: 92, 138,
150, 165, 250, 271, 423; 2: 33–34,
109–110, 123, 179, 227
Муза («Как и жить мне с этой
обузой...») 1: 223, 229–230
Муза («Когда я ночью жаду ее
прихода...») 1: 64, 431; 2: 32, 87,
106, 220, 227, 332
Музе («Муза-сестра заглянула в
лицо...») 2: 115, 180, 443
«Муза ушла по дороге...» 2: 32, 220
Музыка («В ней что-то чудотворное
горит...») 1: 156–157; 2: 245
«Мурка, не ходи, там сыч...» 2: 497
Мэцэлли («Мы по ошибке встретили
Год...») 1: 447

- «На разведенном мосту...» 2: 602
 «На руке его много блестящих
 колец...» 1: 442; 2: 567
 «На шее мелких четок ряд...» 2: 59
 «Над черною бездною с тобою я
 шла...» 1: 325; 2: 449
 Надпись на книге («Почти от
 залетейской тени...») 2: 445
 Надпись на книге «Подорожник»
 («Совсем не тот таинственный
 художник...») 2: 61, 368
 Надпись на неоконченном портрете
 («О, не вздыхайте обо мне...») 2: 138
 Надпись на портрете («Дымное
 исчадьё полнолуныя...») 1: 58;
 2: 324
 Надпись на поэме «Триптих»
 («И ты ко мне вернулась
 знаменитой...») 1: 299, 358–359;
 2: 480
 «Нам встречи нет. Мы в разных
 станах...» 2: 31, 314
 «Нам свежесть слов и чувства
 простоту...» 2: 96, 502
 «Напрягаю голос и слух...» 2: 191
 Наступление («Славно начато
 славное дело...») 1: 423; 2: 24,
 34–35, 64
 Нас четверо («... И отступилась я
 здесь от всего...») 1: 93, 245, 344–
 345; 2: 348, 464
 Наследница («Казалось мне, что
 песня спета...») 1: 261; 2: 434
 «Настоящую нежность не
 спутаешь...» 2: 51, 342
 «Наше священное ремесло...» 2: 357
 Наяву («И время прочь, и
 пространство прочь...») 1: 92;
 2: 108
 «Не будем пить из одного стакана...»
 1: 182
 «Не бывать тебе в живых...» 2: 410
 «Не лирою влюбленного...» 2: 601
 «Не в таинственную беседку...»
 2: 191
 «Не дышали мы сонными маками...»
 1: 116; 2: 191, 490
- [«Не замочишь панталон»] 2: 297
 «Не мудрено, что похоронным
 звоном...» 1: 144, 382
 «Не напрасно я носила...» 1: 448
 «Не оттого ль, уйдя от легкости
 проклятой...» 1: 482
 «Не повторяй — душа твоя
 богата...» 1: 81
 «Не с теми я, кто бросил землю...»
 1: 30, 222, 271; 2: 181, 322, 482
 «Не страшай меня грозной
 судьбой...» 1: 178, 193
 «Не то чтобы тебя ищу...» 1: 123
 «Небо мелкий дождик сеет...»
 1: 210; 2: 469
 «Небывалая осень построила купол
 высокий...» 2: 219
 Немного географии («Не столицей
 европейской...») 2: 27
 «Неправда, не медный, неправда, не
 звон...» 1: 183
 «Нет, царевич, я не та...» 2: 180
 «Нет, и не под чуждым
 небосводом...» — из поэмы
 «Реквием» 1: 71, 457, 473; 2: 216
 «Нет, это не я, это кто-то другой
 страдает...» — из поэмы
 «Реквием» 1: 92; 2: 250
 «Ни в лодке, ни в телеге...» 1: 210;
 2: 426
 «Ни розою ветров, ни флейтой
 Пана...» 1: 234
 «Но кто подумать мог, что шестьдесят
 четвертый...» 1: 400
 «Но я предупреждаю вас...» 2: 602
 Новогодняя баллада («И месяц,
 скучая в облачной мгле...») 1: 69,
 140, 342; 2: 215
 Ночное посещение («Не на
 листопадовом асфальте...») 1: 339–341, 393; 2: 445
 Ночью («Стоит на небе месяц, чуть
 живой...») 2: 314
- «О своем я уже не заплачу...» 1: 274,
 285; 2: 20, 187
 «О, есть неповторимые слова...»
 2: 164, 180

- «О нет, я не тебя любила...» **2:** 275, 572
- О. Мандельштаму («О, как пряно дыханье гвоздики...») **1:** 127, 197; **2:** 197, 324
- «Обыкновенным было это утро...» **1:** 342
- «Один идет прямым путем...» **1:** 301; **2:** 250, 296, 418
- «Одни глядят в ласковые взоры...» **2:** 116
- Он любил... («Он любил три вещи на свете...») **2:** 344
- «Опять подошли “незабвенные даты”...» **2:** 383
- «Опять поминальный приблизился час...» — из поэмы «Реквием» **1:** 457–458, 473
- Освобожденная («Чистый ветер ели колышет...») **2:** 146
- «Особенных претензий не имею...» **2:** 100
- «Оставь нас с музыкой вдвоем...» **2:** 336
- «От тебя я сердце скрыла...» **2:** 217
- «От этих антивстреч...» **2:** 129
- Отрывок из дружеского послания
«Пора забыть верблюжий этот гам...» **1:** 92
- Памяти 19 июля 1914 («Мы на сто лет состарились, и это...») **2:** 51
- Памяти Александра Блока («Он прав — опять фонарь, аптека...») **1:** 159; **2:** 108, 180, 332, 334–335
- Памяти Анты («...Пусть это даже из другого цикла...») **1:** 173–174, 498
- Памяти друга («И в День Победы, нежный и туманный...») **2:** 50, 249
- Памяти В.С. Срезневской **1:** 416
- Памяти Пильняка («Все это разгадаешь ты один...») **1:** 197; **2:** 291, 512
- «Память о солнце в сердце слабеет...» **2:** 252
- Первое возвращение («На землю саван тягостный возложен...») **2:** 296
- Первая песенка («Таинственной невстречи...») **1:** 92
- Первое предупреждение («Какое нам, в сущности, дело...») **1:** 320, 322, 324; **2:** 448
- Первый дальний бой в Ленинграде («И в пестрой суете людской...») **1:** 271, 423; **2:** 227, 311
- «Первый луч — благословенье Бога...» **1:** 265
- Песенка («Я на солнечном восходе...») **1:** 271; **2:** 180
- Песня мира («Качаясь на волнах эфира...») **1:** 140, 251, 255, 271
- Песня о песне («Она сначала обожжет...») **1:** 271
- Песня последней встречи («Так беспомощно грудь холодела...») **1:** 270; **2:** 19, 137, 329, 460–461
- Петербург в 1913 году («За заставой воеет шарманка...») **1:** 416; **2:** 312
- Петроград 1919. («И мы забыли навсегда...») **2:** 299–300
- «Пива светлого наварено...» **1:** 118; **2:** 192
- «Пленник чужой! Мне чужого не надо...» **2:** 342
- «По той дороге, где Донской...» **1:** 81, 157, 174
- «По твердому гребню сугроба...» **2:** 180
- Побег («Нам бы только до взморья добраться...») **1:** 452
- «Победа у наших стоит дверей...» **1:** 159, 255; **2:** 24, 32–33
- Победителям («Сзади Нарвские были ворота...») **2:** 24, 34, 64, 355
- Под Коломной («...Где на четырех высоких лапах...») **2:** 109, 296
- Поджигателям («И чем грозите вы?...») **2:** 240–241
- «Подошла. Я волнения не выдал...» **2:** 461
- Подражание армянскому («Я приснось тебе черной овцою...») **1:** 198
- Подражание Кафке («Другие уведят любимых...») **2:** 399, 502

- «Подушка уже горяча...» **2**: 181
- Поздний ответ («Невидимка, двойник, пересмешник...») **1**: 345–346, 348; **2**: 465
- «Пока не свалюсь под забором...» **2**: 321
- «Показать бы тебе, насмешнице...» — из поэмы «Реквием» **2**: 355
- «Полно мне леденеть от страха...» **1**: 447, 474
- Полночные стихи («Все в Москве пропитано стихами...») **1**: 311, 321, 344, 363, 367–368, 393, 414–415; **2**: 450, 464
- Портрет автора в молодости («Он не траурный, он не мрачный...») **2**: 295
- Посвящение («Перед этим горем гнутся горы...») — из поэмы «Реквием» — **1**: 457
- Посвящение цикла «Шиповник цветет» («Вместо праздничного поздравленья...») **1**: 177, 185; **2**: 308
- Последнее возвращение («День шел за днем — и то и се...») **2**: 87, 109
- Последнее стихотворение («Одно, словно кем-то встревоженный гром...») **1**: 211; **2**: 289
- Последний тост («Я пью за разоренный дом...») **1**: 301, 431; **2**: 180, 250, 421
- Последняя («Услаждала бредами...») **1**: 362, 456; **2**: 480
- Последняя роза («Мне с Морозовою класть поклоны...») **1**: 283–284, 307; **2**: 16, 259, 397, 432, 551–552
- Послесловие см. В пионерлагере
- «Постучи кулачком — я открою...» **1**: 137
- «Почернел, искривился бревенчатый мост...» **1**: 387; **2**: 344, 581
- Почти в альбом («Услышишь гром и вспомнишь обо мне...») **1**: 240; **2**: 185
- Поэт («Подумаешь, тоже работа...») **1**: 171; **2**: 261
- Предвесенняя элегия («Меж сосен метель присмирела...») **1**: 311, 313, 317–318, 324, 341; 344; **2**: 440–441
- Предсказание («Видел я тот венец златокованный...») **1**: 325, 393–394; **2**: 449
- Предыстория («Россия Достоевского. Луна...») **2**: 246, 288
- При непосылке поэмы («Приморские порывы ветра...») **1**: 322, 358
- «Привольем пахнет дикий мед...» **1**: 422; **2**: 601
- Приговор («И упало каменное слово...») — из поэмы «Реквием» **1**: 160, 364; **2**: 181, 394, 471–472
- «Приду туда, и отлетит томленья...» **1**: 256
- Приморский парк Победы («Еще недавно плоская коса...») **1**: 140, 160, 251; **2**: 112, 227, 309
- Приморский сонет («Здесь все меня переживет...») **1**: 156, 161, 165; **2**: 244
- Про стихи Нарбута («Это — выжимки бессонниц...») **1**: 197
- «Проводила друга до передней...» **2**: 109
- Прогулка («Перо задело о верх экипажа...») **2**: 341
- «Проплывают льдины, звеня...» **2**: 342
- «Простишь ли мне эти ноябрьские дни...» **2**: 549
- «Протертый коврик под иконой...» **1**: 395; **2**: 513
- «Прошло пять лет, — и залечила раны...» **1**: 165; **2**: 42, 227, 309
- «Пускай австралийка меж нами незримая сядет...» **1**: 470; **2**: 599
- «Пускай огонь сигнальный не горит» **1**: 144
- «Пусть голоса органа снова грянут...» **1**: 163; **2**: 51, 314
- «Пусть кто-то еще отдыхает на юге...» (Эпиога) **1**: 92; **2**: 246
- «Путник милый, ты далече...» **2**: 321, 572

- «Путь мой предсказан одною из карт...» 1: 331; 2: 438
- Пятая роза («Звалась Soleil ты или Чайной...») 1: 232; 2: 336
- Р.С.Ф.С.Р. («Первая среди равных...») 1: 32
- Распятие
1. «Хор ангелов великий час восславил...» 2: 250
 2. «Магдалина билась и рыдала...» 1: 429; 2: 122, 248
- Рахиль («И встретил Иаков в долине Рахиль...») 2: 217
- Родная земля («В заветных ладанках...») 1: 307–310; 2: 187, 429–433
- С самолета («На сотни верст, на сотни миль...») 1: 150, 159, 250; 2: 333
- «Сама Нужда смирилась наконец...» 2: 600
- Северные элегии. Четвертая («Так вот он, тот осенний пейзаж...») 1: 258
- «Семнадцать месяцев кричу...» — из поэмы «Реквием» 1: 457; 2: 557
- Сероглазый король («Слава тебе, безысходная боль!...») 1: 149, 270; 2: 19, 95, 187, 414
- «Сжала руки под темной вуалью...» 2: 55, 218, 518
- «Сказал, что у меня соперниц нет...» 1: 163; 2: 100, 275
- Сказка о черном кольце («Мне от бабушки-татарки...») 1: 110; 2: 55, 557
- «Сколько просьб у любимой всегда!» 2: 442
- Скорость («Бедствие это не знает предела...») 1: 176
- «Слаб голос мой, но воля не слабеет...» 2: 85, 180, 405
- Слава миру 1: 31, 210, 423; 2: 24, 31, 41, 50, 63, 69, 76, 237, 254, 303
- Слушая пение («Женский голос, как ветер, несется...») 2: 337
- «Слышишь, ветер поет блаженный...» 2: 340
- Смерть Софокла («На дом Софокла в ночь слетел с небес орел...») 2: 324
- «Смирив души неукротимый ропот...» 2: 297
- «Смуглый отрок бродил по аллеям...» 1: 383
- Смятение 2: 342
1. «Было душно от жгучего света...»
 2. «Не любишь, не хочешь смотреть?...» 2: 275, 593
 3. «Как велит простая учтивость...» 2: 51, 175, 241
- «Со дня Купальницы-Аграфены...» 2: 180
- Сожженная тетрадь («Уже красуется на книжной полке...») 1: 92, 235; 2: 134, 271, 303, 308, 383
- Сон («Был вещим этот сон или не вещим...») 1: 92, 156–157, 174; 2: 132
- Сонет («Приди, как хочешь...») 1: 484; 2: 607
- Сонет-Эпилог («Не пугайся, — я еще похожей...») 1: 285, 367
- «Сослужу тебе верную службу...» 1: 210
- Сосны («Не здороваются, не рады!...») 2: 277
- «Спокоен ход простых суровых дней...» 1: 482
- Стансы («Стрелецкая луна. Замоскворечье. Ночь...») 1: 60, 198
- «Столько просьб у любимой всегда!» 2: 486
- «Столько раз я проклинала...» 2: 180
- «Страх, во тьме перебирая вещи...» 2: 314
- «Судьба ли так моя переменялась...» 2: 404
- «Так в ночи огромной, беззвездной...» 2: 480
- «Так не зря мы вместе бедовали...» 1: 236; 2: 341, 361, 495, 584

- «Так отлетают темные души...»
2: 250
- «Твой белый дом и тихий сад
оставлю...» 1: 212; 2: 311
- Творчество («Бывает так: какая-то
истоста...») 2: 217
- «Тебе, Афродита, слагаю танец...»
1: 330
- Тень («Всегда нарядней всех, всех
розовей и выше...») 1: 223–224,
226, 228; 2: 250, 326, 332
- «Теперь никто не станет слушать
песен...» 2: 205
- «Течет река неспешно по долине...»
1: 210, 212; 2: 151, 59, 311
- «Тихо летящий тихий Дон...» — из
поэмы «Реквием» 2: 296, 471–472,
557
- «То лествью новогоднего сонета...»
2: 544
- «То змейкой, свернувшись
клубком...» 2: 546
- «Тополевой пушинке я б встречу
устроила здесь...» 1: 320
- «Тот голос, с тишиной великой
споря...» 2: 59
- «Тот город, мной любимый с
детства...» 1: 341; 2: 166
- Третий Зачатьевский («Переулочек,
переул...») 1: 58, 363, 422; 2: 248,
250
- «Третью весну встречаю вдали...»
2: 357
- «Три раза пытать приходила...»
1: 338
- Тринадцать строчек («И наконец ты
слово произнес...») 1: 337–338,
344; 2: 440, 460, 504
- «Ты всегда таинственный и
новый...» 2: 206, 572
- «Ты — отступник за остров
зеленый...» — 1: 271; 2: 206
- «Ты выдумал меня. Такой на свете
нет...» 1: 92, 178, 185; 2: 134
- «Ты знаешь, я томлюсь в неволе...»
2: 219, 355, 443
- «Ты любила меня и жалела...» 1: 172
- «Ты мог бы мне сниться и реже...»
2: 467
- «Ты напрасно мне под ноги
мечешь...» 1: 117; 2: 192
- «Ты не хотел меня такой...» 1: 320
- «Ты опоздал на много лет...» 2: 572
- «Ты смертною не можешь сделать
душу...» 1: 307
- «Ты, Азия, родина родин...» 1: 60
- «Тяжела ты любовная память!...»
2: 34, 51
- «У города того нет от меня
секретов...» 1: 490; 2: 610
- «У меня есть улыбка одна...» 1: 105;
2: 342
- «Уводили тебя на рассвете...» — из
поэмы «Реквием» 2: 472
- Уединение («Так много камней
брошено в меня...») 2: 32, 220
- Утешение («Вестей от него не
получишь больше...») 2: 429
- Учитель («А тот, кого учителем
считаю...») 1: 137, 258
- Хозяйка («В этой горнице
колдунья...») 1: 258; 2: 586
- «Хорони, хорони меня, ветер!...» —
1: 231, 270; 2: 180
- «Хорошо здесь: и шелест и хруст...»
2: 21
- «Хорошо поют синицы...» 2: 335
- Царскосельская ода. Девятисотые
годы («Настоящую оду...») 1: 285,
310; 2: 258, 402, 434–435
- Царскосельская статуя («Уже
кленовые листья...») 2: 190
- Царскосельские строки («Пятым
действием драмы...») 1: 358–359
- Через много лет. Последнее слово
 («Ты стихи мои требуешь
прямо...») 1: 365
- «Чем хуже этот век
предшествующих? Разве...» 2: 58,
60, 572

- «Чернеет дорога приморского сада...» 1: 394; 2: 95, 460–461
- Читатель («Не должен быть очень несчастным...») 1: 172–173, 178; 2: 260, 263, 296
- Читая «Гамлета» («У кладбища направо пылила пустырь...») 2: 499
- «Что делать мне? Они тебя сожгли...», см. Городу Пушкина
- «Что нам разлука? — Лихая забава...» 1: 184–185
- «Что ты бродишь неприкаянный...» 2: 56
- «Чугунная ограда...» 2: 533
- «Широк и желт вечерний свет...» 2: 572
- «Широко распахнуты ворота...» 2: 355
- «Шутки — шутками, а сорок...» 1: 200
- «Щели в саду вырыты...» 1: 114, 271, 423; 2: 50
- Эпиграмма («Могла ли Биче словно Дант творить...») 1: 119, 223, 229; 2: 193, 332
- Эпиграф к циклу «Шиповник цветет» («Несказанные речи...») 2: 308
- Эпические мотивы 1: 322
- «Это и не старо и не ново...» 1: 175
- «Это просто, это ясно...» 2: 204
- Эхо («В прошлое давно пути закрыты...») 2: 324, 383
- Юность («Мои молодые руки...») 2: 54
- «Я давно не верю в телефоны...» 1: 185–186
- «Я знаю, с места не сдвинуться...» 2: 16
- «Я над ними склонюсь, как над чашей...» 1: 126, 130; 2: 601
- «Я написала слова...» 2: 59
- «Я научилась просто, мудро жить...» 1: 209
- «Я не знаю, ты жив или умер...» 2: 568
- «Я не любила с давних дней...» 1: 449; 2: 249
- «Я пришла к поэту в гости...» 1: 271; 2: 118, 332
- «Я пришла сюда, бездельница...» 1: 307; 2: 429
- «Я с тобой не стану пить вино...» 2: 538
- «Я с тобой, мой ангел, не лукавил...» 1: 325; 2: 450
- «Я сошла с ума, о мальчик странный...» 1: 455; 2: 585
- «Я там иду, где ничего не надо...» 1: 474–475
- «Я так молилась: “Утоли...”» 2: 180
- «Я улыбаться перестала...» 2: 432
- Явление луны («Из перламутра и агата...») 1: 153; 2: 242
- De profundis! «Мое поколение...» 1: 417
- In memoriam («А вы, мои друзья последнего призыва!...») 1: 164, 423; 2: 32, 87, 100, 154, 589–590
- Interieur («Когда лежит луна ломтем чарджуйской дыни...») 1: 162; 2: 40
- Nox. Статуя «Ночь» в Летнем саду («Ноченька!...») 2: 133

Оглавление

Предисловие ко 2-му, расширенному изданию

8

От автора перед первым изданием

15

Первая глава. 1956

21

Вторая глава. 1957–1958

97

Третья глава. 1959–1960

147

Четвертая глава. 1961–1962

207

Пятая глава. 1963

279

Шестая глава. 1964–1965

355

Седьмая глава. 1965–1966

435

Краткое послесловие

503

Послесловие ко 2-му изданию

504

Именной указатель

507

Указатель произведений

577

Роман Тименчик

Последний поэт.
Анна Ахматова в 60-е годы.

*Издание второе,
исправленное и расширенное.*

Том I

Мосты культуры, Москва

Тел./факс: (499)241–6871

e-mail: office@gesharim-msk.ru

Gesharim, Jerusalem

Tel./fax: (972)–2–624–2527

Fax: (972)–2–624–2505

e-mail: house@gesharim.org

www.gesharim.org

Издательство «Мосты культуры»

ЛР № 030851 от 08.09.98

Формат 60 x 90 / 16

Бумага офсетная. Печать офсетная. Печ.л. 37

Подписано в печать 20.10.2014. Заказ №

Серия «Вид с горы Скопус» представляет работы израильских ученых, связанных с Еврейским университетом в Иерусалиме, написанные на разных языках и охватывающие различные отрасли гуманитарного знания — литературоведение, этнографию, искусство, историю, географию, арабистику и т.д.

Книга авторитетного исследователя биографии и творчества Ахматовой стала серьезным вкладом в изучение ахматовского наследия и в историю русской литературы XX века в целом.

Поэтические декларации, устные и печатные высказывания Ахматовой исследуются на просторном документальном фоне, составленном из ее личного архива, мемуарных свидетельств современников, значи-

тельного числа публикаций в советской, эмигрантской и иностранной периодике.

Пилотное, сокращенное издание этой книги было издано десять лет назад ограниченным тиражом и было награждено премией им. Андрея Белого и премией им. Ефима Эткинда, вызвав оживленное обсуждение в российской и зарубежной печати.

Во втором издании учтены появившиеся за истекшее десятилетие и ранее неизвестные документы и свидетельства, и недавно поступившие на архивное хранение материалы, и сообщенные читателями первого издания уточняющие и детализирующие сведения. Книга в 2-х томах значительно расширена (в полтора раза) как за счет новых текстов, так и иллюстраций.

Роман Давидович Тименчик родился в Риге в 1945 году. В 1968–1991 гг. — завлит легендарного Рижского ТЮЗа. С 1991 г. — профессор Еврейского университета в Иерусалиме. Автор около 400 работ по истории русской культуры, в том числе антологии «Петербург в поэзии русской эмиграции» (совместно с В. Хазаном, 2006), сборника статей «Что вдруг» (2008) и др.